

БИБЛИОТЕКА
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНАЯ
ПРОЗА

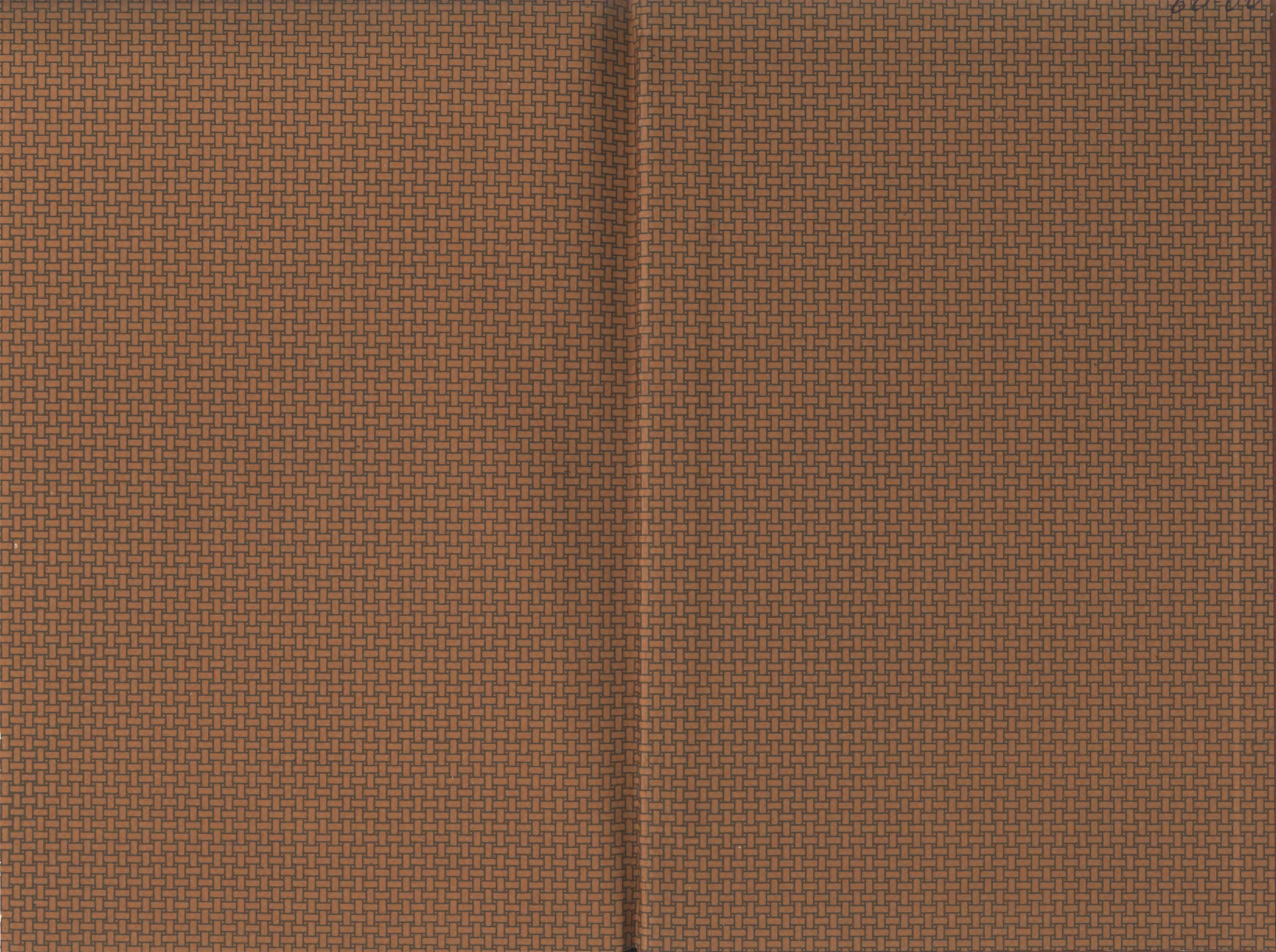
БИБЛИОТЕКА
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

НАРОДНАЯ
ПРОЗА

·СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ·

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

**НАРОДНАЯ
ПРОЗА**

БИБЛИОТЕКА

РУССКОГО

ФОЛЬКЛОРА

**НАРОДНАЯ
ПРОЗА**

МОСКВА

· СОВЕТСКАЯ

РОССИЯ ·

1992

82.3P
Н30

Составление, вступительная статья,
подготовка текстов и комментарии
С. Н. Азбелева

Составление иллюстративной части
и пояснения к иллюстрациям
Т. А. Исаченко

Оформление тома
Е. В. Бекетова

Н30 **Народная проза /** Сост., вступ. ст., подгот. тек-
стов и коммент. С. Н. Азбелева.— М.: Русская
книга, 1992.— 608 с., 24 л. ил.— (Б-ка русского фоль-
клора; Т. 12).

В книге представлены все разновидности народной несказочной прозы: предания, легенды, сказания и суеверные рассказы (бывальщины). Они повествуют о крупных событиях русской истории, о выдающихся исторических деятелях, о возникновении городов и деревень, о народных заступниках и избавителях, о происхождении животных и растений, об апокрифических персонажах и событиях. В мифологических рассказах нашла отражение традиционная крестьянская демонология — сплав в народном сознании языческих и христианских представлений о мире и человеке.

Среди иллюстраций — миниатюры из древнерусских летописей, произведения иконописи, лубочные картинки, гравюры, соотносящиеся с сюжетами и мотивами несказочной народной прозы.

82.3P

Н 4702010105 — 039 **подписное 92**
М-105(03)92
ISBN 5-268-00784-X

© Азбелев С. Н., 1992 г., составление,
вступительная статья, комментарии.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПРОЗА

Письменной истории предшествовала история устная. Все наши сведения о далеком прошлом, прежде чем они были записаны, фиксировались только памятью. Исторические знания передавались по памяти многие годы, нередко — века, иногда — тысячелетия. Устная история — это не только материал письменной истории, но и аналог ее. Многие исторические предания, бережно хранимые народной памятью, так и не отобразились на страницах исторических трудов. Существуют народы, которые и теперь еще свою историю передают в основном по памяти¹. Если такой народ погибал, исчезала и его история: некому было сохранять ее в памяти. Некоторые предания и легенды давно не существующих народов сохранились только потому, что были в свое время записаны, а записи не погибли.

Хотя устная народная проза — фактически главный исходный материал, начальный первоисточник исторических познаний каждого из нас, мы очень часто не отдаем себе в этом отчета, неясно представляем

¹ См.: Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. — М., 1989. — С. 3—32.

даже, какие существуют разновидности прозаического фольклора, кроме известных всем сказок и анекдотов.

Не все, написанное даже профессиональными писателями, входит в литературу. Аналогично обстоит дело с фольклором. Практически каждый человек причастен к устному словесному творчеству. Простейшая и наиболее массовая его форма — устный рассказ, в частности рассказ очевидца или участника тех или иных событий. Подавляющее большинство этих рассказов, будучи фактами устного словесного творчества, не приобретают общественной функции и не бытуют в отрыве от личности самого рассказчика. Но если содержание отвечает каким-то общественным запросам, рассказ отрывается от создателя его первоначального текста, живет самостоятельной жизнью, становится фактом общественного сознания. Только такие рассказы относятся к фольклору. Большинство преданий и легенд бытует главным образом среди сравнительно небольшого числа людей, проживающих в местности, с которой соотносится содержание популярной именно здесь легенды или предания (см. в особенности тексты 174—209, 329—348).

Предание — созданный устно, имеющий установку на достоверность рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Предания возникают из рассказов очевидцев или участников описываемых событий. В процессе многократной передачи из уст в уста постепенно «отсеивается» все индивидуальное: детали, представлявшиеся важными очевидцу, но мало заинтересовавшие последующих передатчиков его рассказа, личная оценка или объяснение рассказчиком тех или иных явлений, не совпадающие с мнением передатчиков рассказа, и т. п. В результате рассказ отливается в более или менее устойчивое предание. Оно сообщает сведения, представляющие интерес не для одного или нескольких людей, а для всей той общественной среды, в которой предание бытует, оно оценивает и осмысливает передаваемые факты с общественной точки зрения.

Если она долго не претерпевает изменений, то и в предании оценка этих фактов остается прежней, хотя отдельные исполнители вносят изменения в изложение. Новые общественные настроения могут существенно повлиять на судьбу предания. Если оно перестает интересовать, то постепенно исчезает из устного репертуара; может возникнуть иное отношение к фактам, о которых оно повествует, — тогда изменится оценка этих фактов в предании; может исчезнуть какая-то часть предания, оно может распасться на несколько самостоятельных произведений или, напротив, слиться с другими, при этом могут образовываться большие циклы, как, например, № 31, 89. В процессе бытования произведения может сместиться его хронология (т. е. события будут отнесены к иному времени), может произойти частичная или полная замена имен, географических названий и т. д.

Однако во всех случаях предание, если оно остается таковым, не содержит в своей основе чудесного. В этом отличие предания от легенды. Такое разграничение на первый взгляд может показаться искусственным: исполнители легенд и преданий одинаково верили в их правдивость, и то, что невозможно, исходя из современных научных представлений, считали возможным те, кто создавал легенды и предания. Доверяли действительно одинаково, но воспринимали по-разному. В легенде как раз и привлекала чудесность того, что в ней описывается.

Если, например, рассказчик повествует, как враги стреляли в героя, но не смогли попасть и он остался жив, то перед нами предание. Но если говорится, что герой спокойно подставлял себя пулям, а затем снял одежду, вытряхнул из нее пули и ушел невредимым, это уже нечто совсем иное. Хотя исполнитель и его слушатели одинаково принимают на веру как первый, так и второй рассказ, во втором случае главным является именно чудесная, сверхъестественная неуязвимость героя. И эту сверхъестественность исполнитель и слушатель прекрасно осознают.

Легенда, как и предание, — созданный устно рассказ, имеющий установку на достоверность. Но в отличие от предания основным содержанием легенды является нечто необыкновенное. Конечно, и в преданиях встречаются элементы фантастики. Однако здесь она всегда выполняет вспомогательную функцию, не составляет основы содержания. В легенде же фантастика, чудесное лежит в центре повествования, определяет обычно его структуру, систему образов и изобразительных средств (см. пространные тексты № 114, 171).

Можно ли считать предания результатом художественного творчества, относить их к сфере искусства?

Разобраться в природе творческого процесса, определить, что стоит за текстом преданий — представления или художественные образы, — довольно трудно. Исторический роман, например, очень часто отображает реальную действительность, не удаляясь существенно от достоверно установленных фактов. Однако на основе представлений об этих фактах, почерпнутых из исторической литературы, писатель создает художественные образы, и именно они (а не представления) ложатся в основу исторического романа. К чему ближе стоят предания — к историческому труду или к историческому роману? Портреты некоторых исторических лиц, фигурирующих в преданиях, особенно относящихся к глубокой древности, порой воспринимаются нами в значительной мере как художественные образы. Достаточно назвать княгиню Ольгу или Святослава Игоревича, Мстислава Тмутараканского или юношукочемяку, Рогнеду Полоцкую и ряд других героев преданий, попавших в Повесть временных лет. Можно усмотреть здесь и элементы художественной композиции в изложении событий, особенно в преда-

ниях о смерти Олега, о мести Ольги и некоторых других. Все это говорит о том, что предания в целом ошибочно было бы воспринимать, как лишенные элементов художественности.

Следует, впрочем, иметь в виду, что эта художественность ощутимо проявляется далеко не во всех преданиях, а более всего в тех немногих, которые занимают как бы промежуточное положение между собственно преданием и легендой. Но круг преданий, сохранных Повестью временных лет, несравненно шире. Русское летописание началось в конце X в. Следовательно, летописцы могли исходить из собственных наблюдений и из рассказов очевидцев только в отношении событий не древнее первой четверти этого столетия. А Повесть временных лет начинает более или менее систематическое изложение русской истории с середины IX в., сообщив перед тем ряд сведений о более глубокой древности. Часть этих известий почерпнута из византийских и других письменных источников, но другая часть — весьма значительная по объему — целиком построена на русских (а отчасти, может быть, и инославянских) преданиях и легендах. Сюда относятся повествования о древнейшем расселении славянских племен и некоторых соседних народов, об их древних обычаях, об основании Киева, о хозарской дани, о призвании варягов, о походах Олега и др. Многие из этих преданий даже в изложении Повести временных лет, очевидно сокращенном, представляют обширные тексты, где элементам художественности принадлежит скромное место.

Возникновению этих преданий не предшествовала аналитическая работа историка, результаты которой переосмыслены затем в художественных образах и подчинены эстетическому замыслу, хотя бы и отправляющемуся от реальных фактов. Научное и художественное восприятие действительности еще не расчленено. О русских древнейших преданиях позволяет судить сравнительно ограниченный материал, сохранный летописью, но можно указать на аналогичный огромный массив исландских родовых саг, дающих классические образцы больших циклов преданий, в которых, по определению М. И. Стеблина-Каменского, отражен «синкретизм исторической и художественной правды». Сага — особый вид исторического повествования: «Историческая правда еще не осознается ее авторами как нечто отличное от художественной правды». Несмотря на свою синкретичность, «родовая сага — это история, и притом исключительно правдивая»¹. Правдивость ее состоит не только в верной (в основном) передаче реальных фактов, но и в верной передаче восприятия, оценки

¹ Стеблин-Каменский М. И. Исландская родовая сага // Романо-германская филология: Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева. — Л., 1957. — С. 287—288.

и осмысления этих фактов средой, создававшей родовую сагу. Все это в равной степени можно сказать и о древнейших русских преданиях: они представляют тот же тип устного творчества. К такому повествованию относились, очевидно, с чрезвычайной ответственностью. Пока это отношение сохранялось, исключалась (или почти исключалась) возможность привнесения исполнителями собранных домыслов в фактическую основу повествования.

В современном фольклорном репертуаре нет сколько-нибудь развернутых преданий о событиях времен Киевской Руси или даже о борьбе с татарским игом, о Куликовской битве и т. п. прозаические фольклорные отзвуки той эпохи можно встретить теперь в сказках, настолько расцвеченных плодами фантазии, что трудно угадать за ними реальную основу. Даже о Разинском восстании сохранились в основном легенды, а не предания. Зато удельный вес преданий в прозаическом фольклоре о восстании Пугачева уже больше.

Но в преданиях, сильно удаленных по времени записи от событий, роль вымысла бывает очень велика. Рассказ о поединке казака Рыжечки со шведским богатырем в начале Полтавской битвы (№ 98) недостоверен уже своим анахронизмом при описании вооружения противника. Меж тем описание это играет в повествовании немаловажную роль. Казаки действительно участвовали в Полтавском сражении. Но поединком двух всадников началось знаменитое сражение на Куликовом поле — за триста с лишним лет до Полтавы (см. № 31). Наложение одних устных рассказов на другие — притом, что каждый имеет в основе истинные факты, — в итоге дало повествование недостоверное. Можно предполагать, что в формировании предания о подвиге Рыжечки участвовала и гораздо более давняя фольклорная традиция. То, что последовало за поединком Рыжечки, весьма напоминает результат поединка юноши-кожемяки с печенежским силачом (см. № 19): шведы сразу же обратились в бегство — подобно печенегам после победы русского поединщика. В действительности Полтавская битва завершилась полным разгромом шведов и бегством остатков их армии, но лишь в результате упорного и долгого сражения.

Как уже говорилось, почти исключительно по устным преданиям освещена в летописи вся ранняя история Руси — вплоть до первой половины правления Владимира Святого. С принятием христианства исторические факты постепенно начинают получать в летописи освещение, базирующееся не только на преданиях об этих фактах, но и на свидетельствах очевидцев и участников.

Сами предания, занесенные в летопись, неоднородны. Вначале это самостоятельные исторические известия, каждое из которых обычно посвящено одному какому-нибудь событию глубокой древности. Таковы, например, тексты об основании Киева тремя братьями, о хозар-

ской дани, о призвании Рюрика и т. п. Повествование в таких случаях часто не развернуто и выглядит — по крайней мере, в его изложении летописью — более или менее схематичным, а иногда явно фрагментарным (например, данные о древнейших судьбах славян). Но приблизительно с 80-х годов IX в. исторические события освещаются более или менее систематично. Повествование становится настолько подробным, что можно судить об особенностях фольклорного источника, который лег в основу летописного текста, охватывающего более ста лет — до конца X столетия. Здесь летописец пользовался, очевидно, именно той разновидностью исторических преданий, наиболее яркие образцы которой сохранили записи исландских родовых саг.

Совсем иное, чем в них, отношение к фактам и соответственно иная степень достоверности в некоторых преданиях нового и новейшего времени. Примеры можно найти и среди текстов, напечатанных в этой книге. Одно из преданий о Пугачеве (№ 154) рассказывает о явно невозможной встрече пойманного вождя крестьянского восстания с известной Салтычихой. В предании о рождении Суворова (№ 157) говорится о тайном будто бы месте рождения великого полководца, родившегося, как известно, в Москве. В другом предании (№ 97) рассказывается о встрече Суворова с Петром Великим. Иногда такие очевидные исторические несоответствия связаны с элементами чудесного, с переходом предания в легенду. Но дело не только в этом. Отношение к преданию в XIX столетии уже иное, чем в раннем средневековье. То, что некогда выполняло общественно важную функцию исторической хроники, переходит в иное качество, все более становясь уже не столько устным историческим источником, сколько занимательным рассказом об историческом лице.

Вернувшись к той части Повести временных лет, где она основана на преданиях, не найдем здесь ни одного факта, который бы противоречил показаниям источников, независимых от этой летописи. О степени правдивости ее фольклорных по происхождению повествований особенно ярко свидетельствует следующее обстоятельство. Знаменитую речь Святослава перед решающим сражением с византийским войском (см. № 14) приводит не только Повесть временных лет, но и византийский историк Лев Диакон. Содержание обоих текстов совпадает (конечно, не дословно), хотя известно, что сочинение Льва Диакона не было использовано летописцем. Если учесть, что первый русский летописный свод, к которому восходит Повесть временных лет, был, очевидно, составлен во второй половине XI в., т. е. спустя сто лет после походов Святослава, становится ясно, с какой точностью повествование передавалось устной традицией. В основанном на ней летописном тексте Святослав предстает эпическим героем без всяких элементов фантастики в его характеристике.

Вполне эпичен и фольклорный образ Ольги — при всей его конкретности. В просуществовавшем тысячу лет и донесенном не только летописью предании о том, как Ольга, крестившись, перехитрила византийского императора (№ 8), заметен налет художественного домысла. Очевидно, что крещение ее при византийском дворе было достаточно продуманным со стороны греков политическим актом. Принято считать, что в описании мести древлянам (№ 9, 10) фактическая основа осложнена так называемыми бродячими фольклорными мотивами¹. Художественный домысел здесь трудно отделим от исторической правды, и несомненно, что все рассказываемое осознавалось исполнителями и слушателями как вполне точное описание реальных событий.

Элементов чудесного вплоть до описания крещения Владимира почти нет в преданиях, сохраненных летописью; сбывающееся пророчество о смерти Олега здесь предстает как нечто обычное и естественное (см. № 6). Нет в повествовании и сюжета: события излагаются в порядке их хронологической последовательности. Композицией текста управляют реальные факты. Нет следов того, чтобы в фольклорном источнике летописи присутствовали какие-либо иные приемы композиции. Исключительную роль в повествовании играет диалог. Он составляет не менее половины всех текстов, заимствованных из преданий. Диалог служит едва ли не основным средством изображения всех тех событий, о которых сообщено подробно. Таково, например, описание мести Ольги древлянам. Именно диалог (составляющий здесь большую часть текста) несет главную смысловую нагрузку. Нет никаких пояснений побудительным мотивам действий Ольги и древлян, как и того, что произносится. Сами действия изложены (как, впрочем, и слова персонажей) максимально скупой. Трагическое событие передано как обыденное. «Авторских» оценок нет, повествование ведется в нарочито объективном, абсолютно сдержанном тоне, крайняя оскорбительность сказанного послами Ольге никак не комментируется, так же как и тайный сарказм ее ответа, раскрывающийся только в последовавших действиях. Назидательный смысл эпизода явствуется из его описания — и только. Нет и подобия сентенции, от которой не удержался бы древнерусский автор, если бы описание было составлено им самим.

Даже описание войны Святослава против Византийской империи построено преимущественно в форме диалогов. Аналогичную струк-

¹ Мотивом в фольклористике называют «простейшую повествовательную единицу». Фольклорный сюжет — это обычно совокупность ряда мотивов, иногда — результат развертывания одного мотива. Бродячие мотивы — те, которые вследствие своей занимательности или других причин переходят от одних народов к другим, из одной эпохи в другую.

туру имеют известия о походах Олега и Игоря на Константинополь, о гибели Олега, об избавлении Киева от печенегов и целый ряд других. Фактически в каждом сколько-нибудь подробном рассказе диалог занимает центральное место. Совершенно иную картину представляют в этом отношении летописные известия, восходящие к письменным источникам.

Столь же значительна и разница в языке. Риторические украшения разного рода — почти неизбежная принадлежность «агиографических» частей летописного текста¹ — совершенно чужды пересказам устных преданий. Мы видим здесь крайнюю скупость языковых средств, частое повторение одних и тех же слов, употребление самых элементарных прилагательных и союзов. Часты стереотипные фразы, а синтаксические конструкции всегда просты. Это — особенности живой разговорной речи, особенности, которые проявляются как в диалогах, так и в «авторском» изложении. Форма повествования здесь близка рассказу очевидца, хотя, как уже указывалось, повествования эти были записаны спустя сто и больше лет после отображенных ими событий.

Образы Олега, Игоря и Святослава отличаются цельностью, несвойственной многим позднейшим персонажам летописи, которым присуща, по выражению превосходного знатока древнерусской литературы И. П. Еремина, «удивительная способность перевоплощаться: они у летописца меняют свой характер, как платье,— часто несколько раз в течение своего жизненного пути; убийца и злодей может у него превратиться в святого, трус — в героя; может остаться в этом новом образе, но может и вернуться к прежнему»².

Такая «двуцветная» палитра несвойственна фольклору, и чего-либо подобного мы почти не найдем в летописных жизнеописаниях этих трех князей. Фольклорные фрагменты Повести временных лет отличает ясно видимое стилистическое единство, что уже само по себе говорит в пользу однородности привлеченного в этих фрагментах материала.

В чем истоки художественности преданий, которая улавливается эстетическим чутьем читателей? Думается, в природе самого творческого процесса. Предания возникали стихийно, на базе обычных устных рассказов. Представления их создателей об отражаемой действительности не были художественными образами: предания создавались с практическими, а не эстетическими целями. Но эти представления

¹ Агиография — жизнеописания святых; в летописях немало включений, написанных в стиле агиографической литературы, поскольку летописцы были, как правило, духовными лицами, а многие русские святые средневековья — историческими деятелями.

² Еремин И. П. Повесть временных лет. — Л., 1946. — С. 4.

отнодь не были лишены эстетического момента. Естественно, что, когда рассказчик повествует, например, о подвиге русского юноши, бесстрашно вышедшего на единоборство с печенежским великаном, он воспринимает это как возвышенное. А такое восприятие неизбежно скажется и в манере повествования, и даже в его композиции. Однако забота о полной достоверности рассказа, бережное, можно было бы сказать, «почтительное» отношение к его содержанию препятствуют сознательной «дорисовке» посредством художественного домысла или перестройке сюжета в ущерб фактам. В результате мы имеем в историческом произведении устного творчества «синкретизм исторической и художественной правды».

Один из путей возникновения легенды — превращение в нее предания. Изложение реальных фактов в процессе устной передачи рассказа дополняется плодами воображения самих рассказчиков или контаминируется с известными уже легендарными мотивами. В ходе постепенной эволюции реальная основа рассказа может быть оттеснена, видоизменившись в описание чего-то необыкновенного, сверхъестественного. В результате создается легендарный сюжет, в котором могут отобразиться даже мотивы сказочные или мифологические. Хорошим примером этого является текст № 171 (см. комментарий к нему).

Говоря о художественности легенд и преданий, следует различать две стороны этой художественности.

Когда рассказчик точно передает то, что произошло в действительности, ничего не придумывая, нельзя сказать, что он создает сюжет. В таком рассказе объективно сюжет обычно существует, но существует как отражение реальности. Если же речь идет о событии, которого в действительности не было, то, независимо от того, верит или не верит повествователь в правдивость своего рассказа, основу его составляет вымышленный сюжет. Такой рассказ — всегда художественное произведение, независимо от степени своего совершенства: нельзя создать вымышленный сюжет, не прибегнув к художественному творчеству. Если автор отдает себе отчет в том, что он рассказывает небылицу, то мы имеем дело с осознанным художественным творчеством. Если же он верит в правдивость своего рассказа, фактически вымышленного им, то процесс формирования сюжета есть процесс бессознательного художественного творчества.

Другая сторона вопроса — степень художественного совершенства рассказа, обусловленная самим его изложением. Нередко предание, основанное на фактах, будучи исполнено талантливым рассказчиком-художником, обладает значительным эстетическим воздействием вследствие того, что исполнитель сумел, ничего не придумывая от себя, мастерски изложить фактическое содержание. Таковы, например, исторические рассказы, записанные от знаменитого сказителя былин Щего-

ленка или от известных сказочников Новопольцева и Господарева (№ 99, 117, 118, 124). И наоборот: легенда, целиком основанная на вымышленном сюжете, может быть так передана неумелым рассказчиком, что интерес слушателей окажется погашен. Роль исполнительского мастерства, пожалуй, особенно велика именно для прозаического фольклора, не имеющего, в отличие от фольклора песенного, устойчивых текстов. Песня остается той же песней, независимо от того, исполняет ли ее профессиональная или случайная певица. Если последняя знает хорошо мотив и текст, обладает в достаточной мере голосом и музыкальным слухом, то эстетическое воздействие будет зависеть в первую очередь от самой песни и от того, насколько она отвечает настроению слушателей: мастерство исполнения может только усилить это воздействие.

Другое дело — сказка или анекдот. Здесь чрезвычайно важно то, как они рассказаны. Неудачно переданный анекдот, как правило, не вызовет комического эффекта, без которого само рассказывание теряет смысл. Если передать основное содержание сказки без присущих ей приемов построения рассказа, вообще без каких бы то ни было обязательных для нее изобразительных средств, то такая сказка не произведет впечатления на слушателей. Краткие анекдоты легки для буквального или почти буквального запоминания, они в гораздо меньшей степени требуют от рассказчика специальных навыков, чем исполнение сказок, объем которых, как правило, достаточно велик. Поэтому сказки, в отличие от анекдотов, в основном передаются относительно ограниченным кругом лиц, усвоивших исполнительскую традицию.

Между легендой и сказкой существует более ощутимая для исполнителя разница, чем между преданием и легендой. Сказка — это созданный устно рассказ (так же, как предание или легенда), основанный на вымысле (как и легенда), но не имеющий установки на достоверность (в отличие от легенд и преданий).

Легенды имеют несколько разновидностей. Различия их обусловлены тем, какая область народных верований лежит в основе. Наиболее распространены были так называемые *суеверные рассказы*: *бывальщины* и *былички*. В них речь идет о существах народной демонологии. Быличка — это как бы воспоминание самого рассказчика о его встрече с «нечистой силой». Суеверная бывальщина — повествование, уже «отстоявшееся» при передаче. Она соотносится с быличкой так же, как предание — с рассказом очевидца¹.

¹ См.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975. — С. 6.

К героям суеверных рассказов принадлежат широко известные лешие и во многом сходные с ними, но менее известные полевики, водяные и относящиеся в основном к их же стихии русалки; в каждом крестьянском доме — свой домовый (есть и менее известный его коллега — дворовой), к домашним духам по преимуществу относятся несколько неопределенные по своим функциям кикиморы и, наконец, четко соотносимые с соответствующими объектами банник, овинник (и его разновидность — гуменник). Есть и другие персонажи «низшей мифологии», вера в которых была менее широко распространена.

В нашем сборнике приведены образцы бывальщин почти обо всех упомянутых существах (№ 277—297). С каждым из них был связан свой комплекс верований. Знаменитый русский бытописатель С. В. Максимов еще девяносто лет назад сообщал, например, что нечистый дух, известный под именем банника, «поселяется во всякой бане за каменкой, всего же чаще под полком, на котором обычно парятся. Всему русскому люду он известен за злого недобрехота»¹. Если человек в бане угорит или запарится — это прямое следствие непочтения к баннику. Овинник (гуменник) — дух построек, предназначенных для молотбы и огневой сушки хлеба; он «хотя и считается домовым духом, но самым злым из всех: его трудно ублажить-усмирить, если он рассердится и в сердцах залютует. Тогда на овин рукой махни: ни кресты по всем углам, ни молитвы, ни икона Богоматери... не помогут»². За непочтение к нему овинник нередко предаёт мучительной смерти. Но, как и банник, оказывает содействие в гадании тем девушкам, которые, поборов страх, приходят на святки в баню или овин узнать свою судьбу в будущем замужестве.

Особую группу персонажей бывальщин и быличек составляют так называемые заложные покойники, т. е. люди, умершие преждевременно — насильственной смертью или от несчастного случая, опойцы (погибшие от пьянства), самоубийцы, а главным образом — мертвые колдуны. Все они способны вмешиваться в дела живых, причем особенно это относится к рассказам о колдунах (см. № 266—276 нашего сборника). Но повествования этой группы весьма разнообразны, а составляющие их основу мотивы по большей части известны в фольклоре многих народов. К международно распространенным сюжетам относится, например, рассказ «Жених-мертвец» (№ 275). Множество вариантов его было записано в разных странах Европы; десятки записей сделаны фольклористами у русских, украинцев, белорусов.

Самые, пожалуй, популярные герои суеверных легенд — это черти

¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — Спб., 1903. — С. 50.

² Там же. Нечистая, неведомая и крестная сила. — С. 57.

(см. № 298—310), отчасти соединившие в себе образы персонажей ада с обобщенными представлениями о духах, упомянутых выше и перешедших в разряд нечистой силы после утверждения в народном сознании христианства. (Примеры явного смешения образов черта и лешего — № 286, черта и домового — № 294.)

Связанные с сатаной колдуны и ведьмы унаследовали многое от служителей языческих культов. Жертвы их нередко становятся оборотнями. Близки к оборотням русалки: те и другие иногда только ненадолго утратили человеческое естество из-за колдовских козней или собственной неосторожности по отношению к нечистой силе. Сами ее представители могут по желанию принимать облик любого живого существа и даже неодушевленного предмета.

Как отмечал весьма проницательный исследователь фольклора П. Г. Богатырев, «персонажи русской народной сказки редко встречаются, а некоторые и совсем не встречаются в народных рассказах, именуемых русскими фольклористами быличками. С другой стороны, персонажи быличек, представители народной демонологии (домовой, леший, водяной и др.) почти не встречаются в русской народной сказке. Объяснить это, по-видимому, следует различием тех художественных и других функций, какие несут эти два жанра в русском фольклоре»¹. Тем не менее имеет место превращение легенд в сказки. Примером может служить сказка о Кирилле (или Никите) Кожемяке, возникшая из предания (см. № 19) после его превращения в легенду. Эволюция происходит путем усвоения сказочных мотивов, которые постепенно занимают главное место в сюжете. Конечно, далеко не каждое предание, а тем более далеко не каждый устный рассказ может развиться в сказку. Поскольку сказка давно оторвалась от своих прежних функций и осознается исполнителями как вымысел, замещение легендарных мотивов сказочными может осуществиться только в тексте, доверие к содержанию которого уже утрачено или утрачивается и восприятие которого идентично или почти идентично восприятию сказки. Таким текстом в прозаическом фольклоре может быть только легенда, по тем или иным причинам потерявшая или теряющая «ореол» достоверности. В этой связи интересно наблюдение наших крупных фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых, сделанное в процессе собирательской работы. По их мнению, «в начальной формации многих сказок основное их зерно составляли» так называемые «былички», с утратой веры в них «обраставшие другими подробностями, сцеплявшиеся с другими мотивами и приобретающие постепенно сказочный традицион-

¹ Богатырев П. Г. Образ народного героя в славянских преданиях и сказочная традиция//Русский фольклор.— М.; Л., 1963.— Т. 8.— С. 51.

ный стиль и форму»¹. Содержание многих сказок позволяет судить, что «основное их зерно» могли составлять не только некоторые былички, но и другие разновидности легенд.

Однако здесь необходимо сделать две важные оговорки. Во-первых, все изложенное, разумеется, имеет в виду только один из двух возможных путей создания сказок. Второй состоит в возникновении новой сказки из старых путем комбинирования уже известных исполнителю сказочных, а иногда былинных сюжетов — с участием или без участия собственного вымысла, их переосмысления и т. п. Во-вторых, мы совершенно не касаемся древнейшего периода истории сказки, а имеем в виду только относительно позднюю эпоху, когда сказка уже выполняет собственно эстетическую функцию и осознается как вымысел.

Легенда тоже не обязательно создается на основе произведения иного типа — рассказа очевидца или предания, — а может рождаться из других легенд путем контаминации или переосмысления мотивов, путем объединения нескольких легенд или вычленения части одной легенды в самостоятельно бытующий текст. Точно так же и предание не обязательно возникает непосредственно из устного рассказа очевидца — оно может иметь своим источником другие предания. Кроме этих чисто фольклорных путей, существует и другой путь, в котором отправным пунктом служит не устный рассказ, а литературный источник. Что же касается христианских легенд, то тесная связь их с литературной традицией несомненна — это подкрепляется исследованиями, опирающимися на анализ большого фактического материала². Однако такой путь возникновения свойствен не только легендам, но и многим произведениям других разновидностей фольклора.

Христианские легенды иногда являют собой вольную переработку в народной среде того или иного евангельского рассказа — описанного апостолами эпизода земной жизни Христа. Но чаще источниками устных легенд служили так называемые апокрифы. Это не признававшиеся церковью литературные сочинения религиозного содержания. Хотя они считались ложными и были даже официально запрещены, в дошедших до нас средневековых рукописях много апокрифических сказаний. Назидательные идеи этих сочинений (не расходившиеся существенно с каноническими, т. е. освященными церковью) были часто облечены в форму занимательного рассказа. Это обуславливало повышенный инте-

¹ Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. (С вводными статьями, фотогр. снимками и географ. картой.) — М., 1915. — С. LVII.

² См.: Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды. — Спб., 1875—1877.

рес к ним в народной среде, переход апокрифа в легенду, распространяющуюся устно гораздо шире, чем ее письменный первоисточник.

К наиболее известным героям русских легенд апокрифического происхождения принадлежит Егорий Храбрый. Его изображение в виде всадника, поражающего копьём змея, уже много веков представляет собой герб Москвы, покровителем которой Георгий Победоносец является со времен Дмитрия Донского. В основе связанной с этим изображением устной легенды лежит сказание «Чудо святого Георгия о змее и девице», согласно которому спасение святым Георгием царской дочери от пожиравшего людей змея послужило причиной обращения всего царства в христианскую веру. Этот сюжет получил значительную популярность в песнях православных народов, находившихся под гнетом турецких завоевателей — мусульман. Змей, сначала воспринимавшийся как символ язычества и укрощенный лишь силой креста и молитвы святого Георгия, позже стал символизировать врага-поработителя, побеждаемого силой оружия.

В русской устной поэзии святой Егорий предстает как освободитель от иноверного ордынского владычества и устроитель Русской земли. Его образ воина-избавителя совместился здесь с образом великомученика.

Первоначальной исторической основой легенды о мучениях святого Георгия послужила гибель его исторического прототипа — знатного римского воина, который за проповедь христианства был замучен в начале IV в. Апокриф, чрезвычайно популярный у многих народов, повествовал о трехкратном воскресении истязаемого до смерти святого. Легендарный сюжет, распространившийся на Руси и широко представленный в так называемых духовных стихах — благочестивых народных песнопениях, — описывал, как святой Егорий остается невредим после каждого жесточайшего мучения. И в духовных стихах, и в прозаической русской легенде соединились оба популярных сюжета. Георгий-великомученик, претерпев все тяжкие испытания, становится Георгием Победоносцем и одолевает своих мучителей.

Легендарный рассказ, помещенный в нашем сборнике (№ 356), любопытен тем, что не только связывает деяния святого с избавлением Руси от жестокого ордынского гнета, но самого Егория представляет уроженцем Русской земли, даже — вполне определенной местности ее. Это пример характерной вообще для популярных легендарных сюжетов «конкретизации» — в результате домыслов, часто использовавших в той или иной мере местные исторические предания, соотносимые с центральной идеей легенды.

Самый популярный у русского народа святой — Николай-угодник — центральный персонаж ряда распространенных легенд. Литературные их источники далеко не всегда известны, но порой угадывается косвен-

ная связь с громкими фактами исторической действительности, не имеющими, однако, отношения к историческому прототипу этого святого¹. Такова, например, легенда о святом Николе и купеческом сыне (№ 351). Ее центральный мотив — небесная награда за самоотверженное спасение иконы, которую хотят разбить. Эта идея может восходить к отзвукам так называемого иконоборчества: в Византии дважды — в VIII и в IX столетиях — происходили общественные потрясения, при которых сначала запрещалось, а потом восстанавливалось почитание икон².

Легенда всегда отображает действительность сквозь призму того или иного верования либо той или иной совокупности верований. Важная общественная функция легенды — подкрепить верование, повествуя о чудесном. Чудесное может иметь проявления самые разнообразные, начиная от деяний божественных сил и кончая, например, колдовской неуязвимостью народного заступника и проделками домашних духов. Если в легенде говорилось, допустим, о водяном или о русалке, об ангелах или черте, то исполнитель не сомневался, что все эти персонажи реально существуют в окружающем его мире. Если он рассказывает, как Разин, нарисовав на стене лодку, прыгнул в нее и уплыл из тюрьмы, то мыслится, что это возможно в повседневной жизни для таких чародеев, как Разин. Пока сохраняется незыблемость верования, продолжают жить в репертуаре основанные на нем легенды. С утратой верования легенды перестают бытовать либо изменяют свою функцию и воспринимаются как развлекательные рассказы.

Предания тоже могут быть подразделены на ряд разновидностей. В русском фольклоре наиболее распространены исторические предания. В широком смысле историческими можно назвать все предания, посвященные обществу. Предания и легенды, посвященные другим сферам действительности, отражают чаще стремление их объяснить. Сюда могут быть отнесены этиологические рассказы, в которых объяс-

¹ В церковных жизнеописаниях Николая Мирликийского, как считают некоторые исследователи, соединены воспоминания о двух носителях этого имени, один из которых жил в IV в., другой (в том же городе Миры провинции Ликия) — в V в.

² Случаи массового уничтожения икон в ходе социальной борьбы бывали и позднее: в Нидерландах в XVI в., в России после Октябрьского переворота. Фольклор не оставался безучастным: в 1920-х годах бытовала легенда о мужике-коммунисте, наказанном за разбитие и сожжение иконы тем, что у жены его родился вместо ребенка черт (см.: Смирнов В. Черт родился. (Творимая легенда)//Труды Костромского общества по изучению местного края.— Вып. 29.—Кострома, 1927.—С. 17—20).

нения основаны не на верованиях, а на наивнореалистическом восприятии мира. Часть этих рассказов имеет весьма древнее происхождение от первобытных мифов, видоизменившихся почти до неузнаваемости, от почитания животных, которые считались предками людей. Существовал, например, культ медведя, отзвуки которого можно усмотреть в текстах № 319 и 322. Рассказы, посвященные некоторым животным, в результате эволюции стали похожи на литературные басни (№ 317, 321). Легенды о сотворении мира Богом и сатаной своим происхождением по преимуществу обязаны апокрифическим текстам, весьма популярным у так называемых богомилов — средневековой христианской секты, особенно распространенной в Болгарии, с которой Древняя Русь имела тесное культурное общение. Доверие к таким рассказам сохранялось благодаря «двоеверным» представлениям, позволявшим воспринимать окружающую действительность не только с позиций христианского вероучения, но и отдавая дань прочно укоренившемуся наследию язычества, рудиментам выветрившейся древнеславянской мифологии. Ее тень как бы незримо присутствует в этиологических преданиях, дающих объяснения мира живой и неживой природы.

Несмотря на бросающуюся нам в глаза фантастичность таких объяснений, можно говорить о том, что стадийно вся область преданий предшествует именно науке как форме общественного сознания. Конечно, ближе всего к науке исторические предания. Наслоения домыслов, «бродячие мотивы» и разного рода контаминации сводят до минимума, а часто — и до нуля фактическую достоверность большинства преданий, записанных гораздо позже событий, которые в преданиях отразились. Но это касается относительно недавнего состояния исторических преданий. В тех условиях, когда они выполняли общественно важную функцию исторической хроники, и точность передачи, и сама распространенность преданий была несравненно большей.

Особенно жизнестойкой оказалась наиболее чуткая к общественным настроениям и наименее устойчивая во времени разновидность народной прозы. Это так называемые *слухи* и *толки*. Некогда общественная роль слухов была чрезвычайно большой — при отсутствии средств современной массовой информации. Не только в зыбкой стихии народных толков, но и в основной массе легенд и преданий художественная форма изложения налицо далеко не всегда, причем здесь она вообще не относится к факторам первостепенным.

Однако этого нельзя сказать о всей сказочной прозе. В прошлом была, как можно полагать, развита почти повсеместно еще одна ее разновидность, которая без всяких оговорок должна быть отнесена

к области искусства. Речь идет о так называемых героических сказаниях.

Героические сказания представляют собой эмоционально приподнятые повествования о подвигах реально существовавших лиц. Сказание описывает деяния, которые могут служить блестящим примером, повествует о том, что способно вызвать восхищение и подъем чувств у слушателей. Основу сказания составляют воспоминания о действительных фактах, украшенные дополнениями, заимствованными из произведений других жанров или плодами собственной фантазии исполнителей.

Среди исторических рассказов, записанных в XIX в., попадаются иногда произведения несколько загадочные и выделяющиеся настолько резко, что публикаторы и исследователи порой не признавали эти записи за тексты преданий, а относили их условно то к историческим сказкам, то даже к былинам или просто заявляли о странной и необычной структуре, которая, будучи, несомненно, произведением устной поэзии, напоминает, однако, некоторые образцы, приписываемые обычно литературному творчеству средневековой Руси. Однако по содержанию не все такие произведения могли быть возведены к средневековой традиции. Так, например, один из крупнейших специалистов в области древнерусской литературы и фольклора Е. В. Барсов опубликовал запись ритмизированного сказания о встрече Петра Великого со шведами (см. № 96). Художественные достоинства текста побудили Барсова сравнить его со «Словом о полку Игореве»: «Рассказ этот,— писал ученый,— в художественном отношении так превосходен, что мы ничего не знаем подобного в русской повествовательной литературе. По местам мы можем приравнивать его только к «Слову о полку Игореве»¹.

Другим примером может служить так называемая алтайская версия былины о Сухане. Автор известного труда о былинах В. Я. Пропп справедливо писал, что перед нами «произведение иной поэтической системы, чем былина», это «не былина, а устный рассказ в прозаической форме». По выражению В. Я. Проппа, алтайская версия «представляет собой устную повесть»². У нас это сказание напечатано под № 32. Оно вызвало любопытную дискуссию крупных исследователей фольклора и литературы. Текст был записан от исполнителя, который утверждал,

¹ Барсов Е. Петр Великий о народных преданиях Северного края//Беседа.— 1872.— Кн. 5.— Отд. 1.— С. 306.

² Пропп В. Я. Рецензия на кн.: Малышев В. И. Повесть о Сухане//Русский фольклор.— М.; Л., 1957.— Т. 2.— С. 349.

что передает повествование о Куликовской битве 1380 г.— в ответ на просьбу собирателя сообщить, что он знает о Мамаевом побоище¹. Появилось предположение, что алтайская версия восходит к литературному источнику — к древнерусской Повести о Мамаевом побоище, которая близка по содержанию. Потом были обнаружены и стилистические параллели, их сочли подтверждением того, что источник устного текста — повесть. Но, как вскоре оказалось, параллели не свидетельствуют о заимствовании из повести². Следует согласиться с мнением, что «эти совпадения доказывают обратное: они проникли из эпоса в литературу, а не наоборот, так как народное содержание повести требовало и народного стиля»³. Можно добавить, что вообще использование в Повести о Мамаевом побоище устных произведений о Куликовской битве — факт доказанный, поэтому сам алтайский текст естественнее считать остатком одного из таких произведений, бытовавшего в течение нескольких столетий в устной традиции.

В этом убеждает и материал некоторых других записей XIX в., из которых стоит остановиться на обширном героическом сказании о подвигах русского посла Захария Тютчева (№ 31). Оно было записано А. Харитоновым и издано среди сказок А. Н. Афанасьевым. В отношении этого произведения удалось показать путем текстологического анализа, что оно было одним из источников Повести о Мамаевом побоище. Последняя несомненно использовала на значительном своем протяжении какие-то из ранних версий именно этого сказания, причем, по-видимому, оно привлекалось неоднократно составителями разных редакций повести. Факты указывают на то, что именно повесть пользовалась устным сказанием, а не наоборот⁴.

Что касается самой Повести о Мамаевом побоище, этой, по выражению известного русского филолога О. Ф. Миллера, «сводной повести полуисторической, полуэпической»⁵, то она известна теперь в нескольких сотнях рукописей, представляющих около десяти редакций. Почти

¹ См. об этом: Малышев В. И. Повесть о Сухане.— М.; Л., 1956.— С. 145.

² См.: Шамбинаго С. К. Исторические переживания в старинах о Сухане//Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому.— М., 1909.— Ч. 2.— С. 510—515; Соколов Б. Непрерака в русском эпосе//Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.— Т. 17.— Кн. 3.— Спб., 1912.— С. 208—210; Рожнецкий С. Ответ г. Б. Соколову//Там же.— Т. 19.— Кн. 1.— Спб., 1914.— С. 347—348.

³ Пропп В. Я. Русский героический эпос.— 2-е изд., испр.— М., 1959.— С. 587.

⁴ Аргументация приведена в кн.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора.— Л., 1982.— С. 87—119.

⁵ Миллер О. Ф. История русской литературы.— Спб., 1887.— С. 364.

все они непосредственно привлекали в той или иной степени материал устных источников. Это были, очевидно, и рассказы участников битвы 1380 г., и исторические предания в собственном смысле слова, и героические сказания. Один из первых исследователей этой повести справедливо писал, что, несмотря на то что повесть в целом «получает характер серьезного назидания в христианском духе», в ее изложении по временам ярко проступает «дух боевого мужества, жадного к чести и доброму славному имени. Этот полный энергии дух ратной удали и молодечества отпечатывается и в речи — бойкой, быстрой, отрывистой, блещущей картинными сравнениями, живьем взятыми из народного эпоса»¹.

В некотором отношении — и более всего в ранних редакциях — повесть эта соотносится с героическими сказаниями о Куликовской битве примерно так же, как соотносятся с былинами их письменные переложения, известные в текстах XVII—XVIII вв.² Однако в целом Повесть о Мамаевом побоище обязана прежде всего традиции литературной. Цитаты из устных героических сказаний по большей части сравнительно четко выделяются стилистически, и ни один из списков повести не представляет собой запись или даже обработку устного текста на всем своем протяжении.

Более ранним образцом может служить сказание о подвиге Евпатия Коловрата (№ 28), дошедшее до нас в составе древнерусской Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 г. Как писал крупный советский фольклорист А. И. Никифоров, «из-под письменного оформления» ее «довольно ясно видна былинно-стиховая ритмическая основа и отдельные обороты»³. Правда, он стремился увидеть здесь отображение не дошедшей до нас былины. Предположение о героическом сказании, а не о былине снимает затруднения в определении фольклорного источника и объясняет правомерность сопоставлений со «Словом о полку Игореве»; связь с ним этого памятника отмечал уже Е. В. Барсов⁴.

¹ Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // Журнал Министерства народного просвещения. — 1858. — Ч. 99. — № 7–8. — С. 56–57.

² См.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков // Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. — М.; Л., 1960.

³ Никифоров А. И. О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв.: На материале «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Повести о разорении Рязани», Псковской летописи, Азовских повестей и других памятников // Из истории русской советской фольклористики. — Л., 1981. — С. 175.

⁴ См.: Барсов Е. В. Слово о полку Игореве. — М., 1887. — Т. 1. — С. 431.

Важно охарактеризовать то, что объединяет научные записи русских героических сказаний, сделанные в XIX в., и соответствующие средневековые тексты. Общее количество их, если иметь в виду цельные произведения и значительные по протяженности фрагменты, составляет около семидесяти. Из средневековых текстов в это число входят только те, которые отражают прямо или опосредованно использование самой устной традиции, а не являются лишь результатом дальнейшей эволюции рукописных списков.

Прежде всего, героическое сказание повествует непосредственно о конкретных исторических фактах, сближаясь этим с историческим преданием и исторической песней. Сказанию свойствен конкретный историзм в отличие от условного историзма былин. Герои сказаний — это лица, реально существовавшие и обычно достоверно называемые. Они действуют не в условном эпическом мире, а в исторической обстановке своей эпохи. Если, например, в былинах о разгроме татар действует чаще всего Илья Муромец, фольклорный образ которого сложился, вероятно, задолго до Куликовской битвы, то в посвященных ей героических сказаниях описываются деяния Дмитрия Донского, его брата Владимира Храброго и их реально существовавших сподвижников, имена которых засвидетельствованы историческими документами. Может быть соотнесен в общих чертах с данными документальных источников и сюжет.

В период расцвета героических сказаний им была присуща весьма разработанная поэтическая система. А. И. Никифоров убедительно показал на множестве примеров, что эти поэтические приемы имеют массу параллелей в других жанрах восточнославянского фольклора. Однако как целостная система они не встречаются ни в одном из них. Сами же параллели указывают на то, что многие жанры устной поэзии не только влияли сами, но и испытывали на себе влияние высокоразвитой поэтики героических сказаний. По-видимому, это была в основном поэзия наиболее культурных слоев военно-дружинной среды, унаследованная еще от времен Киевской Руси. Лучшие образцы героических сказаний представляли собой произведения большой поэтической изощренности. Этот жанр требовал высокой профессиональной культуры. Произведения его должны были создаваться и исполняться мастерами, находившимися, если можно так выразиться, на самых верхних ступенях квалификации носителей устной художественной традиции.

Приведем небольшой отрывок не изданного пока целиком средневекового текста — вставку из устного сказания в одну из рукописей Повести о Мамаевом побоище. Сохраняем язык оригинала: «И ступишася (*сошлись*) велицы полцы (*полки*) и крепко бьющася напрасно (*жестко*). Щепляются щиты богатырския от вострых копеев, ломаются

рогатины булатныя о злаченые доспехи, льется кровь богатырская по седельцам покованым, сверкают сабли булатныя около голов богатырских, катятся шеломы (*шлемы*) злаченые с личинами (*забралами*) добрым коням под копыта, валются головы многих богатырей с добрых коней на сырую землю и потоптаны быша (*были*). Не едины бо русские богатыри побьены быша, но да и татарских вдвое. Не токмо (*не только*) оружием бьются, но и сами о себе разбивахуся»¹.

По-видимому, у нас существовало явление, в каких-то отношениях аналогичное поэзии скальдов. Последняя, как известно, давала пример того, что устная традиция в средние века могла достигать даже более высокой степени разработки поэтического мастерства, чем современная ей письменная литература этого же народа². Было бы, вероятно, преувеличением полагать, что на Руси существовало нечто тождественное скальдической поэзии (по крайней мере, подтверждающих это русских текстов нет). Но, по-видимому, существовал сопоставимый с ней в целом ряде особенностей тип устной художественной культуры. Существовала поэзия, по-своему отразившая тот этап на пути развития художественного сознания, какой был отражен творчеством скальдов.

Естественно, что поэзия подобного рода с изменением породивших ее исторических условий должна была постепенно угаснуть. Однако уход из живого устного репертуара героических сказаний был обусловлен не только историческими переменами и постепенным исчезновением той социальной среды, потребности которой обслуживал этот жанр в первую очередь. Поскольку сюжет героического сказания должен был следовать контурам своей фактической основы, композиционные возможности были сравнительно невелики. Занимательность повествования неизбежно должна была отступать на задний план. Эпическая гиперболизация, столь органичная в былинах и также способствовавшая интересу к ним, мало свойственна героическому сказанию и обнаруживается более всего в самых поздних вариантах, испытавших на себе влияние былинной поэтики. Собственная же поэтика сказаний, в силу своей изоцирренности, далеко не в каждой аудитории могла быть полностью оценена и далеко не каждым исполнителем могла быть полностью передана. Героические сказания постепенно уступили свое место историческим песням с их менее сложными изобразительными

¹ Рукопись Гос. Исторического музея в Москве, собрание Уварова, № 802, л. 205 об.

² Ср.: Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов// Скандинавский сборник.— Таллинн, 1958.— Т. 3.— С. 175—204.

средствами, более свободной композицией и легче фиксируемой в памяти песенной формой.

Мощный подъем национального самосознания, вызванный во всех слоях русского общества победой на Куликовом поле, породил последнюю, очевидно, волну героических сказаний, многочисленные следы которой дошли до нас в виде записей переработок в литературе XV—XVII вв. Угасающие отголоски этих сказаний были засвидетельствованы отдельными записями, которые удалось еще сделать некоторым собирателям XIX в. (см. № 30—33).

Даже лучшие поздние записи, несмотря на все их достоинства, свидетельствуют уже о разрушении жанра. Примером является превосходный в некоторых отношениях текст «Про Мамаю безбожного» (№ 31). Хотя В. Я. Пропп и не без оснований заметил, комментируя эту запись, что она имеет много общего со знаменитым письменным памятником XIV—XV вв. (весьма близким народной поэзии) — Задонщиной¹, можно заметить явный отход от ее поэтической системы, явную тенденцию к сближению с былинами при одновременном опрошении художественной структуры и значительном разрушении ритма. В ритмическом отношении более стройным выглядит сказание «Про Суханьшу Замантьева» (№ 32), но оно в отношении содержания представляет собой контаминацию с былиной, что и позволило ряду исследователей считать этот текст особой версией былины.

Тенденция героических сказаний к контаминированию с былинами приводила и к возникновению новых былинных сюжетов. Генетическая связь героических сказаний прослеживается и с историческими преданиями, и с исторической песней. Так, песня о Куликовской битве, записанная в Боснии в конце XIX в., несомненно связана с героическим сказанием, которое записал А. Харитонов, с соответствующими фольклорными фрагментами Повести о Мамаевом побоище, и имеет довольно ясные параллели с Задонщиной.

Существенно, что не оказывается непроходимой грани между условным историзмом былин и конкретным историзмом таких жанров, как героическое сказание, историческая песня и историческое предание. Очевидно, правы те исследователи, которые отказываются усматривать в былинах непосредственную реакцию на исторические события. Но следует учитывать, что героическое сказание и историческое предание могло являться посредствующим звеном между былиной и историческим фактом.

С разных сторон мы попытались осветить не только сам материал

¹ См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева//Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа.— М., 1957.— Т. 3.— С. 415.

этого сборника, но и соотношения текстов, которые вошли в него с тем, что не вошло: былинами и сказками, древнерусскими повестями и летописями. Хотя больше всего речь шла о первой части, включившей исторические предания, исторические легенды и (в небольшом числе) героические сказания, конкретного разговора об отдельных текстах было немного. Мы стремились дать общие характеристики, которые помогли бы увидеть напечатанные здесь тексты в исторической перспективе.

По-своему характерен и материал последующих частей. В изданиях для широкого читательского круга такие тексты начали публиковаться совсем недавно¹. Между тем этим разнородным материалом представлен богатый мир верований и представлений, господствовавших в народном сознании на протяжении долгих веков. Утвердившаяся вера во всемогущество христианского Божества совмещалась с не утраченным еще убеждением в достаточно ощутимой силе прежних языческих богов. Согласно новому пониманию они стали трактоваться как враждебные истинному Богу.

Помимо христианских легенд продолжала сохраняться обширная область легенд языческих о существах «низшей мифологии», о их вмешательстве в жизнь людей, которые верили, что им действительно повстречался леший или черт, что они видели русалку или водяного, ожившего мертвеца или превращение человека в животное. Унаследованные от язычества представления не мешали их носителям считать себя христианами и быть таковыми в действительности — настолько, насколько ими были поняты и усвоены христианские заповеди.

В собственно христианских легендах сильно учительно-дидактическое начало. Они не только подкрепляют и иллюстрируют верования, лежащие в основе их. Эти легенды утверждают гуманистические основы христианского вероучения — в народной, конечно, его интерпретации. Но общечеловеческие моральные ценности, аккумулированные христианством, имеют настолько всеобщее и непреходящее значение, что многие из этих легенд и ныне обладают большой силой психологического воздействия.

Вся область так называемой несказочной народной прозы при огромном своем разнообразии объединена важнейшим качеством. Читать эти рассказы, разумеется, интересно, — по эстетическим достоинствам порой они не уступают первоклассным образцам сказок, — но главное все же не в этом, а в том, что у фольклористов принято назы-

¹ Ср. характеристику их в статье: Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор. — Л., 1972. — Т. 13. — С. 6—19.

вать познавательной функцией. Убежденный в правдивости всех таких рассказов, народ именно из них черпал реальные сведения о своей истории, об окружающем мире — как здешнем, так и потустороннем, усваивал жизненные правила и нравственные принципы. Современный читатель увидит здесь богатейший спектр сведений о многовековом народном самосознании.

С. АЗБЕЛЕВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ
И ЛЕГЕНДЫ**

КИЕВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ РУСЬ

1. ОСНОВАНИЕ КИЕВА

Были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

2. ДАНЬ МЕЧАМИ

И нашли их хозары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хозары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хозарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. [...]

3. ПРИЗВАНИЕ РЮРИКА

Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избралось трое братьев со своими родами к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Белозере, а третий, Трувор,— в Изборске. [...]

4. ЮРИК-НОВОСЕЛ

В старину князьки местами жили. Кто где расширился и овладевал местом, тут и жил. И приехал Юрик-новосел из северной стороны, из дальней украины, и распоселился жить в

Ладоге. Но тут ему место не по любви, и приезжает он в Новгород Великий, и не с голыми руками, и в союз вступает. И живет он день ко дню, и неделя ко неделе, и год ко году, — и залюбили его новгородцы, что человек он веселого нрава и хорошего разуму и повышает себя житьем-богатством, а тут и побаиваться стали. Вот зазвонили на суем — в колокол, — и выступает этот Юрик-новосел: «Что, — говорит, — честное обчество, возьмите меня в совет к себе, и будь я над вами как домовый хозяин. Только можете ли вы за наряд платить мне половину белочьего хвоста?» Сметили и погадали граждане новгородцы и сказали: «Можем и платить будем половину белочьего хвоста».

И мало-помалу уплатили они, и им не в обиду это. Вот опять зазвенел колокол, и на сходе собрались, и говорит Юрик: «А что, честное обчество новгородцы, можете ли вы платить мне и весь белочий хвост?» Подумали-погадали и опять сказали: «Можем», — и платить стали.

Прошло немного, опять в совет собрались: «А что, честное обчество, можете ли половину белочьей шкуры платить?» И ответ держат: «Можем».

Еще немного прошло — и в совете опять спрашивает Юрик: «А что, честное обчество, можете ли вы платить мне и всю белочью шкуру?» Порешили платить и всю белочью шкуру и платили долго.

Видит Юрик, что платят, собрал всех на сходку и говорит: «За белочью шкуру хочу я наложить на вас малые деньги, можете ли вы поднять мне?» И малые деньги они подняли — и поныне помнят этого домового хозяина и в Северной уkraine, и в Олонецком крае, и в Новгороде.

И после этого Юрика пуще и пуще повышали дань с алтына на четвертину, а с четвертины на полтину, а с полтины на рубль, и так до Петра Первого, а после Петра платили и с живой души, и с мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять.

5. ПОХОД ОЛЕГА НА ЦАРЬГРАД

Пошел Олег на греков. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам. И разбили множество палат и церкви. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные!» И было так! И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

6. СМЕРТЬ ОЛЕГА

Помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором

ты ездешь,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица. Есть же могила его и донныне, слывет могилой Олеговой.

7. ПОХОД ИГОРЯ НА ЦАРЬГРАД

Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял,— и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот, идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареви. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно,— не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть:

нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

8. ОЛЬГА

В [...] деревне Лыбуге родилась царица благоверная российская Ольга; родилась она в крестьянском звании и была перевозчицей. [...] Раз перевозит она князя Всеволода. [...] Увидал Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу, а этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его пустые речи ответ: «Князь! Зачерпни рукой справа водицы, испей!» Тот зачерпнул, испил. «Теперь,— говорит Ольга,— теперь, князь, зачерпни слева, испей и этой водицы». Князь зачерпнул и слева водицы испил. «Какая же тут разнота: та вода и эта вода?» — спрашивает Ольга у князя. «Никакой тут разноты нет,— говорит князь,— все одна вода». — «Так,— говорит Ольга,— что жена твоя, что я, для тебя все равно». Князь Всеволод зарделся, замолчал и отстал от Ольги. Да и много она князей перевела: которого загубит, которого посадит в такое место. [...] Горазд хитра была.

Спустя сколько времени Ольга пошла за князя замуж, только не за Всеволода, а неизвестно за какого. Тогда много князей было, и всякий своим царством правил, а все между собой родня были, и все промеж себя воевали: хотелось всякому у другого царство его отнять. Пошел войною на мужа Ольгиного его двоюродный брат, да и убил его. Убил мужа Ольги, да и прислал к ней послов мириться; только Ольга которых посадила за стол обедать, да и провалила их в волчью яму, что под тем столом вырыта была; а которых зазвала в баню, а там обложили баню хворостом, да и сожгла всех, а после самого их князя убила, на его царство села и стала двумя царствами править.

Прошло сколько-то времени, поехала Ольга в Царь-город к тамошнему царю в гости. Как увидал ее тамошний царь: «Выхо-

ди,—говорит,— за меня замуж!» Ну а Ольге какая неволя была идти замуж? Сама себе царица, а выйди замуж — муж глава жене. «Ты,—говорит Ольга,— православный, а я поганая (она тогда не крестившись была), так мне не приходится за тебя идти». — «Ну, так крестись»,—говорит царь. «А ты будь моим крестным!» «Хорошо!» —говорит. Перекрестилась Ольга, приняла крещеную веру. «Теперь давай венчаться, Ольга»,—говорит царь. А Ольга ему: «Нельзя — ты мой крестный!» Так и провела.

9. СМЕРТЬ ИГОРЯ И МЕСТЬ ОЛЬГИ

Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад,—поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали

в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордаты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, прикинув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игорева смерть». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди. Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей,

управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян. [...]

И пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем», и победили древлян.

10. ВЗЯТИЕ ИСКОРОСТЕНЯ

Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего

хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и повели обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, заворачивая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись — где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

11. ОЛЬГА ОБЪЕЗЖАЕТ ЗЕМЛИ

Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор.

12. ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА ХОЗАР

Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хозарам — по щелягу с сохи даем». [...] Пошел Святослав на хозар. Услышав же, хозары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хозар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

13. ОБОРОНА КИЕВА

Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни

вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: «Если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он попеченежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не пойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же и, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, идешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери,

детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

14. ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА ГРЕКОВ

Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлились мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли

к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенег с нами в войне, и кто нам тогда поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова на Руси собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали:

«Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию.

15. СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА

Заклучив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав. [...] Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку.

16. ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА НА РОГНЕДЕ

Владимир [...] сел в Новгороде. И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же

собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены. И пошел на Ярополка.

17. ПОХОД ВЛАДИМИРА НА РАДИМИЧЕЙ

Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньше.

18. ПОХОД ВЛАДИМИРА НА БОЛГАР

Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привез берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

19. ПОДВИГ ЮНОШИ-КОЖЕЯКИ

Пришли печенег на той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а

печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, и у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

20. СВЕРЖЕНИЕ ПЕРУНА В НОВГОРОДЕ

[...] Был Зверь-змияка, этот Зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот Зверь-змияка ходил спать в Ильмень-озеро с волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер, князь в Киеве; тот самый Володимер-князь, что привел Руссею в веру крещеную. Сказал Володимер-князь: «Всеи земле Русской — креститься». Ну и Новгороду тож. Новгород окрестился. Черту с Богом не жить: Новый город схватил змияку Перюна да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью — да и на берег! Володимер-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! Оттого эта церковь назвалась Перюньскою; да и скит тоже Перюньский.

21. МИЛОСТЫНЯ И ПИРЫ ВЛАДИМИРА

Повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «немошные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром

и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду и серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны и жил в мире с окрестными князьями. [...]

22. ВЛАДИМИР СТРОИТ ЦЕРКОВЬ ПО ОБЕЩАНИЮ

Пришли печенег к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. И праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа.

23. ОБОРОНА БЕЛГОРОДА

Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время непрерывная великая война,— узнали печенег, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от

князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и поставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же нашли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ним к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

24. ПОЕДИНОК МСТИСЛАВА С РЕДЕДЕЙ

[...] Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СВЕРЖЕНИЕ ВРАЖЕСКОГО ИГА

25. БАТЕЙ

В Тамбовской и Воронежской губерниях, первых подвергшихся натиску татар, рассказывают крестьяне, что когда-то давно прошел по Русской земле страшный воитель Батей, и на пути вырубил все православное население; он никому не давал пощады, ни старику хилому, ни беспомощному малютке, сжег по дороге всякое жильё человеческое, истребил все леса и травы на сто верст в ширину, а в длину — насквозь всей Русской земли. Где шли его полчища многочисленные, как муравьи, там не осталось ни одного зверя, ни одной птицы, да и рыба вся подохла в реках; одна лежала черная земля, и та вся избита конскими копытами, а не зарастала она сто годов. С той поры против этой широкой тропы земной, где шел Батей, и на небе выступило знамение в виде белой полосы, которую зовут Батевой дорогой. [...]

26. БАТЕВА ДОРОГА

Когда он (Батей) проходил мимо села Долгуши [...], то Господь послал туман и закрыл церковь и село — оно тогда небольшое было — так, несколько двориков, на горе. Татарин-то шел долом; так и прошел стороною, не тронул у нас никого. Где шел он, так и небо-то матушка побелело от этого. С того и прозывается оно Батевой дорогой. Так сказывали старики.

27. ЧАЛАЯ МОГИЛА

За валом на восточной стороне есть овраг, носящий название Чалая могила. Это название оврагу дано, говорят, после нашествия татар. Объясняют это так. Когда татары подошли к Рязани, рязанцы начали с большим отчаянием отстаивать свой родной город. Здесь-то вот, между прочим, был главный рязанский богатырь (неизвестный по имени) на своей чалой кобыле. Бесчисленное множество он порубил татар, но вдруг налетел на равного себе богатыря. Не успел он на него хорошенько взглянуть, как татарин поразил коня мечом. Богатырь рязанский не пал духом, в это время он мигом соскочил с коня, вступил в открытый бой с татаринцом и поранил его, но рана была легкая. Татарин скоро оправился и поразил рязанца копьем в живот так, что у него вывалились внутренности. Но он был настолько силен, что перенес и этот удар, собрал внутренности в полу и побежал к Оке. Здесь он нашел челнок и переправился на левую сторону, где и скончался. На том месте, говорят, стоял памятник. Место же, где упала его кобыла, называли Чалая могила.

28. ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

[...] Некто из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И примчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего; одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаялся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, соблюденных Богом вне города.

И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек их татарскими. Татарам почудилось, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрасился.

И едва поймали татары из полка Евпатьява пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и что мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, а витязи мы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу-рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому.

И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, желая живым его взять. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполнен

силою и рассек Хостоврула на́ полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних на́ полы рассекал, а других до седла разрубал. И возбоались татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батью.

Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю мурзы, князи и санчакбеи: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячею, а два с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, смотря на тело Евпатыево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной моей орды побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

29. ОТКУДА ГРЕЧИХА

Жила на Руси девушка, уж такая раскрасавица, что и сказать нельзя! И богобоязный человек была эта девушка! Старики еще рассказывали нашим старикам, а те старики сами слышали от своих стариков; эта-то девушка ни одной службы Божией не прогуливала; и не то чтобы в праздник большой, в воскресенье, что ли, а так кажедень, кажедень к заутрене, к обедне, к вечерне, а есть всеночная, и ко всеночной сходит! Сказано, богомольный человек была... Жила эта девушка с своими родителями, с своим отцом-матерью, всему роду своему, племени только славу клала...

Только за ее добродетель, что ли, захотел Бог ее наказать

искусом. Знамо дело: Бог кого любит, того и наказует. [...] А такое Бог послал наказание: наслал литву ли поганую, а кто говорит — татар, разно говорят... Только литва ли, татары ли набежали на Россею, да прямо на то село самое, где жила эта девка с своим отцом; коих жителей побили, порубили, коих показнили, коих мечу предали, а красных девушек, молодиц которых в полон взяли... И вышло так: девке досталось в полон идти, а родителей злодеи показнили: головушки отрубили и христианские их тела поганым псам бросили... Так Бог попустил! Взяла литва ту девушку в полон и повезла ее в свою поганую Литву и отдала ее татарину.

А у татар, известное дело, жен сколько хочешь бери; у татар жены покупные, сколько хватит денег, столько жен и бери. Так татарин задумал свою полоняночку за себя взять. Полоняночка билась, билась: не хотелось ей за татариним быть. Да и какой будет муж для христианской души — поганый некрещеный татарин? Только билась девка, отбивалась, а кто ее знает, может, и силой на любовь к татарину пошла? Одни говорят, что девка отбилась; другие болтают, что девка с татариним закон приняла; только и закон приняла не вольною волею, а силом... Ну да как бы там ни было, а девка с белой зари до поздней ночи, а с поздней ночи до белой зари девка ревя ревет, плачет, убивается, все тоскует по своему дому. «Батюшки с матушкой, — говорит, — и нет в живых... (а ее отца и мать на глазах у ней злодеи загубили!) Батюшки с матушкой нет в живых, а все бы хотелось побывать в своем доме, хоть бы одним глазком глянуть на могилки родителей!»

Девка плачет, молится, святую милостыньку раздает и все об одном Бога просит: как бы домой побывать. Подает святую милостыньку, а сама скажет: «Моли обо мне, старый человек, чтоб быть мне на своей Россеюшке!» И много она Богу молилась, и много она святой милостыни пораздавала... Стоит раз девка на коленочках, Богу молится, а под окошечком: «Кормилицы наши родные! Сотворите свою святую милостыню!» Встала девка с своей праведной молитвы, открыла краюшку хлеба. «На, — говорит, — стар человек, прими мою милостыню, да моли обо мне Бога небесного, мать пречистую Богородицу, душа просится побывать в своем доме. Не дает Господь живой побывать,

хоть бы Бог привел моим косточкам лежать рядышком с моими родителями, с моим отцом-матерью!» А нищенький-то был святой человек. Принял святой человек милостыню, сказал слово — девка Богу душу и отдала, умерла. [...]

Умерла та девка, и похоронили ее не по нашему обряду христианскому, а по ихнему обычаю поганому, татарскому. Только силен Бог. Схоронили девушку, на полянку насыпали землицы, а на той земле и выросла та девушка праведная. [...] Не сама собой выросла-то праведная, а выросла только душа ее: пошла по ее могилочке гречка, а гречка-то и была душа самой той праведницы. Проходит там сколько время, пришла опять нищая братия к тому дому, где жила полоненная девица, за святою Христовою милостынею. Раз пропела нищая братия: «Кормилицы наши батюшки! Сотворите свою святую Христову милостыню!» Другой пропела: «Сотворите свою святую милостыню!» А все в окошечко не подают. «Что за притча такая, — думает нищая братия, — сколько раз ни приходили, всегда нам полоняночка наша с Руси, русская, подавала Христову святую милостыню, а нонече того нет?» — «Оттого нонече того нет, — говорят нищей братии, — оттого нет святой милостыни, что ваша полоняночка с Руси, русская, померла».

Заплакала нищая братия. «Пойдем на могилу и поклонимся, — говорит нищая братия, — для того что душа ее была милосливая; верно, та душа Богу угодила». Спросили, где могилка, пошли на могилку, да как глянули: ажно та душа на могилке гречишкой выросла! А гречишки до той поры и на свете не было. [...] Смотрят: цвет от гречишки чистый да белый: ровно как душа ее была перед Богом чистая да белая! Взяла нищая братия ту гречишку и понесла на свою на Россеюшку. Оттого и пошла по земле гречишка у нас.

30. КАЗАК ЕРМАЧОК

Все знают о предшествовавшем Куликовской битве сражении Вожском в 1378 году, августа 11 дня, но никто еще не указывал прямо на место этого сражения. Оно было на берегах рек Вожи и Быстрицы, в виду новой Рязани, близ села Городища, в

дачах деревни Перекола. Тут есть еще множество признаков славной битвы: могил и частью укреплений. Тут много путей достопамятных, которыми ходили наш Донской, его храбрый сподвижник и брат князь Владимир, татары — Бегич, Батый и много других.

Главным помощником в ратном деле 1378 года на Воже был некто рязанский казак Ермачок. Он с своими сотнями все время скрывался в перелесках между Вожи и Быстрицы и внимательно подстерегал врагов, засевши в одном болоте. А когда русские устали биться насмерть, Ермачок выскочил из своей засады и решил дело. Но смятый бегущими врагами сам попал с ними обратно в свое болото и погиб там. Это болото и теперь еще называется Ермачково. Говорят, что здесь встарь нередко слышали Ермачков свист и песни, а над болотцем видали белую лошадь, являвшуюся со ржанием на утро одиннадцатого августа.

В числе храбрых товарищей Ермачка крестьяне Переколские иногда называли казачьих богатырей Рогожу и Чайцу. После Вожского сражения рязанский князь их жаловал землями, и потому тут около Переколы многие дачи сохраняют еще имена и прозвание своих древних хозяев.

31. ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО

На Русе было на православной, княжил князь тут Дмитрий Иванович. Засылал он с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему. Прáвится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пришел он к Мамаю безбожному, псу смердящему. «Давай-примай,— говорит,— дань от русского князя Дмитрия Ивановича!» Отвечает Мамай безбожный: «Покуль не омоешь ног моих и не поцелуешь бахил, не приму я дани князя Дмитрия Ивановича». Вздáь отвечает русский посол Захарко Тютрин: «Чем бы с дороги мóлодца напоить-накормить, в бане выпарить, втéпор вестей попросить, а ты, Мамай безбожный, пес смердящий (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!), того-пёрво велишь мыть твои басурманские ноги и целовать бахилы; не след мыть ноги и

целовать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганный татарин, Мамай безбожный, буде есть вера, целует ноги русского посла Захарья Тютрина!»

Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью, княжеские бумаги придрал и писал свои ярлыки скорописчатые: «Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода, втѣпор Мамай безбожный будет с святой Русью воевать: втѣпор мне ни воды, ни хлеба не надо!» Набрал он из татар сильных, могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: «Пошли,— говорит,— слуги мои верные, попервѣе русского посла Захарья Тютрина; дорогой уходите его в темных лесах, в крутых угорах, а тело вздымите на лесину в откормку птицам».

Прáвится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пристигла его темна ночь на бору: не оснащается ночевать — одно идет вперед. Поутру, на восхожем на солнышке, видит русский посол Захарий Тютрин: выходят из лесу тридцать без одного сильных, могучих богатырей. Не úробил Захарий Тютрин поганных татаровеи, захватил оберуч корзоватую ураину и ждет незваных гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ доброго мблодца. Учал Захарко поворачиваться, учал он уразиной гостей чествовать: кого раз ударит — грязьей сделает. Невмоготу стало поганым татаровьям супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учили они конаться ему хорошими речьями: «Отпусти ты нас живьем, русский посол Захарий Тютрин, не посмеем больше перечить тебе!» Глядит Захарко на сильных, могучих богатырей: из тридцати голов без одной остались живы только пять голов, да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалýлся он над погаными нехристями, отпустил их к Мамаю безбожному. «Правьтесь,— говорит,— скажите, каково обидеть русского посла Захарья Тютрина».

Ударил он своего доброго коня по крутым бедрам: конь по первый ускок сделал сто сажений печатных, вторым ускоком версту промеж ногами проложил, третьего ускока на землю опятнать не могли. Смекнул дело путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин: наимал он двенадцать ясных соколов да тридцать белых кречетов; первее того испридрал ярлыки Мамай

поганого и писал свои листы скорописчаты; написавши, привязал к птичьим хвостам и примолвил: «Ясные соколы и белые кречеты! Полетите вы ко князю ко Дмитрию Ивановичу в каменну Москву, накажите, чтоб Задонский князь Дмитрий Иванович собирал по городам и селам и по дальним деревням рать-силу несметную; оставлял бы по домам только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков — их печаловать. А я пойду, накажите, в свое место, стану собирать мохначей, бордачей — донских казаков».

Поутру было, на всхожем на солнышке, пошли морока по ясну небу, понесли с собой частый, мелкий дождь со буйным ветром со вихорем. Во шуму, во грому ничего не чуть стало, только чуть громкий зык от терема княжеского; Задонский князь Дмитрий Иванович наказал клич кликать по всей Москве белокаменной: «Собирайтесь все князья и бояра, и сильные, могучие богатыри, и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу». Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу — послушать его разумных речей, а и того пуще — посмотреть его очи ясные. Как матерый дуб промеж тонкими кустами вересовыми, что вершиною в небо взвивается, — значит великий князь промеж своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила. Задонский князь Дмитрий Иванович стал речь держать: «Воины мои любимые! Не на попойку призывал я вас, не на радостный пир вы ко мне собирались; собирались вы ко мне за печальной весточкой: Мамай безбожный, пес смердящий, со всема своима ордами некрещеными, идет святую Русь воевать; будет нам от Мамаея-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, к океан-морю, изладим легкие струги, и побежим мы из океан-моря в море Хвалынское к соловецким чудотворцам: запремся там — и нечего с нас будет взять Мамаю безбожному, псу смердящему; в другую сторону он нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст».

Отвечают князи и бояре, буйны головы понуривши: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Одно солнышко катится по небу — один князь княжит над Русью православною: не перечить мы пришли твоему слову крепкому: позволь нас заставить речь»

ответ держать, как надоть ладить с Мамаем безбожным, псом смердящим. Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги, скалѣпки смечем в океан-море, сами соберем рать-силу великую и будем драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови — и будет на Мамаю безбожного победа!» — «Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» — говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика переходя — сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты Бога прославил, из терема побежала».

Задонский князь Дмитрий Иванович чинил крепкие наказы, чтоб собирали рать-силу несметную по городам с пригородками, по селам с приселками и по всем дальним печищам, оставляли б дома только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков им в печальники. Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьям Белозерцам. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватяючи. На поле на Куликове учили думу думать, как надо силу сметить? Русский посол Захарий Тютрин садился на своего доброго коня, объезжал округ силы три дня и три часа — не мог силы сметить: на сколько верст стоит?

Задонский князь Дмитрий Иванович проговорил таково слово: разойтись силе по чисту полю и взять силе по камушку, по злаченой пуговке, и приказал дубы заметывать теми камушками. Заметала сила семь дубов: с комля и до вершины дубов не видно! Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович, другой — русский посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учили они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьям Белозерцам, третий жеребий выпал Задонскому князю Дмитрию Ивановичу.

Втѣпор слышал шведский король про великое побоище, набрал силы сорок тысяч: «Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокие: станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамаю безбожного — по Дмитрию Ивановичу пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича — по Мамаю пристаньте». Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король слышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово — сам наказывал: «Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте». Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище; перѣд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась им встречу сила Мамаю безбожного: когда сила с силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпор выскочил из земли Кроволин-татарин — вышина семь сажень; скричал татарин зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Давай мне-ка поединщика; буде не поставишь мне поединщика, я твою силу один побью-вырублю, грязьѣй сделаю!»

Говорит Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться; самому пришло идти супротивником-поединщиком на Кроволина-татарина!» Оболокает он свои латы крепкие, застегает пуговицы воальянские; обседлали ему добра коня во седло черкасское, берет он с собой палицу боевую, поезжает к Кроволину-татарину. Пал ему встрече незнамый воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плеч басурманскую голову!» Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подругима шелковыми не ради басы, ради крепости. «Обороню я тебя, Задонский князь Дмитрий Иванович, от первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты с окаянным врагом, с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамаю безбожного победа!»

Задонский князь Дмитрий Иванович с незнамым воином обменялись конями, простились, и благословил его князь Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съеха-

лись два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою — драке переведаться. Палицами ударились — палицы по чйвьа поломались; копьями соткнулись — копьа извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились; скакали они со добрых коней, и бились они рукопашным боем, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: незнамый воин правую руку на тулово Кроволина-татарина накинул. Князь своего воина срядил, похоронил, над ним крест поставил и вызолотил.

У Мамая безбожного, пса смердящего, выскочил из земли другой воин и звопил своим зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Подавай мне-ка супротивника; в другую сторону я твою силу побью, и тебе, князю, глаза выкопаю — свет отниму!» Понурил буйну голову Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться, самому пришлось идти на Кроволина-татарина». Садился он на своего добра коня, поехал на Кроволина-татарина. Пал ему встречу другой воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Избавлю я тебя от скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамая безбожного победа! А буде Квашнинок-богатырек побьет меня, садись на моего доброго коня: увезет он тебя от смерти от скорыя».

Князь Дмитрий Иванович и незнамый воин обменялись конями, простились, и благословил его Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чйвьа поломались, копьями кололись — копьа извернулись, острыми саблями рубились — сабли исщербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: у воина князева права полá на поганого татарина накинулась. Князь своего воина честно срядил, похоронил и на могиле крест поставил и вызолотил.

Втѣпор русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками напушался на силу Мамаю безбожного. Светлый день идет ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась: когда кончилась драка, учили смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача; бородача — донского казака по две тысячи по двести татаровой выпало. Стал попушаться другой полок, Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьев Белозерцев. Красное солнышко из-за леса привздымается, бой-драка не умалется; красное солнышко на покать пошло, нашу силу побивать стали.

Втѣпор стал попускаться Задонский князь Дмитрий Иванович. Живет он в силе Мамаю безбожного, как острая коса в сеностав в мягкой траве; куда проедет на коне — там улица, поворотится — переулочек, оборота на коне даст — площадью силу сделает. Невмогуту стало биться Задонскому князю Дмитрию Ивановичу: забрызгал он свои очи ясные поганю татарскою кровью, тут у него и свет выбрало — отемнел. Законался он своему коню добром: «Увези ты меня, конь, от скорья смерти!» Бил он коня по крутым бедрам; подымался конь — только топ стоит! Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь тоё кудрявой березы на поле нет ни лесинки. Слезал он со добра коня: «Побегай, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю безбожному, псу смердящему».

Сел Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявую березу. Летит по небу через поле чистое стадо белых лебедей. Поглядел на стадо Дмитрий Иванович, сам проговори: «За грехи мои окаянные попускает Господь Бог на землю русскую Мамаю безбожного; не по нас птицы летят: будет на Русь православную победа!» Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало — бежит по чисту полю стадо серых волков. «Господи, истинный Христе! Смилуйся над Русью православною, не отдай нас в лихо к некрещеному поганому татарину; не по нас звери бежат: пить нам от Мамаю безбожного, пса смердящего, горькая чаша!» Заспал Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявой березе.

Втѣпор сила Мамаю безбожного, пса смердящего, нашу силу

побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев, и вся Дмитрия Ивановича сила-рять могучая Господу Богу возмóблились: «Господи Инсусе, истинный Христос, Дон-мать пресвятая Богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго». Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамаю безбожного. Побежали поганые татары по чисту полю, прибега́ли поганые татары в зыбкую о́рду, в этой орде поганые татары и живот скончали.

Спихватилась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев учили силу спрашивать: не пометил ли кто пути-дороги Задонского князя Дмитрия Ивановича? Молчит рать-сила могучая: ни от кого ответа нет. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев понурили свои буйны головы; положили они на скопе: погиб Задонский князь Дмитрий Иванович в бою-драке от поганых татаровей. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидел русский посол Захарий Тютрин в чистом поле кудрявую березу, а на той кудрявой березе чернѣзину; походил Захарко на чернѣзину, признавал он Задонского князя Дмитрия Ивановича. В ноги пал он князю Дмитрию Ивановичу: «Возрадуйся, Задонский князь Дмитрий Иванович! Постояли мы за матушку Русь православную, победили Мамаю безбожного, пса смердящего!» Соходит князь Дмитрий Иванович с кудрявой березы; на восток он три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили в том радость-веселие.

32. ПРО СУХАНЬШУ ЗАМАНТЬЕВА

Выезжал Суханьша, Замантьев сын, за зайцами, за лисицами, за теми волками рысчучими. Случилось ему доехать до быстра Днепра.

Течет быстрый Днепр не по-старому, не по-старому, не по-

прежнему: пожират в себя круты бережки, вырывает в себя желты скатны пески, по подбережку несет ветловый лес, по струе несет крековый лес; посередь Днепра несет добрых коней со всей приправой молодецкою, со всей доспехой богатырскою. «Что ты, батюшка, быстрый Днепр, не по-старому течешь ты, не по-прежнему?» — «Надо мной стоит сила неверная того Мамаю безбожного: идет на дом пресвятыя Богородицы, на славен батюшко на Киев-град. Половина силы переправилась, другая половина на другой стороне; черному ворону в ночь силы не окаркати, серому волку в ночь не обрыскати, доброму молодцу в день не объехати».

Тут Суханьши ретиво сердце възъярилося, могучи плечи расходилися; бежал в силу Мамаеву, во дне бежал, во втором часу, и бился, дрался трои суточки, не пиваючи, не едаючи. Куда бежит — тут улица, заворотится — переулочек. Навалил трупов — коню до стремени, горячей крови — до подчереза. В трупах конь не может прорыскивать, горячей крови пропрыгивать.

Тут Суханьшу приобранили; дали Суханьше тридцать ран, — те раны были сносные, а три раны — сердечные. Сердечные раны, кровавые. Побежал он из силы Мамаевой на то болото зыбучее, ко той кочке болотинной; клал седельшко черкасское на ту кочку болотную, под оболоко поплавучее, и клал свою буйну голову на седельшко на черкасское.

Выезжает Володимир-князь во чисто поле погулять и наехал на Суханьшу Замантьева. «Ты гой еси, добрый молодец! Какой ты есть и откуда? Если верной силы — побратаемся, а неверной силы — переведаемся». Говорит тут Суханьша Замантьев сын: «Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь Сеславьевич, солнышко красное! Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?»

Тут скоро князь соскакивал, соскакивал со добра коня, садил Суханьшу на добра коня и вез его во Киев-град, во ту ли во церковь во соборную; тут Суханьша покаялся, и тут Суханьша переставился.

33. ТРИ ИВАНА

Напали на Расею зараз три неверные царя: салтан турецкий, царь казанский и хан крымский. Ну, нашему-то царю и не в моготу стало. Он и так, и сяк, а справиться с троими не может. Что станешь делать? Сила солому ломит. Вот он, батюшка наш, и шлет на Яик к казакам грамотку, пишет: «Так и так, помогите, православные! Нехристи одолевают. Сколько вас там на Яике есть, все не ходите: будет и половиночки». Значит, и в те поры царям ведомо было, что яицкие казаки молодцы, настоящие воины, на руку охулки не положат. Ладно.

В те поры казаков на Яике было всего-на-все человек триста; значит, самая малость. Получили они от царя грамотку, сошлись в казачий круг, распустили знамечко свое шелковое, позлащенное и стали думать думу крепкую. Что делать? Всем идти — царь не желает; да и Яик бросать опасно; пожалуй, еще как-нибудь орда нахлынет. Половиночке идти — другой половиночке завидно. Как тут быть? Думали, думали казаки, да и решили: послать на подмогу к царю только троих казаков, что ни самых лучших воинов, троих лыцарей-поединщиков. Помолясь и благословясь, поехали наши лыцари на поле Куликово, где было собраньице воинское. Первому лыцарю имя Иван Пыжала, второму — Иван Шатала, а третьему — Иван Клад. И четвертый лыцарь с ними поехал, но тот так поехал: в случае какой неустойки было бы кому на Яик весть дать. Этого лыцаря звали Иван Бирючьих-Лап. Ладно.

Приехали наши лыцари в армию царя расейского, то-ись в саму пору. Стоит на поле Куликовом расейская армеюшка словно сиротинушка: все воины невеселы, все воеводы и бояры головы повесили; и было, касатик, отчего. Супротив одной рати царя расейского стоят три рати трех царей неверных. Боя они не начинают, а вызывают поединщиков. В старину, вишь, был такой обычай: супротивные армии редко в бой вступали, а решали спор поединщиками. Так было и в ту пору. От трех ратей басурманских выехали три богатыря-поединщика, пре-страшнейшие. Каждый с ног до головы железом покрыт, точь-в-точь собака, лютый индрик-зверь. [...]

Сколько там с расейской стороны ни было князей и бояр, а

выйти супротив басурманских поединщиков ни одного охотника не выискалось. А неверные-то цари свое дело делают, нудят нашего, говорят: «Высылай поединщиков, иль-бо сам выходи: не то покорись и дань плати». Каково нашему-то царю слушать таковы словеса из уст орды! Царь, говорят, сам хотел идти на поединок, велел было коня седлать и латы себе готовить. А тут, как раз, и прилетели наши орлы орловичи, сиречь наши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успел только вымолвить: «Голубчики!» А голубчики уж вылетели в поле и ударили на басурманских поединщиков, даром что они похожи на индрика-зверя. Раз, два, три: басурманы с коней долой! Раз, два, три: басурманские головы торчат уже на казачьих копьях! Значит, шабаш!

Басурманские рати, известно, после того преклонились перед нашею. Значит, наша взяла! Царь наш возвеличился и по всей вселенной прославился. Значит: никто же на ны!

На таких великих на радостях царь сзывает всех, и князей, и бояр, и казаков наших, в первопрестольный град, в каменну Москву. Значит, пир пировать и награды раздавать! Потуманили гурьбой в Москву все князья и бояры, друг друга перегоняют, друг друга перебивают... От поединка хоша они и отказались, но от пира-банкета, а пуще от награды не прочь. Значит, печи бить — нет нас, пиво пить — мы не хуже вас. И наши лыцари поехали, но не торопятся и едут себе, как в старинных песнях поется, потихохоньку, посмирнехоньку. Думают про себя: «Наше от нас не уйдет».

Много ли, мало ли пировали у царя и князья, и бояры, и казаки яицкие, наконец пришло время награды раздавать.

Спрашивает царь князей и бояр: «Чем мне вас дарить-жаловать: золотою казной иль драгоценными камнями?» Отвечают князья и бояры: «Не надо нам ни золотой казны, ни драгоценных камней, а пожалуй нас деревнями да крестьянами». И пожаловал царь князей и бояр деревнями да крестьянами.

Спрашивает теперь царь наших казаков: «А вас, атаманы-молодцы, чем дарить-жаловать: золотою ли казной, самоцветными ли камнями иль, как князей и бояр, деревнями да крестьянами?» Отвечают наши казаки: «Не надо нам, надежа-царь,

ни золотой казны, ни самоцветных камней, не надо нам ни деревень, ни крестьян; а пожалуй нас рекой Яиком, от вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами». И пожаловал нас царь рекой Яиком, с вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами.

А князья и бояры слышат да смеются: «Вот дураки-то, вот дураки-то чего просят! — говорят меж себя. — Разве земля наша клином сошлась: где нет воды, где нет травы, где нет леса? Воткни палку, и дерево вырастет. Прямые дураки, бестолочь!» — говорят про наших казаков. А наши казаки не дураки, не бестолочь. Они знали честь и совесть, помнили заповедь Божию: «В поте лица хлеб себе добывай». Твердо знали и пословицу: «На чужой каравай рта не разевай». Нет, старики наши не дураки, они не о своей одной выгоде заботились, а заботились о пользе всего своего общества.

34. МЕСТА БИТВ С ТАТАРАМИ

Когда-то при Василии Темном из Золотой Орды переходили к нам татарские князьки и расселялись по нашей земле. Тогда один из таких татар, именем Темир, или Тамир, поселился на том месте, где теперь стоит село, в котором я родился. От этого татарского князя моя родина и получила название Темирево. Однажды Темир рассердил чем-то рязанского князя, который и отправился на него с небольшим отрядом. Подходя к поместью Темира, рязанский князь со своим отрядом застрял в одном болоте, существующем и доселе. Здесь у него разболелись глаза. Не зная, что делать, он решился прибегнуть к помощи Божьей. Он обещал, что если выберется благополучно из темиревских болот и если вылечатся его глаза, и если он победит Темира, то он построит на месте хутора Темира церковь во имя святого Николая Чудотворца. Он действительно выздоровел и благополучно ушел из темиревских болот, смирившись с Темиром. Но все еще пылая мстью к Темиру, он забыл про свое обещание.

Спустя год князь рязанский выбрал опять предлог и отправился с отрядом выгнать Темира из его владений. Каким-то слу-

чаем он пришел опять на прежнее болото и по-прежнему завяз в нем. В это время, как рассказывают, ему явился во сне святой Николай Чудотворец и сказал, что это за то его Бог наказал, что он не исполнил своего обещания. Проснувшись, князь раскаялся и дал себе слово, как только прогонит Темира из его владений, построит обещанный храм. С трудом выбравшись из болота, он нанес поражение Темиру и прогнал его из Темирева. На этот раз рязанский князь исполнил свое обещание — построил храм. Храм этот существовал до пятидесятих годов девятнадцатого столетия. Болото, где явился святой Николай рязанскому князю, существует и доньше и называется Святое болото.

Но что же Темир? Оставался ли он в бездействии? Нет! Темир задумал в отсутствие рязанского князя уничтожить храм. Он отправился в Темирево один, без слуг, намереваясь поджечь его. Но он был пойман русскими людьми и убит. Татары нашли его в одном овраге, который называется Красулиным. Когда они узнали, какую смертью и за что он погиб, то оставили его без призора в этом овраге, а сами разошлись: одни на восток, где образовали село Озеево, другие на юг и тоже образовали село Бостаново. Оба эти села существуют и в настоящее время. Татары — озеевские и бостановские — и теперь считают нечистым местом Красулин овраг, где погиб их князь Темир.

ИВАН ГРОЗНЫЙ, ЕРМАК, КУДЕЯР

35. ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Прежде как на Руси царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь. У одного барина был крепостной человек — Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему: «Иван, пойдем на реку. Когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!» А Иван ему на это: «Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспрременно голову срублю!»

Пошли через реку, опустили свечи — и у Ивана свеча и загорись. Стал Иван царем, вспомнил свое обещанье: барину голову срубил. Вот с той поры за это его Грозным и прозвали.

36. НАКАЗАНИЕ ВОЛГИ

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополчение за реку Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства. Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега. Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валами страшные — лодки мечутся из стороны в сторону, летают, как пух...

Видит Грозный царь с берега, того и гляди, что перетопит все его воинство, и крикнул он громким голосом: «Не дури, река, присмирей, а то худо будет!»

Не унималась Волга и заволновалась пуще прежнего. «Палача сюда подать,— крикнул царь,— вот я тебя проучу!»

Пришел палач, мужчина здоровенный, и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге — вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула и лег на воде кровавый рубец в палец толщиной. Потихе пошли волны на реке, а царь кричит: «Не желей, валяй крепче!»

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее: кровь брызнула еще выше и рубец лег толще. Волга утишилась больше прежнего. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца на три толщины,— совсем присмирела тогда Волга. «Довольно,— сказал Грозный царь,— вот как вас надо проучивать».

После того благополучно переправилось через реку все войско и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страху. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видают на Волге три кровавых рубца, особенно летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

37. ДЕВИЧЬИ ГОРЫ

[...] Селение получило свое название несколько столетий тому назад, во времена знаменитого похода Ивана Грозного на Казань.

В ту пору, когда царь вел свое войско против татарского ханства, на месте теперешнего села стояла маленькая мордовская деревенька. И вот жители ее, узнав о походе Ивана Грозного, ополчились против московского царя, устроили заговор и решили убить его.

Одна девушка-мордовка услышала про недобрый замысел своих односельчан, села на коня и помчалась в стан Ивана Грозного. Она сообщила царю о том, что собираются сделать жители ее селения. Иван Грозный выслушал рассказ девушки, горячо поблагодарил ее за вести и наградил дорогими подарками. Но когда девушка вернулась в свою деревню, злые люди убили ее.

Весть об убийстве девушки дошла до царя, и он велел похоронить ее с великими почестями, как славного воина. А после похорон Иван Грозный приказал насыпать на могиле девушки-спасительницы высокий холм. Для этого каждый воин должен был принести к могиле по шапке земли.

Много воинов было тогда у московского царя, и все они свято выполнили приказ своего полководца. И вырос на могиле девушки высоченный холм.

По воле Грозного в деревеньке у подножья холма было оставлено несколько воинов, а само селение с того давнего времени стало именоваться Девичьими Горами.

38. ЕРМАК ПОД КАЗАНЬЮ

Татары подавляли Росею. Иван Грозный пошел с войском на Казань. Семь лет воевал царь, войско гибнет, а города взять не может. Грозный в то время дюже злой был, а тут первый боярин возьми да и скажи ему: «Мы вот, царь, воюем, а Ермак со своей ватагой бояр с купцами грабит». Иван Грозный дал приказ — поймать разбойника и повесить. Сколько ни посылали на Ермака войска, окромя урону ничего не получили. А Ермак видит, царь Казань не осилит, посылает к нему посла. Приходит

посол, говорит: «Царь, Ермак желает, чтобы ты его принял с войском на службу». Грозный отвечает: «Нехай сам придет, я с ним погутарю». Приходит до царя Ермак. Грозный спрашивает: «Не убоялся?» — «Нет», — говорит Ермак. «Что буду с тобой, разбойник, делать?» — «Принимай, государь, на службу». — «А победа будет?» — «Победа за нами». Царь пытается: «А чем ты гарантируешь?» — «Я порох выдумал. Сделаем подкоп, взорвем стены и город возьмем». — «А не брешешь, разбойник?» — «Правду говорю, государь!» — «Покажи, как это будет», — говорит царь. У Ермака с собой был мешочек с порохом. Пошел он с царем на черный двор, там стояла груба. Ермак заложил мешочек с порохом, замазал грубу глиной, поджег шнур. Порох вспыхнул да как ахнул, груба взлетела и рассыпалась. «Так мы и стены Казани развалим», — сказал Ермак. «Ладно, действуй», — говорит ему Грозный. Повел свою ватагу Ермак под Казань. Казаки прорыли подкоп, наклали в мешки зелья, зажгли шнур и свечи. В руках царя свечка догорела, а взрыва нет. Царь и говорит: «Набрехал разбойник. Повесить его». А в это время раздался взрыв, стена развалилась, войско бросилось в город. Царь казанский с женой уехали из города, а дочь царя ихнего замешкалась. Ермак взял ее в плен и на Дон прислал. От нее род Татариновых идет. [...]

39. ЕРМАК И ЕРМАКОВЦЫ

Вот этот самый Ермак, чего-чего он ни делал! Соберет, бывало, шайку, да не тайком, не втихомолку, а как есть при всем народе собирал себе товарищей. Пройдет, бывало, по станице да крикнет: «Казаки-атаманы! Есть ли здесь охотников идти со мной на Волгу рыбу ловить?» К нему, как комары на огонь, все и лезут! Соберет шайку, да и на Волгу! Там уж у них своя воля: без оброка ни одного судна не пропустит; раз бежало царское судно с царской казной — и тому спуску не дал: все дочиста обобрал! Царь и распалился гневом великим: «Подать, — говорит, — ко мне Ермака!»

Только вышла у нашего царя война с каким-то другим королем или султаном [...] . Пошла баталия: бились, бились — видит

наш царь: дело плохо, наша неустойка. Отколь ни возьмись Ермак Тимофеевич — ясным соколом прилетел со своими товарищами, казаками-атаманами, на подмогу нашему царю. Да наскочил Ермак-то Тимофеевич с флангу, с боку то есть. [...] Да как стал Ермак-то королевское войско лупить... Царское войско впереди, а Ермак сбоку, да и задку прихватил! Как со всех сторон обступили королевское войско, так всех и побили, ни одного живого не оставили, никого и в полон не брали, всех смерти предали!

Кончилась баталия, царь и спрашивает: «Кто мне помог дал? Позвать того человека ко мне!» Позвали Ермака к царю. «Что ты есть за человек?» — спрашивает царь. «Я,— говорит,— Ермак, ваше императорское величество». — «Тот Ермак, что мою царскую казну ограбил?» — спрашивает царь. «Тот самый, ваше императорское величество». — «Та вина теперь тебе, Ермак, отпущена,— говорит царь,— только вперед не балуй! А теперь скажи ты мне: каким чином мне тебя пожаловать?» А Ермак ему: «Никакого чину мне не надобно, а пожалуйте нас, ваше императорское величество, всех донских казаков Тихим Доном». Царь и пожаловал нас, донцов, Тихим Доном, оттого мы и прозываемся донскими казаками, а по Ермаку Тимофеевичу — ермаковцами.

40. СТАНИЦА РАЗДОРСКАЯ

Раньше в наших местах татары жили. Ермак очистил Дон от них и стал расселять свое войско по станицам. Поселил он казаков и в районе нынешней станицы Раздорской. Живут себе вольно, припеваючи. Все было бы хорошо, только жен у них нет. А как будешь жить, когда жены нет? Жены нет и дома нет. Вот раз Ермак спрашивает: «Братцы, как же дальше без жен будете жить?» Казаки ему: «Нельзя без них, атаман!» — «Да,— говорит Ермак,— плохо дело! Вот пойдете в поход, приглянется на чужой стороне красавица да и останетесь там. Так пойдет дело, Дон без казаков будет. Вы лучше зараз заводите себе жен, детей, тогда все на Дон возвернетесь. От жен да детей не уйдешь». Казаки рады, кричат: «Правду, атаман, гутаришь!»

Ермак Тимофеевич дает приказ: «Идите в поход, добывайте себе жен!» Пошли казаки в походы: кто на Русь, кто на Кавказ, кто на турок, а кто и в Польшу. Кто из похода возвернулся с женой, стал строить курень. Собрались в одной станице жены разных наций и пошла меж ними свара. Жены-то не понимают друг дружку. Скажет одна что, а другой кажется слово обидное. А каждый казак стоит за свою сударушку. Тут и начали жены, казаки промеж собой раздор чинить. Дня не было, чтобы не ругались. Видит такое дело Ермак, гутарит: «Отныне ваша станица будет называться Раздорской!»

41. О ЕРМАКЕ

В старые времена здесь жили вогулы. Они жили на Утке, где сейчас могильники. Их Ермак угнал отсюда. Ермак-казак, он что-то позагресил в своей стороне, кого-то пограбил, ему пришлось бежать. Он видит, что ему неминуемая гибель; артель собрал, приехал в Лысьву к графу Строганову. Здесь в то время вогулы все нападали и на графа тоже нападали. Ермак договорился с ним: «Дай снаряжение, я их угоню». Тот дал. Тогда Ермак больше собрал казаков, вот они пошли. Они шли по реке Чусовой, кверху, поднялись, пещеру нашли, в этой пещере Ермак и скрывался. Там скричишь: «Ермак» и откликнется: «Ермак». Не слышно было ничего, что обижал он кого. Утонул он в Иртыше. Он все гнал и гнал вогул, да еще хотел Сибирь завоевать.

На реке Иртыш он расположился отдыхать. А вогул он далеко угнал. Раскинули шалаши. Из своих халатов, кафтанов шалаши были. Раскинули из-за того, что поднялась буря, дождь. Они в это время и накинулись на него, на сонного. Он бросился бежать, видит, что гибель, а на нем на груди панцирь был. [...] А река Иртыш дикая, вот он и потонул. Казаки бежали к Ивану Грозному и доложили, что Ермак погиб в Сибири, а здесь все очищено. Тогда Иван Грозный совместно с графом Шуваловым организовали военный поход, завоевали остатки Сибири, а все-таки считается Ермак покоритель.

42. ЕРМАК

Спервоначала Ермак разбой держал по синю морю Каспицкому, да по матушке Волге-реке. [...] А потом спокаялся, почувствовался и захотел загладить грехи и все винности свои как перед Господом Богом, так и перед царем державным. Для этого, не спросясь, не доложась, без указа, значит, государева, пошел и покори́л Сибирь: выходит, самовольно покори́л. Из Сибири пришел в Москву к царю с повинною. Хорошо. Царь собрал бояр на совет: что делать с Ермаком? Один боярин сказал: «Надо-де Ермаку голову срубить». А Ермак на те его слова сказал: «Не к тебе я пришел, а к царю: царь меня и суди. Я сам не хуже тебя!» С этим словом Ермак выхватил из ножен саблю вострую и смахнул тому боярину буйну голову. Об этом и в песне сказано. Все остальные бояре ужаснулись, прикусили язычки; а иные из царских палат убежали: так сблон пришелся им Ермак. Царь и говорит:

— Ай да Ермак! В беде сидит, бедой кутит!

А Ермак молчит, стоит, не шевелится, смотрит прямо в глаза царю, не смигнёт, будто и не про него речь. Царь спрашивает его:

— Как ты смел мои корабли разбивать?

Ермак отвечает:

— Ваше царское величество! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить. Разбивал я корабли татарские, армянские и все басурманские. В том числе, видно, и твои под руку подвернулись. Почем я знал, что твои? Они ведь не орлены, не клеймены!..

— Резон! — говорил царь. — Правда, корабли мои не орлены, не клеймены. А ну, — спрашивает царь, — как ты смел в моих глазах боярина моего убить?

— А как он смел, — отвечает Ермак, — как он смел в твоих глазах такие дерзкие слова говорить, чтобы мне голову срубить? Никакое яройское сердце этого не вытерпит! Есть-когда я винен, суди ты, а не боярин: я сам не хуже его, може, еще получше!

Сказал это Ермак и ударил кулаком себя в грудь, индо сталь-ной лат на нем затрещал и лопнул по спайкам.

— Резон! — говорил царь. — Умеешь дела делать, умеешь и ответ держать. За Сибирь все вины тебе прощаю. Только, — говорит, — сослужи мне еще одну службу, последнюю; а там — хошь служи, хошь на покой иди. Не хватает у меня силы-мочи Казань и Астрахань взять. Возьми, — говорит, — Казань и Астрахань на мое царское имя, да без рати, — говорит царь. — По крайности на мою не надейся: нет у меня; всю, — говорит, — растеряли глупые воеводы. Извернешься, чай, как-нибудь? — спрашивает царь.

— Еще бы! — говорит Ермак. — Не учиться стать. Не впервой такие дела обрабатывать. Оба града, — говорит, — в три часа с половиной возьму; и рати с тебя не спрошу: свою найду. Затем, — говорит, — прощенья просим; счастливо оставаться, ваше царское величество!

И пошел Ермак на Казань и Астрахань. И взял Ермак Казань и Астрахань, взял без силы-рати, один взял с двумя своими вестовыми, — сам-третей, значит. — Ермак, между нами будь сказано, с прибыльцой немного был, — добавил рассказчик, — тоись имел в послушании у себя малую толику шишигов (чертей). Где рати не доставало, там он и выставлял их.

Взявши Казань и Астрахань, Ермак опять уехал в Сибирь: сторона та ему очень понравилась. Поехал Ермак в Сибирь затем, чтобы жизнь свою там кончить. Царь послал ему туда, за Казань и Астрахань, богатеющий подарок — золотой лат, в двенадцать пуд. Ермак обрадовался царскому подарку и задал товарищам своим банкет на лодках посередь Иртыш-реки. Пили, гуляли, из пушек палили, Расею и царя прославляли. Ермак нарядился в царский лат, разгуливал по банкету, с лодки на лодку перепрыгивал, но как-то неспоашился, оступился и полетел в воду, и попал в самую тоись суводистую суводь! Она его, голубчика, и втянула. Справиться-то он никоем манером уже не мог, потому самому, что на нем был царский лат двенадцать пуд: он пуще всего и утопил его. Таким-то побытом и кончил жизнь свою воитель Ермак, сын Тимофеевич!

43. МАРФА ПОСАДНИЦА

Марфа посадница славна была пирами да пирогами; хлеб-соль на столе, вино и брага на подносе; пей, ешь, веселись, только ее слушайся, а Бога она не знала, а святые ей нипочем. Во великую Софею ходила, а гордую поступь держала и выше всех себя почитала. Соловецкая Сума под рукой ее была, и держала она крестьян у себя и правила ими, как своей рукавицей.

Жил на этой Суме угодник Божий Изосима, но людно ему было. Переехал он на Соловецкий остров — и вот первое было чудо. Стал он там проситься у ловцов честно и хорошо: «Рыболовы, дайте мне сей остров на житье». Рыбари не соглашаются: «Не можем дать, — говорят, — нам это место пристойно для рыбной ловли». Бога просит неотступно Изосима, и вот Бог глас гласит с неба слугам своим, по его молению: накажите вы жены этих рыболовов — и сдадут рыбное место Изосиму. И били два мужа светлообразны до кровавых ран эти жены. И рыбари согласились сдать место Изосиму. И начал он тут житье расширять.

Вот и иное еще чудо. В займищи на Соловецком острове остался брат Изосимы по плоти, Германом зовут; ввечеру хлеба нет, а стало зиметь, и вот просит хлеба у Бога. Поутру выходит на улицу: стоит кережка с хлебом у врат его, у кельи. Елико Герман обрадовался: «Слава тебе, Господи», — воскликнул он, — и тем мог на зиму жить.

И вот сей святой старец, так прославленный Богом Изосима, приходит по гласу Божию к Марфе посаднице в Новгород; бояра и князи собраны у ней по ее хотению. Марфа посадница елико обрадовалась гостю с подсеверной стороны: «Откуда, — говорит, — мне счастье великое? Кто послал тебя, богобоязненный старец? Откуда, — говорит, — дал Господь ангела хлеба покушать?» Старец Изосима поясняет и благословляет ю в своем доме: «Бог тебя благословит, Божья на тебе благодать да будет». Марфа посадница зовет его на обед: «Пища у меня на столе набраная, и князья и бояре вкупе собраны, благослови, отче, пищу сию есть и пить!»

Сидят на пиру вси князья и бояра, едят оны — наедаются, пьют оны — напиваются, разговорами забавляются. Сидит Изо-

сима, притаился в переднем углу; он поднял голову свою честную, воззрел он оком ясным на этих гостей напитующих: visto они без голов сидят, не вином-то оны напиваются, оны кровью вси обливаются. Воскорбел старец и от туги прослезился: жаль ему стало князей и бояр, жаль ему стало великого Новагорода.

Отобедали и начали благодарить Марфу посадницу за благо ее — за добро. Тут подходит к ей старец Изосима и умильно ей говорит: «Ай же ты, раба Божья, Марфа посадница, благослови ты мни Соловецкую Суму к Соловецкому острову на странных прибежище, убогих пропитанье и братии на спасенье». Тут ответ держала Марфа посадница: «Не могу дать Сумы Соловецкой, и Сума мне самой надоб». И жаль ей стало Сумы Соловецкой, не рада она была великому гостю и поскупилась для ангела Божья.

И видит Изосима, что кривда сидит в Новгороде, а правда на небо взята. И скажет он последнее слово: «От моего здесь бытования дом Марфы посадницы будь пуст и в жилище этом живой человек не живи». Так и стало по слову его.

44. КАЗНЬ КОЛОКОЛА

Услышал Грозный царь во своем царении в Москве, что в Великом Новгороде бунт. И поехал он с каменной Москвы великой и ехал путем-дорогой все больше верхом. Говорится скоро, деется тихо. Въехал он на Волховской мост. Ударили в колокол у святой Софии — и пал конь его на колени от колокольного звону. И тут Грозный царь воспроговорил коню своему: «Ай же ты мой конь, пеловой мешок (мякина), волчья ты сыть; не можешь ты царя держать — Грозного царя Ивана Васильевича». Доехал он до Софийского храма и в гневе велел он отрубить снасти у этого колокола, и чтобы пал на землю, и казнить его уши. «Не могут,— говорит,— скоты звону его слышать». И казнили этот колокол в Новгороде — нонь этот колокол перелитой.

45. ИВАН ГРОЗНЫЙ В НОВГОРОДЕ

Еще за наших дедов, еще Питер был не под нашим владением, был царь Грозный Иван Васильевич. Приехал Грозный в Новгород, пошел к Софии к обедне. Стоит царь Иван, Богу молится; только глядит: за иконой бумага видится. Он взял ту бумагу и распалился гневом! А ту бумагу положили по насердкам духовники, а какая та была бумага — никто не знает. Как распалился Грозный царь — и велел народ рыть в Волхов; царь Иван стал на башню, что на берегу налево, как от сада идешь на ту сторону; стал Грозный на башню, стали народ в Волхов рыть: возьмут двух, сложат спина с спиной, руки свяжут да так в воду и бросят; как в воду — так и на дно.

Нарыли народу на двенадцать верст; там народ остановился, нейдет дальше, нельзя Грозному народу больше рыть! Послал он посмотреть за двенадцать верст вершников — отчего мертвый народ вниз нейдет. Прибежали вершники назад, говорят царю: «Мертвый народ стеной стал». — «Как тому быть! — закричал царь, — давай коня!» Подали царю коня; царь сел на конь и поскакал за двенадцать верст. Смотрит: мертвый народ стоит стеной, дальше нейдет. В то самое времечко стало царя огнем палить: стал огонь из земли кругом Грозного выступать. Поскакал царь Иван Васильевич прочь, огонь за ним; он скачет дальше, огонь все кругом!.. Царь соскочил с коня да на колечки стал, Богу молиться: «Господи, прости мое согрешение». Огонь и пропал. Приезжает царь в Новгород; там через сколько-то времени пришел к митрополиту обедать в постный день. Митрополит поставил на стол редьчину, а царю кажется — голова кобыля! «Чем ты меня потчуеть, митрополит? — говорит царь, — теперь пост, а ты поставил мясо, да еще какое — кобылью голову, что есть и в скоромный день грех большой!» Митрополит усмехнулся да и говорит: «Есть кобылью голову грех, а народ губить — святое дело!» Благословил митрополит ту редьчину, царю и показалась редьчина редьчиной.

С тех пор Волхов и не мерзнет на том месте, где Грозный царь народ рыл: со дна Волхова тот народ пышет... А где народ становился за двенадцать верст, там Хутынский монастырь царь поставил...

46. ИВАН ГРОЗНЫЙ В ПСКОВЕ И ПЕЧОРАХ

Первый раз царь Грозный приезжал: новгородцы пожаловались. Опсков тогда был не особая губерния, как теперь, а была тогда все одна Новгородская. Царь за какую-то заслугу сделал Опсков губернией, а новгородцы послали войско — опять привести псковичей под свою волю. Только псковичи такого звону задали новгородцам, что те насилу ноги уплели. Видят новгородцы, что сила не берет, послали Грозному сказать: «Псковичи, мол, бунтуют». А какой тут бунт? Ну, цари, разумеется, этого не любят; Грозный распалился гневом, поехал к Опскову; не доехал Грозный царь до Опскова за шесть верст, остановился он в Любятове. Прослышали псковичи, что Грозный царь пришел под Опсков громить Опсков и стоит в Любятове, с полуночи зазвонили в колокола к заутрени: Бога молить, чтоб Бог укротил сердце царево. Грозный царь тогда был заснумши в Любятове; как ударили в большой колокол, царь вздрогнул и проснулся. «Что такое? — говорит, — зачем такой звон?» — «Псковичи Бога молят, — говорят ему, — чтобы Бог твое царское сердце укротил».

Поутру Микола Христоуродливый велел всем, всякому хозяину, поставить против своего дома столик, накрыть чистою скатерткою, положить хлеб-соль и ждать царя. Попы в золотых ризах, с крестами, образами, с зажженными свечами, народ: общество, посадники, — пошли встречать Грозного и встретили у Петровских ворот. Только показался царь Иван Васильевич, откуда ни возмись Микола Христоуродливый, на палочке верхом, руку подпер под бок, — прямо к царю... Кричит: «Ивашка, Ивашка! Ешь хлеб-соль, а не человечесью кровь! Ешь хлеб — хлеб-соль, а не человечесью кровь! Ивашка, Ивашка!» Царь спросил про него: «Что за человек?» — «Микола Христоуродливый», — ему сказали; царь — ничего, проехал прямо в собор.

А Микола Христоуродливый заехал, все на палочке верхом, заехал вперед; только царь с коня, а Микола: «Царь Иван Васильевич! Не побрезгуй моими хоромами, зайди ко мне хлеба-соли кушать», а у него была под колокольнею маленькая келейка. Царь пошел к нему в келью. Микола посадил царя, накрыл стол, да и положил кусок сырого мяса. «Чем ты меня потчуешь! — крикнул Грозный царь, — как ты подаешь мясо: теперь пост [...],

да еще сырое! Разве я собака?» — «Ты хуже собаки! — крикнул на царя Микола Христоуродливый, — хуже собаки! Собака не станет есть живого чело­вечья мяса — ты ешь! Хуже ты, царь Иван Васильевич, хуже собаки! Хуже ты, Ивашка, хуже собаки!» Царь затрепнулся, испугался и уехал из Опско­ва, никакого зла не сделавши [...].

Другой раз Грозный царь был здесь в Оп­скове, когда он был ехамши под Ригу воевать; под Ригу он ехал: на Изборск, на Печоры. На то время в Печорах архимандритом был преподобный Корнилий. Был Грозный приехамши в Печоры; встречал его с крестом-иконами Корнилий преподобный. Благословил его Корнилий, да и говорит: «Позволь мне, царь, вокруг монастыря ограду сделать». — «Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилий, сделаешь? Маленькую делай, а большой не позволю». — «Да я маленькую, — говорит Корнилий преподобный, — я маленькую; коль много захватит воловья кожа, такую и поставлю». — «Ну, такую ставь!» — сказал, засмеявшись, царь.

Царь воевал под Ригую ровно семь годов, а Корнилий преподобный тем временем поставил не ограду, а крепость; да и царское приказание выполнил: поставил ограду на воловью кожу; он разрезал ее на тоненькие-тоненькие ремешки, да и охватил большое место, а кругом то место и огородил стеной с башнями — как есть крепость. Воевал Грозный царь Иван Васильевич Ригу семь лет и поехал назад. Проехал он Новый Городок, не доехал Грозный двенадцати верст до Печор, увидел с Мериной горы — крепость стоит. «Какая такая крепость!» — закричал царь. Распалился гневом и поскакал на Корнилиеву крепость.

Преподобный Корнилий вышел опять встречать как царский чин велит: с крестом, иконами, колокольным звоном. Подскакал царь к Корнилию преподобному: «Крепость выстроил! — закричал царь. — На меня пойдешь!» Хватъ саблей, и отрубил Корнилию преподобному голову. Корнилий преподобный взял свою голову в руки, да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий преподобный за ним, а в руках все держит голову. Царь дальше, а Корнилий преподобный все за ним да за ним... Царь видит то, стал Богу молиться, Корнилий преподобный и умер. Так царь ускакал из Корнилиевой крепости в чем был, все

оставил: коляску, седло, ложки [...], кошелек с деньгами забыл... Так испугамшись был. После того под Опсков и не ездил.

47. СОРОКИ-ВЕДЬМЫ

Когда царем в Москве был Иван Васильевич Грозный, то на Русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия множество. Долго горевал благочестивый царь о гибели народа христианского и задумал наконец извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуньев и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы. По этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям с строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются.

Вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило полымя ведьм — и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой черный столб дыма, и полетели из него сороки, одна за другою — видимо-невидимо... Значит, все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда Грозный царь и послал им вслед проклятие: «Чтобы вам, — говорит, — отныне и до веку оставаться сороками!»

Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока никогда не долетает до Москвы ближе шестидесяти верст в округе.

48. РАСПРАВА С БОЯРАМИ

Когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и начал он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем и не знал о всех их утеснениях. Насмелились тогда разные ходоки, пришли в Москву и рассказали царю, как ослушаются его князи-бояре, как разоряют людей православных, а сами грабят казну многую и похваляются самого царя известью. Разозлился тогда царь на бояр и велел виноватых казнить и вешать. Тогда бояре совсем перестали его слушаться и начали его ссылать из царства вон неволею. Как ни грозен был царь, а убоился бояр и выехал с горем из дворца своего, попросился с народом и отправился куда глаза глядят. Все его покинули, только один любимый его боярин поехал с ним вместе. Долго ли, коротко ли ехали они по лесу — и встосковался царь по своему царству, и молвил своему боярину: «Вот Бог избрал меня на Московское царство, а я стал хуже последнего раба. Нигде нет мне пристанища, никто меня не пожалеет и куска хлеба взять негде».

Только смотрят на лес, а березка кудрявая стоит впереди них и кланяется царю. Поклонилась низко раз, другой и третий... Не утерпел тогда царь, заплакал и сказал своему боярину, указывая на березку: «Смотри, вот бесчувственная тварь, и та мне поклоняется как царю, от Бога поставленному, а бояре считают себя разумными и не хотят знать моей власти [...]. Стой! Поедем назад. Прочу же я их и заставлю мне повиноваться». И велел царь той березке повесить золотую медаль на сук за ее почтение. А когда вернулся в Москву, то перекрушил бояр, словно мух.

49. ВОР СПАС ЦАРЯ

Ходил ночью по Москве царь один, разведывая о благосостоянии своих подданных, заглядывал в питейные дома и разные подозрительные места, сходил с лицами всех сортов

общества и расспрашивал их за панибрата. Вот познакомился он с одним ловким вором и мошенником, узнал о его ремесле и стал подбивать его обокрасть казну государеву; вор с первых слов обругал царя за это предложение, прибавив, как он смеет посягать на общественное достояние, и не хотел с ним идти на воровской промысл. «Вот другое дело,— сказал он,— пойдем к тем, которые крадут казну государеву. Это будет лучше!» Пошли они по улицам московским и увидели свет во втором этаже палат близкого к царю боярина, у которого было немало народа. «Послушаем,— шепнул вор,— о чем там разговаривают». Достал он из кармана кошки (железные крючки, нашитые на пальцы кожаных перчаток), навязал на руки ремнем и живо взобрался под окно второго этажа, долго подслушивал разговор бояр, спустился и сказал: «Плохо дело! Надо бы дать знать царю, что бояре сговорились завтра вечером отравить его; этот близкий боярин пригласит его завтра к себе в гости и поднесет ему заздравную чарку с ядом. Как бы ухитриться донести государю?» Царь Грозный отвечал, что у него есть при дворе хороший знакомый служитель и он чрез него сейчас же непременно сообщит государю о заговоре на его жизнь.

Тут они распростились и переодетый царь пригласил на другой день утром вора к себе в гости; он разъяснил ему, чтобы пришел к воротам царских палат, где живет его приятель придворный, и назвал его по имени. «На, вот тебе мою палку, позови служителя и покажи ему: эта палка ему знакома, он — пустит тебя к себе, и там мы с тобой покутим на радости, что царя спасли. Да чего доброго, дадут нам и награждение за это. Смотри же приходи, как услышишь колокол к поздней обедне; я тебя там стану дожидаться». Отдал ему палку — и скрылся.

На другой день вор пришел к царскому дворцу, вызвал служителя, о котором ему говорил неузнанный им царь, показал ему палку и тотчас приглашен был по заказу к самому царю, который велел его накормить, напоить и держать до вечера. Он хотел увериться, действительно ли вор сказал правду, что любимый им боярин хотел извести его на смерть. Когда время клонилось к вечеру, боярин этот прибыл к царю и сильно стал просить его приехать в гости; царь принял его чудесно, как будто ничего не подозревал, и обещался быть в его доме через час. Когда

уехал боярин, Грозный велел поставить около его дома тайно отряд солдат, чтобы они по свисту его тотчас окружили и не выпускали никого оттуда; а вору заказал, при этом знаке, на кошках прямо лезть в окно второго этажа. Сделав такие распоряжения, царь отправился на вечер к боярину; началась пирушка, веселье общее, и поднесли государю заздравную чару.

Тогда царь принял в руки и сказал: «Любил я тебя, хозяин, пуще всех бояр и, в знак этой любви, прими и пей чару государеву, а я выпью из твоей чарки». Ужас обнял всех гостей, злоумышлявших на жизнь царя; а боярин стал отказываться выпить, как недостойный прикасаться к питью государеву.

Свистнул тогда в окно Грозный; солдаты окружили дом боярина, а вор влез на кошках во второй этаж в окно и стал обличать всех и передавать, что он слышал накануне вечером от каждого. Царь заставил выпить приготовленную ему чару сядом хозяину, который и умер в страшных мучениях очень скоро перед глазами царскими; других бояр государь велел перевязать солдатам, а вору драть их своими железными кошками. С ними он расправился на другой день; а вора велел наградить за верность к царю и к казенному имуществу, дал ему средства богатые, и он сделался потом хорошим человеком.

50. ИВАН ГРОЗНЫЙ В ВОЛОГДЕ

Иван Васильевич Грозный хотел Вологду сделать столицей. Ему все мерещилась измена. Он уже переехал туда. Стены были дубовые. Он построил собор, и стали святить его. Явилось все духовенство. Царю сделали место у правого клироса. Он стал, а кирпич свалился и в ноги ему упал. Он разозлился и всех разогнал. Церковь была не освящена до Александра Первого.

51. О ХУДОЯРЕ

Худояров городок — в шести верстах от Кроткова, на севере Сенгилеевского уезда [...]. Там находили предметы земледельческие, панцири, прясла, стрелы, копья, следы каменных построек (в лесу) на Лыковой горе; затем на тридцать верст лесом вымощена камнем дорога до Сенгилея, к Волге. Предание следующее. Жил тут хан Худояр, один из дальних родственников Ивана Грозного, который за убийство своей жены был сослан на берег Волги, где и построил два городка: близ деревни Караниной и села Кроткова. В последнем он жил со всею своею челядью и защищался от набегов буртасов, а кто говорит — ногайцев или калмыков.

52. КЛАДЫ КУДЕЯРА И РАЗБОЙНИКОВ

Около Хренниковой мельницы, по Ксизовской дороге, зарыто сорок бочек золота под плошавым корнем, в дурном верху. Кудеяр тогда давным-давно, при царе Иване Грозном, почту ограбил, да и спрятал туда.

То же и на Лысой горе, Ендовиной называется, у Кузьминоме лесу — три кадки золота... Тут жили силачи-богатыри. У них была застава, городище. Еще на моей памяти был тут огромный строевой лес, глухой-глухой, что и войти в него страшно; при шоссе было городище. Это, как бы сказать, курганок такой, небольшой; там и теперь еще видны ворота и проезд. Такое же городище было и в селе Козачьем (в семи верстах от первой заставы).

Никому они ни проходу, ни проезду не давали. Если одному из них не под силу справиться с кем, то один разбойник бросает другому топор, а тот уж понимает, что идти надо. Вот какая силаща-то! Да что до сказау, мой дядя родной выкопал кости богатырские — одна кость до колена, нижняя, больше трех аршин.

53. ФЕДЬКА РЫТИК И КУДЕЯР

[...] Поговорка есть: «Орел да Кромы—старинные воры; Ливны всем вора́м дивны; Елец всем вора́м отец, да и Карачев на поддачу!» Значит, всю губернию похвалили! И каких воров не было! Вот, слышал ты, к примеру взять, Рытик Федька — чего-чего он не делал! Поймают его, засадят в острог, скуют руки ему, ноги, а он напишет угольками на стене лодку, плеснет на лодку водой, сядет в лодку со всеми острожными да и поплывет, куда ему надо! Сколько раз его ловили, сколько раз он пропадет да и пропадет из острога! Насилу догадались: как попросит пить, так дадут квасу, а воды хоть распросись — ни ложки... Ну и извели.

А то еще был Кудеяр; этот где-где не разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску — везде побывал, везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю, да все с проклятиями: страшный колдун был. И какую поганой силой владел: раскинет на берегу речки, озера, так какого ручья, раскинет полушубок или свиту и ляжет спать; одним глазом спит, другим сторожит: нет ли погони где; правый глаз заснул — левый сторожит, а там левый спи, правый сторожи — так вперемину; а как завидит где сыщиков, вскочит на ноги, бросит на воду полушубок, на чем спал, и станет тот полушубок не полушубок, а лодка с веслами; сядет Кудеяр в ту лодку — и поминай как звали... Так и издох своей смертью — никак изловить его не могли, как там ни старались.

54. КУДЕЯР НА ДЕСНЕ

На самом том месте, где теперь лука, был дремучий лес, и в том лесу Кудеяр притон имел, а в том же лесу на самом берегу на Десне стоял дворишко или два, так, выселочек небольшой. В этом выселке жил мужик степенный, мужик настоящий, и вел он порядки по-Божьи: людей не забижал, дурными делами не занимался, и была у него дочь, прераскрасавица-красавица, и

полюбилась она этому Кудеярищу-разбойнику; у хорошего мужика девка-дочь не зашалит, да и девка-то не такая была, чтоб прельститься на разбойника. Кудеяр и так, и сяк — все его дело не выгорает! Захотел Кудеяр девку силком захватить.

Присмотрел он пору-времечко, когда отец с матерью на работу, что ли, пошли, на крестины ли к кому — только во всей избе одним-одна эта девка осталась. Глядит девка в окно, видит: Кудеяр в избу идет; та двери на запор и сидит ни жива ни мертва... Стал Кудеяр в двери стучаться. «Что тебе надо? — спрашивает девка, — зачем пришел?» — «Пусти, — говорит Кудеяр, — надо!» — «Да что надо-то?» — «А мне тебя надо, с собой хочу взять — долго я этого времени дождал! Отвори скорей!» — «Не отворю, — говорит девка, — ступай, разбойник этакой, ступай, откуда пришел». — «А не хочешь волею, рыло воротить — так силою заставлю полюбить!»

Как сказал эти слова Кудеяр и стал двери ломать; а девка сама не своя, схватила икону Пресвятой Владычицы Богородицы, что в переднем углу стояла, схватила да в окно и выпрыгнула; не успела девка выскочить в окно, как Кудеяр разломал дверь и в избу смотрит, а в избе никого нет.

Глянь в окно — видит, девка к речке Десне бежит; он за ней вдогонку побежал; девка от него, он за ней; совсем уж было догнал, только девка подбежала к Десне и стала молиться: «Матушка Пречистая Богородица! Матушка Десна-река! Не сама я тому виною — пропадаю от злого человека!» Сказала те слова и бросилась в Десну-реку; и Десна-река тот же час на том месте пересохла и в сторону пошла, луку дала, так что девка стала на одном берегу, а Кудеяр-разбойник очутился на другом! Так Кудеяр никакого зла и не сделал; а другие говорят, что Десна как кинулась в сторону, так волною-то самого Кудеяра захватила да и утопила.

БОРИС ГОДУНОВ И ЛЖЕДМИТРИЙ; ПОЛЬСКИЕ И ШВЕДСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ; ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ НА ПРЕСТОЛЕ И РАСКОЛ

55. БОРИС ГОДУНОВ

Собрались все российские бояра в каменной Москве и советуют о том, как, господине, будем царя выбирать. И удумали бояра выбирать его таким положением: есть у Троицы у Сергия над воротами Спаситель и перед ним лампада; будем все проезжать чрез эти ворота, и от кого загорится свеча пред лампадой, тому и быть царем на Москве над всей землей. Так и утвердили это слово. По первый день с самых высоких рук пущать людей в ворота, по другой — среднего сорту людей, а по третий и самого низкого звания. Пред кем загорится лампада против Спасителя, тому и царить на Москве.

И вот назначен день для вышних людей ехать к Троице: едет один барин с кучером своим Борисом. «Если я,— говорит,— буду царем, тебя сделаю правою рукою — первеющим человеком, а ты, Борис, если будешь царем, куда ты меня положишь?» — «Что попусту калякать,— отвечал ему конюх Борис,— буду царем, так

и скажу...» Въехали они в ворота в святую обитель к Троице — и загорелась от них свеча на лампаде — сама, без огня. Увидели вышние люди и закричали: «Господие, Бог нам царя дал!»

Но раздробили, кому из двух царем быть... И решили, что по единому пущать надо. На другой день пускали людей среднего сорта, а на третий день и самого низкого сорта. Как зашел конюх Борис в святые ворота, глаза перекрестил по рамам — и загорелась свеча на лампаде. Все закричали: «Господие, дал нам Бог царя из самого низкого сорта людей!» Стали все разъезжаться по своим местам. Приехал Борис-царь в каменну Москву и велел срубить голову тому боярину, у которого служил он в конюхах.

Но вот Борис-царь сделался нездоров; насыпала на него скорбость в палец толщиной от главы до ног на всякое место. Собрал он дохтуров со всей России и из Турецкой земли. И тут все они сказали: «Царю, нам не использовать тебя, а надо призвать человека болезнь твою языком полизать и не с неволи, а с воли». По первый день сделал клич с высоких лиц, кто может царскую боль языком полизать, и никто не сыскался. На другой день — среднего звания, тоже никто. На третий день сделали клич из черняди. И вызвался один по имени Иван, олончанин, из Ялгубы, и полизал он царскую боль на ложи во дворце.

Через три дня царь сделался здоров, призвал его во дворец и спросил: «Что ты хочешь получить себе, мужичок, сходи домой, подумай и скажи». Идет этот человек по Москве; из лавки выходит купец украшен сединой. Он, как и многие в Москве, узнал, что от него царь получил себе здоровье. «Сядь, — говорит, — посиди со мной; что ты, — говорит, — хочешь просить себе от царя за исцеление? Проси ты, — говорит, — обельной грамоты из роду в род». Пришел он во дворец и просил себе обельной грамоты из роду в род. Царь сделал по его прошению.

И воротился он на родину в Ялгубу. И вдруг из его гортани пошел смрад, и так жил он до смерти с этою пухотою. А грамота его идет из рода в род и каждому царю поступает на требование.

56. МАРФА РОМАНОВА И ЗАОНЕЖАНЕ

В деревнях Заонежья от поколения к поколению передается легенда о ссыльной царице. Многие названия деревень и мест связаны с этим событием и хранят его память. Эта ссыльная царица — боярыня Марфа Романова, мать первого царя из дома Романовых, Михаила, сосланная в ссылку в деревню Толвую Борисом Годуновым. Пробыла Марфа в ссылке более восьми лет, пока не избрали бояре на престол ее сына Михаила. В ссылке за ней был надзор, чтобы она не возвращалась с крестьянами. Однако один крестьянин не побоялся запрета и, несмотря на запрещения старосты, помогал ссыльной, привозил ей дрова, свежую рыбу с ловли.

Когда сын Михаил стал царем, он сразу же прислал бояр за матерью. Марфа взяла с собой в Москву помогавшего ей крестьянина и сделала его своим ключарем, поэтому деревня, где он жил, стала называться в Заонежье Ключарёво. По дороге Марфа приказала останавливаться в тех деревнях, где были православные церкви, и служить победный молебен. Жители этих деревень приветствовали ее. После молебна Марфа от руки писала обельные грамоты крестьянам этих деревень, что своим именем она освобождает их от уплаты податей.

Деревни эти стали называться в Заонежье обельщины. Всего в Заонежье четыре обельщины.

Последняя остановка была в Сенной Губе, в деревне Климентьевской, там была часовенка апостолу Петру. Царица хотела остановиться в Кижях раньше, чтобы там помолиться за победу над иноземцами, так как Кижы и Сенная Губа тоже подверглись нападению иноземцев и пострадали, но в Кижях была сожжена шведами старая церковь, и пришлось остановиться только в Сенной Губе. Царица ночевала в деревне Климентьевской, а на щелье за деревней бояре устроили пир в славу русской победы. С того времени щельга эта называется Боярской.

Из Сенной Губы лодка отправилась на Пудож в объезд Клименецкого острова. В монастыре, в Клименицах, ждали появления лодки. На колокольне дежурил звонарь. Как только лодка заехала за гору Медвежицу на полпути, раздались радостные звоны. В монастырь царица не заехала, торопилась при попут-

ном ветре проехать озеро и попасть в Пудож. На пристани монахи служили молебен в честь царицы, махали кадилами на воду, желая ей счастливого пути и попутного ветра. На лодке все стояли стоя и слушали молебен, а царица утирала слезы умиления и махала монахам платочком.

Лодка обогнула остров, и, пока она была видна в волнах Онега, всё звонили колокола и продолжалась служба. Эта пристань стала называться Священной. На ней принимали потом знатных гостей, приезжавших в монастырь. За причал к Священной пристани давали в монастырь большие подаяния.

Все эти названия сохранились и до наших дней. Недавно лишь была разобрана часовенка в деревне Климентьевской [...]. На полу место царицы было обчерчено красным. На царское место не имел права никто ступить, даже священник во время службы.

А обельные грамоты потом отменил Петр Первый.

А деревня Ключарёво получила название в честь царского ключаря.

57. ЦАРИЦА МАРФА ИВАНОВНА

Эта царица сослана была на Выг-озеро, в пределы Беломорские, в Челмужу, в Георгиевский погост [...]. Для житья ее велено было устроить бочку трехпокойную, чтобы в одном конце держать овес, а в другом — вода, а в середине — покой для самой царицы.

А в этом Челмужском погосте был поп Ермолай. И сделал он турик с двумя днами; поверх наливал в него молоко, а в середине между днами передавал письма и гостинцы, посланные из Москвы.

Тын и остатки ее жилья видны были до последнего времени. Поп Ермолай с восшествием на престол Михаила Федоровича вызван был в Москву и определен к одному из московских соборов, а роду его дана обельная грамота, которая и поныне цела, и в этой грамоте пишется о радении попа Ермолая.

58. ОБЕЛЬЩИНА

В обонежскую пятину, в Егорьевский погост, сослана была инока Марфа Ивановна: «овсянкой кормить, водой поить». Когда сын ее, царь, проведал об ней, то достал ее в свою местность, а потом потребовал с Егорьевского погоста к себе на лицо кормителей и поителей.

По день и по другой были собраны сходки, но никто не смел объявить о себе, и не смели идти к царю: опасались, что будут казнить; или повесят на виселицу, или отрубят голову; думали, что будет худо, а не знали, что сделается добро. Только самые отчаянные вызвались на сходе идти к царю, порешивши, что чему быть, то будет, что двух смертей не будет, а одной не миновать.

Когда явились они в Москву, Марфа Ивановна встретила их с радостью такими словами:

— Здравствуйте, приятели мои, любители, кормители! Что вам угодно? Деньги ли, али одежда, али житье светло? (Значит, чтобы никаких повинностей не было из роду в род свой.)

Они ответили:

— Милосердная государыня, дай нам сроку на три дня подумать.

Она дала им сроку подумать на три дня.

И вот они ходят по городу, день, другой и третий. Видит один купец-старичок их, ходящих по городу, и говорит:

— Ну что вы, старички, ходите по городу третий день; ничего не купите и не продаете?

Они рассказали ему, в чем дело. Купец им дал такой совет:

— Ну, старички, если деньги возьмете — деньги пройдут, одежду возьмете — одежда сносится; а возьмите, я советую, светлое житье: чтобы никаких повинностей с вас не спрашивали, ни податей, ни дорог и прочее — из роду в род свой.

Старички сделали по совету купца: спросили себе светлое житье, и Марфа Ивановна выдала им грамоту.

59. МАРФА РОМАНОВА И КЛЮЧАРЕВСКИЙ РОД

[...] Наше село старинное. Лет десять когда мне было, в то время праздновали трехсотлетие царствования дома Романовых. С Повенца на пароходе привезли такую икону Николая-чудотворца, да всё; одним словом, эдак торжественно провозжали трехсотлетие [...].

Прежде было: царь Годунов праздновал (он, кажется, зять еще государя был, этот Борис Годунов), было смутное время тогда на Руси. Ну и вот бояра видят, что тут Борис Годунов худо царствует да всё да. Смутное время всё такое было, ну вот и решили выбрать своего царя, своего местного царя. Ну и, так сказать, пожелали выбрать из родовитого боярского племени. И вот в то время был знаменитый, значит, Филарет, митрополит Филарет был. У него был сын Михаил, шестнадцатилетний. И вот бояре решили выбрать этого Михаила царем.

А этот, Борис-то Годунов, как узнал, что Михаила Федоровича выбирают царем, он взял сослал его в Псковскую губернию, в ссылку сослал. Отца, Филарета, в Девичий монастырь сослал. А мать ихну (Марфа Посадница называлась) сослал сюда: за Онегом — вот Толвуя, Шуньга, Кузаранда — эта земля называлась Заонежская пятину. И вот в эту Заонежскую пятину он, так сказать, сослал мать Михаила Федоровича. Ну, она (как Чёлмужи — это ближайшее село) приезжала сюда, в Чёлмужу.

А здесь была церковь, вот и сейчас существует, Петра и Павла церковь, вот уже четыреста лет теперь скоро будет этой церкви. При ней был ключарь такой (не знаю, уж староста ли он был ли церковный или кто такой, но ключарь был). Он заведовал этой церковью. Дак он приглашал эту мать Михаила Федоровича Романова, кормил сигаами (здесь рыбы много ловилось), кормил ю.

Прадедом-то этим всем боярам Ключарёвым (что вот в той деревне Ключарёвы-то есть) вот этот самый ключарь-то и оказался: им Ключарёвы фамилия, сейчас восемь хозяйств их осталось, а тогда один был.

А церковь вот эта, что сейчас существует, — Петра и Павла, в то время существовала тая церковь...

Ну, ладно. Потом, значит, когда уже Михаила Федоровича

бояра-то выбрали царем и мать отсюда доставляли в Москву, и как раз мать-то в награду за то, что этот ключарь ее кормил, оберегал — всё, за это она ему дала вотчину. Вотчину — вот это крестьян нашей деревни Кручихи, Верховья, значит, — дала этому ключарю в награду. И он стал уже боярином.

С тех пор вот эта Боярщина-то и существует. Слово «боярщина» — это такое название, а настоящее им — деревня Исааковская. А боярам, как бояра, дак Боярщина и есть.

И наградила этого ключаря этой вотчиной-то. И вот наши крестьяна до периода, когда царь Александр Второй освободил этих крестьян от помещиков, — в тот момент и наши крестьяна освободились от бояр, в тот момент [...].

Боярам была дана обширная дача лесная, потом земли, покосы — всё ихно было, всё было ихно. Крестьяна у них работали в батраках; у них, у бояр, работали эти крестьяна.

Ну, одним словом, тот-то, не знаю, как жил этот ключарь, а потомство-то было, значит, такое, что они как бояра да жили на крестьянской шее, да тут жили да всё да, конечно, вели себя тоже уже как хозяева, так сказать; ну, очень заносились этим своим положением. Ну, жили, я говорю, на крестьянской шее жили, на крестьянской.

Ну, рассказывают старушки вот это наши, прабабушка рассказывала, что как утро:

— Эй, на работу! [...]

И шли на работу к им в то время.

Ну вот, и с тех пор, так сказать, вот эта Боярщина оказалась. Они оказались бояра, а наши вот прадеды оказались у помещиков подчиненными [...].

А вот я говорю, как в кучке накладывают эти деньги, как бояра получают за дачу, за лесную дачу получают деньги, дак по кучкам раскладывают, какому боярину сколько, да потом гребут к себе в шапку деньги-то со стола [...].

60. ПРО ПАНОВ

Когда Гришка Отрепьев воцарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали возить в бочках, по три-четыре человека в бочке. Много ли, мало ли навозили, но один раз везли на санях бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок, к заутрене, благовестить. Увидел бочки и спросил: «Что везете?» — «Мариново придано». Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили.

Дьячок побежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ и поляков перебили. Те поляки, что были привезены раньше, испугались и убежали из Москвы. Бежали куда глаза глядят, часть добежала до Выг-озера, поселились на одном острове, и устроили городок, и стали грабить народ.

На Деревенском наволоке жил тогда один житель — Кбйка. Пань-разбойники с Койкой ознакомились, к ему выезжали и Койку пока не трогали. Но полякам не нравилась жена Койки, злая и зубатая старуха. Вот они и собрались убить ее. Койка как-то ушел в лес, паны понаехали, а старуха догадалась, забилась под корыто и лежит. Паны искали, искали, не могли найти и говорят между собой: «Куда к черту девалась эта зубатая старуха!..» Старуха под корытом и не вытерпела: «Да я словцо против слова ответить знаю». Паны вытащили старуху из-под корыта и убили.

Раззадорились, пошли искать и Койку; поймали и его хотели убить. Койка и говорит: «Что вам меня убивать, у меня ведь денег нету, я лучше вас отвезу к Надвоицам. Там богато живет Ругмак, у него денег много». Паны согласились. Койка посадил их в лодку и повез. Когда стали подъезжать к Надвоицам, Койка панам и говорит: «Смотрите, там много народу, надо подъехать скрытно. Я заверну вас в парус и скажу, что везу на мельницу хлеб». Паны согласились, Койка завертел их в парус и положил на дно лодки. Когда подъехали к Падуну, на Выг-реке, Койка выскочил из лодки на камень, лодку подтолкнул в Падун и закричал: «Ну, теперь вставайте!» Паны вскочили и увидели, что перед ними Падун; остановить лодку не могли, все в Падуне потонули.

Койка знал, что на одном острове у панов деньги в котле закопаны, съездил на остров, выкопал котелок, а с Деревенского наволока переехал на то место, где теперь погост. Койкинцы от него и пошли.

61. ПАНСКОЕ ОЗЕРО

В смутное время паны, убежав из Москвы, пришли и в нынешний Лодейнопольский уезд. Однажды один крестьянин пошел на охоту и увидел, что навстречу ему идут больше тысячи вооруженных людей, а за ними тянется обоз. Мужичок, чтобы спасти своих однодеревенцев, решил пожертвовать жизнью и пошел им навстречу. Паны схватили его и начали пытаться и спрашивать о местных богачах. Мужичок обещал указать богатство своих соседей, паны поверили, и крестьянин повел панов, отводя их от родного села все дальше и дальше. Настала ночь, и мужичок пришел на какую-то равнину. Панам показалась тут деревня, они и бросились туда. Только что паны отбежали от мужика, и вдруг он видит, что на равнине панов нет, а перед ним круглое озеро, которое и теперь называется в народе Панское. Мужик, подивившись, хотел было пожить с панских повозок, но только приблизился к ним, они и провалились, и образовался теперешний Панской ручей.

62. ПАНЫ-УТОПЛЕННИКИ

Шайка панов зашла в Мегру и требовала выкупа. Крестьяне придумали, чтобы отделаться навсегда от непрошенных надоедливых гостей, следующее. На озере в семи верстах от села они послали несколько человек опешить озеро, т. е. подрубить лед пешнями. А старики пришли к панам и говорят: «Мы, пожалуй, завтра покажем вам свои богатства, так и быть». Паны обрадовались, и на другой день старики повели панов к озеру, указали на середину его и сказали: «Вот там наши богатства». Паны поверили и бросились на лед и только достигли середины озера, лед

подломился, все они и потонули. В Меграх до сих пор уверяют, что, если подойти близко к воде, из этого озера слышатся стоны утопленников, умоляющих вытащить их из воды. В дни поминовения усопших паны особенно жалобно стонут и молятся настойчиво, а если в эти дни очень близко подойти к озеру, то растеряешь свое платье и никак не выйдешь из озера до следующего дня.

63. ГИБЕЛЬ ПАНОВ

Когда они стояли под Николой, дошли раз до деревни Мадовицы; а в Мадовицах по угородам навешаны были на кольях снопы конопли. Им показалось, что это выступило много народу против них, и поворотили назад опять под Девятую. В другой раз оттуда уже не подходили к Мадовицам, да скоро они после этого и погибли. Их атаман будто бы сошел с ума и стал кричать: «Смотрите-ко, робята, седатой-от старик круг шатра у церкви ездит на лошади и мне грозит... Не застращаешь меня!» После того забегал этот атаман с мечом да в озере и утонул... А паны-те варили кашу да вместо пены-то кровь косами заходила: они и узнали, что гибель скоро приходит. Тут, сколько денег, богатства их было, — все в котел склади и утопили в Городишном озере; а над котлом поставили плот из слег, на плот наносили земли да и плот на котел утопили. А потом и сами в этом же озере уходились.

64. СВАДЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Поляки приехали через Онего на лодке. Высадившись в Сенной Губе, они ограбили монастырскую церковь в деревне Моталово, угнали монастырский скот. В деревне Сенной Губе поляки насильно увезли девушку из семьи Абрамовых замуж за своего предводителя. Из Сенной Губы на лодке они направились в Кижы, чтобы грабить кижские деревни и продвигаться в глубь Заонежья и завоевать его.

Лодка наткнулась на подводный камень и опрокинулась.

Захватчики взобрались на днище и просили о помощи. Их спасли, разоружили, расселили в разные деревни Заонежья, оженели на русских женах. Их предводителя хотели убить, но пожалели девушку, она ждала уже ребенка. Когда их привезли на берег, они плакали, просили пощады, указывали на своего предводителя. А он стоял молча, о пощаде не просил, опустив глаза и обняв жену. Когда уже совсем было решилась его участь, вдруг вступилась девушка и спросила, куда же ей теперь деться и как она будет жить дальше с безотцовским дитем. Тут и родители ее стали просить не убивать. Их обвенчали и поселили в Космозере, в какой-то из деревень. Потом его внук, Ржановский, стал священником в Сенной Губе.

А двое совсем не могли говорить по-русски, только плакали и кричали: «Пан! Пан!» Их записали «Пановы» и поселили одного в деревне Косельге, другого — в деревне Войнаволоке.

А камень, где ударилась лодка, стал называться Свадебным камнем. Лодку затопили возле камня. И сейчас в ясную погоду она проглядывается сквозь толщу воды. Так говорит предание. А потомки этих семей и сейчас живут в Заонежье.

65. НАПАДЕНИЕ ПАНОВ НА КИЖИ

В Кижях [...] есть поговорка, что под каждую ильмою похоронен пан [...].

На том же самом Кижском острове, где теперь погост, церковь стояла в другом месте, гораздо севернее, на холмистом возвышении; там теперь, в память ее, построена часовня Святого Духа. Церковь эта была во имя Спаса.

Однажды, в праздник Покрова Богородицы, паны сделали нечаянное нападение на этот остров и употребили военную хитрость: они приплыли к острову из Повенца на плоту, на котором были поставлены вместо парусов березки.

Суеверному народу показалось, что к ним плывет остров; все собрались смотреть на берегу [...].

Между тем паны прилегли за березы и, когда плот примкнул к берегу, бросились на безоружных жителей. Народ укрылся в храме, но паны ворвались сюда, начали резать народ и стрелять

в него. Одна стрела вонзилась в образ Спасителя в правую руку; другая пробила образ сзади, насквозь, пониже первой, и сделала с той же стороны оскомину. Оба знака видны на образе до сих пор.

Но в это самое мгновение совершилось чудо: на панов нашла темень, то есть они ослепли: вместо беззащитного народа стали резать друг друга и легли все на месте... Кровь перерезавшихся панов лилась через порог церкви.

После этого осквернения служение в церкви надолго оставили, и, наконец, она сгорела от молнии.

Впоследствии, собравшись с силами, кижане решились построить церковь вновь и приплавляли леса к тому же самому месту, где она стояла; но в ночь все плоты невидимою силою перенесло ниже, к такому месту, где не было ничего, кроме вересняка.

Строители перегнали плоты опять к месту бывшей церкви; в следующую ночь плоты опять спустились к вересняку...

Тут строители стали догадываться, что это чья-то высшая воля; осмотрели кусты и нашли в них простреленный образ Спасителя. Это уж был явный знак, что церковь надо строить здесь, а не на старом месте, а потому строители так и сделали [...].

66. КЛАД ПАНА КОЙКИ

[...] На самой середине озера (Выг) находится остров под названием Городовой [...]. Здесь жили ляхи, занимаясь разбоем по окрестным местам, а местопребыванием их был вышеназванный остров, обнесенный частоколом и называвшийся городищем. Что-то вроде могил-насыпей сохранилось и до настоящего времени.

Здесь под большим камнем зарыты у поляков деньги.

Деньги, или, точнее, кошель с золотом, также спущен в Ригон-реке, в трех верстах от селения Койкинец, основателем ее паном Койкой, скрывавшим их от ляхов.

Он и покончил поляков, потопив их в Вояцком пороге, в северной части озера при выпадении реки Выг, у селения Вояц

Архангельской губернии. Сказав, что у него нет денег, он повез их в богатое село Воиц. Перед самым селом, чтобы не испугать жителей, он велел повалиться и лежать смиренно, а чтобы скрыть обман, прикрыл их рогожами, как будто везет рожь на мельницу. Подъехав к порогу, он сам выскочил на камень, а находящиеся поляки погибли.

Недалеко от деревни Ловлица, в местечке, так называемом Деревнища, также еще недавно находили длинные ножи, хотя крестьяне, не разбирая, чьи они — польские или финские, применяли их для собственного употребления.

67. ШВЕДСКИЙ КАМЕНЬ

В деревне Поросозере был когда-то крестьянин, бойкий и сильный; главный из его потомков и ныне называется королем. Он много раз бил шведов.

Однажды толпа их из двенадцати человек явилась в Поросозеро отыскивать крестьянина-силача, который, не теряя присутствия духа, сам явился перед толпою и говорит:

— Я знаю и укажу вам его; вы поезжайте на лодке, я же пойду по берегу пешком; когда схвачу его, то и позову вас.

Крестьянин отправился по берегу к известной ему крутой скале, где глубина воды достигала трех сажений.

Здесь он остановился и кликнул шведов, ехавших в лодке. Но лишь только они причалили к берегу, наш мужик схватил лодку за нос и опрокинул ее. Некоторые из шведов тотчас утонули, других он послал ко дну ударами аншпуга.

С того времени скала эта называется Шведским камнем.

68. РАЗОРЕНИЕ КОКШЕНЬГИ

У нас прежде было все княжество, в каждой губерне был князь, а царя не было. Наш князь у архангельского князя выкопал глаза. Они не стерпели и пошли биться к нам на Кокшеньгу;

они много у нас кое-каких местов и городишков разорили. Этта у Миколы был у нас Николаевский город, а пригородок — у Богородской церкви, где нынъ Городище. Места эти они все призорили. У нас съезжались сюда купцы от Архандельского, из Устюга и из Вологды... А топерь было все пусто. Они стояли здесь три года...

69. БОЯРИН САЛТЫКОВ В КАРЕЛИИ

Около двухсот лет тому назад в деревню Таржополе прибыл никому не известный человек и поступил бесплатно, по собственному желанию, в домовые работники к крестьянину Ефиму Митрукову и его сыну Осипу (потомки этого дома носят ныне фамилию Осиповых). Человек этот пробыл у них в услужении три года, занимаясь весьма усердно крестьянскими работами и охотно исполняя приказания своих хозяев. По прошествии трех лет пребывания его в работниках был объявлен все милостивейший манифест государя императора, о котором работник Осиповых ходил узнавать в город. Возвратясь из города и не сказав ничего хозяевам, на другой день он стал просить их истопить для него баню; хозяева очень были удивлены такою просьбою, ибо в течение трех лет он всегда топил баню для них, теперь же просит их, хозяев, истопить баню для него, но, однако, работнику баню истопили.

Отправляясь в баню, работник попросил хозяев принести ему кису (кожаный мешок), хранившуюся три года на вышке дома, на что еще более удивленные хозяева отвечали: «Куда положил, там и возьми; мы в кисе не смотрели и не знаем, где она». Работник сам взял кису и отправился в баню.

Когда он вернулся из бани, удивлению хозяев не было границ: они даже испугались и никак не могли поверить своим глазам: перед ними стоял их работник, одетый в богатую боярскую одежду.

Через некоторое время приехали к Осиповым два неизвестные человека — «афицеры», родственники боярина-работника, как полагают, взять его домой. Тогда боярин попросил у Осипо-

вых расчет за службу у них работником; хозяин принес все, что было, денег и вещей, говоря: «Батюшка, возьми, что хочешь»; но боярин ничего не взял за свои труды, а, напротив, за сохранение его самого такое долгое время дал хозяину много денег, свой портрет, маленький карманный компас и адрес свой, писанный собственною рукою, в котором было написано, «что при всех несчастиях, которые случатся с Осиповыми, они могут отыскать бояр Салтыковых и их потомство и просить помощи, в которой никогда не будет отказано».

70. ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Когда царил на Москве государь царь Михаил Федорович, понесла его супруга благоверная и родила наследника престолу царскому. Посылают гонца от женской палаты поведать царю, что родила царица наследника престолу царскому. Приходит гонец в царскую палату, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре на сторонки покланяется, а царю великому в особину. Сам говорит таково слово: «Михайло, царь московский, великий государь, родила царица тебе наследника царскому престолу». Царь ответу не давае. Вторый раз проглаголал гонец: «Царю! Царица родила наследника царскому престолу». Третий раз глаголет гонец: «Царю! Родила царица сына — наследника царскому престолу!» Глаголет царь Михаил Федорович в ответ таково слово: «Ай же, гонец, не царскому престолу явился наследник: родилась душам пагуба».

Ростит Михайло царь наследника до совершенных лет. Пристарел он, государь, в каменной Москве — у царского престола. И начал писать рукописание, дописал до такого-то году и месяца, до такого числа и часу: в таком-то секунде явится чело-век трехглавый — отрубить ему голову. [...]

Однажды среди темной ночи взял государь-царь рукописание отца своего царя Михаила Федоровича в свои руки царские. Сидит он на царском троне, с скипетром и в жезлах царских и читает родительское рукописание и недоумевает, что будет в таком-то часу и в таком-то секунде; услезился он, утер

слезы на своем лице белом и не знает, что делать. И сказано у родителя в рукописании: «Оденься в одежду и в шлем, стань к воротам, подойди ближе к дверям, обнажи саблю из ножней, и явится тебе змей трехглавый — отрубить ему голова».

Встал государь царь Алексей Михайлович с ложи царской, облачился в одежду, вынял саблю из ножней и стал к дверям хрустальным: «Господи, повеждь, что написано у родителя моего, не могу в голову взять». Как приходит тот секунд, государь-царь поднял саблю и хочет тому, кто отворит дверь, отрубить голову. Вдруг отворяет ворота на пяту патриарх Никон. Государь обрадовался и не знает, что делать. Тут забыл он и родительское завещание и стал слушать Никона.

71. ПАТРИАРХ НИКОН И ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

[...] Никон предложил царю справить духовная «церковная архила», но тот сначала не решался. И тогда Никон прибег к следующему средству: он приказал мастеру сделать ящик, в который бы вошла «архила церковная», книжная; убрать ее в этот ящик и запереть, а этот ящик положить в другой — побольше, а тот в третий, еще побольше; за Москвою в поле выкопать яму и этот ящик с «архилюю» ухоронить в землю, над ямой поставить свечку с огнем, чтобы горела она по три ночи и чтобы многие народы могли видеть этот свет в темноте ночной.

Устроив это, приходит патриарх к царю Алексею Михайловичу, отворяет дверь на пяту, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре сторонки поклоняется, а царю Алексею Михайловичу в особину, и сам объясняет таково слово: «Позволь мне сказать, государь, слово великое. Видел ли ты в темноте ночной горящий огонь в поле? Разрыто это место вчерашний день, и найден тут ящик, в нем другой, а в этом третий, и тут положена «архила церковная». В архиле этой пишет и повторяет, что троеперстный крест надо делать, а двуперстной в грех поставлен: скорее надо подписать и наладить троеперстное сложение». Так склонил патриарх царя к благочестивому нарушению и церковному колебанию.

СТЕПАН РАЗИН И РАЗИНЦЫ

72. РАЗИН БЫЛ ИЗ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Сенька Разин был из казаков из донских. Когда он предастся нарочи. Возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют.— Он по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь» делают. Сенька заговаривал от пуль.

Слава о его похождениях и о хорошей жисти у него была на всю Рассею. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил в лодку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасывают, набрасывают себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбросают. «Стойте! — говорит, — братцы, у меня две бочки вина есть». — «А, вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то».

Как пошел купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу: «Прощай, не то иду к Сеньке»...

Приходит: «Возьмите меня». — «А мы таких и ищем!» Одели его, как купца, а стару лапоть побросали в огонь.

Сенька Разин из осилков был. Помер своею смертью.

Вот как не стало Сеньки, евонны товарищи пели:

Не спасибо тебе, матушка Волга-река,—
Исполдела часты городочки,
Испоставила крепкі караулы...

73. УРАК И СТЕНЬКА

На Ураковском лбище [...] жил некогда атаман, по имени Урак, человек очень жадный и отчаянный. Тут же, под горой, впадает в Волгу маленькая речушка Ураковка, служившая гаванью для разбойников. Лишь только с вершины раздавался зычный клич атамана, из прибрежных кустов вылетали «острогрудые челны», окружали неуклюжую купецкую посуду, и началась расправа. Одним из есаулов Урака был отважный Стенька, по фамилии Разин.

Человек он был и дурной, и хороший, говорит рассказчик, зря не обижал, но уж плохому человеку спуска не давал.

Однажды атаман приказал ему взять бедную мужицкую посуду, нагруженную лаптями. Стенька наотрез отказался грабить бедноту, и вот из-за этого произошла ссора, во время которой Разин убил Урака. Похоронив его на вершине Лбища, он сделался сам атаманом и ушел со своей шайкой на новое место, на тот бугор, что и сейчас называется Стенькиным.

74. О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Ну, значит, цель он держал на Гурьев, Гурьев забрать. А был охотник один. На Черном море охотничал. Вода соленая, он пошел, думает — «копань раскопаю». Видит — баржа стоит. Думает, «огоньки золотятся». Видит — женщина стоит и спрашивает: «Откуда ты?» — «Да вот, — говорит, — на Гурьев иду, хочу копань раскопать», — и попросил воды. Она дала ему виноградного вина. Он стоит. Она говорит: «Уходи, а то Стенька голову отрубит». Охотник ушел, а потом вернулся. Все равно, отрубит так отрубит.

Появились казаки. Откуда, мол, куда? Он рассказал. «Думал, — говорит, — переночевать». — «Что в Гурьеве?» — «Все ждут вас, — говорит, — вооружены. Все ждут и готовятся на вас». Степан его похвалил, дал бочку виноградного вина и говорит: «Скажи, что Стенька Разин к ним не пойдет, угости их».

Пришел он в Гурьев. Вот, мол, Стеньку Разина видел, бочку вина дал, угостил. Сначала не верили, но ведь вино виноградное только у Стеньки Разина. Записку он прислал, что не пойдет на Гурьев. Так и не пошел.

75. РАЗИН И ВОЕВОДА

Как повоевал Стенька Персию, приехал в Астрахань. Пошел к воеводе... тогда губернатор прозывался воеводой... приходит к воеводе. «Пришел я, — говорит, — к тебе, воевода, с повинною». — «А кто ты есть за человек такой?» — спрашивает воевода. «Я, — говорит, — Стенька Разин». — «Как, это ты, разбойник? Который царскую казну ограбил? Столько народу загубил?» — «Я, — говорит, — тот самый». — «Как же тебя помиловать можно?» — «Был, — говорит Разин, — я на море, ходил в Персию, вот столько городов покорил; кланяюсь этими городами его императорскому величеству; а его царская воля: хочет — казнит, хочет — милует! А вот и вашему превосходительству, — говорит Разин, — подарочки от меня». Стенька приказал принести подарочки, что припас воеводе. Принесли, у воеводы и глаза разбежались:

сколько серебра, сколько золота, сколько камней дорогих! Хошь пудами вешай, хошь мерами меряй! «Примите,— говорит Стенька Разин,— ваше превосходительство, мои дороги подарки да похлопочите, чтобы царь меня помиловал».—«Хорошо,— говорит воевода,— я отпишу об тебе царю, буду за тебя хлопотать; а ты ступай на свои струги и дожидайся на Волге царской отписки».— «Слушаю,— говорит Разин,— а вы, ваше превосходительство, мною не побрезгуйте, пожалуйста на мой стружок ко мне в гости».— «Хорошо,— говорит воевода,— твои гости — приеду». Стенька раскланялся с воеводой и пошел к себе на стружок, стал поджидать гостей.

На другой день пожаловал к Степану Тимофеичу — Тимофеичем стал, как подарочки воеводе снес,— пожаловал к Степану Тимофеичу сам воевода! Воевода какой-то князь был... одно слово, все равно что теперь губернатор... Сам воевода пожаловал в гости к простому казаку, к Стеньке Разину! Как пошел у Стеньки на стругах пир... просто дым коромыслом стоит! А кушанья, вины там разные подают не на простых тарелках или в рюмках, а все подают на золоте, как есть на чистом золоте! А воевода: «Ах, какая тарелка прекрасная!» Стенька сейчас тарелку завернет да воеводе поднесет: «Прими,— скажет,— в подарочек». Воевода посмотрит на стакан: «Ах, какой стакан прекрасный!» Стенька опять: «Прими в подарочек!» [...]

Вот и воевода, этот князь, глаза-то бесстыжие, и давай лупить: стал часто к Стеньке наведываться; а как придет — и то хорошо, и то прекрасно; а Стенька знай завертывая да воеводе: «Примите, ваше превосходительство, подарочек». Только хорошо. Брал воевода у Разина, брал да и брать-то уж не знал что. Раз приехал воевода-князь на стружок к Стеньке в гости. Сели обедать. А на Стеньке Разине была шуба, дорогая шуба, а Стеньке-то шуба еще тем дорога, что шуба была заветная. «Славная шуба у тебя, Степан Тимофеевич»,— говорит воевода. «Нет, ваше превосходительство, плохонькая!» — «Нет, знатная шуба!» — «Плохонькая, ваше превосходительство»,— говорит Разин — ему с шубой-то больно жаль было расстаться. «Так тебе шубы жаль?» — закричал воевода. «Жаль, ваше превосходительство, шуба у меня заветная!» — «Погоди ж ты, шельмец этакой, я об тебе отпишу еще царю!» — «Помилуй, воевода! Бери

что хочешь; оставь только одну мне эту шубу». — «Шубу хочу! — кричал воевода. — Ничего не хочу, хочу шубу!» Привстал Стенька, снял с плеч шубу, подал воеводе, да и говорит: «На тебе, воевода, шуба, да не наделала бы шуба шума! На своем стружке обижать тебя не стану: ты мой гость; а я сам к тебе в твои палаты в гости буду!»

Воеводу отвезли на берег; не успел он ввалиться в свои хоромы, как Стенька Разин с своими молодцами, казаками-атаманами, нагрянул на Астрахань. Приходит к воеводе Стенька. «Ну,—говорит,—воевода, чем будешь угощать, чем потчевать?» Воевода туда-сюда. «Шкура мне твоя больно нравится, воевода». Воевода видит: дело — дрянь, до шкуры добирается! «Помилуй,—говорит,—Степан Тимофеевич, мы с тобой хлеб-соль вместе водили». — «А ты меня помиловал, когда я просил тебя оставить мне заветную шубу? Содрать с него с живого шкуру!» — крикнул Разин. Сейчас разинцы схватили воеводу, повалили наземь, да и стали лупить с воеводы шкуру, да начали то лупить с пяток! Воевода кричит, семья, родня визг, шум подняли. А Стенька стоит да приговаривает: «А говорил я тебе, воевода, шуба наделает шуму! Видишь, я правду сказал, не обманул!» А молодцы, что лупили с воеводы шкуру, знай лупят да приговаривают: «Эта шкура нашему батюшке Степану Тимофеечу на шубу!» Так с живого с воеводы всю шкуру и содрали! Тут кинулись разинцы на Астрахань; кто к ним ни приставал — побили, а дома их поразграбили, а кто к ним пристал, того волосом не обидели.

76. РАЗИН И СУЛТАНСКАЯ ДОЧЬ

Захватил Стенька Разин себе поллюбовницей дочку самого султана персидского. [...] Облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил! Стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит! Казаки с первого начала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все

с своей полюбовницей-султанкой возится! Кликнуть атамана! Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велит, поклонился да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди! А мы себе атамана выберем настоящего. Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!» — «Стойте, атаманы! — сказал Стенька, — постойте маленько!» Да и вышел сам из круга.

Мало погодя идет Стенька Разин опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и в золоте, а собой-то раскрасавица! «Хороша моя красавица?» — спросил Разин. «Хороша-то хороша», — на то ему отвечали казаки. «Ну теперь ты слушай, Волгаматушка! — говорит Разин. — Много я тебя дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоцветными; а теперь от души рву да тебе дарю!» Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу! А на султанке было повешано и злата, и серебра, и камня разного самоцветного, так она, как ключ, ко дну и пошла! «Хорошо, казаки-атаманы?» — спросил Разин, а те... [...] «Давно пора тебе, — говорят, — атаман, это дело покончить».

77. РАЗИН НАСЛАЛ ЗМЕЯ

В Саратове, когда на красной собор ставили кресты, в это время к берегу с Волги ехал на кошме Стенька Разин для того, чтобы посмотреть. Мастер, который ставил крест, увидел Стеньку сверху и, видно, силой Божьей остановил Стеньку сажен на пятьдесят от берега, полость под Стенькой стала тонуть. Стенька бросил кошму и на руках доплыл до берега. Когда вышел на берег, то он волшебной силой узнал, кто это над ним пошутил, и в отместку мастеру устроил змея, и этот змей, к ужасу всего народа, быстро пополз прямо навверх по канату, а потом обвился около той веревки, на которой был привязан мас-

тер. Мастер взял топор и тяп по змею, веревку на себе и перерубил, затем следом за ударом топора полетел вниз и расшибся вдребезги.

78. РАЗИН ПОД СИМБИРСКОМ

Когда Стенька Разин ночью напал на Симбирск, страшно стал стрелять и старался зажечь город, тогдашний воевода послал просить духовенство выйти на Венец-гору со стороны Волги, около собора. Вышел протоиерей со всем духовенством под самые выстрелы; начался молебен о спасении града от врагов, и когда дьякон читал Евангелие, вдруг ударила пуля в самую средину серебряного креста, который держал в руках священник. С этого времени враги точно ошалели, трусились, бросились к берегу Волги и стали садиться на суда. Таким образом Симбирск был спасен.

79. БОГОРОДИЦА ЗАЩИТИЛА

В октябре 1670 года напали на город Цывильск казаки, бунтовавшие под предводительством Стеньки Разина; жители стали защищаться и видели с ужасом, что мятежники скоро завладеют городом. В ночь приступа вдова Ульяна Васильевна задремала и узрела видение, как Богородица Тихвинская, образ которой находился в соборной церкви города, велела объявить жителям, чтобы осажденные крепко сидели и сопротивлялись воровским казакам, которые по предстательству святой Девы потерпят неудачу и не возьмут города. Когда же минует гроза и опасность, удалятся мятежники,—граждане в благодарность должны построить монастырь во имя Пресвятой Богородицы между реками Большим и Малым Цывилями, между болотом и стрелецким лугом. Действительно, предвещание вдовы сбылось:

казаки ушли от города — и жители, движимые чувством спасения от убийств и разграбления, соорудили каменный мужской монастырь на указанном месте. Они поручили снять копию с иконы Богородицы, стоящей в соборном храме, и поставили в монастыре.

80. МАРИНА-БЕЗБОЖНИЦА И СТЕНЬКА РАЗИН

В Орловом кусте обитала атаманша Маринка-безбожница, а в Чукалах жил Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вели знакомство. И вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь, а он ей отвечает: «иду-де», — и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до пятисот, и триста жен.

И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали! Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает.

И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берез зарыл его. А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему: «Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раскаялся и дал зарок.

Вышел этот мужик из острога, пошел на указанное место, а березы уж срубили и корней не знать. Рассказал он про это всему селу. Поделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро — целые бочки.

81. РАЗИН — КОЛДУН

Стенька Разин на своей кошме — самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге — полетит на Дон. Не было спуска ни царским судам, ни купеческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать; а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь: «Зачем,— говорит,— ты царских судов не пропускаешь?» А Стенька говорит: «Я, мол, ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие нецарские». Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал, и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку.

Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит: «Нельзя разобрать, какие суда есть царские, какие нецарские!» — и опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон; а взять его никаким войском нельзя было, для того, что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию, и воевал он там два года, и набрал так много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит: «Пропустите меня, воеводы; я вам ничего дурного не сделаю!» Воеводы так не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник, его нельзя было донять ничем; он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется,— но и тут Стенька улизнул от беды, и за эту штуку не простил воеводам.

На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. А в Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтоб христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота; он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных до смерти побил, и вое-

вод побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал.

Тогда был в Астрахани митрополит; стал он его, Стеньку, корить и говорить ему: «Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок; надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы». И стал его митрополит уговаривать, чтоб он покаялся и принес повинную Богу и государю. Стенька осерчал на него за это, да притворился, будто и в самом деле пришел в чувство и хочет покаяться, и говорит митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдем на соборную колокольню; я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели, да и тоже покаяться». Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек да и скинул вниз. «Вот, — говорит, — тебе мое покаяние!» За это его семью соборами прокляли!

Товарищи его как узнали, что семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву. Стенька, едучи, сидит в железах да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травой — кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и воду, — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге.

Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волгаматушка, ни мать-сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив. Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горé и мучится.

82. СТЕНЬКА РАЗИН И ГОСУДАРЬ

Стенька Разин жил в Жигулевских горах со своими товарищами. Они останавливали на Волге судна казенные, и было даже так, что ездили на лодках прямо по степи до села Борковки. Когда Стенька ушел из этих мест, то свою лодку он зарыл в землю, которую никак не могут отрыть и до сих пор: она в руки никому не дается. Был один такой борковский мужик,

который хотел найти клады, зарытые вместе с лодкой,— его отбросило ветром на берег. От испуга он захотел водицы испить и пошел к роднику; выпил, сгоряча-то, целых три ковшика да после этого и заболел. Целых три года он болел да так и умер (а все хотел деньги с лодкой достать, а они не даются в руки).

Ну вот, бывало, по Волге идет большая расшива из Астрахани стречь воды — вверх, а по берегу тянут ее на своих согнутых спинах восемьдесят бурлаков. Целых двести пудов груза приходилось на каждого бурлака. Шли эти бурлаки днем и ночью, без отдыха почти, на персменках. Доходили они по Волге и до наших мест — Жигулевских гор. Если придут сюда ночью бурлаки, то их никто не увидит, и они проходили свободно, а если днем, то останавливали. Спрашивали с них денег, хлеба, пшена, посуды,— все подавай, что нужно! А если лоцман не даст денег, то Стенька пошлет расшиву с Волги прямо в поле по буеракам. Ну, лоцман видит, что дело плохо у него: расшива сидит не на воде, а на земле, и давай тогда просить: «Выведи меня, Стенька, Христа ради, на свое место, в Волгу, мое теперь дело шабаш, разорился я, дело казенное!»

Много таких случаев бывало на Волге, жаловались на Стеньку; эти жалобы доходили до государя.

— Как нам быть, чтобы остановить Стеньку и судна мои не останавливал? — говорит государь. — Что это за Стенька? Давайте мне его, представьте его сюда!

Ну, вот и поймали Стеньку самого и привели его государю:

— Ты будешь Степан Разин?

— Да, я, ваше царское величество!

— Какой хитростью ты можешь это дело делать — пущать мои судна с Волги, прямо по земле, по буеракам в поле? Ты можешь крест снять с церкви Ивана Великого? — говорит государь.

— Могу,— говорит Стенька.

— И представить его мне можешь в натуре?

— Могу,— говорит.

— И никто тебя не может увидеть? — спрашивает государь.

— Видит-то видит, но только не все, а мой только меньшой брат,— отвечает Стенька.

Меньшой брат здесь стоял неподалеку, и Стенька ему в это время и сказал:

— Ты, меньшей брат, если что и увидишь, то все равно молчи, никому не говори.— И сказал так, что их никто не увидел, никто не услышал.

А государь-то и думает: «Кто же это его, Стеньку, видит? Какой это у него меньшей брат?»

— Я поставлю две роты солдат,— говорит государь.

— Поставь,— говорит Стенька,— все равно не увидят!

Пришли к церкви Ивана Великого. Стенька залез на колокольню, встал на крестовины, уперся в них и снял крест, положил его под мышку и стал спускаться вниз, а государь ему кричит оттоль:

— Поставь крест опять на место!

Стенька, не долго думая, вынул крест из-под мышки, надел на замок и поставил на свое место.

— Ну, теперь слезай, Стенька, с колокольни! — говорит государь. И слез Стенька на землю, и его так никто и не видел.

— Дать ему волю! — говорит государь.— Иди теперь, Стенька, куда хочешь; бери себе сколь угодно народу, но только мои судна на Волге не останавливай; казенные вещи, Стенька, ты не трогай, мои судна примечай, они будут с орлами! — сказал государь.

— Ну, а если будет война,— говорит Стенька,— я тебе могу помочь дать!

— Нет,— говорит государь,— пока не надо, своею кровью подеремся.

Так с тех пор и не пришлось Стеньке свою помощь дать государю. И ушел тогда Стенька со своим народом. Все, что тогда из острогов народ бежал, все это Стенькин народ был. Тогда здесь по этим Жигулевским горам сот пять было народу, бежавших солдат с ружьями (ведь служба солдатская тогда была двадцать пять лет — они с того и убегали).

Ну вот, жили они у нас в Жигулевских горах смирно и хорошо... Только на Волге когда останавливали расшивы богачев; с тех пор сюда прибегали и другие солдаты с ружьями; их стало много, и в горах им стало тесно жить; ходили они часто и голодные, без хлеба, и грабить начали где попало. Нажнут, бывало, бабы ржи или пшеницы — они приходят за хлебом и просят кусочек. Одежонки им не надо — только хлеба кусочек.

Бабы стали бояться. «Пусть лучше,— говорят,— сами с голоду останемся, а им надо дать!»

И давали. «Не трог, пусть съедят, Бог с ними, лишь бы нас не трогали!»

Ну, ближнее начальство узнало разбойников. «Переловить,— говорят,— их надо. Что на них смотреть!» Стенька Разин после этого скрылся от них, и разбойники даже не могли без него прокормиться. С тех пор и стали ловить разбойников и переловили. И пошла тогда тишина: не стали останавливать суда. И когда приводили к государю пойманных разбойников, то захотелось ему узнать, как они живут.

— Чем вы кормитесь? — спросил государь.

— Чем? — отвечают разбойники. — А у нас три камня есть. Первый камень облизнули — все станем сыты. Второй камень — в лубые магазины зайдем и никто нас не заметит; пятнадцать или двадцать человек сразу войдут и никто их не видит. Третий камень облизнут — на всякие языки догадаются; все, что говорят между собой и звери и птицы на ихнем языке, всякая птица, кошка, мышка, пчела или шмель, и змея — все понимают и догадываются.

83. ЗИМОВЬЕ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Под Бахилловской горой есть зимовье Стеньки Разина; здесь он жил со своими товарищами. Бывало, мимо Бахилловской горы проходят бурлаки и тянут на лямках вверх по воде посуды купеческие, ведь пароходов тогда на Волге не было.

Если, бывало, нужно будет Стеньке получить с посуды хлеба или мяса, то он выходит сам и говорит громким голосом: «Стой, шишка!»

Бурлаки переставали тянуть лямки и ложились брюхом на землю.

Хозяин посуды или лоцман свезут ему провизии, и Стенька оставался довольный подарком, бурлаков больше не задерживал и уходил в свое зимовье. Старики говорят, что в этом зимовье

висят бочки, полные золотом; они привязаны к потолку цепями.

Вот один из крестьян из села Александровки задумал сходить сюда, спроведать зимовье и найти клады Стеньки Разина. И пошел. Только ступил ногой в зимовье — так сразу и обезножил. Нога отнялась у него, и никакого клада он там не нашел.

84. ПОШЛИНА АТАМАНУ

На берегу Волги, немного повыше села Севрюкова, есть место — «Воровское Городище» называемое, которым тут руководил атаман из казаков (Стеньки Разина тут не было). По Волге вверх шли посуды с хлебом, их тащили бурлаки лямкой на своих плечах, там, где нельзя было тянуть лямкой, шли подачей (якорь сначала завозили вперед посуды, а потом бросали его в воду и подтягивали на канатах к нему посуду).

На берегу Волги, где всегда проходили бурлаки, стоял столб, а на нем прибитая доска. На этой доске были буквы: «Чтобы получить с каждой посуды денежную пошлину, а кто из хозяев и лоцманов посуды не отдаст пошлины атаману-казаку, тот получит неудовольствие».

У атамана на берегу всегда стояла заряженная пушка. Если кто не уплатит по своей воле пошлину, то атаман приказывал стрелять из своей пушки в эту расшиву. И вот один раз шла посуда с грузом — хлебом и пошлину не платила. Казак-дозорный закричал с берега лоцману:

— Почему не платите пошлину? Сопротивляетесь!

Ну, лоцман этой расшивы не обратил на это внимания и закричал команду своим бурлакам пуще прежнего:

— Иди, навались, вперед! Какая ему тут пошлина!

Тогда атаман закричал своему подданному казаку в рупор:

— Уплатили ли они пошлину?

Казак отвечает в рупор:

— Нет, не заплатили!

И приказал тогда атаман ударить из пушки прямо в расшиву, в бок, и расшива тут же потонула на этом месте, против «Воровских Городищ».

85. ШЛЯПА НА ВОДЕ

Вот раз плывет шляпа по Волге. Бурлаки было нагнулись с плота и хотели взять шляпу, но лоцман их остановил и сказал:

— Шляпу не берите, а то будет худо.

Не послушались бурлаки лоцмана, подняли шляпу из воды. Не успели ее вынуть, как в это время из-под нее человек вышел и сказал:

— Что вам от меня нужно? Хочешь, я посуду потоплю! Ты зачем велел им шляпу поднять? — сказал человек из-под шляпы лоцману.

— Я иду,— говорит он,— прямо по Волге, как по земле, до самой Астрахани, и смотрю за порядками, а вы мне мешаете идти! Ну, ладно, подлецы,— говорит человек,— жалею только лоцмана, а то бы потопил посуду. Вы виноваты,— сказал человек бурлакам (а их было 90 человек).— Ни хозяин, ни лоцман, а только вы виноваты в этом!

И спустился человек в воду, шляпа накрыла его голову, и пошел он опять по дну Волги, как пешком по земле.

Только шляпу его стало видать по воде, и она поплыла вниз по Волге до самой Астрахани.

86. РАЗИН — ЕРЕТИК

Стенька Разин и воитель был великий, а еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель! [...] Бывало, его засадят в острог. Хорошо. Приводят Стеньку в острог. «Здорово, братцы!» — крикнет он колодникам. «Здравствуй, батюшко наш Степан Тимофеевич!» А его уж все знали! «Что здесь засиделись? На волю пора выбираться...» — «Да как выберешься? — говорят колодники. — Сами собой не выберемся, разве твоими мудростями!» — «А моими мудростями, так, пожалуй, и моими!» Полежит там маленько, отдохнет, встанет. «Дай,— скажет,— уголь!» Возьмет этот уголь, напишет тем углем на стене лодку, насажает в ту лодку колодников, плеснет водой: река разольется от острога до

самой Волги; Стенька с молодцами грянут песни — да на Волгу! Ну и поминай как звали! [...] Только господа под последок догадались, [...] будет Стенька просить испить — не давай воды, пой квасом! А Стеньке с квасом ничего не поделать... так и изловили! [...]

Такой еретик: всю Астрахань прельстил, все за него стали; один только архирей. Архиреем в Астрахани был тогда Иосиф: стал Иосиф говорить Разину: «Побойся ты Бога! Перестань, Стенька, еретничествовать!» — «Молчи! — крикнет Стенька Разин. — Молчи, батька! Не твое дело!» Архирей опять Стеньке: «Грех большой еретничеством жить!» А Стенька знай свое твердит: «Молчи, батька! Не суйся, где тебя не спрашивают! Сражу, — говорит, — тебя, архирея!» Архирей свое, а Стенька свое! Архирей опять-таки Стеньке Разину: «Вспомни про свою душу, как она на том свете будет ответ Богу давать!» Стенька мигнул своим, а те подхватили его да в крепость, да на стену; а со стены-то и бросили казакам на копыя! Тут архирей Иосиф Богу душу и отдал...

87. РАЗИН МУЧАЕТСЯ

Когда на Волге были ходовые суда, ссадил хозяин в Жигулях одного больного бурлака (таков был действительно бесчеловечный обычай прежнего времени), и пошел он, хворый, по тропе в лес. Долго ли, мало ли шел, только попал бурлак в страшную труппу. Дело было к вечеру; устал, а приютиться негде. Призадумался бедняк, и застала его в дороге темная ночь. Вдруг впереди, из заросшего оврага, свёркнул огонек. Собравшись с последними силами, путник пошел на него и увидел землянку в непроходимой чаще. Постучался в нее и сотворил молитву. Вышел старый старик, волосами инда весь оброс, такой высокий.

— Дед, укрой меня от темной ночи.

— Ступай своей дорогой, — грубо молвил старик, — нечего тебе здесь делать; или ты страху не видал?

— Чего мне бояться,— отвечал бурлак.— Я хворый, устал, взять у меня нечего.

Он думал, что пустынный про разбойников говорит,— в ту пору по Жигулям сильно пошаливали.

— Ну, пожалуй, коли не страшно, так переночуй,— сказал старик и пустил бурлака в землянку.

Вошел он, видит, что келья большая и старик в ней один,— никого больше нет. «Верно, спастись удалился сюда какой святой человек»,— подумал бурлак, лег в уголок и заснул, с устатка, крепким сном. Только около полуночи просыпается от страшного шума; кругом лес трещит от сильного ветра, по лесу гам идет, крик около землянки, свист. У старика огонь теплится; сидит старик, дожидает чего-то. И налетела вдруг в землянку всякая нечисть. Начала темная сила тискать и рвать старика что есть мочи. А у него груди, словно у бабы, большие. Двое чертей давай эти груди мять, припали к ним, сосут. Бурлак все время лежал ни жив ни мертв от страха. Вся хворь пропала.

Чуть не до самого света тискали нечистые старика, потом вылетели из землянки. Только перед рассветом дед проохнул, дух перевел и говорит бурлаку: «Знаешь ли, кто я и за что они меня в этих горах мучают?.. Я — Степан Разин; это все за свои грехи я покоя и смерти себе не знаю. Смерть моя — в ружье, заряженном прыг-травой». И дал Степан бурлаку запись о кладе в селе Шатрашанах Симбирской губернии.

Значилось в записи: «Сорок малёнок (пудовок) золота, многое множество сундуков с жемчугами. На все деньги, которые в кладе, можно всю губернию сорок раз выжечь и сорок раз обстроить лучше прежнего. Вот сколько денег. Ни пропить, говорит, их, ни проесть всей губернии Симбирской. Как дороешься до железной двери и войдешь через нее, то не бросайся ни на золото, ни на серебро, ни на самоцветные камни, а бери икону Божией Матери. Тут же стоят и заступ, и лопаты, и ружье, заряженное прыг-травой. Сорок тысяч, награбленных у одного купца, раздай по сорока церквам. Пять рублей меди, брата моего Ивана, раздели между нищей братией. Возьми ружье и, выстрелив из него, скажи три раза: «Степану Разину вечная память!» Тогда я умру и кончатся мои жестокие муки».

Взял бурлак запись и выбрался из Жигулевских гор. Был он,

конечно, неграмотный и отдал бумагу мельнику, а тот на ней табак нюхательный сеял. Воспользовались прохожие-грамотники и стали рыть клад. В записи говорилось, что при рытье ударит двенадцать громов, явится всякое войско, и кошное, и пешее; только бояться этого не надо.

Долго рыли; бывало, как праздник, так и роют. Осыпался вал и осела дверь. Выход был выложен жжеными дубовыми досками. Может, и дорылись бы, да сплошали в одном слове,— клад-то и не дался. Подходит, это раз, служивый.

— Что, ребята, роете?

Те и ответили:

— Петров крест.

Все в ту же минуту и пропало. Так Стенька и по сю пору мучается.

88. КЛАД РАЗИНА ЗА КОЛОКОЛ

Есть, рассказывают, плант-бумажка, и на этой бумажке все как есть обозначено, записана воля Стеньки Разина. Приезжал он с Лялиных гор, а на Черемберчихе стояло большое черемисское село и церква була Успенская. И случилось втепору Стеньке заболеть, на ногах открылись все раны давнишние. Надо Стеньке прямиком бы идти на Вятку-Оку, а тут Стенька без ног лежит. Шибко Стенька осерчал на свой недуг и просил попов с того села Успенского, что на Черемберчихе было, молить Бога о его здравии. Молят попы сутки трои подряд, недуг все более да более расходится, а Стенька все пуще да пуще серчает.

Пришел втепору к Стеньке черемис это, а он, вишь, их-то, черемисов, отступниками звал. Держался-то, вишь, он старой ихней веры. Пришел, значит, к Стеньке и начал баить про все старое, да и говорит Стеньке: «Што эти бабенки (христианские попы, то есть) вымолят, вот как если Стенька бы Керемете угодил, то Кереметь бы вылечила его, Стеньку». И научил тот проклятуший черемис сжечь, различтожить все село Успенское и колокол бросить в озеро-то Черемберчихское. Сделал то Степан

Разин, изжег злодей село до щепочки и колокол бросил в то озеро. Полегчали ноги, ровно быть, у атамана, и ушел он кружить да гулять в Вятскую сторону. Погулял он на Вятке, на Каме, на Волге-реке. Гулял, не задумываясь, а поймали — так задумался: «Видно,— бают,— Бог наказал меня за послушество воли Керемети, за поругание храма села Успенского».

И наказал он своему дружке-товарищу и своему сынку любезному: «Бросьте,— бают,— вы в то озеро Черемберчихское первым делом три бочки с золотом, вторым делом три бочки с серебром. Не воззвонит ли с той глубины озера колокол, бросайте, любезные мои, до звона хоть единого: не будет звона — так не будет Стенька прощен, а звон будет, так Стенька будет прощен. А не пропала казна чтобы великая, отдайте плант написать, все как есть приметины». И бросили разбойники казны величество до самого до гула колокольного, а гул тот был в Успенъев день. И поняли разбойнички прощенье Стенькино, а плант положили в сумочку в кожаную, оковали сундучок медью-серебром.

А как поселились они при той местности, то и плант идет из рук в руки, а на планте написано, бают: «На восточной стороне есть камень велик, а на камне зарублен вроде как крест, а от того камня иди к берегу, и у берега будут уступчики, с последнего уступчика того можно достать клад, а последний уступок в воде на сажень. Кто клад достанет, так десятину себе, а девять десятин на дела Божьи, на построение храма Успенского». Хорошо бы все, да Керемет сильна: не дает доставать казну на Божьи дела. А колокол, бают, гул издает, звенит каждой год в Успенъев день.

89. ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА И ЕГО СЫНОВЕЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем; не далеко было дело от Чечни, близ речки Дону, в тридцати пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин, по прозванью Фомин, а по имени Василий Михайлов. Не старше он был тридцати восьми годов, наро-

дился у него сын, назвали его Михаил. Воспитал он его до шести лет. В одно время в прекрасное он поехал на работу, взял и сына с собой. Напала на них небольшая шайка разбойников, мать с отцом убили, а Михайлу с собой взяли. Привозят они его в свой дом, отдают его атаману. Атаман у них был старик, девяноста пяти лет. Принял он этого Михайлу на место своего дитя, стал его воспитывать и научать своему ремеслу, в три страны велел ему ходить, а в четвертую не велел.

Прошло три месяца, атаман Роман вздумал Михайле имя переменить, собрал шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаном. «Ну, теперь ты, мой сын Степан, слушай меня! Вот те пашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двуногой и с руками и с буйной головой!» Степан вышел со двора и вздумал об родной стороне: «Где-то мамынька моя и родимый тятенька? В поле на меже свою голову скоронили, и я-то, Михайло, остался у разбойников в руках». Сам заплакал и пошел в ту сторону, куды атаман велел. Вышел на большую поляну, вдруг увидел себе добычу, лет семнадцати девицу. Он подошел к ней, сказал: «Здравствуй, красная девица! Что ты время так ведешь? Сколько я шел и думал, такой добычи мне не попадалось. Ты — первая встреча!» Девка взглянула, испугалась такого выюноши: увидела у него в руках востру саблю, за плечом — ружье. Стенька снял шапку, перекрестился, вынул пашку из ножны и сказал: «Дай Бог помочь мне и булатному ножу!» Возвилася могучая рука с вострою пашкой кверху; снял Стенька голову с красной девушки, положил ее в платок и понес к атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть». Атаман, выходя, взглянул на платок: на нем окровелённая голова, красовитое лицо. «Вот, Стеня, люблю за то!» Поцеловал его в голову. «Я тебя награждаю своим вострым булатом; с ним я ездил семьдесят пять лет, а теперь ко мне кончина приходит».

Атаман вскоре крепко заболел; собралась в дом его вся шайка. Он своим подданным и говорит: «Ну, братцы вы мои, выбирайте кого знате, а я вам не слуга». Вдруг вышел из лесу невысокий старичок, левым глазом он кривой, правым часто подмигиват. Взглянули на него разбойники и в голос закричали: «Подойди, старик, сюда!» Он подошел, смеется и говорит: «Ну,

чего вам от меня нужно?» — «Ну, старичок, рассуди нам дела: нас вот двенадцать человек; кто из нас будет атаманом?» И он им ответил: «Вы не выберете из себя. Я — сам главный атаман из такой-то шайки; мои подданные ездили на разбой, плохо сделали, уплошали: перевязали, в каземат посадили. Мне, старику, владеть теперь таким домом нечего, я и пришел к вам». Все разбойники вскричали: «Как? Мы тебя, старик, не знаем». — «Что вы, братцы: неужто вы Василья Савельича не знáте?» — «А вот-вот! Вот нам и атаман! Пушай нами владеет!» У них есаул был из татар, повернулся и пошел. Пришел к старому атаману и говорит: «Мы нашли себе атамана, Василья Савельича». Атаман говорит едва-едва, только намекает: «Пошли, мол, его сюда». Василий Савельич пришел к старику, взял его за правую руку и сказал: «Прощай!» Тот промолвил одно слово: «Прими мого сына, Степана по прозванью! Вот еще скажу тебе: в три стороны своих посылай, а в эту вот сторону ни поногу не шагай!» После того умер атаман. Коронили его, все запели вечну память.

Стал Василий своими подданными командовать и Степана научать. «Ну, теперича я тебе, Стеньюшка, отец и мать. Слушай меня, что я тебе приказываю. Твой отец мне тебя на руки сдал; в эту сторону не велел ходить». Прошло три года с новым отцом; Стенька научился на охоту ходить; когда птицу, когда две принесет. Возлюбил его атаман и так его лелеет, паче сына своего.

В одно прекрасное время взял Стенька шашку и ружье, вышел за ворота и думает: «Куда сегодня идти мне? Да что ж мне отец приказывает в эту сторону не ходить?» Подумал и поглядел на востру шашку в руках. «Тут дорога опасна; моя булатная шашка притупела». Стенька воротился назад, взял бросил шашку. «Вот ты мне не слуга! Я выберу нову!» Выбрал первую, саму востру шашку, перекрестился и пошел по новой дороге. Шел он немного чащей и вышел на большую поляну. Вдруг видит перед собою огромную чуду. «Нет, это не так, — думает, — я здесь теперь должен погибнуть». Испугался, стоит на одном месте, не знат, что делать. «Куды же мне деться и как от этой чудищи скрыться?» Чудища подняла голову и увидала юношу; дохнула на него и стала двигаться к нему. Стенька заплакал и думает: «Пропал! Говорил мне атаман: не ходи по этой дороге! Я его слов не послушал». Стал подходить ближе,

вынул вострый меч, положил его на правую беду. «Неужто,— думает,— Бог мне не поможет срубить Волкодира? Я не буду так трусить, и Бог поможет!» Волкодир его тянет и хочет проглотить сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти его разрезал. Когда челюсти ему до ушей разрезал и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степан своею шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало. (потому что он был не богатырь).

Отрубил голову, стал брюхо разрезать; разрезал брюхо, нашел в кулак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя он дорогой, думает себе: «Что это за вещь такая и какой это камень?» Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете, ахнул перед собой. «Вот,— думает,— этот камень мне дорог!»

Пришел домой к отцу. «Здравствуй, тятенька, я ходил на охоту, и такая была удачна: погубил своего неприятеля, который нам ходу не давал». Отец ему и говорит: «Врешь, Степан! Твой прежний отец тут семьдесят пять лет жил с своими подданными и то этого не мог сделать, а ты девяти годов мог такого противника погубить?» Степан побожился и поклялся. «Правду, тятенька, говорю! Хоть сейчас поедем, поглядим!» Под тот час съехалась вся шайка. «Ну-ка, братцы,— сказал Василий Савельич,— оседлайте лошадей! Стенька говорит, что он нашего неприятеля срубил». Все в голос закричали: «Мы жрать хотим!» Атаман и говорит: «Да ведь недалеко: скоро вернемся. Если правду говорит, мы пирушку сделаем!» Оседлали лошадей. Сел Степан на коня, сам вперед поехал, за ним атаман, Василий Савельич. Доехали до долины, увидели Волкодира с отрубленной головой; закричали все «ура!» и Степану честь-хвала. Воротились домой; атаман и говорит: «Ну, вот теперь, братцы, мы гуляем!» Сделали пир, трое суток гуляли и все Степана восхваляли. «Теперь поживем! — говорит атаман,— нам теперь воля на все четыре стороны! Кутнем-ка еще, братцы!»

Стал Василий шайку набирать и задумал по лесу раз погулять. Сел на доброго коня и поехал вперед, по новой дороге. Выехал он на Азовское море, и увидел он небольшой кораблик. «Вот, братцы,— говорит,— мы этим никогда не занимались; а хороша была бы нам добыча: и хлеба, и одёжи, и казны вдо-

воль!» Одни разбойники и говорят: «Эх, Василий Савельич, это что за добыча? Мой дед и отец в Саранских лесах жил,—так вот там добыча!» — «А что?» — «Что? Там скот дешев, и народ ремеслен, и всяких заводов много». — «Да нет, надо испытать,— говорит Василий,— нам уж туды некуда лезть, потому я стар, а вот сядем-ка в легку лодку, да и поедем вдогон». На берегу Азовского моря стояла небольшая косоуха. Сели в нее все двенадцать человек, взяли весла и грянули догонять кораблик. А на нем был капитан очень хитрый. Подогнал атаман к кораблю, а капитан на борт вышел, поддернул свои портки — их на сорок сажень отбросило. Атаман скричал громко: «Айда, грянем веселее!»

Напустились они в другой раз; капитан их вплоть подпúстил, шибко дернул за штаны, их угнало за полторы версты. «Нет, братцы,— говорит атаман,— я как этим делом не занимался и вам не советую». Взял плюнул в лодку и пошел до коней. С такой досады они сели на коней и поехали домой. С эфтова время заболел атаман, стал подданным говорить: «Кто моим делом управлять будет? Я советую, братцы, Степана в атаманство посадить». Тут все стали на это топтать: «Мы сколько лет живем, а этого не видим. Недавно он пришел и атаманом хочет быть!» Степан вышел к товарищам и говорит: «Если я атаманом не буду, так не хочу с вами служить! Ну, кто чего знат и какие искусства кто покажет? — закричал Степан.— Ну-ка, кто из вас такой ловкий? Преклони весь лес к земле!» Все выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. «Никто из вас не выбираться?» — крикнул Степан.— «Нет, никто не может». Вынул и поднял Степан шашку кверху и скомандовал: «Лес, преклонись к земле!» Глядят разбойники, а лес на земле лежит. Закричали все: «Быть Степану атаманом!» Степан ответил им: «Ну, братцы, служить со мной так служить! Покажите, как вы охотитесь, как бьетесь? Мы так жить не будем, а пойдем в привольны стороны». Разделил Степан свое войско на две части, скомандовал друг на дружку, в шашки. Они так бились и рубились, что никто друг друга не ранил и не убил. «Ну, братцы, я в надежде; могу идти с вами. Теперь мы здесь не заживемся: в привольны стороны пойдем! Забирайте все свое имущество, и выедем мы на Азовско море и отправимся в Саропский лес».

Собрались разбойники, сели на коней и поехали на Азовское море. На берегу нет ни лодки, ни расшйвы; ни виду про них, ни слуху. «Ну, что же, братцы, будем делать? — говорит Степан. — На чем через море поедем? Давай сюды мою большую ко́шму!» Степан разостлал ее на море; сделался вдруг большой корабль. Посадил на него шайку и лошадей поставил, громко вскричал: «Грянем, братцы, веселее!» Только его и видели. Приехал он к Саропскому лесу и говорит: «Ну, братцы, вы тут постойте, я съезжу, поразгуляюсь». Они на берегу себе табор сделали, а Степан сел на коня и поехал по лесу. Разыскал он себе прекрасное место для дома (ста́на), вернулся на́ берег — из семидесяти пяти человек убежало у него двадцать. «Куда же они делись?» — спрашивает. «Гулять ушли». (А они сами начальниками захотели быть.) «Ну, да мне и этих будет, — сказал Степан, — теперь, братцы, пойдем примемся за работу!» Сели на коней и отправились на разысканное место, и выстроили себе дом.

Стенька выехал на охоту и увидел первую встречу: красна девица, от роду семнадцать лет, зовут Афросиньей, а отца Егором, из богатого дома. Размыслился Степан: хотел девицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше с собой возьму, пусть мне женой она будет». Взял ее с собой; пожил несколько время, написал письмо, послал к ее отцу, матери: «Дочери своей больше не ищите».

И сколько родители ни старались, чтобы выручить из Степановых рук свою дочь: деревни четыре собрали народу и весь лес окружили. Подошли к Степанову дому, и разбойники все дома были. Увидал один толпу народу: кто с дубиной, кто с топором, кто с косой и ружьем; взбег к Степану и говорит: «Ну, атаман, видно, батюшка, мы пропадем!» — «Что такое? Еще не родился на свет тот, кто меня погубит. Где народ?» — «Наш дом они окружили, атаман!» Приубрался Степан в оружие, вышел на крыльцо и громко вскричал: «Ну-ка, подданные, садитесь скорее верхом! Не видите, что у нас?» Сели верхом, Степан вперед поехал, и народ расступился. Сели и поехали. Вернулся Степан назад к толпе народа и говорит громким голосом им: «Ну что, вы хотели меня пымать? Разве я зверь какой? Не волк и не медведь, разве вы не видите?» Толпа остолбенела: ровно болваны стоят. Взял Степан в руку плеть и погнал их от дома, как

овец. Старик и бросил о своей дочери стараться. Степан остался с Афросиньей жить. Прожил он год, и забрюхатела она; родился у них сын. Дал Стенька ему имя Афанасий.

После этого прожил он три года и вздумал выехать на берег Волги разгуляться. Было у него подданных с ним восемь человек. Увидел он, что баржа небольшая бежит. «Хоша нас, братцы, мало, а силы попробовам!» Кидает с себя епанчу, расстилает на воду. «Садитесь!» Сели на епанчу. Громко вскричал: «Ну-ка, братцы, грянем!» Догнали баржу, лоцманов в воду покидали, капитана подвесили на дерево и обобрали все имущество. «Вот нам, братцы, добыча! Мы, так я думаю, поселимся на Волге». — «Как, атаман? Теперь есаул у нас старый; кого выбрать? Он отставку хочет». — «А разве некого? А вон у меня есть Абсальямка; будет всеми делами моими управлять!» Уехал Стенька домой и говорит молодой жене: «Ну, Афросинья, последние дни с тобой живем! Я тебя к отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на них серебра и меди, а золота-то понюхать и самим нечего». Девка была его словам рада, ждет не дождется.

Собралась вся шайка, семьдесят пять человек (во время разъезда пристали); вышел Стенька на крыльцо. «Ну-ка, братцы, много ли нас?» — «Семьдесят пять человек». — «Ну вот, осталось пятьдесят, а теперь опять прибавка. Айда, кто хочет, на Волгу! Кто охотники — вперед!» Все вскричали, кроме есаула: «Все желаем тебе служить! Пойдем!» — «Я желаю подальше выбрать место. Слыхали про Жегулинские горы? А только вот что: есаула надо выбрать». — «Кого желаешь, атаман, того и сажай в есаулы!» Он еще раз подтверждает: «Вот я желал бы Абсальямку!» — «Ну, и мы желаем его!» — вскрикнули все. «Он человек хороший и проворный и все искусства знает. Выходи, Абсальямка, вперед! Командовай!» Вышел Абсальямка вперед, крикнул: «Ну, робята, слушайте как атамана, так и меня! Мы скоро в поход пойдем по деревням; где что попадетсЯ, все тащить, зря не бросать!» — «Это, — отвечает шайка, — наше дело: мы не проглядим, что висло висит!» Степан вскричал громким голосом: «Оседлайте таких-то лошадей и насыпьте полные мешки серебра и меди, привяжите покрепче, да вот таких-то четыре коровы! Сегодня я отправляю жену на село. Ну, есаул, выведи на

дорогу, смотри, чтобы худого ничего не было!» Вывели семь лошадей с мешками и четыре головы коров и привязали друг за дружку; на переднюю лошадь самой посадили. Есаул вывел на дорогу и указал ее дом.

На другой день Степан приказал ехать в Жегулинские горы. Оседлали коней и пошли упорством на Старочеркасску губернию; открыли огонь, сделали битву такую, что побили неприятелюв триста тысяч и забрали город. Возвратились отсюда упорством на Саратовскую губернию. Кроволитие тут у них было такое, что побили сто восемьдесят тысяч человек, забрали Саратов город. Из Саратова выступили в Жегулински горы, приискали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок.

Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда и вздумал разсездить в Саратов город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названием Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. Дождался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через несколько времени выходят на балкон и выносят большой самовар; купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону; взял купеченскую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы. Купец: «Ах, держи, лови!» Не тут-то было.

Стал Стенька выходить на берег и не стал никому давать проходу: ни одной барже, ни расшиве. Стали доносить государю, царю Ивану Васильевичу: «Царь Иван Васильич! Стенька Разин не дает проходу ни пешему, ни конному и по Волге разбивает баржи, и купчески и даже казенны». Отписывает царь Иван Васильевич Стеньке: «Степан, ты разбивай хоть купеченски, а мои не трог, а то я на тебя пойду упорством!» Степан отвечает царю: «Вы на своих баржах делайте знаки, а если желате идти на меня упорством, милости прошу в Жегулински горы. Если вы хотите мне дань платить, то платите мне за каждый проезд и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорством пойду до Москвы!» Подумал царь Иван Васильевич над Стенькиными словами: «Чем хочет взять? Семьдесят пять человек и до Москвы хочет дойти!» И вздумал то, что он в Старочеркас-

ской губернии триста тысяч побил, под Саратовом сто восемьдесят тысяч. «Ну, у меня столько силы нет, значит, я в его руках». Собрал дань и отослал Стеньке. «Положьте, Степан, сколько за лето возьмете, за прокат — я заплачу». Сейчас взял, на казенных баржах сделал знаки, и с того времени Стенька стал казенные баржи пропускать, а купеческая редкая проходила без того, чтобы он на ней не побывал.

В одно прекрасное время вздумал Стенька покататься по Волге. Ехал Волгой вверх, доехал до Спасского уезда Казанской губернии, до села Болгар. Вздумалось ему тут закусить. Подворотили, вышли на берег, идут селом. Попадается им встречу девка двадцати семи лет; поздоровался с ней: «Здравствуйте, красна девица!» — «А вы что за люди?» — «Мы купцы. Не слышали чего про Стеньку Разина?» Вдруг девица испугалась, что такой разбойник селом идет. «Зачем вы сюда идете? Чего вам надо?» — «Мы вот есть захотели, не знам, куды зайти». Сквозь зубов девка сказала: «Милости просим к нам! Я накормлю». — «А где твой дом?» — «А вот на берегу Волги угольная хата». Повела девка в свой дом, посадила за стол, напоила и накормила. Степан и говорит: «Нельзя ли, голубушка, с тобой познакомиться?» — «Отчего же, можно». И с этого время стал Стенька к ней частенько ездить. Стала девка богата, так что первая на селе, и вздумала как бы его изловить. Раз он приехал к ней и говорит: «Ну-ка, сходи, принеси четверть водки!» Та побегла, сказала старшине, что приехали к ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядил народу, и окружили дом. Она принесла водки; они стали пить. Тут гамят: «Давай его сюда! Иди к нему! Чего глядеть-то? Тащи его». Но никто ничего сделать не мог. Попил Стенька, погулял и опять отправился на свое место. Народ только поглядел на него.

Прожил Стенька в Жегулях семь лет, избрал себе удобное место напротив Бирючей косы. Места эти не были забраты, он и думает сам себе: «Если идти упорством, то нам кабы осилить, а помощи никакой нет». Вдруг рано утром приходит неизвестный человек с письмом от Афанасья Степанова: «Степан Степаныч, прошу вас испытать силы. Я уж стал восемнадцати лет, я забрал город Ленбург». И думает Степан: «Неужли это сын ко мне пишшет?» Отвечает: «Кто есть ты такой за Афанасий Степаныч?»

Сам поехал к Бирючьей косе и делает упорство на неприятеля (турка), и усильством сбили их с позиции на Бирючую косу; забрали их в плен живьем. Утром, на солнечном восходе, приходит человек, приносит письмо: «Любезный мой папаша, я буду к вам в гости, в город Астрахань, а неизвестно когда». Так он этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый остров, построили себе огромный дом.

Между тем пока он строил, сын приехал в Астрахань, гуляет по городу, не признает никого, никому шапки не скидывает: ни господам, ни чиновникам, ни простонародью. Стали люди замечать, что он не из простых: либо из чиновников, либо из раскольников. Донесли губернатору. Губернатор сказал: «Когда пойдет, доложите мне». Вдруг вышел самый этот разбойник. Губернатору слуги доложили, что он идет. Губернатор вышел из ворот и пошел навстречу. Тот ему никакого не отдает почтения. «Что ты есть за человек?» — «А нашто тебе?» — отвечает Афанасий. Закричал губернатор: «Держи его и посадить в темницу!»

После того Стенька приехал в Астрахань-город и узнал, что сын его в тюрьме, а кто посадил, неизвестно. Долго он жил в городе и все разузнавал. В один праздник ему один человек сказал, что сына его губернатор посадил. Когда ударили к обеду, стал народ съезжаться, идет губернатор. Стенька стоял на паперти, взял губернатора за руку и повел на колокольню. Ввел его на нее и вскричал: «Вот! Не ешь сладкую конфету, а попробуй луковицу с хреном!» Взял его в беремья и говорит: «Ну-ка, как кошка вывертываются? Встанешь ли ты на ноги, как она?» И спустил его в окно за добродетель сыну своему. Вышел Стенька из церкви и пошел прямо в тюрьму и сына выпустил; подвел его к губернатору и спрашивает: «Узнал ли ты своего неприятеля? Вот он тебя в тюрьму посадил, а сам летать захотел с колокольни, а садиться-то не умеет!» Попрощались сын с отцом. «Ну, сын, далеко ли пойдешь?» — «Я теперь отправлюсь в Перму». — «Да как ты ее забереешь?» — «А как вы Бирючью косу забрали, так и я заберу».

И пошел Афанасий в свою шайку. (У него немного было: сто семьдесят пять человек.) Приехал в шайку, проздравил себя, что «был-де я таким-то губернатором посажен в тюрьму и был в ней семь дней, покуда отец меня не выпустил, а сам губернатор

вздумал полетать, а садиться не умел». «Теперь, братцы, в Пёрму упорством пойдем!» Собрались и сделали войну — Боже упаси! Забрал Афанасий Пёрьму и шестьсот человек в плен.

Когда Стенька узнал об этом, был очень рад и пошел упорством в Самáрску губерню и забрал небольшую речку Урал. Поселились тут все подданные Стеньки, а он их наградил землей и лугами, и лесом, и рекой Уралом. «Если кто, — говорит, — будет у вас отбирать, то сделайте упорство!» Больше он в войну не пошел, и задумал Стенька отпустить свою Марью с малым дитём; поехал в Жегулинские горы домой. Приехал, видит, что Марья лежит на кровати мертвая. «Ну, Бог с ней! Ладно, что не захватил». Так и оставил.

После того стало ему скучно. «Дай поеду на Каспíцкое море!» Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспíцкому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена; вздумал: «Как я ущельем к городу проеду? Дорога тесная. Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров. Приезжает в дом, встречают его служащие. «Ну, братцы, проздравляйте меня с победою! Чего желалось, то я получил! Теперь мы займемся пойначе работать. Надо хлеба на зиму заготовить и всего. Съездите-ка в город Астрахань!»

Поехали двенадцать человек, тринадцатый есаул, Абсаям. Приезжают; высмотрели богатеющего купца магазин. Вот есаул и говорит: «Не поживимся ли малость?» Подрезали жестяную крышу, и один из ловких влез туда и давай оттуда все переть. «Что, будет? Кажись, все я повыкидал». — «Да вот пошарь-ка, нет ли еще? На одну подводу не хватáт». Стал разбойник шарить и нашел: висит что-то. «На крюку́ что-то висит; я вам не выкинул!» А это была кунья шуба с бобровым воротником. Выкинул ее оттуда, и сказал Абсаям: «Вот так шуба! Как бы ее от атамана скрыть, чтобы мы от нее поживились?» Положили на воз и отправились домой. Часу в первом ночи остановились лошадей кормить на большой поляне, в лесу, не доезжая пяти верст до Волги. Перед самою зарей вдруг есаул сделал тревогу. «Что вы, братцы, спите? Мы-то, ухачí-воры, а у нас украли!» Поскакали разбойники в погóнь, во все стороны. В это время есаул взял

шубу украл. Разбойники вернулись и спрашивают: «А много ли покражи было?» — «Да вот, — говорит есаул, — шубу украли, а она мне всего дороже». — «Ну, делать нечего, — говорят разбойники, — видно, нам ею не владать». Есаул помалкиват.

Приезжают к атаману, говорят: «Господин атаман, поздравляй с добычей! Все ездили благополучно, только вот случилась беда: с возу кто-то шубу украл с бобровым воротником и обложуену разным прозументом!» — «Плохо, — сказал Стенька, — а вот бы и надо ее сейчас! Как украли? Расскажите!» — «Да вот мы с устатку на такой-то поляне отдохнуть легли», — начал один разбойник. Стенька сказал: «Иди на то место и поищите невдалеке кругом, не будет ли она тут». Сели двое на лошадей и поехали на поляну; давай шубу искать. Не доезжая до одного небольшого кустика, видят: шуба лежит вверх воротником. «Эй, Митька, я шубу нашел!» Несет шубу на руке, прямо к атаману. Атаман взял и говорит: «Да, стали от меня воровать! Не ладно, ребята. Я на него надеялся, на есаула, ну, а теперь он из веры вышел». А Абсалиям за дверьми стоял да слушал. Приходит в комнату и говорит: «Атаман, шубу мне отдай!» — «Как так? Ты ее украсть хотел?» — «Нет, я тебе ее не подарю!» — говорит есаул. Сделалась у них большая ссора. Степан говорит: «Не быть тебе есаулом!» — «Не буду я, — отвечает Абсалиям, — есаулом, а буду атаманом!» Встал Степан со стула, рассердился, закричал за него: «Пошел вон отсюда!» Есаул повернулся, загнул свое рыло и вышел. «Дай-ка, — думает, — я оседлаю своего коня и поеду куда знаю». И уехал в Сызран; прожил в нем три лета, набрал небольшую шайку в девять человек, стал воровать и разбойничать.

Узнал про это Стенька. «Да-ка я съезжу, разузнаю, как живет Абсалиям!» Взял трех с собою и поехал. Приехали в Сызрань, нарядились купцами и спрашивают: где разбойник Абсалиямка. Все знали и указали в какой лес ехать. Стенька подошел к его дому. Абсалиямка как увидел, испугался и говорит: «Здравствуй, брат Степан, я очень болен». — «Здорово, Абсалиям, вижу я, какая твоя болезнь. Я не за болезнью твоей пришел, я за шубу расплатиться». — «Я теперь весь в твоих руках», — сказал Абсалиям с покорной головой. Со стоном говорит Абсалиям: «Прости, брат Степан, я такой же атаман!» — «Не затем я к тебе пришел, чтобы

простить, а зачем ты от меня ушел?» Вынул Стенька вострую свою шашку и отсек Абсаламу голову; сел на доброго коня и отправился назад. Приехал домой и сказал: «Ну, ребята, поминайте Абсаламку за покой его души! Вот вам жертва!» И отдал им меч. «Я сегодня братался с нём, снес ему голову своей вострой шашкой, ну, да будет про это толковать! Мы нового заведем. Как бы в Астрахань скорее попасть? Что-то мне скучно. Другого есаула нет, это не беда: мы одни исправим дела!» Оседлали новых коней; Стенька ясным соколом полетел.

Проезжает он базаром, сам с улыбкой говорит: «Я и вновь здесь явился; где же мой губернатор лежит? Я приехал к нему поздороваться, сказать: есаула пусть он встречат к себе в дом за его добродетель, чтобы мого сына в тюрьму не сажал. Мы после этого разговором займемся. Ну-ка, ребята, поглядите, где нам добыча лучше будет? Заберемся мы к богатому купцу; он живет на самом краю, в полукаменном доме. Нам стены каменные нипочем: дочь-красавица у него; мы добра и имения набрали, мы красавицу увезли». Привозил Стенька домой. «Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то.) Я долго не видал сестру, когда бунтовство было; я расстался с ней и сел на легку лодку, за тобой поехал; я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купечество разорял!»

Вздумал Стенька съездить в путь-дорогу, в Казанскую губернию; мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспоминал. «Дай найду к ней!» Вышел Стенька из лодки и завёртывает в дом, в котором было веселье и гулянье. Он заставил стару девку баню истопить. Истопила она баню и побежала на село и сказала старшине: «Стенька парится в бане!» На тот случай идет старый старичок. «Что у вас за сходка?» — спрашивает старик. «Вот мы хотим Стеньку изловить!» — «Где вам, братцы, его пымать? Тот еще на свете не рожден. Рази мне старые кости потревожить и показать вам Стеньку?» Снял старик свою шапку, три раза перекрестился, подошел к бане и тихим голосом говорит: «Степан!» Громко Стенька отвечал: «Эх ты, старый хрен! Не дал ты мне помыться!» Ну, делать нечего, стал он собираться. Вышли они из бани; Степан на все стороны поглядел, перекрестился и пошел. Старик тихим голосом сказал: «Старшина, давай подводу!» Посадил его на телегу, сам сел впереди. Привез дб города,

спросил полицейских. «Нате вот вам разбойника Стеньку Разина в каземат!» Весь народ сдивовался, что не простой старичок. Он спросил исправника: «Ну, как его сажать?» Исправник говорит: «Надо в железо его сковать!» Взяли, в железо его сковали; Стенька тряхнул ногой и желёзы прочь полетели. Старик и говорит: «Не поможет вам железо, лучше мне его связать!» Взял моченое лыко, ноги-руки ему связал, посадил его в острог.

Трое суток он в нем сидел, на четвертые является губернатор: известен был такой разбойник всей амперии. Распаленный губернатор закричал на него громко: «Может ли сидеть такой разбойник связан мочалами? Заковать его в желёзы!» И сказал Степан: «Ну, теперь, братцы, прощай!» Нарисовал середь полу легку лодку и сказал: «Садись, ребята, со мной!» Полилась из острогу вода, отворилась дверь, и уехал Стенька в луга; увез с собой новых двенадцать человек, вернулся домой к молодой своей жене и к названной сестре (Астраханке).

И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско-Черно море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молодую жену, княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужли мне, удальцу, там жены не будет?» Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер и сказал: «Грянем, ребята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а наутро будем в Рыбинском!» Плыли они путину, молодá его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» — «А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!» Словом ее огорошил — княгиня полетела вплоть до дна. Ехавши губерниями народ видел его на платке, с девицей. Девица сидит, возмоляется: «Прощайте, нянюшки, мамушки и родимый мой отец!» Он услышал эти слова, подворотил к левой стороне. «Ох, и город мой родной Синбирской, уж я в нем и редко был, а все знаю!»

Видит: сын навстречу идет, здороватся с ним и называет отцом. «Ах, сыночек Ванюшка, не знашь ли про своего братца?» — «Нету, тятенька, не знаю; я в несчастье нахожусь: архерей меня в тюрьму посадил». — «Ну, какая честь будет ему, хвала?» — сказал Стенька сыну. Обнялись, поцеловались. «Не плачь, сынок, я с ним рассчитаюсь. Я еще не таких видал:

Астраханской губернии губернатора с колокольни кидал, и этому не миновать!» Утром рано он встал, сам к заутрене пошел; проходя всеё церковь, перед царскими дверьми встал. Выходит архерей из алтаря, берет его Степан за руку: «Ну, пойдем со мной за сына рассчитаться!» Вывел его на вышний этаж и крикнул: «Сейчас получает ваш архерей за моего сына расчет!» Взял его и выбросил из окна. Народ взбунтовался. «Держи, лови!» Но никто не видал, как Стенька весь народ прошел. Взял он сына своего куды путь лежал, доехал до Рыбинскова: город славный, а стоять нельзя. «Оставайся, сынок, здесь, а я поеду куда вздумал, по свету похожу, разузнаю, где что есть».

Приехал к морю и сказал: «Слава Богу!» Стеньке от роду было девяносто семь лет. Переправился он через море на зеленый Сиверский остров, написал он письмо старшему своему сыну: «Я прощаюсь с вольным светом, и конец мне скоро будет». Построил себе дом близ большой дороги; имел проживанья три года, и кончил Стенька жизнь свою на Сиверском зеленом острове, но дети его не знают, где отец. Пролежал тридцать лет; стень ходила по земле, но народ она пугала и просила, чтобы над ее телом сказали вечну память.

Приезжал один из приказчиков с красным товаром; поднялась гробзна туча, и ударил сильный дождь; он от дождя и заехал в дом Стеньки Разина. Стень подошла и шипом говорит: «Иди, возьми в такой-то комнате золота мешок и под таким-то звоном, под забором лежит Стенька Разин; скажи над нём вечну память, а прежде сведи коней со двора!» (А то землетрясение будет.) Неустрашимый разносчик разыскал золота мешок, навалил его на горб, повез со двора и думает: «Ладно ли так будет?» Воротился назад, разыскал труп Стеньки Разина, впопыхах скоро сказал три раз вечную память; сам бегом со двора побег, пал на лошадь, тронул коня возжей, но едва отъехал — потряслась земля, и провалился труп Стеньки, и закрылся землей. О Стеньке рассказу конец, а будем говорить о старшем сыне Афоньке.

Услыхал Афонька о смерти отца, и вздумал он съездить на Балхйнско-Черно море, на зеленый Сиверский остров. Подъехал к морю — тихо было; сел в небольшую лодку и отправился сам на остров. Вдруг буря поднялась, раскачала лодку его. Тут-

то Афонька страху наimalsя! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошел до отцовского дома — стоят одни голые стены. Посмотрел на эти стены, сам заплакал и пошел; тихо, во слезах, слово сказал: «Смерть отца я не застал! Ну, прощай, отец! Теперь я до смерти не увижу тебя!»

Отправился на море; поглядел — лодки нет. Вот беда и горе! Кто-то лодку угнал. Едут два перевозчика, он и крикнул: «Братцы, посадите меня!» Те подъехали и говорят: «Что дашь за перевоз? Мы отвезем». — «Сколько возьмете?» — «Ну, садись!» Он сел в лодку и думает: «Денег у меня ни гроша, чем я расплачусь с ними?» Один у него в кармане кистень. Вынул он его тихонько: перевозчики сидят впереди, веслами гребут и друг на друга глядят. Загляделся один перевозчик, взял Афонька — цоп его в ухо кистенем! Этого убил до смерти, а другого из лодки вышиб, сам сел в весла и поехал куды надо.

Приезжает на сву сторону, идет путем-дорогой, попадётся ему артель средних мужиков; идут с золотых приисков. Афонька говорит: «Здравствуйте, робята! Куда ходили?» — «Идем с работы». — «А мне таких людей надо! Я иду третий день не жрамши, хоть на кусок хлеба добыюсь себе!» Мужики друг на дружку взглянули и говорят: «Неужто мы живые одному в руки дадимся? Это вздор!» — «Ну, как же, мужики, денег много у вас?» — «Да есть у кажняго по сотняжке», — смеются между собой. «Ну, что же, давайте мне на дорогу!» — говорит Афонька. «Эх ты, дурак! Мы сами глядим, где бы взять». — «Да ведь с вами нечего так говорить: вы не знаете, кто я!» Вынул из кармана кистень и говорит: «Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!» Тут Афонька развернул руку и дал одному кистенем плюху, а трое с испугу упали. «Я с вами вот как обойдусь!» Поколотил свою артель, деньги отобрал. «Будет мне на дорогу!» Идет и посмеиваться, сам себе говорит: «Я теперь где ни взойду, голодом не умру».

Пришел в свой дом: запустел, никого нет... И так досада его взяла, что из терпенья он вышел. «Где мои подданные товарищи, которые со мной были?» Вздохнул он тяжело и сквозь слезы сказал: «Прощай, моя изба! Больше я в тебя не приду!» Забрал все добро, сел на доброго коня. Проехал не больше пяти верст; стоит в лесу огромный дом. Он въехал в него, выбегат к

нему навстречу его есаул и говорит: «Здравствуй, брат Афанасий! Как твое здоровье? Где ты столько время был?» — «Неужто ты, брат, не знаешь, где я был? Я отца хоронил». — «Ну, милости просим в наш дом! Мы свой выстроили». — «А много ли вас здесь?» — «Да не много: двадцать пять человек», — сказал есаул. «Так что же? И меня в артель принимайте!» — «А милости просим!» Но так его досада берет, что он из атаманов в подданные идет, говорит есаулу: «Ну, что, атаман, здесь служить неловко: добычи мало! Поедьте в привольные стороны, где отец работал». — «И я думаю туда же отправиться».

В одно прекрасное время съехалась вся шайка; начали говорить: «Кто на Волгу хочет в город Синбирской?» Один из работников говорит: «Да ведь не знай как мы попадем в Синбирской: там заведывают Ванька» (брат Афоньки). А Афонька говорит: «Вот мне и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро!» Забрали, лошадей оседлали, сели, поехали. Приехали на берег Волги в небольшое село, по прозванию Майну, разыскали тут удобство (небольшую рывину), прежний готовый дом, остановились на время жить. Разузнали все дела, как живет Ванька, командоват своими войсками и гордится, управляет всей Волгой; занимает должность отца старика: суда разбивает, лоцманов в воду кидает. «Ну, это он незаконно, — сказал Афонька, — пусть бы он деньги и добро брал, а лоцманов в воду кидать незачем. Попробую силу его!» Написал Афонька письмо: «Ожидай меня в гости!» Ванька отвечал: «Милости прошу, незнакомый человек!»

Собрались двадцать пять человек, разостлал Афонька епанчу, сели вместо лодки и поплыли с Синбирск. Ванька встретил гостя и говорит: «Какие вы люди?» — «Мы — дети Стенки Разинова, первый сын Афанасий». Он этому делу не верит, хочет по шее из дому прогнать. «Врешь! У меня не такой брат!» Произошел шум и драка; открыли огонь, и Афонька упорством пошел, прогнал Ваньку из Синбирского во Рязанскую губернию.

Остался Афонька в Синбирском свою жизнь продолжать и научился, как баржи разбивать. Вот плохая тут удача: народ хитрый нынче стал. Однажды погнался за маненькой баржей. Лоцман был не промах: сам рулем правит, рукой по голове гладит. На голове волоса были длинные, как назад их закинет, и

Афоньку с Волги на берег кинет. «Эх,— говорит Афонька,— это, братцы, не так. Тут не поживешься! Поедем дальше за ними!» На путине баржа приотдохнуть и встала. Афонька — следом. «Вот где нам владать им, этим лоцманом! — шепнул Афонька.— Айда, братцы, за работу!» Взошли на баржу: лоцман стоит в своей хате. Отворил Афонька дверь и крикнул: «Эй ты, сонный тетеря, не отворишь нам двери!» С испугу лоцман вскочил, вы́бег на верхний борт, ножом горло перехватил. Разбили они эту баржу; златом и серебром лодку нагрузили и отправились домой.

Получает Афонька письмо неизвестно откуда: стал его читать: письмо — от родного брата. «Эх, братец, не знал я, что ты был у меня в гостях и войну упорную сделал. Я теперь третий месяц в несчастье: в тюрьме сижу». Афоньке жаль стало: он и поехал в Рязанскую губернию, разыскал брата в тюрьме. Увидел весь народ, что самый тот разбойник в таком-то году архерея с колокольни бросил (лицом схож был). «Давай, держи, лови!» Шум поднялся и гвалт, а Афонька подошел тихо к замку, выпустил своо брата и отправился в свое место. «Бросим это все дело! — сказал Иван брату.— Будет, брат, погрешили, пора на покаяние!» — «Нет,— сказал Афонька,— я до смерти свои дела не брошу!»

Отправился на сво́ место, на разбойное дело. Недолго ему царить досталось: нагрянуло войско; пымали Афоньку в темном лесу, посадили его в тюрьму. Решил его суд сквозь тысячного строя три раз провести. Забили Афоньку до смерти, а Иван пустился во моленье и покаялся в девяносто семи людских душах.

90. ХАРКО

Харко, сударь мой, был сподручник Разина, первый, можно сказать, герой по нем. После того как Разина совсем порешили, Харко с двенадцатью человеками, с своими, значит, причетниками, и удалился с Волги на Яик.

В те поры наши казаки, известно тебе, жили на Кош-Яике,

иль-бо на Кирсановом яру; значит, далеко от моря, верст без малого семьсот будет. Хоша казаки наши из предков всем владали Яиком, однако далеко на низ редко спускались по той самой причине, что красно рыбы было не в прибор и около города. Ну, и выходит, где пустыня, там, известно дело, и орда: без этого быть нельзя. Говорится: без дурака город не стоит. Наподобие сему, можно сказать: без орды пустыня не бывает. Пустыня значит пустое место, а орда, знамо дело, пустой человек, никакого толка нет. Ну, одно к другому и идет. Казаки наши хоша не в частым бываньи хаживали в походы супротив басурманцев, гоняли басурманов от Яика, однако нет-нет да и прикочет кака-либо орда к Яику; знаешь, чтобы лугами казачьими поживиться. Так было и в ту пору. Прикочевала к Яику и села около Маринкина городка одна орда, а казаки наши и не чувуют. Этой ордой повелевала девка, воин-девка. У этой девки и гвардия была из девок. В старину такие оказии были не в диковину.

Харко с своими приспешниками пробирался к нашим казакам на Кош-Яик; но девка-воин преградила ему дорогу. Хоша воин-девка была и девка, попросту баба, однако дело свое знала не хуже мужчины. Созвала она совет и говорит своим гвардейкам и всей сущей орде: «Нам и без того от них (то есть от казаков наших) житья нет, а как еще этот дьявол (сиречь Харко) с своими причетниками соединится с ними, тогда совсем пропадем; тогда,— говорит,— не поживишься от них клочком травы иль беремем дров, тогда,— говорит,— не дадут они нам и воды напиться из своего заповедного Яика. Надо,— говорит,— во что бы то ни стало не допускать до них Харку». Сказала это и стала свое дело делать.

Тем временем и Харко держит совет с своими; говорит к ним такую речь: «Погуляли мы с батюшкой нашим, Степаном Тимофеевичем, по святой Руси и по всему вольному свету довольно-таки. Много погубили мы всякого народа, и крещеного, и некрещеного, где по делу, а где и не по делу. Знамо, некрещеным туда и дорога, а за крещеных доведется когда-нибудь ответ отдать на суде страшном. Теперь, братцы, настало время удобное, можно заглядить, сколько ни на есть, грехи наши тяжкие. Давайте,— говорит,— очищать расейские границы от орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобы

она и воздухом здешним не дышала! Этим самым делом,— говорит,— мы сделаем три хороших дела: первое дело — отпущение грехам получим, второе дело — расейские границы от орды очистим, третье дело — яицких казаков хлопот избавим». Сказал это и стал свое дело делать.

Воин-девка кибитки свои и весь скарб отправила от Яика в степь, в Кара-Кулю, в безопасное место, а сама с гвардейками вышла супротив Харка. Гвардеек у нее было сто два человек, а у Харка, и с его буйною головой, всего на все тринадцать человек. Но Харко был травленный волк: он не пошел на нее открытым боем, а пустился на хитрости.

Девка с гвардейками наступала на Харка, а Харко отступал. Таким манером хороводились они несколько дней. Напоследок Харко улучил темную ночь, обрядил двоих или троих своих согласничков в бирючьи (волчьи) шкуры и велел им подкрасться к конскому табуну гвардеек и броситься на него. Обряженные в бирючьи шкуры подползли на четвереньках к табуну, да и завыли, словно бирюки,— на все были дотóшники,— а потом и бросились в самую середку табуна. Лошадки шарахнулись, и как был табун, так весь и понесся в степь, в разные стороны. Лошадям, знамо дело, лиха беда только чего испугаться, а там и сам черт не удержит.

В лагере у гвардеек сделалась суматоха страшная, а Харко только того и ждал. Не медля ни секунды, он с остальными своими молодцами и нагрянул на гвардеек, да и пошел их душить. К утру он всех их пошабашил. Не отвертелась и предводительша: ее убил своею рукой Харко. Покончимши дело с гвардейками и их предводительшей, Харко пошел за Яик искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Там, сударь мой, много было золотой казны и цветного платья всякого. Все это добро Харко забрал и раздуванил по своим согласничкам. Там же, в кочевке-то, застали они сколько-то девок,— девки были все молоденькие,— иных побили, а иных, что были по красивее, взяли по себе...

Пожили они тут сколько-то времени, отдохнули и стали собираться в путь-дорогу. Харко свою девку бросил, живую пустил на все четыре стороны; порешить ее совсем жалко стало: ведь так ли, сяк ли, а все-таки она жила у него замест жены.

Советовал то же сделать и своим причетникам, чтоб и они девок своих бросили, а те не послушались: жалко было расстаться с девками; больно уж по сердцу пришлись. Тогда Харко говорит своим согласничкам: «Все мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вам не смею, а совета моего не слушаетесь. Ваше дело, воли с вас не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вам после этого не товарищ!»

Согласнички говорят: «Теперь девки нам не помеха, а когда будет нужно — бросим». Харко говорит: «Когда будет нужно, тогда будет поздно». Согласнички спрашивают: «Как так?» Харко говорит: «Эти девки не семьянны: оне, думаю, на своем веку и сами не мало нюхали человечесьей крови. Мы же гнездо ихнее разорили: не забудут они этого, и рано ли, поздно ли порешат, доканают вас, — не мытьем, так катаньем, проклятые, доймут. Эй! Послушайте меня: бросьте!»

Сподручники смеются и говорят: «Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видим, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы, двенадцать человек, побили девок более двух сот. Ну, статочное ли дело, чтобы двенадцать девок осмелились супротивничать нам, таким молодцам?» Харко говорит: «Открыто поле особь статья, постель особь статья. Слыхали, чай, сказание библейское про Олоферна, а если не слыхали, так я скажу. Олоферн был не вам чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая...» Подручники Харко только засмеялись да промеж себя говорят: «Трусу празднует!» Харко осердился и поехал прочь.

Согласнички его поехали сами по себе. Выбрали они себе местечко на Красном Яру, где теперь Красноярский форпост, и тут устроили стан. Харко один остановился ниже этого места, верстах в пятнадцати, и тоже устроил себе стан, не на земле, а на дереве. Там он свил себе гнездо, словно Соловей-разбойник, и зажил в милу душу. Идти к нашим казакам на Кош-Як пораздумал; ждал, что будет от его согласничков, думал, не образуются ли, не разведутся ли с девками-то.

Пожили они на новых местах сколько-то времени, самую малость, однако: Харко сам по себе, а согласнички его сами по себе. Вот сударь мой, в одну ночь, на самой на зоре, притащился к Харке с Красного Яра один из его согласничков, весь, бед-

няжка, изранен, еле-еле дышит да тихо, жалобно, чуть слышно и говорит: «Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили нас змеи скорпийи...» Сказал это, да и тут же и дух свой испустил.

Харко то-еж секунду спрыгнул с гнезда своего, вскочил на бурого коня, что у дерева привязан был, и помчался к Красному Яру. На восходе солнышка он был уже там и застал девок: те, бестии, дуван дуванят, значит, делают по себе добро убитых молодцов. Лишь только узрели они его, так и одурели на месте. Как тигра, с пеной у рта, Харко бросился на девок с саблей в руке; да вдруг и остановился: «Этого для вас мало, бестии!» — сказал Харко, да и давай живьем вязать девок; всех перевязал, да и положил, словно осетров на багреньи, в ряд, одну подле другой. Славно!

Осмотрел и согласничков своих: а те, бедняжки, все измясничены донельзя, узнать даже не можно, кто Карп, кто Иван: так, бестии, постарались. Съездил и за тем, что у его дерева умер. Потом вырыл двенадцать могил, положил в них убитых согласничков, а подле каждого из них положил по девке-душегубке: эти, бестии, были живые, кричали, визжали, просили Харку, чтоб он добил их; да не на того напали: «Что торопитесь? Успеете еще околеть», — говорит Харко и дело свое делает. Потом, сударь мой, опустил в могилу к каждому согласничку по ноше серебра, по ноше золота, по сабле, по ружью, по копыю, по паре пистолей, и все это, не торопясь, чин чином, зарыл.

Напослед всего на могиле каждого согласничка посадил по лесной яблоне. Покончимши это дело, Харко сказал: «Не пропадай эта казна даром: дайся казна эта тому молодцу, кто на своем веку убьет двенадцать дюжин басурманов иль-бо басурманок!» Сказал это, да и удалился в свое теплое гнездо.

ПЕТР I ВОЮЕТ СО ШВЕДСКИМ КОРОЛЕМ

91. О ВОЙНЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО СО ШВЕДАМИ

Однажды Петр Первый поехал воевать со шведом и патриарху велел служить наскоре, а тот развел обедню на́долго. Горячен был Петр Первый; не мог вытерпеть, что растянул патриарх службу долгую, не выждал конца и уехал в поход под шведа. И тот поход его был ему несчастливой; под Нарвой попался он в обток и сам едва спасся. Приехал он домой с горячностью и хотел патриарху из своих царских рук голову срубить. Патриарх, в усмирение его, встретил его во всем облачении и с крестом в руках. Петр Первый к кресту приложился, закручинился и говорит патриарху: «Ах, старец,— говорит,— сгубил ты меня». Тогда старец ему в ответ: «Царю! Пошто ты не дождался окончания литургии и молебна; я бы,— говорит,— дал тебе мир и благословение, и был бы поход твой счастливой и благополучной». И говорит Петр Первый: «Да как же нам теперь будет Россию спасать?.. Нет у нас орудий, ни меди нету,

ни пушек». Тут патриарх на это слово: «Не печалься,— говорит,— царю; это еще не беда, что пушки у нас отняты: с каждой колокольни,— говорит,— можно снять по колоколу и отлить орудия. За тым отслужим молебен, и я дам тебе мир и благословение, и Господь пособит тебе покорить шведов». Так и было сделано. Как патриарх отпустил его с благословением, тогда он победил шведа и разбил Карлу; Карло не знал куды деться и убежал в Англию. И пишет туда Петр Первый: «Выслать оттуда Карлу!» Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своима рукама убил. Дело дошло до Петра Первого. Услыхал он это, усмехнулся и руками сплеснул о стегна: «Ах, Карло, Карло,— говорит,— где ни ходит, а везде воюет». Карло был широкой, росту среднего, плечистой, настоящий был воин, да на воина попал; Петр Первый ему не уступал.

92. СОВЕТ ПУШЕЧНОГО МАСТЕРА ЦАРЮ ПЕТРУ

Из истории монаршей видим мы, что великий сей государь получил в Новгороде известие о совершенном поражении войск своих под Нарвою, в первую осаду города сего, и что вся артиллерия и денежная казна достались неприятелю. И хотя с ироническим равнодушием принял он сию печальную ведомость, но должно было, однако же, в самой скорости иметь ему новую артиллерию; меди же, из коей вылить оную надлежало, не было, и достать из других государств так скоро ее было не можно. Естественно, должно было привести сие монарха в крайнее недоумение; но в самое то время видит он расхаживающего взад и вперед против окошка своего в размышлении одного худо одетого человека и повелевает спросить его: «Чего он хочет?» Сей отвечает, что он пришел помочь горю государеву. Монарх повелевает представить его себе и спрашивает, какое имеет он до него дело. «Прикажите, всемилостивейший государь, прежде поднести мне чарку вина, умираю с похмелья, а денег нет ни полушки». Из такового смелости заключает монарх, что он нечто дельное представить ему хочет, и повелевает поднести ему добрую чарку. «Говори же»,— продолжает государь.

«Ваше величество думаете теперь о потере артиллерии и где взять меди на вылитие новой, не правда ли?» Монарх ожидает продолжения такой речи, которая началом своим уже интересовала его. «Ну, говори же, что далее?» — сказал монарх. «Прикажите, ваше величество, другую чарку вина, истинно не охмелелся одною». Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержание начатой речи было довольно важно, чтоб дослушать оную; повелевает подать ему другую чарку. «Теперь доволен,— продолжает опохмелившийся.— Меди, государь, у тебя много; не о чем так о ней думать: сколько излишних и ненужных при церквах колоколов? Что мешает тебе взять целую половину оных и употребить на вылитие стольких пушек, сколько тебе угодно? Нужда государственная важнее, нежели многие колокола; и половины оных слишком довольно для того предмета, для которого они наделаны; а после, как Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь; к тому же,— заключил он,— есть из них много разбитых и без употребления». Монарх, выслушавши сие, улыбнувшись, произнес: «Камень, его же небрегоша зиждущий, той бысть во главу угла». Какое награждение учинил государь сему пьяному, неизвестно; а известно только то, что по сему совету было поступлено и в ту же еще зиму вылита из некоторой части колоколов великая артиллерия. Пьяной сей был пушечный мастер, и один престарелый пушкар, знакомец его и бывший того очевидцем, передал нам сие.[...]

93. ПУШКИ ИЗ КОЛОКОЛОВ

Петр Великий, нередко бывая в Архангельске, заезжал и на Соловки. [...] Раз, живя здесь, государь задумал снять самые большие монастырские колокола, чтобы отлить из них пушки. Монахи стали умолять государя отменить это решение и оставить на монастырской колокольне прежнее число колоколов.

- А зачем вам колокола? — спросил государь.
- Созывать народ к богослужению, — отвечали монахи.
- Ничего, — отозвался царь Петр, — если от вас народ не

услышит звона, так пойдет в другие церкви. Разве это не все равно?

Но монахи не отставали от царя и ссылались на то, что с отображением монастырских колоколов умалится слава святых соловецких угодников.

Государь ничего им не ответил на это, а только приказал всем монахам, вместе с игуменом монастыря, сесть на катер и ехать на дальний остров архипелага и там слушать во все уши, что будет, а сам велел три раза перезванивать в монастырские колокола,— а потом три раза палить из пушки. Через несколько времени вернулись монахи.

— Ну, что же вы слышали, святые отцы? — спросил царь возвратившихся монахов.

— Мы слышали,— отвечали они царю,— точно будто из пушек палили.

— Ну, вот то-то и есть,— заметил царь,— колоколов ваших вы не слышали, а пушки славу мою до вас донесли! Так уж лучше давайте мне ваши колокола; я их на пушки перелью, а пушки эти славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города.

Волей-неволей монахи согласились на предложение царя и отдали ему лучшие монастырские колокола.

Так и перелил царь Петр Алексеевич [...] монастырские колокола на пушки.

94. ПРО УРАЛЬСКОЕ ЖЕЛЕЗО

Слышал я от стариков, что будто царь Петр приезжал на Урал железную руду искать, а она, матушка, тут прямо сверху лежала. Он как увидел ее, так и ахнул: «Вот этого только нам и надо».

Железо-то он, сказывают, больно любил и большой толк в нем знал, потому как сам кузнец был. Перво-наперво царь Петр из уральского железа сковал подкову. Он, слышь, усилок был и подковы голыми руками разгибал, а эту не мог разогнуть.

Потом он сковал меч и стал его пробовать. Рубил им чугун,

железо, камни. И все, как репа, пополам разлетается. А меч даже не затупился.

Потом он отлил пушку и зарядил ее тройным зарядом, выпалил из нее, и ничего ведь, сказывают, сдюжила, не разорвало ее.

Петр заставил тульских кузнецов пушки делать и сабли, а сам поскакал в столицу и стал собирать войско. [...]

А в ту пору шведский царь Карла своим войском с войной шел на нас. Вот царь Петр собрал войско, и к этому времени пушки и сабли с Урала подоспели. Петр сам сел на коня и повел свои войска на шведов. И как начали наши войска из пушек палить, да саблями рубить! Утром начали, а в вечеру дотла всех решили. Вот оно, как дело-то было.

95. КОНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Петр Великий и весом был великий, нас троих бы он на весах перетянул. Кони его возить не могли, проедет верхом версты две, три на коне — и хоть пешком иди, лошадь устанет, спотыкается, а бежать совсем не может (а царю ли пешком ходить? — да когда еще до места-то надо пробираться верст двадцать, а коня нет). Вот царь и приказал достать такого коня, на котором бы ездить ему можно было. Понятно, все стали искать, да скоро ли приберешь?

А в нашей губернии, в Заонежье, был у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будет больше: красивый, рослый, копыта с тарелку были, здоровенный конище, а сам — смиренство. Вот и приходят каких-то два человека, увидали коня и стали покупать, и цену хорошую давали, да не отдал. Дело это было зимой, а весной мужик спустил коня на ухоть, конь и потерялся. Подумал мужик: зверь съел или в болоте завяз; пожалел, да что будешь делать, век конь не проживет.

Прошло после того два года. Проезжал через эту деревню какой-то барин в Архангельск и рассказывал про коня, на котором царь ездит. Узнал про коня и мужик, у которого конь был, подумал, что это его конь, и собрался в Питер, не то чтобы отоб-

рать коня, а хоть посмотреть на него. Пришел в Питер, а Питер-то тогда меньше теперешнего Питера в сто семьдесят раз был. Ходит по Питеру и выжидает, когда царь на коне поедет.

Вот и видит он однажды, что здоровый человек едет на коне и конь как будто его, посмотрел хорошенько, видит: конь его. Проехал всадник, а он так ничего и сказать не смел,— да и что царю скажешь? А уж так и полагает, что царь ехал. На другой день услышал, что царь поедет куда-то, стал на такое место, чтобы царя увидеть, и стал ждать. Вот и едет на том же коне, только человек еще выше ростом и здоровее того человека, который вчера проехал. Посмотрел на коня, да что глядеть: конь его, да и только. Жалко стало коня, и захотелось ему попробовать, нельзя ли отобрать коня у царя. И стал он наведываться, кто бы ему пособил в этом. Были и тогда люди, да прошения писать не смеет никто, надо подать его царю, а на кого? Но нашел наконец человека-крючка, и тот написал ему прошение в таком роде: «Милостивый император, царь-государь! Я при самом Боге и при царе вора поймал. Разреши, царь — красное солнышко, мое дело!» С таким прошением и стал подкарауливать, когда царь поедет.

Едет однажды царь, и на его коне; он перед самым конем стал на колени и склонился лицом до самой земли. Царь остановился.

— Встань! — крикнул государь громким голосом. — Что тебе нужно?

Мужик встал и подал прошение.

Взял прошение царь, тут же прочитал его и говорит:

— Что же я у тебя украл?

— Этого коня, царь-государь, на котором ты сидишь.

— Ладно, — говорит царь, — я поеду вперед, дело у меня нужное есть, а ты стой тут и жди; когда я назад поеду, ты крикни коня, как звал ты его дома. — И уехал.

Немного погодя едет царь, поравнялся только с мужиком, а мужик и крикнул: «Кари, Карюшко!» Конь остановился, повернулся головой к мужику и стоит поперек дороги; мужик к коню, а конь к нему, и стал мужик у коня морду рукой гладить и шею почесывать, а конь к нему ласкается и морду ему на плечо положил. Петр Великий слез с коня, смотрит на коня с мужиком, а мужик уж плачет.

— А чем ты еще можешь доказать, что конь твой? — спросил царь.

— Есть, царь-государь, приметы, он у меня двенадцатикрестный, насечки в копытах есть.

Приказал царь посмотреть, и действительно, в каждом копыте в углублениях вырезано по три больших креста. Видит царь, что правду говорит мужик. Расспросил все у мужика, узнал, что у мужика коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, дал ему за коня восемьдесят золотых и еще подарил немецкое платье. Так вот, что в Питере памятник-то есть, где Петр Великий на коне сидит, а конь на дыбах, так такой точно конь и у мужика был.

Когда была война со шведами, то Петр ездил на этом коне. Раз шведы поймали нашего генерала и стали с него с живого кожу драть. Донесли об этом царю, а он горячий был, сейчас же поскакал на коне, а и забыл, что кожу-то с генерала дерут на другой стороне реки, нужно Неву перескочить. Вот чтобы ловчее было скок сделать, он и направил коня на этот камень, который теперь под конем, а с камня думал махнуть через Неву, и махнул бы, да Бог его спас. Как только хотел конь с камня махнуть, вдруг появилась на камне большая змея, как будто ждала, обвилась коню в одну секунду кругом задних ног, сжала ноги, как клещами, коня ужалила — и конь ни с места, так и остался на дыбах. Конь этот от укушения змеи и сдох в тот же день, Петр Великий на память приказал сделать из коня чучело, а после, когда отливали памятник, то весь размер и взяли из чучела.

96. О ВСТРЕЧЕ ПЕТРА ПЕРВОГО СО ШВЕДАМИ НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ

Досюль, — еще нас на свете не было, да и деды дедов наших не были, да на свете не жили, а и народа-то на земли была малость мálьская, — цари втупор делили меж собой свои владения. В ты-то поры давние наше место ни заведомо было ни царем, ни боярином, ни лихим человеком удалым; а в лесу зверя разводилося: что ни куст — лисица с куницею, что ни пень — медведь с волчищем; а и рыбы наплодилось — хошь

рукой имай аль карцѡм черпай. Полюбилось то наше место привольное царю свейскому. А и Пётра, русской царь, заприметил, что ручьи у нас глубокие, реки долгие — широкие, а морям и нет конца, да и жить у воды способнее; снарядится сам на поиски, на своей лодке крашеной, серебром пораскладеной, золотым рулем приправленной, с боярами да вельможами. А свейский-то царь заспесивился, не поехал сам, а послал за себя начальников в полон забрать ему воду с рыбою, и леса со зверем всяким, чтоб владеть ему пѡвеки. Едет-катит Пётра-царь на поиски, по морю Ладожскому, на лодке с боярами да с вельможами, а и сам сидит в корме, золотым рулем поворачивает, а стречу ему как раз и есть супостат, в лодках писаных, с шелковой покрышкой алою.

Не ясен сокол налетел на лебедь белую, не лебедь смутил воду синюю: то летят, воду рябят, лодки свейские на цареву лодку крепкую, с шумом, свистом порываючись; в мелкой черень искрошить хотят цареву лодку дубовую. Не стерпел тут русский царь, понасупился, очи ясные порассветились, и румянец стал во всю щеку; а и крикнет он бар-вельможам своим: «Поубавим, что ль, спеси у свейского царя? Силой ли сгубить их аль пустить с белым валом пучинистым?» Промолвили тут бѡяра: «А и что, царь, брать греха на́ душу, хоть и не крещеную, да человеческую; а пусть они умрут от ветра-сивера да валов рассыпчатых». Лишь промолвили бояра, как тутотка взял царь, отвязал от ремня золотой рожок, протрубил на все стороны громким голосом... Разносился голос по морям далекиим, по водам темным. Становилась вдруг тѡмень Божия, собиралися ветры в тучу густую, расходились воды яряя — вал вала подталкивает, гребни-ветры им подтягивают. Налетел ветер, посрывал покровы алые, побросал платье пѡ морю, а тут нагнала их вода яряя — вал живой горой идет-тянется, белым гребнем отливается. Подошел тут первый вал, приподнял стѡйма лодки свейския, а второй вал понакрѡнил их, а и третий — уж как тут и был — захлестнул навек начальников. Расступилась вода на́двое, ушли камнем в топь глубокою души грешные, некрещеные.

С той поры давней на Ладожском по кажинный год на том месте тонет человек, душа крещеная: собирают то силу утопшие на войну с Петром-царем.

97. ЦАРЬ ПЕТР И СУВОРОВ

Вот сошлись две рати, окопами окопались, стоят. Только Петр-царь и говорит дедушке Суворову: «Пойду, дедушка Суворов, я на литовский окоп!» — «Не пущу», — говорит дедушка Суворов. «Пусти», — опять говорит царь Петр. «Не пущу», — опять-таки ему дедушка Суворов. «Тебе говорят — пусти!» — «Не пущу!» — «Посмотри, — говорит царь, — посмотри на небо». — «Ничего на небе нет!» — «Стань же ты мне, дедушка Суворов, на правую ножку!» Стал дедушка на правую царю ножку.

«Глянь, — говорит царь, — глянь на небо!» Глянул тот на небо и видит: сила небесная над царем, сила несметная! Ангелы небесные... крылья у них, аки колесница! И никто их не видал, только про них в апокалипсисе сказано; только один царь Петр их и зрел: планиду знал. Как увидел дедушка Суворов ту силу небесную: «Ну, — говорит, — теперь пущу: иди!»

Ну и одолел царь Петр Литву тое.

98. РЫЖЕЧКА

Петр Первый, несколько лет сряду, вел брань-войну со шведом. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петр Первый задумал отнять у него несколько губерний чухонских. Вот из-за этого-то самого дела они и дрались несколько лет сряду не на живот, а на смерть. Испокон века ни одна война не проходила и теперича не проходит без того, чтобы наших казаков не требовали в армию: без казаков, словно без соли, нельзя обойтись. Так было и в ту пору. Много наших полков перебивало в расейской армии: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, — всем было место и дело. Нигде никогда от наших казаков прослуги не было, окромя лишь отлики. Прикажут ли, бывало, им неприятеля скрасть — как с полки сдунут; пошлют ли, бывало, соколиков куда, хоша бы и за море, примерно, языка добыть, — и языка добудут. Такие уж были ловчаги, что днем с огнем поискать, и то вряд ли найдешь. А все Бог им помогал за их простоту. Ведал о том и сам царь.

Раз, зимнею порой, шведский город Карантин брали. Вот тут-то наши казаки оченно себя показали. В одних легоньких, сударь мой, летних кафтанчиках да курточках, без шапок, с открытыми иль-бо с перевязанными платком головами, они, аки львы могучие, аки звери дубравные рыскали впереди армии и душили шведов, словно мух, а работали, заметь, касатик, одними только пиками, точь-в-точь как в старинных песнях поется, примерно о Ермаке Тимофеевиче, что говорил царю Ивану Васильевичу Грозному:

Возьмем-де тебе Сибирь-город без свинца, без пороха,
Возьмем-де белой грудью, с камчатной с одною плеточкой... [...]

В тот день мороз был лютый, бороды у наших казаков заиндевели, а от самих от них пар валом валил, словно с каменки, а на пиках у них намерзли длинные-предлинные кровавые сосульки: много больно, вишь, шведов-то покололи. Да, истинно так было.

Петр Первый стоит на горе и смотрит на них в подзорную трубу. «Какие это казаки?» — спрашивает царь своих приближенных.— «Яицкие!» — говорит ему граф Шереметев.— «Я так и думал,— говорит царь.— Позвать,— говорит,— ко мне ихнего походного атамана, когда кончится дело». Ладно. Карантин взяли; шведов — которых побили, которых в полон позабрали, а король их бежал за море, восвояси. Так, значит, и быть должно.

Собирались у царя, после баталии, все енералы и сенаторы. Пришел и Прохор Митрич наш. Царь спрашивает его: «Как тебя, казацкий атаманушка, зовут по имени и величают по отчеству?» — «Вот так-то», — говорит Прохор Митрич.— «Спасибо, Прохор Митрич, за вашу службу: я ее не забуду,— говорит Петр Первый.— Возьми,— говорит,— на первый случай, по золотой на казака; это, говорит, от меня им на водку, а себе, на память, вот эту вещицу». Тут царь из собственных своих ручек подал Прохору Митричу литую золотую чару с царским ербечком и имечком.

«Больше этого,— говорит Петр Первый,— теперича дать не могу; не бессудьте; казна, вишь, на исходе. А вот как пошабашу совсем шведа, возьму с него контрибуцу, принужу его платить

мне дань во веки вечные, тогда,— говорит,— расплачусь с вами, никого не забуду».— «Много довольны твоею милостью, надежда-царь,— отвечает Прохор Митрич.— Мы не из интереса служим, мы, как есть рабы твои верные, готовы за тебя кровь проливать до последней капельки...» — «Ладно, ладно! — говорит царь.— После сочтемся, а теперича, Прохор Митрич, оттрапезуй-ка с нами, чем Бог послал». Ладно. Сели, как в сказках говорится, за столы дубовые и скатерти бранные, за яства сахарные и питья медвяные; стали пить, есть и прохладяться и речами хорошими, разумными забавляться.

Под конец честного столованья Петр Первый и говорит Прохору Митричу: «Шведа хоша мы и не совсем добили, однако вряд ли он, после нынешней бани, скоро оправится. Можно, значит, и нам отдохнуть немного. Ступай, Прохор Митрич, поведай своих-то молодцов на Яик,— пускай отдохнут на родной сторонке, поживут в домах, в семействе, поисправят свое хозяйство и все такое; чай, с войной-то и они, бедняжки, поиздержались, поистратились, а я,— говорит,— не хочу, чтобы казаки мои голодали и без нужды нужду терпели». [...]

Швед приутих, войска расейские разошлись по своим фатаграм, а Прохор Митрич вернулся с казаками на Яик.

Год спустя Прохор Митрич приехал в Питер в зимовой станции с кусом и явился к царю. Само собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повел его из парадных покоев в другие. Посадил его там за стол, стал расспрашивать, что и как на Яике, здоровы ли казаки-молодцы, есть ли у них хлеб, одежда, гораздо ли рыба ловится и все этакое. Потом стал угощать. Налил большую чару зелена вина и поднес Прохору Митричу. А Прохор Митрич не принимает чары, говорит: «Не подобает мне, надежда-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя и повелителя; ведь я чувствую, кто я и кто ты». Ладно. Царь сам наперед выпил.

Налил другую чару и поднес Прохору Митричу. Прохор Митрич выпил, но не всю: на донышке немного осталось. Царь спрашивает: «Что же не всю?»

Прохор Митрич отвечает: «Не осилил».

Царь говорит: «Да как же я-то осилил?» Прохор Митрич говорит: «Да ведь ты, надежда-царь, слывешь у нас за богатыря, а

я только за полбогатыря». — «Ой ли?» — говорит царь. «Истинно так!» — говорит Прохор Митрич. «Хорошо, — говорит царь. — Пойдем теперича прогуляемся; узнаем, кто из нас богатырь и кто полбогатыря».

Пошли они с заднего крыльца на Неву-реку. Подошли к лестнице: надо спускаться вниз. Царь сделал ручкой знак, чтобы Прохор Митрич шел вперед, и Прохор Митрич закобенился, стал по край лестницы да говорит: «Не подобает мне, надежда-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего государя и повелителя; ведь я чувствую, кто я и кто ты». Царь улыбается и говорит: «Не подобало тебе, Прохор Митрич, прежде меня пить чару зелена вина — это так, а идти впереди меня подобает, даже артикул военный повелевает: ты должен очищать дорогу, не притаился ли где воров какой».

Прохор Митрич стал первый спускаться по лестнице, а Петр Первый пошел за ним, да каждый раз — ей-ей! какой ведь и царь-то был разумник, забавник, — каженный раз, как спустит ножку-то со ступеньки, ручкой-то шутки ради известно, ручкой-то и упрется в плечо Прохору Митричу, и тиснет, да так тиснет, что у Прохора Митрича косточки захрустят. Покуда они сошли на низ, у Прохора Митрича плечо-то отнялось, на-кате! А самого-то его набок перекосило, на-кате! Думали, что Прохор Митрич после того не окаляшается, сляжет и совсем изведется. Ан нет, не тут-то было. На другой день он встал здоровехонек, только немного набок перегибался; ну, да это нипочем. Старики сказывали, что Прохор Митрич на всю жизнь остался несколько на один бок крив. Однако был здоров.

Когда поутру на другой день он пришел к царю, тот индо удивился: «Ай-ай! Молодец же ты, Прохор Митрич! — говорит царь. — Я думал, ты сляжешь и не встанешь, а ты молодец молодцом. Вчера ты объявил себя полбогатырем, а ты, вижу, полный богатырь. Однако шутки в сторону, — говорит Петр Первый. — Вчера, как мы с тобой расстались, вчера, слышишь, прибежал ко мне кульер из иной земли, привез нерадостную весть: швед опять на меня поднимается. Идет он, слышу, не прямою дорогой, не со своей границы, а пробирается, шельмец, обаполом, к польской границе, думает отвести у меня глаза, врасплох застать. Дудки! Не на того напал, не надует. Я пойду на переём

ему, и где устигну, тут и пошашу! Нечего,— говорит,— с ним церемониться, много давал ему поблажки,— не чувствует, шельмец... Поезжай, Прохор Митрич, на Яик,— говорит Петр Первый,— снаряди полк иль-бо два яицких казаков и, как можно скорее, являйся с ними ко мне под город Платаву; знаю, швед до Платавы грабится». [...]

Лишь только Прохор Митрич приехал на Яик и объявил царское повеление, как в одну неделю снарядили два пятисотенных полка и отправили под город Платаву. Походным атаманом, знамо дело, пошел Прохор Митрич. За башней на лугу служили молебен. Прохор Митрич сам держал войсковую харунку. На дворе было тихо-претихо. Но когда запели: «На супротивные давай!»— в тот миг вдруг повеял с западной стороны, сиречь оттуда, где город Платава, повеял, говорю, легонький ветерок, зашевелил харунку, поднял-поднял на воздух, всполоснул раза два, да и обвил ее вокруг Прохора Митрича, да и затих. Прохор Митрич и стал словно спеленанный. В то же самое время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича,— а лошадь Прохора Митрича держал Рыжечка, он был на ту пору вестовым у него,— и лошадь, сударь мой, заржала... и подала хороший знак. Тут все войско возрадовалось и заговорило: «К добру! к добру! к добру!»

Полки тронулись и пошли. Прохор Митрич остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: известно, выпивку на прощанье сочинить. Когда Прохор Митрич простился со всеми и сел на коня, старшины и все общество говорят ему: «Есть когда Господь Бог поможет там вам сделать какую ни на есть отличку, то, говорят, главного-то, Прохор Митрич, не забудь, напомни, говорят, батюшке нашему, Петру Алексеевичу, чтобы не нудил нас насчет креста и бороды».— «Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у меня и у самого из головы не выходит»,— сказал Прохор Митрич и поехал к полкам. «Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня из головы не выходит»,— сказал тоненьким голоском и Рыжечка, сел на лошадь, заломил на ухо шапку да и поскакал за Прохором Митричем. Тут все индо засмеялись. «Куда тебе! Пузырь!»— кричат взад Рыжечке. Но Рыжечка махнул рукою и удрал. Рыжечка был маленький человек, точь-в-точь сам с ноготок, а

борода с локоток. Оттого и прозвали его в шутку Рыжечкой, сиречь грибок рыжик. Это имя так и осталось за ним на всю жизнь. А настоящее его прозвание было Замаренов Егор Максимович.

Идут полки наши к городу Платаве, идут лугами, болотами, идут они топятся, к городу Платаве торопятся, точь-в-точь как в песне поется про проход к городу Азову. Да, идут полки наши к Платаве, а под Платавой, сударь мой, чудеса творятся. Швед успел предупредить Петра Первого и застроил что ни лучшие места шанцами да бутареями. Поди ты, толкуй что хочешь, а швед успел предупредить, даром что неверный. Еще сударь мой,— так должно быть, тому уж быть,— еще, сударь мой, случилось тут казусная оказия: царю нашему сделать измену хохлацкый атаман, Мазепа, и предался со своими полками шведу. От этого самого рати шведской прибыло, а рати расейской убыло. Что тут станешь делать? Как ни шатай, как ни валяй, а приходится сказать: плохо. Петр Первый было и так, и сяк, а дело все-таки выходит плохое. Как ни кинь, все выходит клин.

Петр Первый собрал было енаралушков и всех думчиих своих сенаторушков, чтобы собча придумать что ни на есть к лучшему, чтобы как ни на есть не потерять свою армеюшку и не дать шведу над собою возвыситься, а тут, сударь мой, как раз,— так должно быть, тому уж быть,— тут как раз прибегает от шведа переговорщик: не угодно ли, дескать, кончить спор поединщиками? Давай Бог! Это нам на руку, Петр Первый рад был этому, по той самой причине, что ему жаль было губить понапрасну армию. А швед делал это поневоле. [...]

«Ты,— говорят шведские енаралы своему королю,— ты и так много погубил армии, много казны поистратил, а все понапрасну. Где тебе,— говорят,— тягаться с Расеей; ведь она всем государствам голова. Оставь,— говорят,— лучше и не затевай больше коловратностей: нашему царству и без того жутко». Но король шведский был лукав; прикинулся мелким бесом, успел уговорить, умастить своих думчиих сенаторов; те сжалились над ним и дали ему армию, пушек и все прочее; однако взяли от него, по ихнему закону, запись, чтоб он, ни под каким видом, не смел вступать с Петром Первым в баталию, а решил бы спор поединщиками; а есть когда осмелится преступить эту заповедь,

1. Шестоднев. Мстера. 1903 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

(Памятники русской литературы).

Народныя русскія легенды.

Томъ первый.

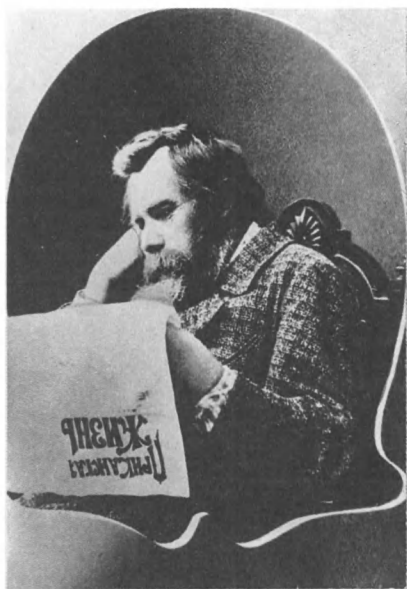
Легенды, собранныя А. Н. Афанасьевымъ.

Подъ ред. И. П. Кочергина, съ прилож.
портр. и воспомин. Афанасьева и двухъ
статей Пыпина.

Издательство—„Молодая Сила“.

2. А. Н. Афанасьев (1826—1871).
Фото 1850-х гг.
3. «Народные русские легенды».
Титульный лист второго издания.
Казань, 1914 г.
4. И. И. Железнов (1824—1863).
Фото начала 1860-х гг. (?)

5. П. И. Якушкин (1822–1872).
Фото начала 1860-х гг.

6. Н. Е. Ончуков (1872–1942).
Фото 1913 г.

7. Э. В. Померанцева (1899–1980).
Фото 1970-х гг.

Принеша Козаре плати на мѣданъ, златъ =
мшише поляне іудаша о дѣмъ мѣся.

9
по
ав
...
..

бѣша іудаша о дѣмъ мѣся
Князюти іудаша.

8. Дань мечами.

Миниатюра Радзивилловской летописи

9. Призвание Рюрика.

Миниатюра Радзивилловской летописи

Інаѣся мѣти ѿватороша онѣхъ дѣри
 і поцелѣть вѣрѣди оудерей. ітѣ ѿсторбоша
 вси .

10. Поход Олега на Царьград.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

11. Мечь Ольга.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

12. Оборона Искоростеня.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

13. Крещение Ольги.
 Смерть Олега.
 Миниатюра Хронографа XVII в.

оубитъ дѣи иноръ олодъ ивѣ дѣше иисоваго
лодъ.

БИБЛИОТЕКА

И посла мѣъ, Ишо Оръжене, Туринесочо
 ему, онѣсе приимѣ на халити, і лѣби-
 ти, и цѣлоати Цря .

Придоша опятѣ ишуръ, и пошлѣша ему
 иа бѣлшя . и доша бѣлшя и дѣти мѣсе ѣ .

14. Подвиг отрока при осаде Киева.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

15. Святослав принимает дары оружием.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

16. Подвиг юноши-кожемяки.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

17. Милостыня Владимира.
 Миниатюра Радзивилловской летописи

18. Равноапостольный князь Владимир.
Миниатюра Пискаревского летописца. XVI в.

19. Возведение Владимиром
церкви Святого Преображения.
Миниатюра Радзивилловской летописи

20. Оборона Белгорода: кисель из колодца.
Миниатюра Радзивилловской летописи

21. Святая Троица.
Раскрашенная гравюра.
30–40-е гг. XIX в.

22. Христос и апостолы.
Миниатюра XVII в.

23. Прение живота со смертию.
Миниатюра XVII в.

24. Искушение старца-пустынника бесом.
Миниатюра XVIII в.

И ОУЧЕ БГЪ. ДА КЪ ДЪ С КЪ ТИ ЛА П А Т К Е Д И Н Е Н Ч И . О С В Ъ Щ А З Е М Л Ю
И Р О А Л У Я Т И М Е Ж Д У Д Н Е И Н О Ц И Ю . И К А К Т Ъ К Е Ч Е И К А К О У Т Р О Д Н А .

25. Сотворение мира.
Миниатюра XVIII в.

то, не прогневайся, с царства долой. «Лучше-де,— говорят,— две-три головы потерять, чем всю армию погубить». [...]

Стали готовиться к поединку. Швед знал, что без поединщика ему не обойтись, поэтому самому загодя еще приготовил какого-то силача, с собою, вишь, из-за моря вывез; ростом, сударь мой, чуть-чуть не с колокольню, а в плечах коса сажень. Поил-кормил его до отвала, нарочно, словно на убой, что ни лучшими яствами и питьями; а обрядил его, собаку, в кольчугу да в латы, так что и сам черт не добрался бы до его кожи. И конь под ним был не конь, а сущий слон, да и тот покрыт панцирной попонкой. Просто, сударь мой, на оказию! Как появился этот уродина перед нашей армией, так все с диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесах, а не человек. Такой был этот поединщик пристрашнейший, преогромнейший, что и сказать нельзя. На что уж агарянские поединщики, которых наши Иваны укокошили на Куликовом поле, на что уж, говорю, агарянские поединщики походили на индрика зверя, но и те, сударь мой, в подметки этому не годились. Право слово.

Петр Первый видит, что вся армейюшка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако все-таки велел клич кликать: «Нет ли де охотника?» Как же! Сейчас и явились. Разослал царь по армии всех своих адъютантов, всех енаралушков и всех думчиих сенаторушков; и все воротились ни с чем: нет охотников, да и на-поди! Петр Первый обратился к своей свите и спросил: «Из вас, господа, нет ли кого?» Ни гугу! Все молчат, да старший за младшего хоронится.

Петр Первый не вытерпел, сам поскакал по всем полкам своим и стал вызывать охотника, а охотника нет да нет. В это самое время, так, сударь мой, должно быть, тому уж быть, в это самое время подошел Прохор Митрич с нашими казаками и стал подле крайнего армейского полка. Царь лишь только узрел наших, тое ж секунду подскакал к ним, рассказал, в чем дело, и кликнул: «Нет ли охотника?» — «Я охотник!» — вскричал тоненьким голосом Рыжечка и выскакал из фрунта. Царь взглянул на него, покачал головой, да и сказал: «Мал!»

Петр Первый вдругорядь едет по полкам, вдругорядь кличет охотника, а охотника все-таки нет. Сверстался с нашими полками и кличет: «Кто охотник?» — «Я!» — кричит Рыжечка и выс-

какивает из фрунта... Царь опять посмотрел на него, опять головой покачал, опять сказал: «Мал!»

В третий раз царь объехал свою армеюшку, в третий раз кликал охотника, а охотника все-таки нет. В третий раз царь остановился перед нашими полками, в третий раз кликнул: «Кто охотник?» — «Я!» — закричал Рыжечка и вылетел из фрунта.

Царь призадумался, посмотрел на Рыжечку, посмотрел и на шведского поединщика, покачал головкой, вплеснул ручками, да и говорит своим приближенным, чуть-чуть не со слезами: «Что буду делать? Отказаться от поединка, вся Европа станет смеяться; пустить этого малыша (царь показал на Рыжечку), пустить этого — заранее пиши пропало!»

Рыжечка тут стоит, слышит царские речи, да вдруг и говорит: «А Бог-то что? При помощи Божией Давид победил же Галифа!» Говорит так-то Рыжечка, а сам индо дрожит: яройское сердце, значит, в нем закипело. Царь пристально посмотрел на Рыжечку, да и говорит: «Храбрости-то в тебе, молодец, вижу, много, да силы-то, може, мало: вот в чем беда! Ты взгляни хорошенько, супротив кого хочешь идти, — вон он разъезжает, — а потом уж и скажи: надеешься ли победить». А Рыжечка толкует себе одно: Давид, дескать, победил же Галифа. Так отчего бы и ему, за молитвы святых отец, не победить этого супостата; надеюсь, дескать, ваше царское величество. Только-де, говорит, позволь мне коня другого выбрать из всех полков.

Нечего было делать, другого охотника нет; царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины речи насчет Давида и Галифа; а насчет коня царь сказал, что позволяет ему выбрать какого угодно, хоша бы и с царской конюшни. Но Рыжечка отказался от царского коня и сказал: «Твои лошади, надежа-царь, только для парада хороши, а для ратного дела, не прогневайся за слово, никуда не годятся». Тое ж секунду Рыжечка бросился к казачьему фрунту и выбрал лошадь у калмычнина. Стали переседлывать. В это время Рыжечка успел перешепнуться с калмычином о чем было нужно: «Какой обычай у твоей лошади?» — спросил Рыжечка калмычнина. «Знай сиди!» — говорит калмычнин. «Водам идет, огням идет». — «Еще?» — «Вилка дает. Бьешь правым нога — левая идет; бьешь левым нога — права идет. Догадался?» Рыжечка только

кивнул головой, вскочил на калмыцкую лошадь и выехал в поле.

Тут, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обе армейшки,— и расейская, и шведская. Распустили все свои знамечки. Заиграли на трубах, литаврах и на разных мусикийских органах. Потом все затихло: значит, бой скоро будет.

Рыжечка взоткнул на пику шапку, замахал над головой и подъехал к шведскому поединщику. Спрашивает его: на чем им биться, на копейцах ли булатных иль на сабельках вострых. Швед замычал что-то на своем телячьем языке и махнул рукой своим: вишь, он не понимал Рыжечку. И Рыжечка махнул рукой своим. Тое ж секунду прискакали к ним два енарала: один с нашей стороны, а другой с шведской, потребовали толмача. Толмач выслушал Рыжечку и пересказал шведскому поединщику. А тот, уродина, оперса на копье, оскалил зубы-то, да и говорит: «По мне на чем хошь! Хошь на кулаках, я на все согласен». Толмач пересказал Рыжечке. Тот обиделся и говорит: «Коли жив будешь, приезжай к нам на Яик. Там,— говорит,— на кулачном бою можешь пробовать своими только боками наши кулаки, а здесь,— говорит,— не угодно ли помериться вот этим?» Тут Рыжечка потряс своим копейцем. Рыжечка опять вернулся к казачьему фрунту и переменялся с одним казаком пиками. Рыжечку спросили енаралы, зачем он переменял копье. Рыжечка сказал: «Так надо!»

Рыжечка и на переговоры-то к шведу ездил с подвохом, ненеспроста. Сказано, швед был весь в железе, и рожа-то у бестии завешана была железною решеткой. Однако и Рыжечка был не промах. Покуда переговаривались, он успел осмотреть супротивника своего со всех сторон. На башке у шведа была стальная шлычка, а по щекам и по затылку спускались железные дощечки; задняя-то дощечка немного оттарлычилась, а это Рыжечке и на руку. Он тотчас смекнул, что тут, не говоря худого слова, можно запустить пику. А как у Рыжечки пика была толстовата, дупестовата, то он и отдал ее казаку, а у него взял его, потоньше. Значит, Рыжечка был себе на уме. Ладно.

Перед началом боя Рыжечка, как подобает христианину и воину, слез с коня, воткнул в землю пику, повесил на нее образ Михаила Святителя, положил семь земных поклонов и раскланялся на все четыре стороны. Потом, сударь мой, оборотился

лицом к востоку, сиречь в ту сторону, где наш родной Якиушка, оборотился лицом к востоку, да и говорит: «И вы братцы-товарищи, старики наши старожилые, и все общество наше почтенное! Помолитесь, чтобы Господь Бог соблаговолил!» Это уж он говорил заочно к тем, что на Яике остались. [...]

Затем Рыжечка посбросал с себя всю одежду, остался только в одних шароварах да в кармазинной безрукавной фуфаячке. Шапка, на что уж шапка, он и ту бросил и перевязал голову барсовым платком. Рукава у рубахи засучил по локти. Перетянулся шелковым пояском, за пояс заткнул длинный хивинский нож, а в руки взял копейцо. Вспрыгнул на лошадь, оправился на седельце; напоследок перекрестился и крикнул: «Держайте, людие, як с нами Бог!» — да и полетел на супротивника, точь-в-точь как маленький ястребок на орла заморского, точь-в-точь как в ветхозаветное время Давид на Галифа, сиречь на Галейку, татарина, — все едино. И Галиф помчался на Рыжечку, уставил против него копыще с добрую жердь.

Рыжечка лишь только подскочил к Галифу, сей же миг дал вилка вправо: Галиф, словно бык-дурак, пронесся мимо. Рыжечка обернулся да как далдыкнет его копейцом в затылок, где дощечка-то от шлычки оттарлычилась: Галиф и покатился с лошади кубарем. Рыжечка в един миг спрыгнул с своего коня, как клещ насел на плеча Галифа и отляпал ему ножом голову. Знай наших! Вперед дуракам наука: не хвались идучи на бой, хвались идучи с боя.

Тут армия наша возрадовалась, зашумела, словно волна морская, заходила и «ура!» закричала. А шведская армия, знамо дело, приуныла, затихла, харунки свои к земле приклонила, словно голубушка, несолоно хлебала. Только один король шведский заклянчил, сударь мой: такой беспокойник был. Не хочет кориться, кричит: «Подвох! Подвох! Русак сзади ударил нашего! Подвох!..» А енаралы и сенаторы его и говорят ему: «Что, что сзади? У нашего и сзади был панцирь. Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Не клянчай, король. Эй, лучше будет, покорись».

А король и слышать не хочет, ревет в источник голос, словно кто с него шкуру дерет, рвет на себе волосы, словно сумасшедший мечется во все стороны, словно угорелый кричит: «Пали!»,

а его никто не слушает. Сам побежал на главну свою бутарею, вырвал у канонера фитиль, приставил к пушке и открыл по нашей армии огонь. Тут уж и нашего царя взяло за ретивое. Подал он своим енаралушкам знак к бою, да и скомандовал: «Катай! Без пардона катай! На зачинающего Бог».

Вот тут-то, сударь мой, наша армеюшка и пошла чесать шведскую, — и пошла, и пошла чесать! Дым коромыслом стал! Всю, сударь мой, лоском положили!

Хошь один ли на одного, стена ли на стену идет — все равно, лиха беда только одному кому или одной какой стороне струсить; а там смело говори: пропал. Так было и со шведской армией. Спервоначала она очень храбрилась, голову очень высоко поднимала, а как ярой наш Егор Максимыч Замаренов, сиречь Рыжечка, сверзил ихнего великана и отляпал ему голову, так, что и толковать, у шведской армии душа ушла в пятки. Ну, нашей-то армии это и на руку. Пошабашила она армеюшку короля шведского, словно пить дала. А король шведский, сам-друг с изменником Мазепой, еле-еле удрал в Турскую землю. Там, говорят, оба они с Мазепой в кабалу пошли к турку; там, говорят, и пропали. Туда, значит, дорога...

А главная статья в этом деле, что там ни толкуй, все-таки ярой наш Рыжечка; он, значит, сделал первый начин; от его, значит, молодецкой руки пал Галиф, от его, значит, лыцарского подвига в страх-ужас пришла шведская армия. Лишь только немного поуспокоилось, Рыжечка и явился к Петру Первому с головой Галифа на копье. Царь во слезах-то, — с радости, значит, — царь во слезах-то не видит его и спрашивает приближенных: «А где наш малыш? Где бесценный Рыжечка?» — «Здесь!» — пищит Рыжечка. «А! Голубчик мой! Сокровище мое!» — говорит царь и целует Рыжечку в голову. Рыжечка поцеловал ручку у царя. Когда совсем поуспокоилось, царь позвал Рыжечку в свою палатку и, при всех енаралах и сенаторах, при всех иных земель посланниках, спрашивает его: «Чем тебя, друже мой, дарить жаловать? Говори! Ничего не пожалею». Рыжечка поклонился царю и говорит: «Мне, надежда-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше обчество». Царь спрашивает: «Чем? — говори». Рыжечка говорит: «От предков твоих, благоверных царей, мы жалованы рекой Яиком, с рыб-

ными ловлями, санными покосами, лесными порубами; а владена у нас на то пропала. Пожалуй нам, надежда-царь, за своею высокою рукой, другую владену на Яик-реку». — «С великою радостью! — говорит царь. — Секлетарь, бери перо, бумагу и валяй от меня яицким казакам владену на Яик-реку, со всеми сущими при ней речками и проточками, со всеми угодыями, на веки вечные!» Секлетарь написал.

Царь говорит Рыжечке: «Этого мало. Еще что? Проси!» Рыжечка говорит: «Еще, надежда-царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй нас крестом да бороною». Царь говорит: «Для кого нет, а для яицких казаков есть! Секлетарь, пиши во владеной, что я жалую яицких казаков крестом и бороною на веки вечные, чтоб им насчет креста и бороды быть невредимыми». Секлетарь написал. [...]

Написавши во владеной крест и бороду, царь спрашивает Рыжечку: «Это для обчества. А тебя-то, Егор Максимыч, чем дарить-жаловать? Проси! Ничего не пожалею». Рыжечка отвечает: «Есть когда, надежда-царь, на то твоя милость, позволь мне с дюжинкой иль с полдюжинкой моих друзей-товарищей погулять на твой счет в твоих царевых кабаках, безданно-беспощинно, недельки две». Царь улыбнулся и спрашивает: «Разве любишь?» Рыжечка отвечает: «Грешный человек: люблю!» — «Гуляй во здравие, — говорит царь. — Секлетарь, пиши, — говорит, — заодно уж, во владеной, чтоб выход винный на Яике отныне на веки вечные был казачий». И выход винный написали во владеной. [...]

Шведа, значит, совсем пошабашили, и память его погиге с шумом. Петр Первый возвысился, по всей Европии прославился, анператором нарекся, а этого титла, значит, нет на свете больше.

Несколько недель, изо дня в день, под Платавой пировали, из ружей, из пушек палили, на трубах, литаврах и разных мусикийских органах играли и разными потешными огнями забавлялись. Напоследок все затихло. Войска разошлись по своим фатам. И Прохор Митрич с полками нашими вернулся на Яик.

Год спустя вернулся на Яик и Рыжечка сам-друг. [...] Петр Первый дал ему за своим подписом и царскою печатью открытый лист: «Чтобы этому ярою, славному поединщику, сиречь

Егору Максимычу Замаренову, он же и Рыжечка, с двенадцатью товарищами пить, безданно-беспошлинно, во всех царевых кабаках и трактирных заведениях целый год». Славно! Забравши в руки такую бумагу, Рыжечка с товарищами и оторвался от полка и пошел странствовать из города в город, из села в село, от одного кабака к другому, и таким, сударь мой, манером прображничал по Расее круглый год. Вернулся домой уж тогда, как открытый-то лист, что Петр Первый дал, вышел из срока, потерял силу, не стал действовать. В компании у Рыжечки был тот самый калмычанин, что лошадь давал ему на Галифа. Вот с этим-то калмычанином Рыжечка и вернулся на Яик: оба, вишь, были насчет выпивки молодцы, тягуци; а все прочие, что были в их компании, все прочие, чтоб одрало их, дураков, не вынесли, перепились и сложили свои головы кто в кабаке, кто в трактире, а кто у мамошков... Такой уж народ был беззаботный, бесшабашный [...] .

Жил он после того, сударь мой, на Яике лет десять благополучно. Правда, вел он часто спор с киргизским ханом Абдул-Харей, да это Рыжечке было за потеху. Спорил он с ханом из-за лугов: гонял от них хана и его орду. Раз захватил в лугах на бухарской стороне сорок что ни лучших ханских аргамаков да столько же крупных быков. Быков перерезал, а аргамаков раздал по казакам. Хан вступился. Рыжечка отделался. Он и все наше общество сказали хану: «Не пушай в наши луга. Есть когда вперед так сделаешь, и вперед то же будет». Хан пожаловался вышнему начальству, и вышнее начальство сказало то же. Значит, что там ни толкуй, а бухарская сторона из предков наша. Хан присмирел, грыз зубы на Рыжечку, а ничего не поделал.

Он тоже был мужик славуций по всей орде, и киргизской, и хивинской; однако нашего малыша, сиречь Рыжечки, боялся. Случалось, бывало, как-нибудь, нечаянно, встретиться с Рыжечкой в степи, сейчас, собака, вилка даст в сторону, обаполом объедет, а Рыжечке в глаза не смеет взглянуть. Хан знал, что Рыжечка и Галифа шведского свалил, так куда, думает, тягаться с таким яроем. Дулся, дулся хан, да и отступился, махнул рукой и в степь удалился. А Рыжечка? Пошел по указу царя с князем Бекичем в Хиву и там, голубчик, за компанию с князем и всем честным воинством сложил свою буйную головушку.

ПЕТР I—ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

99. КАК ПЕТР ВЕЛИКИЙ ЕЗДИЛ В СОЛОВКИ НА БОГОМОЛЬЕ

В досюльщину стародревнюю тишь и гладь были на Ладожском озере, ездили на плотах — не умели еще делать лодок; на плотах же сбирались девицы и мѳлодцы и караводились и играли кругама и шинама. Прогневался Господь на беззакония этих людей, и явился сон одному человеку богобоязненну: «Поутру будешь ты похожать на промысел сетей, рюсей и мереж, и выстанет нож на сети твоей, и ты отруби сеть по тех мест, где выстанет нож, и скорее — берегу; завтра сколыбається море». Вышел этот человек на промысел и стал похажать мережа, рюси и сети, и выстал нож на сети его, и он отрубил сеть по тых мест и поехал в берег. Вдруг стала буря-пѳадара, и трои сутки море горело погодою; кто имел жительство о Ладожское, нельзя было на улицу выйти — страсть такая была. Утихло море через трое сутки. Поехали ловцы по промыслу и в берегу приборйном, куда волна катилась, нашли семьдесят вачек на одну руку.

После этого Ладожское никогда тишиной, а все ветрами

живет, и когда тихо, на нем стóлшни ходят. Так было до Петра Первого.

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря-па́дара, погода непомерная; насилуй доплыли к Сторожевскому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море. «Ай же ты мать-сыра земля,— закричал царь.— Не колыбайся! не смотри на глупо, на Ладожское озеро!» Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море. Место, где изволил наказать своима царскима рукама, звали сухая луда, а с тех пор называется царская луда. После того Ладожское стало смиреннее и тишину имеет, как и прочие озера [...] .

За тем Петр Первый имеет разъезд Свирью — два девяноста, Онегом — сто девяноста. Приезжает в Клименцы... Тогда монастырь преподобного Ионы был в затмении. Пристали к пристани. Царь к Ионе-преподобному зашел в храм — испытать, есть ли мощи. Отдернул половницу, тыкнул тростью царской — жезлом, и искра его оттуды засыпала. Царь скорее приказал устроить раку преподобному.

Тут заехали в Нятину губу — к древнему монастырю и, обвора, поехали к Конды (в семи верстах от Клименец, в губе, сорок дворов). Остановились на якоре. Царь приказал ехать на ялике за хлебом в деревню. Приехали на берег эты три человека, в деревне все женщины — мужчины нету; работают на заводе на Бутманском. «Что это за какой же заводчик есть?» — спросили эты человеки, гальётчики. Те отвечают: «Мужики работают у этого Бутмана зиму и лето с год на круг; зимой возят уголье, руду; летом уголь жгут и руду сдымают и рыбу ловят, и озеро тут над верхом — Устрека».

Гальётчики оборотились с хлебом назад и Петру Первому это слово объяснили, что Бутман какой-то заводчик есть и люди работают у него на боярщине: мужчины единого нет в деревне. Тут царь распорядился с этыми людьмы — сказать этым женам, чтоб они снесли к своим мужевьям его царское слово: Бутмана государь требует. Услышал это Бутман, велел снарядить шлюпку, семь человек гребцов и две пушки. Выехал на Онего — и этой езды от устья до Клименец верст пятьдесят будет да от Ионы-преподобного верст семь до гальёта до царского. Приез-

жает Бутман к гальёту ко царскому, остановился за стрелище место (как картечь хватит, сажень за сорок). Тут приказал он людям стрелять в гальёт царский с того борту и с другого. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману к царскому гальёту. Царь приказал ему выйти с гальёта на шлюпку и казнил его: Бутман был не русской, — самозванец. И по тех лет все заведение его решилось на Устреке, как решили ему житье его: годов семьдесят лежал этот завод впусте. Однажды мужики беседами займовались: «А что, ребята, посмотреть, не попадет ли там чего?» Стали перерывать землю; рублей на сто выкопали чугуна: балясины и плиты — коловратный аршин; места высоки и наполнены чугуном.

От Конды поехали на Вой-наволок: здесь трои сутки стоял на якоре гальёт царский, — была погода: да так и оставил Петр Первый свое царское слово: «Вой наволок». Отсюда — на Повенец, а там больше реками до Сумы на ладьях. Тут прибыли в Соловецкую обитель — в киновию. Царь, по обычаю, зашел в храм к преподобному Зосиме, и Савватию, и Герману, сослужил молебен и выехал в море; стала сначала буря, а тут поднялся туман; ездил Петр восемь суток: никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сон ему: «Царю, был ты в соловецкой киновии, что же ты своима царскама рукама раки святых не замнул?» Выстал царь и рассказал этот сон своим гальётчикам. Вдруг в его рассказе поднялся туман и показался монастырь верстах в трех, не дале, от гальёта. Опять, оборотя, поехали в монастырь к Зосиме, и Савватию, и Герману, в киновию. Петр сослужил молебен преподобным, запер раки своима царскама рукама и ключи с собой захватил. Тут решилось его царское слово.

100. КАК ПЕТР ВЕЛИКИЙ ЗАДУМАЛ УСТРОИТЬ МАРИИНСКУЮ СИСТЕМУ

Другожды Петр Первый имел приезд при деревне Шестовой, через Вянг-ручей; ехал он в Архангельск; почтовая дорога тут пролегала и теперь виднеет. Крестьяна из окольных мест

собрались во множестве, видимо-невидимо, на горе, верста будет от деревни; день был гулярный. Наместный староста с выборными навстречу вышли с хлебом-солью, как водится, по русскому обычаю. Выступил Петр Первый из коляски; росту он высокого, ученья великого; хлеб-соль принял и с крестьянами разговор держит: «Каково да вы крестьяне поживаете и да какой же у вас промысел есть?» Тут крестьяна пословечно ему стали высказывать:

«Близ четырех верст ниже сего места есть, надежа-государь, пристань Вянгинская. С Бадог гужем хлеб сюда возим, что идет снизу реками Волгою, Шексною, Белым озером и Ковжею. С Бадог до Вянги на судах ехать не можно, вода не сошлась, верст на пять, а дале на Вянге быстрина, пороги до пристани. Да строим еще, государь, корабли мореходные, гальёты, водовики и соймы, и с Вянги ходим мы шкиперами по Онегу, и по Свири, и по Ладожскому, для себя и с найму, и справляем хлеб на Пудогу и Повенец, а больше в реку Свирь и дале, в окольные селения».

Придумался Петр Первый, головой потряхивает и видит: живут тут люди не слепцы, не по канату ходят, народ сметливой, работной. Заложил себе это слово на ум и поехал дале. С тех пор эта гора зовется Беседная гора, и на той горе — часовня и молебствие бывает ежегодно в день сошествия Святого Духа.

101. КАК ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ КОПАЛИ

Покуда Ладожскую канаву копали, пашпортов ни с кого не спрашивали: всякое звание приходи и копай. Многие разжились и разбогатели. Приезжает однажды Петр Первый на канаву и видит: народ копает в большом уборе, в наряде и красе-басе. «Ай да,— говорит,— молодцы; знают денежек нажить». А тут капиталов стало мало хватать на канаву и взять негде. Тогда Петр Первый умысли на каждой версте сделать кабак. Чрез несколько времени опять приезжает он на канаву и видит этих же

самых копальщиков в самых худых одеждах; другие даже в кулях рогожанных ходят и работают. Рассмеялся Петр Первый, сплеснул руками и говорит: «Ай да молодцы! Знают денежек нажить, да умеют и прожить». И об этом поется песня до настоящего времени:

Мы канавушку копали,
 Все ю проклинали;
 На канавушку на конях,
 А с канавушки-то пеша.

102. ПЕТР ПЕРВЫЙ В ПОВЕНЦЕ

В царствование Петра Великого Повенец был простым селом, принадлежавшим Вяжицкому монастырю. Однажды государь с небольшой флотилией плыл по северной части Онежского озера, как раз близ того места, где впадает река Повенчанка. Не успели суда пройти небольшой остров, лежащий в одной версте от нынешнего города, как вдруг поднялась буря и началось страшное волнение на озере. Царская флотилия принуждена была от острова повернуть назад и пристать к берегу.

Тут, на берегу, где пристали суда, была церковь в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Священник встретил царя, как подобало, в полном облачении, с крестом в руках. Государь приложился ко кресту и спросил мнения священника о том, может ли он при такой бурной погоде плыть на судах по озеру. Священник долго смотрел на небо и сказал:

— На карбасе я могу ехать, а тебе, государь, на твоих судах невозможно, ты и суда растеряешь и народ загубишь без всякой пользы.

Осердился государь и захотел поставить на своем. Он вернулся на суда и приказал отплыть от берега; священник остался на берегу и, благословляя царя, сказал ему:

— Я тебя, государь, подожду и до твоего возвращения не начну литургию.

Дошли царские суда до острова Воротного, как начало их так сильно бить и швырять волнами, что царь приказал снова

вернуться назад в село. Так оправдались слова священника.

Царь простоял обедню в церкви Петра и Павла и, подойдя к кресту после богослужения, сказал с усмешкой священнику:

— Ну, отец, не попом бы тебе быть, а матросом; спасибо тебе за науку.

Он щедро наградил священника и приказал переписать селение в посад, которому дал имя Повенца, в честь реки Повенчанки.

Чтобы вознаградить вяжицких монахов за отобранное у них в казну имение, царь подарил монастырю богатое и многолюдное селение в Новгородском уезде [...]. В тот же день царь положил основание Повенецкому медеплавильному и железному заводам.

103. ОСНОВАНИЕ ПЕТРОЗАВОДСКА

Во всей Карелии шатался прежде разный народ, а более всего сюда забредали беглые рекруты, которых Петр Великий приказал ловить и отдавать в Преображенские полки; их ловили воеводы, а иногда для этой цели из Петербурга присылали военные команды с офицером.

Однажды пришел с такой командой какой-то капитан; после долгого пути он сделал роздых солдатам на реке Лососинке, где в шалашах жили рыбаки, приезжавшие сюда на рыбную ловлю. Отогреваясь в одном из шалашей от холода, капитан разговорился с рыбаками, и те сообщили ему, что вокруг того места такое изобилие медной и железной руды, что ее вовек не разработать.

Узнав об этом, капитан на другой же день повернул свою команду и, явившись в Петербург, лично рассказал царю всё по порядку. Царь щедро наградил капитана и отправился на реку Лососинку; там он заложил железоделательный завод. Народ стал называть это место Петровым заведением, но оно [...] было не там, где находится ныне Петрозаводск, а несколько ниже нынешнего города, по течению реки Лососинки.

104. ПЕТР ПЕРВЫЙ И ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КИЖАХ

[...] Император Петр Первый, путешествуя из Повенца Онежским озером, остановился у Кижского острова. Тут заметил он множество срубленного леса и, узнав причину его свалки, собственноручно начертил план предполагаемой церкви.

Пред этим временем прежняя церковь сгорела; она стояла не там, где стоит теперешняя церковь, а подальше — версты на полторы, на месте, называемом Нарына гора.

Когда крестьяне предположили устроить и новую церковь на этой горе и стали уже сваливать лес, то икона Спаса, уцелевшая от пожара, вместе с лесом ушла отсюда и оказалась на том месте, где стоит теперь церковь. Несколько раз переносили икону обратно и перегоняли лес, но напрасно — икона и лес являлись на своем излюбленном месте.

105. ФАДДЕЙ БЛАЖЕННЫЙ ДАЕТ СОВЕТ ПЕТРУ ПЕРВОМУ

Однажды Петр Великий прогуливался по правому берегу реки Лососинки, недалеко от впадения ее в озеро Онега, и размышлял. На противоположном берегу в это время стоял старец Фаддей. Царь обратил внимание на стоящего у берега реки Фаддея. Последний, почтительно приветствуя Петра Первого, обратился к нему с вопросом:

— О чем размышляешь, великий государь?

— А вот, Фадеюшко, думаю завод построить, — отвечал царь.

— А какой, царь, завод?

— Да медный, думаю.

— Медный... гм... нет, лучше не строй, государь!

— Почему так? — удивился царь.

— Да ведь ночью водою пройдет, — отвечал блаженный. —

А вот, царь, будет другой завод, выше, в славе будет тот завод, да недолговекий, упадет и тот.

106. ПЕТР ПЕРВЫЙ И ФАДДЕЙ БЛАЖЕННЫЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ

В другой раз Петр Первый был у литургии в Петропавловской церкви. По окончании службы, выходя из храма, Петр заметил стоящего у порога старца Фаддея и обратился к нему с такими словами:

— Здравствуй, Фаддей! Как много сегодня народу в церкви!

Народ густой толпой валил из церкви за царем.

— Народу! Нет, царь! Мало сегодня народу.

— Как мало?

— Да всего полтора человека было. Я был да ты, царь, до пол-обедни, а потом и твои мысли по Сионским горам ходили.

Царь ничего не возразил на слова Фаддея, но только признал его за истинного пронизателя.

107. ОСНОВАНИЕ ЛОДЕЙНОГО ПОЛЯ

Петр Великий, обратив внимание на вековые корабельные леса левого берега реки Свири, текущей из Онежского озера в Ладожское, задумал соорудить здесь верфь для постройки судов. Особенно понравилась государю местность небольшой деревеньки, называвшейся по-фински — Муйхварисвистос (это по-фински значит «место храбрых»); русские исказили это название и прозывали деревню Мокришвицы. Заинтересовавшись финским названием деревни, царь Петр расспрашивал стариков о том, какие это тут жили храбрецы и где они обнаружили свои воинские доблести, но никто не мог ему объяснить этого, и только один, самый ветхий старик, припомнил, что он когда-то, в детстве, слышал от своего деда, что жители деревни Муйхварисвистос удачно защищались от неприятеля, приехавшего на больших лодках из Ладоги [...].

[...] Царь Петр [...] приказал соорудить в этой деревне шесть кораблей и для этого набрать плотников в Олонце, а кузнецов — в Устюжне Железнопольской, а деревню Мокришвицы назвать

Лодейным Подем, так как прежде всего здесь приказано было строить ладьи. [...] Наблюдал за постройками какой-то сердитый генерал из Петербурга, который, боясь мушкары, засел в избу и ни разу не показывался из нее народу.

Рабочие между тем загрязнились и поизносились и стали просить у генерала передышки, чтобы сходить в баню и исправить одежду, но генерал к себе их не допустил, а приказал немцам-поручикам отгонять народ от его квартиры. Немцы же, [...] как народ жестокий и бесстыжий, накинулись на народ и стали драться. Народ взбунтовался и стал ломиться в генеральскую горницу; работу все побросали, а инструменты пропили.

Как раз в это время приехал в Лодейное Поле царь Петр. — Что такое? — спросил он строго.

Народ припал к его ногам и рассказал, что он терпит от генерала.

Государь послал за генералом, тот бежит к царю, но плотники его не пускают в царскую горницу, гонят его взащей и бранят: так было приказано им от самого государя. Испуганный генерал выскочил на улицу, а государь из окна машет рукою и зовет его к себе. Генерал опять к двери, а плотники снова не пускают его к царю. Наконец царь приказал допустить его к себе и сказал:

— Знаешь теперь, как бывает хорошо тем людям, которых холопы не пускают к барину? Это тебе наука. А так как ты имеешь склонность к пустынночеству, то я даю тебе в управлении маяк: там и маячь одиноким свой век.

После удаления генерала [...] работа закипела быстро, и, под руководством самого царя, были скоро заготовлены первые ладьи.

108. ПЕТР ПЕРВЫЙ В СВЯТОЗЕРЕ

Император Петр Великий проездом от Марциальных вод однажды изволил остановиться в Святозере на обывательской станции для перемены лошадей. Милостиво разговаривал с

народом, обратил он царственный взор свой на один маленький остров, находящийся на озере Святозеро, вблизи селения Святозерского.

— Отчего на острове сохранился довольно высокий лес, а в округности такого нет? — спросил царственный путешественник.

— Оттого, — ответил некто из крестьян, — что остров этот святой, и лес на нем святой, и кто повредит хотя одно дерево на нем, того Бог может наказать болезнию.

Что сказал Петр на эти слова крестьянина — неизвестно, только сам он решился быть на острове и осмотреть лес.

Прибыв туда, нашел он в роще часовню и, помолившись в ней, взял топор и начал рубить одну вековую ель, которая лезвию топора мало поддавалась. Долго трудясь и обрубая ель кругом, Петр до того утомился, что руки отказались служить и в голове зашумело, так что он принужден был оставить свое дело неоконченным и сказать:

— Правда, что остров этот святой и деревья на нем святые. Меня работа утомила до изнеможения. Оставляя остров, Петр обещался на месте часовни построить церковь, но скорая смерть его, может быть, была причиною, что обещания своего он не привел в исполнение.

109. ЦАРЬ ПЕТР И СЕРЖАНТ ИВАН

Известно, коликую трудность имел великий государь довести городских дворян своих до того, чтобы добровольно отдавали детей своих в службу. Одна дворянка, вдова, быв принуждена строгостью указов разлучиться с считавшимся в недорослях осмнадцатилетним любезным сыном своим, привезя его в Петербург, записала в Ингерманландской полк в солдаты. Перед несколькими же пред тем годами сею же вдовою отдан был в солдаты дворовый ее человек, по имени Иван. Сей, научая в службе грамоте, проворством и расторопностью своею скоро дослужился в сем же самом полку до сержантов; и преж-

ний его барин, помянутый недоросль, сделался по команде от него зависящим. Но городской дворянин мнил, что сержант его все еще тот же Ванька, который был и прежде, и что потому не может он им повелевать. Сие было причиною, что не хотел он исполнять приказов его. Сержант за ослушанье жестоко наказал его палкою; а он разжаловался матушке своей, что Ванька больно прибил его. Мать сия взвыла и мнила найти на Ваньку сего управу у государя; она со слезами просит монарха на него управы, объясняяся, что он, быв слугою, прибил своего господина не на живот, а на смерть. Монарх, расспрося ее, кто тот Ванька и кто сын ее, и узнав, что Ванька сержант, а сын ее солдат, приказал обоих их к себе представить и спрашивает сержанта: «За что он бил сына сей старухи?» — «За непослушание, — отвечает сержант. — Я приказывал ему быть в четвертом часу к ученью, а он, преслушав, не пришел; я, — заключает сержант, — велел его привести силою и наказал как ослушника». Государь, быв на то время весел и ободря его мановением, спросил: «Да как ты его бил?» Сержант, поняв намеренье государя, поставя недоросля в позитуру, дал ему еще несколько ударов палкою, приговаривая: «Не ослушайся, не ослушайся!» «Вот как я бил его, государь!» Мать завывла, а монарх сказал: «Видишь, старуха, какой Ванька-та твой озорник, что и в моем присутствии не унимается; я советую тебе поскорее отойти, дабы к тебе самой чего от него не досталось, ведь за непослушание везде бьют».

110. ОЛОНЕЦКИЙ ВОЕВОДА

Прежде в городе не было никакой администрации; всем управлял мирный воевода. Мирным его прозвал Петр Великий. Проезжая однажды через Олонец, он спрашивает воеводу:

- Где у тебя дела?
- Никаких дел нет, — говорит воевода.
- А книги, которые тебе присланы?
- Все целехоньки, вот в шкапе лежат; извольте сами, государь, посмотреть!

— Да как же ты управляешь? — спрашивает Петр. — Ведь бывают ссоры, претензии?

— Бывают-то бывают, да я миром сужу их, — отвечал воевода, а сам бух в ноги царю.

— Как же это миром? Расскажи, — говорит Петр.

— А вот как. Придет ко мне кто-нибудь, жалуется, что чужая лошадь съела овес у него. Призываю хозяина лошади, спрашиваю: «Съела твоя лошадь его овес?» Сначала тот станет запирается; а я закричу: «Врешь! Если не сознаешься, я тебя в тюрьму посажу!» (Тюрьмы тогда уже были.) А сзади у меня и сторожа стоят, чтоб взять его; они будто и приготовятся вести его и подойдут к нему поближе. Он бухнется мне в ноги и сознается: ну, говорю, так заплати ж ты ему, сколько он запросит, да кланяйся ему в ноги, проси прощенья. А тому скажу: а ты, брат, уж не проси с него много, а по-братски, раздели грех пополам. Тот подумает, подумает, видит, что воевода так к нему ласково обращается, примерно вместо пяти четвериков, махнет рукой и скажет: «Ну, Бог с тобой! Давай два с половиной четверика». Вот и уйдут, и помирятся.

— Так будь же ты отселе мирный воевода, — сказал Петр и уехал.

Лет через десять в Петербурге поссорились на балу из-за каких-то слов два генерала; один другому что-то сказал, пошли вздоры; дело затянулось и кончиться не может; оба платят поровну, дело-то ни в ту, ни в другую сторону и не клонится; приказные и пишут, и мажут, и только деньги обирают. Дошло до царя; он и вызывает из Олонца мирного воеводу. Приехал воевода.

— Вот какое у меня дело, — говорит царь. — Во сколько ты времени берешься рассудить?

— Во сколько прикажете, ваше величество.

— Три месяца будет тебе?

— Нет, это будет неудобно. Позвольте уж поскорее, чтоб в Олонце без меня дела не расстроились, чтоб там их кто-нибудь не замутил.

— Так как же?

— Да чтоб мне через неделю и назад быть. В три дня либо кончу, либо нет.

— Ну, хорошо.

Царь издает указ, что он вызвал для суда мирного воеводу из Олонца, и что он положит, то непременно и будет исполнено. Генералы испугались. Вот назавтра призывает мирный воевода одного генерала, входит он; на столе лежат дела, вытребованные из Сената.

— Я целую ночь читал твое дело,— говорит воевода.— Оно совсем не правое. Выбирай одно из трех: или тюрьма, или виселица, или помириться с врагом. Завтра принеси или прошение, или записку, что ты выбрал.

Генерал хотел было спросить, но олонецкий воевода закричал на него: «Ступай! Мне некогда тут с тобой...»

Призывает другого генерала и то же самое приказывает. Думают генералы: черт с ним, лучше помириться, чем виселица. На другой день приходят в одно время, подают прошение о прекращении суда с изъявлением желания мириться.

— Ну вот так! Пойдемте к государю.

— Ну, решили ли? — спрашивает царь.

— Решил.

— Как же?

— Они помирились между собой. Теперь позвольте мне, ваше величество, к своим.

Царь его отпустил, и воевода воротился в Олонец и стал править городом по-прежнему.

111. СИДОРКИН КУРГАН

В стародавние годы ходил-гулял в этих местах Сидорка, разбойничий атаман. Страху нагонял он великого на Русь вплоть до самой Рязани и Тулы. Ни купцу, ни боярину проезда от него не было, а стоял он со своей дружинишкой вольною на Хаве на реке, где она луку дала. Нашего брата крестьянина, иначе, не трогал он, а награждал еще всякого казной, дарил хлебом и одежей да с почестью по домам распуцал. Как приехал к Воронежу царь Петр, так к Сидорке поклон послал: «Здравствуй, атаман,

на многия лета! Спасибо тебе за твою правду, за то, что на Воронеже ты у меня порядки завел». А допречь того Сидорка и заправду словно какой губернатор: чуть кто из начальства почнет неправду творить, да на чужом горбу ездить — тот час и шлет к нему Сидорка-атаман: «Выходи, дескать, на такое-то вот место, а не придешь, так и силком тебя приволочю заставлю». Вот сейчас придет начальство неправдивое — голову ему долой, да в Питер и отпишет царю: «Так и так, — говорит, — лишил я головы твоего начальника, потому от него народу тягота была». — «Выходи ты ко мне к Воронежу, — пишет царь Петр; — я тебя, атамана, награждать буду». Вышел к нему Сидорка. «Чем мне тебя, атамана, награждать будет?» — спрашивает царь. «Нечем тебе наградить меня, — говорит атаман, — казны у меня больше твоего, сила моя сильнее твоей: твоя силушка — неволюшка, моя силушка — охотушка. Довольно мне от тебя награды — слово твое ласковое, я и тем счастлив, что не слышу я плача да воя крестьянского». Сказал ему царь Петр спасибо и уехал под турку, да там и помер.

И пошел с той поры всякий недогляд, да недозор, да неправда — один Сидорка у себя на Хаве, да на Воронеже правдиво живет, крестьян в обиду не дает. И взбунтовались князья да бояре, да главные управители: «Не хотим мы Сидорку живым видеть, он нам упорство чинит, надо его за эту повинность живота лишить». Послали на Сидорку целый полк солдат; и не в охотку было им против Сидорки идти, да делать нечего. Пошло тут побоище великое — всех-то солдатусшек перебил Сидорка. Прислали бояре сто полков, и их перебил Сидорка — никого не оставил вестей донести. Стосковались бояре, задумались: «Перебьет у нас всех солдатусшек Сидорка и на семена не оставит; за кем нам тогда стоять будет?» Собрали бояре тысячу полков с конями да с пушками и пошли сами на Сидорку. Сидит Сидорка на бережку, на Хаве на реке, и горькими слезами заливается. «Чую я смертушку лихую-безысходную; умереть мне нонеча перед вечером. Придите ко мне вы, крестьяне, — народ воронежский! Помогите мне в моей беде!»

Пришли к нему тогда все крестьяне с-под Тулы, Рязани и Воронежа, и собралось у него рати — перечесть нельзя. Пришли и полки с-под Питера; становились полки в степи, а подле луки

на реке стояла рать Сидоркина. Захотели полки перечесть рать Сидоркину — ей и сметы нет. Бросили солдаты считать, стали считать генералы, да те со счету сбилися — чихвирию не хватило. Вечеру стали снова считать генералы, а солдаты стали для них землю шапками таскать, и натаскали гору целую — на третьем мильонте бросили, остальных не видать — далеко рать раскинулась. Вечеру сошлись рати, и боярская и Сидоркина, и был тут бой страшнейший. Ложатся полки, как снопы в поле, а Сидоркина рать все стоймя стоит.

Сидорка топором что в лесу орудует. Семерых генералов отделал, к восьмому подскакивает; изловчился-приловчился да как в самое темя болтыхнет его, тот так и не капнулся. Поглядел Сидорка генералу в очи — ан это брат его родненький. «Братец ты миленький! Как ты попал сюда?» — «Видно, доля моя такая горькая, — говорит ему брат. — Служить, так служить; стали меня на тебя посылать — и не хотел идти, да нельзя послушаться приказа царского, решенья боярского». Как услышал эти слова Сидорка, обнял он брата своего крепко-накрепко и возговорил своим ребятушкам таковы слова: «Ой вы гой еси, ребятушки мои, народ православный! Мне не жить у вас, не служить мне вам — умирать пора, уж настал мой час. Я помру тотчас — чуёт конец мое сердце богатырское. Уж копайте вы яму глубокую, зарывайте мой гроб в глубину земли; накладайте наверх тяжел камушек; я до той поры лежать буду, покуда не пройдет на Руси беззаконие да неправда, не станет брат руку поднимать на родного брата. Вы простите мне, народ православный, все грехи мои невольные и вольные, мои помыслы и слова мои, погребайте меня во сыру землю — ничего у меня на Руси не осталось». Воздохнул он один только раз и выпустил дух из себя.

Разошлись по дворам все крестьяне — рать Сидоркина, а Сидорку на том самом месте попы погребли, где солдаты гору насыпали. Хотели было бояре да князья вынуть тело Сидоркино, сжечь да разметать по ветру; принимались они ту гору рыть, да не достали; раз было уж совсем дорылись, да ушло оно в землю, в такую глубину, что и счесть нельзя. И до сей поры две ямы на Сидоркином кургане видны — из Питера приезжали, хотели тело Сидоркино выкопать.

112. СМЕРТЬ БУЛАВИНА

Схотел Петра Первый взять под себя Дон с казаками и всеми людьми, что до казаков из Расаеи прибегали. Надумал он такое дело и шлет до Игната-сударя грамоту. Прибегают с той грамотой царские послы, призывают до себя Игната, казаков, читают грамоту. Казаки слушают. Прочитали послы, а мир отвечает им: «Не желаем под царя идти!» Послы гутарят: «А мы заставим!» Казаки за сабли, пистолы. Видят послы, что дело сурьезное, — их могут порубать, они до царя. Прибегли. Петра Первый спрашивает: «Все казаки под меня подписались?» — «Нет, царь-батюшка! Не желают исполнять приказ, порубать нас хотели».

Тогда царь послал на Дон князя-бояра Долгорукова и полки ему дал. Прибег князь с полками да начал разорять станицы. Заберет какую станицу, казаков кнутом бьет, носы, губы, уши режет, а кого и в аскеры записывает. Стариков смертью казнит, женский пол для блуда берет. Младенцев невинных, басурман, и тех меж колод давил, в Дон бросал. Станицы пожег. Такой изгоны люди отродясь не видали. Люди до Некрасы, плачут. Видит Игнат-сударь такое басурманское дело князя-бояра, собрал круг. Шумит мир, а Некраса спрашивает: «Что делать будем, атаманы-молодцы?»

Казаки кричат: «Убить князя-бояра!» Приговорил круг: «Убить Долгорукова!» Игнат с казаками сели на конь да побегли. Прибегли до князя. Некраса-батюшка подошел под Долгорукова да срубал ему голову при всем народе. Возмутился Тихий Дон от вершинушки до самых устужей. У нас песня про то играется...

Узнал царь про смерть князя да другого прислал на Дон с целой армией. Игнат себе собрал армию. Пошли тут баталии смертные. В войске Некрасы были разные люди, а больше донских казаков. Разбил он всех на полки, поставил полковников, а над ними атаманов — своих братьев. У Некрасы три брата было: Дранный, Голый, Булавин. Брату Булавину достались полки черкасских казаков. А Игнат забыл сказать Булавину, что руководитель должен сам себя охранять.

Ну, собрал свою армию Некраса да на штурму пошел. Вывел казаков в степь. Остановил свое войско, а сам пошел на рядант.

Влез на него, глянул на казаков через персты правой руки и зародовался: все войско в шапках стоит. Подошел он до своей армии и гутарит: «Победа, атаманы-молодцы, наша! Все в шапках!»

Когда в войске перед штурмой не все в шапках, то в поход идти нельзя. Пошло Игнатово войско на штурму. Стал Игнат-сударь города брать. Князь отступает. Шло дело так, шло. Князь пишет царю: «Царь-батюшка, Некраса города берет, подмогу шли». Прочитал царь доносение, собрал всех инаралов, полковников, князьев-бояров да гутарит: «Собирайте полки, идите на подмогу до князя». Прибегают все они на Дон, а следом сам царь.

Узнали черкасские, что царь с новыми полками пришел, стали думать: «Что теперича будем делать? Победит царь, казнит нас всех». Думали, думали да гутарить стали. Одни совет дают: «Давайте Булавина побьем». Другие спрашивают: «А как мы его побьем?» — «Так и побьем! — гутарят первые. — Пойдет Игнат на штурму, а мы — на его брата Булавина». Сражение идет смертное! Некрасе где в такое время доглядеть за всем?! Сошлись две армейюшки. Идет великая штурма. Видят такое дело черкасские, что Игната нет рядом, они тогда вкуче и сделали измену: убили Булавина. Убили да написали про то царю. Дали грамоту одному казаку-изменщику. Положил он ту грамоту в зепь и побег до царя. Петра Первый прочитал грамоту и всех черкасских до себя принял.

Сражение идет, а Игнат-батюшка не знает про измену. Отцы наши песню играли:

Не две тучушки, да не две грозные, они соходилися,
 Ой да, соходилися, соезжались они, две армейюшки:
 Как армейюшка, братцы, она царя белого, Петра Первого,
 Да армейюшка была донских козаков, все некрасовцев,
 Они билися, братцы, да рубилися день до вечеру,
 Со вечерней поры они да рубилися до полной ночи.
 Со полдой-то ночи они рубилися до красной солнцы.
 Со красной-то солнцы война, братцы, утоляется,
 У Игната-сударя в армейюшке несчастье случается:
 Как убили в его полку что ни главного инаралушку,
 Что ни главного инаралушку, по прозванию Булавина.
 Ой, как не до смерти его убили, да больно ранили.

Да как не смог, не смог он, инаралушка, на коню сидеть,
Ой, и не смог-то он, раздобрый молодец, за узду держать.
Как упал, упал он, брат-некрасовец, да упал с коня,
Ой, упал он, братцы, инаралушка, да коню под ноги,
Да коню под ноги, раздобрый молодец, на сырую землю.

Прибегали казаки до Игната, докладывают ему: «Черкасские Булавина убили».

Тогда Некраса собрал полки да пошел на черкасских. Много изменщиков порубал Некраса. Кто из домовитых в живых остался — все до царя убегли. Черкасским не с руки было за Игнатом идти. Не держи Булавин домовитых, он бы жизни не лишился.

Игнат-сударь с Кубани много раз на Дон ходил. Как придет, так домовитых вешает. Они были всему делу и войску изменщики.

113. ПЕТР ПЕРВЫЙ И РАСКОЛЬНИКИ

Прослыша о проходе чрез их места Петра, выгорецкие раскольники выслали на выгорецкий ям своих старшин с хлебом-солью. Зная, что они будут являться тому, кого они считали антихристом, кто был для них зверем апокалипсиса и чей титул представлял собой апокалипсическое число звериное, старшины выгорецкие порядком струсили. Они ждали увидеть грозного судью своего отщепенства и знали наперед, что Петру наговорили про них невесть что.

«Что за люди?» — спросил царь. «Это раскольники, — поторопился объяснить какой-то боярин, а может быть, и генерал, — властей не признают духовных, за здравие вашего царского величества не молятся». — «Ну, а подати платят исправно?» — справился прежде всего практический Петр. «Народ трудолюбивый, — не мог не сказать правды тот же ближний человек, — и недоимки за ними никогда не бывает». — «Живите же, братцы, на доброе здоровье. О царе Петре, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божия Петра во святых молитвах иногда поминайте, тут греха нет».

114. О ЦАРЕ ПЕТРЕ ИСТИННОМ И ЦАРЕ ПЕТРЕ ЛОЖНОМ

В оное время, когда Петр задумал новшество всяческое вводить в старую, истинную, древлеправославную, вселенскими соборами поставленную веру в разрушение проводить, а Никоново бесовие за истинную веру почитать, великое событие с царем в ту пору приключилось, кое его духовные очи отверзло, душу его преобразило и на праведный, Господом нашим Иисусом Христом указанный, путь наставило.

Описуемое же событие произошло тако. Шел царь Петр единойды по лесу, что по берегу реки Невы рос, и в великом раздумье находился, ибо в тот день он неизъяснимое смятение духа восчувствовал и в сердце тоску ощутил, а в уме многие скорбные мысли имел. «Не любит меня народ православный, имя мое клянет, антихристом называет, а того не знает, что я, не покладая рук, ради его же блага работаю и всяческого добра желаю, а он от меня отворачивается».

Идет царь Петр с такими думами по лесу и того не заметил, что в самую глухую чащу зашел, где всякий след человеческий потерялся, и даже тропиночка, что по лесу змейкой вилась, и та окончилась. Опамятовался тогда царь Петр и назад хотел идти, а уж стемнело достаточно, и звезды на небе выступили. Смутился тогда царь Петр и не знал, какое решение принять: домой ли возвратиться, или же в лесу заночевать. «Дома приближенные меня ждут, да и в лесу всякого зверья достаточно, а то и лихой человек встретиться может. Пойду, может, на счастье и выберусь на дорогу» — так царь Петр в мыслях держал и на всякий случай меч обнажил, чтобы лихого человека или зверя, как должно, встретить.

Шел царь Петр по лесу, стало совсем темно, ни зги не видно, не только что дороги, но и деревья в сплошную стену слились. Оторопь царя взяла, и раздумье великое в нем поселилось. «Должно, за грехи мои такое испытание мне определено, чтобы я без покаяния смерть в лесу принял» — так царь Петр думать начал и крестное знамение совершил, да не по Никонову указанию, а по старой вере, как его царица Наталья Кирилловна и царевна Софьюшка учили, когда еще он махоньким ребеночком совсем был.

И только он на себя крестное знамение положил, лес светом озарился, и предстал перед царем Петром некий старец, ликом светел, в одеянии архиерейском подобном, в одной ручке святое Евангелие держал, а другая на епископское благословение сложена. Лик у старца зело благообразен был, а по браде жемчужом слезы катились, а уста присвятое имя Исусово прославляли и вечную хвалу Ему воздавали.

А царь Петр с лицом скобленным был одет в женские обутки, в кафтан не смиренный, молитвенный, а в такой, что негоже на себя православному человеку и надевать, с полами кургузыми и сверху донизу расстегнутый.

И спросил тот свят человек царя Петра, куда и зачем он идет. А царь Петр тому свят человеку и ответа не нашел, ибо в великое смятение духа пришел, и с уст слова не пошли.

— Отколе ты и кто ты, свят человек? — через силу мог царь Петр слово молвить, а сам очи оземь опустил и картуз свой немецкий с головы сдернул.

— Куда шел, туда не придешь. Антихрист ты и праведных людей погубитель.

— А ты знаешь, кто я? — царь Петр старца спросил и меч свой кверху поднял, словно зарубить похотел.

Свят человек Евангелие кверху поднял, гневен стал и голос свой возвысил.

«Опусти меч свой, — старец приказал царю Петру, — и услышь мое веление. Сатана обуял тебя и очи твои ослепил, и дотоле не прозреешь, поколь не претерпишь смертные муки, — ими лишь и душу свою от грехов очистишь. Во тьме пребываешь, и свет не озарил тебя. Не в палаты свои вернешься, а в домовину, не порфирой облечешься, а смертными пеленами. Коли искупишь грехи свои, покаешься в них, прощен будешь, и нарекут тебя царем истинным, и будешь ты веры православной укрепителем. Рцу тебе сие, тако и будет. Аминь».

И лишь слова сии свят человек сказал, как тотчас и рассеялся, и опять мрак крошечный царя Петра покрыл.

Ничего допрежь того царь Петр не боялся, а тут напал на него страх великий, в очах помутилось, и опустился он на землю, ибо великое смятение восчувствовал и преисполнился трепета.

Лежит царь Петр, а сам ума приложить не может, что с ним такое содеялось и почему он в смятение пришел. «Должно, мне все это померещилось, — царь Петр думает, — ничего такого не было наяву, никакого старца мне не явилось». И в думах таких незаметно для себя ко сну отошел. Так и заснул около того дерева, у которого на землю опустился.

Долго ли, коротко ли почивал царь Петр, сие неведомо, но знатное с ним приключилось, и на путь истинный то знатное его навело. Исполнились слова свят человека: как он спророчествовал, так и содеялось.

Слышит царь Петр сквозь сон, что кто-то его лик крыльями обвевает, а кругом лепое благоухание распространилось и сияние, очеса ослепляющее, разлилось. И стало от того веяния царю Петру прохладно, и в сердце своем он радость неизъяснимую увидел, словно кто весть дорогую ему принес. Согрелась царева душа, умилилась, восторга преисполнившись, и дивный сон он увидел. Видит царь Петр, что не в лесу дремучем он находится, не под деревом лежит, а в чертоге позлащенном, краше которого и на свете нигде нет, ни в государствах заморских, ни в России-матушке.

Стены в том чертоге густо позлащены, синью и киноварью изукрашены и хитро узорчаты, а в переднем углу святые иконы с лампадами неугасаемыми, паникадилами с свещьми возженими и кадильницами, ладаном благоухающими. А с потолка звезды небесные глядят, и в каждой той звезде лик херувимский, ангельский сияет. Посред же чертога место царское уготовлено и стуло, камнями изукрашенное самоцветными и лалом огромным осененное, поставлено.

И видит царь Петр, что и обличье у него другое, и одежда совсем иная, не немецкая, а как царю подобает по старому русскому обычаю и вере старой, истинной. До пояса выросла бородка шелковая, кафтан молитвенный, сапожки сафьянные, в ручках лестовка узловатая, а на голове волосики в скобочку принаряжены и чистым маслом смазаны, мертвого же волоса и в помине нет. Духом царь Петр возрадовался и сейчас на молитву встал, благо и подручник в указанном месте находился, и кропильница с кадильницей тут же на особливом столике положены.

И что было во сне царю Петру открыто, то и наяву совершилось: послышался некий глас с небеси, и глас тот возвестил: «Восстань, царь Петр, и поступай, как указано».

Восстал царь Петр и, совершив указанные земные поклоны, стал ожидать того указания.

— Узнаешь ли себя, царь Петр? — тот глас спросил.

— Не узнаю, владыко, — смиренно царь Петр слово в ответ посылает.

— Осени себя крестным знамением троекратно и сядь на уготовленное царское место, — глас тот повелевает.

Пошел царь Петр к тому месту и хотел на стуло сесть, но стуло само собой отодвинется.

— Иди за ним, — услышал царь Петр снова тот же глас.

Исполнил то веление царь Петр, пошел за тем самым стулом, что для него было уготовлено, а стуло то вглубь стены вдвинулось, а с ним и стена отошла. И так все это дивно приключилось, что и понять невозможно, — идет царь Петр, а перед ним стуло в стене стоит, — он к нему подойти норовит, а стена вместе со стулом отодвинется.

Шел царь Петр за стулом великое время, шел он и при томился сильно.

— Устал я, владыко, немоготу идти, — взмолился царь Петр.

— Иди, иди, таков твой предел, — слышит царь Петр все тот же глас.

Не посмел прекословить тому велению царь Петр, пооправился немного и опять в путь трудный направился. А место царское все отдалается, и никак царь Петр его достичь не может. Совсем близко подойдет, а оно еще того дальше отодвинется.

— Не превзойти мне искуса, — шепчет он, — силушки более не стает, немоготу такой подвиг.

А у самого и губы побелели, и пот с лица ручьем бежать зачал, ноженьки, рученьки дрожат, и глаза уж не смотрят.

— Владыко, сил больше нет, — опять взмолился царь Петр.

— Не окончен твой путь! Иди, иди!

И долго еще шел царь Петр, на землю упал, поднимался и снова шел. И видит он: облако светлое перед ним стену ту, у которой стуло находилось, собою прикрыло, а когда рассеялось, то и чертог позлащенный скрылся, и места царского не стало, и

очутился он в лесной прогалине, над коей твердь лишь небесная, солнышко ярко сияет, и тучки по небу проносятся.

Остановился царь Петр, упал на колени и молиться зачал.

— Господи Всемилостивый, прости прегрешения мои,— так молился он и земные поклоны усердно клал.

— Не совершен еще подвиг твой, велики прегрешения, лишь смертью от них очиститься можешь,— глас проговорил, и царь Петр на землю приник.

— Господи, прими дух мой,— сказал тогда царь Петр, прислонился к сосеночке, что на прогалине росла, да так и застыл.

Откуда ни возьмись со всех сторон благочестивые старцы пришли и начали обряд по истовой вере справлять. Возжгли кадильницы и ладаном святым тело окадили, потом свечечки тонкие затеплили и начали псалмы петь, кои при погребении полагаются. Вынули из котомочки пелены белые, тоже ладаном их как следует окадили, зачерпнули ковшичком воды из ключика и тело царя Петра по обряду, с пенопениями, обмыли. Принесли из лесу домовину и опеленали тело и в нее положили, а как ту домовину закрыли, то опять псалмы запели и с молитвами в могилку опустили, сотворили поминание, праху поклонились, холмик насыпали, окадили могилку и неведомо куда скрылись.

И слышит все это царь Петр и ужасается, как его живого за мертвого в землю зарыли, погребенью предали.

Лежит он в могиле. Тесно ему, вода холодная пробралась, черви закопошились и живое тело грызть зачали.

И все сие царь Петр чувствует, а слова промолвить не может, ибо по телесности своей он мертв есть. Разум остался, и мышление всякое осталось, а бранные останки глению подверглись. Стал тогда царь Петр думу думать великую и в мыслях себе разные вопросы задавать, и чем их больше задавал, тем больше горю предавался.

— Кто-то теперь моим государством правит? — так себя царь Петр спрашивает.— Алексашка да Лефортов, поди, всем царством завладели и по-своему все дела вершат. Искоренят они веру истинную и любезного моего сына, царевича Алексея, изведут.

А в ту пору такое приключилось, что всякому вероятно малоподобно. Как пошел царь Петр по лесу прогуляться и назад в тот день не вернулся, послали его искать, всюду ратных людей разослали, чтобы поиск сделать по всей земле Русской: не сокрыли ли лихие люди царя Петра и над ним какого злодеяния не совершили? Искали, искали — нет нигде, словно в воду канул или сквозь землю провалился.

Собрались тогда из первейших бояр и самых что ни на есть приближенных рядить, судить, как без царя государством править.

— Никак этого невозможно, — боярин Стрешнев сказал, — потому мы сами себя соблюсти не сумеем и всяческое своевольство учиним. А вот что я вам, бояре, скажу, по самой чистой совести и от всего сердца. Теперь царь Петр неведомо куда девался, — хороший ли, плохой ли смертью преставился, — мы того не знаем и знать не можем, а только нет у нас царя, некому государством править. Вот и нужно нам царя выбрать, чтобы он и обычаем, и подобием и ликом на царя Петра походил, чтобы никому и в ум не пришло, что другой у нас царь Петр, а не тот, что допрежь того был. А теперь мы в народ такую молвь пустим, что-де царь Петр в иноземные государства уехал и там-де и пребывает по сей день.

Судили, рядили бояре, а против Стрешнева-боярина никто ничего выдумать не мог, и ему же кланяться зачали, чтобы он схожего на царя Петра человека нашел, государеву делу его обучил и впредь своим наставлением не оставил.

— Согласен, — боярин Стрешнев говорит, — только сам я за это дело не возьмусь, по старческим моим летам мне такого дела не содеять, а вот Лефортов может оборудовать, потому он ближним человеком царя Петра был и его всякие свойства знает. Препоручите ему, он веры хотя и немецкой, а наш обычай довольно изучил.

— Согласен ли ты? — бояре Лефортова спрашивают, а он скобленным рылом ухмыляется и от препоручения отказывается.

— Мне, — говорит, — не пристало таким делом и заниматься, потому, — говорит, — у меня своих хлопот не обобратся. А вы, бояре, поклонитесь пониже боярину Стрешневу, пусть он

своего родича приведет и вам покажет,— вы и сами тогда рассудите, годен ли сей человек вместо царя Петра быть.

Упирался боярин Стрешнев, упирался, а все-таки бояр послушал и своего родича привел перед бояр.

Как все сего человека увидали, так все и ахнули, ибо словно царь Петр вернулся и самолично перед ними встал. И взгляд такой же пронзительный, голос повелительный, росту могущественного и силы богатырской.

— Будь ты за место царя Петра! — в один голос бояре закричали и перед Сенат сего человека привели и сказали, что-де царь Петр нашелся и снова своим государством править зачал. Сейчас в трубы заиграли, и всякое бесовское времяпрепровождение началось, кто во что горазд и кто в машкерстве и скомошестве один другого грешнее содеет.

И бысть с того дня на Руси два царя Петра: один истинный, что искупление себе от грехов в могилке замаливает, и другой, что всяким машкерством и бесовскими потехами занимался и старую веру искоренял, как ему то Лефортов присоветовал.

Ничего того, что содеялось царю Петру истинному, открыто не было, и лежит он в сырой могилке, в грехах кается и в вере истинной укрепляется. «Гордыней я необъятной преисполнен был, полагал, что превыше меня никого и на свете нет,— кается царь Петр истинный,— древнюю истинную веру не почитал и всяческое ей утеснение творил. А к чему все сие привело? И все прочее, что я и соделал, все прахом и тлением содеялось. Где же мои сотоварищи верные, где бояре именитые, где весь народ православный? Все как есть, все забыли обо мне, и никто на могилку не придет, в помин души панихидку не отслужит. Забыл меня народ православный».

И вот единожды слышит царь Петр истинный, что неведомые люди на его могилку пришли и промеж себя разговаривают.

— Сильно меня царь Петр обидел, землю у меня отнял и добра всякого отобрал.

— А ты кто такой будешь? — того человека спрашивают.

— Турчин я.

— Стало быть, ты человек неверный и землю от тебя отбирать не зазорно. Вот у меня землю царь Петр отобрал, так это мне обидно.

— Ты из каких же будешь? — турчин спросил.

— А я свейский человек буду.

— Ну, тебе поделом: ты русских сильно обижал.

Говорили, говорили между собой и в ссору вошли, да ножами друг друга полосовать и начали. Полилась кровь человеческая, да прямо-таки на могилку царя Петра и угадала. И где та кровь пролилась, на том месте терновник вырос и красными цветочками покрылся.

И царю Петру истинному паче того тяжелее стало, потому его земля сильнее придавила, а корни терновника прямо в грудь впиваться стали. «Забыл меня народ православный, отмолить меня не хочет», — думает царь Петр истинный, и горше того ему сделалось. «Чем я перед народом православным так провинился, что великую муку принять должен? — начал он роптать. — Все грешное делал я по своему разуму, в чаянии блага, а не злобства лютого».

— Не ропщи, царь Петр, а претерпи и спасен будешь, — слышит он некий тайный глас. — Не забыл тебя народ православный, и от чад его ты избавление примешь. Не пришел еще конец испытанию твоему, до конца претерпи.

Внял царь Петр истинный тому гласу и духом смирился. А вода ледяная пуще того мочить стала, и червь злее точить тело принялся.

Лежит он в своей могилке год, лежит другой, — могилка уже бурьяном поростать зачала, а из православных никто на могилку не идет. «И пусть бы меня вода ледяная затопила, пусть червь еще злее глодать стал, только бы помолиться на могилку мой народ пришел», — мыслит царь Петр и зело душой скудаться начал.

— Боже милостивый, Исусе многострадальный, отпусти вину мою, — взмолился царь Петр истинный, — по человечеству моему слаб есмь стал.

— Окрылись духом и в уповании пребудь, спасен будешь, — царю Петру глас отвечает.

И снова смирился царь Петр и мысленно двуперстное крестное знамение совершил. Мысленно же, а не въявь потому собственно, что пеленами обвит был и из оных пелен, коими его тело старцы повили, руку свою вынуть не мог. Так и остался

тихонько в домовине лежать, в той самой, что в землю теми же старцами опущен был.

Еще год, а то и более, прошел. Совсем могилка царя Петра сорной травой поросла, и терновники в густые кусты обратились, все, какие допрежь того тропинки к могилке подходили, все заглохли. Никто могилку не посещает, ни православный, ни другой прочий народ, и только птицы небесные поют над забытой могилкой свои безгрешные песни и святую, единосущную Троицу прославляют и вечную хвалу ей воздают, во веки веков нерушимую. Сколь еще с того самого времени прошло, сказать невозможно, но только тело царя Петра сильно глению предалось, кости от мяса обнажаться стали, и уста уже шевелиться не могут, и лишь думы его не покинули, и больше слезы из глаз литься принялись, и не слезинками, а ручьями горными.

— Иисусе многомилосердный, помилуй меня! — молится царь Петр. — Подай мне успокоение вечное!

— Был ли ты справедливым, милосердным, не угнетал ли народ православный? — голос с небеси царя Петра исповедовать начал.

— Грешен перед тобой, — каялся царь Петр, — не был я справедливым, не был всегда милосердным.

— Отпускается эта вина твоя, — слышит царь Петр, и дуба его радоваться начала, ибо милосердие Божие коснулось ее.

— Ниспошли мне кончину, — еще больше молит царь Петр.

— Угнетал ли ты веру праведную, истинную, древлеправославную и не истреблял ли огнем, и мечом, через катов и всяческими другими способами людей, по сей вере верующих?

— Великий я грешник, — царь Петр отвечает, — и в этих деяниях я, Владыко, грешен: веру древнюю без меры угнетал, а людей праведных всякими способами истреблял и казни лютой предавал.

— И эта вина твоя отпускается тебе, благо ты раскаяние чистое принес и многое не по своей воле творил, а по бесовскому наущению.

— Господи, скажи мне кончину мою, — слезно молит царь Петр. — Прими, Иисусе сладчайший, дух мой с миром.

— От чистой души ты покаялся, и да простятся тебе все грехи твои.

— Прими душу в царствие твое, Господи Иисусе, сыне Божий! — царь Петр говорит и готовится в мыслях предстать перед судьей праведным.

— Велики грехи твои, но и милость моя конца не имеет, — все тот же глас с небеси возвещает. — Телом ты обновился и душу покаянием очистил, но искус твой еще не кончен. Дождись, когда придет на могилку твою чист человек, окропит ее живой водой, тогда она сама собой раскроется, и встанешь ты из нее очищенным, первородным, и аки голубь незлобив будешь, и не коснется тебя всякая бесовская пакость, наваждение, и познаешь ты сладость, благолепие веры истинной, древлеправославной, и будешь ее защитником, ревнителем и насадителем. Аминь говорю тебе, посетишь ты вертоград мой и возростишь в нем цветы благоуханные, плоды спелые, и теми плодами украсишь путь скорбный мучеников, а плодами духовный глад верующих истово утолишь. Велико твое было мучение; но и радость твоя велика, ибо ты воином веры истинной будешь и ее от зла и супостата, а также и от антихриста и всяческих бед охранять должен. Настанет день, и вера истинная краше солнца воссияет и светом истинным просветит всех христиан православных. Аминь.

А в ту пору, как сие совершилось, царь Петр ложный, тот, что боярином Стрешневым поставлен был, лихое дело задумал и по совету Лефортова оное совершать зачал. Стал он исконную веру истреблять и всяческое утеснение людям той веры учинять и насилие над ними сотворять. И в срубах пожигали, в воде потопляли, на плахах обезглавливали, и вообще всяческое мучение усугубляли, дабы верующих в изумление привести и в антихристову власть предать. Также и прельщением действовали, златом малодушных покупали, тяглотами награждали и прочие милости оказывали. Свращение пошло великое, потому соблазном прельщали по бесовскому наущению и в действие сии соблазны без всякой зазорности пущали. Что лучше сказать, — девок и баб опростоволосили, а мужскому полу бородушку остригали, а с тех, кои того не похотели, с тех подать особую брали и не насилом, а честью, так что они свой лик и подобие Божие за корысть продавали. Иудами искаротскими делались. Как все сие скорбно было, того ни сказать, ни описать невозможно, плач

пошел страшный, и скорбь беспредельная по всей земле Русской, словно река, разлилась. Люди, кои в вере тверды были и ни смерти али мучений лютых не боялись, те лишь и остались, а остальные улещению и страху предавались и от своей веры, словно листья с дерева, что осенью падают, отпали, слугам антихристовым покорились.

Немало веры истинной ревнителей по лесам разбрелось, где свои скиты понастроили и церковный обиход справляли. А в те леса царь Петр ложный воинов посылал с наказом людей тех имать, огню скиты предавать, а коли сопротивляться учнут, так и людей в срубах пожечь.

А все-таки не всех могли истребить, ибо многие в такие тайные места хоронились, что никак их найти нельзя было, хоть и старались найти, а того не удалось. Вот в таком самом месте и была могилка царя Петра истинного, и никто оную из людей святотатственных потревожить не мог, да и то нужно сказать, что могилка совсем заросла и неприметна стала,— терновник колючий ее совсем покрыл и от святотатственных людей сокрыл.

В это-то самое тайное место, в один из дней от Господа указанных, люди, спасаясь от злых воинов Петра ложного, пришли и себе скиты налаживать принялись, просто шалашики строить, чтобы от всякой непогоды укрыться. И невдомек из них никому было, что они от могилки царя Петра истинного вблизи находятся и что панихиду по нем отслужить требовалось. Потому они панихидки не отслужили, что не открыто им было, а только по соизволению Божьему они на сие, а не на другое тайное место пришли и махонького ребеночка с собой привели. А ребеночек тот был сиротинушка,— его старцы с собой взяли, когда спастись от ворогов в лес пошли, а ребеночек сиротинкой был, потому его мать антихристовы слуги жизни решили, в срубе сожгли, а ребеночка мать из пламени выбросить успела. Его было в огонь снова бросить хотели, а молоденький солдатик тому воспрепятствовал,— нам, говорит, ангельскую душу губить зазорно. Тут один из старцев находился, он потихоньку того ребеночка уволок и в потайное место спрятал, а потом с ним в лес и ушел, от лютых врагов и святотатцев спасаясь.

Так вот этот самый ребеночек, лишь только отабориться

успели, в лес побежал да прямо к могиле царя Петра истинного и приблизился. И великое чудо тут совершилось.

Как только ребеночек к могилке близко подошел, так вдруг пение с неба раздалось, да такое сладкое, какого никто допрежь того на земле и не слыхивал. Остановился ребеночек, пал на колени и ручки свои к небу поднял. А на самой могилке зацвели цветы прекрасные, благоуханные, слетелись со всех сторон птицы и хвалу Господу запели и с ангелами вместе сугубую аллилуйю вознесли вседержителю и Господу нашему Иусу Христу, пречистой его Матери и животворящей, единосущной святой Троице. Возрадовался малютка, невинные очи свои горе вознес и услышал глас с небеси:

— Зачерпни, чист человек, воды живой, текучей и водой той могилку окропи.

И все сие малютка своим сердцем уразумел и по тому велению в точности и неукоснительности исполнил.

Побежал он резвенько к ручью, что около могилки журчал, зачерпнул рученькой водицы и стал ею могилку кропить. И стала могилка в землю уходить, и как лишь с землей сравнялась, так и раскрылась. А как раскрылась, так и вышел из нее царь Петр истинный жив и невредим, в царском кафтане, в горластой шапке, с крестом на груди и с посохом в руках.

Перво-наперво истовое моление царь Петр истинный совершил и Господу Иусу Христу, Пречистой Матери его и святой, животворящей Троице хвалу вознес, колени преклонивши. Потом к малютке подошел, троекратное лобзание ему предал и такое слово сказал:

— Слава тебе, чист человек, слава тебе, что ты по Божьему велению меня от живой смерти сохранил. Через тебя, чист человек, познает меня народ православный и веру истинную блюсти станет. А теперь оповести всех, кто с тобой пришел, что восстал из могилы царь Петр истинный и вкупе общее моление совершить хочет и хвалу Творцу создать подобающую.

Побежал малютка к старцам и прочим людям, что спастись в лес с ним пришли, и оповестил им весть радостную.

Сошлись все старцы и прочие люди и в умиление великое пришли, на колени упали и зачали Господа Вседержителя славословить. И к тому славословию свои голоса ангелы присоеди-

нили и птички небесные, и все умиленно сугубую аллилуйю вознесли.

А царь Петр истинный пуще других молится, а слезы из его глаз, как реки, льются, ибо понял он сердцем своим неизреченную милость Господню и всю благодать его. И лишь хваление кончилось, пение смолкло, поднялся с колен царь Петр истинный и с такими словами к людям обратился:

— Братия любезная, народ мой православный, в вере праведной укрепленный, вы послушайте, что я вам говорить буду и как наставлять на путь праведный, в вере православной укреплять.

— Был я мертв,— царь Петр истинный говорил,— а Господь помиловал меня. Был я грешник великий, а Господь всемилостивый простил меня. И вы тому веруйте, ибо по милости своей бесконечной Господь раскаявшегося грешника простит и помилует. Тако веруйте, а не иначе, ибо иначе веровать — смерть вечную принять, а веровать по-истинному — жизнь вечную себе уготовить и в царство Божие войти. И будьте в своей вере православной крепки, аки камни, и от нее не отступайтесь. Златом смущать учнут — отвергните его, ибо оно в геенну огненную приведет и от смерти вечной не спасет. Почести дадут — отрекитесь от них. Стойте в вере крепко, уподобляйтесь столпам истинного благочестия, творите двуперстное знамение, как тому нас Аввакум учил и как то от святых людей установлено. Предайте себя огню и пламени, отдайтесь на растерзание зверям лютым, а в вере крепко, ненарушимо стойте и от всякого соблазна бегите. То заповедаю вам, а мне верьте, ибо я царь ваш истинный. Властей, а паче всего царей своих истинных почитайте, им всякую почесть и хваление, а также и молитву о них воздавайте и творите, ибо цари помазанники Божии суть и блюсти закон самим Господом Иисусом Христом поставлены. Аминь.

Как сие поучение царь Петр истинный сказал, так из глаз людских скрылся, точно его и не было. И уразумели тогда, что это чудо было, и еще раз молитвословие совершили, благодаря Господа за ниспосланное откровение и в вере наставление.

И пошло с того самого времени большое в старой вере укрепление, и те, кто допрежь того колебание имели, те верными людьми сделались и на всякое мучение шли, веру прославляя и от обычая своего не отступаясь.

А гонение в ту пору еще пуще прежнего стало. Царь Петр ложный гневом распалился, что его приказу не все послушны, а как прознал, что царь Петр истинный проявился, так все леса и тайные места пооткрывал, где от него хоронились, и всем тем людям великую казнь сотворил.

— Не успокоюсь я,— царь Петр ложный Лефортову говорил,— пока обманщика, что мое имя облыжно принял и себя царем величает, не найду и казни лютой не предам. В народе такая молвь идет, что он-де царь Петр истинный, а я царь Петр ложный. А Лефортов ему тако отвечает:

— Найти, государь, того обманщика трудно, ибо он такое слово знает, что может от людских глаз скрыться. А мы человека такого найдем, который нас к нему приведет, мы тогда его и захватим.

— Делай, как лучше, только захвати, а то я и тебя сказнить повелю.

Собрал Лефортов войско преогромное, а в проводники такого человека поставил, который в каждом лесу али в море-океане дорогу найти может.

Пошло войско в поход, и мало ли, много ли времени шло, то неведомо, а только к лесу подошло и кругом оцепило,— со всех сторон стражу поставили, чтобы ни один человек выйти из того леса не мог.

— Нужно вперед надежных людей послать, чтобы они по тайности все высмотрели,— Лефортову тот человек посоветовал.

— Верно говоришь,— Лефортов сказал и велел клич кликнуть, кто не пожелает ли в лес пройти и высмотреть, что в том лесу творится.

Сколько клич ни делали, а никто не отзывался, потому всякому боязно стало на святых людей руку поднимать.

Разгневался тогда Лефортов и даже некоторых солдатиков расстрелу предал, и нехорошими словами обозвал.

— Коли,— говорит,— так, велю жребий кинуть, кому выпадет, того и пошлю, а сказнить велю всех до единого.

Стали жребий кидать, и достался он тому молодому солдату, что ребеночка от огня спас, когда его мать в срубе жгли.

Пошел солдатик,— ничего не поделаешь, потому присягу в

том принимал, чтобы начальства не послушаться. Зашел в самую чащу, — ни ходу, ни выхода нет, — лес словно стена стоит. Как через чащу продрался и вышел на прогалину. Видит: дом стоит молитвенный, а в доме том люди Богу молятся.

И слышит солдатик, что кто-то его из дому к себе кличет.

— Иди сюда, мил человек, не бойся, никакого тебе вреда не будет, ибо знаю, зачем ты сюда пришел и кто тебя послал.

Подошел солдатик к самому дому и в оконце и заглянул, а там люди в белых одеяниях стоят и молитву творят, а промеж их высокий такой стоит и на солдатика смотрит.

— Узнаешь ли ты меня, солдатик мой верный? — высокий человек солдатика спрашивает.

— Нет, не узнаю, — солдатик отвечает, а сам диву дается, что голос у высокого на голос царя Петра схож.

— Видал ли ты когда царя своего? — опять высокий человек солдатика спросил. — Схож ли я с ним или нет? Говори, не бойся, правду только говори, не лукавь и себя в мыслях не обольщай.

В страхе упал солдатик на колени, и от испуга язык отнялся. Вышел тогда высокий человек из дому и солдатика с колен поднял.

— Смотри теперь на меня, схож ли я с царем.

— Голосом схож, ростом тоже, а ликом нет. Государь Петр Алексеевич бороды не носит, а по немецкому обычаю и по воинскому уставу ее бреет, да и одеяние у него другое, воинское. А ты, не знаю, как тебя звать-величать, по боярскому, старому обыку одет, а теперь такого уж не вздевают на себя служилые люди.

Царь Петр истинный не обиделся на такие речи, а близенько к солдатiku подошел и руку свою на него возложил. И как только рука царя Петра истинного солдатика коснулась, так он тотчас и прозрел и к ногам государя пал и лобзать их начал.

— Поди, — сказал царь Петр истинный, — возвращайся с войском и к дому тому приведи. Час мой настал.

Покорился солдатик, пошел назад, к войску, а царь Петр истинный в дом вернулся и такие словесные препоручения преподал всем, кто с ним на молитве стоял:

— Голуби мои белые, вы послушайте мои последние речи. Заповедаю вам мою волю неизменную, кою исполните, а кто

супротив будет, тот анафема. Придет сюда рать несметная и всех нас лютой смерти предаст. Того быть не должно и не будет. Собирайтесь, братья мои во Христе, вы в путь-дороженьку и рассыптесь по разным сторонушкам, идите вы в горы уральские, сибирские, забайкальские, стройте скиты крепкие, веру истинную укрепляйте. Мерзкого зелья не потребляйте, в пище воздержание великое оказывайте и всякого непотребства и скверности избегайте. С мирскими не мирщитесь, а своим помогайте и крепко друг за друга стойте. И поведаю вам еще, что солнышко взглянет и слезы ваши, как росу небесную, осушит. Молитесь неустанно, денно и ночью, дабы вас Господь Вседержитель помиловал и от лихих напастей охранил и защитил. Аминь.

— Как же ты, царь-батюшка, в руки ворогов отдаешься, нас сиротинушками оставляешь? Примем мы с тобою смерть неминуемую, а тебя не покинем.

— Тому только и быть, что я вам сказал. Не упорствуйте, не грешите. Идите все, а меня оставьте. Такова воля Господа, и не нам, грешным, ей не покоряться.

Началось рыдание великое и прощание слезное. А царь Петр истинный встал на молитву и положил начал. Тогда и все прочие стали на молитву и совершили моление великое, с песнопениями и поклонами. Засим подошли к царю Петру истинному, земной поклон ему отдали, целование последнее совершили и потихоньку, как птицы перелетные, один за другим из дому вышли и по всем краям света разошлись, дабы исполнить то, что им было повелено царем батюшкой, Петром Алексеевичем истинным.

Прошло немало времени, день, два, а то и более, как воины Лефортова к тому дому подошли и со всех сторон его стражей неусыпной окружили. Сам Лефортов к дому подошел и зычно к себе там находившихся потребовал. Никто не откликнулся, потому, кроме царя Петра истинного, в том доме и не было.

— Позвать сюда солдатика, что охотником в лес ходил,— Лефортов так приказал. А как солдатик пришел, так он ему и говорит:

— Ступай ты в дом, высмотри и знак нам подай, коли что там

найдешь. Ты был там, ты и в ответе будешь, может, ты измену какую задумал, так оно само наружу и выйдет.

— Измены моей никакой нет, а что я уверовал, так это точно,— солдатик Лефортову сказал, а сам к окну того дома подошел да молитвословие и проговорил:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

А из дома ему аминь в ответ послали, дверь растворили, и солдатик туда и вошел. Как вошел, так ниц перед царем Петром истинным пал и руки к нему простер.

— Зачем ты пришел? — его он спрашивает.— Страдания принять хочешь али от меня отречься и в руки катов предать?

— Пострадать за веру праведную хочу, а тебе, царь мой истинный, я хвалу тебе подобающую воздаю. Благослови меня на подвиг сей.

Благословил солдатика царь Петр истинный, и вместе из дому вышли, прямо к Лефортову и подошли.

Возрадовался Лефортов, что так дело прикончилось,— сейчас приказал царя Петра истинного и солдатика в железа заковать и под крепкий караул посадить, и стражу немецкую к ним поставить, чтобы прельщения никакого не вышло.

Сидят под стражей оба невинномученика, и царь Петр истинный солдатика поучает и ему всяческие наставления дает.

— Из мертвых меня Господь воскресил, чтобы веру православную прославить. Приму я мучения великие, ибо таков мне предел положен. Настали теперь для веры истинной дни судные, и нужно очищение от грехов огненным крещением воспринять. За всех православных, кои древнее благочестие соблюдали, я страдания приму, и грехи искуплю. Час мой настал. А тебя на ту же стезю наставляю, ибо ты уверовал и душу свою спас. Аминь.

Привезли, наконец, царя Петра истинного и солдатика его верного перед лицо царя Петра ложного, а он допрос им учинять зачал:

— Как ты посмел, пес смердячий, смерд поганый, себе имя царское присвоить и себя, поганца, царем величать? — стал он царя Петра истинного допытывать.

— Я-то царь Петр Алексеевич настоящий, истинный, а ты боярина Стрешнева ставленник,— смиренно так царь Петр истинный ответ держать начал.

— Как ты такие неподобные слова говорить осмелился? — заыкал на него царь Петр ложный. — Я тебя живого в срубе сожгу, а допрежь того язык твой поганый вырву и псам на съедение отдам. Позвать сюда самых настоящих катов, которые милости не знают, и казнь жестокою над ним вершить.

Подбежали каты, взяли царя истинного за ручки белые и в застенок провели и давай над ним всяческие издевки делать.

Чудо тут великое сотворилось. Стали тело царя Петра истинного на части рвать, а сколь кусков вырвут, столь опять нарастет, да еще более прежнего, а где кровь прольется, там благоуханные цветы вырастают. Увидали сие каты, все свои клещи побросали, а сами на колени пали и молитву творить зачали:

— Прости ты нас, рабов неразумных, творим, что и не ведаем, прости, ради Христа.

— Бог простит, — смиренно так царь Петр истинный отвечает, а сам крестное знамение творит и катов благословляет.

Пришел в застенок сам Лефортов и диву дался, что такое произошло... сколь времени каты действуют, а царь Петр истинный целехонек стоит.

— Что же вы, непослухи, такое здесь творите! — на катов Лефортов закричал, ногами затопал и кулаками угрозил. — Я, — говорит, — вас самих на дыбу вздернуть велю.

А каты как были на коленях, так и остались, слова больше вымолвить от такого чуда не могут, язык отнялся.

Лефортов еще пуще осерчал и повелел тех катов под стражу взять, а новых позвать и при себе царя Петра истинного пытаться и всяческим мукам предать. И стали новые каты клещами тело его на части рвать, а он Бога Господа Иисуса Христа славословит. Но сколь каты ни старались, ничего поделывать не могут: кусок тела клещами вырвут, а оно снова зарастет.

— Ты волхв, — Лефортов закричал, — и тебя прямо утопить нужно. Поведите его к Неве-реке, камень большой на шею привесьте да в воду и киньте.

А царь Петр ложный услышал Лефортов приказ и к себе Лефортова зовет, чтобы узнать, повинился ли в чем царь Петр истинный. Лефортов ему и говорит, что каты ничего поделывать не могут, потому он, Петр царь истинный, не кто иной, как волхв.

— Я его в Неве-реке утопить хочу и жернов на шею привесить велел,— Лефортов говорит.— Из воды не выплывет.

Привели царя Петра истинного к Неве-реке, пребольшущий жернов приволокли и крепко-накрепко на шею ему привесили, на лодку посадили и на средину реки и вывезли. А как стали его в воду бросать, так лодка опрокинулась, каты в воду попадали и ко дну скорехонько пошли, а царь Петр истинный жернов в ручки взял и по воде пошел к берегу цел и невредим. Все православные, что на берегу стояли, видя то чудо, на колени попадали и в один голос закричали:

— Ты наш царь батюшка Петр Алексеевич истинный, и тебе мы земно кланяемся!

Не похотел того видеть царь Петр ложный, отвернулся и Лефортову говорит:

— Возьми немцев и татар, прикажи им волхва схватить и в сруб посадить. А тех, кто на коленях стоял, тех мы казни предадим, ибо это — люди изменные и нашему царству негодные.

Сейчас Лефортов верного человека куда нужно послал, и немцев видимо-невидимо сколько пригнали. И стали тех, кто на коленях стоял и царю Петру истинному хвалу воздавал, тех зачали хватать, руки, ноги вязать и к плахам волочить. А на каждой плахе кат из татар стоял, и лишь только кого приведут, тому и голову секирой отсекал. И столько много голов в ту пору снимали, что Нева-река помутнела и кровью окрасилась, словно вечерней зарей погорела.

А царь Петр истинный на берег вышел, бросил жернов на землю и прямо к царю Петру ложному пошел.

— Почто же ты меня сказнить не повелишь? — он его спрашивает.

— Ты,— говорит царь Петр ложный,— волхв, и тебе будет казнь особливая. Пока же я к дереву тебя привязать повелю, чтобы ты казнь ослушников видел и знал, что не спасло их от смерти все твое волхование.

— Без Божьего произволения ни один волос с головы человеческой не спадет, не токмо что голова. Так ты знай, что Господь допустил их мученическую кончину приять, и они через твое злодейство страстотерпцами сделались и венец мученический нетленный получили. Аминь.

Распалился гневом от таких речей царь Петр ложный и велел царя Петра истинного к дереву привязать, а перед ним плаху поставить и на ней солдатака сказнить.

— Твоего ближнего приспешника, а мне изменника, сказнить перед твоими глазами хочу, ибо ради тебя он мне измену подлую содеял.

Сейчас плаху поставили и солдатака к ней привели. А солдатик тот к царю Петру истинному обратился и благословения себе на жизнь вечную испросил, а потом самолично голову на колоду положил и катам явственно проговорил:

— Да простит вас Господь Вседержитель, как я прощаю.

И опять чудо проявилось. Отрубили голову солдатаку, а голова прямо к ножкам царя Петра истинного подкатилась, глаза открыла и такие слова сказала:

— Прости меня и в царство небесное благослови.

— Будь благословен, все грехи твои прощаю во веки веков.

Сии слова царь Петр истинный сказал и мысленно крестное знамение совершил. Потому он мысленно сие соделал, что ручки его к дереву привязаны были крепко-накрепко немцами.

— Теперь и твоя очередь настала,— Лефортов проговорил.— Вишь, и тебе изба красная готова,— и на сруб показал, в котором царя Петра истинного пожечь приготавились.

Отвязали его от дерева и в сруб поставили, а потом его поджигать зачали. Сруб сразу огнем-пламенем занялся со всех сторон. Царь Петр ложный на пригорке стоял и до тех пор с места не сходил, пока от сруба даже угольев не осталось. Но тут еще одно чудо проявилось. Как сруб уж догорать начал, откуда ни возьмись, из самого что ни на есть пекла, белый голубь взвился, над срубом покружился и неве омо куда из глаз скрылся. Многие тогда к старой вере обратились, потому в сем голубе знамение увидали.

А царь Петр ложный, как сруб гореть перестал, повелел кости сожженного найти, чтобы их в порошок истолочь и по ветру пустить. Искали, искали, а тех костей так и не нашли. Лефортов говорил, что-де, мол, сгорели, а царь Петр ложный призадумался, и с того времени людям старого обычая многие послабления делали и в срубах жечь перестали.

Сему сказанию конец. Аминь.

ЦАРЬ — РАБОТНИК

115. О ДЕМИДОВЕ И ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДАХ

Один из наших вельмож, ездивший за границу, привез Петру пистолет. Царь очень потешался подарком, но, к несчастью, сломал курок. Не нашлось в Москве мастера, способного его починить, и кто-то посоветовал обратиться в Тулу, где кузнец Никита Демидов Антуфьев славился ловкостью и искусством. Петр, ехавший в Воронеж, захватил пистолет с собой, остановился в Туле и приказал позвать кузнеца, который объявил, что дело можно исправить, но что починка потребует времени. Петр оставил ему пистолет с тем, чтоб взять его назад, когда поедет обратно в Москву. Месяца через два государь прибыл опять в Тулу и спросил о своем заказе. Никита Демидов принес ему пистолет. Осмотревши его, Петр похвалил кузнеца и прибавил: «А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать?» — «Что ж, авось и мы супротив немца постоим!» — отозвался Никита.

На беду, Петр выпил лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистные слова, слышанные им уже столько раз, взбесили его. Он не сдержал руки и крикнул, ударяя в щеку Антуфьева: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались!»

«А ты, царь, — возразил, не смущаясь, кузнец, — сперва узнай, потом дерись!» При этих словах он вынул из кармана пистолет и продолжал: «Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой — заморский-то».

Разглядев пистолеты, обрадованный Петр подошел к Никите и обнял его: «Виноват я перед тобой, — сказал он, — и ты, я вижу, малый дельный. Ты женат?» — «Женат». — «Так ступай же домой и вели своей хозяйке мне приготовить закусить, а я кое-что осмотрую да часика через два приду к тебе, и мы потолкуем».

Кузнец, не чуя от радости земли под ногами, полетел домой. Жена его не поскупилась, разумеется, на угощенье, принарядилась и встретила дорогого гостя с низким поклоном. Петр, отдав хлеба-соли, разговорился с Антуфьевым и спросил его, не возьмется ли он устроить в Туле ружейный завод, о котором царь давно мечтал, и много ли потребуется денег на это предприятие.

Антуфьев попросил пяти тысяч. Они были ему немедленно выданы из казны, и он приступил к делу в добрый час. Завод был выстроен, пущен и стал снабжать ружьями нашу армию. Петр, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловал ему в Тобольском и Верхотурском уездах два железные завода на Каменке и на Нейве, которые давали мало дохода за неимением искусных управителей. Кузнец принял этот дар с большой благодарностью и обязался, в свою очередь, поставлять ежегодно царю известное количество военных запасов, пушек и железа. [...]

116. ПЕТР ПЕРВЫЙ И ДЕМИДОВ

Петру Первому надо было хорошого и добросовестного мастера. Он поехал в Тулу; а Демидов работал в своей кузнице. Остановились где-то отдохнуть. Петр Первый послал своего

слугу к Демидову лошадь подковать. Слуга и Демидов разговорились насчет мастерства.

— У нас у Петра есть револьвер, он испортился, отремонтировать его можно или нет?

— Надо сперва посмотреть.

Слуга сходил, принес. Демидов посмотрел.

— Отремонтировать его можно.

Взялся его отремонтировать и по пути такой же револьвер сделал он, Демидов-то. Взял эти два револьвера и понес сдавать Петру. Подает ему:

— Вот вам я отремонтировал револьвер.

Петр посмотрел: все хорошо. Потом Демидов подает второй. Второй подает и говорит:

— Этот признаете, нет?

Тот посмотрел: оба одинаковые.

И вот тогда он понял, что из Демидова можно хорошее получить. Спросил его:

— Надеешься сам на себя, чтобы сделать нам оружие?

— Могу.

С этого пошла у них дружба. Сделал Демидов Петру оружие. Сдал. Петру поглянулось, он решил: надо его на ноги поднять.

Вызвал Демидова в Петербург, и договорились, что он обязуется сделать чугуны для пушек, железо для разных изделий. И вот он тогда завод построил первый в Невьянске. Выплавку сделал, отправил по Чусовой. Петр видит, что дело-то пойдет, он ему добавил Чусовую и Утку. А потом Демидов стал здесь строить Тагил, Висим, Висимо-Уткинск.

117. О ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведовал о их мастерстве: все научиться хотелось всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не потчует. «Ты,

видно, ничего не умеешь? — спрашивает. — Что больно обтрепан?» — «Нет, — говорит, — умею вот такое-то ремесло». — «А как вот эту вещь делать?» — «Так вот», — говорит. «Врешь!» — «Нет, ты врешь!» Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что он врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал; и напоил мастера в лоск.

118. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И КУЗНЕЦ

Вот Петр Первый приезжает к кузнецу на лошади.

— Подкуй-ка мне коня!

— Можно, — говорит.

— Только сделай подкову хорошую!

Ну, вот кузнец занялся подкову делать. Сделал подкову и подает ему.

— Что, хороша будет эта подкова?

Петр Первый усмехнулся:

— Хороша, да не совсем.

— Почему не совсем?

— Она, — говорит, — слабая.

— Ну, не знаю, — говорит, — что она слабая.

Он берет в руки и разгинаят эту подкову. Кузнец видит:

— Да, действительно, слабая.

Берется работать вторую.

— Ну, а это — хороша будет?

Он и говорит:

— Да так себе.

И эту разогнул. Он берется третью делать. Третья готова.

— Ну, этой, пожалуй, можно подковать.

Кузнец сделал четыре подковы и подковал.

Петр Первый и спрашивает:

— Сколько тебе за подкову?

— Четыре рубля.

Он дает ему рубль серебряный. Кузнец взял и сломал этот рубль.

— Да у вас и деньги фальшивые!

Он подает ему второй. Он и второй сломал.

— Да дайте,— говорит,— мне деньги хорошие.

Петр Первый вынимает двадцать пять рублей и подает ему.

— На, не ломай денег; то мы наехали коса на камень. Я подкову взломал, а ты рубли поломал. Видать, что сильнее ты меня. Ты знаешь, кто я такой?

— Нет, не знаю.

— Я Петр Великий, ваш государь. Ну, дак вот, работай, как работал, и сказывай людям, что государь ломал подковы, а я — его рубли. Вот мы с им и познакомились.

Петр Первый сел и поехал, и сказал:

— До свиданья, кузнец, ты — хороший молодец! — И после того его не видал.

119. ЛИСЬЯ ГОЛОВА

Дело тут не простое... В старинные годы в том месте, сказывают, был царь Петр... так от него дело пошло. Деревни-то Подпорожья раньше царя Петра у порога не было,— а по его царскому приказанию уж после народ-то выселен был из Боровиц, отколь ходят все пастухи, с порогов Боровицких, чтобы на том месте лоцманы были всегда наготове,— а была только деревня Важени.

Ехал по Свири Петр этот на судах,— только суда были большие,— и доехал он до порога Лисьей Головки, а тут были уже лошади приготовлены для тяги. Потянули первое судно, а оно на камень, да только как дело против воды было, то вреду не сделало. Тут доложили царю, что кабы не камень, так простору бы больше было и ход бы чистой был. Его царская милость сам смотрел камень и задумал поднять и отвалить в сторону [...].

С помощью немногосложных инструментов и снастей, какие находились под руками, под личным наблюдением царя сделаны были под камень закладки, и он был поднят из воды; осталось подложить подкладки, и камень был бы на помостках; но

дело всё испортил один старик, крестьянин из деревни Вяжины, которому велено было подложить балки под камень, когда он будет на виду: старик оплошал, и камень, сорвавшись с веревок и цепей, юркнул в воду.

Император, от глаз которого не укрывалось никакое дело, заметил оплошность старика и в справедливом гневе изволил обозвать его из царских уст Лысой головой.

С той-то поры и мужика звали Лысой головой, да и порог стали называть Лысой Головой, а что теперь-то зовут Лисьей Головой — так это уж по забывтю народ переменял.

120. ОТ СОЛОВКОВ — К НЮХЧЕ

Про Петра-то Первого? Ведь он ехал к нам из Сумпосада, а туда — от Соловков шел; со шведами была война.

Ехал от Сумпосада до Нюхчи; небольшая лодчуга у него была. До Пономаревой горы доехал — тут есть корги. До Вардегоры доехал — торнуло лодку.

Барин-фельдфебель Щепотев испугался:

— Торнуло!

Петр Первый и говорит:

— Торнет да пройдет.

Приехали до Вардегоры; до Нюхчи не доезжая, пятнадцать километров тянули лодку — по нашему болоту клали поперечные мосты, настил.

А уж тут их встречали наши, нюхоцкие.

121. ОСУДАРЕВА ДОРОГА

К Вардегоре подошли из Соловков. Пала погода. Судно оставили у Вардыгоры: там есть две пристани (они и сейчас заметны, сейчас их поразмывало). Когда погода, то между этими каменными пристанями тихо: бухта.

Их команда сухопутным путем тянула суденку через Вардегорский мох, через Аленкину гору — Бела гора в стороне осталась. (Там просека осталась небольшая, и сейчас она есть в лесах, только заросла. Тогда на Оштомозере жили люди, так ездили на лошадях. Там деревня была.)

Потом немножко причаились к Нюхчи-реки. Отсюда километров двенадцать-четырнадцать есть Государев клоч. На этом клочу отдыхали. Это травянисто место, горушка. Она и сейчас есть. Туда женщины косить ходят. Это у Оштомозера — там сейчас совхоз от Маленьги.

Шли дале на Повенец. У них широка трасса была, как почтова. Настояща дорога была в лесу, как труба просечена. Просвечивает в лесу — я еще помню.

Километрах в восьми-деяти от Нюхчи есть Щепотова гора, на ней могила. Здесь Щепотев-генерал посмеялся над одним, что ему форму одели, а тот нажаловался царю — убили Щепотева.

[...] Дорога эта мхамы и реками.

122. УСТРОЙСТВО ПЕРЕПРАВЫ ПОД ПУЛОЗЕРОМ

Тут, под Пулозером, выдалась речка, да такая ли бурливая, да такая ли бедовая, что не выгорает дело — никак невозможно посередке свайку вбить. Кто ни сунется с лодкой — Бог весть куда унесет его, и с лодкой-то!

Долго приглядывался осударь, а там сел в лодку да прямо на середку-то и держит, бояре было за ним в его лодку суются, так: «Не надо мне вас, и без вас, Бог даст, — спорандаю».

Только он на середку-то выплыл да принялся было первую свайку налаживать — гляди: к нему народу с сотню уж собралось, кто в лодке, а кто и вплавь, барахтаются, чуть-чуть против воды держатся.

Поглядел на народ-от осударь, поглядел, покачал головою да потрянул кудрями своими (а кудри-то были добро чистое):
— Эх вы, — проговорил, — народ хрисьянский, детки вы мои

родные! Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остальные все там же будут.

Стал он тут народ поить, тот народ, что за ним в реку кинулся.

123. ПЕТР ПЕРВЫЙ И МАСТЕР ЛАЙКАЧ

Здесь фамилия — Лайкачев. Был мастер Лайкач. Приходит к нему Петр.

— Бог помочь, мастер.

А мастер не отвечает, тешет одним разом, ничего не рассказывает. Потом дотесал брус, оправился:

— Просим милости,— говорит,— ваше императорское величество!

— А почему же ты мне сразу не сказал?

— А посему, что я тесал,— говорит,— если глаз отведу, то не дотесать. Надо окончить дело.

Царь положил персты:

— Можешь ли ты мне меж персты попасть и перстов не рассечь?

Ну вот, положил руку, а он топором и шмакнул между перста. Царь руку оттянул, а мел остался, от перста след остался. А он вокурат посредине и попал меж перста.

— Ну,— говорит,— молодец, проводником будешь на город Повенец.

Пошли на Повенец. Лайкач говорит:

— Три раза торкнет, а пройдет.

И, как он сказал, корабль дном три раза торкнул камень, но дошел до самого берега.

124. ПЕТР ПЕРВЫЙ В КУЗНИЦЕ

Часто ездил в нашу лесную сторону Петр Первый. Где нунько Петрозаводск, тут стояла только мельница с избой. Приехал Петр Первый и поставил тут завод чугунной, церковь во имя Петра и Павла и сад насадил. Приде, скажут, в завод и своима царскама рукама крицы дует, а бояра уголье носят; в молотобойню завернет и молот в руки и железо кует, и это железо, в Питере, скажут, у какого-то барина до теперь хранится. Вот оно, царь так царь, даром хлеба не ел; лучше бурлака работал.

125. ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ЛЕСОПИЛЬНОМ ЗАВОДЕ

Раз Петр за веселой пирушкою в доме Баженина похвалился, что остановит рукою вододействующее колесо на бывшем тогда при верфи лесопильном заводе. Сказал и тотчас же отправился на лесопильню. Перепуганные приближенные тщетно старались отклонить его от задуманного им намерения. Вот наложил он могучую руку свою на спицу колеса, но в то же мгновение был поднят на воздух. Колесо действительно остановилось. Сметливый хозяин, зная хорошо характер Петра, успел распорядиться, чтоб оно вовремя было остановлено. Петр спустился на землю и, чрезвычайно довольный этим распоряжением, поцеловал Баженина, находчивость которого дала ему возможность сдержать свое слово и вместе с тем избавила его от предстоявшей ему неминуемой гибели.

ЦАРЬ ПЕТР В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

126. ПЕТР ПЕРВЫЙ — КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

Ехал Петр Первый на свои чугунные заводы; в Святозере — остановка; лошадей переменяли. Зашел Петр Первый в избу и видит: суетятся, бегают. «Что,— скаже,— за беготня?» — «Бог дочку дал», — в ответ ему хозяин. «Ну,— скаже,— проздравляю, а меня проздравь с крестницей. Посылайте за попом». Хозяин хотел было промышлять куму. «Вот кума,— скаже царь,— чего лучше», — и кивает на старшую дочку. Пришел поп; окрестили. Пошло угощенье. Водку на стол подали. Петр Первый пошел в свой чебодан и добыл оттуль свою чарку. Налил себе и выпил. Налил куме и потчует; застыдилась кума, не пьет. Петр Первый упрасивает. Не пьет. «Вышей,— говорит отец,— не спесивься; ничего — ведь коли царь просит, надо выпить». Дочь выпила и краснет. Любо царю, что девка зардела, и почал он шутить с ей и пуще стыдить. Снял с шеи кожаный галстук и повязал на ейну шею девочкою; с рук — перщатки, долиной по локоть и надел на

ейны руки белые; затым пожаловал ей свою государскую чарку, на память, что водку пил.

«А что мне-кова крестнице дать! — проговорил царь.—Ничего с собой не прихвачено. Экая она несчастная. Ну,— скаже,— в другой раз буду, не забуду».

Приезжает другожды на заводы с государыней. «Я,— скаже,— здесь крестил у кого-то. Наб бы пожаловать; оногдась ничего со мною не случилось».

Отыскали у кого крестил Петр Первый. Государыня напри-сылала бархату, парчей и всяких басистых материй, а опять-таки куме, а крестнице опять ничего.

Вот уж доподлинно, не мимо идет царское слово; как назвал ее несчастною, так и было. Государева крестница выросла, жила, а всю жизнь была кокоша горегорьякая.

127. ПЕТР ПЕРВЫЙ И ВЫТЕГОРЫ

Была стоянка в Вытегорском погосте; лошадей меняли; Петр Первый ходил на Вянгинскую пристань; оборотя, пришел в избу, начал собираться в дорогу и хотел надевать свой камзол, вдруг выступил вперед Гриша-простец, тамошний житель; за святого его почитали: рубил он правду и злых людей краснеть заставлял. Пал этот Гриша в ноги Петру Первому и говорит:

— Надежа-царь государь! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить.

— Говори, что те надо,— изрек царь.

— Дай-ко ты нам, надежа-государь, этот камзол, что по плечам откидывашь,— сказал Гриша.

— А куда ты кладешь мой камзол? — спросил Петр Первый.

Тут Гриша-простец возответствовал:

— Себе, надежа-государь, и тем, кто умнее и добрее на шапки, а шапки мы не токмо детям, а и правнукам запасем, на память твоей к нам царя-батюшки милости.

Прилюбилось Петру Первому это Гришино слово, и он подал ему свой камзол:

— Добро,— скаже.— Вот тебе, Гриша, камзол; да смотри, не поминай меня лихом.

Взяли вытегоры этот камзол и пошили себе на шапки. Завидно стало жителям соседным, и стали они говорить, что «вы-де камзол украли», и пронеслось это слово в Москву, а из Москвы во все города, и с тех пор стали звать вытегор «камзолниками» — вытегоры-де воры, у Петра Великого камзол украли.

128. СТАРШЕ ВСЕХ

Прибыл Петр Первый в Нюхчу, на берег выстал. Народу, конечно, набежало — ждут, что государь скажет.

— Ведите в ту избу, где нет старше меня!

Запереглядывались нюхчана, удивились: кто старше царя Петра на Русской земле может быть? Ладно, ведут его в избу. А там ребенок в зыбке плачет.

— Вот он меня старше! — говорит про младенца Петр.— Он мне может приказать, а я ему — нет!

Ребенок еще не крещен был. Петр ему крестным отцом стал.

129. ПЕТР ПЕРВЫЙ И НЕРАЗУМНОЕ ДИТЯ

Отдыхал Петр у Козлова (уличное прозвище им — Шмаковы). Пришли в этот дом уставши — Петр, денщик да Щепотев. А у хозяев маленький ребенок, плачет — спать не дает.

— Как же ты, мать, не можешь унять ребенка?

— Да как я могу? Он неразумный еще.

Зажег свет, вынул из кошелька золото Петр. На золото ребенок обзарится или на огонь? Ребенок не к золоту тянется, к огню.

— Верно,— Петр говорит,— мало дитя, неразумно!

Понял он, нервный такой: дитя не нарочно плачет.

130. ПЕТР ПЕРВЫЙ – КУМ

Был этот случай в Важмосалме. У бедного-пребедного мужика народилась дочь; надо малютку крестить, а к горюню никто в кумы нейдет. Проходил осударь в это время чрез Важмосалму и узнал, что такая беда с мужиком. Пришел он к бедному мужику и говорит, что будет у него кумом.

Только прослышали про такую волю Петрову на погосте, как стали к бедняку бабы самые богатые толкаться да зазываться в кумы. «Не хочу я с ними кумиться,— говорит Петр,— а разыщи ты мне самую лядащую бабенку, что у вас по погосту Христа ради ходит».

Нашел бедняк такую бабу лядащую, и покрестил осударь с ней беднякова младенца. Как покончили крестины, так и говорит осударь: «А не худо бы, куманек, и винца теперь выпить!» А у бедняка денег-то ни полушки, зелена вина ни косушки. «Видно, делать нечего,— сказал царь,— моя анисовая нынче дела делать будет». Вынул осударь свою походную баклажку да чарочку золотую (серебряная вызолоченная), налил ее своей анисовой водкой, всех перепотчевал, сам выпил, одарил бедняка деньгами, а чарочку куме подарил на память.

131. ПОДАРОК ПЕТРА ПЕРВОГО

В последнее пребывание, весной тысяча семьсот двадцать четвертого года, на Олонецких Марциальных водах государь получил какое-то важное известие, которое требовало немедленного присутствия его в Санкт-Петербурге. Государь недолго собирался в путь, тем более что намерен был сряду же возвратиться на воды для лечения. Приказано было подавать лошадей.

Надобно заметить, что во всех отъездах государя с марциальных вод, которые не могли быть редки, если принять во внимание только что начавшуюся деятельность единственных в то время Олонецких заводов, ему поставлял отличных лошадей крестьянин деревни Кончезеро Иван Федоров — человек зажиточный, ловкий и вполне искусный кучер.

Лошади были готовы. Государь, садясь в экипаж, изволил заметить кучеру Федорову: устоят ли лошади до Шуи и что ехать нужно поскорее. Станция была немалая — тридцать пять верст, на трех лошадях и по дороге неважной, Федоров вполне уверил государя.

Лошади тронулись, и экипаж помчался вдаль. Проехавши верст пятнадцать, одна из пристяжных стала останавливаться; ямщик, не задумываясь, спрыгнул с экипажа, отложил ее и оставил тут же, на дороге, а сам за вожжи — и вперед. Оставалось шесть верст до Шуи.

Поднялись лишь на гору, у самого берега озера Укшезера и другая пристяжная стала — нейдет, и только; делать нечего, ямщик должен был так же поступить, как и с первой.

Государь серьезно сказал Федорову:

— Не довезти тебе.

— Нет, ваше царское величество, довезу, эта лошадь стоит десяти тех.

И в самом деле, Федоров обнадежил не напрасно, он знал своего испытанного коня, да и вся дорога впереди покатиная, под гору. Лишь только взялся за вожжи, конь с бешенством, как вихрь, понесся по дороге, и в несколько минут экипаж остановился в Шуе, у перевоза.

Государь, видимо, был доволен такою находчивостью и решительностью своего ямщика: вышел из экипажа, снял с себя спальный или рабочий, вышитый серебром колпак и, надевая на голову Федорова, сказал:

— Вот тебе подарок, приеду — награжу.

Не знал Федоров, что с ним делается: и подарок царский, и страх, и удивление [...] .

Государь отправился вперед. Федоров же с тех пор стал прозываться «Колпаков», и эта фамилия доселе принадлежит его потомству.

132. ДЕДНОВЦЫ

Есть народное предание, что дедновцы, Рязанской губернии, отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великого с хлебом и солью. Государь, принимая от них приношение, спросил старосту об имени. Староста огласил себя Макаром. Государь сказал: «Хорошо». Потом спросил и других об имени. Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их понравилось царю, все до одного назвали Макарами. Государь, смеясь, сказал: «Будьте же вы все Макарами». С тех пор дедновцы сльвут Макарами.

ПОСЛЕПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА

133. БРЮС

Был в старые годы великий чародей Брюс. Много хитростей знал и делал он, додумался и до того, что хотел живого человека сотворить. Заперся он в отдельном доме, никого к себе не впускает. Никто не ведал, что он там делает, а он мастерил живого человека. Совсем сготовил: из цветов — тело женское, как быть, оставалось только душу вложить. И это от его рук не отбилась бы, да, на его беду, подсмотрела в щелочку жена Брюса и, как увидала свою соперницу, вышибла дверь, ворвалась в хоромы, ударила сделанную из цветов девушку, и та разрушилась.

134. О БРЮСЕ-АРИХМЕТЧИКЕ

Ты вот возьми, примером, насыпь на стол гороху и спроси его, сколько тут, мол, горошин? А он только взглянет и скажет: вот сколько, и не обочтется ни одной горошиной. А то спроси его, сколько, мол, раз колесо повернется, когда доедешь отсюда, от Тешевич, до Киева, он тебе и это скажет. Вот он какой, арихметчик-то. Да что! Он только взглянет и скажет, сколько есть звезд на небеси! [...]

Такой арихметчик был Брюс, министр царский, при батюшке Петре Великом. Да мало ль еще что знал этот Брюс: он знал все травы этакие тайные, и камни чудные, составы разные из них делал, воду даже живую произвел, то есть такую воду, что мертвого, совсем мертвого человека живым и молодым делает [...]. А это был Брюс, министр, арихметчик при царегосударе Петре. Он-то этакую воду живую и произвел... должно быть, не своею силою произвел! [...] Пробы-то этакой никто отведавать не хотел; ведь тут надо было сперва человека живого разрубить на части, и всякий думал: «Ну, как он разрубить-то разрубит, а сложить да жизнь дать опять не сумеет?» Уж сколько он там ни обещал сребра и злата, никто не взял, все боялись [...].

Только вот что было: думал он, думал и очень грустен стал, не ест, не пьет, не спит. «Что ж это,—говорит,—я воду этакую чудную произвел, и всяк ею попользоваться боится. Я ж им, дуракам, покажу, что тут бояться нечего». И призвал он к себе своего слугу верного, турецкого раба пленного, и говорит: «Слуга мой верный, раб бессловесный, послужи ты мне важную службу. Я тебя награжу по заслуге твоей. Возьми ты вот мой меч острый, и пойдем со мной в зеленый сад. Разруби ты меня этим мечом острым, сперва вдоль, а потом впоперек. Положи ты меня на землю, зарой навозом и поливай вот из этой скляночки три дня и три ночи сряду, а на четвертый день откопай меня: увидишь, что будет. Да смотри, никому об этом ничего не говори». Пошли они в сад. Раб турецкий сделал, как ему было велено.

Вот проходит день, проходит другой. Раб поливает Брюса живой водой. Вот наступает и третий день, воды уж немного осталось. Страшно отчего-то стало рабу, а он все поливает.

Только понадобись для чего-то государю-царю министр

Брюс. «Позвать его!» Ищут, бегают, ездят, спрашивают, где Брюс, где Брюс — царь требует. Никто не знает, где он. Царь приезжает за ним прямо в дом его. Спрашивают холопей, где барин. Никто не знает. «Позовите, — говорит, — ко мне раба турецкого: он должен знать». Позвали. «Где барин твой, мой верный министр? — грозно спрашивает царь. — Говори, а не то сию минуту голову тебе снесу». Раб затрясся, заметался, бух царю в ноги: «Так и так».

И повел он царя в сад, раскопал навоз. Глядят: тело Брюсово уж совсем срослось и ран не видно. Он раскинул руки, как сонный, уж дышит, и румянец играет в лице. «Это нечистое дело», — сказал гневно царь, велел снова разрубить Брюса и закопать в землю.

Вот каков он был, Брюс-то!

135. МЕНШИКОВ В ССЫЛКЕ

Была война со шведами, Петр бумагу подписал — взять с крестьян по пять пудов хлеба с головы. А Меншиков порвал. Петр-то осердился, хотел его шашкой рубить.

— Зарубишь, успеешь. Лучше послушай.

— Ну, говори.

— Хлеб надо сушить. Несушенный возьмем — весь погниет.

— А, верно.

И дает ему чин фельдмаршала. За смекалку.

Он все больше в разведке был. Разведает, где какая крепость и как брать, и доносит Петру. Ну, ему чины. Любимец был.

Петр заболел, смерть подходит. В корячке встал, Нева шумит, а ему счудилось: шведы и финны идут Питер брать. Из дворца вышел в одной рубахе, часовые не видели. Сел на коня, хотел в воду прыгать.

А тут змей коню ноги обмотал, как удавка. Он там в пещере на берегу жил. На дал прыгать, спас. [...]

Вот памятник и поставлен, как змей Петра спас.

Положили опять в постель. А все же помер.

Без него Меншикову житья не стало. Сослали сюда, немец Бирон сослал. Морозы были на сто градусов, жильё делали земляное, бугром, одна труба торчит из-под снега. Дверь на жилах звериных, а все равно бураном дверь отрывало.

Он здесь и сидел, в таком бугре. Опосля гонец прибежал, залез на карачках.

— Тебя прощают. Езжай обратно.

Он, как приехал, и заступил опять министром, так и говорит:

— Дайте перо и бумагу.

Ему подали. И он сразу приказ написал: десять тысяч ссыльных из Сибири на волю отпустить. Узнал, какая сласть в ссылке.

136. СОСТРАДАНИЕ РУМЯНЦЕВА К НЕПРИЯТЕЛЯМ

Когда граф Румянцев, распространяя повсюду славу непобедимого оружия российского, приблизился к Яссам и хотел напасть на неприятеля, державшегося в сей столице Молдавии, столь приверженной к россиянам, то враги, приведенные в ужас быстрыми завоеваниями и всегдашними победами Румянцева и забывшие все связи веры и родства, оставили больных и раненых и в бегстве искали спасения. Человеколюбивый граф, узнав о сем бесчеловечном поступке турков к своим соотечественникам, повелел поступить с сими последними, как с собственными своими воинами, и сказал: «Неприятелю должно оказывать сожаление».

137. УРОК, ДАННЫЙ РУМЯНЦЕВЫМ НЕКОТОРОМУ ОФИЦЕРУ

Снисходительность и доброта души была свойствами чрезвычайно любезными в остроумном графе Румянцеве. Желя однажды рано поутру обозреть стан свой, встретил он некоторого офицера, прогуливавшегося в колпаке, халате и туфлях.

Фельдмаршал, не говоря ему ни слова о странной его одежде и как бы не примечая его замешательства, берет за руку, ласково разговаривает с ним, обходит весь стан и, не оставляя его руки, ведет в свою палатку, где собрались отличнейшие чиновники войска. Можно судить, с каким изумлением увидели все там находившиеся военачальники одеяние сего офицера и каково было собственное его смущение. Конечно, чувство стыда подействовало на него при сем случае более всякого наказания.

138. ЗАМЫСЛОВАТАЯ ШУТКА ГРАФА РУМЯНЦЕВА

Граф Румянцев, быв несколько лет ужасом оттоманов и славою своих соотечественников, удалился по прошествии знаменитого воинского поприща своего в деревню и среди сельской простоты желал вкусить покой, столь необходимый славному победителю при Ларге и Кагуле. Однажды любопытные посетители спрашивали, где находится граф Румянцев, между тем как герой Задунайский, сидя на пне близ берега, удил рыбу и, желая пошутить вместе с ними, отвечал им с обыкновенным своим благосердием: «Здесь он; наше дело города пленить да рыбку ловить».

139. ВНУК НИКИТЫ ДЕМИДОВА

[...] Дедовские богатства раздробились на мелкие части в роде Григорья Акинфиевича, однако они принесли свою пользу отечеству. Сын его, Павел Григорьевич, основал в Ярославле лицей, носящий его имя. Что касается до Прокофья Акинфиевича, то он оставил своим детям значительные капиталы, которые разошлись также со временем по многим рукам, но заводы свои продал.

Он был известен как человек добрый и крайний чудака. [...]

Он был женат два раза. После смерти первой его жены ему понравилась молодая девушка из московского общества. Деми-

дов, как большая часть богачей, избалованный могуществом золота, не усомнился, что красавица примет его предложение. Он поехал в дом ее родителей и вошел в кабинет отца, сопровождаемый лакеем. Этот последний нес шкатулку, которую поставил на стол. Демидов вынул ключ из кармана и отпер ее. В ней лежали великолепные бриллианты.

«Хороши?» — спросил нежданный гость, обращаясь к хозяйну дома. «Очень хороши, — отвечал тот, взглянув на него с удивлением, — но позвольте спросить, государь мой, по какому случаю имею я честь вас видеть у себя?» — «Я приехал свататься за вашу дочь: это мой первый подарок». — «Берите его назад: я не отдам дочери за вас».

Прокофий Акинфиевич не поверил ушам. «Как! — повторял он, — вы не отдадите вашей дочери за меня?» — «Не отдам, — настаивал с своей стороны отец. — Бог с вами и с вашими бриллиантами».

Вернувшись домой, Демидов позвал своего конторщика и отдал ему следующее приказание: «Напечатать в газетах, что Прокофий Демидов сватался и получил отказ».

Раз к нему обратилась с просьбой мелкопоместная помещица, которая вошла в неоплатный для нее долг, — тысячу рублей. Она умоляла Демидова дать ей займы эти деньги, обещаясь возвратить их по возможности. «Хорошо, — сказал он, — только считай их сама». Через несколько минут лакеи внесли в комнату огромные мешки, наполненные медными деньгами. «Посчитай-ка, — повторил, смеясь, Демидов, — все ли тут сполна».

Просительница, не позволяя себе никакого замечания, села на пол и стала раскладывать около себя кучки пятаков и грошей, а Прокофий Акинфиевич сновал взад и вперед по комнате, задевая их ногой, будто по неловкости, и бедная женщина принималась опять за свой неблагодарный труд. Через несколько часов она объявила наконец, что тысяча рублей сочтены.

«Да не лучше ли дать тебе деньги золотом?» — спросил ее Демидов, — а то, пожалуй, не ловко тебе будет нести эти мешки». — «Разумеется, золотом, батюшка, коли милость ваша будет», — отвечала она. — «Так давно бы ты сказала: ведь мне и в голову не пришло; а за то, что ты трудилась даром, уж так и быть, бери их без отдачи». [...]

140. МАТЬ КАТЕРИНА ОТПУСТИЛА НА ВОЛЮ

Как были мы под монастырем, рассказывают старики, этого мы сами не помним; а от дедов слышали, что житье было тогда незавидное. Вместо лошадей у монахов служили они: на них и воду возили, и землю пахали... А свободу нам дали вот по какому случаю. Ехала раз мать-государыня Катерина по полю; видит: мужик в соху запряжен, за ним другой идет, соху держит и его подгоняет; лица у обоих от натуги черные, словно земляные, и пот с них так ручьем и льется. А за ними следом идет монах в клобуке и на них кричмя кричит, одному: «Вези, дескать, соху хорошенько!» А другому: «Подгоняй его пошибче!» Катерина-мать остановилась. Спрашивает их: «На кого, дескать, мужички, работаете?» Те говорят: «На монастырь, матушка; монахи заставляют». — «Бросьте, — говорит им Катерина-мать, — будет, наработались на них». Мужики бросили соху и пошли домой. А Катерина-мать сейчас же указ написала и свою царскую печать к нему приложила, чтобы, значит, от монастырей всех крестьян отобрать и отпустить на волю. Так и стали с тех пор все свободны.

А когда указ царский по деревням прочитали, [...] то сначала никто ему не поверил. Думали — не подвох ли какой. Вот только приезжает сюда генерал от самой царицы и начинает по деревням ездить. Приедет, встанет сам у околицы, и как станут вечером крестьяне с поля ворочаться, кто там с сохой идет, кто с серпом, кто снопы везет, и генерал всем опрос чинит: «Чье везешь?» — спрашивает. Если свое — проходи свободно, а если монастырское — приказывает все тут же, у околицы, сваливать; снопы, так снопы, соху — так и соху сюда сложи, и серп, и топор. Вот как все-то придут из поля и наберется у околицы большая куча, генерал тогда: «Дайте-ка, — скажет, — мне берестечко». И сейчас зажигает сам эту кучу. «Это вот, — говорит, — братцы, ваша неволя горит; с этих пор будете вольными, оброк одной царице платите, а монастырям ничего не давайте».

141. БОГОРОДИЦА ОСВОБОДИЛА

Сказывают старики, [...] что монастырская неволя была пуще панской: там, по крайности, был один пан, его одного и знали, его одного и слушали: а у нас этих панов-то было и нивесть сколь. И игуменья пан, и монахиня каждая пан,— да что тут? На что уж простые служки и те над нами верховодили и власть свою показывали. Не знали, кого и слушать, кому и кланяться. Вот и взмолились наши деды к Богородице: «Мать Пресвятая Богородица, всегда ты нас защищала от бед и напастей; освободи нас от тяжелой неволи!» И молитва их была услышана: поднялась Владычица сама на их освобождение. Явилась она игуменье во сне, в сиянии, в белой одежде, и два ангела по бокам у нее. Лицо у нее такое доброе, ласковое, и говорит она игуменье: «Освободи своих крестьян; будет уже, послужили они монастырю». Вымолвила это и стала невидима.

Игуменья на другой день проснулась и думает: «Коли я отпущу крестьян на волю, что же будет с монастырем? Запустеет он, обезлюдует; некому будет и Бога славить... Нет, думает, этот сон не от Бога, а от дьявола. Дьявол ведь разные виды принимает, может и Богородицей явиться». Подумала так и стала молиться: «Избави,— говорит,— меня, Боже, от лукавого». А лукавый-то не в ином месте, а у нее в сердце сидел и радовался...

На вторую ночь опять является ей Богородица, и лик у нее уже не такой добрый: «Освободи,— говорит,— крестьян; а то накажу тебя и всех монахинь твоих». Подумала-подумала игуменья, опять ни на что не решилась. На третью ночь Богородица опять является ей, сердитая, гневная: «Почему,— говорит,— ты не поступаешь по слову моему, не освобождаешь крестьян? Если завтра этого не сделаешь, на следующую ночь ты и весь монастырь твой примете казнь от меня».

Игуменья, только что проснулась, сейчас посылает за своими товарками-монахинями и рассказала им все: «Так и так,— говорит,— являлась ко мне Божия Матерь три раза и приказала отпустить крестьян на волю; а коли,— говорит,— не отпустите — примете казнь от меня». Монахини все в одно слово сказали: «Нужно отпустить, коли Богородица того хочет». Сейчас собрали всех мужичков и объявили им волю.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ ПУГАЧЕВА

142. О ПУГАЧЕВЕ

Пугачев-то был-то был, да под именем Петр Третий, Петр Федорович. Он только назывался Пугачевым. В конце-то конца он здесь женился из нашего поселка, здесь формировал казаков.

Он сошелся не то с итальянской барышней, но то с княгиней. Она заняла его престол, а его скинула и дала известие поймать его и доставить живым. Его поймали.

Взвод полковников, не полковников, а оборотней-казаков устроили выпивку. А Пугачев и жену с собой взял. Ну, вот обратился Пугачев к казаку и попросил чарку водки. А главный-то говорит: «Ему и воды много». А казак попросил: «Я ему свой пай отдам».

Когда туда доставили Екатерине Пугачева, сказали, мол, привели. Вышла она, посмотрела и говорит: «Ну что, набегался?» — «Ну, да», — говорит. Сошла она с престола и отдала

ему престол. Этого казака, что водку ему давал, полковником сделала, а полковнику голову велела отрубить.

А у Петра уже ребенок родился. Жену он отправил в монастырь, а сам на престоле остался. Это все точно было.

143. ПУГАЧЕВ НА ЯИКЕ

[...] Вот царь-то, император, собрался куда-то поехать недельки на две, а царица-то, одним словом, взяла да по всему государству разослала телеграммы, что царь-император скончался. Царица-то села на престол, сама живет с любовником. А император-то, одним словом, недельки через две вернулся, а часовой-то его не признает. Император, наверное, подумал, что это простой случай. [...] Все видят, похож, а не признают.

Ну, что ж делать? Он запрягает лошадей и едет к нам на Урал. Уж не помню, в какой поселок он приезжал, кажется, в Коловёртной. Он знал оттуда двух казаков (тоже забыл, чьи по фамилии). Ну, одним словом, подъезжает к поселку, распрягает лошадей и видит: идет одна баба. К ней обратился и спросил ее: «Скажите, пожалуйста, такой-то казак проживает в этом поселке?» Она ему отвечает: «Проживает». — «А такой-то проживает?» А она ему говорит: «Проживает». Тогда император и говорит ей: «Можете вы их ко мне позвать?» — «Могу».

Ну, эта баба пошла сперва к одному и говорит ему, одним словом, так: «Вон, видишь, в степи лошади пасутся?» — «Вижу». — «От иди туда, там тебя какой-то человек спрашивает».

Ну, одним словом, пошел, а баба к другому. Подходит казак к лошадям-то, а навстречу ему сам император выходит. Казак-то и оробел немного. Ну, все же подходит к нему и приветствует по-военному: «Здравия желаю, ваше императорское величество!» Император с ним за ручку поздоровался и спрашивает: «Ты меня узнаешь?» — «Так точно!» Пока это, одним словом, он с ним разговаривал, второй подошел. Ну и тот узнал и признал.

А потом, одним словом, этот император-то собрал все уральское войско и пошел войной против царицы.

144. ЖЕНИТЬБА ПУГАЧЕВА

[...] Пугачев хотел произвести себя в цари и этим чуть не перевернул всю Россию. А будто бы и взаправду это был сам царь Петр Федорович.

А неполадка у них была из-за одной питерской дочери генерала. Прибыл он на одно село, которое называется Свистун, увидел Петр Федорович одну красавицу казачку. А была она в изарбатном сарафане с монистами на шее и в черевичках золотых, расшитых. И полюбилась она ему.

Сначала он отказывался, говорил: «От живой жены нельзя жениться». Но сенаторы уговорили его: «Катерина Лексевна, мол, не жена, а супротивница его. Мы, дескать, всю империю завоюем и Катерину Лексевну в монастырь упечем».

Как женился царь, так все испортил. Все говорили, что не царь он, а басурман, от живой жены женился. А Катерина Лексевна очень разобиделась и велела его, греховодника, живого или мертвого поймать. Казаки все от него ушли, сама малость осталась, и те, разбойники, связали и выдали его.

145. ДОБРАЯ ПОМЕЩИЦА И КРЕСТЬЯНЕ

В Самарской губернии, Ставропольского уезда, в селе Старом Урайкине, побывал Пугач и с помещиками обращался круто: кого повесит, которого забором придавит (приподымет забор, голову помещицью сунет под него, да и опустит забор на шею). Была в Урайкине помещица Петрова, до крестьян очень добрая (весь доход с имения с ними делила); когда Пугач появился, крестьяне пожалели ее, одели барыню в крестьянское платье и таскали с собой на работы, чтобы загорела и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать от Пугача.

146. ПУГАЧЕВ В АВЗЯНЕ

На Авзяно-Петровский завод Демидова Пугачев прибыл после поражения под Оренбургом. Было это двадцать пятого марта (по старому) 1774 года на Благовещенье и Пасху: совпали в том году праздники.

Сделал он привал на Малиновой горе, у часовни, и послал разведку, а затем и сам в Авзян пожаловал с пятьюстами конников. На заводе находился верный его человек — мастер, что отливал пушки и хоронил их в тайном колодце до поры до времени. Он-то и организовал торжественную встречу Пугачева — с колокольным звоном. А заводское начальство сбежало заранее.

Отслужили в честь прибывшего «царя Петра Федырыча» молебен, и Пугачев отправился в дом управляющего. Там ему приготовили обед «Нет ли у вас хмельного?» — спросил он служанку. Угостившись, сказал: «На Благовещенье птица гнезда не вьет, и мы тут будем только крылья расправлять — пушками обзаводиться».

Вскоре он вышел на площадь, где народ собрался, и стал судить схваченного казаками приказчика: «Обижал народ?» — «Обижал, измывался над нами». Постановил тут же повесить приказчика. Повесили при одобрительных криках крепостных.

Пушки, отлитые на заводе, надо было испытать-проверить. Пугачев сам руководил пристрелкой новых пушек-единорогов с площадки, где теперь Дом культуры, а прежде деревянная церковь была. Стрельба велась по целям, на утесе Каменной горы. Он с тех пор Пугачевским зовется. Говорят, взбирался на него Пугачев смотреть, метко ли стреляли, и остался доволен. Три чугунных ядра там еще совсем недавно раскопали, — переданы в Уфимский краеведческий музей.

Пушка пугачевского времени долго, даже после Октябрьской революции, находилась в Авзяне, возле церкви. Теперь пушка, как и ядра с Пугачевского утеса, в музее.

На заводе Пугачев обзавелся тринадцатью большими пушками и ядрами к ним. Около восьми тысяч пудов овса взял на гужевых складах. Деньги добыл из заводской казны. Немало авзянцев вступило в его войско. То ли правда, то ли нет, что и увез он из Авзяна девушку Дуняшу и что у нее потом родился сын — вылитый Пугачев.

На Белорецк Пугачев решил идти, обогнув широко разлившуюся реку Белую,— через хребты Большой и Малый Шатак, Черную гору, Кухтур и Сухой Узян. Авзянские рабочие прокладывали в весеннюю распутицу дорогу на Шатак для артиллерии и обоза. Есть за нашим поселком гора Ускоп — там «ускопана» была часть горы, преграждавшей Пугачеву путь.

Отпечатки подков и колес будто бы сохранились на заросшей Пугачевской дороге. Слышал я, что за Малым Шатаком одна пушка Пугачева затонула в реке, которую прозвали потом Самозванкой.

Много толков-слухов было раньше о пугачевском золоте. Говорили, что в речке Самозванке мешки с червонцами затонули вместе с пушкой. Говорили также, что, когда его войско перевалило через Черную гору, Пугачев закопал там много золота — полный тарантас. Искали потом — не нашли.

147. ПУГАЧЕВ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ

[...] В Лиузах дед рассказывал, что Пугачев был не русский, а татарин. «Кунгурка пойдем,— говорил,— шелковый онучка заберем». В лаптях ведь ходили. Уральские заводы они захватили, недовольный народ набрали. Здесь Пугачев и формировал свою армию. На Кунгур пошли, но не знаю, взяли или нет. Он народ-то не обижал: помещиков все, богачей. «Руби,— говорил,— столбы — заборы сами повалятся».

Ход-то был у него по реке Иструти. Он не только тут шел, он действительно затевал что-то. Такую плотину построить. Тут вот по Иструти плотина старая. Есть разговор, что эта плотина была построена Пугачевым. Намечен был завод для отливки пушек. Плотина солидная. Таким поселком, как Александровка, не построить.

Дед Пугачева царем не называл, как-то получалось у него этакое нейтральное отношение к нему; и не враг народу, и все-таки не друг ему. Крестьяне-то оседлые были. Деда моего симпатии к оседлым были. А башкиры-то охотно шли потому, что они кочевые — им легко было сниматься с мест. Про смерть Пугачева не говорили, про живого только. [...]

148. ПУГАЧЕВ И САЛАВАТ ЮЛАЕВ

Пугачев по Ташкентской дороге в Оренбург пришел. Отряд да есть речка Иструть. Там у Пугачева стоял штаб [...] . Было чем штабу-то руководить, все-таки войска у него много было. Очень, наверное, много раз с правительственными войсками даже сражался.

Шел он из Башкирии. Здесь у него сражений не было. Отсюда тронулся на Кукшик, что за станицей Сулея. Потом перевалил гору Кукшика и тронулся на Сатку. Там [...] у него был штаб. Там он готовил свое войско для сражения с правительственными войсками. К нему на помощь пришел в Сатку Салават Юлаев. Где штаб-то был, вот тут они и встретились. Салават пришел в Сатку через Новую пристань, то есть взял левее, чем Пугачев. Вот, когда они подготавливались к бою с правительственными войсками, за восемь километров от Сатки надолбы для защиты сделали. Там, у Березовского моста, Пугачев поимел поражение и был ранен. После поражения они с Салаватом опять разбились, отдельно пошли. Пугачев на Кувашу отправился, а Салават ушел в Башкирию, он там после этого еще долго ходил.

Сам-то Салават был таким же, как все, крестьянином. Из бедноты происходил. Пахал, сеял, вот и вся биография его. Жил в местечке Малояз. [...] Напротив, через Юрюзань,— гора, в ней пещера, где жил Салават, как без войска остался. А войско-то когда было, так он за освобождение земли шел, чтобы у богачей отнять землю и передать ее крестьянам.

Было у Салавата две жены. Одна — русская, другая — татарка. Так вот эта татарка подвела его. Когда он к ней из пещеры заявился, тут-то она его и выдала. Взяли его царские войска, а куда дели, и не знает никто. И башкиры сами не знают. Был только слух как-то, что его в Эстонии казнили.

149. ПУГАЧЕВЦЫ В ТУВАНАХ

После отступления Пугачева от Казани и переправы через Волгу, на правом ее берегу поднялось все инородческое и кре-

постное население; с особенной злобой оно мстило помещикам и духовенству. Прискакал гонец от самозванца в село Туваны и объявил от имени царя грамоту, в которой говорилось о преследовании бояр и попов и о будущих народных льготах. Чуваши Туван и окрестных сел знали уже, что идет войско и во главе его царь, что оно вешает попов и господ; по обнаружении манифеста они поднялись, заволновались и сами принялись за дело: стали ловить укравшихся священников и вешать. Уже более десятка успели чуваши погубить духовных лиц; но в это время правительство приняло меры и прислало в Туваны три роты солдат для усмирения бунта. Чуваши решились лучше умереть, чем выдать зачинщиков мятежа в их селе, но хорошенько не могли определить, царское это войско или царицыно.

«Кто здесь бунтовал и вешал попов и господ?» — спросил воинский начальник. «Здесь, бачка, все было тихо и смирно, никто никого не думал вешать. Мы занимались своими делами и ничего даже не слышали». — «Так кто же, не знаете ли, повешал попов здешних, если вы не участвовали в этом деле?» — «Знать не знаем! Видно, они сами повесились».

Видя явное соглашение и заpiresательство чуваш, начальник отряда прибегнул к хитрости, чтобы разведать, кто были главные зачинщики волнения. Зная, что самая дорогая вещь для чуваш соль, он им сказал: «Ах вы, дураки. Что же вы скрываете от меня?! Ведь я нарочно прислан царем похвалить вас за усердие и пожаловать. Молодцы вы, ребята, что хорошо расправлялись с попами и господами и стояли за государя Петра Федоровича; он вам прислал большую награду за верность: кто из вас вешал попов, тому жертвует царь воз соли, ступайте в город Чебоксары, там из казенного подвала отпустят вам по двадцать пудов каждому; вот только я напишу и дам вам грамотку.

Вручил чувашам туванским воинский начальник письмо, спроштался с ними ласково, скомандовал солдатам и ускакал с отрядом. Тут чуваши — большие охотники до соли — стали тотчас запрягать лошадей, поехали в Чебоксары и виновные и частью невинные; а военный начальник с солдатами поджидал их около дороги в лесу, недалеко от села Туван. Каждого проезжающего чувашенина ловили солдаты и приводили к своему командиру, а тот допрашивал их: «Ты куда едешь?» —

«В Чебоксары за солью, царь пожаловал». — «Да ты ведь не бунтовал и попов не вешал, даром казну разорять надумал?» — «Как не бунтовал? Вон и вожди мои были; на них я повесил туванского попа с другими товарищами».

Разумеется, таких смельчаков солдаты брали и вязали им руки и ноги; иные сознавались, что поехали за солью даром, не участвовали в бунте, а только смотрели, как вешали попов другие. Этих чуваш прогоняли обратно в село нагайками, и те скакали без оглядки, считая себя обманщиками царя.

Таким способом разведали, кто были главные зачинщики и кто пособники бунта. Привезли их в Туваны и перед собранием всех чуваш жестоко наказали батогами да вдобавок натерли им спины лакомой приправой их кушанья — солью.

150. ПУГАЧЕВЦЫ В СЕЛЕ КУРМАЧКАСЫ

Как услышал барин курмачкасский о приближении Пугачева, тотчас оседлал лошадь, бросил дом и семью на Божью волю и ускакал в дальнюю деревню. Возрастная дочь барина придумала способ спастись от разбойников: она взяла у своей сеной девки сарафан, рубашку, платок и все принадлежности одежды, принарядилась и села прясть в крестьянской избе, чтобы не узнали ее пугачевцы. Но та же горничная, которая дала ей свое платье, первая указала мятежникам, где скрывается ее барышня, потому что она лиха была до прислуги. Тогда схватили боярышню-невесту в избе, выволокли за длинные волосы на улицу и задушили на виселице. Мать ее курмачкасская барыня с грудным ребенком убежала в лес, куда принесли слуги колыбель, повесили на сук дерева и качали барчонка; но и барыню выдали свои крепостные крестьяне, указав мятежникам место, где она скрывается с малюткой. Прискакали туда казаки, повесили барыню на дереве, на котором находилась люлька, а ребенка задушили. Когда усмирили волнение и улеглась сумятица в Симбирской губернии, вернулся назад в село Курмачкасы барин; но никого уже не нашел из своего семейства, только указали ему место в лесу, где погибла его супруга, и он отыскал там

люльку своего ребенка. Желая чем-нибудь отличить это место, помещик, по совету священника, устроил там пчельник с условием, чтобы выручаемый с него воск жертвовать в церковь на помин погибших душ боярских. С той поры и получило это лесное урочище название Барчонкова Пчельника.

151. ПУГАЧЕВ В ЯДРИНЕ

Емельян Пугачев шел на Казань через город Курмыш Симбирской губернии, который от города Ядрина находится в двенадцати верстах по реке Суре... Мордва, жившая в селе Шакино Нижегородской губернии, находящемся от Ядрина в десяти верстах, а от Курмыша — в шести верстах, узнав, что Пугачев, как царь, приказывает вешать господ и причты церковные, обирающие народ, устремилась в город Ядрин для этой цели. В авангарде была выслана мордовка с возом петлей.

Ядринцы ее поймали и, привязав к оглобле у запряженной лошади, гоняли по городу, причем били кнутом по лошади один раз, а по мордовке пять раз и таким образом замучили мордовку до смерти. За мордовкой тронулась на город густой толпой мордва, вооруженная косами, дубинами и обожженными кольями...

Ядринцы, увидевши мордву, ударили в набат по всем церквям. Вынесли иконы и вооружились ружьями, пушками; саблями и пиками...

Мордва была разбита наголову.

В память этого поражения ядринцы по Шокинской дороге поставили три часовни над убиенными из граждан (часовни стоят и сейчас).

В город Ядрин Пугачев не заехал, а проехал двадцатого июля через город Курмыш. Вблизи Курмыша, на другой стороне реки Суры, и поныне стоит село Ильина Гора. Дедушка мой... в это время был тут дьячком.

На Ильиной Горе двадцатого июля храмовый праздник, и причт, в числе коего был и мой дедушка, служил перед обедней молебны.

Вдруг едет казак и кричит громким голосом: «Встречайте, царь сейчас переедет через Суру».

Смотрим, как говорил дедушка, и доподлинно, едет Пугачев верхом на светло-желтом коне. Одет Пугачев был в халате, и нагайка у него висела через плечо. Около него верхами ехали два генерала с бородами, в лентах. Один Белобородов, а другой Белокопытов, как теперь помню их по рассказу дедушки моего. Причт вышел навстречу с крестом и святой водой. Пугачев слез с коня, приложился к кресту, и священник окропил его святою водой. У села Пугачев остановился отдыхать и велел причту после обедни явиться к нему в лагерь.

Причт явился, и Пугачев выдал всем водки, а потом говорит: «Ну, отец! Спасибо тебе, что ты почтил меня, как царя своего. Когда я возвращусь в Москву на престол свой, то тебя и дьячка вызову к себе и сделаю тебя первым протопопом, а дьячка твоего попом...»

Причт пал ему в ноги за это...

Отсюда Пугачев тронулся большою дорогой к Вильскому базару Ядринской округи и там тоже остановился отдыхать. Чуваши свезли к нему тут разных членов причта, перевязанных, и жаловались Пугачеву, что они их крайне обижают и разоряют.

Пугачев в ответ махнул белым платком, и тут же всех попов передушили чуваши.

Недалеко от Вильского базара находится село Шумшевами, а от него в верстах шести село Шуматово; между этими двумя селами есть и теперь перелесок.

В этом перелеске стоял долго громадный дуб; на этом дубе вешали чинов причта. Теперь нет и следа этого дуба, а на месте стоит столбик часовенный. Этот столбик поставлен над телами повешенных и убиенных чувашиами.

Когда их свезли к этому дубу вешать, то все они каялись в грехах своих вслух друг другу и потом пропели:

«Со святыми упокой».

Через полгода по приказу императрицы Екатерины всем попам, встречавшим Пугачева с иконами, были отрезаны уши. Ильинский причт, благодаря невыдачи его крестьянами, избежал такой страшной казни.

Чуваши, потревоженные Пугачевым, долго не могли успо-

коиться; из-за Суры они приходили в город Ядрин и кричали: «Царь Петр Федорович приказал давать нам даром соли за то, что мы вешали попов, обижающих нас».

Чуваши ловили и сажали в тюрьму, а потом некоторых вешали, а иных засекали до смерти, посыпая солью ранения.

За отражение Пугачева ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному с золотом ковшу. Один ковш и сейчас хранится в Троицкой церкви Ядрина и, к крайнему сожалению, другой совершенно исчез, как исчезли кафтаны и сабли, подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителям Ядрина.

Ядринские мещане и сейчас вздыхают по этой грамоте, говоря: «Екатериной земля грамотой была дадена, и кто-то стащил эту грамоту...»

152. ПУГАЧЕВ В АЛАТЫРЕ

Народ сообщает, что самозванец взял город Алатырь с бою, окружив его со всех сторон казаками, которые полезли на стены крепости и скоро ворвались в город, потому что многие из жителей помогли им взбираться на укрепления. Храбрым и главным защитником Алатыря был наместник его Бердо, который и поплатился за свою отвагу и смелость жизнью; а бояре, проживавшие в городе, зная о злобе против них Пугачева, оставили Бердо одного с гарнизоном и разбежались по отдаленным своим деревням.

Взяв Алатырь, самозванец торжественно въехал в город на белом коне, с вострой саблей в правой руке, богато наряженный и окруженный разукрашенной многочисленной свитой. Духовенство всем собором встретило его с иконами и хоругвями у городской заставы и со всех церквей лился колокольный звон; приняв от именитых горожан хлеб-соль, Пугачев направился к главному храму. Отслужили благодарственный молебен за здоровье и спасение государя, и громогласно возгласили певчие многолетие царю Петру Федоровичу. Затем дьякон прочитал с

амвона манифест высочайший православным христианам — и началась поголовная присяга жителей на подданство императору, а не царице.

В это время Пугачев отрядил молодцов разбить винный подвал и угощать народ на царский счет. «Пейте, — говорит, — детушки, за царское здоровье, на радостях, до отвалу!» Вместе с посланцами много прибежало складчиков из горожан, живо разбили казенный подвал и выкатили бочки; чтобы скорее достать вина, они начали выбивать дно поленьями: как хлопнут по бочке, так и потечет вино под гору к реке Суре. Ручьями текло вино, а все охотники до выпивки подставляли шапки, черпали под горой и пили вдоволь, сколько душа примет. После всеобщей попойки разбрелся народ по всем окрестным селам и забунтовал от имени царского.

Когда происходило это угощение войска и населения местного, Пугачев потребовал к себе храброго наместника Алатыря Бердо. «Как ты смел не пускать царя Петра Федоровича в свой город, который ему достался по наследству от блаженных предков?» — закричал при народе самозванец. «Царя Петра Третьего нет в живых, — отвечал храбрый Бердо, — а управляет теперь Русским государством его супруга императрица Екатерина Вторая». — «Значит, ты веруешь и повинешься бабе и подчинишься боярским прихотям. Бояра завладели царицей совсем — и ты за ними! Ребята, он не пригоден нам, пустите его рыбу ловить». Разумеется, казаки тотчас увели наместника и утопили в Суре-реке.

Недалеко от этой реки, в Алатыре показывают курган, в котором похоронены, как говорят, защитники города и убитые по взятии его Пугачевым.

153. ПУГАЧЕВЦЫ ПОД ПЕНЗОЙ И САРАТОВОМ

Ужас охватил помещиков при торжественном шествии самозванца, и они предались бегству; воевода пензенский Всеволожский содействовал им вовремя спастись от казни в разные отдаленные местности. В это время жил с семейством около

Пензы, в своем имении селе Симбухине господин Чемезов Ефим Петрович; дошли до него слухи о зверских поступках Пугачева в отношении помещиков, которых он беспощадно вешал и убивал. Чемезов принял меры к спасению своего семейства и родственников, живших поблизости: он отправил их из села Симбухина в свою отдаленную вотчину, в саратовскую глушь, в деревню Чемезовку, далеко лежащую от проезжих дорог, как место совершенно безопасное, покрытое дремучими лесами по реке Медведице. Верные слуги укрыли в этом захолустье родных помещика; но недолго пришлось им там проводить время спокойно. Августа четвертого Пугачев выступил из Пензы и направился с своим войском к городу Петровску, где встретили его охотно жители, а на другой день двинулся к Саратову, и чемезовская глушь оказалась не безопасным убежищем. Шайки Пугачева рассыпались по окрестным селам и деревням, всюду разыскивали дворян и расправлялись с ними; одна из таких шаек добралась и до деревни Чемезовки. Первым делом мятежников было — навести справки, не скрываются ли где господа или их дети; разыскали они двух малолетних родственников Чемезова и повесили их близ ручья, известного под названием Дюпа.

Между тем верные слуги боярина успели скрыть молодых господ своих, детей Ефима Петровича; переодели их в крестьянское платье и отправили в густую чащу лесов; там они просидели опасное время, получая пищу от своих дворовых людей. Старший сын из спасшихся детей Чемезова носил имя Николая. И вот благодарный родитель, увидевший живыми и здоровыми своих детей, приписал их защиту и покровительство святителю Николаю. С той поры он установил во всех своих вотчинах праздники в честь Николая-угодника и к названию деревни Чемезовки присоединил наименование «сельцо Никольское».

154. ПУГАЧ И САЛТЫЧИХА

Когда поймали Пугача и засадили в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву,

народ валма валил и на стоянки с ночлегами, и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него. И не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матерей из своих крепостных шестинедельных детей под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет — господам кто осмелится перечить? — и отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег. Приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подходит простой народ, то Пугач ничего — разговаривал, а если подходили бары, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой черный народ сожалел о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как покуда тот преступник ходил по воле и об его милости не было ни проходу пешему, ни проезду конному, готов был на колья поднять, — сожалел по пословице «лежачего не бьют»; а дворяне более обращались к нему с укорами и бранью: «Что-де, разбойник и душегубец, попался!..»

Подошла Салтычиха к клетке. Лакеишки ее раздвинули толпу. «Что, попался, разбойник?» — спросила она. Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки и — Богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей — да как гаркнет на нее, застучал руками и ногами, инда кандалы загремели, глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилиу успели живую домой довести. Привезли ее в имение, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом. Пришел батюшка. Видит, что барыня

уже не жилища на белом свете, исповедовал глухую исповедью. А вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона...

Много лет спустя переделывали дом ее и нашли в спальне потаенную западню и в подполье сгнившие косточки.

155. ГОРЬКАЯ СМЕРТЬ

Фома дворовый был пугачевец, и его решили повесить. Поставили рели, вздернули Фому, только веревка под ним оборвалась... Упал Фома с релей, а барин подошел и спрашивает: «Что, Фома, горька смерть?» — «Ох, горька!» — говорит. Все думали, что барин помилует, потому что, видимо, Божья воля была на то, чтобы крепкая веревка да вдруг оборвалась. Нет, не помиловал, велел другую навязать. Опять повесили, — и на этот раз Фома сорвался. Барин подошел к нему, опять спрашивает: «Что, Фома, горька смерть?» — «Ох, горька», — чуть слышно прохрипел Фома. «Вздернуть его в третий раз! Нет ему милости!» И так, счетом, повесили барского человека три раза.

156. ПУГАЧЕВСКОЕ ЗОЛОТО НА ДНЕ ОЗЕРА ИНЫШКО

Есть у нас места, которые в народе пугачевскими зовут. Это в горах, недалеко. Сказывают, будто бы Пугачев с войском там стоял, когда от царской армии отступал, и решил оставить лишний груз — золото. Задумал упрятать его на дне озера Инышко.

Когда сбросили бочонки с золотом, озеро начало затягиваться илом и землей. В пяти-шести метрах над дном получилось как бы второе дно. Бочонки-то с золотом тяжелыми оказались и, пробив одно «дно», упали на настоящее дно озера.

Говорили также, будто один богач захотел достать пугачевское золото. Разгородил озеро, пытался выпустить воду, но у него ничего не получилось. Будто бы озеро не захотело отдавать пугачевское золото богачу, а может, само золото не захотело доставаться никому.

СУВОРОВ

157. РОЖДЕНИЕ СУВОРОВА

Еще до рождения его, по преданиям, на небе были видны какие-то красные хвосты, которые, по объяснению новгородского юродивого, означали рождение человека знаменитого и нехристям страшного. Такие предзнаменования [...] не преминули сказаться в скором времени тем, которые не верили небесным знамениям. Так один мужичок, не веривший объяснениям юродивого старца, опоздав выйти из города днем, шел по полю ночью; около полуночи к нему незаметно, как бы выросши из земли, пристал молодой человек, красивый собою, но небогато одетый, который, разговорившись с путником, сказал, что родился такой ребенок на земле, каких еще не видывал свет. На вопрос крестьянина, где родился этот чудный младенец, — незнакомец отвечал, что никогда никому не будет и не должно быть известно место рождения этого ребенка. Поэтому, добавляет то же самое предание, и до сих пор неизвестно место рож-

дения Суворова [...]. Такие знамения до рождения великого полководца и по рождении его, очевидно, пророчили младенцу блестящую будущность, уже выраженную с самого появления его на свет тем, что новорожденному было подарено счастье каким-то святым переходим странником [...], который нашел себе гостеприимный приют у родителей Суворова, отличавшихся своим благочестием, за что и даровано было им такое счастье.

158. СУВОРОВ И СОЛДАТЫ

Суворов заботился о солдатах, как отец родной.

Не любил он серебряной и медной посуды. Говорил: «В ней — яд...» Кушал, как солдаты, из глиняной чашки деревянной ложкой. Ел немного, не передал. Денщику наказывал:

— Ты мне не давай много есть!

— Да как же я могу не давать вам, ваше высокопревосходительство?

— А ты только скажи: «Суворов не велел».

И вот раз Суворов сел обедать. Есть очень захотел. Денщик видит, что Суворов уж достаточно покушал, и говорит:

— Нельзя больше, ваше высокопревосходительство!

— Да я есть хочу!..

— Нельзя...

— Почему нельзя?

— Суворов не велел.

— А-а, Суворов... Тогда не буду.

Солдат он обучал по-своему. Смотрел, чтобы солдаты были здоровы. Говорил:

— Бойся больницы! В больнице пища сладкая, постель мягкая, а на третий день — гроб!

Если увидит, что солдат стоит задумчивый, подходит к нему и спрашивает:

— Ну что, братец, здоров ли?

— Да что-то нездоровится, ваше высокопревосходительство.

— А ты возьми немного водочки, насыпь туда соли и перцу, размешай палочкой, выпей и будешь здоров.

Часов не любил. Говорил:

— Все часы врут: одни отстают, а другие вперед бегут. А вот петух... Он время знает...

И когда надо, если петуха нет, сам петухом запоет.

Пойдет ночью часовых проверять. Подходит к одному:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— А скажи, братец, сколько на небе звезд?

Солдат посмотрит на небо и говорит:

— Сейчас сосчитаю!—И давай считать: «Раз, два, три, четыре, пять...»

— Хорошо, братец, я вижу, что ты можешь сосчитать.

Подходит к другому часовому:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— Скажи, братец, сколько от земли до луны верст?

— Два суворовских перехода, ваше высокопревосходительство!

А потом Суворов отдает в приказе: «Вот философы уверяют, что звезд бесчисленное множество, а мой солдат взялся их сосчитать...»

Суворов не ездил в экипаже или верхом, а всегда вперед солдат шел пешком.

Вот крепость Измаил он брал. Войска подошли к самой крепости, а обоз с сухарями отстал. Солдаты голодные. Стали ворчать.... Суворов услышал это, встал на пригорочек и запел:

Что это у девки за кручина?

Что же это с девкой приключилось?

Али девка замуж захотела...

Ну, а там дальше. А солдаты:

— Смотрите-ка, смотрите-ка, Суворов-то песню поет!..

Тут Суворов велел ударить в барабан. Тревога!.. Выстроил всех и штурмом через шесть часов взял Измаил. А говорили: крепость неприступная...

159. СУВОРОВ НА ВОЙНЕ С ФРАНЦУЗАМИ

Завоевали раз за Альпийскими горами два короля — хотят осилить друг друга. Ни тот, ни другой на свою силу не надеются. Стал австрияк просить у Павла Петровича в помощь Суворова. «Губа-то у тебя не дура — не только армию хочешь, так и Суворова!» Все-таки Суворова в помощь отправили.

Только показался Суворов в армии: «Дедушка, когда пойдешь?» — «Да вот, когда петух запоет!»

Ночью, в одиннадцать часов, Суворов в ладошки клёп-клёп: «Куре-ку-ку-уу!» Мигом все на местах и в поход. Австрияк ожидал Суворова через три недели. Суворов явился через три дня. «А есть у тебя, дедушка, план, как француза побить?» Король, видно, не привык воевать без плана. «Где ж тут план писать, когда спасти просите?» — «Ты бы, — говорит, — дедушка, написал!»

Король за двери, Суворов по пятам, взобрался на дерево — врага-француза высматривает. Приходят от короля, про план спрашивают да Суворова к королю просят. «Не во время пришли — Суворов Богу молится!»

Приходят во второй раз, Суворова к королю просят. «Некогда! Суворов ужинает». А Суворов в это время вражеский лагерь высматривает. Только видит — бежит сам король. Суворов за стол да перо в руки. Входит король. Повернулся к нему Суворов да как двинет чернильницу локтем, так и вздулось на бумаге чернильное море. «Эх, старость — слабость! Руки затряслись. Вишь, беда-то какая! Весь план залили, проклятые! Как же нам быть без плана-то? Ну да все равно не время — не пером теперь писать, а штыком работать! У меня план в голове!»

Француз еще спит, а русские, как кошки, крадутся к нему. Впереди Суворов идет, подпрыгивает да дорогу указывает: «Ребята, чур, не срамить Святую Русь да батюшку-государя! Вперед, мои чудо-богатыри!» Вихром налетели русские на врага, смяли, стоптали его в прах. Видит француз, что дело плохо, да задал такого тягу — только пятки сверкают. Русские за ним. Подходят к одной крепости — ворота настезь, подходят к другой — навстречу с хлебом-солью выходят. Пошли сдаваться города один за другим. Прогнал Суворов из Италии французов,

а враг тем временем уже в тыл зашел, громит швейцарские деревушки. Узнал об этом австрияк, да только его и видели — кругом гор, сердечный, поспешил к своим хатам. Скор зайчонок, но еще скорее сокол. Австрияк вокруг, а Суворов — прямо в горы.

Увидели солдаты вверху на горах снежные шапки: дух в них занялся! Видит это Суворов, велел яму выкапывать. «Стройся в ряды!» Выстроились, Суворов вприпрыжку прямо к яме: «Прощайте, не поминайте лихом!» — «Дедушка, куда ты?» — «Не страшна смерть мне, старому солдату. Не хочу видеть вашей смерти, не хочу видеть позора русского! Заройте живым меня, детушки!» — «Дедушка, умрем лучше все разом! Веди нас, куда хочешь!»

Полезли в горы. Кони не идут — спотыкаются. Впряглись солдаты сами в пушки. Целый день в гору подымались. Кто обрвался, летит вниз... прощай навеки! Вечером нет фуражира: внизу под горой остался. Холод, мороз. Кровь леденеет, ноги костенеют. На другой день опять вверх ползут да на себе пушки тащат. Чуть-чуть перевалили на другую сторону. И на другой стороне без еды опять улеглись. Где там было улечься? В животе как ножом режет, руки да ноги, что деревяшки, постукивают.

На третий день солдаты совсем отощали и истомились. Присядет который дух перевести, да так и останется торчать ледяшкой. Уж внизу засветились огни вражеские, чуть живые плетутся солдаты. «Так вот где смерть-то наша!» Сделал Суворов остановку. Глянули вниз русские, видят: враг на кострах говядину жарит да белыми сухарями прикусывает. У русских даже слюнки потекли! Суворов тут как тут: «Вот где, ребята, ужин так ужин! Постараемся, чтобы нами он был заслужен! Дивизия, в ружья! Солдаты, вперед!»

Откуль что взялось! Как с неба свалились солдаты на врага, а этот и ружей не успел схватить, с чем бы стать против чудобогатырей суворовских. В руках у француза только ложки вместо штыка да говядина вместо пороха. Пошли русские колоть да рубить, только пыль коромыслом. Добыл Суворов такой фуражир, что ешь — не хочу! От страха француз, что заяц трусливый, давай Бог ноги! Чуть на другой день его русские догнали.

Поели русские, отдохнули за ночь. Утром видят, идет на помощь австрияк, а позади фуражир русский едет. Обрадовались русские да вместе снова в поход. Бежит враг, оглянуться не смеет, так турнули его русские. Освободил Суворов Швейцарию и навел на француза такой страх, что он как огня боялся Белого царя, пока жил Суворов.

Вернулся Суворов к царю с похода. «Дедушка, чем наградить тебя?» — «На что нам награда? Царское ласковое слово нам лучшая награда!» — «Ну, ладно, будь по-твоему! Спасибо тебе, князь Италийский!» Тогда Суворов от службы отказался.

160. СУВОРОВ СЛУШАЛ НЕБЕСНУЮ ОБЕДНЮ

[...] Знал он хорошо Божью планиду, по ней всегда и поступал; не начнет сражения, прежде чем не окончится обедня на небе, которую служат ангелы и которую видел только он один. Однажды, говорит предание, когда Суворов находился со всем своим небольшим отрядом в самом отчаянном положении и когда его могла спасти только одна быстрота нападения, он приказал не двигаться с места и не мешать неприятелю; сам же, сложа руки и сняв шапку с седой головы, слушал ангельскую обедню; долго продолжалась она, долго стоял неподвижно дедушка, вперив свои очи в небо. Сильно укрепились за это время враги; только когда кончилась небесная служба, очнулся полководец и, быстро построив своих, начал нападение, и солдаты сами удивлялись, с какою легкостью они разбили неприятеля, столь многочисленного и казавшегося сильным. [...] Один из адъютантов Суворова выразил сомнение на счет того, что видел фельдмаршал, и для удостоверения хотел просить последнего показать ему небесное видение. Старик, как бы предвидя сомнения адъютанта, подозвал его, не решавшегося выразить свое желание, и приказал ему снять сапоги с ног и стать правой ногою на его левую и поглядеть, перекрестясь, через его голову. Когда адъютант в точности исполнил приказанное, то увидел разверстые небеса и ангелов Божиих, служивших обедню на облаках.

161. ДЕДУШКА СУВОРОВ В АЛЬПАХ

Раз как-то в Альпийском походе, когда наши подступили к «заоблачной» горе и не могли взобраться по ледяным откосам, дедушка, видя, что это работа хитрого черта, условившегося помочь французам за сто душ наших пленных, приказал своим солдатам прочитать молитву да осениться крестным знаменем — и чары разрушились сами собою, и батальоны наши бодро полезли на снежные вершины и выбили врага из непроходимых дебрей.

162. ДЕДУШКА СУВОРОВ У ЧЕРТОВА МОСТА

[...] При переходе через знаменитый Чертов мост черт употребил все свои усилия, чтобы не пустить православных воинов. Он то скрывал от взора наших солдат края провала, затемняя их каким-то адским дымом, то рушил с грохотом переброшенные нами мостины, то засыпал наших громадными снежными лавинами, то наводил на наших французские ружья и пушки — и наоборот — отводил наши от врага. Дедушка Суворов и тут помог своим. Он отслужил молебен, осенил тьму крестным благословением и, окропив ущелье святою водою, уничтожил чары дьявола, крестом рассеял тьму, отвел неприятельское огневое оружие и приказал сделать неразрушимый мост из бревен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как вещи эти, снятые с пострадавших за веру, имели чудную силу, которая скрепила мосты лучше железных болтов.

163. ПОКУШЕНИЕ НА СУВОРОВА

Однажды убийца в платье русского офицера пробрался в наш лагерь и, пользуясь темнотою, дошел до палатки фельдмаршала. Войдя в нее, он заметил, что Суворов, почти обнаженный,

лежит на сене в углу и спит сладким сном. Поляк наводит пистолет и стреляет; пистолет осекается... Это повторилось до трех раз; тогда убийца хочет поразить спящего кинжалом в сердце, но какая-то невидимая сила несколько раз отстраняет смертоносное острие в сторону.

Злодей бросает оружие, становится на колени и будит героя. Суворов просыпается, открывает глаза и, увидев человека, стоящего на коленях, говорит ему: «Встань, я знаю, зачем ты пришел сюда и что случилось с тобою, иди отсюда скорее, ибо не пришла еще пора моей смерти; не поразит меня ни пуля вражеская, ни яд злодея, ни нож убийцы, а умру я спокойно, когда станет для этого время»...

164. ПОСЕЩЕНИЕ ПЕТРОЗАВОДСКА СУВОРОВЫМ

Весть о намерении князя Италийского посетить Петрозаводск подала мысль к приготовлениям и распоряжениям со стороны начальства. А. В. Суворов, поспешный в исполнении своих предприятий, всегда являвшийся гораздо прежде, чем его ожидали, прискакал в Петрозаводск на тележке в простой солдатской куртке. Подъехав прямо к пушечно-литейному Александровскому заводу, отправился туда и на вопрос часового у заставы: «Скоро ли будет князь Италийский?» — отвечал: «Князь следует за мною». Войдя в завод, потребовал, чтобы ему все показали, прибавив, что он — Суворов. Дежурный чиновник тотчас дал знать наместнику и начальнику завода, которые не замедлили явиться.

В это время Суворов грелся у доменной печи и по временам закусывал черными сухарями, которые вынимал из бокового кармана серой куртки своей. Когда начальники явились, он выслушал рапорт наместника губернии и велел ему возвратиться домой, прибавив, что не желает отвлекать его от дела; с начальником же завода отправился осматривать завод.

Начальство горное распорядилось разложить изделия Александровского завода по сторонам дороги, где Суворову надле-

жало возвращаться. С одной стороны разложены были ножи, вилки, ножницы, разная домашняя утварь, плиты, решетки, цепи, кольца, заслонки — одним словом, всевозможные мелкие изделия; с другой — были сложены пирамиды бомб, ядер, картечи. Подходя к месту этой выставки, Суворов сначала повернулся к той стороне, где были мелкие изделия; взглянул, сделал гримасу и отвернулся к другой стороне, где стал внимательно рассматривать пирамиды, приговаривая: «Помилуй Бог, как хорошо! Помилуй Бог, какой славной гостинец шведам!»

По выходе из завода купечество встретило его хлебом и солью, по русскому обычаю; Суворов принял поднесенное, поблагодарил начальника завода, сел в телегу и ускакал.

165. СУВОРОВ И МЕЗЕНСКИЙ СОЛДАТ

В одно время по весне ехал в путях-дорожках на Мезень полководец Суворов на свиданьице к своему другу любимому. Соскучился он, прошло несколько лет, как не получивал полководец от друга ни письма, ни грамоты, ни словесного челобитьяца. Вешние дорожки не очень хороши — реки разливаются, снежки белые тают. Только ярко светит солнце красное. Не знай, долго ли, скоро ли попадал на Мезень Суворов. Думал он таку думушку: «Если нет в живых друга любимого, поклонюсь на могиле праху его и поставлю памятник».

Суворов ехал и расспрашивал о друге, а на первых станциях не знал никто ничего, потому что не близко от его деревни. На полководце сверх одежда была простая, а под низом форменная военная. Где Суворова принимали ласково, а где-ка и с руганью: «Куда ты, солдат, торопишься? Ты, старик, не жениться ли собираешься?» А Суворов россмехнется и ничего боле не скажет.

А последнюю станцию его везти привелся мужик мезенец хороший. И разговорились. «А живой ли, не живой ли старик солдат?» — стал спрашивать Суворов: «Вместе он со мной служил. Мы горе и радость делили пополам. Кабы не он, я и живой

не был — он меня, раненого, на своих плечах с поля бранного вынес». — «Живой твой друг, служивой, — ответил мезенец, — живет со старухой, богатства не имеет и голодом не сидит».

Ехал он в пасочную ночь. Увидали деревню — огней много в деревне, как звезд на небе. Зазвонили колокола. Суворов рассчитался с ямщиком и попросил завести свои суночки-котомочки к жене солдата. А в ограде народа видимо-невидимо. Суворов пошел в последних и хотел дойти до крылоса попеть-почитать. А не мог попасть на крылос. И стал Суворов в сторонку. А друга своего солдата Суворов нигде не видит. Отстоял Суворов всю ночь, отстоял заутреню. Народ захристовались. И пошел Суворов ко кресту, а потом вышел во трапезу, а там у печки стоит его друг.

Тут и стрета ихна была — не знают, плакать или радоваться! И скричал тогда солдат: «Кого я вижу — полководца Суворова Александра Васильевича!» А мезенцы дивуются: «С ума ли говорит этот старик?»

А за обедней все узнали полководца, и все мужики заздоровались и захристовались и по-прежнему скричали: «Ура! Полководцу великому честь и слава!» И когда отошла обедня христовская, нанесли ему яиц, Суворов стал отказываться: «Куда мне с яйцами? Не на лошади везти».

И пошел Суворов к другу своему. А тогда, в прежно время, тоже не лежали вести на одном месте. Забежали к старухе ребята да жонки и сказали, кто гость к ним наехал. Она встретила полководца с чести, с радости. Обед был, может, и плоховатый, зато сидел Суворов с другом верным, трои суточки гостил Суворов у мезенцев. Пондравились ему народ северный. А солдат его до Архангельского провожал. Суворов оставил другу денег, жил он со старухой не бедно и не нужно, да и от него еще денег осталось.

А мезенцы старики долго про Суворова пропевали.

КУТУЗОВ. НАПОЛЕОН. АНГЛИЧАНЕ

166. НАГРАДА ХРАБРОМУ ВОИНУ

[...] Кутузов знал весьма хорошо чувства вверенных ему воинов и потому умел снискивать их любовь и расположение, вознаграждая истинную заслугу и наказывая неукоснительно действительное зло. Рассказывают, что в последнюю Турецкую войну случилось ему услышать двух солдат, разговаривающих с великим жаром о личной храбрости одного гренадера. Князь Кутузов, вслушавшись в их речь, подошел к ним и спросил, точно ли сей гренадер таков, как они об нем говорят. Получив удостоверительный ответ, Михаил Ларионович поблагодарил их за то, что они столь признательны к своим сотоварищам, и занялся прежним своим упражнением. Спустя несколько времени Кутузов, при полном собрании знатнейших чиновников, велел привести к себе помянутого гренадера, жалует его знаком отличия военного ордена, обнимает и, поцеловав, приказывает выдать ему манерку русской горелки! Какая лестная честь для воина, какое совершенное познание приобретать сердца подчиненных!

167. КУТУЗОВ – ИСТИННЫЙ ПОЧИТАТЕЛЬ СУВОРОВА

[...] Рассказывают, что Суворов говаривал: «Я не кланяюсь, не кланяюсь Кутузову: он раз поклонится, а десять раз обманет». Сими словами объяснял он ловкость Кутузова в военных хитростях и оборотах, составляющих отличную способность великих военачальников. Равным образом и Кутузов питал к великому своему учителю неослабное уважение, почитая его во всякое время первейшим современным героем. На одном военном совете о взятии неприступной крепости многие генералы согласились сделать покушение, но Кутузов не соглашался на это, зная, что подобная отважность будет стоить знатной потери людей, и в заключение сказал: «Ваша правда, это дело возможное, но только для Суворова; да и нас не много...»

168. КУТУЗОВ И СОЛДАТЫ

Следующий анекдот может, по всей справедливости, послужить убедительнейшим доказательством благорасположения знаменитого российского героя к вверенным ему православным русским воинам. В числе войск, бывших в 1805 году вместе с Кутузовым в пределах Германии, находился и Ярославской полк. Престарелый воин за воинскую ревность и расторопность весьма полюбил Ярославского полка первой гренадерской роты Сергея Семенова.

На привале войск и когда располагались варить кашу, Кутузов подъезжал к первой гренадерской роте и спрашивал: «Братцы! Где Сергей Семенов?» Русский гренадер тотчас же являлся. «Что прикажете, Ваше высокопревосходительство?» — «Ты, брат, забыл меня, старика, — говорил ему главнокомандующий, — право, устал сидеть на лошади. Принеси-ка, брат, соломки: старым костям отдохнуть хочется». Ревностный Семенов тотчас же расстилал солдатский плащ и, наносив с товарищами своими соломы, расстилал оную, после чего генерал Кутузов, севши на сей походный диван, грелся у разводимого пред

ним огня. «Спасибо, братцы, спасибо,— говорил он услужливым воинам,— лучше не надо; вот теперь и спокоен. Надо, однако, поесть: дай-ка, брат Сергей Семенов, сухарика да водицы».

Таким образом поседелый герой, сидя на плаще, покрытом соломой, в кругу солдат, и беседуя с Сергеем Семеновым и его товарищами, лакомился русским солдатским сухарьком, приговаривая: «Хлеб да вода солдатская еда». По окончании же таким образом своей трапезы каждый раз вынимал из кошелька деньги и давал Сергею Семенову, говоря: «Выпей со товарищами за здоровье старика».[...]

169. ОРЕЛ В СТАНЕ РУССКИХ

Нельзя не заметить встречи светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова по прибытии в российский лагерь. Достигнув места своего назначения, князь тотчас же поехал осматривать местоположения вверенных ему войск, как вдруг явился орел и начал парить над его головою. При таком нечаянном появлении бранноносного царя птиц князь Михаил Ларионович снял шляпу, и по рядам российской армии загремело единодушное «ура!». Скажем вместе с предавшим нам сие происшествие: где россы, подобно римлянам, идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними!

170. ХЛАДНОКРОВИЕ И НЕУСТРАШИМОСТЬ КНЯЗЯ КУТУЗОВА ПРИ БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

[...] Рассказывают, что во время кровопролитного Бородинского сражения, когда ад гремел над головою русского полководца, он быстрым и верным взглядом смотрел с батареи на движения войск, не показывая ни малейшего страха при всех окружающих его опасностях. Видя, что ядра и картечи летят прямо к тому месту, где он находился, он весьма спокойно говорил

окужающим его: «Расступитесь, братцы; не стойте толпами!» И когда с одними русскими отражал двадцать народов, писал собственноручно в Москву: «Дело идет довольно порядочно!» Сей-то удивительной неустрашимости и примерному хладнокровию обязано отечество освобождением от позорного ига иноплеменников.

171. О НАПОЛЕОНЕ

Французский государь Палеон был сильной и могучой человеком, завладевал многим государствам и, завидуя благочестливой жизни нашего батюшка-государя Олександры Павловича, задумал было идти и на его войной, но не смел напуститься просто, — первоначально пишет ему, батюшку, грамотку такую: «Русской царь Олександро Павлович! Я знаю, что ты силен и всем богат, но у меня есть двенадцать енаралов, — прокормишь ли ты их целой год из серебряной посуды, чтобы самовар, чашки, ложки, ножички и вилки, все чтобы у тебя было серебряное? Если прокормишь, дак я с тобой стану жить мирно и никогда с тобой не стану воевать, а ежели не прокормишь, то я ныне же на тебя пойду войной».

Царь Олександро Павлович прочитал эту грамотку и призадумался. Назавтре созвал он к своей милости всех своих главных сенаторов и енаралов и объявил им французского Палеона грамотку: «Господа мои, главные сенаторы и енаралы! Вот нам чего пишет французской царь Палеон, рассудите и посоветуйте, чего мы станем с ним делать?» Одни говорили, чтоб не принимать французских енаралов к себе на корм, а другие говорили принять, наконец все сообща решились, чтоб их принять. Государь своеручно отписал Палеону такую же грамотку, повелел ему прислать енаралов на корм к его царской милости.

Между тем наладили для них особенную фатеру, заблаговерменно внесли там серебряный самовар, серебряные чашки, ложки и вилки, да все, с чего они должны были есть и пить, все серебряное. Через недолгое время явились енаралы прямо во дворец к нашему батюшку. Он их принял, побаял с ними нем-

ножко и велел их свести в налаженную для них фатеру. Вот они пришли,— фатера им шибко поглянулась, потому что баско было в ней улажено. Тут было наряжено государем двенадцать мальчиков в услуги енаралам.

Енаралы приказали им поставить самовар. Самовар скипед; вот они начали кушать чай, пили, пили, все из самовара выпили, самовар съели и чашки съели, а все было серебряное; ведь пособило же им, бачко ваше басловленьё! Вот какие на свете есть мудрые люди. Немного погодя, велели мальчикам подать ужну и ерофиевичу. Мальчики подали. Вот они испили ерофиевичу, бутылки съели и чарочки съели. Подобным образом поступили и с посудой, на которой подавали им ужну. Мальчики видят, что дело-то выходит не хихи, отправили на первой раз налаженную на них службу, враз доложили об этом его величеству. Государь этому подивился, а отказать им от корму не смел.

Вот они живут день, другой и третий, неделю, две и три, месяц, два и три, наконец уж у нашего батюшка мало стало серебра, не из чего уж сделалось ладить посуду енаралам. Созвал он к себе сенаторов и енаралов на согласие. Государь и енаралы думали, думали да и умом-то развели, а придумать ничего не могли; не знали, что делать с Палеонывыми обжорами; наконец придумали поставить на ростани в разные города столбы с таковыми надписаниями: «Не найдется ли какой-нибудь человек, который бы мог сделать над французскими енаралами то, чтоб они не могли пожирать царское серебро, которого шибко мало».

Вот и поставили столбы с надписаниями. Кто бы ни ехал, кто бы ни шел, все читали надписания и нашему брату — неграмотным сказывали о таковой неслыханной дивовеже, но только пособить этому горю никто не мог. Наконец идет мимо этих надписаний поп-расстрига, а он, не прогневайся, бачко ваше басловеньё, был расстрижен за лишнюю чарочку и хитрые дела. Вот этот поп прочитал надписанию и сказал: «Об этаким пустом деле нечего бы его величеству и печалиться, я враз могу сделать над французскими енаралами то, что они всю посуду, которую приели у его величества, всю возвратят». Тут было народу много, враз к попу привязались, но он от своих слов не отпирался и говорил: «Хоть сейчас же ведите меня к его вели-

честву». Вот его забрали и повели к государю, и объяснили, что он вызывается пособить великому горю вашего величества.

Государь сам спросил попа-расстригу; поп отвечал царю то же, что и пред народом говорил, но только прибавил следующее: «Ваше царское величество! Вы прикажите мне сшить платье какого-нибудь иностранного короля и снарядите меня в оное, скажите енаралам, что я приехал из такого-то королевства и хочу стоять на той же фатере, что и французские енаралы,— прикажите меня обрить и умыть, дайте мне в услуги мальчика, при закуске повелите мне подавать бутылку хорошего простого вина и нарядный стакан, прикажите сделать стальную тарелку и вилку стальную, а на закуску ни хлеба, ни соли ничего не надо, только бы было винцо».

У государя, батко ваше благословенье, не так, как у нашего брата,— о чем скажет, то и готово. Вот наш батко снарядился королем: вдруг разнеслась молва по Питеру, что из такого-то королевства приехал к государю такой-то король, дошла весть и до французских енаралов. Через недолгое время государь наш батюшко Олександро Павлович послал к Палеоновым енаралам человека сказать им, что к нему приехал гость из такого-то королевства король и просит, чтоб ему повелено было фатеровать вместе с французскими енаралами. Енаралы согласились принять его к себе в товарищи. Приехал король к ним на фатеру. Вот они его приняли, побаяли с ним.

Наступило время закуски; енаралам подали ерофиевичу и хлеба-соли на закуску, а королю бутылъ с простым вином, простую стальную тарелку, необычайной величины стальную вилку, дородной стакан, а более ничего, ни хлеба, ни соли. Енаралы начали выпивать и закусывать, а король налил себе стакан простяка, выпил и закусывать было нечем. Енаралы выпили ерофиевичу, бутылки съели и рюмки съели. Король, посматривая на них, выпил и другой стакан, опять сидит; енаралы подбирают как кушанья, подносимые им, так и посуду. Король налил и третий стакан, выпил, взял свою стальную вилку, цап Палеонова енарала в голову и проглотил, как кашу с маслом; вышел из-за стола, помолился и воздал царю заочную благодарность. Таким образом одиннадцать енаралов он съел при разных закусках, остался только один.

Поп просил его величество пожаловать к нему на фатеру. Государь приехал; поп стретил его с подобающею честью и объяснил, что он то-то сделал над енаралами. Государь и сам испужался, слушая о таких страшных деяниях. Поп обращается к его величеству и спрашивает: «Великий государь! Что прикажете сделать над последним енаралом, съест ли его или оставить для языка Палеону?» Государь отдал на его волю; поп сказал: «Этого сереброда Палеонова оставим».

«Ваше величество,— говорит он государю,— прикажите сделать двенадцать котлов чугунных и поставить на какую-нибудь площадь, налить в них смолы и подогреть маленько, да купить двенадцать кулей перьев, подать двенадцать глухих кибиток с лошадьми и ямщиками». Государь приказал, и через сутки все было готово. Когда было сказано, что все готово, поп взял с собой последнего енарала и поехал к государю; явившись к нашему батюшку Олександре Павловичу, сказал ему: «Ваше величество, прошу вас покорнейше пожаловать со мною вместе на приготовленную площадь и посмотреть, что я сделаю еще над Палеоновыми серебродами». Государь поехал и поп с последним енаралом.

Приехали на площадь, народу было видимо-невидимо, тьматмушая. Все смотрят, что будет делать поп. Поп рыгнул и вырыгнул енарала: «Ну, енарал, умел ты у нашего батюшка Олександра Павловича есть серебряную посуду, давай же ее!» Вот енарал и начал рыгать все, что съел, все вырыгал. «Все ли?» — спрашивает поп. «Все, великий король такой-то», — отвечает енарал. «Скачи в смолу!» — приказывает поп. Енарал скочил. «Вылезай оттуда!» Енарал вылез. «Посадите его и немедленно отправьте к Палеону».

Так поступил поп со всеми двенадцатью енаралами. Посуду подбирать не могли, возами возили в казначейство государево. Енаралы в каком виде были отправлены из Питера к Палеону, в таком и явились ему.

Палеон выслушал от них жалобу на нашего Олександру Павловича и пошел на его войной. А Бог-от ведь не попустил же ему завладать нашим государством; он же разорился, а мы, Божьей милости да по государевой великой силе, и теперь живем спокойно. Дак вот, бачко ваше благословенье, какие хит-

рые были люди у покойного государя нашего Олександры Павловича, дай ему Господи царство небесное, а Миколаю Павловичу много лет здравствовать. Ведь это, бачко, должно быть сущая правда? Палеон-от ведь шибко наступал на нашего-то государя и в белокаменную-ту Москву уж, говорят, заходил.

172. ПРО АГЛИЧАН

Лет сотню назад агличане сюды приходили. Деревню Пялицу сожгли, каку-то деревню,— кажется, Стрельну,— а потом и к нам сюды на кораблях пришли. Вышли они на берег, а наш народ-то детей в горы увел, а сами все с вилами да с батогами на берег сошли, да на угоре и выстали. Агличане и кричат: «Подавайте нам коров!» А мужики-то и отвечают: «А заместо коров не хотите ли комаров?» — «Так давайте оленей». Оленей тоже не дали. Агличане и спрашивают: «Все ли вы тут?» А они, мужики-то, и отвечают: «Куды там! В деревне в десять раз больше осталось».

Агличане-то не видали, что у них вилы,— думали, ружья. Ну, что же им было делать. Испугались, конечно, да и вон пошли. С тех пор не бывали. Всё.

173. ПРО УТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ

А было это, голубушка, годов восемьдесят назад. О ту пору к нашей Кандалакше агличанка подходила. Слыхала? Ну, так вот. Чого ей тут нать было — лешой знат. А только пришла. И уж сыздали про ее слава шла: идет агличанка, ружьям да пушкам палит, деревни жгет, народ погубляет.

А у нас тут монастырь был, окрай самой реки Нивы, в Заречье. Кокков монастырь звался. Настоящий монастырь был, с монахам, с настоятелем, все честь честью. И был в монастыре на

колокольне колокол серебряной, с узором. И звонил он звоном таким-то малиновым [...]. Ну, вот. Как про агличанку монахи прослышали — затревожились. Натъ было колокол спасать. А куды спасешь? Ухоронить-то некуды. Думали-думали, однако надумали. Сговорились, ночью колокол с колокольни сняли да с пеньем, со свечами и крестным ходом к реке его отнесли. Да промежду порогов в воду-то и спустили. Пушдай, думают, пока под водой полежит, а пройдет беда — снова его на колокольню вздымем. А река Нива у нас буйна, порожи́ста, камениста. Над колоколом сейчас же большущий камень сам собой навалился, и вода округ его ровно котел кипящий завилась.

Ну, пришла агличанка, пошিশевала, поразбойничала и ушла, однако. Пошли монахи к реке колокол здымать. А колокола-то уж и не достанешь. Как ни пытались — ничо не поделать: вода бурлит, крутится, а колокол все глубже под пороги на дно уходит. Так и отступились. И пошел с той поры у стариков завет — беспременно колокол вытащить. Как его опять на колокольню здынут да звоном своим серебряным он зазвенит — тут все снова по-старому пойдет.

А в старом-то много хорошего было: была у нас тут така гора лесиста. Погана варака прозывалась. Лес на ей был огромной, и малины в этом лесе и другой всякой ягоды была сила несусветная. Так вот тыи леса нонь-то все повырубили, и нонь на том месте кипиратив и больница стоят. Где прежь болотца в травах лежали — нонь почта, школа да сельсовет. А как колокол-то зазвонит — так все опять и перевернется: почта и школа скрозь землю провалятся, чугу́нка лесом заростет, над больницей камни содвинутся, все дороги мохом-ягелем заростут и пойдут по прежним лесным варакам девки во снаряжных сарафанах собирать княженику-ягоду да малину... Тольки вот беда: нам-то колокола не вытащить, слабы стали, остарели, а молодежь нонь к святыне-то не больно прилежат: знай хохочут. Так скоро и место-то, где колокол спущен был, совсем забудется...

НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

174. ПРО ВАСИЛИЯ РОЩИНА

Старичок выксунский рассказывал мне, что был в екатеринские времена на баташовских заводах рабочий один. Родом он откуда-то с приокской стороны, а звали его Василием Рощиным.

И вот этот Родин терпел-терпел хозяйские несправедливости, да и махнул с дружкой-приятелем в лес. А леса-то у нас недаром Муромскими называются!..

В лесу они разыскали шайку разбойников и стали вместе с ними действовать. Прошло какое-то время, и разбойники решили своего атамана сместить, а вместо него поставить Василия Рощина. Уж больно он им по мысли был! Нравились шайке не только сила его богатырская, но и ум, находчивость, а главное — справедливость во всем. Встретит он, бывало, повозку или обоз на большой дороге и сразу же смекнет, как поступить с каждым: богатого купца или помещика велит своим ребятам обыскать и забрать у него все наличные денежки, да и товары

тоже прихватить прикажет. Ну, а если бедный человек повстречается, то его и сам пальцем не тронет, и разбойникам не разрешит. Частенько рощинская шайка слыхивала от своего атамана приказы: раздать крестьянам то, что у бар отнято, потому что, мол, господа богатства не своим горбом наживали. Так делал Рощин и при встрече на дороге с купеческими обозами, и при задержке груженных барж на Оке. Они, слышь, из лесов-то кое-когда на реку выходили и хозяйские суда останавливали да как следует «проверяли».

Но больше всего Рощин и его товарищи действовали в лесу. И вот, говорили, один раз с ним какой случай произошел. Вышел он как-то под вечер из укрытия своего на дорогу и видит: по обочине старушка трусит. Рощин ей навстречу и спрашивает: «Что ты, бабушка, так спешишь?» А та отвечает: «Рощина боюсь...» — «Ну, а знаешь ли, какой он из себя?..» — «Откуда же мне знать...» — «Так вот смотри: я — Василий Рощин и есть... Только помни, бабушка, мы простых людей не трогаем. И нашего брата тебе бояться нечего...» Потом вынул он из кармана золотой и сказал: «Вот тебе на память о Рощине, пригодится, чай, в хозяйстве...»

Старуха взяла деньги да домой, а после до самой своей смерти о встрече с атаманом рассказывала.

175. РЕБЯТАМ ПОМОГ, А САМ ПОГИБ

Криволицкий — он вот какой был человек. По улице едет, видит в окно — ребятишки в избе играют — одежда плохая, тело видать. Ну, он к окну подъедет, бранится, бранится:

— До чего ребятишек довели! Ну, управители!

Как стемнеется — он в то окно стучит:

— Так вас и так, я ребятишкам рубашек нашил! Берите!

Выйдут из избы — и верно: рубах лежит гряда. А Криволицкого и след простыл.

Замки его не держали. В любую лавку зайдет, наберет ситцу и раздаст ребятишкам.

Раз поймали. Говорят:

— Мы тебя закуем!

— Вот и хорошо, кандалы еще не нашивал!

Повели в кузницу заводскую.

Дали ему стульчик:

— Садись!

Мальчишка пятнадцати лет заклепы ладит. Криволуцкий ноги протянул. Мальчишка один раз ударил.

— Бей еще по другому разу,— говорит Криволуцкий.

Мальчишка отвечает:

— Мой дед ковался — один раз бить наказывал!

Криволуцкий туда и сюда — нет, кандалы держат крепко. И увезли его неизвестно куда. Так отцы наши сказывали.

176. ПОМИНАЙ ДОБРОМ

Раз Криволуцкий в дом заходит. Хозяин с хозяйкой за столом сидят. Криволуцкий говорит:

— Ну, Авдотья, собирайся, поедем.

Она мужа бросила — и за ним! Хозяин слова не сказал, из-за стола не вышел.

А поймают Криволуцкого, закуют — железо не держит. Ногой тряхнет — и все!

Лошадь если возьмет у кого — отправит обратно. И сама лошадь приходит к хозяину, за сколько верст ни уйдет.

С богатыми мужиками не делится, свою половину беднякам отдавал. С бедными у него разговор был один:

— Ну, брат, прости.

Какой бедняк ему попадет, нет на нем ничего, — одежду с себя снимет, отдаст.

— На, брат, поминай добром.

Вот как его брали. Пристав полиции да заводской кондуктор тишком подъехали брать его в балагане (а он на покосах спасался). С ними — казаков тьма. Он вышел навстречу.

— Это что за войско? Эх, вы! Молите Бога — Бурушка у меня вот там ходит (конь у него был бурый), а то бы...

Вытащил шашку, кинжал, положил.

— Ну, берите, не бойтесь! Да зачем войско! Вы бы, благородие, в одиночку приехали, я бы с вами повоевал.

177. СВИНЕЦ ЗАГОВАРИВАЛ

В старое время заговоры были. Криволуцкий свинец заговаривал. Вот раз его в Кулунде целой волостью ловили. А он не отстреливался, а только пули назад бросал. На сосне сидит да пули назад бросат. А мальчишка лет пятнадцати и говорит: — Дедушка, возьми медную пуговку, загони в ружье!

Криволуцкий видит: берут мелкую медную пуговку (их раньше на воротнике носили), загоняют ту пуговку в ружье. Слез он с сосны и сдался. Отвезли его, посадили в острог. Все равно убежал. Он — такой!..

178. ОТБИВАЛ КАРАВАНЫ

Был человек прозваньем Сорока. Такое творил, такое... ох! Боялось его начальство — страсть!

Коль не соврать, был он кузнец, первой статьи кузнец, наш, гурьевский. Ковать умел лихо. Сбежал в щерь.

А в щери, сам ты знаешь, татарское городище есть, возле Бачат. И спрятался он с товарищами. А молотобоец Сороки, Бабанакоев Егорушка, из ружья застрелил пристава на золотых приисках.

Везли раз с Гавриловского завода казенного серебра караван, а Сорока с товарищами караван отбили да себе забрали. И что ты думаешь! Была вдова — Катериной, что ль, ее звали, — мужа у ней заporоли. Так ей Сорока тайным способом денег дал, она дом построила, и сейчас этот дом стоит, внуки ее живут. И многим другим была помощь.

Говорят, много раз они караваны отбивали. Вот какой был Сорока. Был он за атамана.

Живут они в том городище, под землей прячутся, а начальство все думает, как их взять. Вот управляющий заводом послал Сороке такую бумагу: надо мне ось отковать (а кто говорит — кандалы нового, что ль, фасона), никто кроме тебя не может. Вернись, на работу встанешь — и все тебе простится.

И вернулся Сорока. Отковал он кандалы, а его в те кандалы и заковали и отправили в Кузнецкий острог.

Товарищи его с ним не вернулись, в городище том бой приняли. Перестрелка была. Кто говорит — погибли они, а кто бает — отбились, ушли подземным ходом неизвестно куда...

179. МЕДНАЯ ПУГОВКА

Попробуй — поймай Сороку! Птица такая хитрая.

За хитрость его Сорокой и прозвали. С ним бегали Бабанков — татарин казанский и Есаулка — приезжий. Как они попали сюда, в Сибирь, — не знаю.

Как прыгал Сорока! Через двух коней на третьего заскакивал.

Простая пуля не брала — он ее через плечо назад бросал.

В Томском заводе Александра Бессонов — старик был. Он говорит:

— Я Сороку убью!

Ему не верили.

— Не убить, его не берет пуля.

— Все равно убью.

Сорока к одной барышне ходил в заводе.

Ночью вылез из окна от нее. Александра Бессонов подстерег, ружье зарядил медной пуговкой, стрелил и сразу убил.

Простая-то пуля не брала.

180. СОРОКА И СТАРИЧКИ

Сорока на старичков натывался.

Нищие тогда на лошадях ездили. Вот едет нищий старик собирать кусочки. Горшок сметаны везет. Сорока догнал.

— У тебя конь черновой. Зачем черновой, сделаю пегого.

Взял горшок у старика, стал мазать, сделал пегого.

— Ну, старичок, сколь за сметану?

— Дай сто рублей.

— На!

Старик не стал ездить кусочки собирать.

И на старуху натыкался богатеньку. Прибежал к ней.
— Бабка, нет ли меда, Бога ради?
— А какой у нас мед! Сорока навязалась — спасу нет.
— А чо за Сорока?
— Да мужичонка вроде тебя. Отымает у нас все.
Он взял да ухо у нее и отрезал.
— Свари свое ухо, коль меда пожалела!
Дядя его был в начальстве, сослал его в Ваганово.
— Не дам тебе бегать.
— Не дашь — из тебя ремень вырежу.
Он так и сделал. Дядя пошел по коньям, он и вырезал у него из спины. Сам бежал в согры.
Дядя говорит:
— Я его убью!
Собрал все волости, пошел искать его. Голая гора за еланью есть. Смотрели — пегого конишку увидели. А Сорока спал под листьями.
Дядя говорит:
— Теперь от меня не уйдет!
Стрелил, а Сорока в него. Так и убились.

181. СТАРУШКА И ПРИСТАВ

При обязательном труде была в Егорьевском бабушка — все знала.

Вот пристав Богословский ее и зовет.

— К чему, бабушка, эта заря?

— А к непогоде, дитяtko, к непогоде.

На другое утро — погода разлюбезная! Только с девками гулять! Управитель позвал старуху, велел ей всыпать за вранье. Под вечер опять ее зовут. Кости у ней после дранья разломило — едва дотащилась.

— Ну, старуха, к чему эта заря?

— А к хорошей погоде, ваше высокородие, к хорошей погоде, драть не извольте.

Старуха всю ночь не спала — боялась. Утром дождик пошел.

Всыпали ей за вранье. Она уже невестке сказала смертную рубаху приготовить. Взяла свечку в руки, легла помирать. Зовет ее Богословский в третий раз. Положили старуху на телегу, так и привезли — со свечкой.

— К чему, старуха, эта заря?

— А к дранью, батюшка, к деру, милый!

Тогда уж Богословский не стал ее драть.

182. В САМЫЕ ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА

Очень уж давно это было, в самые первые времена. Был в Салаире такой рабочий — фамилию не вспомню, — его дерут, а он соломинкой землю ковыряет и поет чего-то. Не больно ему.

Вот он приказанье какое-то не выполнил — драли. Кончили, он встает и говорит управляющему:

— Ну, управитель, будь ты проклят, ты не меня драл, а мать свою.

Управитель за хохлы ухватился, аж они у него затрепали, прется домой прямо без сознания. Видит — мать лежит на постели изодранная, вся в крови.

Начинает она его спрашивать:

— Ты чо, — говорит, — со мной сделал?!

183. ЛОБОВСКАЯ ШАЙКА

Была на наших приисках лобовская шайка. Заступались они за бедных. Придут в деревню, зайдут к какой-нибудь старухе, попросят молочка или мяса, а у старухи нет ничего. Ну ее и спрашивают, можно ли за деньги купить корову, то отвечает, что можно. Вот выложат они денежки на стол, и пойдет старуха, приведет коровку. Молоко и мяско появятся. Побудут они немного, а когда уходить будут, то снова выложат деньги на стол и скажут: «Вот, бабушка, тебе денежки, купи коровушку, а мы, Бог

даст, если зайдём когда-нибудь, то ты нас молочком и угостишь». Старуха, конечно, рада. Много таких случаев бывало. И всегда появляются там, где жить уж становится невмочь.

184. СХОДЧИВЫЙ МУЖИК КНЯЗЬ ВОРОНЦОВ

Бергалы робили за двадцать копеек в месяц. Тогда князь Воронцов (а был он мужик сходчивый) приезжает к царю:

— Ваше величество, проезжал я по черни. У нас вся чернь слезами забилась.

— Чего там, им же казенный провиант даем.

— Чего там провиант, ваше величество! Надо сделать свободу, а то загоним их в гроб.

— А где денег возьмем сделать свободу?

— А вот король тебе должен, да хан должен, да султан должен. Да я бесцетно беру из казны, а тут уступлю. Двенадцать раз получаю из банку, хватит мне трех раз.

И созывают Сенат. Все короли съехались в Сенат, царь не поспел. Им свободы не надо, они говорят.

— Лишить Воронцова всех чинов и жизни!

Тут один солдатик из строя сбежал, доложил царскому брату Константину. Константин был осилок. Прибегают в Сенат, двери повыбил. Забегают в зало. Там стоит гроб на железных обручах, крышка золочена. И поп с кадилом отпевают уже.

Константин говорит:

— Дозвольте проститься, пропустите к гробу.

А сам ногой как даст — гроб отперся. Лежит Воронцов, пена во рту. Константин у попа крест выхватил, как перекрестил — поп в окно вылетел. И стал крестить всех кадилом — все вылетают в окно! Стал отваживаться с Воронцовым — отводился.

Воронцов приехал в серебро-свинцовый завод. Построил всех рабочих, идет по рядам, рассказ рассказывает:

— Вот, братцы, я после смерти своей приехал повидаться с вами!

И слезами уливался. Ему подают платок, потом второй, третий — сразу мокры.

Прошел, поклонился фронту.

— Через два месяца вам будет свобода, будет наемный труд.
И через два месяца стал наемный труд.

185. ИЗ СИРОТСТВА

Он воспитанник был у богатого ямщика в Михайловой. Тот его из сиротства взял.

А кто говорит — был девичий сын. Вырос и стал на тракт выходить.

Обоз идет.

— Чьи кони?

— Лихановские.

— Заворачивай оглобли, ходу нет.

Потом и говорит приемному отцу:

— Ну, батя, давай сто рублей, а то ни одного твоего обоза не пропушу.

Отцовы деньги бедным раздавал, до копейки.

186. У ГУБЕРНАТОРА

Большая награда была назначена. Поймай Лиханчика — деньги получишь. Вот он сам и заявляется к томскому губернатору.

— Ваше превосходительство, я его, злодея, поймаю и к вам приведу. Только дайте денег на расходы.

Тот был с придурью, поверил, дает.

Лиханов коня ставил так, чтобы скакнуть в седло сразу — хоть с головы, хоть с хвоста. У крыльца конь стоял.

Ну, а деньги берет и говорит:

— А ведь я и есть Лиханов.

Губернатор глаза выпучил, руками развел. Лиханов — сразу на коня, и был таков.

187. ЛИХАНОВ РАЗДАВАЛ ДЕНЬГИ

Едет ямщик, навстречу — Лиханов.

— Что у тебя лошадь худенька?

— Да вот семья одолела. Десять душ.

Дает ему четвертную.

— Вот тебе на лошаденку и на коровенку.

Так и ездил. Ворот не отворял. Какие ни на есть ворота — его конь перескакивал. Станут ловить.

— Лиханов был?

— Был.

— Куда поехал?

— В Писаревку.

Там спросят:

— Лиханов был?

— Был.

— Куда поехал?

— Да в Аникину.

Туда кинутся.

— Был?

— Был.

— Куда поехал?

— Да кто же его знает, ищи ветра в поле, у него конь такой — разве догонишь.

Был Куликов богатый мужик. Он все его следил. Этот Куликов с базара ехал. У Мордвиновых ночевал в Федосеевке. Лиханов представился нищим, тут же у порога валялся. За околицей обобрал его, голышом пустил. И все бедным — кому на лошаденку, кому на кровенку — все раздал.

188. КАК ЛОВИЛИ ЛИХАНОВА

Его ловить двести человек были собраны, ловили под Басандайкой. И вот купеческие сынки пьют водку и похваляются: «Мы, мы сделаем ему конец». Двенадцать человек их было. Разгулялись, давай стрелять. И говорят:

— Вот бы Лиханова сюда! Мы бы ему пузо простреляли.

А он в соседях сидел, ему соседи все передали.

Стреляют, потом один говорит:

— У меня, ребята, пули все.

— И у меня все.

— И у меня.

Ни у кого пуль нет. Он тут и выходит.

— Вы желали Лиханова видеть? Я здесь налицо.

Они глаза выпучили. Он говорит:

— Складывайте на этот пень у кого что есть из богатства.

Собрал и уехал по деревням. Все бедноте раздал. Он так давал: если коровы нет — дает на корову, только смотри, не пропей, а то несдобровать.

Его беднота не выдавала, прятали его — он и жил, не тужил. Пуля не брала. Потом уж пастух его застрелил медной пуговкой.

189. ЛИХАНОВ И СТАРУХА

Лиханов на рыжем коне ездил. Его невидимкой считали. У купцов отбирал, жертвовал бедноте.

Ехал трактом. И старуха ехала. Сама стара, дряхла, и конь еле живой, кожа да кости, ободранный, весь в парше.

Он ее догнал.

— Эх ты, бабка! До чего со своей клячей дожила!

— Ась, батюшка?

— Чего, говорю, везешь?

— А сметанку, батюшка, на базар, три корчажки.

— Мажь свою клячу сметаной!

— Да ты что, батюшка, сдурел?

— Мажь, говорю!

Делать нечего, слезла старуха с телеги. Свою лошадь и обмазала.

И плачет:

— Да я бы сметанку-то за полтора рубля продала!

— Ох ты, старуха! Не реви, на триста рублей!

Сунул ей деньги, сам ускакал. Старуха зажила хорошо, и денег ей до смерти хватило, и лошадь поправилась от парши, сметана-то помогла.

190. ФОМА-ВОЕВОДА

Слыхал я одну историйку. Вот был (звали воеводой) Фома-воевода, находился, значит, в нашем Пудожском уезде, не знаю, в какой волости. Под ним было сорок разбойников. Куды где узнает деньги, так съездит и ограбит. Узнал, что купец один богато жил. А жил-то ен в большой деревне, напахнуться так что не смел. Узнал это он и пишет купцу письмо: «Слушай, купец, отдай мужикам рабочим по три рубля денег. Я тебе приказываю. Такой-то Фома-воевода». А он (купец) записку получил да и не отдал денег.

Потом зима пришла. Фома пишет: «Отдай по канькам (валенкам) да по шубам мужикам, которые у тебя работают». Прочитает письмо купец и никому не объявит.

Год целый воевода предлагал ему. Потом собрал свою дружину, оборужил ю, надел ю шинелями, человек шестьдесят, и отправился к этому купцу. Приехал к купцу ко вечеру, заехал на двор и требует купца на двор. Зовет его по имени, по изотчины и говорит ему:

— Слушай, купец, нас послал царь, на тебя будет нападение в эти сутки или на этой неделе. Приедет Фома-воевода, он тебя убьет да разорит, твое место сожжет.

Обрадовался купец.

— Спасибо вам и царю-батюшку.

Заказал пицу что ни лучшую, приготовку очень хорошую для приезда солдат русьских для защиты купца богатого. Как поужинали ены и сели за столы за дубовые, и говорит воевода таково слово:

— Ну, садись-ка ты с нами, хозяин наш. Как что тебе было написано?

— У того ли воеводы со своей армией было писано мне, что дари деньгами своих работников, а как на зиму, обчем, обнадежь их и не обижай их, пожалуйста.

— Дак давал ли ты им деньги?
— Нет,— говорит.
— Давал ли ты им обувь?
— На кой черт! Наживут и самы.
— Ну, дак неси-ка сейчас на стол две тысячи.
— Да куда? — говорит.— Да у меня и нету тут.
— Да не доводи-ка до греха до большинского. Не хотел мужикам дать частиночки, дак мы всё возьмем.

Как заежился купец.

— Да что вы,— говорит,— да я не отдам никому, неужели вы тут деньги возьмете?

— Возьмем мы с тебя да две тысячи, а искать пойдем, дак и всё возьмем. А я ведь теперь Фома-воевода. Как я тебе писал свою грамоту, как не послушал ты меня, не отдал сотнями, дак давай сюды две тысячи.

Заежился купец да пошел запокрякивал, как принес да все денежки, да не хватило, дак добавил и товарами. А потом ены тихонько и поехали[...].

Досель было. Втымеж ведь разбойства было много.

191. СЕРЕБРЯКОВ

В селе Порецком (Симбирской губернии) Серебряков-разбойник жил; у него шайка была. Раз они управителя убили: уж очень он крестьян одолевал загоном скотины и притеснял всячески. Жил управитель на краю села, с женой и дочерью. Вот как-то среди дня присылают к нему разбойники мужика и наказывают с ним: «Жди, мол, нас, в такую-то ночь, в гости». Управитель мужику пригрозил, а сам на всякий случай строгий караул около дома поставил. В назначенный день, ночью (и лунная ночь-то была) восемь человек нагрянуло, кто с чем: один с саблей, другой с кинжалом; и кистени были. Управитель из окна завидел их, кинулся за саблей, да второпях забыл ее из ножен вынуть и выбежал; а они у крыльца затомошили. Выдернул, зачал саблей махать — палец одному отсек. Ну, а те не робеют, в двери лезут. Он опять в комнаты кинулся. Тем временем один

разбойник юркнул в сени следом, за дверь и спрятался. Как только управитель вышел, он ему на плечи сзади и сел. Возня началась. Другие подоспели, давай бить, выволокли на луговину (а ночь такая светлая, что урони иголку, и ту видно). Народ сбегался смотреть, а шаг ступить боится. Караульных и след простыл; а разбойники расправляются да кричат: «Не ворохобьтесь, с... дети! Не ваше дело!» — «Мы — люди подневольные, — говорят мужики, — в ответе будем». — «Неужто же он вам не надоел, управитель-то? Коли хотите — подавайте явки, а сюда ни шагу!» Так на лугу и закололи, а на крыльце все больше кистенями молотили. Вошли в дом, зажгли бумаги, какие были, хотели на огне хозяйку пожарить, чтобы показала, где деньги, только атаман не допустил, потому она на сносях была. Ушли. После, слышно, ловить их стали. В шайке той атаманом Серебряков был.

Его больше Безруким звали, потому ручной кисти у него не хватало и он кистень к мослу ремнем прикручивал. На Свяге у него стан был. В то время (с полсотни лет назад) по реке кустья большие росли, и говорят, будто две женщины к разбойникам пищу доставляли. Раз на пашне мужики ночевать легли под телегами, только видят — двое верховых едут по полю к ним. Один сошел, оперся на саблю и говорит: «Вы зачем, с... дети, наших изловили?» Мужики им говорят, что они люди подневольные. «Смотрите, — говорит, — как начнем вот вас косить, так узнаете!» А когда управителя резали, так пожаром стращали, говорили, что в одном месте зажгут, в десяти загорится (потому у них фитили).

После, сказывают, изловили Безрукого. Ткач один взял его. Сцепились они на ножах биться. Безрукий ударил ткача да угодил в подол рубахи, а ткач оцарапал Безрукому бок. Взял атаман, бросил оружие на землю и сдался. «Не в том платье меня застали», — говорит. Потом его бечевкой удавило на ешефёте начальство. Ткач-то, что его взял, знал: «Бей, — говорит, — меня!»

СИЛАЧИ

192. КУРГАНЫ-БОГАТЫРИ

На левой стороне Оби против Колпашево есть курган. Стоит на лугу. Топит его только в самую большую воду. Все утопит, а он стоит. На нем никакой лесинки не растет. От него в полкилометре — другой такой же курган. Рассказывают, будто в этом месте жили богатыри — два брата. А топор у них был один. И вот, когда понадобится топор одному — дров нарубить, он крикнет, и другой брат-богатырь бросит ему за полкилометра топор.

В курганах похоронены эти братья-богатыри.

193. БРАТЬЯ-БОГАТЫРИ

Давным-давно это было. Тогда, когда был царь на Русской земле Петр Великий... Дал царь Петр приказ, чтобы забрать со всей земли нашей богатырей, а этих богатырей засадить в крепости да и держать их там до войны, а как будет война, так и выпускать этих богатырей биться с неприятелем. И стали забирать на нашей земле всех богатырей, и стали сажать их в крепости...

Худое житье было в крепости, главное — воли нет, все взаперти, а где же богатырю сидеть на запоре...

И стали богатыри бежать в леса и далекие места, где бы их найти не могли.

Наше место тогда было еще очень глухое: всего-то десятка два домов, а кругом все лес да лес. Прибежало и к нам два богатыря в те поры. Были те богатыри родные братья. Звали одного Иваном, а другого Васильем. Порешили братья укрыться у нас. В деревне жить они побоялись, а задумали жить в лесу. Почему-то вместе жить братья не хотели. И вот, один, Иван, поселился здесь, на этом месте. Он-то и устроил тут каменный мост, вот этот самый, теперь он в воду просел, а мой отец его помнит еще поверх воды. Другой, Василий, поселился на Шапше-реке, отсюда верст десять напрямик будет. Каждый брат построил избушку, и стали жить. Каждое утро братья проведывали друг друга: выйдет один брат утром из избушки да и крикнет:

— Здорово ли, брате, поживаешь?

Ему на это другой крикнет:

— Всё добру-поздорову!

И начнут братья так толковать друг с другом. Вестимо, богатыри были, так и могли так далеко говорить. Долго жили тут братья, а потом царь всех беглых простил — они и ушли домой... Так вот что тут было...

194. ПРО НИКИТУШКУ ЛОМОВА

На Волге, в тридцатых годах, ходил силач бурлак, Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море. Плыл он раз по этому морю, и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо вострб. Товарищи уснули; ходит Ломов по палубе и посматривает; вдруг видит лодку с трухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть; трухменцы полезли из лодки на борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест, в руку толщиной, и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли — тоже. Те, что в лодке остались, пошли наутек, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал. «Что же ты нас не разбудил?» — «Да чего, — говорит, — будить-то? Я сам с ними управился».

В другой раз взъехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрязнули. Ему пора выезжать со двора, а те возов перед воротами наставили — ходу нет. «Пустите, братцы, — говорит Ломов, — я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!» — «Станем мы, — говорят возчики, — для тебя лошадей впрягать! Подождешь!» Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь; подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошую штуку сыграл. Идет как-то берегом, подходит к городу (уездному). Стоит город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся. «Чего вы, братцы, делаете?» — «Да вот такой-то купец нанял нас якорь вытащить». — «За много ли нанялись?» — «Да всего за три рубля». — «Дайте-ка я вам помогу!» Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать

пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать. «Ты зачем,— говорит,— им помогал? Я тебя рядил?» Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Те чуть не плачут. «Будет,— говорит,— с вас!» Сам ушел домой. Ломов и говорит: «Не печальтесь! Я с ним сыграю штуку; только после как деньги получите, водки мне штоф поставьте». Взял якорь на плечо и попер его в гору. Навстречу баба с ведрами попалась (дело было к вечеру), увидела она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала за́мертво. Ломов взошел на гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота. Вернулся к мужикам и говорит: «Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!» Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил. «Ну, братцы, кто меня перегонит? Идет на полштоф?» — «Идет». — «Я побегу бечевою, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние!» Ударятся бежать, и всегда Ломов выигрывал.

195. БОЙ КАЗАЧКИ С БОГАТЫРЕМ

Проявился раз в Москве богатырь; никто на бою с ним сладить не мог; только одна казачка в лавочке, на торгу сидела (сердце у ней разгорелось) и говорит: «Я с ним драться пойду!» Стали ее уговаривать: «Куда тебе?» То, другое, нет — пойду да пойду. Говорит казачка богатырю: «Хочешь со мной до́ разу биться?» «Пожалуй»,— говорит. Богатырь выпил в кабаке восемнадцать шкаликов, а казачка — всего семь. Вышли. Заклад был положен за богатыря двести рублей, а казачка сама за себя положила: за нее никто не клал. Стали конаться, кому первому быть. Выпало быть богатырю-бойцу. Вот он развернулся да как ударит — казачка посинела индо вся и упала; потом опамятавалась, пошла выпила восемнадцать шкаликов, сняла с себя всю

одежу — осталась только в одной рубашке, в коротеньких рукавчиках и говорит: «Ну, теперь стой! Я ударю». Тот говорит: «Да я тебя с ног сшиб, чего же биться-то?» — «Если б,— говорит, — ты меня убил, тогда так, а я еще жива». Ну, присудили сызнова им стать. Вот казачка развернулась да как ударит в самый хрип московского богатыря — так индо сердце на кулаке так и вынесла! «Вот как,— говорит,— по-нашему-то бьют!» Богатырь и не дрогнул. Все диву дались, откуда у казачки сила такая; а у ней муж был. «Не стану,— говорит,— я с такой жить. Какая ты баба? Ты меня убьешь, пожалуй!» Казачка и говорит: «Нет, я против тебя, моего закона, ничего не сделаю, все от тебя пере-несу». И зажили опять, а то было муж бросить ее хотел.

196. ПРО РАГНУ

За Рындозером есть деревушка Рагнозеро, километров двадцать от Рындозера. А название ее от Рагны пошло: там был один сильный мужичок такой — Рагна.

Из деревни той ходили в Москву на заработки — вяленцы катали, канавы рыли, шерсть били и на плотницки работы ходили, когда Москва строилась. Вот в это время они случились, когда там был кулачный бой. Из московских кулачников никто не мог победить одного варяга (они ведь отовсюду приезжали).

Вот эти мужички и говорят меж собой:

— Вот если бы был тут наш Рагна, он бы победил этого варяга.

Тут всё это слышали приближенные царя и донесли ему об этом. Вот царь приказал поймать этих мужичков и привезти их к себе. Они пришли, пали на колена (испугались, конечно). Царь им предложил садиться и предложил рассказать про Рагну — кто он есть?

— А вот,— говорят,— ваше царское величество. Рагна у нас такой есть, он на себе зараз принесет на семеро дровней весь провиант для полозьев, вязьев, копыльев (это будет около сотни пудов). Он бы мог и этого варяга победить вполне.

Царь этих мужичков задерживал как заложников и послал двух гонцов к Рагны. Когда приехали к Рагны, его не случилось дома, он рыбной ловлей занимался и дровни делал. У него была одна жена — старушка, детей не было.

Когда ее спросили, где ваш муж, она объяснила, что он ушедши в лес за провиантом для дровен. Им только предупредила:

— Когда придет с лесу голодный, то с ним не начинайте говорить, а то он вам навредит много, а когда покушает, тогда и разговаривайте!

Через немного времени из лесу явился Рагна, познакомились с незнакомыми людьми, поздоровался.

У хозяйки был приготовлен обед, он сел обедать. Когда он покушал, послы приступили к нему с допросом, а силу его видели, когда принес на себе дровни. Обратились к нему, что вот, имея такую силу, он должен по приказу московского царя ехать на кулачный бой. Ну, конечно, он дал согласие (как подчиненный московский) ехать в Москву.

Переночевали у него, утром предложили ему ехать с ними на лошадях.

— Вы поезжайте, — говорит, — а мне старуха стопит баню, я вымоюсь и на лыжах вперед вас буду в Москве.

И он, действительно, сходил в баню, вымылся и отправился в Москву прямо лесом на лыжах. И на лыжах он почти на полсутки раньше попал в Москву их. Раньше дороги были плохие, а пока там они доехали, он напрямик через лес на лыжах.

Через день-два состоялся кулачный бой. Он варяга этого победил и даже расшиб совсем его. Тогда царь спрашивает:

— Что тебе надо в награду?

— Ничего мне не нужно, ваше царское величество, только дайте мне наше озеро в вечное пользование, чтобы никто там и рабы не ловил, кроме меня, и правов не имел.

С тех пор и пошло Рагнозеро [...].

Раз ночью напали на него разбойники (они у него рыбу ловили в озере, воровали), так он их всех прикончил, кому руку, кому ногу оторвал, всех покалечил, с тех пор его никто и не трогал.

197. РАХ РАГНОЗЕРСКИЙ

Это в старое время было, в Ленинграде. Приехал, значит, из Англии борец, силач, в общем. И вызывает, значит, что есть ли у вас такой богатырь, чтобы со мной бороться. Нашему царю предъявляет. Вот царь дал приказ по всему государству, чтобы выписать борца; в общем, на поединок чтобы мог выйти. Ну, и попало это дело сюда, в Рагнозеро.

Вот, сельсовет тогда вызывает в Куганаволок,— тогда в Куганаволоке было правление, а рагнозеры были нашего сельсовета, Куганаволокского. Ну, значит, Рах Рагнозерский изъявил желание съездить в Ленинград, побывать. Вот, тогда сообщают, конечно, царю, что изъявил желание. Царь тогда посылает сюда генерала за ним, чтобы увезти его. Вот, генерал приехал, значит, на подводы в Рагнозеро, на лошади. Снег уже выпал. Парой приехал, чтобы увезти этого Раха в Ленинград (тогда ведь дорог железных не было).

Вот приезжает генерал в деревню Рагнозеро и спрашивает: «Где здесь, — говорит, — Рах Рагнозерский?» — «Да есть, — говорят, — такой, здесь стоит, а самого нет дома». Ну, деревенская баба увидела генерала, немножко острашилась, что приехал в таких погонах золотых. «Да как скажите, — говорит, — гражданин, на что он вам нужен?» — жена спрашивает. «Да, в общем, приедет сам, я поговорю. Нужно, — говорит, — царю». — «Так его, — говорит, — не знаю, как титло ваше, — его, — говорит, — дома нету, ушел в лес. Ну, наверно, скоро будет из лесу». — «А чего он ушел в лес?» — «Он, — говорит, — занимается мастерством, дровни вяжет. Есть-то как-то надо. У нас, — говорит, — здесь заготовки, дровни нужны».

Вот жена наливает самовар. «Уже время-то. Должен, — говорит, — скоро прийти». Посмотрела в окно и говорит: «Вот и идет». Генерал: «Где, — говорит, — покажите». — «А вот, мол, там, видишь?»

Лес, как остров, поднялся. «Так там, — говорит, не человек». — «Нет, — говорит, — человек катится на лыжах, везет материала на дровни, на сорок штук: полозья, копылья, вязье, нащепы, одним словом, на сорок штук дровен». Он посидел у окошка и головой пошпал: как остров, столько у него навалено на плечи.

Прикатил к дому, дак ажно дом задрожал! Это с плеч бросил на землю. Лыжи сынок сдернул, захватил за угол хату и сунул туда. Значит, никто не унесет. Заходил Рах Рагнозерский в помещение, поздоровался с этим: «Здравствуй, гражданин». (Ну, мужик деревенский, не знает тут ни титула, ничего.) Жена подняла самовар на стол и принесла три буханки хлеба. Пока Рах пил три стакана чаю и три буханки хлеба съел. Генерал смотрит. (Вот аппетит был у старика.) Посматривал генерал, глядит долго на него, любитесь, а он еще два выпил, без хлеба хотя, а выпил.

Когда вышел из-за чаю, генерал и говорит: «Ну вот, Рах Рагнозерский, я приехал на пары лошадей за вами. Вам было извещено у царя и сельсовет известил. Приехал заграничный силач, ищет поединков, помериться силой, выйти на поединок. Ну, как вы изъявили желание, так я и за вами приехал». — «Я, — говорит, — согласен, да только вам меня не увезти. Пары лошадей делать нечего». — «Ну, я могу, — говорит, — нанять и тройку». — «Все равно не уехать; и на тройке не уехать. (Вот силач-то какой.) Ну, вот что, — говорит генералу. — Вы поезжайте, я за сутки буду там, на лыжах приеду». Он говорит: «Семь дней ехать!» — «О, — говорит, — так я вперед вас попаду». — «Ну, дак вы, — говорит, — торопитесь, я на свое число буду». Ну, и прожил он пять дней — пусть генерал съедет, семь дней пройдет.

Ну, и вышел Рах Рагнозерский, смазал свои лыжи. Пришел тот день, когда ему нужно отходить, ну и пошел. Когда он уже прибыл в Ленинград на лыжах, обращается — к дворцу прикатил. Там, значит, часовой стоит. «Кто вы, — говорит, — такой?» — «Я есть Рах Рагнозерский, прибыл по приказу царскому. Какой, — говорит, — здесь иностранный хват приехал, ищет выйти на дуэль, так вот я изъявил желание посмотреть этого иностранца, что он за человек». Ему, конечно, отвели помещение. Ну, там доложили. «А вот мне, — говорит, — лыжи надо убрать». — «Так вот лыжи ваши мы уберем куда-нибудь». — «Нет, этого мало». Пятиэтажный дом стоит рядом. Он подходит, берет за фундамент, взял и сунул лыжи туда, под дом. Этот часовой стоит и думает: «Пятиэтажный дом одной рукой поднял».

Вот на второй день, значит, приехал иностранец. Значит,

требует: «Давайте, я приехал измерить силы. Найдется,— говорит,— в России такой человек, который мог бы со мной справиться».

Вот, когда уже приводят Раха на дуэль, где уже нужно им бороться-сходиться, то этот молодец-бахвалец стоит, хвастает: «Ох, мол, знаешь, ха-ха-ха, я ему сейчас покажу. Я,— говорит,— все государство объехал, а тут деревенского какого-то мужика поставили. Ну, не знаю, что русский мужик со мной справится». Рах Рагнозерский посмотрел на него немножко так: «Рано,— говорит,— молодой человек, бахвалишь! Попосле,— говорит,— будем рассуждать». Ну, стали сходиться два молодца. Рах Рагнозерский раздевает себя, а одна рубаха домотканая, крепкая (раньше, знаешь, в деревнях ткали, дак своей работы). Вот, значит, захватил Рах Рагнозерский его в свои руки и говорит: «Ну что, говорит,— если подниму, да на этой панели тебя хлопну, то один пепел от тебя останется».

А царь уже стоит, вся свита — полно, раз на дуэль выходят. Обращается Рах Рагнозерский, хоть деревенский мужик, к царю: «Дак вот,— говорит,— ваше величество, вы дайте мне такую бумажку, что если я, в крайнем случае, его не сдержу и убью, дак мне не отвечать, если что получится, несчастный какой случай, если не выдержит моего, в общем, удара». Но когда он получил этот документ, тогда подходит.

Схватились. «Как,— говорит,— желаешь бороться, на одну ручку или в обхватку?» — «Я,— говорит,— всяко умею». Обнял его, значит, Рах: «Ну, бери,— говорит,— а то жди меня. Ну, давай,— говорит,— начинай!» Он было взял Раха Рагнозерского — ни поднять не может, ни пошевелить не может,— брызгун, который хвастал. «Ну, значит, что, все? Ну,— говорит,— все слушатели и зрители, смотрите, как русский Рах будет поднимать, деревенский мужик Рагнозерский».

Все глаза-то бпили, смотрят на этого несчастного хвастуна. Рах его как поднял, как не сдержал, бросил об землю — сразу насмерть. Тут все закричали. Значит, погиб, ну и отвоевался, Богу душу отдал. Тут его прибрали и сообщили туда, за границу: на дуэли, значит, ваш боец погиб от сильного удара, потому что рано похвастал, Рах его поднял и не сдержал, так его потрянул, что у него все легкие отскочили к черту.

Ну, царь его, конечно, поблагодарил и дал ему такое поощрение: Раху Рагнозерскому свободно, значит, земли брать; снял все налоги, наградил еще деньгами за то, что он погубил иностранного хвастуна. Ну, вот теперь, в настоящее время, распростился Рах Рагнозерский с Ленинградом, стал опять на свои лыжи и за полсуток вернулся домой к жене с деньгами. И вот, в настоящее время живет. Только по просьбе, если государь затребует куда, приезжает. Вот какую имел Рах Рагнозерский силу.

198. СИЛАЧ ИВАН ДУРОВ

Не у нас лично в деревне, а вот в теперешнем нашем Вытегорском районе, вот в Алмозере, был старичок Дуров Иван, и он — Александрович, по-моему. Вот я слышал о том, что говорили, что он лично на свой жилой дом наносил лесу на плечах и тем более еще нарубил в казенной даче.

И вот на его, значит, за то, что он нарубил без разрешения в казенной даче, лесник подал на суд.

Вызвали в суд этого мужчину. Он прошел, значит, его спрашивают:

— Вот как вот вы смогли в казенной даче нарубить лес и себе на дом?

А он леснику задал вопрос:

— А вы,— говорит,— видали, чтоб на лошади было въезано в казенную дачу или нет?

Тот говорит:

— Нет, не видал...

— А как же вы вот говорите, что я навозил лес?

Говорит:

— А вынесен,— говорит,— лес (или как, я не знаю) из казенной дачи, но факт тот, что лес срублен, вот.

А тогда он судьям задает вопрос:

— А граждане судьи,— говорит,— за вынесенный прут из казенной дачи судят или нет?

Они говорят:

- Нет.
 — Да я,— говорит,— выносил прут, а не лес.
 Вот такое я слышал, случай был...

199. ИВАН ДОНСКОЙ

У нас Иван был, по отцу-то я его не знаю, а знаю, что Иван человек был порядочный, на крестьянстве всё жил. От здумалось ему сходить попробовать силы своей и пошел в Москву пешком. Пешком парень ходил, так было слышно, что по сто верст в сутки шел. От когда боролись в Москвы, он приходил на эту самую борьбу — и никто с ним справиться не мог. Который главный боец пошел с ним на выскочки, так он так его пихнул, что переломил ему ногу о больер. Ударил так, что у этих борцов взял у всех верх, никто стоять с им не мог.

Пошел он домой обратно и вот слышал, что два брата есть сильных в такой-то деревне, одного звали Василий, а другого — Алексей. Пришел в эту деревню, расспросил, что где ты два брата сильных, там ему сказали, что в таком-то доме. Он заходит в этот дом и спрашивает:

- Здесь Василий есть?
 — Есть.
 — Алексей есть?
 — Есть.
 — Как бы мне их повидать?

Говорят:

- Иди, они в коженной, кожи работают.

Он с дороги бросил свою сумку и побежал, не терпелось, что за таки молодцы. Приходит в эту кожанку:

- Здравствуйте, Василий и Алексей!
 — Здравствуйте, здравствуйте, как ты нас не видел, а по имени-отчеству величаешь.

- Та вот, просто так я расспросил.
 — Ну вот, садись с нами беседовать.

Он к им поприсел на беседу ихню. Вот старший брат был тоже в Москве, но только не заметил это Донского, никак не мог

опознать. И вот разговариват эти два брата. Вот говорит:

— Васютка, я был в Москве, и приходил с деревни откуль-то мужик, что всех оборол.

Но, а этот Васютка, от как я, сидел на месте, и была у него воловья кожа в руках, и он вгорячах всю порвал и говорит:

— Вот бы как я его поборол.

А Алексей говорит:

— Ну да, Васютка, тут было такого, что самому старшему борцу ногу сломал.

А этот Иван Донской не вытерпел:

— А давай поборемся!

Васютка говорит:

— Хоть здесь, а то пойдем в деревню, давай здесь.

— Нет, давай пойдем в деревню,— одно говорит Иван.

Когда они вышли в деревню, уже вечер стал, народ весь позобрался домой с работы. Вот они вышли бороться на улицу и так крепко обняли друг друга, что было даже глядеть страшно. Но все-таки Донской поборол Василия.

— Но когда ты меня поборол, Ваня, вот тебе на дорогу хлеба.

И с тем разошлись [...].

У Донских колодец чистили, под самым окном был, и ныне есть у них на месте. Нарывали землю в ушат, он нарывал, а люди волокли. Когда веревка сорвалась над самым верхом, не успели за ушат взять, ушат оборвался обратно. Когда пал, ударил в акурат ему в голову, так что вылетело дно с ушата. Наверху стоявши, думали: придавит его, а он кричит:

— Что вы вздумали, дно ушата сломали.

Стоявшие (наверху) и говорят:

— Стальная голова.

200. МЕНЬШИКОВЫ

В деревне Черной Меньшиковых два брата было, один побольше, другой помене ростом, постарше — повыше, поменьше — пониже. Иван да Антон, еще в Муром ходили, бороться. Жили мужики на крестьянстве, два брата, очень хорошо жили, старуху матку содержали. Эти ребята славились так, что с Нов-

города приехали борцы к им даже на дом. Эти борцы когда приехали в деревню, расспросили, где Меньшиков брат Антон и Иван. Им сказали, что вот в таком-то доме. Приходят в квартиру два борца новгородских, были одни ребяташки в квартире и старушка старая, мать ихняя, сынов.

— Где,— говорят,— Антон и Иван у вас?

А говорят:

— У Долгого озера лен мочат.

Этим молодцам не терпелось:

— А как бы нам туда попасть?

— А полтора километра, ну, а может, желаете, ребята сведут?

Они ребяташкам дали на полфунта пряников, десять копеек, ну, а ребята, знаешь, ребята сейчас их.

— Ну, дяденьки, пойдем сведем, сведем.

Вот ребята их повели, привели их в этому озеру Долгому.

Они и спрашивают:

— Меньшиковы-братья здесь?

— Здесь,— говорят.

— Антон и Иван здесь?

— Мы сами, ну так проходите, проходите. Так в чем дело-то, к ночи пойдемте-то к нам.

— К ночи-то к ночи, а вот приехали побороться с вами.

— Так вот маленько-то умеем бороться, вот мы боремся только на одну руку, один из братьев принимает, а другой подават.

— Которого облюбует?

Меньшого облюбовали.

— Ну давай, хотя с тобой сходимся.

— Ну, давай, давай. Ну так, поборемся с нами, а потом пойдемте к ночи к нам.

Ну, когда этот Антон пошел, когда набросил руку на шею своему товарищу новгородскому, так тот сразу почувствовал, что такой руки не слышал, быть побороту.

Пошли, повели; два раза обвел — ну держись, товарищ. Так не успел разглядеться, как низу попал, так он его хлыстал.

— А у меня,— грит,— сердце чувствовало,— и на низ попал.

И не пошли они к ночи, от стыда пошли.

РАЗБОЙНИКИ

201. МАШЕКА

На том месте, где теперь Могилев, стоял темный непроходимый лес, непроницаемый для солнечных лучей, от которого и Днепру было тесно, а Днепр в это время был широк и сердит. В этом лесу жил страшный разбойник, которого звали Машекой. Он обладал такой исполинской силой, что одной рукой останавливал экипаж с восьмериком лошадей на всем скаку и одним разом вырывал большие сосны, а ходил он в медвежьей шкуре, шерстью вверх. Не такой тогда был народ, как теперь, много было силачей, но все трепетали Машеки и пять десятков ничего не могли сделать против одного. Машека наводил ужас на все окрестные селения. Несмотря на то, что люди жили тогда большими селами, он безбоязненно входил в каждое село и брал, что ему было угодно. Везде добровольно отворяли ему ворота, лишь бы только оставил душу в теле. Не раз выходили против Машеки целыми полками, но он жил в такой непроходимой чаще, что никто не находил не только его берлоги, но и дороги

назад, и все или умирали голодом, или были убиваемы кистенем.

Но и на Машеку пришла гибель. Чего не могли сделать сотни людей, то сделала одна женщина. Однажды по дороге через лес ехала плетеная, запряженная восемью лошадьми брика, в которой сидел молодой мужчина с прекрасной женщиной. Вдруг явился Машека из-за огромной ели, мигом остановил брику и отправил на тот свет кучера, так что он и оглянуться не успел. Сидевший в брике, видя, что дело идет не на шутку, выхватил саблю и со всего размаха ударил Машеку по голове, но сабля переломилась о стальную щетину, а мужчина прирос к своему месту от одного удара разбойника. Но при взгляде на женщину Машека стал как вкопанный. Он узнал в ней старую знакомую. Она-то, отвергнув его любовь, и заставила его подружиться с буйным ветром. Оправившись от изумления, Машека взял в свои лапы полумертвую от испуга красавицу и отнес в свою берлогу. Здесь она очнулась, сразу поняла свое положение и составила план, как бы погубить изверга. Она притворялась кроткой, так что разбойник совершенно ей поверился. Однажды он беспечно заснул при ней крепким сном. Она осторожно достала огромный нож — и кровь хлынула рекой из разрезанного горла изверга. Совершив это дело, красавица как-то вышла на дорогу, пришла к своим и показала им проклятое место, на котором с большим поруганием зарыли труп того людоеда, и называли оное могилой льва.

Недалеко от того места нашли большой бугор или гору, которая вся была облита кровью и усыпана костями невинных жертв зверства Машеки. После Машеки здесь жило еще много разбойников, для истребления которых владения сим краем князя назначили это место для ссылки преступников. Ссылные мало-помалу вырубали лес и через то прогнали разбойников. Впоследствии на этом месте основан город, который или от множества могил убитых разбойниками людей, или от могилы льва Машеки назван Могиловым.

202. ЗЛОДЕЙ ЗЕЛЬНИН

Про Зельнина рассказывают, что он раз зарезал женщину в лесу ни за грош. Шла через лес беременная баба, навстречу той бабе Зельнин-разбойник. «Здравствуй, баба!» — говорит Зельнин. «Здравствуй, батюшка». — «Узнала ты, баба, меня?» — «Нет, кормилец, не признала». — «Я Зельнин!» Баба так и обмерла да в ноги. «Батюшка! У меня ничего нет; возьми одежду, какая есть; отпусти, пожалуйста; не меня однупустишь —пустишь еще душу, душу, что у меня в утробе: я беременна». — «Давно я искал беременной бабы». — «Да на что ж тебе, родимый, беременная баба?» — говорит, перепугавшись, та баба. «А посмотреть, как младенец в утробе своей матери сидит, как он там находится». — «Батюшка! Кормилец!» — «Да что толковать!» Хватил Зельнин бабу в брюхо, пропорол живот бабе да и стал смотреть, как лежит младенец в утробе своей матери, а, на беду его, ехал обоз — ну и застали молодца на деле: скрутили руки назад да и в острог!

Приходил народ в острог, спрашивали у Зельнина: «Как младенец во чреве своей матери сидит? Как он там находится?» — «Вот так!» — скажет Зельнин и скорчится, показывает, как младенец сидит; скорчится, засмеется — и пойдут его корчи ломать, ломать самого Зельнина; и до самой смерти сидел Зельнин в остроге, как помешанный. А и смерть его была нелегкая: суд присудил Зельнина повесить. Когда сказали Зельнину, что суд присудил, то он только засмеялся, как будто это дело несбыточное. «Ну это еще посмотрим, — говорит Зельнин, — кто кого повесит: или меня, Зельнина, палач Камчатников, или я, Зельнин, того палача Камчатникова!»

В то время палачом в Орле был орловский мещанин Камчатников. Услыхал Камчатников про похвальбу Зельнина. «Ну, — говорит, — посмотрим! Бог не выдаст, говорит пословица, свинья не съест!»

А знал Камчатников, что Зельнину трех здоровых мужиков на одну руку было мало... Зельнин силачом по всему городу слыл. Пришло время Зельнину расплачиваться за свои тяжкие грехи; сперва повели его в церковь, исповедали, причастили святых тайн; после дали в руки толстую желтого воска свечу и

повели на виселицу его за большим караулом; как ни хвастался Зельнин своей силой, а пришло дело к расправе — задрожал; пока шел из церкви до виселицы, все руки воском залил. Пришел к виселице, взвели его на рундук, который был поставлен спереди виселицы... а народу собралось весь город; сам воевода приехал смотреть, как палач Камчатников будет с Зельниным поступать.

Когда взвели Зельнина на рундук, Камчатников, не трогая еще Зельнина, закричал громким голосом: «Господин воевода! Прикажи мне над ним свою волю взять!» — «Когда он тебе даден в руки, — отвечал воевода, — то воля твоя с ним, как хочешь!» Тогда Камчатников вынул из кармана припасенную веревочку, сложил Зельнину руки ладонь к ладони, пальцы к пальцам и перевязал ему пальцы попарно, потом надел ему на голову шнурок, а после петлю и толкнул его с рундука. Зельнин рванулся всей силой — думал веревку перервать. Тогда был закон такой: кто с виселицы сорвется, тому все прощалось. Но как Зельнин ни силен был, веревки все-таки не оборвал; палач Камчатников за похвальбу на него сердит был и веревку припас крепкую; так и кончился Зельнин.

203. АХМЕТ

В Астраханской губернии, Бирючинского уезда, при озере Черном был аул Насалат. Жил в нем один калмык, у него сын был Ахмет. Отец имел богатство: триста лошадей дойных: завод кумысный был. Когда Ахмет был мал, отец его к работе принуждал. Не хотел заниматься Ахмет; отец начал бить его, принуждать. Раз Ахмет скрылся и ушел на Бирючью косу. Жил на ней три года; собралась шайка, и начали разбойничать. Мало-помалу стали шхуны убирать, рыболовов убивать. Ахмет научился всяким хитростям. «Ахметка у нас хитрый!» Так все и знали. Вся шайка сказала, что надо нам атамана. «Да кого же?» Думали, гадали. «Выберем Ахмета: он всех хитрее». Взяли, сделали его аманом. Стал он распоряжаться, люди стали прибывать: набралось до сорока пяти человек.

В то время случилось в Ставропольской губернии бунтовство: прошел ей мимоходом Стенька Разин с своим войском. Заслышал Ахмет про это дело, погнался за Стенькой; не застиг на дороге, допустил его до города Астрахани. В Астрахани городок был плох: весь разбит Стенькой, и не мог Ахмет справиться. Расхрабрился Ахмет и так горячо со Стенькой поступил, хотел показать ему путь-дорогу назад; ну, не тут-то было! Стенька сам был хитер: он пымал Ахмета в руки и отпустил в ж... двадцать пять плетей, и сказал ему: «Еще ты, брат, не атаман! Куды тебе на меня лезть? Так, упорством хотел взять, воротись-ка назад». Ахмет с досады воротился назад и пошел селами, стал зорить крестьян. Заслышал про это Стенька, послал своих войсков за Ахметкой в погóнь. Ну, счастье было такое: на берегу стояла лодка. Ахметка бросил своо коня, сел в лодку и пустился вниз по Волге. Делать было им нечего, на воде никак не пымать. Наимался Ахметка страсти.

Пошел раз на разбой, попадаться ему перва встреча, сорока пяти годов женщина брюхата. Он взял ее за ноги и подвязал к осине; разрезал брюхо и смотрит, как в животе ребенок лежит. Не пронялось этим дураку и не видал, что позади народ стоит. Окружили Ахметку. Он бабу бросил и пустился сам бежать. Скрылся одним счастьем: попался ему медвежий берлóg; он залез в него, пролежал трое суток. Так голодом показалось невкусно: своих товарищев забыл. Вылез оттуда и думает: «Неужто я жив остался?» Пришел домой — изба стоит холодная. «Эх, где-то мои товарищи? Все меня бросили, ну, да я и один стану охотничать: где гусь, где утка с ногами и руками, с человечесьей головой».

Вдруг является к нему средний мужичок. «Здоров ли, Ахмет?» — «Экой, мужик, ты дурак! Какó здоровье! Ты мого горя не знаешь: я четвертый день не жрамши!» — «А где твоя шайка?» — «Не знаю». — «Они на Бирючью косу ушли, и я к ним пробираюсь: не возьмут ли?» — «Доведи меня до них, хоть бы кусок хлеба дали». Мужик повернулся и сказал: «Ступай за мной!» Шли полтора дня; никаких сел не видали; вошли на Бирючью косу. Стояла на рыболóвля; подошли к рыболовам и с милостью кусок просили. Когда рыболовы узнали, что это Ахметка, закричали в голос: «Бей его, сукíнова сына!» Прогнали, чуть домой доплелся.

Ну, разбойники увидали, приняли к себе. «Где ты, Ахмет, был?» — «Ну, я в руки мужицки попал, еле жив остался. Дайте поесть!» Собрали ему обед. Он наелся, напился и вздумал отдохнуть. Видит во сне, что торчит на колѹ его голова; вско-чил, испугался и думает: «Неужто кто меня пымѹт?» Вдруг к вечеру шум и гвалт, окружило ихний дом множество народу; переловили всю шайку и отправили в острог. Нашли спрятан-ного Ахметку, отрубили ему голову и надели на кол.

204. НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Въехала на постоялый двор барыня с своим кучером, а кучер здоровый такой; а хозяин-то с сыновьями разбойничал. Ворота за ними заперли, и слышит барыня, что они промеж себя переговариваются. Говорит барыня кучеру: «Я,— говорит,— в повозке лучше лягу». — «Нет,— тот ей говорит,— не бойтесь! В повозке я лягу, а вы ложитесь в избе». Лег он в повозку; разбойники это видели. А он в нее наложил одной одежи, а сам под повозку залез, ждет. Подошел ночью один разбойник с ножом и ну в одежду тыкать, а кучер выскочил из-под повозки да как свистнул его шишкой от безмѹна, у того и дух вон. Снял с разбойника чѹрес (пояс), все деньги оттуда вынул, а самого за поленницу дров засунул и спать лег. Утром хозяин ходит да посвистывает: «Жучка, Жучка!» — «Что, хозяин, собачку, что ли, потерял?» — «Да! Да собака-то не дорога, а ошейник дорог». И стал после того кучер и с деньгами, да и разбойника-то убил. Весной его только за поленницей нашли. Поутру встала барыня и уехала целехонька; а убили бы его, и ей бы живой не быть.

205. ЧУДЬ И ЛИТВА В ВАЛДИЕВЕ

Рассказывают, что раз у начальника чуди тяжело заболела любимая жена. Немедленно были призваны волшебники и удачно излечили больную.

В награду за труд начальник позволил волшебникам просить у него что угодно. Тогда один из них попросил начальника позволить ему отнять у живого мужа жену, отличную красотой. Начальник позволил.

Но законный муж, не стерпевши обиды, ушел из дома и поклялся отомстить своему врагу.

Поживши некоторое время в Литве и научившись всякому волшебству и чародейству, оскорбленный муж набрал себе шайку разбойников и повел их на свой край, в надежде отомстить своему оскорбителю.

Идя по дороге, шайка разбойников везде грабила жителей и жгла селения. Слух о приближении разбойников до жителей Валдиева дошел слишком поздно.

Тогда валдиевцы собрались в одну избу и начали гадать на лопате бараньей печенкой, и, узнавши из гаданий неизбежную себе гибель, обмочили печенку трижды в воде, и, оставив ее на столе, сами скрылись около дома в хмельнике, а иных послали в лес.

Разбойники, придя в Валдиево, направились к дому оскорбителя их атамана; но, зашедши в дом, нашли его пустым.

Тогда один из разбойников, заметив на столе баранью печенку, стал внимательно ее осматривать и затем сказал, что хозяева ушли из дома до их прихода за три зари, но другой ему на это возразил:

— Нет, печенка эта три раза обмочена в воде, а хозяева находятся недалеко от дома.

Тогда разбойники бросились в хмельник, хозяев и находящихся с ними в хмельнике убили, а дома их разграбили и сожгли.

Таким образом, все язычники в этой местности были истреблены.

206. РАЗБОЙНИКИ С ХЕДОСТРОВА

В деревне Исаковской (в Чёлмужах) жил богатый обельный вотчинник Чиров; поколение его ведется до сих пор. Чиров промышлял продажей рыбы и мяса на Свири и в других местах. Однажды, летом, он ехал со своим товаром по озеру Онегу и, за безветрием, должен был пристать к острову Хедострову, в пятнадцати верстах от Чёлмужского погоста.

На оконечности острова промышленники увидели дым и полагали, что здесь стануют теперь кузарандские рыбаки; между тем их встретили человек десять здоровых и крепких молодцов, вооруженных с ног до головы.

Атаман шайки Попов отличался высоким ростом, крепким сложением, одет был в красной рубашке и плисовых штанах.

Узнав Чирова, он стал требовать с него денег; но обельный обещал рассчитаться по приезде домой, уверяя, что при себе денег нет.

На другой день, по возвращении Чирова в свою деревню, атаман послал предупредить его, что будет к нему в гости и вместе с тем проведать, кто будет в деревне из мужиков.

Чиров все свое серебро припрятал в подполье, под завалину. Явился Попов с товарищами и начал требовать денег; Чиров, разумеется, отвечал, что денег нет; впрочем, он сказал правду, потому что старуха, жена его, взяла спрятанное серебро и сама куда-то убежала из дому.

Разбойники обшарили весь дом и только в подполье нашли кадку с медью, но этим они не удовольствовались. Атаман приказал принести веников, которые начали жечь на спине Чирова; при этой операции он тотчас сознался, где спрятал серебро. Но когда злодеи серебра не нашли, то снова повторили свою пытку и таким образом замучили Чирова. Обмыв мертвое тело, они вынесли его из избы и положили на берег, а сами с награбленным добром отправились обратно в свой притон.

Надобно сказать, что в этот день в деревне никого из соседей, кроме ребят и старух, не было; все они находились на сенокосе, и потому разбойники безопасно могли распоряжаться в доме Чирова.

207. РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА

Давно это было. Вот между Черной слободой и Ковжским озером пролет назывался Ковжским волоком (там есть озеро Калозеро на самой дороге). За этим за Калозером жил бандит; у него была сделана пещера; от дороги на каком расстоянии? — конечно, ну, порядочно. Значит, он там жил все время, этот бандит. Он грабил людей, тех вот, которые раньше ходили в бурлаки и возвращались пешком по дороге. А выходит с кинжалом, одиночного человека, значит, как бы арестовывает туда к себе, в пещеру, и уничтожает там. И это продолжалось долго-долго, десятки лет, наверно, было...

Но вот в один прекрасный момент тоже одного мужчину, значит, он арестовал, доставил туда. Ну, вот в пещеру привел, нажарил картошки, его посадил за стол, подал вилку, говорит: — Жри последний раз!

А сам кинжалом, которым убивал людей, эту картошку, значит,— и в рот. Ну, тот чувствует, что умирать так и так (да и парень, видимо, хороший попался), ну и следил.

А этот бандит уже настолько обнаглел, что даже не следил за своей жертвой. Ну, он как кинжал поднес ко рту, бурлак как рукой ударил в кинжал, дак бандит сунулся на кинжал. А этот — хода, побег. Побег из этой пещеры.

Значит, год они ничего о нем не знали. Этот парень ушел домой, через год пошел в бурлаки и обратно, значит, угодил на квартиру ночевать к тому человеку, который был связан с бандитом, в Бурковском.

Ну, а вот как бурлак спрашивает у хозяина:

— Я слышал, что у вас тут на волоку неблагополучно, грабят людей?

А тот говорит:

— Да этот год не слышать ничего.

«А, год не слышать ничего, значит, этот человек что-то знает о нем».

Бурлак стал допытываться как что, значит. Дошли до того, что тот рассказал, что бандит этот у него продукты брал, все прочее.

А бурлак говорит:

— А были ли у него деньги?

— Деньги, да; очень много было денег. Деньги у него,— говорит,— хранились в кожаном ремне под рубашкой.

Ну, этот ничего себе не сказал, что он его уколошил там. Пошел: упал, так тут и лежит, никуда, конечно, куда...

Ну, деньги снял; сколько там было — неизвестно; но вернулся, к этому старику вернулся, и дал ему пятьсот рублей. Это в то время были большие деньги — пятьсот рублей.

А этот мужик разбогател, выстроил хутор, на хуторе жил и больше в бурлаках не бывал (там денег Бог его знает сколько).

Вот грабеж этим и кончился, что этого бандита уничтожили. Ну, а пещеру эту (может, останки сейчас какие есть) никто не знает, потому что и хозяин тот не знал, а бурлак, Бог его знает, откуда он и был.

Это самая настоящая быль. Это рассказывал моему отцу, значит, сын того отца, который вот был с ним (разбойником) связан.

208. НАУМКО И РАЗБОЙНИКИ

[...] Один из[...] грабителей, по имени Наумко, бродя туда и сюда, по неизвестному случаю попал в местность Валдиевского прихода. Место это ему так понравилось, что он бросил свое прежнее ремесло и с несколькими товарищами поселился здесь, при озере, где ныне деревня Шестовская.

[...] Однажды Наумко был в поле и сеял жито, в это время мимо его полем проходила шайка разбойников. Увидев мирного пахаря, разбойники вздумали над ним позабавиться и забросили на поле камень, причем сказали:

— Ну, Наумко, обарывай, то есть объезжай этот камень век.

А Наумко с гневом схватил этот камень и бросил его на прежнее место, сказав:

— Пускай лежит, где прежде лежал.

(Камень этот, весом около пятидесяти пудов, лежит и по настоящее время подле огородов, под горой, по дороге в урочище Лычное, на левой стороне.)

Видя такую необыкновенную силу Наумки, разбойники при-
смирели и повели разговоры уже в мирном тоне. Они расспра-
шивали Наумка, отчего в деревне дым в такое позднее время...
Наумко ответил, что это варят Георгию сусло.

— А дадут ли нам сусла? — спросили разбойники.

Наумко отвечал:

— Наперво помолитесь Богу да Георгию и поешьте хлеба да
щей, тогда и сусла дадут.

Тогда атаман с раздражением сказал:

— Мы тебе нас... и во щи-то.— И пошли дальше, по дороге к
Вельску.

А Наумко, не стерпевши обидного слова от атамана, возвра-
тился домой, собрал всех своих односельцев и с луком в руках
погнался за разбойниками, и нагнал их на дороге, не доходя до
Вельска четырех верст.

Разбойники, в числе сорока человек, сидели под сосной и
играли в карты. Тут Наумко натянул свой лук и пустил стрелу в
атамана, но стрела попала в сосну.

Атаман, видя, что с ним народа довольно, вынул стрелу из
сосны и с насмешкою сказал:

— А, да ты, Наумко, я вижу, горяч и такого-то пустого слова
не стерпел, так теперь уж пеняй на себя, мы с тобой рассчи-
таемся!

Но Наумко опять натянул лук и — при словах: «На-ка, эту
вынь!» — пустил стрелу прямо в затылок атамана и убил его до
смерти; прочие разбойники были перебиты, а другие убежали в
лес.

209. РАЗБОЙНЫЕ ДЕРЕВНИ

Мой покойник отец много раз ходил в бурлаки в Петроград,
в Шлиссельбург. Ну вот, шли пешком артелями целыми. А там
есть на волоку деревня, Травяники — Бараны называется, две
деревни они, такие небольшие, конечно. И в этих Травяниках и
Баранах всегда людей убивали. Ежели один-двое идут, все

равно никак не отпустят живого — убьют и свезут в лог (недалеко от деревни был лог такой, глубокий, лесной), в этот лог бросят — и все в порядке.

Ну, у нас это был богатый человек — Клинков с Реки. Он часто ездил в Петроград, возил туда птицу, рябчиков, ну, полевку, глухарей мороженных и тушки зайцев возили туды. У него, конечно, были работники, с ним тоже ездили. Ну, их всегда лошади три-четыре-пять собиралось.

Однажды вот на этом волоку перед деревней Травяники их повстречали трое разбойников. Ну, просто разбойники не разбойники, а жители тех деревён. Ну вот, потребовали, говорят:

— Выходи, дед, давай выворачивай карманы.

А он говорит:

— Давай, голубчик, только я сойду да тулуп сниму и вам карманы выверну, берите, что есть у меня.

Вот он тулуп снял, карманы бросил на воз. А те подошли и стали у него шарить. Он захватил одного в руку, другого — в другую, ударил лбами и этим дело покончил. Зашиб их там до полусмерти, а третий убежал в лес.

Они через год так примерно опять поехали через ту же деревню зимой. Там летом ездить было нельзя, потому что на волоку были болота и сырые места, так что всегда ездили зимой, когда все замерзнет.

Ну вот, приехали опять в ту же деревню ночевать, им отвели там заднюю, истопили. Четверо было их, с рабочими-то. Но тоже приготовлен топор был, и лом был железный на всякий случай взят с собой, у этих-то, у Клинкова, у рабочих-то. Ну, вот и слышат они ночью: человека три, четыре или пять идут, переговариваются:

— Давай ты, — говорит, — отворяй!

Другой боится:

— Давай ты, — крик, — вперед иди, отворяй.

Ну, только двери те отворили, а Клинков ударил по голове одного. Тут подоспели, опять прибежали рабочие евоны, ну, как батраки были тоже, служили у него, работали по найму. Ну, сейчас тут собрали всё, да лошадей запрягли, да ночью уехали. И больше после того они не бывали в этих Травяниках, Баранах.

Ну, а весть носилась, что там всё убивают людей, в этих

деревнях. И царское правительство их обязало подписками: что ежели еще один окажется убитым как кто-нибудь там, у вас, то всю деревню вышлют в Сибирь.

210. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ

Был Петр Великий, занимался разными изделиями и ездил в лес с борзой собакой зверье ловить; и пристигла его тёмна ночь. Он ночным времем и дале, и дальше, да и заплутался. Напал на него лютый медведь и растерзал его охотную собаку. И так было Петру Великому охотную свою собаку жаль, что легче бы сам жизни решился. «Ах, остался я ни при чем!» И скружился в темном лесе: ночь, и две, и три ночевал.

И в то же время новобранный солдатик, прослужа недолгое время, из полку убежал и на Петра Великого напал. Смотрит Петр Великий на форму солдатскую и видит по форме какого полка. «Ах,— думает,— солдат-то мой». Солдат идет пешком, Петр Великий едет на коне да и кричит: «А подь-ка, землячок, сюды!» Землячок подошел, и говорит Петр Великий: «Здравствуй, земляк!» — «Здравствуй!» — «Ты чей, откуда?» — «А что тебе за надобность?» — «Ты не бежал ли? Я ведь тоже бродяга». Солдатик признался, что бежавший. Остановился Петр, покалякал с ним. «Кто у вас ротный? Кто полковником?» Солдат сказал кто. Петр вынул бумажку с карандашом, это все записал и стал спрашивать. «С какого ты году?» — «С такого-то». — «Отчего ты бежал?» — «Да вина-то небольшая: потерял всего только одну пуговицу, да замучил меня полковник мўкой и кажен день бьет. Оттого я и бежал». — «Ну, а как, земляк, у вас в полку пйщая? Говядина по сколько варят?» — «А так варят, только славу делают».

Петр Великий назвалса земляком, Петрушей. Его солдат и спрашивает: «А у вас в полку как?» — «У нас варят по фунту на кажнего солдата». — «Нет, у нас этого, Петруша, нет ничего». — «А варят ли крутую кашу?» — «Варят да никогда, а такую только варят, что крупинка за крупинкой и на ложку не поймать». —

«Пойдем, землячок, куды-нибудь...» Долго ли, мало ли ехали, вечер их пристигат. Они подъехали к величающему дубу, и говорит Петр Великий: «А вот, земляк, похрани моего-то коня, а я влезу на дуб, погляжу, нет ли где огонька». Петр Великий полез на дуб, а солдат смотрит: у него у седла чумоданчик; открыл его, посмотрел: графинчик там водочки. Вот солдатик выныл да из горлышка-то и потягал, и похваливат себе: «Ах да водочка какая хороша!» А Петр Великий рассмотрел: в незнaмой стороне светится огонек. Он слез с дубу, подходит к своему коню, открыл чумоданчик, вынул графинчик да и смотрит. «Ах, землячок, знать, ты чумоданчик открывал и водочки выпивал?» — «Виноват, земляк, потянул». — «На-ка, потяни еще!» А вор-солдат да и гораздо потянул. Петр Великий сел на своего коня и поехал прямо в ту сторону, где виднеется огонек. Он сел и поехал, а солдат за ним вприпрыжку, хмельный.

Подъехали к огоньку — преогромнеющий двор; но покаместь ехали, уж это время рассветало. Приехали ко двору, что на двор ворваться никак невозможно. Вот они думали, думали, как бы влезть. Солдатик вздумал, да и говорит: «Слезь-ка ты с коня». Петр Великий слез с коня, солдат вскочил на коня и перепрыгнул через ворота, и отпер их. Въехали они на двор и смотрят: где лежит рука человеческа, где голова... Петр Великий немножечко обрбел. «Ах, землячок, да неладно! Кабы нам здесь живым быть? Должно быть, здесь нехорошие люди». — «Ну-ка, я еще потяну». Он водочки еще потянул, взшел к сенной двери, в комнату — и навешаны пристрашные орудия: разные сабли, разные ружья, и в ефтой горнице — одна старая старуха. Вот солдатик как выпивши, смелый, с грубостью на нее закричал: «А, старая ведьма! Да-ка нам поесть!» Старуха видит, что он шибко на нее поступает, сейчас собрала им поесть; кое-чего собралá и на стол подала. «Водки дай!» Старуха по стакану водки подала. Солдатик приурезал, а Петр Великий испугался: стакан в руки не берет и водочку не пьет. «А что же ты, земляк, не пьешь? Чтó обрбел? Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Я на то ведь уж пошел. Выпьем! Живы в руки еще не дадимся... Баушка! Живо! Дай нам овса!» Та амбар отперла и овса насыпала. Они продолжали время близь до вечера. Солдатик, что было у ней в печке жарено и варено, все поел и спраши-

ват: «А де ж, баушка, нам отдохнуть?» Показала старуха на сушила: «Там и спите»,— говорит.

Вдруг бряк, стук, и скачут с колоколами, с побрякушками, и гайкают, свищут— едут разбойники. Старуха выбегла, ворота отперла, на двор их пустила. Они лошадей выпрягли, корму задали и восходят в дом. «Ну-ка давай, хозяйка, поесть!»— «Да нечего».— «Что такое?»— «Да у меня два есть солдата— они все поели; чуть и меня не прибили». Атаман и говорит: «Де же они?»— «А вот на сушилах».— «Ну, ладно. Пущай лежат до время». Старуха избу затопила, ужин заварила, и потом, как поужинали, полегли все спать. Ложимшись спать и говорят: «Надо их, солдат-то, убрать».— «Поспем еще. Пущай лежат!» Как завечерело, вечером Петр Великий и говорит: «Как же, земляк?»— «Ну, что же?»— «Давай кониться, кому до полуночи спать ложиться, кому караулить, а то нас они похитят».— «Ну, давай!» Стали кониться; досталось Петруше караулить. Вот Петруша немножечко посидел, вздремал да и повалился, лег спать; а солдат не спит, на ногах стоит и сам себе говорит: «Эка сонюля! А еще караулить взялся!»

Разбойник сам ночным бытом встал. «Ну-ка, ребята, идите двое! Угломоните их там!» Один из разбойников и говорит: «А чего двоиму-то делать? Я один, еще мне и то мало двоих-то». Надел орудие и побежал. Влез на лестницу— Петр Великий спит, а солдат во все глазыньки глядит. Только как разбойник голову показал, солдат размахнулся шашкой да и голову долой. Снес с него голову; атаман ждать-пождать: разбойника нет. Послал другого. Он и другого-то так; а Петруша крепко спит. Солдат работает: как который ни покажет голову, с кажнего долой. И всех до одного порубил. Атаман думает: «Куды ребята делись? Идти-ка самому!» Подошел к лесенке— их куча лежит. «А, так вон как!» Взбежал на лестницу, как голову показал— и с этого голова слетела. Кончились все. Ну, и стало светать.

Петр Великий спит, ничего не чувствует. Лег на часок и всю ночь проспал. Солдат на свету будит Петра. «Что это ты, земляк, за сонюля? Открой-ка мне чемодан-то, да-ка я водочки потяну: измучился!..» Петр Великий встал, водочки ему подал и посмотрел с лестницы на низ. Индо испугался. «Кто это, земляк, набил?»— «А, сонюля! Ты словно из дворян: всеё ночь проспал,

ничего не видал!» С сушилов слезли: вбежали к старухе в горницу, и говорит солдат, подняв на нее саблю востру: «Старая ведьма! Айда, показывай нам, где у вас деньги лежат!» Старуха испужалась, подвалы отпирала; злата-серебра там множество. Петр Великий сказал солдату: «Ну-ка, земляк, насыпай себе казны!» Вот земляк зачал насыпать и золото и серебро и говорит: «А ты что же, Петруша, не насыпашь?» — «Мне, земляк, не нады». Взял немного, а солдат кругом себя деньгами обсыпал. Петр и спросил у старухи: «А де же вот в такое-то место дорога?» Она вывела их на дорогу. «Вот здесь», — говорит. Солдат вышел на дорогу и снес со старухи голову.

Поехали по дороге. Ехали долго ли, мало ли, выехали на свой трахт, к городу. Видит Петр Великий, что близко. «Ну, земляк, теперь прощай! Приходи ко мне в гости». — «А де же мне тебя найти? Ведь меня там поимают». — «Иди, никто не тронет. Спроси только, где Петруша живет — всякий доведет». И полетел Петр Великий. Солдат остался. Петр Великий въехал в свой город; несколько тут было застав караульных солдат. Вот он приказал, чтобы каждый солдат таковому солдату прохожему честь отдавал, как ему.

Бежавший солдатик пошел; подходит к первой заставе, караульные его встречают, честь воздают, как царю. Он жертвует им горсть золота и думает себе: «Вот что, паршивый, сделал! Как честь-то мне воздают! Знают, что у меня деньги есть»... И пошел дальше. Покаместь до царского дворца шел, которы деньги были, все рбздал. Подходит к дворцу и спрашивает сторожев: «Де бы мне найти Петрушу?» (Ну, а Петр Первый всем уж рассказал.) Все сторожа во дворец его принимали, Петру Великому доложили. Петр Великий надел на себя царскую одежду и вышел на крыльцо. Солдат подошел ко крыльцу, видит, что царь; немножечко все знат, как честь отдать — честь отдал. Царь стал его спрашивать: «Чей ты, откуда?» Солдат думает: «Ах, да вот де попал! Вот так, — говорит, — Петруша! Куды меня довел!» Видит, дело плохо: Петр Великий его допрашивает. Солдат сознался (нечего делать-то). «Бежавший я», — говорит. Петр Великий со страхом сказал: «Взять его на три сутки на обвахту, а после трех суток отправить его в Сибирь на поселенье, навечно!» Солдат идет и головкой только поматыват.

Посадили его; солдат говорит себе: «Ах да, Петруша! Чего теперь делать?». Просидел трой сутки на обвѣхте. Петр Великий надел на себя ту одежду, в которой с ним был, и приходит: «Здравствуй, земляк!» — «Здравствуй, брат Петруша! Хорошо ты делаешь? Тебе бы не быть живому, да и мне тоже. Чай, знаешь, сколько я из-за тебя душ погубил? До чего меня ты довел?» — «А что?» — «Да вот я на обвѣхте сижу; только фунт хлеба да фунт воды мне, да еще мало того, навечно в Сибирь, в каторгу». — «Кто это сказал?» — «Петр Великий сам сказал мне». — «Погоди, земляк, я схожу к нему и попрошу, не отправить ли тебя в старый полк». — «Эх да, брат любезный, постарайся и попомни мою добродетель». Петр Великий тем же часом отправился куды ему следует, приказал караульным с обвѣхты его взять и привести опять во дворец.

Повели его к царю и прямо на крыльцо. Петр Великий вышел, взял его за руку и повел в свое зало, посадил в стул, сам в другую перегородочку пошел, царскую одѣжу скинул и надел охотницку, и вышел. «Здравствуй, земляк!» У того и язык не ворочается; сидит сам не свой: испугался больно. Промолвил тихохонько таково: «Здравствуй, земляк!» — «Не робь, земляк! Останешься без последствий. Что тебе царь сказал?» — «Ничего не сказал». — «Вот я его переспрошу пойду». Повернулся в другие двери, надел царскую одѣжу, подошел к солдату. «Здравствуй, земляк!» — «Здравия желаю»... — «Ну, а что, ты Петрушу узнаешь ли?» — «Да кабы пришел, когда бы не узнал». — «А что, он на меня не помѣхивает ли?» — «Есть немножко».

Тут Петр Великий по головке его погладил да и сказал: «Благодарю тебя, земляк, что ты спас меня!» Написал своерушное ему письмо и отправил его в свой полк, на казенный счет, заступить на то место полковником, а того полковника — на его место рядовым.

**СУЕВЕРНЫЕ
РАССКАЗЫ**

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

211. ВОРОН УКАЗАЛ КЛАД

Ходил казак по роще и выбирал вербовое дерево на бударку. Выбрал дерево и стал рубить его под корень. А на дереве том было гнездо вороново с детенышками. Слушай, какая причта-то вышла. Только лишь принялся казак за работу, ворон и подлетел к казаку и так-то жалобно закаркал, индо казак остановился, перестал это дерево рубить. Смотрит на ворона, а тот так и вьется около него, словно ласточка; то к ногам казака бросится, то сядет близ него на веточку и замотает головой, словно кланяется, а сам стонет. Казак жалостливый был, догадался, в чем дело, оставил дерево и подошел к другому — дерево было тоже хорошее — и стал его рубить. Ворон успокоился и сел на гнездо. Через малое время прилетел другой ворон, пара, значит, первому, прилетел с кормом для детей. Второй ворон был гораздо больше первого, значит, самец, да такой сизый, лелесовый, почти седой, значит, старый-престарый ворон. Перекликнулись

ворон с вороном, покаркали промеж себя, значит, перемолвились по-своему.

Вдруг самец спустился с дерева и прямо под ноги к казаку; остановился, посмотрел на казака и закивал в одну сторону головой, и пошагал от казака, туда пошагал, куда головой кивал. Шагает ворон, а сам беспрестанно оборачивается к казаку и дает головой знак, чтобы казак шел за ним. Но казак смотрит только на ворона и улыбается, думает: хитрит ворон, от гнезда отводит. Три раза ворочался ворон, три раза манил казака за собой. Напоследок вплоть подошел к казаку, схватил носом за шаровары и дергает, и тащит, словно ученая собака. Тут уж казак догадался. «Что-нибудь да не так»,— думает казак и пошел за вороном. И привел ворон казака к одному старому вязу, и остановился под ним, и давай долдыкать носом в землю, под самым корнем. Казак, не будь дурень, тот же миг давай топором разрывать землю, где ворон носом колотил, и скоро, братец мой, докопался до дубовой шкатулки, железом окованной. Казак хват по ней обухом,— она и рассыпалась: трухлява была — в земле, значит, долго лежала. И очутилась перед казком порядочная кучка целковиков, старинных, царя Петра Первого Алексеевича!

В старые годы — во время какого-нибудь замешательства, примерно, в пугачевское бунтовство иль-бо в другое какое,— кто-нибудь из наших же обывателей зарыл эти целковики для сбереженья, а после и сам погиб в замешательстве: рублевики его и остались в земле. Ворон — они ведь долго живут, по несколько сот лет,— ворон, значит, видел, как хозяин закапывал шкатулку, и указал ее счастливому казаку замест благодарности, что тот уважил, гнездо его не разорил.[...]

212. РЫБИЙ КЛЕСК

Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек тас-

кает что-то кошелем из воды в лодку. Ударили в колокол на погосте, и человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад ли?» — подумал мужик; набрал клеску полные карманы и воротился домой. Дома он опорожнил карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску — серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, каждый год в великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику. Мужик с той поры никогда больше не подходил близко к озеру.

213. КЛАД В ГРОБИКЕ

Раз тоже клад положили. Сделали маленький ящичек и где-то под матку в доме затолкнули... Вот, теперь, эта старуха умерла, сын вырос, женился.

И как уедет сын, молодуха останется, спит спокойно — вдруг орет кто-то:

— Отойди — упаду! Отойди — упаду!

Она спичку чиркнула, подошла: весится гробик. Когда муж приехал, она рассказала:

— Вот так и так, третью уж ночь гроб выпадает.

Страшно им стало — перекочевали в другую избу. Тут соседи собрались, с уружьями ночи караулили, но ничего не вышло. Как-то осенью зашел к ним мужчина:

— Пустите переночевать — весь перемок.

Они и говорят:

— Вон, иди, у нас изба на острове, там и ночуешь. А у нас тут ребятшек полно. А там ложись на печку.

...Он на печку лег. Вот подошла полночь. Кто-то и заревел:

— Отойди — упаду!

А он не сробел, да и говорит:

— Падай!

Вот вдругорядь взревел:

— Отойди — упаду!

Он говорит:

— Падай!

Ну, упало — это гробик. Он утра дождался. Посмотрел: ага, самородки золота! Он это золото забрал, гробик с двумя-тремя самородочками принес хозяину.

— Вот какая чуда-то была. Это была кладь положена на вас, а вы боялись. Вот — получи. Если желаешь — меня уважь, а не желаешь — я и так уйду. Ну, он ему еще одну самородку дал. Этот поблагодарил и ушел. Полный карман самородков унес.

Вот такая кладь была.

214. КЛАД НА ВНУЧКУ

Значит, раньше все клали кладь. На ребятишек клали. Деньги. Одна бабушка и положила деньги на внучку: вот вырастет внучка, пусть ее будут деньги. И никто не знал. Старуха умерла.

Дочка выросла до трех лет. Мать вернется с поля — она к ней:

— Мама, ты мне оставила молочко, а его у меня пестренька кошечка вылакала!

А мать замыкала ее в доме, и кошечек никаких нету. Вот ладно... Женщина стала бояться, начала подспрашивать старух: де вот так, у меня девчонка обирается, что кошечка какая-то ходит и ест у нее молочко. А я, мол, с подворья окошечки все замкнула — не должна бы кошка быть. А одна старуха знатка была и говорит:

— Девка, ты купи ленточку — метра три — и накажи дочке: как прибежит кошка да станет молоко лакать, пусть она ей покрепче завяжет ленточку на шею.

Вот она так и сделала, наказала:

— Если появится кошечка, будет молочко лакать, ты ей ленточку на шею завяжи.

Замкнула, опять на работу ушла. Приходит.

— Ну, что, дочка? Завязала?

Та пошла снова к старухе:

— Что же теперь делать будем? Завязала девка-то. Кошки нету.

— А вот пойдем, посмотрим.

Пришли, залезли в подполье, давай светить. Эта ленточка весится из-под матки. Потянули — а там деньги!

Вот такое было.

215. КЛАД В БАНЕ

Раз в Коляду была страшная хвиль. В эту хвиль по одной деревне шел побираха. Он просился, чтобы его пустили в избу обогреться и переночевать. Его никто не пустил. Тогда он пошел в темную баню и лег на полку, а свою торбу положил под голову. Долго лежал на полке побираха. Совсем начал засыпать. Вдруг он услышал шаги. В баню вошел какой-то пожилой мужик с мешком в руках. Побираха понял, что мужик принес зарывать деньги.

Мужик поднял одну половицу и высыпал под пол деньги, потом закрыл половицу и ушел. Тогда побираха слез с полка, поднял ту половицу и стал доставать деньги. Много он нагреб денег, но много их осталось в яме. Доставать стало трудно — яма была глубокая. Он нагнулся больше, а его трубка выпала из рта и упала в яму с деньгами. В это время опять послышались шаги. Побираха скорей закрыл половицу и спрятался на полке. Вошел тот же мужик с ружьем за спиной и принес другой мешок золота. Мужик поднял ту же половицу и высыпал деньги. Потом опять закрыл половицу и вышел вон. Около бани он снял из-за спины ружье, поднял его и сказал: «Провалитесь, мои деньги, так далеко, как далеко улетит пуля!» — и выстрелил.

Деньги под полом зазвенели. Побираха подумал: провалились денежки, пропала и моя трубочка!

Когда не стало слышно мужика, побираха слез с полка, под-

нял половицу и начал в яме шарить свою трубку. Он рукой достал дно ямы. На дне лежали деньги. Он схватил торбу и стал в торбу набирать деньги. Грѣб, грѣб, выгрѣб всё, а на дне лежала трубка. Видно, как деньги проваливались — провалились только до трубки.

Утром побираха с деньгами пошел дальше!

216. СОБАКА ОБРАТИЛАСЬ В ЗОЛОТО

Один богатый брат, желая раз ночью подсмеяться над своим бедным братом, башмачником, поднял на улице дохлую собаку и бросил ему в окно да сказал: «На те, проклятый! Одолеи ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая-то собака в избе бедняка рассыпалась золотом. Бедный брат проснулся от звона; слышал братнину ругань, встал и, увидав груды золота, поблагодарил брата за помощь. С того времени он разбогател, а богатый брат обеднел, промотался весь.

217. ДЕНЬГИ В ГРОБУ

Сибирский богач Твердышов, говорят старожилы, зашил собственноручно в подушку все свои бумажки и просил своего приказчика положить эту подушку в гроб ему, под голову. После смерти Твердышова родственники умершего засадили приказчика в острог, за скрытие денег. К приказчику во сне явился Святитель Николай Чудотворец и посоветовал ему объявить родственникам Твердышова, что деньги покойным зашиты в мертвую подушку и лежат с ним в гробу. С разрешения губернатора, в присутствии начальства и кладбищенского священника, могила Твердышова была разрыта, открыта гробовая доска, но деньги взять было нельзя, потому что вокруг головы мертвеца обвилась страшная змея и бросалась на всех, кто только близко подходил. Говорят, что священник будто бы проклял Твердышова и он провалился в бездонную пропасть.

218. О КЛАДЕ, ЗАРЫТОМ ШВЕДАМИ

В полуверсте от деревни Торокани Кобринского уезда находится старое кладбище, на котором в Великую субботу ежегодно появляются огненные язычки, от сумерек до полночи. Эти язычки беспрестанно меняются в цвете и бывают то белыми, то красными, то синими. Это есть не что иное, как зарытые здесь шведами деньги, которые пересушиваются, по заклятию, в Великую субботу. Воспользоваться деньгами не трудно: стоит только, не щадя памяти погребенных здесь умерших, взрыть все кладбище и разметать кости.

219. ЗАРЫТЫЕ ДЕНЬГИ

Знающий досель народ был!

Эдак, бывало, старухе-то уж худо,— смерть приходит... А старуха была денежная. Ну, семейство; сын был женатой. Знает скрягу: куда, думает, денег бы не запропастила.

А деньги — у ней; большой кошель в намышке привязан — серебро да золото. Видит старуха, что скоро умереть надо, и говорит сыну-ту своему: «Сын, подыми-ко меня да подведи еще к печке; вижу, скоро смерть приходит... долго у печи не стряпала: посмотрю хоть еще!» Захватил сын старуху под мышки, притащил к пече. «Подержи эдак меня!» Сын держит. Отвязала она кошель от намышки, высыпала деньги на шесток и давай зарывать в пепел в печурку. «Чьи ручки загребают, те и выгребайте», — эдак и приговаривает. Ну так и загребла все деньги. «Ну, уведи меня топерь на кровать!» Легла старуха и умерла. Ну тогда сын к печи: надо деньги взять. Рылся, рылся — один пепел, а денег нет... «Что не за оказия!» А парень-то был, знать, не промах: схватил мертвую-ту старуху, притащил к печи да ето руками и перерывает золу. «Чьи ручки загребали, — говорит, — те и выгребают». Так все деньги и выгреб.

220. КЛАД РУКАМИ МЕРТВЕЦА

Старик один в подполье клад зарывал, а сноха и видела. Вот он зарывает и говорит: «Чьи руки заруют, те руки и отроют». На другой день старик и помер. Сноха стащила его мертвого в подпол и давай его руками клад отрывать да приговаривать: «Чьими руками зароется, теми и отроется! Чьими руками зароется, теми и отроется!» Ей клад-то и дался.

221. ДРАГОЦЕННЫЙ БАТОЖОК

В прежние годы много было в наших местах и золота и серебра, да теперь-то уже не знают, где они лежат и попрятаны.

Шла раз по губе, мимо наволока, лодка с народом, а по берегу навстречу ей старичок идет, на киек-то так и гнется от тяготы — очень уж старик тяжел да грузен:

— Возьмите меня в лодку, люди добрые,— просит старик.

А ему в ответ из лодки:

— Нам и так трудно справляться, а тут тебя еще, старого, взять с собою.

— Понудитесь малость, возьмите меня в лодку — большую корысть наживете! — опять взмолился старик, а рыбаки его все не берут.

Долго просил старик взять его в лодку, так и не допросился.

— Ну, хоть батожок мой возьмите — очень уж он тяжел, не по мне.

— Станем мы из-за твоего батога дрянного к берегу приставать,— отвечают с лодки.

Бросил тут старик батожок свой — он и рассыпался весь на арапчики-голландчики, а сам старик ушел в щель от грузности, и щель за ним затворилось. Ахнули тут лодочники, да поздно за ум схватились.

222. НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

У одного барина был холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу в самую ночь сходить в лес, сорвать папоротник, чтобы клад достать. Дождался он этой ночи. Уложил он барина спать, скинул крест, не молясь Богу, в одиннадцать часов ночи и пошел в лес. Входит в лес. Жутко ему пришло, раздался свист, шум, гам, хохот, он все ничего, хоть жутко, а идет. Только глядь, а черт с ногами на индейском петухе верхом едет. И это ничего, прошел холоп и слова не сказал. Глядит: вдали растет цветок, сияет, как точно на стебельке в огне уголек лежит. Обрадовался холоп, бегом бежит, уж почти к цветку подбежал, а черти его останавливают, кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится — упадет холоп. Не вытерпел он да как ругнет чертей: «Отойдите,— говорит,— вы от меня, проклятые!» Не успел он выговорить, вдруг его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся опять холоп, пошел, видит: опять на прежнем месте блестит цветок. Опять его останавливают, опять дергают, он и знать не хочет, идет себе, не оглянется, ни словечка не скажет, не перекрестится, а сзади его такие-то строят чудеса, что страшно подумать. Холоп и знать ничего не хочет, подошел к цветку, нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядь: вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес. Не вытерпел холоп да как плюнет ему в рожу! «Тьфу ты, чертова харя!» Не успел проговорить, как вдруг его опять отбросило за лес. Убился больно, да делать нечего.

Вот он опять встал, идет опять в лес, и опять по-прежнему блестит цветок на прежнем месте. Опять его останавливают, дергают, терпит холоп, тихонько подполз к цветку и сорвал его. Пустился со цветком домой бежать и боль забыл. Уж на какие хитрости ни подымались черти — ничего, холоп бежит и думать об этом забыл, раз десять упал до дому.

Подходит домой, вдруг барин выходит из калитки, ругает холопа на чем свет стоит: «Алешка! Где ты, подлец, был? Как ты смел без спросу уйти?» Струсил холоп: злой был барин у него, да и вышел с палкой. Повинился: «Виноват,— говорит,— за

цветком ходил, клад достать». Пуще прежнего барин озлился: «Я тебе,— говорит,— дам за цветком ходить, я тебя ждал, ждал! Поддай мне цветок: клад найдем, вместе разделим». Обрадовался холоп, что барин хочет клад вместе разделить, подал цветок, и вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало, и петухи запели.

Остался один холоп, поглядел, поглядел кругом себя, заплакал бедняга и побрел домой. Приходит домой, глядит, а барин спит по-прежнему. Потужил, потужил холоп, да так и остался ни при чем, лишь только с побоями.

223. КЛАД НЕ ДАЛСЯ

Две хлебницы рыли по наслуху, недалеко от Конной слободы, на валу. Когда эти хлебницы уж вырыли кинжал и пистолет, вдруг услышали, что по горе от храма Иоанна Предтечи пошел сильный гул. Было это около полудня, летом. Взглянули они по направлению гула и увидали тройку лихих коней, которая скакала во весь дух с горы и быстро, с треском и шумом выехала из Конной слободы на большую московскую дорогу. Тройкой правил красивый кучер средних лет, одетый в черную бархатную безрукавку, в бархатных штанах, в поярковой шляпе с красными лентами. С ним рядом на козлах сидел красавец казачок, а в самой коляске — важный барин. Выехала тройка на дорогу, остановилась; барин слез с коляски, казачок спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги вприсядку плясать; барин заложил руки назад, склонил голову и пошел впереди лошадей, а кучер шагом поехал за ним. Казачок так лихо, так чудно плясал, что хлебницы на него засмотрелись, да еще думали в это время и о том, как бы о себе не дать барину подозрения к тому, что они рюют деньги, и чтоб он из любопытства их не спросил. Лишь тройка поравнялась с ними, они увидали, что из реки Свяиги вылез страшного роста солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и понес в омут, под водяную мельницу. Барин сел на лошадей: кучер ударил по всем по трем вожжам, гаркнул на

них, и с побвистом молодецким тройка полетела вдоль дороги столбовой, только пыль взвилась за нею столбом. Солдат дошел с казачком до омута, бросился туда и пропал. Это видение так испугало кладоискательниц, что они перестали рыть клад и почувствовали, что сердца у них замирают, руки и ноги дрожат; они отправились домой, однако яму завалили снова и рассудили так, что это им клад давался, да не сумели они его взять, подойти к нему с молитвой и дотронуться.

После этого нашли они одного начетчика-чернокнижника, который по черной книге им прочитал, чтоб они отправились этот клад рыть на Пасху, между заутреней и обедней, и взяли с собой по яичку, и, кто бы с ними на валу ни встретился, тотчас же похристосовались. Они испекли себе по три яичка, окрасили их и положили в подоткнутые передники, чтоб им скорее можно было похристосоваться. Пришли на вал, начали рыть клад и спустя короткое время заступом стали задевать за чугунную доску. И пошел от Баратаевки гул, зык, рев такой, что земля под ним задрожала!.. Услышали они страшный крик, и видят — по валу идет к ним медведь не медведь, человек не человек, а сами не могут понять, что за чудовище. По одеже будто солдат! Глазищи — как плошки; так и прядают, как свечи; рот до ушей, нос кривой, как чекушка, ручищи — что твои грабли; рыло все на сторону скошено... Идет это чудовище, кривляется на разные манеры и ревет так, что земля стонет и гудит. Вот они встали рядом, оперлись на заступы, припасли яички и думают: «Только подойдет этот клад, мы ту же секунду с ним и похристосуемся». Чудовище медленно подошло да как топнет да рывкнет: «Вот я вас, шкуры барабанные! Так тут-то вы ребятишек зарывáте!» Поднял над ними престрашный кулачище; они испугались, бросились от него бежать что есть духу, а чудовище все топало да кричало: «Вот я вас, шкуры эдакие!» Бежали они до паперти храма Иоанна Предтечи; тут без памяти и упали.

Их добрые люди отпрыскали водой и привели в чувство, думая, что с усердными христианами случился обморок в храме. Когда те опомнились, пришли домой, чернокнижник сказал им, что они уж больше не найдут этого клада, что он ушел в землю и что узнал он об этом по гулу, который раздавался по большой дороге.

224. КЛАД ДАВАЛСЯ

Один дворовый человек (истопником он у господ был) нанялся в Симбирске Москвитинов сад чистить, с другими рабочими. Работали под горой, а есть наверх ходили, к амбарам; там и изба была. Вот раз он приходит; вдруг из-под амбара козленок к нему и кинулся. Он его взял да на плечо к себе и положил; гладит, держит за задние ноги и приговаривает: «Бяшка, бяшка!» А козленок-то ему в ответ и передразнивает: «Бяшка, бяшка!» Работник испугался, схватил козленка за задние ноги да об землю и ударил. Смотрит — а козленок опять под амбар. От страха работник тут же на месте упал; хворал после этого и вскоре умер. А это ему, видно, клад давался.

225. УГЛИ ВМЕСТО ЗОЛОТА

Рассказывают, что в селе у нас это было.

В одном доме, когда уходили родители, девочка маленькая оставалась. И из подполья к ней девочка приходила. Играла с ней, играла и все просила ударить ее. Как-то дочка говорит матери:

— Мама, уходи скорей, ко мне девочка придет, и мы играть будем.

— Какая девочка? — спросила мать.

Ну, она ей и рассказала. Мать сразу догадалась, что это клад, и говорит дочери:

— Когда девочка придет, поиграет и попросит ударить ее, так и сделай.

— Мне ее жалко, — говорит дочь, — она маленькая.

— А ты ее потихоньку ударь. Если она рассыпется, ты не охай, а молча сложи в мешочек, который я тебе дам. А потом меня позовешь.

Когда мать с отцом ушли и дочка осталась в доме одна, к ней снова пришла девочка и начала с ней играть. И опять стала просить ударить ее. Девочка стукнула ее, и она рассыпалась. Она

Тогда оубо пригнаго игоумена сергия раде
 ксаго изашны него послушникъ инокъ
 пересветъ плачущи и оужисомоу и сн и оубо
 кнѣзе и нитоу семъ гмѣщант есаде
 лине шеглашь на ея крѣпость его. и
 хоцую жею помощию и притыдего и пре
 и оубо сего и прпснпаго игоумена сергия
 мѣта мнени оидѣти. стксеи пересветъ
 егда миревѣхъ и пныне богатырь елшеде
 ли оубо и крѣпосты мѣта. оужичество
 мже и широтю оубо прѣзиде и смыслѣ
 сткѣ оубо и оубо есаде оубо и прѣзидѣ

26. Преподобный Сергий Радонежский
 благословляет инок Пересвета.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Упѣсь прѣикѣи же дмитренъ и спинодичъ
 послѣушавъ шцѣлѣсѣ бо ето кнѣ прѣи ами
 тропоу и та все и рхейнъ и посолѣ тау
 ето послѣ и зѣрапи гонлѣнцѣ па дѣла
 и менѣмъ захарію тютчевѣ да поѣмъ
 два толмача оумѣтѣощи пѣттарѣскіи
 гъзыи сѣ . и гълапѣ и серебра мнѣго ш
 поуѣстѣи снѣмъ сѣ царю мамѣю .

27. Посольство Захария Тютчева
 отправляется к Мамаю.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

И снѣ дошла мнѣ шѣи ѡбѣтѣ странѣ на
 Москвѣ оубо келікомоу князю . и прїдо
 ша князи белозерстїи крѣпцы оущє
 імоу жестпѣнни на брань спонї стѣ
 едонни . князь дѣ шдоръ семѣнопнѣ .
 князь семѣнъ мнѣ хилопнѣ . князь
 андрѣи кѣ мскїи . князь глѣбъ ка
 ргополскїи и цыдонскїи . прїдоша
 на нѣдомскїа князи .

28. Сбор войск в Москве.

Миниатура Лицевого летописного свода. XVI в.

И тиско по повелѣнїи прїеца Юнгоумена се
 рѣта по дожи на себѣ стоуи схи моу а гдѣ
 шїи шера изнамена сѣ стымъ крѣпко по
 прописи еи пою порою . и простисе оу
 доплаго шца . та оу держикаго князя .
 поуверѣкисен . ноу сего крѣпикаго
 поннѣста . ноу брагласе оего шельжа
 и оусплака князь держикїи и сеѣкнѣши
 и се оу поннѣста по держикїи гдѣ еомногим
 слезамитяюще . помози емоу бже мѣта
 ми прѣтпѣятимїи прѣ и сеѣкнѣти . тако
 дреследоу паголида .

29. Поединок в начале Куликовской битвы.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Дляже не бѣкаша въ простыаши оубо кониша
 а на десноу ю страну оубо кдѣра да бѣ . Едино
 моу и мѣ фѣдоръ зернопѣ . а друго моу
 и мѣ фѣдоръ холопопчѣа хоужесѣи въ про
 стѣе оубо цѣ :

И на бѣ хаша пѣи каго князя сѣна пѣи
 еда поуби до шѣща поно посебѣ уе но дре
 помъ по пѣт мнѣ жаше лѣи мрпѣ . не пѣ
 ше еко не испой покло ниша емоу :

30. Воины находят
 раненого князя Дмитрия Ивановича.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

И поиде зъраптоспой иста шеплаточны
 мнисклѣши и поещодми . ꙗко малѣи
 соущи шептася . и поиде мртѣи бѣжа
 щеліи копы . и менишлє мртѣи и
 статары . кроу мртѣи нє кажє слєса
 статарєскоу кроуи . и ꙗко идиѣти
 страшноу жакоу стѣлѣ .

31. Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич
 объезжают поле боя после победы.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Тогда князь великий дмитрий и глаголюще
 ре изотпште срашн коуко шталосел
 псбна . и изотпша . и гла мханао але
 ксандропчть москопскн бодрнтъ . тапе
 кнже шталосел псбна . м . акылопск
 олщше четыре сотраты елащъ . и конны
 и псбн рати . та князь великн поам
 гл да воуде . такоже оугодно сыгнн та
 конбы . полкешегокшотпротннтелъ .
 и ии спорече протнн поугнн . ето шполе
 нхотн кн емъ осл оуетрогнн телъ .

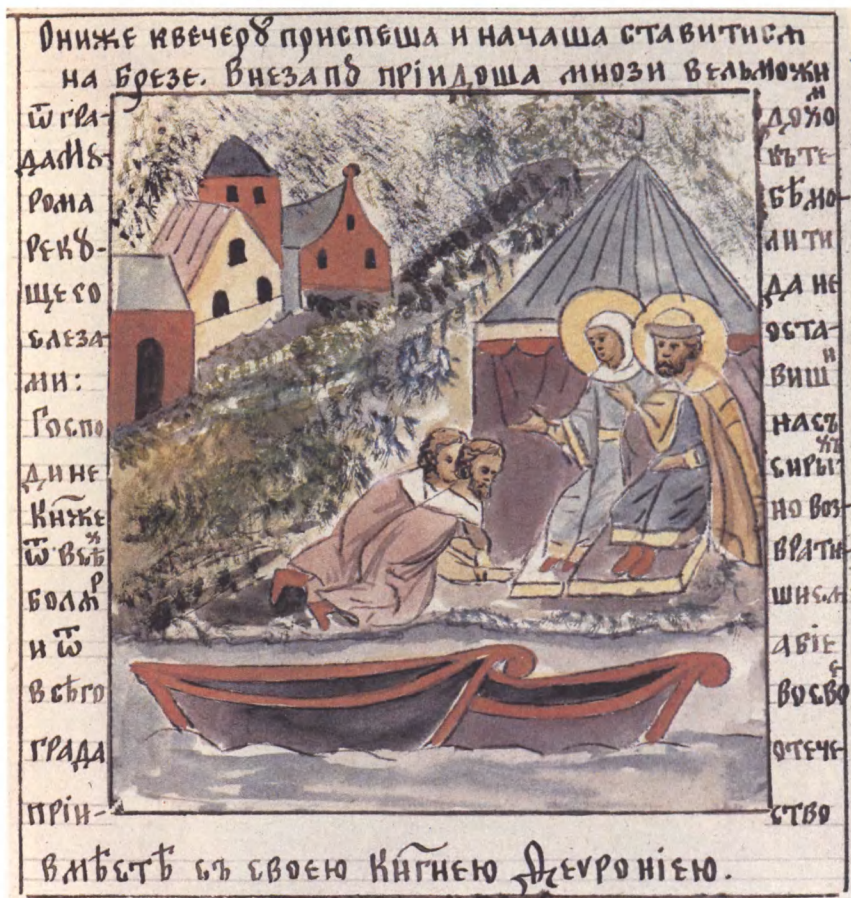
32. Погребение павших на Куликовом поле.
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

33. Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие.
Миниатюра 1649 г.

34. Основание Соловецкого монастыря
Зосимой и Савватием.
Миниатюры Лицевого жития XVI в.

35. Преподобные Петр и Феврония Муромские.
 Миниатюра Лицевого жития конца XIX в.

36, 37. Серебряные копейки
с изображением молодого и старого
царя Иоанна Грозного.
1554–1555 и 1580-е гг.

38. Иван Грозный с сыновьями
перед иконой Казанской Божией Матери.
Миниатюра XVI в.

39. Царь Иван Васильевич Грозный
и преподобный Гурий Казанский.
Миниатюра XVI в.

40. Московский юродивый
Иоанн по прозвищу
«Большой Колпак».
Миниатюра XVII в.

41. Московский юродивый
Василий Блаженный.
Миниатюра XVII в.

42. Святейший патриарх Никон.
Миниатюра XVIII в.

сложила все это в мешочек, как просила мать, и пошла звать ее.

Но когда пришли, в мешке были угли, а девочка говорит, что было золото.

226. НЕ СУМЕЛ ВЗЯТЬ КЛАД

Портной один на краю города, у реки Камы жил; вода под самые стены подходила. Были у него работники. Вот раз идет он по базару и попадается ему чувашенин. «Слушай,— говорит,— у тебя, портной, в доме клад есть». Тот смеется. «Где это?» — «Да в хлеве, как войдешь так направо, в углу, к реке». — «Врешь ты,— говорит,— все, старый хрыч! Какой у меня клад?» — «Нет, не вру. Отрой его — богат будешь!» — «Ну,— говорит,— тебя! Вот выдумал!» И пошел домой. «Ну, коли не хочешь, как хочешь. После каяться будешь, станешь меня искать». И пропал из виду. Дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай порою». Пошел искать этого чувашенина; нашел. Тот согласился. «Только с условием,— говорит,— с рабочими поделись; не поделишься — не дастся, и если в мысль тебе придет не делиться, клад уйдет, когда копать будешь». — «Хорошо». — «Достань икону, три свечи и заступ, а работника одного рыть заставь».

Вот пришел портной домой, одного работника оставил на ночь дома. Праздник был, все гулять ушли, он ему и говорит: «Останься, ты мне понадобишься; не ходи нынче гулять. Будем клад рыть». — «Ладно». Пришел ночью чувашенин, пошли в хлев, икону поставили, свечи зажгли. Работник с хозяином роют в углу, а чувашенин молитвы читает заговорные, чтобы клад остановить. Только портной роет и думает: «Что это я, неужто своим добром с работником буду делиться? Чай, на моем дворе-то, а не на его?» Как подумал про это, поднялся шум, икону за дверь выкинуло, свечи потухли, и загудел клад, в землю пошел. Стало темно, и давай этого портного по земле возить; возит да возит (нечистая сила). Чувашенин говорит работнику: «Кинься на него! Упади!» Тот упал на хозяина: их двоих стало из угла в угол таскать. Насилу знáхарь остановил заговорною молитвой.

Клад ушел, а чувашенин после и говорит портному: «Вот не хотел поделиться, он и не дался тебе; а теперь в этом доме тебе не житье: нечистая сила тебе в нем не даст — все растащит». Портной видит, что плохо дело, взял да от реки и переселился выше, в другое место, и опять, как был бедный, таким же и остался. Не умел взять.

227. ДЕЛИЛИ КЛАД

Лет более ста тому будет, как сарачиковские жители нечаянно открыли такой клад. Искали они в Мажарах кирпичи и открыли выход. В выходе нашли лодку, покрыта лодка болгарой. Приподняли с одного конца болгару и — удивились и обрадовались: лодка битком была набита, с краями вровень, деньгами, и серебряными и золотыми, больше золотыми. Тут жители и вспомнили, что на этом самом месте допрежь того они часто видели, кто курочку, кто теленка, кто жеребеночка, но никому и в голову не приходило, что это клад казался. Хорошо. Стали теперь судить и рядить, как с кладом поступить, то и сь как его делить, какой кому пай дать, по той самой причине, что на ту пору были тут и казаки, и малые ребятишки, и бабы с грудными младенцами, почитай, все жительство, семей двадцать. В Сарачике оставались только одни караульные казаки с есаулом да хворые. Сначала решили, как и быть должно, по-христиански: разделить клад поровну по всем обывателям, кто и был тут, кто и не был, одно слово, по всем живым душам, даже и по тем младенцам, что были еще в утробе матерей. Хорошо. Дело было под вечер. Отложили раздел до утра и разошлись по домам, а к кладу приставили троих караульчиков, что ни самых лучших богобоязных казаков.

Ночь никому не спалась — одним, семейным, у кого ребятишек много было, — с радости, другим, одиноким, бессемейным, — с зависти. Вот эти, бессемейные-то казаки, и подняли бунт, сошлись на крепостной двор, взбулгачили и есаула, на грех, и тот был без семьи, и тот принял их сторону; сошлись, говорю, на

крепостной двор и подняли гвалт; кричат, что раздел положен несправедливо. «Мы по крайности казаки! — кричат они. — Служим Богу и великому государю. Зачем же равнять нас с бабами, да с ребятишками, да с девушками, а пуще с нерожденными младенцами? Это обидно! — кричат. — Эдаких порядков, чай, ни в одной земле нет! У нас и военная добыча делится не всегда поровну». И пошла, и пошла потеха! Дело чуть до драки не дошло. Напоследок успокоились, и решили так: есаулу, яко начальнику, дать два пая; каждому взрослому мужчине по паю, каждой женщине по полпаю, каждому мальчишке, кто на своих ногах, по четвертой доле пая, каждой девчонке и каждому грудному ребенку по восьмой доле, а нерожденным младенцам ничего!

Но лишь только решили так и ударили по рукам, как в тот же миг раздался под землей гром, треск и — зашумело!.. Это, значит, лодка с казной пошла в землю. Когда затихло, казаки бросились сломя голову туда, где лодка была; но там пропасть одна, а по край пропасти оглушенные громом караульщики! Пожались казаки и всего лишились.

228. КАК БРАТЯ КЛАД ИСКАЛИ

Прошел слух, что в одной деревне, в доме у крестьянина есть клад, находится в скотском хлеве, а получит его тот, кто принесет денег четыреста рублей, серебряными рублями, и чтобы рубли были трех царей. Эта была выдумка шутового мужичка, никакого клада и не было. Весть достигла села Кодемы, и два брата, имея деньги, решились достать клад. Наменяв денег, серебряных рублей трех царей, они отправились в путь. Не зная наверняка, где этот клад, пригласили третьего мужичка, которому место известно было; проводнику было ряжено десять рублей.

Дошли до деревни, где находится дом с кладом, зашли в первую избу, помолились Богу и стали паужнать; попаужнали и стали спрашивать хозяина: «Где дом, в котором клад?» Хозяин рассмеялся и указал, а сам вышел вон. Мужички все трое и

пошли в избу; в избе одна старуха сидит, прядет. Попросились ночевать, пустила. Потом стала спрашивать: «Откуда и куда пошли?» Один брат все старухе и высказал; она говорит: «Клад-то есть у нас, да только трудно его достать-то: надобны деньги, а у нас денег нет. Я живу здесь пятый десяток, и каждый год в Христов день зайду в хлев к скотинке, и скажу: «Христос воскрес!» Мне и ответит: «Воистину воскрес!» — скажет тут же мне: «Возьмите клад, принесите денег тысячу рублей, и клад будет ваш». Но у нас денег нет, все так и остается; если у вас есть деньги, будете счастливы; а если нет, напрасно вы и шли в такую даль». В эту пору приходит в избу и хозяин дома. Поздоровался и стал спрашивать: «Откуда и куда пошли?» Мужички и ему рассказали. Он тоже высказал, что и старуха. Старший брат сказал, что деньги есть. Хозяин и говорит: «Если деньги есть, то и клад получишь». Потом хозяин сел паужинать и мужичков посадил, а как попаужнали, хозяин и говорит: «Ну, теперь давай деньги». Старший брат сел на лавку, высыпал из мешка деньги, серебряные рубли, а хозяин стал на колени считать; посчитавши немного, говорит: «Да ведь у тебя считаны?» — «Считаны». Хозяин взял шапку, выклат из подола старшего брата деньги и вышел с ними из избы; вскоре опять пришел и велел братьям пока отдыхать, а сам опять вышел. Вот и стемнилось, а хозяина все нет. Потом приехали сани, а в них сидит хозяин и с ним двое здоровых мужиков; идут в избу, и как видно, пьяные, и несут бочонок с вином. Пришли в избу, сели за стол и стали песни петь. А тут один по одному набралось мужиков полна изба, и все между собой шепчутся. Хозяин подал братьям по стакану водки и говорит: «Давай же, пойдем!» Взял хозяин фонарь, старший брат за ним; вышли во двор, а потом хозяин и в хлев, а старшему брату что-то страшно стало, он в хлев и не пошел; тогда хозяин и говорит: «Ну как хочешь, воля твоя!» Пошли в избу, а там уже скачут и пляшут; а младшего брата и товарища в избе нет. Старший брат полез на печь. Принесли опять бочонок с вином. Когда все стали пьяны, один здоровый парень и говорит: «А где с кладом-то?» Посмотрели, а брат тут один. Парень и спрашивает: «А где же его товарищи?» Пошептались и пошли по деревне искать, а деревня небольшая, всего пятнадцать домов. Младший же брат, когда старший вышел с хозяином из

избы, услышал, что парни совещаются их убить; они тихонько и вышли и всю деревню обошли, просились ночевать, да никто не пуцал. Жила в деревне одна бобылка, она пустила, а ей брат дал рубль, и бобылка спрятала их в подполье. А пьяные обошли всю деревню, но брата нигде не могли отыскать и воротились все в избу. Еще принесли вина и пьянствовали чуть не до широкого света. Когда рассветало, пришел младший брат с товарищем, а в доме никого уже не было, кроме одной старухи. Старуха дала им краюшку хлеба и сказала: «Подите вы с Богом домов!» Братья рады и тому; отошли от той деревни версты две, тут кабак; идти мимо не посмели, своротили в другую сторону и зашли в деревню. Нашелся добрый человек и не велел братьям идти широкой дорогой, а окольными. Потом вышли на большую дорогу и пришли домой.

ПРОКЛЯТЫЕ

229. ПРОКЛЯТОЙ

Ехал один казак из Самары в Уральск [...] . Тележка у казака была ледащая, словно у башкирца; связана, как говорится, лыком да мочалой; вдобавок не смазана, будто в Самаре и дегтю не нашлось на базаре; и поэтому самому скрипит на все лады; особенно одно колесо отличалось: как только обернется, так и вскрикнет: «тырлы!» И все, братец мой, на один лад «тырлы» да «тырлы». Ничего, однако, казак привык к этому «тырлы». Спустилась дорога под гору и пошла лесом, осинником. Казак сидит на одной наклейке и песенки мурлычет. А колесо свое: как обернется, так и вскрикнет «тырлы». И в лесу откликнется: «тырлы!» Колесо «тырлы», и в лесу «тырлы». Сначала казаку невдомек, что это «тырлы» неспроста; думает, что это в лесу отдается. Немного погодя дорога вышла из лесу и пошла по увалу, по ровному месту, а там и по степи. Казак едет, колесо: «тырлы!» И в степи позади телеги: «тырлы!» «Тырлы» да «тырлы!». Что будешь делать? Немного погодя это самое

«тырлы» слышно не позади, а по правую сторону телеги. Чудеса! Еще немного погодя это «тырлы» слышно по левую сторону. Чудеса! Еще немного погодя это «тырлы» слышно в самой телеге, на другой наклейке, супротив казака. Чудеса! Казак остановился, слез с телеги, обошел кругом, тяжи и кое-что поправил, пересел на другую наклейку и поехал. Казак едет, а колесо опять «тырлы», а в ответ колесу опять «тырлы». Это «тырлы» на другой уж стороне, где прежде казак сидел.

— Что за оказия? — говорит казак сам про себя. — Уж не черт ли шутит?

— Черт не черт, а похож на него! — говорит в ответ казаку невидимый голос.

Казак ужаснулся и давай творить молитву, а сам, вытараща глаза, озирается во все стороны. Думает и то, — не притаился ли кто где, не пугает ли. Но никого нет и быть негде: место гладкое, ни кустика, ни марика.

— Не беспокойся, — говорит казаку невидимый голос, — никого не увидишь. А есть-когда хочешь, — говорит невидимый голос, — я сам тебе покажусь.

Казака покорило, по коже у него мороз пробежал.

— Будь спокоен, — говорит невидимый голос, — никакого худа тебе не сделаю, да и не могу: не в моей власти.

— Да ты кто?! — почти запиал казак. — Прежде скажись, чтобы я знал, а потом уж и покажись.

— Я проклятой! — говорит невидимый голос. — Ну, что, хочешь, чтобы я тебе показался? — спрашивает невидимый голос.

Казак видит, что не отбоярится ему от проклятого, коли тот сам навязывается, — думает: надо-де уважить, а то, пожалуй, — долго ли до греха, — худа бы какого не сделал.

— Кажись! — говорит казак, а у самого голос дрожит. — Только, пожалуйста, — спрашивает казак проклятого, — пожалуйста, почтенный, покажись в пристойном образе, чтобы вдосталь не испугаться...

— Хорошо, — говорит невидимый голос со смехом. — Зажмурь глаза!

Казак зажмурился.

— Гляди! — говорит невидимый голос.

Казак открыл глаза и увидел прямо перед собой, на другой наклейке, мужчину в красной александрийской рубашке. Мужчина был парень молодой, ус только режется,— парень белый, кудрявый, краснощекий, здоровенный, на лбу хошь онучи суши — высохнут.

— Ну, что? Каков я на твои глаза? — спрашивает проклятой казака.

— Ничего,— говорит казак,— на мои глаза, ты такой же человек, как и все люди.

— Да! — говорит проклятой и вздохнул.— Я такой же был человек, как и ты, как и все люди. Да вот, по грехам моим, попал в дьявольское обчество и, почитай, на одном коне с дьяволами сажу.

— По какому же случаю ты попал в дьявольское обчество? — спрашивает казак.

— Известно, по какому,— говорит проклятой.— Мать прокляла; не в час лихое слово молвила и погубила меня.— Правда,— говорит проклятой,— сам я тому причиной: на мать руку поднял... Родом я купец города Нижнего,— чай, слышал? — спрашивает проклятой казака.

— Как не слышать? — говорит казак.— Слышал! Там Макарьевска ярманка.

— Родителя у меня не было в живых, а была одна родительница,— говорит проклятой.— Держала она меня в строгости, что и говорить, да не воздержала; значит, чего в ком не положено, в того не положишь. Однажды и загулялся в разных веселых домах. Слышал ты, как наш брат гуляет? — спрашивал проклятой казака.— Ну,— говорит проклятой,— я и загулялся, и задолжал: вина много перебрал. Денег со мной было немного, расплатиться нечем. Надеялся на товарища, а тот изменил, подлец, скрылся. Хозяева в долг не верят и от себя не отпускают. «Расплатись,— говорят,— за вино да за музыку; не то,— говорят,— в полицию представим». Что делать? Послать к матушке за деньгами — боюсь. Знаю, мать денег не даст. А там пристают: «Расплатись,— говорят,— сию ж минуту расплатись; не то,— говорят,— за будущниками пошлем». Дулся, дулся, да и перевернулся: скинул с себя всю одежду, какая была, и отдал под заклад. «Когда,— говорят,— принесешь деньги,— тогда возьмешь свое обратно».

Остался я в одной рубаше и в таком виде пришел домой. Мать вскинулась на меня, стала бранить и бить. Я, с пьяных-то глаз, возьми и толкни матушку в грудь. Этого, знамо дело, матушка не стерпела, плюнула мне в рожу, да и сказала: «Будь же ты за это, анафема, проклят!» На беду мою,—говорит проклятой,—пришлось матушке слова эти выговорить не в час. Ну, и кончен бал! В тот же миг подцепили меня дьяволы и увлекли в свое сонмище! Теперь,—говорит проклятой,—и исполняю повеленное мне дьяволом.

— Что ж ты делаешь? — спрашивает казак.

— Известно что,—говорит проклятой,—слоняюсь по миру между людьми, отыскивая таких девушек, иль-бо молодухек, кои по полюбовникам или по мужьям тоскуют, примазываюсь к ним и... Дальше нечего рассказывать, сам знаешь.

— Какая же польза тебе от того? — спрашивает казак.

— Как какая? — говорит проклятой.— Чудной ты человек! Ведь я во плоти... Опять и то, если б я и не хотел, так дьяволы приневолят: я в их власти. Что прикажут, то и исполняй. А вздумай-ка послушаться, беда! Так отстегают железными раскаленными прутьями, что в другой раз не захочешь супротивничать. Таков предел.

— Да дьяволам-то какая польза от этого? — спрашивает казак.
[...]

— А вот какая! — говорит проклятой.— К которой женщине я прикачнусь, ведь она может забеременеть и родить. Вот этого-то младенца, что от меня родится, дьяволы и подцепят и утащат к себе,—ни в жисть не оставят между людьми. Дьяволы, видишь ли, какую-то выгоду находят в том, чтобы как можно больше залучить в свое обчество человеческих душ и во плоти, и без плоти,—особенно дорожат младенческими душами. Хорошенько не умею тебе объяснить,—говорит проклятой,—какую выгоду из этого дьяволы чают получить,—насчет этого они больно не откровенны с нашим братом. Одно заметно, что они больно дорожат младенческими душами.

— Значит, все проклятые занимаются этим же ремеслом? — допытывается казак.

— Нет, не все! — говорит проклятой.— Те только занимаются этим ремеслом, кто в совершенных летах.

— А рази, кроме младенцев, что от вашего брата родятся, есть между вами и несовершеннолетних? — спрашивает казак.

— Есть, — говорит проклятой, — примерно, мальчики и девочки. Эти, глядя по возрасту, около дома шишлят; примерно, мальчики дрова собирают, провизию запасают, а девочки есть готовят, одежду починяют, новую шьют, прочее такое, все по домашности...

— Где ж провизию-то берете, где одежду-то берете? — спрашивает казак.

— Как где? Между людьми побираемся! — говорит проклятой. — Для этого нарочно снаряжаем партии мальчишек. Те, невидимо от людей, ходят по домам, по базару, по мясным рядам, выглядывают, где что положено без молитвы, и от всего этого дерут по малости, — нарочно берут по малости, чтобы хозяевам не вдогад было. Примерно, если побирušки наши из всех лавок в мясном ряду по фунтику возьмут мяса, так и то с пуд наберут. Вот этим-то и пробавляемся.

— По какому же побыту маленькие-то попадают к вам? — спрашивает казак.

— Да по такому же, по какому, примерно, и я попал, — говорит проклятой. — Знамо, родители проклинаят. К примеру, раскричится иль-бо разбалуется ребенок, надоест матери. Та с досады и скажет ребенку: «О, чтоб черти тебя взяли!» или: «Отвяжись ты, проклятый!» иль-бо что другое похожее на это. И скажет мать такое не в час, и не случится на ту пору на ребенке креста, — ну и кончен бал! Черти в тот же миг подхватят ребенка и утащат к себе, — поминай как звали.

— А есть между вами старики иль-бо старухи? — допытывался старик.

— Нет! — говорит проклятой. — По самой причине нет: кто же будет проклинять их, то ись стариков и старух? Некому! Правда, бывают средственных лет мужчины и женщины, да редко, очень-очень редко, — а всё молодежь одна да мелюзга. А сами мы, — говорит проклятой, — не растем и не стареемся: как кого в каком возрасте застанет проклятие, так тот в таком возрасте и остается на всю жизнь; а жизнь наша, — говорит проклятой и вздыхает, — жизнь наша долга, до второго пришествия, до суда страшного.

— А тогда что будет? — спрашивает казак.

— Не ведаем! — говорит проклятой. — Эта статья от нас закрыта.

— Ну, а совершенных лет проклятые девки и молодые женщины, то ись, по-нашему, шутовки, те тоже этим художеством занимаются, каким, к примеру, и ты? — спрашивает казак.

— Непременно! — говорит проклятой. — Они еще больше нашего брата об этаких делах хлопчат, да только, горе их, мало успевают. [...]

— По какой же причине мало? — спрашивает казак.

— А по той самой, — говорит проклятой, — что к мужчине трудно прикачнуться: мужчина супротив женщины крепче. Редкий, редкий мужчина, рази из тысячи один, предается тоске по жене иль-бо по любовнице; а без этого и прикачнуться нельзя. Женщины же супротив мужчин гораздо слабее, к греху самохотному, чтобы не сглазить, большую привержность имеют; и потому самому нашему брату лафа около женщин: купаемся, словно сыр в масле. Я тебе про себя скажу, — говорит проклятой. — Недавно, с год тому, в селе, под городом Самарой, одна девушка врезалась в молодого парня, в работника. Некоё время пробавлялись они сухой любовью: надзор в доме был строгий. Вдруг случился набор, и забрили работнику лоб. Всплакалась девушка и предалась тоске-отчаянию; лишилась, бедняжечка, сна и пици. На ту пору я проходил через то село, где жила девушка, узнал ее положение, увидел и самое: ничего, девка смазливая. «Хорошо, — думаю, — к этой можно прикачнуться». Ведь и у нас, — говорит проклятой казаку, — и у нас губа-то не дура, язык не лопатка, знает, что сладко. Насчет этой статьи мы разборчивы, на кой-каких не заримся, а выбираем, чтоб была и молода, и хороша, и слобна. А вот шутовки, — говорит проклятой, — те не разбирают, всякому рады, был бы только мужчина, по той самой причине, я уж тебе сказал, что им не лафа около мужчин. Хорошо, — говорит проклятой, — решил я, значит, прикачнуться к той девушке и для того выбрал такую минуту, когда она сидела в избе одна и плакала по полюбовничке, принял на себя образ полюбовничка, — на этот счет мы молодцы, можем всякие личины принимать, — обрядился в солдатскую шинель...

— Где ж ты шинель-то взял? — спрашивает казак.

— Вот еще о чем спрашивает?! — говорит проклятой. — Где взял? Да сбондил! Нарочно в город Самару слетал и там у гарнизонных солдат из цехауза стянул. Больше негде было взять. Обрядимшись некрутиком, я, — говорит проклятой, — и представился Маше, — девушку Машей звали. Та, как только узрела меня, так, словно безумная, и бросилась мне на шею и давай целовать: этого только мне и нужно было. С того самого раза, — говорит проклятой, — как женщина, своей волей, коснется до нашего брата, она наша... «Откуда ты, соколик мой?» — говорит Маша, а сама целует меня. «Тише, тише, — говорю ей, — кто бы не услышал. Бежал, — говорю, — из роты: о тебе соскучился». — «Куда ж мне девать тебя?» — спрашивает Маша, когда мы с ней нацеловались и намиловались. «Об этом, — говорю, — не беспокойся. Теперь лето, проживу, — говорю, — на огороде, в коноплянике». И зажил я в коноплянике, — говорит проклятой. — Маша каждую ночь приходила ко мне и есть приносила. Сначала я не мог есть этой пищи, по той причине, что с молитвой готовлена. Приказал Маше, чтобы она сама готовила, без молитвы; Маша так и сделала. К осени перешел я из конопляника в теплый погреб, что в избе был под полом, и в нем поселился. День, бывало, сижу в погребе, а в ночь к Маше. Жисть была славная, хоть бы и не проклятому: пил-ел сладко, спал мягко. Главное, никто не беспокоил, никто, значит, не догадывался. Напоследок догадались: Маша забрюхатела. Отец Маши принялся сейчас же за крест да за молитву. Ну, супротив этого нашему брату не устоять, я тое ж минуту оборотился в муху и драло из погреба, а там из избы: улепетнул, значит. Не в похвальбу сказать, — говорит проклятой, — наш брат никогда крепко не держится за полюбовниц. Чуть не так, — поклон, да и был таков. А все по той причине, что завести нашему брату другую полюбовницу нетрудно; во всех странах, куда ни заверни, везде сыщешь. В ину пору у нашего брата по несколько полюбовниц враз бывает. Так и странствуем от одной к другой, скуку разгоняем. Если расстояние малое, примерно, в одном селе или в одном городе, — ходим пешечком, не торопясь, а если расстояние большое, — примерно, одна полюбовница в селе, а другая в другом, — то оборачиваемся в какую-нибудь птицу иль-бо в огненный шар и перелетаем. В последнее

время, однако,— говорит проклятой,— черти запрет положили, чтоб мы, без крайней нужды, огненным шаром не летали, по той причине, что-де люди скоро узнают. Да,— говорит проклятой,— на нас людям много жаловаться грех: мы не привязчивы. А вот шутовки — статья иная: те не в нас. Тех как ни гоняй, как ни обжигай, они все свое. Примерно, засадят осетованного шутовкой мужчину в избу, и все двери, все окна, все, значит, продухи заградят крестом и молитвой. Кажись, что бы тут делать? Одно — махнуть рукой и уйти. Наш брат так и делает; а шутовка не так. Шутовка ни за что скоро не расстанется с своим полюбовником, готова околеть, шельма, около того дома, где полюбовник, отыщет какую-нибудь щелочку и влезет-таки, влезет к нему. Жалко, значит, расстаться. А все потому, я уж тебе говорил, что, на их несчастье, мало выдается таких слабодушных мужчин, а без мужчин, дело известное, жить скучно, особенно тем, кои привержены к самохотному греху. Из них,— говорит проклятой,— такие есть жлудные до мужчин, что осетуют какого, то ни в жисть не расстанутся с ним, возьмут да и задушат бедного, чтобы никому не доставался. [...]

230. ПРОКЛЯТАЯ

В Новый год молодые парни собрались, девки, заспорили, кто пойдет в баню, принесет камень. Один парень пошел, подошел к каменке, хотел взять камень — а его цап за руки.

— Возьмешь замуж — отпущу, нет — задавлю.

Пришел домой парень, заболел. День, второй... на третий все рассказал матери. Мать дома все перекрестила и засвятила. А она ночью приходит:

— Что? Засвятила, закрестила? А я тебя все равно найду!

Ну вот, отец поехал к попу. А поп говорит:

— Пушай он ее заставит в церкви венчаться.

Пришел парень в баню, сказал ей про венчанье-то, а она:

— Ну и что?! Я венчана буду, жена твоя буду. Мне ни платья не надо, ниче не надо. А откуль ты высватал меня, оттуль и

бери. Ты придешь в баню, там будет стол, на нем закуски, вино. Вы не пейте, не ешьте. А ты бери меня за руку и выводи.

Вот они пришли, открыли баню, а она, правда, сидит обло-чена уже. А перед этим она ему сказала:

— Только не говори «Господи, благослови».

Вывел ее. Пара коней стоит, а она ему сказала:

— Поезжай, а я за тобой следом.

В церковь пришли, окрестили, поставили к венцу, обвенчались. Приехали, смотрят: красавица девка, статна така. Поп ска-зал, чтоб двенадцать обедней отслужили.

Вот на масленку все молодые едут к теще на блины, а све-кровка и говорит:

— Вот видишь че, а вы куда поедете? В баню?

— А че? И мы поедем, только далеко. У меня тоже отец и мать есть.

Собрались, поехали. День едут, второй едут, на третий за-ехали в деревню. Подъехали к одному дому, а в нем ребенок ревет. Она:

— Иди, просись ночевать, да и полечить ребеночка надо.

Заехали, подошла она к зыбке-то, это невестка-то, посмея-лась. А хозяйка-то ей:

— Девка, ты че? Умешь, дак лечи.

Попросила топор, берет из зыбки осиновое полено в тря-пице. На пороге трижды рубанула его и говорит матери:

— Вот ты с кем водилась. Ты меня прокляла, а чертенок-то в зыбке остался.

231. О НЕКРЕЩЕНОЙ ДЕВИЦЕ

Жили мужчина с женщиной. У их было два сына. Одного девки любили, а другого не любили девки. Ну вот, он один раз повалился спать и говорит: «Хоть бы кака некрещена меня полюбила!»

Ну и стала эта девушка некрещена ходить каждую ночь к нему. Брат слышат с невесткой, что с кем-то он разговаривает.

«С кем это ты разговариваешь?» — «Да какая-то девушка тут ко мне ходит». — «Что-то вы всё: она до двенадцати часов с тобой говорит, а с двенадцати ее и нет?» — «А, — говорит, — надо сходить к бабке-знахарке, может, она что и скажет?» Вот пришли к бабушке-знахарке, а бабушка и говорит: «Если, — говорит, — крещеная, так припаси крест и пояс. И только до двенадцати часов на ней накинй. И если она крещеная, дак у тебя останется, ну а если некрещеная, дак не будет ей, уйдет». Ну, он все приготовил. Она пришла, с им разговаривает, а он в это время накинул на ей крест и пояс. Она заревела, билась, билась, так нагой и осталась. И закричала, что-ка дайте мне-ка платье. Ну, эта невестка прибежала, одела ей, этот женился на ей, она и осталась у его.

Ну, а потом она рассказывает: «Я, — говорит, — попа дочь была, и меня мать проклянула маленьку, и вот теперь двадцатый год идет, а она все возится с ребенком. Ну, поедем, — говорит, — теперь к ней нонче в гости!» И вот приехали, а мать полы моет. Ну, она запросилась на квартиру. Ну, мать не спускает, а поп ушел вечерню служить. Мать не спускает, говорит: «Куда я вас на квартиру спущу, если у меня ребенок покою не дает, день и ночь ревет, покою нет!» — «Ну, — говорит, — а ревет, дак я покачаю, а ты помоешь». Ну, она там пол намывает, а та села качать. Качала, качала, а он ревет. Она его вытащила да хрясь об пол. Мать прибежала и кричит: «Что ты наделала, что ты наделала?! Я двадцать лет вожусь, да не выкинула, а ты...» — «Да ты посмотри, — говорит, — с кем ты возилась! Ведь там полено, а я твоя-то дочь. Вот, — говорит, — меня спас человек».

Вот отец со службы пришел из этой, из церкви, и вот она рассказала, как жила и как ходила: «А все, — говорит, — я приходила, ее качала и мучила, меня посылали мучить, чтоб она день и ночь редела, все дразнила, чтоб она редела. А я, — говорит, — ваша дочь». А она еще прибор-от с собой принесла. Золотой прибор. Прибор-то кинул отец, — к черту, говорит, прибор, — черту отдал, а черт схватил да притащил домой. «А я, — говорит, — прибор-от с собой забрала». Тогда сказала, отец так и принял ее.

Вот тоже был, говорят, была.

232. ВОЗВРАЩЕННЫЙ СЫН

В досюльные годы в Заонежье жил старик, и померли у него оба сына. Остался он один со старухой, кормился охотой, и была у него собака, ей цены нет. И раз попался ему встречу хорошо убранный человек: «Продай,— говорит,— собаку и приходи ко мне на Мянть-гору завтра вечером за расчетом». Старик собаку отдал, а на другой день пошел на Мянть-гору. Идет себе да думает: «Здесь и дороги никогда не было». Как поднялся на верх горы, видит большой город, и показали ему дом хорошо убранного человека. Самого хозяина еще не было дома, но старика напоили, накормили, послали попариться во баенку и дали ему парильщиком доброго молодца. Как выпарил старика молодец в парной баенке, пал ему в ноги и говорит: «Не бери, дедушка, за собаку жалованья, а проси меня». — «Хорошо,— скажет,— дитячко!» Воротились они тут в палаты; хозяин уже дома и спрашивает старика: «Что тебе за собаку?» — «А не надо мне ни золота, ни серебра. Дай мне этого дородня добра молодца; детей у меня нетути; будет он мне на место сына». — «Много ты просишь, старичок, да делать нечего: надо дать».

И велели молодцу надеть одежду самолучшую, дали ему хорошую шляпу, сапоги козловые и все исправное; отпустили его со стариком и на прощеньеице дали пятьсот рублей на его житье. Как пришли они на фатеру, молодец и говорит ему: «Отдай, дедушка, деньги старухе, а у нас денег будет. Ступай ты в Новгород и отыщи на улице Рогатице такого-то купца». И рассказал ему тот молодец, что надо сделать и что говорить, и отпустил в Новгород. Старик пришел в Новгород, разыскал на Рогатице дом купца и попросился к нему ночь ночевать. После ужина стал старик купца спрашивать: «Было ли у тебя детей?» — «Был,— говорит,— сын, любимое детище, да мать в сердцах выговаривала ему: «Лембой те возьми»; лембой его и унес». — «А что дадите, я вам его ворочу?» — «Где тебе-ка-ва вернуть? Сколько у нас денег было держано, сколько добрых людей прошено, а не могли воротить сыночка». — «Так послушайте же: есть у вас в кладовой зеленый сундук, в сундуке с левой руки лежит на самом дне перстень, с ним и найдете сына».

Взяли перстень и поехали в Заонежье. Признал купец

дородня добра молодца за сына и хотел наградить старика не-счетной казной. А сын ему говорит: «Старика нам отпустить не мочно: ты меня породил, а он мне второй отец, из лютой неволи высвободил». И тут они стали все вместе жить да быть.

233. ПРОКЛЯТЫЕ

Одна старуха много терпела от сына своего. Он был очень злой. Вот один раз за обедом он три раза вырывал ложку у ней и бросал к порогу. Старуха не стерпела и вышла из-за стола, положила перед Богом три поклона и сказала сыну три раза: «Будь ты проклят!» И что-то ему сделалось — не смог он на нее даже руки поднять. А она отрезала у себя прядь волос и связала ему руки. И тут же он и помер. Вот похоронили его. Только земля-то, значит, его и не принимает — гроб-то вышел поверх земли. Стали ее просить, чтобы простила сына. Нет, она все не прощает. И пока она его не простила, все гроб был наружи, да и сама она не могла помереть. Старая-престарая сделалась, а все не умирает. Никто уж ее не стал помнить. Стали наконец ее спрашивать, отчего не умирает, — она рассказала. Наконец, смирилось ее сердце. Благословила сына. И в ту же минуту и гроб ушел, и она умерла.

234. МАТЬ ПРОСТИЛА ПРОКЛЯТОГО СЫНА

Остались [на Груманте] на зиму двое промышленников в одной фатере. Один из них заболел и хворал месяца три или четыре. Здоровый это время ходил за больным, как за родным братом. В одну ночь и говорит больной товарищу: «Завтра я, Иванушка, помру». — «Господь с тобой, что это ты вздумал! Даст Бог, здоровее меня будешь». А тот ему отвечает: «Ты меня, брат, не жалея, я как помру, тебя съем». — «Ну, — говорит, — коли

съешь, и то ладно». Как сказано, так и сделано. Умер больной, товарищ обмыл его, одел, положил его на стол и стал над ним читать на память молитвы.

Как подошло время полуночное, взошел в окошко светел месяц, мертвый зашевелился. Видит Иванушка, плохо дело: первое дело товарищ исполнил,— умер, стало, и другое исполнит — съест. Вот он зачурался и пуще прежнего принялся читать молитвы. А мертвый поднялся, потоптался, потоптался на одном месте и стал разводить руками, искать товарища. Иванушка все от него кругом стола ходит да молитву читает. Зубы у мертвеца так и стучат, пробует он отворить глаза,— немочно. А тут, на счастье, куры пропели, и говорит мертвец: «Счастлив твой Бог, ушел ты от меня сегодня цел, так я ж те завтра съем». И опять лег мертвец на стол.

А на Груманте нет зимою ни дня, ни ночи, все темень. Почитал еще молодец молитвы и пошел ходить по полю. Напала на него такая тоска: нейдет на ум ни еда, ни питье. А к вечеру, делать нечего, надо вернуться на фатеру: на дворе не товарищ, так звери съедят. Стал молодец в большой угол и творит молитву. В полуночную пору мертвец опять поднялся, весь синий, развел руки и стал разыскивать Иванушку. Походили они около стола, покойник остановился и вспомнил: «Вот оно что,— говорит,— надо глаза отворить». Бился он с глазами, индо распух, напоследок глянул и выговорил: «Я тебя, Иване, вижу и теперь наверно съем». Ступил он к Ивану шаг, а под полом заговорило: «Врешь, брат, не съешь, може, я тебя съем». И вылез из подполья другой мертвец: саван у него в лоскутьях, на костях одни клочья висят. И стали мертвецы между собою подираться, и костяк первому покойнику руку пооторвал. Запели куры, костяк пропал, а Иванов товарищ захватил с собой руку и лег на стол.

Такая тоска напала на Иванушку, что хоть руки на себя наложи. «Что будет,— думает,— по вечеру, помилуй мя, Господи, и спаси». А к ночи все-таки вернулся на фатеру. В урочное время, как зашевелился Иванов товарищ на столе, полез и другой мертвец из подполья. И пошла между ними драка великая, а на Иванушку напал такой страх, такой трус, что он обомлел. Как очнулся из забытья, слышит — кто-то чавкает, ан это костяк его

товарища грызет, работает над ним, не прокладаячись. Съел он ему голову и пал Ивану в ноги: «Теперь,— говорит,— я пойду в свое подполье и твоего недруга возьму. А ты, Иванушка, как будешь дома, в Заонеге, сходи в такую-то деревню: живет там ветхая старушонка, моя матушка, ей более ста и семидесяти годов. Как был я жив, не почитал ее, все ей насупротив делал, и завел я всяким беспутством заниматься, до того дошел, что с родною сестрою любовь свел, а когда она от меня понос понесла, то я стыда ради ушел на Грумант, без матерья благословения. За это матушка прокляла меня такую клятвой, что меня мать-сыра земля не принимает, а у ней Господь не берет души со белых грудей. И расскажи ты, Иванушка, ей про мое великое горе, авось меня помилует, тогда и ее Господь Бог отпустит со бела света. А коли не захотит простить, проси ее о том неотступно со священником». И слез мертвец в подполье и Иванова товарища обрал.

Как наступило лето, съехал Иванушка домой, а мертвеца положил в гроб и на лодке свез на родную сторону. И по приезде первым делом пошел к его матушке: сидит она старая-престарая, еле душа в теле держится, и на Иванову просьбу только рукой отмахивается. Тогда Иванушка привел священника, и сообща они уговорили старуху простить сына. Выговорила она прощенье, едва привстала, благословилась у священника и стала кончаться. Тогда сына ее отпели, похоронили его в благословенной земле, и земля его приняла. А сам-то Иванушка стал жить, поживать, деток наживать и теперь живет.

235. УБИЙЦА РОДИТЕЛЕЙ

Был у отца был сын. Все по вечеревкам ходил. А им, родителям, не глянется: они бранятся. «Я убью их!» Отца, мать убил, теперь некому браниться. Пожил. «Эх,— говорит,— я грех экой сделал, отца, матерю убил, что же за это мне будет!» Ушел каяться священнику: «Отец духовной, покай меня».— «Ну какие грехи? Сказывай».— «Отца, мать убил».— «Нет,— говорит,— я

этим грехам не знаю прощения,— священник отвечает.— Поди,— говорит,— есть старец, молится в таком-то месте, так он, может, знает прощения этим грехам».

Колотится у кельи: «Отче старец, пусти меня. А я, грешный человек, иду каяться». Старец келью отпер, пустил его, крест, Евангелье на налой вынул и — «Сказывай, какие грехи». — «Вон,— говорит,— отца, мать убил». — «Нет,— говорит,— я этим грехам не знаю прощения. Поди, в таком-то месте есть старец, он Божью половину знает, он скажет».

Он опять добрался до кельи. Колотится: «Отче старец, пусти меня». Старец отвечает: «Кто есть?» — «Грешный человек, иду каяться». Он келью отпер, крест, Евангелье вынес на налой. «Какие грехи? Сказывай». Он говорит: «Отца, мать убил», — кается. «Я,— говорит,— не знаю этим грехам прощения. Стань же на то место, где я молился». Ну, он стал на то место, где молился этот старец, стоял. Он вышел на улицу, тот старец, и говорит: «Господи, твой раб пришел каяться».

Господь с небеси опустилсЯ и стал перед икону прямо к образам, спиной к иконе и говорит: «Какие грехи? Сказывай» (он сам Господь: креста в руке не держит). «Вот,— говорит,— отца и мать убил». — «А,— говорит,— летите ангелы за отцом, за матерью, несите сюда». Оне в три минуты слетали, поставили их тут рядом. «Проси у отца и матери. Я прошу». Вот он им кланяется: «Отец и мать, простите за то, что я вас убил» (как живые стоят: души не умирают). А они отвечают: «Мы молоды были, хотелось нам пожить. Не простим грехов». Господь и говорит: «Отлетите же в то место, где-ка были». А были они в аду. «Господи, простим мы сыну-то грехи, избави нас того места». И муки вечные избавились. Они ему грехи простили, и Господь им простил.

ПОБЫВАВШИЕ НА ТОМ СВЕТЕ

236. ОБМИРАВШАЯ

Тетушка — царство ей небесное! — долгое время вдовствовала, и — как подобает — вдовство свое соблюла в должном порядке и в чистоте целомудренной. После дядюшки хоша осталась и в молодых годах, хоша и наvertывались женишки, однако тетушка замуж не пошла. Одно слово, от младости и до старости вела жизнь воздержную и благочестивую, и за это самое Господь Бог и взыскал ее таким счастьем, сподобил, значит, зарань увидеть рай и муку и уготованное для нее самой место на том свете.

В ту пору проезжал через наш форпост старообрядческий священник, отец Василий. Тетушка исповедалась и причастилась, как делала она кажинный год. Утром она причастилась, а к обеду умерла, и умерла-то тихим молчанием, недуманно-негаданно, никто из семьи и в уме не держал, чтобы тетушка могла в то время умереть, потому что была на своих ногах и ни на что не

жаловалась; просто легла после праведной молитвы на свою постельку отдохнуть — и умерла, то ись не умерла, а яко бы започивала. Сначала в доме так и полагали, что спит, а напоследок уверились, что умерла: лежит без движения, дыхание прекратилось, сердце не бьется, тельцо похолодело, словно лед, и стало костенеть. Родные потужили, погоревали, однако не плакали, не рыдали. Зачем плакать-рыдать? Праведная душенька оставила сей бренный свет, сию юдоль печальную, и переселилась в райскую обитель, где нет ни плача, ни воздыхания, но жизнь вечная! И в Святом писании, заметил рассказчик, сказано, что-де немалый грех плакать по покойникам, а что-де радоваться должно.

Хорошо. Убрали тетушку и снарядили, как подобает, положили в гроб и поставили в переднем углу под образами, а из Кулагина привезли читальщицу, старую девушку; и та, по правилам веры святых отец, стала править (читать) Псалтырь. Хорошо. День прошел, другой прошел; на третий хотели хоронить, да приостановились: ждали с Узеней старшего сына, чтобы проститься с родительницей; за ним гонца послали. А жара и духота на дворе стояла страшная, а покойница — чудное дело! — ничуть не тронулась, и признака не было, чтобы мертвая. Дивились люди и рассуждали промеж себя, что, видно-де, за благочестие тетушки Господь Бог показывает над ней свое благоволение и знамение, — не хочет-де, чтобы бренное тело покойницы предалось тлению и смердению. Хорошо. На третий день вечером собралась вся семья в сенях и готовилась поужинать, чем Бог послал. Кликнули и читальщицу. Та сократила (погасила) свечку и вышла в сени, а дверь в избу притворила. И только что сели за стол, как дверь из избы тихонько отворилась и на пороге показалась тетушка во всем уборе, как лежала в гробу: и в саване, и с венчиком на голове, и с лестовочкой в руках. «Ангел за трапезой!» — сказала тетушка. А у самой личико так и сияет, так и сияет, словно у младенца, радующегося на лик ангела-хранителя.

И чудное дело, хоша бы одна душа из семьи испугалась. А как бы не испугаться? Сам посуди, мертвый восстал из гроба и представился живым. Напротив, батенька, все, кто тут был, и большой и малый, все с радости побросали ложки и кинулись к

тетушке, словно бы она не из гроба встала, словно бы она из гостей пришла; кинулись, говорю, к тетушке все и давай вперебой дружи перед дружкой обнимать ее и целовать. [...]

Тетушка рассказывала, что, когда она легла в постель и задремала, ее яко бы разбудили два лепообразных вьюноша, в светлых ризах и с крылышками за плечами: это были ангелы-хранители, пояснил рассказчик. И повели ангелы-хранители тетушку с собой и показали ей сначала рай, где души праведные обитают и блаженствуют, а потом ад, где души грешные обитают и мучаются. Тетушка не хвасталась, как иные прочие, а говорила самую истинную правду, то ись что видела своими глазами, что слышала своими ушами, о том только и говорила, а чего не видала, чего не слыхала, о том и не говорила. К примеру, в самом раю она не была — и не говорила, а только постояла у золотой решетки с золотыми херувимчиками наверху. И сквозь решетку видела неизреченной красоты сад зеленый, и весь-то он из благоухания, и весь-то он из виноградных и ягодных кусточков, и весь-то он из финиковых и кипарисных деревьев, и весь-то он искрещен ручейками с ключевой водицей, и через каждый-то ручеек перекинут с золотыми перилами мосточек; одно слово — рай, об нем же грешным нашим языком и рассказать не можно. И населен-то он душами праведников и праведниц. И гуляют души праведные по саду меж кусточков и цветочков, гуляют и Господа Бога прославляют. А иные души праведные сидят на золотых скамеечках под деревьями и ублажают себя чтением книг богодухновенных. И все-то души праведные личиком светлые, прекрасные и радостные, что твои херувимчики писанные. И по всему-то саду раздаются песни сладкогласные, песни ангельские, песни богохвальные, прославленные. Тетушка смотрит на все и не насмотрится, слушает и не наслушается. Жалко было тетушке оторваться от решетки: весь бы век она тут стояла, весь бы век глядела да слушала. Уж так-то было сладостно и радостно. Однако пора была идти прочь.

И повели ангелы-хранители тетушку от золотой решетки в другую сторону и через мало ли, через много ли время подвели к железной решетке. За этой решеткой далеко, далеко уж не то, что за золотой решеткой. [...] За этой решеткой, батенька, пропасть, а в пропасти огонь неугасимый, червь всеточивый, смола

вскипяченная, свинец и олово растопленные! Из пропасти выходит чад, смрад нестерпимые, слышен вой, стон, плач, вельми ужасные, и скрежет зубовой! Это ад крошечный, это тартар трисподний, его же души грешников наследуют! Тетушка страх ума объял, и она не вытерпела, отворотилась от этого зрелища. Даже ангелы-хранители, на что уж ангелы, духи бесплотные и слуги самого Господа, а и те личики свои закрыли крылышками. Таково-то уж зрелище было ужасное, противное!

Тут недолго побыли, пошли в третье место, где нет ни рай, ни мука, это место так и слывет под прозванием: ни рай — ни мука, иль-бо: между раем и мукой. Тут обитают души в половину праведные и в половину грешные. К примеру, у кого наберется и добрых, и злых дел поровну и кого, значит, поэтому нельзя ни в рай водворить и ни в муку посадить, того тут и поселяют. И живут они, эти в половину праведные и в половину грешные души, не то чтобы в большом удовольствии, не то чтобы в большой изневаге, а так себе, ни то ни се, середка наполовине. И за то благодарение Господу Богу! Что касается меня, я бы и этим местом был доволен да преддоволен, лишь попасть в него, заметил рассказчик и с благоговением перекрестился.

В этом месте, продолжал старик, тетушка удостоилась кое кем из живущих тут и поговорить. К примеру, была она в одной небольшой деревушечке и проходила улицей. По обе стороны улицы выстроены домики, и такие-то хорошенькие, и такие-то пригоженькие, и такие-то уютненькие, любо-дорого смотреть. Одно только скрадывало: домики крыты не тесом, а забраны кое-какими драничками, везде щели. И у каждого домика, у ворот и у завалинок, стоят крашенные скамеечки, а на скамеечках кое-где сидят старушки, в черненьких сарафанчиках, без прозументов, а только с одними пуговками, и в беленьких повязочках. Тетушка подошла к одной старушке. Та сидит на скамеечке и с благоговением читает книгу — Библию.

— Бог в помощь! — говорит тетушка.

— Спасет Бог! — говорит старушка.

— Что это у вас, матушка, — спрашивает тетушка старушку, — домики-то не в порядке: построены-то они, видится, хорошенько, хозяйственным манером, а покрыты дранью, словно будто и тесу не достало?

— Так Господу Богу угодно! — говорит старушка и перевернула книгу. — Не угодили мы, грешницы, Ему, и за то самое домики наши не покрыты, как следоват. Дело, видишь ли, вот в чем, моя касатушка, — говорит старушка. — В жизни земной, не в похвальбу сказать, доводилось нам, сиречь живущим в этой деревушечке, делать кое-какие добрые дела. Примерно, выручу я кого деньгами или другим чем, а не то сослужу кому какую услугу, и тот человек, кого выручу или кому услужу, знамо дело, поблагодарит меня, скажет: «Благодарствую!» Иль-бо: «Спасет тебя Бог!» А я ему на это скажу: «Не на чем!» Иль-бо: «Не за что!» А эти слова, заметь, касатушка, — говорит старушка тетушке, — эти слова неприятны Господу Богу; эти слова обличают якобы небрежение к доброму делу, — эти слова показывают якобы унижение, а унижение, касатушка, чай, сама знаешь, паче гордости. Вот за эти-то самые слова, сиречь: не на чем иль-бо не за что, Господь Бог и лишил нас хороших крепких крыш; и оттого-то мы в ину пору и терпим от дождей, от буранов и от всякого ненастья. Ты это запомни, касатушка, — говорит старушка тетушке, — и когда выйдешь на землю, поведай людям, чтобы они остерегались этих слов, сиречь: не на чем иль-бо не за что, никогда бы их не говорили, а беспрерывно говорили бы: «На доброе здоровье!» Иль-бо: «Благодари Господа Бога!» К слову пришлось, — говорит старушка тетушке. — Вот что еще, касатушка, попомни: коли кто сотворит тебе какое ни на есть добро, то ты не говори ему «спасибо!» — это слово неприятно Господу Богу; а говори всегда: «спасет тебя Господь Бог!» Иль-бо просто: «благодарствую!» А слова спасибо избегай, касатушка: неприятно оно Господу Богу. А знаешь ли, почему оно неприятно Господу Богу? — спрашивает старушка тетушку. — Где ж тебе знать! — говорит старушка. — Я тебе расскажу. Неприятно оно вот почему: в одной неверной земле люди не признавали истинного Бога и Сына его Иисуса Христа, и Духа Святого, и не поклонялись им, а поклонялись идолу бездушному, из чурбана сделанному. Имя этому идолу было: Аба. И когда омраченные мраком неверия люди поклонялись этому идолу, они зывали к нему: «Спаси нас, Аба!» Или просто: «Спаси, Аба!» Видишь ли теперь, касатушка, — говорит старуха тетушке, — слово спасибо и смахивает на идольское: спаси, Аба. И по этой

причине советую тебе, касатушка,— говорит старуха тетушке,— избегай этого слова, а завсегда говори, как я уж тебе сказала: «Спасет тебя Господь Бог!» или просто: «Благодарствую!».¹¹⁰

Отсюда пошли дальше. Пришли в другую и довольно-таки большую деревню, и все-то в ней — чудное дело — были татары одни. Тетушка остановилась посреде улицы и дивуется. А ангелы-хранители говорят тетушке:

— Не дивись, раба Божия Агрипина! Это милостивые татары. По делом своим они достойны быть в раю; но понеже родились они и жили в нечестивой вере, мухаметовой, то и нельзя их водворить в рай. На это,— говорят ангелы,— слово Божие гласит тако: аще кто не родится водой и духом, то ись не просветится и не очистится святым крещением, тот не может внити в царствие небесное. И по тому самому отведено им место здесь, то ись между раем и мукой. Больше девать их некуда. А сослать в ад — жалко: люди они были все-таки хорошие, смиренные, добрые, много милостыни творили.

Отсюда пошли дальше. Вышли в открытое поле и подошли к небольшой избушке. В избушке, у окна за железной решеткой, сидит, якобы узник какой, человек с опаленными волосами и бровями, с потертой шеей, и сам из себя такой черный, закопченный, словно трубочист. Около избушки ходит, якобы на часах, ангел-хранитель с огненным мечом и с огненным копием в руках. Крылышки у него несколько опалены. Ангелы-хранители, что тетушку сопровождали, подошли к тому ангелу, что у избушки ходит, и стали меж себя разговоры вести, знамо, о делах своих ангельских; а тетушка подошла к окну и полюбопытничала, спросила человека, что он есть за человек?

И он рассказал ей вот какую диковинную вещь. «В жизни земной,— говорит человек за решеткой,— был я пьяница горький, любил, значит, выпить через меру и — как следовать — опился! Дело известное, подцепили меня, молодца, окаянные, утащили в свой вертеп и запрягли в бочку. Опивицам всем уже такой предел. Долго ли, коротко ли,— говорит человек,— не помню — служил я чертям замест лошади и терпел муку страшную; вот и теперь еще,— говорит,— шея болит,— натер, значит, хомутом. Вдруг в едино время влетает в жилище дьяволов ангел-хранитель, тот самый, что у избушки моей ходит,— все дьяволы затре-

петали и попадали ниц, словно дубиной кто их пришиб. В тот раз и был запряжен в бочку. В один миг ангел-хранитель обрубил мечом своим гужи, совлек с меня хомут и всю упряжную сбрую, а самого меня принял на свои пречистые рученьки и вынес на вольный воздух, принес было прямо ко воротам райским, да Петр-апостол, без разрешения Господа Бога, двери райские не отпер. Скоро и разрешение от Господа вышло, да не в той силе. Об этом я скажу тебе после, а теперь расскажу о том, по какому случаю вышло мне такое недуманное, негаданное счастье. Слушай-ка.

В тех местах, где я родился и жил,—говорит человек за решеткой,—в тех местах жил и подвизался один святой и праведный муж, вельми угодный Богу и им любимый. И за этим святым мужем, и день и ночь, следовали ангелы-хранители, и не для того, чтобы охранять и оберегать его от лукавого,—лукавый и без того бегал прочь от праведника,—а для того единственно, чтобы служить праведнику и делать все ему угодное. Хорошо.

Близ того села, где я жил,—говорит человек,—протекал небольшой ручеек, неглубокий, всего по колени человеку, да такой тенистый, топкий, а моста через него не было. И все люди, пешие и конные, переходили и переезжали через ручей вброд. По этой причине не раз доводилось и святому мужу переходить через этот ручеек вброд же. Хорошо. В одно время, от нечего делать, со скуки, вздумалось мне сделать через ручей мостик для пешеходов, и я сделал. И дело-то было простое: нарубил я в роще колышков, жердочков, набрал валежнику; колышки вколол, жердочки наложил, валежником покрыл, землицей усыпал, и — мост готов. Хорошо. Вскорости после того я опился и попал к чертям в хомут; значит — погиб на веки вечные!

Через много ли, мало ли время,—говорил человек за решеткой,—трафилось святому мужу проходить через тот же ручеек по старой дорожке — праведник думал, что, как и прежде, надо идти вброд, хотел было и обувь с себя снять,—ан, глядь, недуманно-негаданно, видит мост. Хорошо. Праведник перешел через мостик, остановился, возвел очи свои к небу и проглаголал: «Какой это человек сделал мост? Если жив он — пошли ему, Господи, доброго здравия и душе спасение! Если же умер он, всели его, Господи, в царствие небесное!» И лишь только святой

и праведный муж изрек словеса сии, как один из ангелов, что за праведником ходили, в тот же миг, без доклада Господу Богу, взвился и полетел прямо в жилище дьяволов, извлек меня оттуда. И я очутился на вольном воздухе у врат райских. Вот по какому случаю я вышел из жилища дьяволов!

Господь Бог сделал выговор ангелу-хранителю, что он поспешил, без доклада, значит, слетать за мной в жилище дьяволов,— говорит человек.— Однако меня-то,— говорит,— по неизреченной своей милости, оставил на вольном воздухе, муки избавил, в вертеп дьяволов назад не отослал, а повелел поселить вот здесь, в этой избушке, аки узника; полной свободы, аки опивице, мне не дано. Ангелу же хранителю, какой летал за мной, замест наказания, велено до поры до времени, как будет Господу Богу угодно, ходить около избушки, якобы на часах. А на память того, что он поторопился исполнить желание праведного мужа и извлек из жилища дьяволов опивицу, то ись меня, многогрешного, оставили ему крылышки опаленными, а опалил он их в вертепе дьяволов, когда выручал меня».

И много тетушка исходила мест, и много видела разных чудес. К примеру, видела тетушка жилище младенцев. И чудное дело! Кажись, что бы взять с младенцев, ведь души они безгрешные,— ан и их блаженство по сортам. Одни как есть блаженствуют: такие светленькие, беленькие, пригоженькие, веселенькие,— бегают, резвятся и яблочками играют. Глядя на них, дух радуется. Но и из них-то не всем бывает одинаковая радость. К примеру, тетушка видела своими глазами,— иной младенец играет, играет яблочком и вздумает положить яблочко за пазуху, а оно и проскачет на пол, за пазухой не держится. А отчего? Оттого, батенька, что, по небрежности матери, не было на нем в жизни земной пояса. Иным же младенцам хоша и даны всякие удовольствия, но не дано яблочков. И эти младенцы, глядя на других, у коих яблочки есть, бывают несколько при печали. А за что младенцев лишают яблочков? За то, батенька, что матери их на земле не чтут Спасов день, то ись до Спаса жрут яблоки! По этому самому, ты заметь это когда-нибудь и где-нибудь, всякая степенная и сердобольная женщина, у которой есть умершие маленькие дети, ни за что на свете не вкусит яблока до Спаса. Иные же из младенцев — чуд-

ное дело! — есть слепенькие, ничего, значит, не видят, и носят их на руках ангелы-хранители. Это души тех самых младенцев, — пояснил рассказчик, — кои, от небрежения родителей, умирают некрещеными! [...]

Тетушка видела атамана нашего, покойного Давыда Мартемьяныча Бородина; а он, известно, умер перед тем за год. И видела его тетушка в таком жалком, в таком печальном виде, что сердце вчуже кровью обливается, как вспомнишь. Куда и атаманство его пошло, куда енеральство пошло! Ничто, значит, не помогло. [...]

Среди открытого поля разложен огромнеющий костер из цельных дубовых бревен, и горит-пылает костер ужась как жарко, идно сажен за сто к нему подойти не можно. А какой-то человек, такой высокий, бравый, но худой такой и чернявый, словно трубочист, с бритой бородой, в узких солдатских ритузах в обтяжку и в узком кургузом мундире, что называется, в поддегаешке, при шпаге, стоит в вытяжку близ самого костра, так, каких-нибудь сажени на две от него; стоит, бедняжка, и с ноги на ногу переступает, словно журавль, — видно, хочет как бы половчее присесть иль-бо прилечь, а ритузы, а шпага мешают. В руках у человека того простой суконный зипун верблѣжей шерсти, и человек держит его тастопыря перед собой, укрывается, значит, от жара и от полымя. Тетушка прошла было мимо, не хотела останавливаться, да ангелы-хранители сказали ей:

— Подойди, раба Божия Агрипина, к человеку сему; побеседуй с ним; он с ваших стран.

Сказали это ангелы-хранители и распростерли крылышки свои перед тетушкой, и она, под защитой ангельских крылышек, подошла к человеку вплоть; смотрит на него — и дивуется: лицо знакомое, а признать, вспомнить не может. Думала-думала тетушка, припоминала-припоминала, — нет, не вспомнит; напоследок спросила его, что он есть за человек? И он ей отвечал:

— Аз многогрешный раб Божий Давид, ниже бых...

Тут тетушка и признала его и не дала ему выговорить слова.

— Так это ты, батюшка Давыд Мартемьяныч? Это ты, наш славный атаманушка? — говорит тетушка и качает головой. — Узнать нельзя, родимый! Куда и красота твоя девалась молодецкая!..

— Да, матушка! — говорит Давыд Мартемьяныч таким печальным, таким жалостливым голосочком. — Я тот самый Давыд Мартемьяныч, кто у вас в Уральске атаманом был, кто у вас енералом слыл! Я тот самый атаман Бородин, кого в Питере все енеральство знало и за своего брата почитало! Я тот самый Давыд, перед кем все войско преклонялось, что всем войском повелевал! Ты, матушка, сама с Урала, ты, чай, сама знаешь, каков я был атаман, — говорит Давыд Мартемьяныч. — Не поставь, Господи, в похвальбу слово мое, от самого зачатия войска нашего не было такого атамана из наших, кто бы больше моего радел для пользы обчества. Во все время моего атаманства не жалел я ни трудов, ни издержек на пользу обчеству, к примеру: кто с казачьих земель орду гонял? — Атаман Бородин! Кто Узени заселил? — Атаман Бородин! Кто за казаками учуг еще больше укрепил? — Атаман Бородин! Кто о Бухарской стороне хлопотал? — Атаман Бородин! Кто на Каспицком море казакам грани установил? — Атаман Бородин! Кто казакам соляные озера исхлопотал? — Атаман Бородин! Кто за казаками наемку удержал? — Атаман Бородин! Все атаман Бородин! За что хорошее ни возмись — все Бородин! Одно слово, — говорит Давыд Мартемьяныч, — я спал и видел, чтобы земляки мои, казаки уральские, ни в чем никакой нужды и изневаги не терпели, чтобы ели-пили сладко и одевались хорошо и чтобы всяк, взирая на это, царя небесного и царя земного, то ись Бога Создателя и царя державного, прославлял по своему усердию и по своей расположенности! По делом моим, — говорит Давыд Мартемьяныч, — мне следовало быть в раю, да два греха не пускают, — два греха незамолимых. Первый грех: я сам собой, своей доброй волей, то ись без указу государева, а только по совету приятеля, князя Григория Семеныча Волконского, обрядился в узкую одежду и обрядил в нее и казаков, кои по службам ходят. Второй грех, и самый важный: я «отечество» посрамил, то ись бородушку обрил, — и все-таки без указу государева — это-то и важно! И вот, сама видишь, матушка, в каком теперь я положении нахожусь — чего еще хуже! Душно мне, жарко мне от костра сего! — говорит Давыд Мартемьяныч и вздыхает голубчик. — Высох я весь, словно щепка, и почернел, словно уголь! Ох, горе, горе тем, что «отечество» свое не наблюдает!..

Сказавши это, Давыд Мартемьяныч зарыдал, да так-то жалостно, идно тетушка, глядя на него, прослезилась; даже ангелы-хранители припечалились.

— Одна отрада,— говорит Давыд Мартемьяныч, немного погодя, сквозь слезы,— одна отрада, матушка, вот этот зипунчик: им только и спасаю себя от жара и от полымя. А что это за зипунчик, знаешь ли?— спрашивает Давыд Мартемьяныч тетушку. Тетушка головой качает: не знаю-де.— Этот зипунчик,— говорит Давыд Мартемьяныч,— дан мне за то, что я в домашнем быту позволил казакам ходить не в мундирах, а в зипунах и вобще в чем кто хочет. Только в этом зипунчике и отраду нахожу, матушка. Без него, кажись, совсем бы истлел и обуглился. Да еще,— говорит Давыд Мартемьяныч,— еще бывает для меня не малая отрада в те минуты, коли кто из казаков на земле помянет меня добром: в этот раз ветер нарочно переменится и подует от меня,— в этот раз мне уже не так-то жарко от костра,— в этот раз несколько и подышу вольным воздухом...

— А где приятель твой, князь Григорий Семеныч?— спрашивает тетушка из любопытства Давыда Мартемьяныча.

— Там!— сказал Давыд Мартемьяныч и указал рукой в ту сторону, где решетка...

Побеседовав с Давыдом Мартемьянычем, тетушка хотела было опять сходить к железной решетке. Хоша и неприятно, хоша и страшно то место, но тетушке любопытно было опять взглянуть на него,— чаяла она, не увидит ли там князя Григорья Семеныча; ведь по человечеству и его жаль. Однако ангелы-хранители туда не пошли, поспешили назад; говорят тетушке:

— Опоздаем, раба Божия Агрипина, и — чего доброго — схоронят тебя заживо: тогда за тебя на нас спросится.

Нечего делать,— тетушка вернулась назад. Когда вошла в горницу, она испугалась самой себя, потому увидела себя в гробу.

— Не бойся, раба Божия Агрипина,— говорят ангелы-хранители,— это тело твое брненное, а с нами душа твоя ходила.

Сказавши это, ангелы-хранители подвели тетушку к самому гробу и велели ей наклониться над своим телом, закрыть глазки и творить молитву. Тетушка наклонилась, закрыла глазки и сотворила Иисусову молитву,— ангелы-хранители легонечко при-

коснулись к шее тетушки, якобы толкнули. Тетушка вздрогнула и — очнулась в гробу.

Рассказывая родным и знакомым про свое похождение, тетушка из всего, что видела и что слышала, только три слова не сказала. «Не могу,— говорит,— сказать запрещено. Хоша бы я и желала,— говорит тетушка,— сказать вам эти три слова — не могу: язык запнется! Таков предел».

И точно, что не могла. [...] Кроме тетушки, не раз бывало в наших местах, и прежде и после, обмирали многие, однако все, решительно все, кто ни обмирал, мужчины ли, женщины ли,—все единственно — обо всем говорили, а о каких-то трех словах не сказывали.

237. КАК КУПЦОВ СЫН У ГОСПОДА В ГОСТЯХ БЫЛ

Жил-был именитый купец, и у него был один-разъединый сын. Купец помер, осталась одна купчиха, и так она нищих братию не любила — никогда в комнату к себе не пускала. А сын был эдакий добродушный и нищую братию принимал; примет и напоит, накормит. И сделала эта купчиха поминки, и созвала несколько разных лиц — купцов и дворян, а сын ея превеличающий сделал стол и созвал нищу братию и потчеват нищу братию напáче всех гостей. Во время, старичок нищий восходит к купчихе в комнату и просит у ней милостыню. Она милостинку ему не подала, из горницы прогнала, да и сказала: «Вон ступай, там сын у меня есть дурак: он всех вас больно принимает, а я на вас и глядеть на хочу!» Он пошел в заднюю комнату. Богу помолился, нищим братиям всем поклонился, и у него около рыла сопли, глядеть нехорошо. Купеческий сын принял нищего, сосчитал его за брата и сказал: «Хозяйка, утри у братца: у него рыло не хорошо». Она платенце сняла, утерла его как дóлжно быть; посадил он его за стол и стал потчевать. И несколько было тут посторонних нищих. Все пообедали, встали, Богу помолились, за хлеб, за соль хозяина поблагодарили и пошли кто куды знает. Старичка хозяин оставил: «Погоди, братец,— говорит,— ты опосле всех пришел». Пищи он ему добавил и накормил, напоил его как следует и проводил. Нищий ему и говорит: «Ко мне,

братец, в гости приходи». — «Где я тебя найду?» — «Я за тобой посла пришлю». Купеческий сын сказал: «Приду».

Приходит время светло Христово воскресенье; зазвонили к заутрене. Купеческий сын встал, умылся и пошел к заутрене. Говорит хозяйке своей: «Да-ка мне яичек похристосоваться с попом и с дьяконом, и с дьячком, да еще одно дай, какой нищий попадетя». Она ему четыре яичка дала. Он пошел, заутреню простоял, и стал весь народ подходить к кресту, стали с священником христосоваться, и он также подошел и похристосовался: и с попом, и с дьяконом, и с дьячком. Вдруг обернулся назад — стоит нищий. Он его немножечко признал: он будто у него на поминках был; подошел к нему и говорит: «Христос воскрес, дедушка!» — «Воистину воскрес, друг». И вынимает купеческий сын, и дает ему яичко. Пришел домой и говорит хозяйке: «А ведь старичок-то, что в гости меня звал, у заутрени был».

Может быть, через мало время он пошел к обедне, в воскресный день; шел прежде всех и — у святых церковных ворот стоит оседланный конь, только не промолвит. Смирно не стоит, копытом землю бьет. Вот он как шел в церковь, да и посмотрел на него. «Что ж это такое? — думает себе. — Кто же верхом приехал?» После всех выходит от обедни, и народу нет никого, а лошадка все стоит. Раздумалось ему: «Это не за мной ли кто приехал?» Он взял его и повел. Привел к себе на двор, пообедал в воскресный день, да и говорит хозяйке своей: «Это непременно посланник за мной. Я поеду да пойду у матушки благословенья попрошу». Пришел к ней в комнату, Богу помолился и матушке поклонился, и говорит: «Матушка, благослови меня». Она не хорошими словами отвечала: «Куда собрался?» Он ей сказал: «А вот в такое время брат у меня в гостях бывал, меня в гости звал». Она на него сердчала, нашла эдакую щепочку, плюнула и во след ему кинула. «На вот, пес, тебе благословенье мое!» Он перекрестился, поднял и поцеловал, и в пазуху положил. Сел на добра коня, да и поехал.

Долго ли, мало ли ехал, был у него кусочек хлеба, и захотелось ему закусить. Он взял суңул руку в пазуху: у него там медный образок лежит. Он перекрестился и взбзрил на Господа. «Ах, Господи! Премудрости твои!» Сел и поехал. Немножечко проехал, видит селенье и околица и у сколицы брат его стоит,

дожидается его, здоровается и низко кланяется. Он слез с лошадки, в поле ее пúстил; а брат взял, повел его в особую свою комнату. В этой комнате разные цветы цветут и пташечки сидят райски, песенки поют херувимски. И стал брат его потчевать и на стол наставил чего он с роду не видал. И пьет, ест — ничего не убывает. Он сидит и думает: «Господи! Куды это я зашел?» Вот этот же брат наставил ему на стол всего множество и сказал: «Ты, братец, кушай, а я схожу в одно местечко». И говорит ему: «Во все в окошечки-то гляди, а вот в эту перегородочку не гляди». Он во все глядел и во всех хорошо. «Что же,— говорит,— мне брат не велел тут поглядеть? Дай погляжу». А тут взглянул — еще всех лучше! И увидал: сидит женщина и подобное лицо как хозяйка его. И сел опять за стол на свое место.

Брат подошел к нему и говорит: «Что, братец, плохо ешь? Ничего не убывает». — «Сытехонек я, братец». — «Во все ли окошечки глядел?» — «Нагляделся, братец». — «А ведь вот в это я тебе не велел!» — «Так, поохотился, братец. Виноват, поглядел». — «Ну, да горя нету. Чтó там ты видел?» — «Женщина сидит». — «Узнал ты ее?» — «Да де узнать? Только лицо на хозяйку на мою похоже». — «Ну пойдем, братец, мое заведенье поглядим».

И ведет его вроде как по мостику. Крик везде, шум, плачут, котлы с смолой кипят... Этот же брат идет вперед, а купеческий сын — за ним. И вдруг обернулся купеческий сын: превеличающий котел кипит с смолой, и вымырнуло из котла его матери лицо. Он остановился и хотел дожидаться, не вымырнет ли еще. А брат ушел. Оглянулся — он далеко от него. «Ты что,— говорит,— там остался?» — «Сейчас иду, братец». И так тихо идет (больно испугался). Спрашивает брат купеческого сына: «Али увидал чтó, братец?» Он не сказыват: не смеет. «Ты что не сказывашь?» — «Да матушка вымырнула в котле-то...» — «Что же ты ее не вытащил?» — «Я боюсь, не смею». Старичок и говорит: «Пойдем. Где ты ее видел?» Подошли к этому котлу. Она и вымырнула. Этот же старичок: «Лови,— говорит,— ее!» Купеческий сын пымáл ее за волосы и совсем было вытащил,— волосы в руках остались, и опять она — в смолу.

И пошли они назад. Старичок и говорит: «Пойдем, пообедай да с Богом и домой ступай!» Взошли опять в эфту комнату; на

столе опять всего много. Он и думает себе: «Господи, куда я зашел?» Старичок напоил его, накормил, да и говорит ему: «Ну, братец, айда провожу». Он помолился Богу и пошел из комнаты вон, а волосы в пазуху положил. Вышел он из двери, стал прощаться. Вот дедушка и говорит: «А вот, друг, когда ты умрешь — вон это место твое будет (келейка-то), а в которую я комнату тебе глазеть не велел — это твоей хозяйки будет место. Прощай, брат!»

Он смотрит: стоит в своем селенье, у церкви. Взбрзил на церкву: «Ах, Господи, где я был?» Ему показалось за один день. Приходит домой; сперва к хозяйке своей пошел. Хозяйка его встречала и так рада была, здоровалась с ним и кланялась ему, и говорит: «Ай, ай, ты долго!» — «А мне ведь не долго показалось». — «Три года вот уж прошло, как ты ушел». — «Я ведь, хозяйка, на том свету был. Матушка здорова ли?» — «Третий год лежит на мертвой постеле, только день и ночь тебя поминает. Иди скорее! Не знай, живую-то застанешь ли».

Взошел в ее комнату, Богу помолился; она лежит на кровати, в безобразии. «Здорово, матушка!» Она глянула; узнала его, горько заплакала и говорит: «Отколе ты, сыночек, упал? Я больно об тебе скучилась». — «Знать, ты, матушка, больно нездорова?» — «Умирать, сыночек, хочу». — «Вот я принес штучку. Не знай тебе казать, не знай нет». — «Покажи; я хоть погляжу». Встала, села. Он вынул из пазухи волосы, да и кажет: «Погляди-ка, матушка, я что тебе покажу! Я ведь на том свету был, тебя видел. Ты в смоле кипишь. Потацил тебя — вот волосы-то и оборвались». Повязана она была платочком; вдруг скинула его,хватила, а у ней голова-то гбла!

Испугалась, тут же и померла.

238. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА

Жил-был старик, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вот забрался он как-то в кабак, упился зелена вина и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежал через реку, подошел к реке, не стал долго думать, скинул с себя сапоги, повесил на

шею и побрел по воде; только дошел до середины — спотыкнулся о камень, упал в воду, да и поминай как звали!

Остался у него сын Петруша. Видит Петруша, что отец пропал без вести, потужил, поплакал, отслужил за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Раз в воскресный день пошел он в церковь Богу помолиться. Идет себе по дороге, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышек и заругалась: «Кой черт тебя под ноги сует!» Петруша услышал такие речи и говорит: «Здорово, тетка! Куды путь держишь?» — «В церковь, родимой, Богу молиться». — «Как же тебе не грешно: идешь в церковь Богу молиться, а поминаешь нечистого! Сама спотыкнулась, да на черта сваливаешь»... Ну, отслушал он обедню и пошел домой; шел-шел, и вдруг откуда ни возьмись — стал перед ним молодец, поклонился и говорит: «Спасибо тебе, Петруша, на добром слове!» — «Кто ты такой и за что благодарствуешь?» — спрашивает Петруша. «Я дьявол; а тебе благодарствую за то, что как спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, так ты замолвил за меня доброе слово». И начал просить: «Побывай-де, Петруша, ко мне в гости; я тебя во как награжу! И серебром-златом, всем наделю!» — «Хорошо,—говорит Петруша,— побываю». Дьявол рассказал ему про дорогу и пропал в одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша в гости к дьяволу; шел-шел, целых три дня шел и пришел в большой лес, дремучий да темный — и неба не видать! А в том лесу стоял богатой дворец. Вот он вошел во дворец, и увидела его красная девица — выкрадена была нечистыми из одного села; увидела его и спрашивает: «Зачем пожаловал сюда, доброй молодец? Здесь черти живут, они тебя в клочки разорвут». Петруша рассказал ей, как и зачем попал в этот дворец. «Ну, смотри же,—говорит ему красная девица,— станет давать тебе дьявол золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтоб подарил тебе того самого ледащего коня, на котором нечистые дрова и воду возят. Этот ко^нь — твой отец: как шел он из кабака пьяной да упал в воду, черти тотчас подхватили его, сделали своей лошадью да возят теперь на нем дрова и воду!» Тут пришел тот самый молодец, что звал Петрушу в гости, и принялся угощать его всякими напитками и наедками. Пришло время отправляться Петруше домой. «Пой-

дем,— сказал ему дьявол,— я наделю тебя деньгами и славной лошастью, живо до дому доедешь». — «Ничего мне не нужно,— отвечал Петруша,— а коли хочешь дарить — подари ту ледащую клячку, на которой у вас дрова и воду возят». — «Куда тебе эта кляча! Скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околеет!» — «Все равно, подари; окромя ее, другой не возьму!» Отдал ему дьявол худую клячку. Петруша взял и повел ее за узду. Только за ворота, а навстречу ему красная девица: «Что, достал лошадь?» — «Достал». — «Ну, доброй молодец, как придешь под свою деревню — сними с себя крест, очерти кругом этой лошади три раза и повесь ей крест на голову». Петруша поклонился и отправился в путь; пришел под свою деревню и сделал все, что научила его эта девица: снял с себя медный крест, очертил кругом лошади три раза и повесил ей крест на голову. И вдруг лошади не стало, а на место ее стоял перед Петрушей родной его отец. Посмотрел сын на отца, залился горячими слезами и повел его в свою избу; старик-ат три дня жил без говору, языком не владел. Ну, после стали они себе жить во всяком добре и счастье. Старик совсем позабыл про пьянство, и до самого последнего дня ни капли вина не пил.

239. СЫН ВЫРУЧИЛ ОТЦА У САТАНЫ

Один купец нажил себе большое состояние, а был у него только один сын. Вот стал он порядочно выпивать, стало у него богатства убывать, и надумал он его разделить. Позвал сына и говорит: «Возьми ты себе, сынок, половину, чтобы тебе не обидно было, а на меня уж не сердись, как я на свою половину буду жить в свое удовольствие». Вот, хорошо, сын на то согласился. Только не больно надолго хватило купцу своего богатства, и дошло дело до того, наконец, что не на что стало ему опохмелиться. И пришел он к сыну и просит: «Дай, сынок, трешенку, не на что мне опохмелиться». Дал ему сын денег. Не долго время спустя опять он все деньги пропил. Дал ему и в другой раз, и в третий; вот видит он, однако, что пользы мало отцу от этих денег. Жалко ему их стало, и говорит он: «Вы,

тятенька, возьмите у меня свои деньги-то чем мне по малости-то вам давать; все равно,— говорит,— этак мы их больно скоро проживем». Вот и огорчил он старика этими словами так, что тот, как ушел от него, так и задавился.

Как узнал про то сын, стало тяжело у него на душе, стал он себя винить в смерти отца. И надумал он пойти к попу и на духу у него рассказал, как было дело, и просил совета, как бы ему отца из аду выручить. Ну только поп его дела не рассудил, а послал его к преосвященному. Вот идет он дорогой, и встречается ему мужик, несет бурак с молоком и, не дойдя немного до него, молоко-то и пролил: крышка у бурака, должно быть, ослабла да и выскочила. Мужика зло взяло, как увидел он, что пролилось молоко, и выругался он: «Вот,— говорит,— дьявол-то проклятой подскочил!» А купеческий сын и говорит ему: «Пошто ты дьявола-то ругаешь, сам виноват, коли плохо бурак заткнул». И пошел себе дальше, немножко отошел и видит, стоит на дороге какой-то человек, чисто таково одет, и говорит ему: «Спасибо тебе, добрый человек, что меня защитил, а то меня вовсе и близко-то не было, и он меня вовсе понапрасну изругал. Заходи, брат, ко мне в гости, понравился ты мне. Будь друг, заходи, пожалуйста». Тот ему говорит: «Мне некогда». А дьявол все его упраскивает. Наконец сказал ему купеческий сын: «Ну уж буде на обратном пути зайду, а теперь прощай!» И пошел в город к преосвященному.

Пришел к преосвященному и рассказал ему и про отца и про то, как его в гости дьявол звал. И сказал ему преосвященный: «Правильно ты рассудил, по твоей вине отец задавился и теперь в аду мучится. Теперь следует пуще молиться тебе Богу, и на него надейся, что поможет он тебе отца от дьявола вырвать. А что тебя дьявол в гости зовет, то иди с миром, но только смотри не ешь, не пей ничего и денег не бери, а если будет тебе какое животное давать, то возьми». Благословил его преосвященный, и пошел сын обратно дорогой. Видит, а тот человек все на том же месте стоит и опять кланяется, и благодарит за защиту, и зовет его в гости. «Ну, спасибо, пойдем, теперь я свободен».

Пришли они к сатане, и ну сатана угощать его всякими кушаньями и напитками... Видит, не ест он ничего. «Что же,— гово-

рит,— ты в гости пришел, а не ешь?» — «А не хочу,— говорит.— Да не то у меня и на уме-то; вот тятенька мой недавно у меня душу свою загубил».— «Ну не хочешь угощаться, возьми хоть у меня денег, у меня их много; не жалея, бери, брат!» — «Нет, не надо мне и денег!» — «Да возьми, пожалуйста, тебе пригодятся, больно уж ты мне угодил!» — «Нет, право, не возьму».— «Ну, делать нечего, не хочешь — как хочешь; возьми хоть у меня коня».— «Коня, пожалуй, давай, чем мне назад пешком идти».— «Ну пойдем на конюшню». Пришли. Вывел дьявол двенадцать жеребцов и говорит: «Вот выбирай себе любого». Стал купеческий сын к ним присматриваться — видит, у одного жеребца слезы из глаз каплют. «Вот этого,— говорит,— если хочешь, подари мне».— «Ну изволь, только запомни мои слова, если хочешь добра себе — как приедешь домой, то никому из соседей коня не показывай, а сейчас же запри коня в конюшню, дай ему овса и сена и трое суток в нее ни сам не заглядывай, ни другим не вели ходить!» Дал ему сатана коня, простился он, сел на коня и поехал домой.

Как приехал, сейчас же поставил коня на конюшню и запер. Соседи, как узнали, что он приехал на новом жеребенке, и собрались было коня смотреть, да он, помня наказ, никому коня не показал и сам в конюшню три дни не заглядывал. А потом захотелось ему пойти взглянуть на коня. Отворил он в конюшню двери и видит: стоит там вместо коня на коленках его отец и Богу молится, что спас его душу от гибели. Обрадовался сын ему несказанно и повел отца к себе в дом. Малое время отец у него пожил и умер своею смертью.

240. КАК МУЖИК С НИКОЛОЙ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ И ЧТО ОНИ ВИДЕЛИ

Было это не очень давно, да и не очень от нас близко. Жил мужик по имени Фалалей. Он был не особенно богат, да и не беден; не очень стар, да не молод, не очень умен, да и не глупый. А такой хитрый, что если что увидит, то все ему объясни да расскажи. Захотелось ему узнать, долго ли он проживет на этом свете, каково ему будет после смерти. И стал просить свя-

того Николая Чудотворца, чтобы тот ему открыл и показал будущее.

Раз ему и было такое видение: является в светлых ризах старец и говорит: «Пойдем, покажу я тебе твою будущую жизнь и место, тебе уготованное». Пошли. Долго они брели по незнакомой лесистой местности и подошли к такой большущей комнате, что и конца-краю не видать. В комнату вели двери, они были заперты. Но по слову святого Николая двери сами отворились. «Иди в горницу, — говорит святой Николай, — погуляй там, а я приду за тобой». Пошел Фалалей, и дверь за ним сама затворилась.

Огляделся мужик и видит, что к потолку лампадки навешаны. Их так было много, что, кажись, считай целый век, так и то не сосчитаешь. Одна лампадка только дымилась: масло все выгорело, другая уже погасла: масла не было; третья горела. Этих лампадок было не меньше, чем и потухших. Одни горели ярко, другие едва мерцали. Одни горели ровным светом, другие вспыхивали. И понял мужик, что лампадки эти жизни людей.

Стал он присматриваться — нет ли где и его лампадки, с его жизнью, и, после долгих поисков, нашел. Поглядел Фалалей на свою лампадку и обмер от страха: в ней масла было на доньшке. А рядом висела лампадка его жены и полная масла. «Ну, уж это... чтобы я позволил своей тасканой онуче пережить себя. Нет, шалишь!» Захотелось ему из жениной лампадки перелить масло в свою. Но не тут-то было. Лампадки так сделаны, что отнять их нельзя. Как же быть? Думал, думал мужик и, наконец, догадался. Окунет палец в женину лампадку с маслом, поднесет к своей да и обтирает палец о края, чтобы масло то в лампадку стекало. Попробовал раз — удалось, и масла в лампадке поприбыло. И давай мужик в чужой лампадке пальцы окунывать да в свою масло переливать. Пробился час-другой и видит, что в его лампадке масла чуть не половина прибыла. «А, проклятая, — думает Фалалей, — хотела меня раньше уморить, а сама остаться? Нет, врешь! Завтра же околеешь, как масло все вымочу».

Глядь, а Николай Чудотворец и идет к нему. «Ты что это делаешь, чадо?» — спрашивает святитель. «Да ничего, Божий угодничек, вот хотел волоса маслом помазать, больно сухи стали»... Поглядел на него святой Николай, но ничего не сказал.

а повел его дальше. Долго ходили они, наконец, пришли к другой комнате, не меньше первой, только та была темная и мрачная. «Ступай туда,— сказал Николай Чудотворец,— а я приду за тобой». Вошел Фалалей в темную горницу, и она осветилась. Поглядел он во все стороны, и волоса дыбом стали. В одном месте лежали цепи, в других крючья, в третьих щипцы огромные, в четвертом висели котлы, а под ними были целые груды угля. Понял Фалалей, что это все для грешников припасено, это их будут мучить после смерти.

Стал он поглядывать, нет ли где чего-нибудь и для него приготовлено. И видит он: огромный котел висит на железных цепях, а под ним целая гора угля. Догадался Фалалей, что это его будут поджаривать в этом котле, для него припасено столько угля. А не далеко висел другой котел, поменьше, и угля под ним было немного — воза два. «Вот тебе и раз! — подумал мужик.— На этом свете моя баба дольше хочет прожить, да и на том ей вольготнее будет». Стал он думать, как бы от своей груды угля поубавить, а в груды женину прибавить. Поглядел по сторонам, не найдется ли где корзинки или чего-нибудь другого, чем бы можно было углей из одной кучи в другую поносить. Ничего не мог найти. Снял с себя штаны, завязал у них концы и давай ими, как мешками, уголь таскать. Нагребет углей целые штаны, взвалит себе на плечи и прет. Перепрел весь, перемазался, как черт, а все устали не знает.

Долго бы он пропутешествовал от одного котла к другому, да Николай Чудотворец помешал. Только в сотый раз он высыпал уголь и идет, чтобы опять насыпать штаны, а Никола ему навстречу. «Ты что это, чадо, делаешь?» — спрашивает он у мужика. «Да вот, святитель, упал, штаны перемарал и боюсь, что жена бранить будет, так ищу воды, где бы их вымыть». — «Ступай,— говорит святой Никола,— домой да мой свои штаны и себя, только не водой, а своими горячими слезами. Успеешь вымыть, пока масло горит в лампадке, так больше не придется тебе пачкаться. Груда угля, что ты наносил под женин котел, вся исчезнет, а масла в лампадку, которое ты вымакал, ей снова подольется, потому что на твоих штанах все-таки останутся пятнышки, так ей надо будет домыть их».

Вот что узнал Фалалей про свое будущее.

241. РАЗБОЙНИЧЬЯ ГОЛОВА

Пустынный молился Богу, трудился, и у него сын был на возрасте и с ним трудился. Пришел к этому пустынноку разбойник, несколько казны принес и развалил ее середь полу. Старик вышел с сыном на двор и говорит сыну: «Сынок, давай разбойника этого удавим! Деньги наши будут». — «Эх, — говорит, — батюшка, мы тридцать лет с тобой трудимся, да это дело делать будем! Ты первая жени меня». Ну, отец женил сына, взяли к себе бабу в дом; а разбойник с деньгами у них живет.

Сын с хозяйкой пошли к своим побывать, за ними и катится вслед разбойничья голова, нагнала и говорит: «Молодец, айда, куда я тебя поведу!» — «Нет, погоди, к своим схожу». — «Ты сколько у своих пробудешь?» — «Три дня». Прошли три дня, идут назад, — голова опять навстречу катится; повстречалась и остановилась. «Ну, пойдем теперича со мной!» — «Ну пойдем!» Простился с своей хозяйкой; она домой пошла, а он за головой пошел. Катилась голова лесом, глухой дорожкой, докатилась до кельи; вошла в келью, и парень за нею.

В келье три окна прорублены; голова и говорит парню: «Сиди в келье, а я по саду погуляю; только в эти два окошка не гляди, а в одно гляди! Он сидит и думат: «Почему в те голова глядеть не велела? Дай погляжу!» Поглядел на исход солнца и увидел все царствие небесно; во второе поглядел и увидел ад кромешный: писк, визг и отец в котле кипит, так и мырят. Пожалемши отца, уцепил его за бороду, борода в руках осталась. Прикатилась голова в келью и говорит: «Ну, что, я ведь не велела глядеть в окошки». — «Поглядел», — баит. «Ну, видел?» — «Все видел. Укажи мне, как до отца дойти; я долго здесь заси-деюсь». — «Да, — говорит голова, — долго: три года сидишь». — «Как три года?» — «Да так, три года время прошло. Вот тебе дорога, ступай к отцу!» Он приходит к отцу в келью; отец еще жив, старенький стал, а борода облыняла (нет). «Эх, батюшка, ты, видно, согрешил?» — «А что?» — «Да, видно, похитил разбойника?» — «Грешен, — говорит, — положил». — «Ну, батюшка, уготовлено тебе место».

242. ЗЛАЯ ЖЕНЩИНА И ДОБРЫЙ ДУХ

Жила мать с сыном. В Христов день сын пошел к заутрене и приводит с собой домой разговеться старичка грязного и в лохмотьях; посадил его за стол, напоил и накормил, а потом одел в чистое платье. Когда он привел старичка, то мать сильно разгневалась и закричала: «Ах ты, непутевый, самим есть нечего, а приводишь всяких височников и вшивиков». Но сын молча оказывал радушие старичку, а тот тоже молча ел и одевался. Отдохнув немного, старик собрался уходить и сказал спасибо за хлеб да соль. Парень спросил: «Ты, дедушко, уходишь, так пойми меня с собой». Старик сказал: «Да, мне нужно уходить, но через три дня я приду за тобой и стукну в окно, ты тогда и выходи».

В назначенный срок раздался стук под окном, парень вышел к старику, и отправились вместе; шли они долго и дошли до прозерного поля, что у самого синего моря, и видят, что стоит баба и переливает воду из моря в корыто; парень спрашивает: «Дедушко, для чего это она делает?» Старик отвечает: «Она при жизни своей разбавляла водой молоко». Идут дальше и видят, стоят два высоких железных столба, а между ними ребенок стучается головой то об один столб, то о другой. Парень спрашивает: «Дедушко, а это что означает?» — «Этот ребенок страдает за грехи родителей, ибо на земле слушался их: отец скажет: покажи мамке фигу — он покажет, а мать научит, покажи отцу кулак — он исполнит». Опять шли, долго шли и видят, стоит железный столб, а из него идет густой дым; парень спрашивает опять: «Дедушко, что это такое?» Старик отвечает: «Это горят в столбе курильщики, что на земле табак употребляли».

И так ходили они целый год, вплоть до светлого Христова Воскресения на земле, и остановились в одном доме. Старик пошел к заутрене, а парню не велел идти и приказал посмотреть в два окна, а в третье не глядеть. По уходе старика парень посмотрел в первое окно, видит восход солнца и красивый сад, поглядел в другое окно, видит множество птиц, и поют они чудесными голосами; не утерпел и взглянул в третье окно и видит свою мать на огненном колесе, а вокруг нее черти скачут и радуются; от этого видения он заплакал.

Приходит от заутрени старичок и спрашивает: «Ты отчего плакал?» — «Да так, взруснулось». — «Неправда, ты, наверное, посмотрел в третье окно?» — «Да, посмотрел», — отвечает парень. «Ну, так ступай, еще посмотри и скажи: чтобы сквозь землю провалилось». Парень подошел к окну и казал эти слова, и на его глазах мать с колесом и чертями куда-то провалилась, и видение исчезло. Старичок простился с парнем и сказал: «Ступай и делай, когда случится хотя капельку добра, и добрый дух будет всегда с тобой и за тебя».

243. МУЖ ПОБЫВАЛ У ЧЕРТЕЙ

На Толвуге пропал муж у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вот сжалился над нею сосед и указал ей такого колдуна, больше которого никто не мог отыскать ее мужа. Стала она просить колдуна о своем деле, а тот и говорит ей: «Да что Иван-то Васильевич тебя ко мне посылает: он твоего мужа лучше меня отыскать может». Пала баба в ноги к Ивану Васильевичу и упросила его пособить ее горю. Накануне Иванова дня отправились они оба к Ишь-горе, и пришли туда в полуночную пору. Колдун научил бабу, что ей нужно делать, и остался сам внизу, а она поднялась вверх на гору и видит большое село. Была темная ночь, а стал белый день; конца нету строению. На улицах пляски и игрища, расставлены столы, на столах ествам и питьям счету нет. Как завидели черти чужую женщину, окружили ее со всех сторон и стали у ней выпрашивать: «Зачем пришла к ним?» — «Я-де мужа розыскиваю». — «Ну, — говорят, — ладно, так розыскивай: только держи ухо востро». Стали рядами целые их тысячи: платья у всех одноличные, точно с одного плеча; нельзя их различить одного от другого ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступке. И никак бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказ соседа. У всех платье застегнуто с левой стороны и нет ни кровинки в лице, а у мужа правая пола вверху, а кровь на щеках так и играет. Как узнала она мужа, ее честью отпустили с ним домой; и пока они шли до соседа, не спускала с рук руки мужа.

244. КАК ЦАРЬ СОЛОМОН ИЗ АДА ВЫШЕЛ

Господь пошел в ад после смерти, освободил там всех, вывел вон из аду, в рай определил. Тут в аду и царь премудрый Соломон был. Он и говорит: «Господи, а меня,— говорит,— что не взял? И мне отсюда хочется выйти».— «Ну ты, царь Соломон, и сам хитер, и мудер, сам выйдешь!» И ушел. Царь премудрый Соломон видит, дело плохо: останешься, пожалуй, совсем. Взял он всю мудрость свою, думать стал. Ну, и надумал. Сажень взял да ну отмеривать: «Это,— говорит,— под собор, это под часовенку, это под колокольню»,— весь ад измерил, плант, значит, произвел, весь как есть. Только черти и говорят: «Он,— говорят,— весь ад у нас отнимет; выгоним его лучше». И выгнали: «Поди,— говорят,— поди, убирайся: нам таких не нужно». Царь премудрый Соломон вышел сейчас догонять Господа. «Вот,— говорит,— Господи, ты меня не взял, а я сам вышел. Спасибо, ты мне мудрость дал».

245. КАК ЦЕРКОВЬ УШЛА

Старые люди сказывают, что из Василя Сурского церковь ушла за Волгу, с попом и семью прихожанами, и стала там в урёме, в таком месте, которое каждый год водой заливают. Редким удавалось ее видеть, а звон слышали. Раз один мещанин (жена у него была, дети) переплыл за Волгу и забрался в болота, незнакомые, глухие места. Глядь—церковь стоит! «Что,— думает,— за чудо? Не слышно, чтобы тут церковь была, и зачем она в такой глуши и болоте?» Подошел; вышел поп, и люди с ним. Приглашают его здесь остаться. Он и не прочь бы: понравилось, да свалил на жену. «Коли,— говорит,— отпустит, приду». Пошел домой, а дорогой на деревьях зарубки рубил. Пришел и рассказывает жене. «Что ж ты,— говорит,— не пошел? Мы бы как-нибудь обошлись, а тебе, может, денег бы дали за это. Ступай!» Он пошел. Искал, искал, плутал, плутал, так и не нашел, ровно и церкви никакой не было на том месте. Как в той церкви хоть один из семерых умирает, другой на его место сейчас.

ОБОРОТНИ И ЗАГОВОРЕННЫЕ

246. ОБОРОТЕНЬ

Жил он, этот человек, с женой не в ладах, часто колотил ее, а все из-за того, что взял ее нечестную, ошибся. Жена жаловалась своей матери. Та часто выговаривала зятю, чтобы унялся, не тиранил жену, чтобы забыл ее девичий проступок. «Грех да беда,— говорит теща зятю,— с кем не бывает. Не то,— говорит теща,— сыграю я с тобой такую штуку, что неточию дочь мою, а и дома своего не узришь». Зять, однако, не унимался, колотил жену по-прежнему, а того и в голове не держал, что теща его колдунья.

Раз, в пьяном виде, поколотил он жену очень больно; та и убежала к матери, в другое село. На другой иль-бо на третий день, с похмельной головой, зять пошел к теще за женой. Теща притворилась, будто ничего не знает, что там у них с женой произошло, встретила зятя ласково, усадила за стол и стала пот-

чевать обедом. Но зятю не до обеда: у него голова трещит с перепоя.

— Нет ли чем опохмелиться, любезная тещенька? — спрашивает зять.

— Коли нет, — говорит теща ласковым голосом, — есть! По половице, не для зятя, собаки, а для своего дитяти, — говорит теща будто шутками. — Вот, — говорит теща, — кушай, да только, смотри, не обожгись.

Сказала это и достала из-за печки стакан вина и поднесла зятю. Тот, не перекрестясь и не благословясь, духом выпил стакан. Хотел порожний стакан поставить на стол, а он, то ись стакан, сам собой выпал из рук. Зять взглянул на руки, а они не руки, а волчьи лапы. Он взглянул сам на себя, и весь-то он не человек, а волк, от головы до пяток волк! Зять с мыслями еще не успел сообразиться, как теща и жена схватили одна ухват, другая кочергу и давай гнать его из избы. В дверь ли, в окно ли, не помнит, зять выпрыгнул на двор. Там собаки принялись рвать его. Он на улицу, и там собаки. Он в лес, а там волки, и те стали было пощипывать его. Однако вскоре заступился за него волчий предводитель, к примеру, атаман. Подошел он к оборотню, обнюхал его и зарычал на своих. Те замолкли, присмирели, подошли к оборотню, обнюхали его, полизали и хвостами завертели; значит, в компанию к себе приняли.

К вечеру вся стая поднялась с места и пошла на промысел. Оборотень с ней же. Дело было зимой, снег был глубокий, по брюхо волкам. Истовым волкам, знамо, это нипочем, а оборотню куда как жутко было. Однако со временем и он обдержался, стал бегать, как и настоящий волк. В ту же ночь зарезали волки лошадь и стали есть. На них глядя, и оборотень присунулся было к лошади, но есть не мог — в душу не пошло. Заметил это волчий предводитель, подошел к оборотню и знаками показал, как следует с маханиной обращаться. Сперва волк положил лапу на махан — «гляди-де!», потом рванул зубами и вырвал кусок маханины; вырвал и бросил на снег; потом опять взял со снега в зубы и три раза встряхнул в воздухе; напоследок стал есть. Оборотень сделал точно так же. И показалась после того оборотню маханина вкусной-превкусной, что твоя жареная гусятина иль-бо поросятина, и стал он уписывать ее за обе щеки.

С этого самого раза оборотень и язык волчий стал понимать, стал и разговаривать с волками, а все человеческие помыслы из головы совсем вышли, одно слово, сделался настоящим волком, будто и не был никогда человеком. Таким манером целых три года оборотень жил с волками и вошел у волков в большую славу, как храбрый, небоязливый, ловкий и проворный резак. Бывало, никто лучше не подцепит и не зарежет овцу, корову иль-бо другую какую скотину. Старого предводителя где-то убили на промысле. На место его волки выбрали себе атаманом оборотня: уж больно ловок был, пострел!

Через три года, вдруг, ни с того ни с сего, пришел оборотень в человеческий разум и вспомнил прежнюю свою человечью жизнь, вспомнил и теменьку свою любезную. И захотелось ему отомстить теще чем возможно. Что ж, зачем дело стало? Под началом целая стая волков! В одну ночь он и скомандовал волкам, чтобы шли за ним. Волки повиновались и пошли. Подошли к тому селу, где жила теща оборотнева, зашли задами к тещину двору, знамо, оборотень показывал, влезли на баз, где овцы содержались, разломали сверху дыру и спустились в баз, чтобы перерезать у тещи всех овец, такой приказ был от оборотня. Спустились в баз, и попали в западню: овец в базе не было. Правда, были две-три ледащие овцы, да шут ли в них? Волкам, а пуще оборотню, не того хотелось. Ну, нет овец — это еще не беда: «на нет и суда нет»; а то беда, что волкам вылезть из база нельзя, вот это для волков скверно! Прежде они, пострелы, так дельвали: залезут, бывало, к кому-нибудь в овчарню, нарежут овец многое множество, накладывают их поленницей и по ним вылезут вон. А теперь не то вышло; значит, нашла коса на камень. Пробовали волки стену грызть, — скоро ли прогрызешь: стена толстая, из сырого кирпича. Принялись за дверь, и около нее ничего не взяли: дверь была дубовая, обитая железом. Стали землю рыть, чтобы под стену подрыться, и тут ничего не взяли: земля мерзлая, не скоро подроешься.

Взвыли волки и в досаде кинулись на оборотня, что завел их в такое место. Растерзали б волки оборотня, если б не подошли в эту минуту к дверям люди. Волки оселись, притихли, поджали хвосты и забились в угол. Оборотень ни жив ни мертв, забился в другой и слышит на дворе за дверью голос тещи. Та смехом говорит сыновьям:

— Гость дорогой пришел, да не один, а с целой компанией. Приготовьтесь, детушки, хорошенько угостить.

Сказано, теща была колдунья. Она знала и день, и час, когда зять-оборотень вернется; припасла к тому времени такой крепкий баз и оставила в нем, для приманки волкам, две-три паршивые овцы, а остальных припрятала в другое место.

Немного погодя растворилась дверь, и в баз вошла теща с фонарем и с веревкой в руках. За нею вошли три сына ее, три здоровенные мужика, с топорами и веревками. Подошла теща к волкам, посмотрела на них, пересчитала — их было двенадцать — и говорит: «Хороши гости, нарядные». А волки, словно снулые, сидят на задних лапах, не шевелятся; нечистая сила и их пригвоздила. Потом подошла теща к оборотню, погладила его по голове, смеется и говорит:

— Что, мой друг, соскучился, видно, об нас? Известить пришел? Милости просим!

Сказала это и накинула оборотню на шею веревку и повела вон из база.

— А вы,— говорит она сыновьям,— угостите приятелей его как должно. Скиньте с них тулупы-то, чай, жарко им в них.

Привела теща оборотня в избу, поставила супротив печки, достала из-за печки стакан вина и подала оборотню.

— Выпей,— говорит теща.

Оборотень не знает, как с стаканом сладить. Теща велела ему сесть на задние лапы, а передние протянуть. Он так и сделал. Теща вставила ему стакан между лап и помогла выпить. Оборотень выпил и в тот же миг обратился опять в человека. Тогда теща и говорит зятю:

— Не раз говорила я тебе: не бей мою дочь; но ты не слушал. Теперь пеняй сам на себя. Но, любезный зятюшка, это только одни цветочки, а ягодки еще впереди. Берегись! Если отныне слово одно услышу от дочери, что ты обижаешь ее, то оборочу тебя в волка на целую жизнь.

Зять, знамо дело, клянется перед тещей всеми богами, что не будет обижать жену, а у самого на уме одно, как бы только вырваться живому от тещи. Та напоила его, накормила и отпустила домой; дала ему и одежду, а его одежонка, что была на нем, вся износилась, покуда оборотнем ходил. Лишь только вырвался от

тещи, зять и побежал сломя голову куда глаза глядят; и в село свое не зашел, и от жены, и от дома, и от всего сродства своего отступился,— пошел, значит, странствовать.

247. МЕДВЕДЬ

Жил-был старик со старухой. Раз к ним зашел медведь в избу. Они его накормили и напоили из поганого корыта. Это был не медведь, а оборотень-человек. Медведь пошел и повел за собой старика со старухой. Как они не остановятся, медведь тотчас обернется и закричит. Стал доводить он их до лесу. Старик и говорит промеж себя: «Мы заблудимся». А старуха говорит: «Иди, может быть, Бог нас и выведет». Когда зашли в лес, медведь остановился и манит их лапой к себе. Они подошли. Медведь указал им на яму. Старик соскочил в эту яму и видит — лежат серебряные деньги. Он набрал их в сапоги, а старуха набрала полный платок. Когда они вылезли из ямы, медведь дал им ножик и показал лапой на брюхо и повел лапой по брюху, показывая, что надо распластнуть. Старик разрезал ножом брюхо медведю. Когда старики ушли, медведь сделался человеком и ушел в свой город. А старик стал жить побогаче, чем жил раньше. Раз поехал он в город за покупкой товару и приехал в лавку к тому самому купцу, который был медведем. Старик поздоровался с ним. Купец сказал: «Ты не знакомый ли мне? Помнишь, как я к тебе приходил медведем и ты меня из поганого корыта поил». Старик сказал: «Помню». А купец ему дал за это товару даром.

248. В РАБОТНИКАХ У ЛЕСНОГО

Набивается мужик в строк и никто его не берет. Говорит мужик: «Хоть бы меня лесной взял». Не много время идет мужик с базара, а навстречу ему другой мужик: «Поряжаешься?» —

«Поряжаюсь». И вспомнил, что говорил про лесного, и сказал: «Погоди, я к попу схожу». Сходил мужик к попу, списал молитвенник, приходит наниматься. «Пойдем»,— говорит лесной, схватил мужика за крошки и потащил; тащил, тащил, у мужика колпачок слетел. «Стой,— говорит мужик,— у меня шапочка спала».— «Мы убежали,— говорит лесной,— сто верст, пока ты говоришь». Доносит лесной мужика до дому; легли спать. В полночь хлесть по стене батоном: «Айда на службу». Лесной отвечает: «Хорошо».

Утром встали: «Пойдем на службу»,— говорит лесной мужику, и стрóшного с собой. Пошли, подходят к озеру. Глядят, из озера летят каменя по кулю: шурят их черти в лесных; лесные выдергивают громадные елки из земли и хлещут ими по озеру. Воевали, воевали, черти одолевать стали. «Что ты, стрóшной, глядишь? Нас одолевают». Стрóшной выдернул из кармана молитвенник, стал махать им, а черти рассыпались, как дождь. «Хорош, молодец стрóшной, молодец, давай домой пойдем». Пошли домой, а хозяин стрóшным не нахвалится. «Чего тебе нужно в награду?» — «Ничего мне не надо, отправьте меня домой». Дали стрóшному старого сивого мерина, наделили, сел стрóшной и поехал по указанной дороге.

Доежат до избы, привязал мерина ко столбу, сам входит в избы. Выходит мужик из избы, а у крыльца, у столба стоит седой-преседой старик. «Откуда ты, дедушка, взялся?» — «Спасибо тебе, дитяtko, это ты на мне приехал. Взят я был маленькой лесным, оборотил он меня в коня, и всю жизнь я у него пробыл. Пришел ты, отдал он меня тебе, вот и вывел ты меня, и сам ты вышел в Россею умереть. Спасибо, дитяtko». И пришли стрóшной и старик домой вместе.

249. ЗАГОВОРЕННЫЙ

[...] На Каспицком море случилась диковинная вещь. [...] Взяли трухменцы в полон судно с астраханскими ловцами. На судне только и были три человека: один русский и два калмыч-

нина. Трухменцев было человек пятнадцать. Заполнивши судно, трухменцы оставались еще в море, выжидали, значит, еще добычи. Лодочку свою разбойники привязали к судну, а сами все забрались на судно. Сначала строгий караул держали над русскими и над калмыками, связанными их содержали, а напоследок освободили; думали, видно, что-де трое могут сделать супротив пятнадцати человек. Ладно.

В один жаркий день трухменцы все забрались в трюм, а на палубе оставили только двоих караульщиков, смотреть за судном и наблюдать за пленниками. Пленники давно сговорились, как бы избавиться от разбойников; добыли и топор. Этот случай показался им самым удобным, и они решились приступить к делу. Топор взял русский и лег на палубе у трюма, будто спит; а калмыки подсели к караульщикам, один на носу, а другой на корме. Слово за слово, калмыки и разговорились с караульными трухменцами; те зазевались, калмыки и швырнули их за борт. Один калмычинин ловко швырнул трухменца и следа не оставил; а другой не споашился и сам с трухменцем полетел за борт. Стали калмычинин и трухменец в воде барахтаться; другой калмычинин стал помочь подавать товарищу, бросил ему веревку с палубы. Сделался шум, крик. В трюме трухменцы услышали и бросились было вон; но русский показал топор, трухменцы назад.

Немного погодя один из трухменцев, мужчина толстый, мужественный, прямо полез по лестнице из трюма; но русский хватъ трухменца по голове топором, рассек череп до половины. Трухменец полетел вниз, но тотчас же оправился и опять полез; а у самого, у бестии, ни кровинки из головы — вот что дивно! Русский еще раз огрел трухменца топором, рассек голову до челюстей, и раздвоилась голова словно арбуз, а крови опять-таки нет, хоть бы одна капелька, вот оно, чудо-то! Русский в третий раз ударил: голова у трухменца совсем раздвоилась, одна половина повисла на плечо, а другая на другое, а крови таки нет, хоть бы одна капелька, вот оно чудо-то так чудо! А трухменец все лезет вон, одной рукой по лестнице цепляется, а другой сжимает разрубленную голову. Одно слово — чудо!

Русский оробел, хотел было с отчаяния броситься за борт, да калмычинин выручил; человек, видно, был тоже дошлый. Сам

держит товарища на веревке, а сам кричит русскому: «Руби своя рука! Руби своя нога! Руби чего-нибудь своя! Пушай скорее своя кровь!» Русский догадался и вмиг отсек на руке своей кончик мизинца. Знамо, у русского тотчас из руки брызнула кровь. В этот же миг и у трухменца хлынула из башки кровь. Трухменец полетел в трюм и околел.

250. НЕЧИСТАЯ СИЛА ПРОТИВ БОЖЕСКОЙ СТОЯТЬ НЕ МОЖЕТ

В старые годы, когда башкирцы вольничали и часто под наш город подступали, было стражение у наших казаков с башкирцами на Горках, повыше Уральска, где Семенычев ерик. В этом стражении один башкирец много пакостил казакам; подбежит к нашим вплоть и пустит стрелу; убить хоша и не убьет, а когонибудь беспременно ранит. Наши бьют в башкирца из ружей и не убьют. Сначала думали, что на башкирце панцирь, а когда взгляделись хорошенько, увидели, что панциря нет; даже грудь у разбойника открыта, обросла волосами. Наши видят, как пули ударяют в грудь башкирца и отскакивают, словно горох от стены; а башкирец только зубы скалит и ругается. Тогда один казак догадался, снял с шеи у себя крест, смял его в зубах и запустил в ружье, замест пули; дождался, как башкирец налетел на него, и выстрелил: башкирец с копыт долой! Куда и заговор пошел. Значит, сила нечистая супротив силы Божеской стоять не может.

251. ЧУДЕСНЫЙ СЛУЧАЙ

Рабочий с Кривого пояса работал на монастырском покосе, в тридцати верстах от Кожезёрского монастыря. Легли спать, ночью к рабочему приходит нарядчик, толкает и говорит: «Вста-

вай, копну сломало». Тот очнулся, видит, нарядчик: «И давай, скорее шевелись, нужно идти, дождик будёт». Тот как скочил, взял вилы, грабли, за ним вслед, а нарядчик впереди идет, к зароду. Подходит и видит, что зарод целой и шум сделался в воздухе, «меня подоткнуло под бока и не живой, не мёртвой». В эту ночь перелетел на свои покосы, в Кривой пояс. Там народ работал, и видят, что мужик по воздуху летит, сымать его нёкак, и говорить он ничего не может. Стали они его ловить, он стал ниже и ниже; заимали, дак не могут в руках-то держать. Все-таки как-то его удержали, он не в чувствии был с неделю, думали, что помрёт. А выздоровел.

КОЛДУНЫ И ВЕДЬМЫ

252. ШИЛИХИН ПОЖАР

Шилиха — об ней будь сказано — была от всего света злеющая-презлеющая колдунья, только окаянная в то и жила, что добрых людей портила. Бывало, ни одна свадьба не пройдет без того, чтобы Шилиха не испортила молодых иль-бо не сделала какой пакости хозяевам, есть когда только хозяева не упроят ее, не задарят что ни лучшими подарками. Такая была скварная, чтоб ей и в аду-то не было ни дна ни покрывки! Занимались в старину этим делом, нечего греха таить, и мужчины; но те делали все-таки с пощадой; есть когда и заговорят, бывало, однако через некоторое время опять отговорят. Мужчина там какой бы ни был, а супротив женщины все-таки имеет честь и совесть. А Шилиха, чтоб ей и в аду-то места не было, все делала насмерть. Уж от природы ли она была такая злеющая иль уж уговор у ней был с дьяволом, дьявол ее знает; только, всем ведомо, не было от нее, лиходейки, никакой вольготы тем, кого на своем веку портила. И мужчины-воржецы побаивались вхо-

дить с нею в спор: всех, вишь, была она сильнее насчет чертовщины. [...]

Раз на одной свадьбе заспорил с Шилихой знахарь, какой-то заезжий молодец, из Стародубии, говорили, тоже по этой части был ходок. Деичем звали. Хотел, видно, он осмеять Шилиху, а себя превозвысить, ан гриб съел. Это было еще в ту пору, когда Шилиха была молода, когда она еще мед-брагу тянула и с мужеским полом зналась... Тогда, в молодости-то сиречь, она была, говорят, помягче, на подарки и на мужской пол была падка, а настоящей ведьмой-то киевской сделалась уже в старости. Ворон ворона видит издалека, говорит пословица. Скоро они, Деич и Шилиха, снюхались, сдружились. Случилось на ту пору одному именитому казаку свадьбу играть: сына, вишь, женил. Вот он не пожалел казны, подарил Шилиху с Деичем что ни лучшими подарками и позвал их на свадьбу — Деича дружкой, а Шилиху свахой. Хорошо.

Идет чин чином честная пир-беседушка. Все гости навеселе. Подпили и друженька с свахонькой. Все пьют, едят, прохладяются и речи меж себя ведут хорошие. Только Шилиха и Деич — чтоб их одрало — ведут речи нехорошие; по ихнему-то, може, и хорошие, да по нашему-то не хорошие, не потребные: ведут они, сударь мой, речи о чертовщине. Говорили, говорили они, да и заспорили. Деич говорит: «Не родился еще на свет тот человек, чтобы супротив меня мог стоять: кто бы что ни заговорил, я отговорю; но коли я что заговорю, никто не отговорит!» Шилиху такая похвальба задела, видно, за живое. Вскочила она с места и говорит: «Чем нам, добрый молодец, хвастаться да перекоряться, давай лучше попробуем!» — «Давай!» — говорит Деич.

Господи, как только слышали такие слова, так и всполошились все. Тут кажний подумал, как бы на нем воржецы-то вздумали содеять пробу. До кого ни коснись, всякий струсит. Шилиха заметила, что гости в тревогу произошли, и говорит: «Не бойтесь, гости любезные! Коли я где сама присутствую, коли я на свадьбе сама свахой, я не сделаю никакого лиха. Бойтесь меня заочно». Этим она, прибавил рассказчик, наветки давала, чтоб, вишь, все ее чтили да подарками уболагодворяли. Хорошо. Гости успокоились.

Потребовали Шилиха и Деич две редьки, очистили их и поставили на стол, острым концом кверху. «Начинай!» — говорит Деич. «Нет, ты начинай!» — говорит Шилиха. — Ты мужчина, а я женщина; ты же первый похвалялся; так первый и начинай». — «Хорошо!» — говорит Деич. — Которая твоя редька? Бери!» Шилиха взяла одну редьку и подвинула к себе. Деич взял другую редьку и подвинул к себе.

Деич стал что-то про себя шептать, а Шилиха улыбается. Деич шепчет, а редька Шилихина начинает мало-помалу темнеть-темнеть, чернеть-чернеть; напослед сделалась, как уголь, черна. Гости смотрят и дивуются. Деич поднял голову и посмотрел на всех так-то весело-весело. Шилиха в лице изменилась, сделалась сумрачна. «Кончил?» — спрашивает Шилиха Деича. «Кончил!» — говорит Деич и улыбается. «Смотри!» — говорит Шилиха и начинает что-то шептать. Шилиха шепчет, а редька ее начинает мало-помалу буреть-буреть, белеть-белеть, а напоследок совсем побелела, как прежде была. Гости смотрят и пуще прежнего дивуются. Шилиха подняла голову и посмотрела на всех как-то весело-весело. Деич в лице изменился, сделался сумрачен. «Что скажешь?» — спрашивает Шилиха Деича и улыбается. «Ничего!» — говорит Деич. — Теперь ты начинай». — «Хорошо!» — говорит Шилиха и начинает шептать.

Шилиха шепчет, а редька Деича мало-помалу начинает темнеть-темнеть, чернеть-чернеть; напослед сделалась, как уголь, черна. Гости смотрят и пуще прежнего дивуются. «Кончила?» — спрашивает Деич Шилиху. «Кончила!» — говорит Шилиха и улыбается. «Смотри!» — говорит Деич и начинает шептать. Деич шепчет, а редька его начинает мало-помалу буреть-буреть, белеть-белеть, — напослед совсем побелела, как прежде была. Деич поднял голову и посмотрел на всех так-то весело-весело. Шилиха в лице изменилась, сделалась сумрачна. «Что скажешь?» — спрашивает Деич Шилиху. «Ничего!» — говорит Шилиха. — Разрежь свою редьку и посмотри».

Деич разрезал редьку и устаурился на Шилиху: середка редька была черна, как уголь. Немного погодя Деич схватил Шилихину редьку и разрезал: Шилихина редька была вся бела, как снаружи, так и внутри. Деич сидит ни жив ни мертв, только буркалами на всех поводит. Шилиха улыбается и говорит

Деичу: «Давя ты сказал, а теперь я скажу: не родился еще на свет тот человек, кто бы мог супротив меня стоять: кто бы что ни заговорил, я отговорю; но коли я что заговорю, никто во веки веков не отговорит».

Вот она какая была дошлая, эта Шилиха. [...] Напослед настал час, его же никто не преиде.

Жила Шилиха с снохой, а сын был где-то на службе царской. Эта бедная, сноха-то сиречь, сколько приняла маеты и назолы, воззясь с свекровью-колдуньей, только Богу одному известно.

Две недели Шилиха томилась, а не издыхала. Напослед кто-то посоветовал снохе, чтобы конек у избы поднять [...] . Когда колдун умирает, в это время окружает его целый сонм чертей; они заграждают дорогу ангелу; а душу из тела,— так в Святом писании сказано,— душу из тела, какая бы там душа ни была, праведная ли, грешная ли, все одно,— душу из тела, окромя ангела Господня, никакой черт не смеет вынуть. После уже, как ангел-то вынет душу, черти-то и отобьют ее, есть-когда она грешная, а кольми паче еретицкая, отобьют, подцепят на багры да и поколябят во тьму кромешную. Вот для этого-то самого дела и поднимают у избы конек, чтобы дать ангелу место пробраться в избу.

Сноха так и сделала. Дождалась вечера, пошла на подволоку и приподняла немного конек у избы, а сама схватила скорехонько ведры да и побежала по воду, чтобы, знаешь, не видать, как свекровь-то окачурится. Но не дошла еще сноха до Яика, как дом их в один момент загорелся со всех четырех углов. Ударили в сполох, сбежался народ, а подойти к дому никто не может: как-то невидимая сила всех отталкивает. Народ в страхе и ужасе смотрит на пожар.

Вдруг из трубы вылетает огненный змий в виде беса триклятого, что на Страшном суде пишется: с когтями, с рогами, с хвостом — как быть бесу; в когтях держит самое Шилиху и летит с нею через город. А колдунья Шилиха вертится, словцо березка на огне, да ручищами своими цепляется за крыши домов; за который дом уцепится, тот и загорится; за который уцепится, тот, сударь мой, и загорится, и загорится. Таким манером черт пронесся с Шилихой через весь город, и весь город загорелся.

За башней, где теперь зимний базар, было озеро,— в ту пору город наш был маленький. В том озере бес и Шилиха исчезли. А город наш все-таки сгорел дотла. Вот отчего пожар тот и назван Шилихиным. Случился он в день святых благоверных князей Бориса и Глеба. С тех пор и доднесь в день этот служат у нас молебны и ходят вокруг города.

253. ШУТОВКА

К одному холостому парню прикачнулась шутовка и осетовала его. Случилась этакая оказия вот по какому случаю. Парень, видишь ли, любил девушку и хотел на ней жениться, да не довелось, сердечному: не отдали. Навернулся другой жених, богатый,— за того и отдали. Парень и предался тоске-отчаянию, а шутовка и шась к нему, словно тут и была. Сначала домашние не догадывались; а потом догадались, дело сделалось явным. Прежде парень был разбитной, веселый, здоровый, а тут словно в воду опустился: не пьет, не ест, пожелтел, исхудал — сделался шкилет шкилетом,— ходит уныл, задумчив, ни с кем словечка не вымолвит,— от всех бегаает, прячется, забивается на подволоку, в базы, в разные закоулки, и когда где бывает один, шепчется, смеется, целуется. Тут уж и сомнение всякое в сторону; дело видимое, парень с шутовкой живет.

Многажды мать приступала к сыну, продолжал рассказчик, уговаривала его, чтобы он поведал ей свое горе; но тот, бывало, молчит, головой качает. Напоследок мать пошла к священнику и рассказала ему, что с сыном ее творится, и священник дал матери совет, как она должна к сыну подступиться, чтобы вывесть от него всю подноготную. Мать, по совету священника, и приступила к сыну. Сначала говорила о том о сем, а напоследок завела речь о Груше, то ись о той самой девушке, пояснил рассказчик, на которой не довелось парню жениться. Потому мать завела речь о Груше, что в доме известно было, что шутовка являлась к парню в образе Груши,— не раз, значит, подслушивали, как он называл шутовку этим именем.

— Слышу от людей,— говорит мать,— что к тебе, дитяtko, Груша ходит. Правда ли?

Сын головой качает: врут-де! Мать опять говорит сыну:

— Ты, дитяtko, от меня не скрывай. Я не для того спрашиваю, чтобы журить тебя иль-бо запрет на тебя положить, а для того единственно, чтобы совет тебе подать к лучшему. Если уж ходит она к тебе, то видались бы вы с ней по секрету, чтобы огласки большой не было. Долго ли до греха, муж Грушин узнает, и выйдет беда. Мне, яко матери твоей, и говорить-то с тобой об этаких делах не следовало. Да что буду делать? Сердце не терпит; ведь мне жаль тебя, ведь ты дитя мое, мое рожденье.

Парень и проговорился.

— Да мы,— говорит,— и так по секрету видаемся.

— Где ж вы видаетесь-то? — спрашивает мать.

— Да где доведется,— говорит сын,— когда на подволоке, когда в базу, когда в передбаннике, когда где, как случится.

— Ну, а в избу рази она не ходит к тебе? — спрашивает мать.

— Нет, ходит,— говорит сын,— только тогда ходит, когда в избе, кроме меня, никого не бывает да еще когда икона бывает задернута занавеской; а есть-когда икона не бывает задернута занавеской, то останется в дверях и прикажет мне задернуть, я и задерну, она и войдет.

— А есть ли на тебе крест-то? — спрашивает мать.

— Нет! — говорит парень.— Я бросил его: она так приказала.

— Зачем же ты послушался, глупенький? — спрашивает мать.

— Нельзя не послушаться,— говорит сын,— стращает, что ходить ко мне не станет, а мне без нее, матушка, смерть; хоть сейчас же ройте могилу. Еще вот что вчера, как уходила, она сказала мне,— говорит парень,— може-де, родные будут мазать тебя каким снадобьем, може-де, святой водой спрыскивать станут, може-де, призовут священника или какого-нибудь канунника, чтобы молитвы над тобой читать,— то ты, говорит, ни под каким видом не давайся: я этого, говорит, терпеть не могу. А есть-когда дашься, то, говорит, иль-бо тебя задушу, иль-бо сама на себя руки наложу, иль-бо дом ваш огнем спалю, иль-бо всю скотину у вас переморю! Я,— говорит сын матери,— обещал ей, что этого не будет. Пожалуйста, маменька! — умаливает сын мать,— пожалуйста, родимая, не трожьте меня, оставьте в покое.

Говорит это, а сам так и заливается слезами. Мать тоже пла-

чет и говорит сыну, успокоивает: знамо, говорит так, как священник научил:

— Хорошо, хорошо, дитяtko! Не будем тебя беспокоить никакими мазиями, никакими отчитываньями; жалко мне тебя, ведь ты дитя мое. Живи в свое удовольствие, как знаешь. Только, дитяtko, по подволокам, да по базам, да по передбанникам не укрывайся. К чему? Вот тебе вся горница в твое владение, располагайся здесь как знаешь; наша и нога сюда не коснется. А чтобы,— говорит мать,— чтобы и ей не было никакой помехи, я и образа-то отсюда вынесу, в другую избу перенесу.

Сын обрадовался и бросился матери на шею. Мать поласкала сына, поплакала и под каким-то предлогом увела сына из дома, а сама и виду не показывает, что задумала что-то против него и против шутовки. В то самое время, как мать ушла с сыном из дома, пришел в их дом священник и велел очистить избу от всего святого, чтобы шутовке было невдомек; а сам обошел снаружи дом и все окна, все щели, все, значит, продухи оградил крестом и молитвой и окропил святой водой; не тронул только одни двери, оставил их, как и были, не огражденными, чтобы шутовка могла войти в избу без препятствия.

В первую же ночь после того, как все это устроили, шутовка и явилась к возлюбленному прямо в горницу. Эту ночь, и другую их не беспокоили, дали им всю волю. Шутовка радуется такому счастью, не замечает подвоха, совсем поселилась у парня, и ручки, и ножки, что называется, склала. Хорошо. На третью ночь, часу во втором с полуночи, когда парень с шутовкой наигрались вдоволь, уgomонились и легли спать, явился к дверям священник с причтом в полном облачении, с крестом, с Евангелием, с святой водой, с местными иконами, с кадилами и со свечами, подошел к дверям, оградил их крестом, окропил святой водой и вошел в избу,— вошел, поднял святой крест над головой, оградил в воздухе и возгласил: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Да исчезнет сила нечистая, да сокрушится она перед жилой животворящего креста Господа нашего Иисуса Христа.

— Аминь! — возгласил причт и запел ангельские песни.

Шутовка взвизгнула, в виде жука завертелась и закружилась по горнице,— попалась, голубушка! Шутовка ищет места, где бы

улизнуть, но места такого нет; подлетит к дверям — там священник с крестом — жжет, к окну — там тоже жжет; к трубе — там тоже; к болтовой дыре — там тоже; одно слово, куда ни кинется, везде отказ! А священник с причтом возглашают молитвы, поют ангельские песни, читают Евангелие, кадят кадилами, кропят святой водой, одно слово, вздохнуть не дают шутовке! Вилась, вилась шутовка по горнице, стучалась, стучалась о косяки да о стены, напоследок измучилась, из сил выбилась и рухнула на пол, идно стены задрожали. Это, значит, нечистая сила пошла сквозь землю. В эту самую минуту пропели петухи, и, на место жука, очутилась на полу девушка в красном штофном сарафане. Священник к ней, осенил ее крестом, окропил святой водой и надел на шею ей нательный крест, а Евангелие возложил ей на голову. Некоторое время девушка лежала словно убитая, напоследок почувствовалась, приподнялась, перекрестилась и сотворила молитву. Этим и дело завершилось, сказал старик. Устигли шутовку, и она перешла в мир, стала истовым человеком.

— Девушка эта [...] родом купеческая дочь, города Киева, и что в давних годах согубила своей матери, и та прокляла ее. Она же, знамо дело, рассказывала людям и про житье-бытье свое, как жила и что делала, бывши шутовкой [...]. Ехать девушке в свой город и отыскивать родню было поздно, — чай, давным-давно вся родня повымерла, выродилась. Да и не для чего было хлопотать, старую родню отыскивать: новую Бог дал. Благо, собой девушка красавица, еще краше той, в образе которой являлась к возлюбленному. Через шесть недель и обвенчали парня с девушкой, и зажили они, как живут и все добрые люди. Только священник наказал молодому строго-настрою, чтобы он до году отнюдь не снимал с молодой креста, хоша бы она и просила его о том; а сама она до году не могла и прикоснуться до креста, чтобы снять.

Хорошо. Живут муж с женой чинным манером. Жена, как подобает, забеременела, была уже на сносях. Раз случилось им быть в бане. Жена разделась и говорит мужу:

— Снял бы ты, миленький, с меня крест, ведь грешно быть в бане в кресте.

— А священник-то что приказал? — говорит муж. — Рази не знаешь?

— Коли не знаю,—говорит жена,—знаю. Да ведь год-то минул. Припомни-ка хорошенько,—говорит жена,—в первый-то раз надели на меня крест дня за два до Троицы? А нынче уже пятый день, как Троица прошла. Значит, больше году вышло.

Муж припомнил время, счел: выходит так, как жена говорит; а того и в голову, дуралей, не заберет, что Троицын день — праздник не в числах, а переходящий, взял да и снял с жены крест. Отмочил штуку, нечего сказать! Лишь только муж снял с жены крест, жена и исчезла! До году-то, сударь мой, еще дня два недоставало.

— Погубил ты меня и с детищем своим, что в утробе у меня! — говорит с вышины невидимый голос жены. — Зачем ты меня послушался? Ведь не сама я от себя говорила, а с приказу чертей. Те во весь год изо дня в день приставали ко мне, утягощали и тоску на меня нагоняли, чтобы я упросила тебя снять крест. Я поневоле это делала: мне тошно было! А ты, по своей глупости, не расчел время и исполнил мое хотенье. Мне, конечно, такая уж дорога. Да детище-то твое зачем гибнет? Вот о чем подумай! По прошествии года этого бы не случилось. Теперь пеняй сам на себя, дружок! Прощай! — сказал в вышине голос жены и — замолк.

Муж как стоял, так и ошалел, сказал старик, насилу в чувство привели. А жена все-таки пропала; пропало и чадо нерожденное.

254. ЕРЕТИК

Досель, говорят, худо от еретиков было, сохрани Бог, как худо. Давно это было... После того, как Христос по земле прошел,—еретикам ход усекло, вся нечисть разбежалась; а то было время: только солнце за лес село,—не оставайся один на улице: беда!.. Да и в избу ползут. Из-за того у изб все волоковые окна были. Как солнце за лес — и оконце закрывают. Волоковые окна еще и мы у старинных изб помним: такие маленькие были,—человеку пролезти нельзя было.

Этак один раз мужик не поспел днем домой попасть. Идет по лесу, глядь — а из-за сосен еретик-от и выглядывает. Вот он ско-

рее на сосну да к самой вершине... А еретик под сосну: не лезет, а ухватился да зубами подгрызает — только зубы щелкают, только щепки летят... Сидит мужичок на сосне, на самой вершине, да молитвы читает, всех святых перебирает; а еретик грызет сосну — только щепы летят. Долго мужик сидел на сосне, долго плакал и молился, а еретик не уходил, все сосну подгрызал. Уж сосна закачалась — не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запел петух где-то — и еретик убежал, ли скрозь землю прошел. А мужик уж утром слез с сосны.

Вот какое тогда времечко было!

255. СОЛДАТ И ЕГО ЖЕНА ВЕДЬМА

Служил в Саратове один солдат на службе. Состоял на квартире у одной старухи. У ней была дочь уже невеста, красивая собой. Вот солдат и слюбился с ней. Потом через несколько месяцев женился на ней. Теща старуха померла. Он и жил вдвоем со своей женой; военную службу исполнял, а жил на квартире у себя дома, так как в то время солдаты более стояли по квартирам, а не в казармах.

В летнее время раз он после обеда лег отдыхать. Жена его прибрала все в комнате и стала наряжаться.

Он смотрит. «Куда же она собирается?» — думает. Нарядилась совсем, подходит к полочке, взяла маленькую скляночку и чем-то из нее помазала себе нос. Обернулась сорокой и вылетела в трубу на волю, и улетела. Солдат, немного думая, стал с лавки, подошел к полочке и помазал себе нос. Вдруг, и сам не знает почему, обернулся сорокой и выскочил в трубу и полетел. Летел да летел, долетел до какого-то острова на море. И стал спускаться на землю. Только коснулся земли и, сам не зная почему, сделался опять солдатом.

Идет по острову, вдруг ему востречу попала жена. «Ты куда?» — спросила она. «А я и сам не знаю, как попал сюда». — «Убирайся поскорее отсель, а то прилетят мои подруги-ведьмы и тебя съедят!» — «Как же я пойду, когда кругом море?» — «Да вот, я дам тебе коня». Она начертала на земле пальцем рисунок коня, и вдруг перед ней очутился вороной жеребец. Посадила

она мужа на этого жеребца и наказала ему: «Смотри не тпрукай, а то плохо будет!» Он сел на коня и поехал. Смотрит: у коня под ногами вода, а бежит он, воды не касаясь. Переехали море. Доехал солдат до лесу, конь стал подниматься выше, и лес уже образовался у него под ногами.

Солдат увидел свой город Саратов и думает: «Непременно меня конь увезет не ладно». Посмотрел еще: город даже стал оставаться позади. Взял солдат да и стпрукал: «Тпру!» — говорит. Вдруг очутился в огромном лесу: кое-как и вышел. Полгода вокурат шел только до городу Саратова! Вот сколь далеко не доехал!

256. ЖЕНА КОЛДУНЯ

Жил-был холстой парень, он задумал жениться и взял замуж девушку-волшебницу. Стал ее в первой раз садить обедать, она с им обедать не села; он подумал, что стыдится, молода дак. На другой день он опять позвал ее обедать. Она пришла и села, отвязала от креста уховёртку и начала хлебать рисову кашу по одной рисинке. Муж и подумал: «Верно, стыдится много есть». На другой день опять стала есть уховёрткой по одной рисинке. Он и подумал: «Чем она наедается?» На третью ночь он повалился спать и стал преследовать свою жонку, чем она наедается. Когда стало двенадцать часов, жонка встала, оделась, потихоньку и пошла, а муж за ней. Шла, шла жонка, дошла до кладбища, дошла до одной могилы; там был похоронен мертвец; с другой стороны пришел другой человек, мужчина; разрыли они эту могилу, вынули мертвеца и стали есть. Когда мертвеца съели, гроб, саван и кости зарыли в могилу и разошлись.

Муж пришел впереди и притворился, будто спящий. Она пришла, повалилась к мужу и заспала. На третий день муж опять позвал жонку обедать, она отвязала от креста уховёртку и начала есть по одной рисинке. Муж не вытерпел и сказал: «Что не ешь? Или мертвечина тебе лучше кажет?» Жонка схватила со стола чашку с водой, плеснула ему на рыло и говорит: «Ну, когда ты узнал мою тайну, так будь собакой». Муж сделался

собакой; она взяла палку и погна́ла его вон. Он выбежал и побежал куда глаза глядят.

Прибежала собака в город и зашла к мяснику в лавку. Мясник накормил собаку мясом и оставил ночевать, собака ночевала и в ночь в лавке ничего не сделала. На другой день в лавку пришел булочник за мясом и дал собаке кусок булки. Собака кусок булки съела и побежала за булочником в пекарню. В пекарне собака жила больше недели. Приходит в пекарню женщина покупать булок. За булки она заплатила несколько монет, одна монета оказалась не похожа совсем даже (старинна или фальшива); булочник этой монеты не стал брать. Когда они заспорили, булочник и говорит: «У меня собака и та узнат, что эта монета не по́хожа». Жонка говорит: «А ну-ка, выведи». Булочник расклат монеты на стол, собака эту монету из серёдки выпихнула. Жонка посмотрела на собаку и говорит: «Ну, если собака, дак и оставайся здесь, а если человек, дак поди за мной». Собака убежала за жонкой.

Эта жонка привела собаку домой и говорит дочери: «Привела я собаку, да не знаю, верно ли, нет, собака». Дочь посмотрела на собаку, взяла воды, сделала состав, плеснула в глаза собаке и сказала: «Если собака, останься псом, а если человек, дак превратись в человека». Собака сделалась человеком. Тогда его стала спрашивать, как и почему он оказался собакой. Он рассказал. Она сказала: «Да, я знаю прекрасно твою жену, она со мной вместе училась у одной старухи колдовать, но она не стала повиноваться властей, и старуха ей сделала наказание, чтобы она ходила на кладбище и ела мертвечину. Если ты хошь проучить свою жонку, я тебе сделаю состав, ты приди, плесни ей в лицо и узнаешь, что будет».

Мужик взял состав, пришел домой, жены дома не было. Он сел на крыльцо и стал ее дожидаться, скоро ли придет. Она вернулась, он взял, ей составом в рожу и плеснул. Жена превратилась в кобылу; он взял, сел на ней верхом и начал ездить. Потом запряг в сани и поехал в лес, навалил воз дров и начал ее стегать. Так он каждый день ездил в лес две недели, потом ему ее и жалко стало. Он пошел к девке, выпросил у ней состав, чтобы она сделалась жена, как была. Составом этим облил кобылу, и стала жонка, как и была, но забыла колдовство, и стали они жить с мужем хорошо и согласно.

257. КОЛДУН И СВЯЩЕННИК

Одного колдуна священник увещевал оставить свое ремесло, и колдун за это сердился на священника. Колдун умер; однажды вечером, вскоре после его смерти, у ворот священника кто-то постучался. Священник подошел к воротам и спросил: «Кто тут?» — «Я, батюшко, пономарь, — отвечал голос, — пришел благословиться звонить к заутрене». — «Что ты! Я еще спать не ложился, а ты уж звонить хочешь. Поди домой, рано еще». Через полчаса опять пришел пономарь, стучит и говорит: «Петухи пропели, батюшко, приходи». Священник отдал в окно ключи, а потом послышался и звон, который слышал он один. Потом священник оделся, помолился и пошел в церковь. Только священник пошел в церковь, как за ним с шумом растворились двери и он увидел колдуна; колдун скрипел зубами и говорил: «Ага, попался-таки!» Священник скорее в алтарь; взял напрестольный крест, оградил себя им и вышел из алтаря. Колдун, увидя крест, упал навзничь. Петухи пропели, и колдуна не стало. Крестьяне потом разрывали могилу колдуна и увидели, что он повернулся вниз лицом; между лопатками ему вбили осиновый кол, чтобы больше не вставал.

258. СВЕКРОВЬ-КОЛДУНЯ

Муж с женой жили, и свекровка с ними жила, а детей нет. Беременная ходит, а не рожает, не рожает. Время придет — живот исчезнет.

Однажды солдат шел со службы, ночевать к ним попросился. Муж сначала говорил:

— Зачем же? У меня сегодня жена должна рожать.

А он говорит:

— Я немного места займу, у порога на шинели.

Ночь наступила, все уснули. А раньше ведь ни врачей, никого не было. Все уснули, жена начала мучиться. А перед сном-то свекровка печь затопила. Достала головешку, а все спали. Солдат-то наблюдал, не спал. Она про него забыла. Три

раза обвела головешкой вокруг жены. Она и родила легко, даже ребенок не плакал, ниче. Завернула она ребенка в тряпку, к печке подошла. У нее уже и волосы были распущены, все. Короче, колдуньей была.

Солдат соскочил, схватил нож, отрезал ей волосы и ребенка отобрал. А старуха сразу на печь залезла.

Утром встали — опять ребенка нет. Сели есть, что-то жена к завтраку настряпала. А ребенок спит себе под шинелью. Солдат говорит:

— Зовите мать!

Потом достал ребенка и рассказал все...

259. ТЕЩА-КОЛДУНЯ

[...] Девка одна была, лицом страшна. Пастуха любила. Ох, любила! А про мать ее слухи шли: нечиста была, говорили, колдовать умела. А пастух красивый хлопец был, вся деревня об ем сохла. И вдруг женился на ней. По любви или присушила — не помню. Но и не помню, чтоб миловались они.

Недолго жил. Стал мужик толстеть. Живот вырос — страх смотреть. Дышать тяжело стал. Думали, что помрет скоро.

А здесь дедусь один объявился, ненашенский. Пожалел, что ли, парня. Велел баню докрасна истопить. И вдвоем с тем парнем ушли. Долго были. А что делали, никто не знал. А потом люди говорили, что много старичок лягушек в печь поскидал. И вылечил парня-то. И после этого не видели его больше, старичка-то.

Ой, давно это было, — темное дело.

260. КОЛДУНЯ И СОЛДАТ

У нас солдатик со службы шел. Переночевать зашел к старушке. А она сама-то летала. Вот солдатик-то спать лег, но не заснул, а из-под одеяла выглядывал одним глазом.

Вот старуха подошла к печи, горшочек поставила на шесток, руки помочила и фырк! — в трубу. А солдатiku интересно. Он возьми да так же и сделай. И в бане очутился! А там старух полно. Хозяйка его увидела и говорит:

— А ты зачем здесь? Давай домой!

Дали ему коня красивого, быстрого. Солдатик сел на коня — и вмиг очутился в хате. Глядь: а под ним вместо коня помело оказалось!

261. КОЛДУН ПРИСУШИЛ МУЖА

Одна была богата, с ей муж не жил. Завод винокурный имела. Ну, она была не приспособлена к труду-то... Мария Леонтьевна. Но была красива и богата. И вот муж-то изменял и изменял. Она одну попросила, говорит:

— У вас, может быть, в деревне есть, кто ладит?

Та говорит:

— Есть, Матвеев дедушка.— Он все с палкой ходил. Така палка была бурятска шишка.

Она говорит:

— Если приведете, я вам заплачу́ и ему заплачу́ крепко.

Теперь, ладно. Она села, поехала (она у них поваром работала, эта женщина). Приезжает. Он в Шеметово жил, на горе, Евлентий Евлампович.

Тут такая история.

— Да вы че? С ума сошли? Под старость лет мне позориться, буду ехать?! Я же пожилой человек. Вдруг узнают, могут убить меня. Сейчас начинатся власть-то вон кака.

Но все же сговорила его эта женщина. Приезжает утром, что наладил на чай, она мужа-то попоила, и перестал гулять. Как присох.

А старику-то она заплатила.

262. ЗАБЫТЫЙ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Один промышленник остался по случаю (нечаянно) на Новой Земле; судно ушло, стал он жить в балагане один и стал задумываться. Ему явилась девка, и стала она его часто посещать, и он с ней соznался и сделал ей брюхо. Так он жил до весны. Весной пришли суда, он переселился на суда. Жил на судах все лето, и девка к нему каждый день ходила, а народ ей никто, кроме его не видали. Настала осень, надо было промышленникам уходить домой, а эта девка его не спускала; он им объяснился. Промышленники стали придумывать, как его увезти домой. Выдумали: выкатили якоря, завезли на берег тросы и наладились до попутного ветра. Только как задул попутной ветер, они тросы отдали и пошли домой. Откуль ни взялась эта девка на берегу, тогда промышленники ей все увидели, с младенцем на руках. Девка взяла этого младенца, разорвала этого младенца напополам, одну половину бросила на судно, но младенец перелетел мимо, а на планцирь попала только одна капля крови. Планцирь пошел в воду, и судно стало крениться набок. Один старик тут догадался, стесал с планциря кровь, судно опрямилось, и благополучно промышленники ушли домой. Девка была нечиста сила.

263. ЗАКОЛДОВАННАЯ ЖЕНЩИНА

В одной версте от деревни Рожковичи Пружанского уезда стоят две сосны, промеж которых в одну и ту же пору года появляется женщина с распущенными волосами и в белой, длинной одежде. Кто бы ни попался к этой женщине, он делается ее жертвой: она водит его по болотам, изнуряет до последней степени и умерщвляет изнуренного, так что никто не может найти и следов его гибели. Но лишь только в это время запоет вблизи петух, женщина мгновенно пропадает. Спасшиеся от гибели рассказывают, что во время странствования с этой ужасной женщиной им виделись длинные и широкие реки, громадные леса, обширные поля и луга и большие города.

264. ВОЛШЕБНАЯ ТАТАРКА

На четвертой версте почтовой дороги от местечка Заблудова к станции Геранимова, с правой стороны, на довольно большой горке проживала когда-то волшебница-татарка. Редко кто мог проехать целым и невредимым мимо жилища волшебницы: она догоняла прохожего и проезжего, сильным криком цепенила лошадей и седоков, а потом удушала последних на своей груди. Это продолжалось бы очень долго и много людей погибло бы, если бы не следующий случай. Догадливый кучер проезжавшего пана покрыл лошадей своей и панской шубой и пригласил пана выйти из экипажа и спрятаться за ближайшее дерево. Волшебница своим обычным криком остановила лошадей и, предполагая в них человеческих оборотней, стала душить. Тем временем кучер сорвал серебряную пуговку с одежды своего пана, зарядил ружье и сразу убил злую татарку. Из раны убитой волшебницы потекла не кровь, а густая смола.

265. ВЕДЬМА ПРОКЛЯЛА РЕКУ

В полуверсте от села Оренич находятся большие рвы, которые когда-то составляли ложе громадной реки. Раз переправлялась через реку ведьма и нечаянно уронила в нее похищенное дитя, которое тут же и утонуло. Ведьма прокляла реку, и вода ушла в землю. На том месте, где уходила вода, вырос особенный куст: он, так сказать, затыкает отверстие, через которое прошла вода. Если бы [...] нашелся ловкий и сильный человек и выдернул этот куст за один прием, то исчезнувшая река снова появилась бы на своем месте.

МЕРТВЕЦЫ

266. ВОРЖЕЦ

Поехали однажды илецкие казаки рыбачить на озера и старицы, пониже Илецкого городка. Вырыли где-то на берегу в яру землянку и в ней устроили стан. Перед каким-то праздником, перед Рождеством ли, перед Богоявлением ли — запомывал, вся артель уехала из дома; на стану, в землянке, остался один старик с собакой [...] . Настала ночь, старик сварил себе ушицы, поужинал и улегся спать. Вдруг, среди ночи, собака залаяла и на кого-то оскалилась. Старик проснулся, встал, вздул огонь, осмотрелся и увидел ужаси: из одной стены торчат человечески ноги в лаптях! Ноги шевелятся и мало-помалу выдвигаются наружу; напоследок все вышли, — показалось туловище! Старик видит, что дело плохо, схватил в охапку свою одежонку и драло вон из землянки; а собака осталась в землянке. Отбежал старик несколько сажень от землянки, остановился и стал обуваться и одеваться; одевается, а сам прислушивается, — слышит: собака

сцепилась с привидением иль-бо с мертвецом, что ли, не умею как сказать; идет, слышно, между собакой и между мертвецом драка отчаянная; собака, слышно, грызется, как собака, а мертвец, слышно, ревет не то человеческим, не то медвежьим голосом, только страшно как-то. Напоследок собака взвизгнула и затихла. Слышно стало, что-то чмокает, якобы зверь какой поедает что-нибудь. Напоследок и чмокание затихло. Тем временем старичок обулся и оделся и, знамо дело, без оглядки побежал в городок; прибежал и рассказал артельщикам. Те, на другой же день, освидетельствовали землянку и нашли все в целости, только все было переверорочено, перебутырено, а собаки нет. От собаки остались только кой-какие кости да клочья шерсти! Значит, мертвец растерзал собаку и пожрал! А стена, сударь мой, цела, признака нет, чтобы сквозь нее кто лез. [...] Это самое привидение иль-бо этот самый мертвец, что собаку пожрал, был какой-нибудь злокозненный воржец, пояснил рассказчик. Земля, значит, не принимает его, и он с досады в известные дни и часы встает и грызет тех, кто попадается в руки. Конечно, добавил рассказчик, собаку растерзал он не потому, чтоб она нужна была ему, а, всеконечно, потому самому, что она упредила хозяина и способствовала ему убежать.

267. МЕРТВЫЙ ВОЛШЕБНИК

[...] Умирает один муж да жене и наказывает: «Смотри ты, жена, только я умру,— того же часу подрежь мне подколенные жилы!» Умер мужик... А бабе-то пожалелось подрезать подколенные жилы: дружно, стало быть, с мужем жили. Ну вот, как ряд делу, покойника обмыли и «под святые» положили. Дело было к ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка — мал мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будет: давай баба печь топить; топит печь и клюку калит, а самой и мужа жаль, и покойника боится. Топит печь да клюку калит... «Мама, тятя-то пошевелился!» — «Молчи,— говорит,— тебе так показалось». А сама сидит у печи да клюку калит. «Мама! Тятя-то садится!»

А покойник попробовал сесть; покрывало на пол свалилось, и опять упал на подушку... «Молчи,— говорит мать,— это так показалось!» — «Мама! Тятя-то встал!..» Соскочила баба, схватила робят, пихнула через чилисник на печь, выхватила из печи каленую клюку и сама к робятам залезла.

Покойник встал и начал осматривать, где жена. Вот рассмотрел он жену на печи и пошел тихоньку к печи, а под им половицы выгибаются, скрипят. Подошел он к голбцу,— а на печь вылезти надо: зубами железными щелкает, к голбцу грудью наваливает... Баба с печи каленой клюкой хлесь по зубам — только зубы сбрыкали. Он отступил и опять напирает: съесть, вишь, надо, а вылезть не может, потому руки крестом на груди сложены были, так и не может от груди своей отнять. Он подойдет,— а она опять по зубам клюкой каленой. Знамо дело, Богу молилась. Запел петух,— бросился еретик на старое место, но уж лег ничью. Так ничью и утром нашли, так и похоронили.

Этих волшебников все ничью хоронят: куда лицом схоронишь, туда под землей и пойдет: кверху лицом — наверх выйдет, а ничью — дак в преисподнюю прямо уходит.

268. ПОКОЙНАЯ КУМУШКА

Была старушка богомольная, а у ней померла подружка кумушка. Старушка была к службы ходить охоча. Услышала звон ночью и заходит в церковь, а покойных полна церква. Старушка, ее знакомая кумушка, саван сняла с себя и говорит: «Нонь мы молилися, а не вы, выйди от нас, чтобы не слышали други». Старушка и ушла. Покойник к ей ночью пришел и стал ей пугать. На другу ночь старушка стол скатертью покрыла и петушка под скатерть положила, чтобы спел, когда покойник придет. Пришла ночь, покойник и пришел пугать ее: «Я тебя съем, зачем к нам ходишь в непоказаны часы». Это кумушка и пришла. Скатерка и говорит покойнице: «Меня трут и моют и полощут, все терплю, а ты одного слова не могла перетерпеть». Петух спел, покойница и отступилась старуху пугать.

269. ЛОГИНЫЧ

[...] Всем издавна он был известен под одним прозвищем: Логиныч. Пьяница был горький, да еще с придурцой, а может, и не был с придурцой, может, только прикидывался таким. Ни к работе, ни к службе не был срушен. Войсковая канцелярия, матушка, билась, билась с ним и отступилась: исключила его, значит, из казачьих списков, как негодного. Так он и шатался из места в место, где день, где ночь, нигде, значит, не имел постоянного пристанища. Бывало, сказывают старики, во время какого-нибудь рыболовства таскается Логиныч по обозам и потешает народ разными штуками. Примерно, поднесут ему стакан вина, а на закуску подадут сырую рыбу и скажут: «Закуси, Логиныч!» Логиныч и примется уписывать сырую рыбу, словно голодная собака. Или ничего не дадут на закуску и скажут: «Извини, Логиныч; закусить-то нечем!» «Как нечем?» — скажет Логиныч. «А это-то что?» И с этим словом примется грызть стакан, как сухарь. Такой-то был забавник этот Логиныч. Одним только нехорош: с нечистой силой знался. При жизни его никто этого художества за ним не знал, не выказывал, значит; а после смерти оказал, греховодник.

На плавне ли, у севрюг ли, шатался Логиныч, по обнакновению, по обозам и вдруг пропал. Одни говорили, что он утонул, другие — что его киргизы взяли в полон, а иные говорили, что его какие-то обозники нашли мертвым близ Бударинского форпоста и тут же, где нашли, закопали будто в землю. Потолковали, потолковали, да и забыли, кому какая нужда! Вдруг Логиныч обозначился и стал дурить, подлец! Раз из бударинской команды были казаки в секрете; двое лежали в ложине, а третий был на часах немного поодаль от товарищей, сидел под кустом. Этак около полуночи часовой видит вершника на белой лошади и в белой одежде. Вершник едет мимо секрета тихонько, бесперечь останавливается, озирается, будто высматривает чего-то, одно слово, представляется разбойником киргизом. По одеянию часовой не разберет хорошенько — казак ли это, или киргиз, и потому взял да и окликнул: «Кто едет?»

— Логиныч! — закричал вершник, захохотал во все горло и ускакал.

Казаки со страха и секрет бросили, ускакали на форпост. Сначала не поверили, думали, что они спали и им сонным пригрезилось. Но на следующую ночь вся команда уверилась, что то была истинная правда. С вечера сошлись к крепости казаки, толковали о том о сем и, знамо дело, и о Логиныче не забыли: трунят над теми, кто в прошлую ночь был в секрете; не заметили, как и время прошло, была уж на исходе двенадцатая склянка, значит, полночь. Вдруг часовой, что стоял на вышке, подал знак, что на третнем пикете маяк горит; значит, тревога; значит, где-нибудь киргизы нападение сделали на линию. Команда встревожилась и села на конь. Хотели и при крепости зажечь маяк, да начальник не велел; сначала приказал увериться, точно ли маяк горит, не варит ли кто кашу в степи; начальник, изволишь ли видеть, опасался, как бы не сделать напрасную тревогу. Хорошо. Тое ж минуту команда поскакала на низ к пикету, пикет был недалеко, всёго версты за три. Но лишь только команда выехала в поле, навстречу ей скачут пикетные казаки.

- Куда вы? — спрашивают форпостные казаки пикетных.
- К вам на форпост! — отвечают пикетные казаки.
- Зачем? — спрашивают их.
- У вас, при крепости, маяк горит!
- А у вас? — спрашивают их.
- У нас нет!

Форпостные казаки оглянулись назад и видят: маяк при крепости горит! Смотрят на пикет — пикетный маяк не горит! Тое ж минуту казаки вернулись на форпост, прискакали: маяк целехонек, не горит! Оказия. Столпились казаки у крепостных ворот, не знают, что делать. Вдруг видят: от верхнего выезда скачет вершник на белой лошади и в белой одежде, а за ним, немного одаль, скачет целая свита на таких же лошадях и в таком же одеянье. Передний вершник прямо держит на крепость. Команда думает, не киргизы ли уж бьют на их форпост; приготовилась отпор дать. Часовой с вышки окликнул: «Кто едет?»

— Логиныч! — закричал вершник и захохотал, поворотил коня влево и прямо юркнул в Бударин ерик. Свита его за ним же.

Тут уже вся команда поверила, что Логиныч взаправду

дурит. С тех пор и стал Логиныч выделять разные штуки, спокою не давал бударинским казакам. И только, сударь мой, их одних тревожил, а других по соседству никого не беспокоил. Полагали, что это оттого, что около-де Бударина зарыт Логиныч. А иные говорили, что это будто бы оттого, что когда-то, когда Логиныч был жив, бударинские ребята сильно поколотили его за что-то; вот за это-то самое будто бы Логиныч и мстил бударинским казакам. Оттого ли, не оттого ли, все единственно, а только плохо приходилось бударинским казакам, смаялись они и жалобу приносили атаману, просили, чтобы позволил им перенести форпост на другое место; но атаман не верил. Однако вскоре и он уверился.

Раз ждали атамана на низ. В полночь слышат: колокольчик звенит. «Бежит! бежит!» — кричит часовой с вышки. Команда припаслась, стала во фронт у крепости. Начальник тут же; ждет, чтобы с липортом к атаману подойти. А колокольчик все ближе и ближе, — уж в улице, — вот и повозка катит, тройкой; кони все белые; и впереди, и сзади, и по бокам конвойные, на белых же конях. Но никому невдогад эти белые кони; у всех на уме атаман. Повозка подкатывает к крепости. Часовой окликает: «Кто едет?»

— Логиныч! — кричат из повозки и хохочут. И в тот же миг повозка взяла влево и прямо в Бударин ерик!

Команда хорошенько еще не опомнилась от этой штуки, как опять послышался колокольчик, ближе и ближе; вот и повозка катит, прямо к крепости. Начальник приказал часовому молчать. Повозка подкатилась к воротам и остановилась. Вышел настоящий атаман и вскинулся на начальника, бранить.

— Что ж часовой-то молчит, не окликает? — говорит атаман. — Аль военный артикул забыли?

— Так и так! — оправдывается начальник. — Логиныч дурит, совсем с пахвей нас сбил. Сию минуту, — говорит начальник, — только в ерик провалился.

— Что за оказия! — говорит атаман. — Неужто правда?

— Точно так! — говорит начальник. — Извольте спросить команду: никого пьяных нет, все терезвы.

Ладно. Атаман успокоился и говорит:

— Об этом мы завтра потолкуем. А теперь вот что: следом за

мною бежит чиновник, из Оренбурга, левизор от губернатора. Хорошенько окликнуть его, как можно громче! — приказывает атаман.

— Слушаю! — говорит часовой с вышки.

И точно, минутой спустя, послышался колокольчик, — ближе и ближе; катит и повозка, тройкой, кони белые... Казаки догадываются, что за птица летит, — но молчат, только шушукаются меж себя да тихонько посмеиваются. Повозка к крепости. Атаман у ворот. Часовой окликает: «Кто едет?»

— Логиныч! — кричат из повозки и хохочут. И, по обнаковению, прямо в ерик.

Тут уж и атаман поверил и велел было осиновый кол припасти, чтобы завтра резолюцию учинить Логинычу. Но, на беду, никто не знал, где Логиныч зарыт. После того, на другой же день, атаман вытребовал из Уральска благочинного со всем духовенством и приказал отслужить молебствие, обойти крестным ходом вокруг Бударина и предать Логиныча анафеме, а на обоих выездах поставить по кресту. Как это сделали, так словно рукой сняло: Логиныч перестал дурить.

270. СОЛДАТ И ПОКОЙНИК-КОЛДУН

Шел солдатик со службы. Время было осеннее. Он дошел до одной деревни и попросился у мужичка ночевать. «Эй, хозяин, дома ли?» — «На что, служивой?» — «Пусти ночевать прохожего солдата!» — «Милости просим!»

Солдат пришел в избу; хозяин чаем напоил его, ужиной накормил; солдат и говорит: «А что ж, хозяин, где бы мне портянки посушить?» — «У меня сегодня топлена баня и, наверно, там тепло».

Пришли в баню. Баня была белая, с печкой. Солдат разул портянки, постлал на печку и говорит: «А что ж, хозяин, я, пожалуй, здесь и ночую: здесь так тепло и так хорошо!» — «Да что ж, служивой, пускай! Ночуйте!»

Солдат сказал: «Вот что, хозяин! Я люблю утром ходить по

холоду. И, чтобы не тревожить вас, можно уйти не спрося завтра утром?» — «Что ж, служивой, с Богом! Кто вас будет держать? Вот я тебе ставлю фонарь, чтобы вам ловчее было собраться в дорогу!» Хозяин ушел, а солдат остался: закурил табачку, погасил свечу и лег спать.

Ночью пробуждается и думает себе: «Кабы у меня портянки не сгорели на печке?» Засветил свечу, снял портянки — они уже были сухие — и слышит: кто-то шабарчит за печкой.

Стал осматриваться солдат кругом: никого нигде не видно. Заглянул и в печку — и там никого нет. Посмотрел в кожух: тут весится человек кверху ногам — весь закоптелой.

Испугался солдат, схватил свои сапоги и шинель, выскочил из бани и давай бежать в другую деревню. Не покойника он испугался, а думал, что этот хозяин бьет прохожих и вешает в печку и в кожухи. Он думает, что сейчас прибежит и его зарежут.

Добежал до деревни. В крайнем доме увидел огонек. Ворота были не заперты. Солдат прибежал прямо в избу и залез на печку. Хозяин увидел: «Что такое? Прибежал солдат босиком и шинель тащит под пазухой». И стал спрашивать: «Что, служивой? Что случилось с тобой?» А солдат не может слова сказать.

Хозяин принес водки, подал солдату и опять стал спрашивать. Тогда только солдат сказал: «Я ночевал в соседней деревне, в крайнем доме у богатого мужика в бане; а у него в кожухе повешен человек кверху ногам и коптеет. Должно быть, он нашего брата — прохожих-то — и вешает в кожух!»

Молодой хозяин подумал и сказал: «Это непременно мой отец: он потерялся летом; сколько мы искали и нигде не могли найти его. Он служил лесным объездчиком. Пойдем, служивой, посмотрим!» — «Мне что? пойдем!»

Когда пришли в баню, заглянули в кожух, — и молодой мужичок узнал своего отца. Тогда собрались они с солдатом и пошли к хозяину в избу.

Только переступили порог, хозяин испугался и задрожал. А молодой человек и говорит ему: «Злодей! Ты убил моего отца! Мало того, что ты его убил, ты повесил его в кожух и коптишь! Лучше бы ты зарыл куда-нибудь его в землю!» — «Помилуйте, молодой человек, — сказал хозяин, — я несколько раз его зарывал,

но он не дает мне покою ни днем ни ночью, пока не повешу в кожух, каждую ночь и каждой день он ко мне ходил!.. Вот что, молодой человек! Ведь мертвого тебе не воскресить, а меня ты укалишь хотя в каторжные работы. Давай помиримся!»

«А сколько ты дашь?» — спросил молодой человек. «Сколько возьмешь?» — «Тысячу рублей». Хозяин отпер шкатулку, отсчитал десять сотенных и подает молодому человеку. Тот взял деньги.

А солдат и говорит: «А что, вы разве заодно бьете людей?! Сейчас донесу полиции! Я вас обоих укалю. Острогу мало будет!» Тогда сказал хозяин: «Эх, служивой, твое дело — сторона! Возьми сколько-нибудь и поди с Богом». — «Триста рублей!» — сказал солдат. Хозяин отсчитал и спросил: «Сколько возьмешь, служивой, похоронить того покойника?» — «Сто рублей да лошадь с телегой». Хозяин дал.

Добыли покойника из кожуху, сделали гроб; у солдата находилась запасная такая шинель; нарядили в нее покойника, положили в гроб; солдат сел и поехал. Это все было сделано еще до свету — никто не видал.

Село было от той деревни верст десять, в волоку на большой дороге. Приезжает солдат в село, приходит к священнику и говорит: «Вот я привез покойника — в дороге товарищ помер, — нужно его похоронить». За похороны с него взяли: священник пятьдесят, дьякон тридцать да псаломщик двадцать рублей; у него и осталась в барышах только одна лошадь.

Когда похоронили, солдат продал лошадь с телегой, а в селе том был кабак. Зашел в кабачок и давай пировать. Денег много, и деньги легки, что не пировать? Пировал он несколько дней. Сколько пропил, остатки потерял.

Просыпается в один прекрасной день, — у него в кармане ни копейки; голова трещит, а выпить не на что. Пошел солдат по дороге и думает про себя: «Что мне теперь делать?» И услышал позади себя глухой гробовой голос. Оглянулся назад и увидел: за ним бежит тот самой покойник, которого он хоронил.

«Эх, служивой, дожидай!» — «Ты кто такой?.. Да ведь я тебя похоронил!» Усмехнулся покойник и говорит: «Я ведь был сильный еретник! Я могу ходить и после погребенья». — «Ну, тогда пойдем вместе — двоим ведь будет веселее».

Прошли они несколько верст, стало темнеть; еретник и говорит: «Что ж, служивой, где бы нам ночевать?» — «Мне все равно,— хотя там, хотя здесь!» Еретник говорит: «Пойдем в сторону; невдалеке здесь есть дом, и мы тут ночуем».

Пришли. В дому была одна старуха. Еретник и учит солдата: «Ты поступай смелее! Ничего тебе не будет — я помогу тебе!» Солдат и говорит старухе: «Старуха, собирай на стол!» Старуха собрала на стол и принесла, что у нее было. Солдат сколь ест, а еретник вшестеро больше. «Счѐ же ты, солдатушко, ровно за шестерых один ешь!» — «Да, бабушка, проголодаешься, тогда поешь и за шестерых!» Поужинали. Солдат улез на печку спать; еретник подле него.

Немного прошло времени, вдруг сделался на дворе страшной шум. На двор въехало пять человек; то были разбойники. Приходят в избу и говорят: «Старуха, собирай на стол!» — «У меня есть какой-то солдатушко, так чуть не все у нас съел!» — «Погоди, поужинаем, тогда мы над этим солдатом потешимся!.. Эй, служивой, поди сюда!»

Солдат слезает с печки, а еретник у него за крыльцам тут и торчит. Хозяин наливает стакан водки и подает солдату. Солдат принял, посмотрел, а в стакане очутилась человеческая кровь. А еретник ему и шепчет: «Выпей, солдат! Не твой грех! Все равно!» Солдат выпил.

Хозяин берет нож, встает из-за стола, хотел солдата зарезать. Как еретник тарарахнет, полетели только первой да другой, и всех разбойников прибил.

Забрали они у них все деньги, пошли с ночлега.

Вышли на большую дорогу — уже рассветало. Еретник говорит: «Давай, служивой, делить теперь деньги!» — «Мне что!» Вывалили. Солдат расклат в две кучки: «Одна тебе, другая мне,—любую бери!» Еретник взял одну: «Эта моя; я ее отдаю тебе за то, что ты меня похоронил! А то я бы и тепере коптел еще в кожухе». Скрылся.

Воротился солдат в село и давай пировать. Коротко ли, долго ли пировал, пропил все деньги и стал просить у одного мужичка: «Дай пять копеек!» Отказал. «Когда у меня были деньги, все были пьяны!.. Дай-ко пойду к еретнику». Приходит на кладбище, а могилу и позабыл. Похаживат; натыкался на

одну могилу, в которой была дыра. «Э, он ушел опять куда-нибудь, бездельник, не сидится дома-то! Я подожду!» Сел и дожидается. Около двенадцати часов ночи увидел: бежит к нему еретник, — но только не тот, которого он хоронял. «Убирайся с места, а то я тебя съем!» — «У меня тесак есть!» Заскрежетал зубами. «Скажи, куда ходил, уберусь!» — «Заколдовал жениха и невесту, они теперь стоят статуями». — «Скажи, чем их лечить, — пушу!» — «Отсеки от моего савана лоскуток, сожги, пепел отпусти в воду, сбрызни этой водой три раза, потом напой — и они будут опять как прежде».

Солдат убрался. Еретник полез, а солдат целую полу отключил от его савана. Потом солдат вылечил жениха и невесту и получил за это большие деньги.

271. СОЛДАТ И ЕРЕТНИК

В одной деревне жил мужик. У его было три сына. Но вот отец стал совсем стар, призвал сыновей и говорит: «Вот, сыновья, я скоро помру. А кто меня повезет в село, я того съем».

Но вот умер старик. Собрали его, а везти некоторому сыну неохота. Бросили жребий. Пал он младшему сыну. Делать нечего; собрался он и повез отца, а сам горько плачет.

Шел как раз солдат со службы, и говорит: «Что очень плачешь? И ты когда-нибудь помрешь! А отец твой дожил до веку, значит, его не воротишь!» Тогда братья обсказали, в чем дело. Солдат и говорит: «За четыреста рублей я его увезу». Братья, понятно, ему отдали деньги, и солдат сел на гроб и поехал.

Ехать было лесом верст десять. Когда они ехали в лес, еретник стает из гроба и говорит: «Ну, солдат, я съем тебя!» Солдат соскочил с гроба и побежал в лес. Покойник за ним и уже настигает его. Солдат взлез на дерево и говорит: «Николай Чудотворец, спаси меня! Сколько у меня есть денег, половину положу в казну». Негде возмись Николай Чудотворец и дал ему корень. И говорит: «Пооди теперь к еретнику. А когда он будет вставать из гроба, и говори ему корнем-то: такой-сякой! И он будет тебя слушать».

Привез его солдат в село. А когда его хотели унести в церковь, он хотел выпить кровь из попа. Солдат стегнул его корнем, только дым пошел, и более еретника не стало.

272. ЕРЕТНИК И РАБОТНИК

Не очень давно еще жил на одной деревне богатый человек. Имел он водяную мельницу. Детей у его не было. Держал он работника. Но вот пришло ему время помирать. Он и говорит работнику: «Закладывай тройку лошадей и вези меня на мельницу: я буду сегодня ночью умирать».

Работник увез хозяина. А когда поехал домой, то подумал: «Почему же хозяин знает, что он сегодня умрет?» Остановил лошадей и пошел обратно на мельницу. Приходит и тихонько смотрит в окно. И что же? Сидит его хозяин и горько плачет. Открывается подпольная западня, и выходят оттудов дьяволы. И содрали с него кожу, а мясо съели. Потом один дьявол взлез в его кожу и остался там.

Работник в испуге приезжает домой, заказывает дубовый гроб и наложил на его четыре обруча железные. Потом запряг коня в розвальни и поехал за хозяином. Привязал его ногам за сани, а голова волокется по дороге. Привозит домой, кладет его в гроб, заколачивает крепко и потом давай лить горячей смолой. Первое послышался из гроба рев, и впоследствии разорвало гроб. И оттудов только выскочила собака и более не осталось ничего.

273. ОТЕЦ И СЫН

Служил солдат на службе и отслужил свой срок. Приходит домой вечером, посмотрел в окно: горит огонь и на столе подан обед. Приходит в избу и начинает есть. Выходит из другой ком-

наты отец и говорит сыну: «Почто мой обед ешь? Я тебя съем!» Сын, понятно, думает, что он шутит. Но отец и говорит: «Я умер. Меня не могли увезти в село, потому что лошади не могут меня везти; а надо бы привязать петуха и собаку, они увезут. А хоронить меня надо: стоит береза у нас на поле; ее выкопать, и там будет дыра сквозь землю, туда меня и бросить... Ну, а теперь давай я тебя, сынок, буду есть».

Сын стал просить, чтобы он дал хотя повидать братьей; но отец говорит, что их дома нет. Тогда сын стал просить его, что хотя бы он дал ему сходить в ледник и напиться молока. Это отец ему позволил. Вот пришли в ледник. Отец стал в двери, а сын ушел к яме и уже собирается пить. И ту минуту запел петух, и тут же ерстник упал мертвый.

Обрадованный сын духом пустился бежать к братьям, так как они были в деревне. Братья обрадовались солдату и говорят: «Был дома: как тебя отец не съел?» — «Ох, братцы, я его ухаял!» Тогда собралась братья. Привязал солдат собаку и петуха, а березу уже ране выкопали. Да как крикнет, только голова заваяла, как его потащили и прямо в яму.

274. ЖЕНИХ-МЕРТВЕЦ

Дружили парень с девкой. У нее родители были богаты, а у него бедны. Девкины родители не соглашались, чтобы они сошлись.

Вот парень с девкой и договорились, что она за него убегом пойдет.

Девка ишо днем узелок собрала и выпесла на улицу, в поленнице спрятала. Вот сидит, дожидается ночи.

Пришла ночь. Эта девка слышит: кони остановились и захрапели. Она шубенку накинула, вышла тихонько на улицу, узелок взяла, за ворота выскочила. Там ее в сани посадил парень — а все темно — и только копоть полетела! Вот кони бегут! Темно, снег пошел. Парень на нее доху накинул, а сам спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она отвечает:

— Я с тобой ничего не боюсь.

Дальше едут. Он опять спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она:

— Я с тобой ничего не боюсь.— А самой так жутко вроде стало. У нее в узелке Библия была. Она узелок растянула, Библию вытащила и за пазуху спрятала. Едут дальше. Он снова:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

— Я с тобой ничего не боюсь.

Тут кони остановились, и она увидела, что приехали на кладбище. И поняла, что это не жених, а мертвец на могилы ее увез.

Вот он подошел к пустой могиле и стал показывать, как в нее входить надо. А девка не растерялась. Быстро сдернула шубенку, разорвала Библию, сунула половинки в рукава и накрыла шубой могилу. Сама побежала. Там часовня была, она заскочила в нее и перекрестила дверь за собой. Досветла дождалась. Потом ушла домой. Родителям все рассказала, они тогда согласились выдать ее за бедного парня. Он же ночью приехал, а она уже с мертвецом-то уехала.

275. МУЖ-МЕРТВЕЦ

Умер у одной женщины муж. Давай к ней по ночам ходить. А раз говорит:

— За тобой пришел, собирай вещи.

Она собралась, поехали на кладбище. К могиле подошли, а он:

— Лезь в могилу.

У нее сердчишко все сжалось, поняла, что плохо это, и говорит:

— Ты лезь сам, у меня вещей много, я тебе подавать буду.

А сама все молится, чтоб петухи скорей пропели. Просыпала бисер, чтоб дольше собирать. А тут и петухи пропели. Смотрит: она стоит у могилы.

Когда домой прибежала, давай у старухи заговорами лечиться. Он к ней на следующий день приехал. Мимо нее на коне проскакал и говорит:

— Счастливая ты! [...]

276. О ШВЕДАХ

В одной версте от местечка Лысково, на восточной стороне, и теперь находится небольшой лесок, называемый Окопы. Во время войны русских со шведами на Окопе осталось множество человеческих трупов, которые окрестные жители должны были убрать. Перенося к общей могиле одного павшего, заметили на пальце дорогой перстень и стали снимать его. Но никак не могли, а потому отрубили палец и только тогда завладели перстнем. Долго после этого в деревню стал приходить по ночам беспалый мертвец и тревожил жителей, в особенности тот дом, где находился перстень, пока последний вместе с пальцевыми костяшками не был положен в могилу.

ЛЕШИЕ

277. ЛЕШИЙ

В одной деревне жил богатой мужик. Он построил новой дом, а к нему в дом повадился ходить ночевать леший. Нельзя стало мужику жить в дому. Он перешел во старой, а новой все топил дом, чтобы не выстывало.

Дожили до осени. Шел солдатик со службы. Дело было вечером. Он попросился у того мужика почевать. Хозяин пустил, ужиной накормил и увел в новую избу спать. Думает, что «солдат, быть может, чего не знает ли от такой штуки?».

Когда солдат пришел в избу, и расположился на печку спать; только мужик ушел,— вдруг зашумел ветер, так что вся изба задрожала. Отворились двери, и в избу вошел мужичок среднего роста, в белом чажелке.

«А! Служивой здесь есть?» — «Есть. Выпросился ночевать». — «Ну, хорошо! Я тоже ночевать прошел. Пускай мы с тобой кое-что поталакаем!»

Пришел мужичок кверху и сел на печку, а служивой зажег лучину огня и засветил. «Ну, что, служивой, табачок нюхаешь?» — «Нюхаю». — «А у меня как раз табак вышел весь. Пожалуста, одолжите мне вашего табачку!» — «С удовольствием; что ж?» И солдат подал свою берестяную тавлiнку. Мужичок в одну ноздрю нюхнул, а в другую было нечего: он уж табакерку выколачивал. «Ох, как вы, дядюшка, больно нюхаете! Мне и самому ничего не осталось!» — «Ты,— говорит,— знаешь, служивой, кто я такой?» — «Да уж какой леший нюхает пуще тебя?!» — «Это я самой и есть!»

Тогда солдат спрашивает: «Ну, что вы? Помираете или нет когда-нибудь?» — «Мы никогда не умираем, а только — мы ходим по лесам, по домам: если попадетсЯ под ногу игла,— как ступим на иглу, тут и помрем». — «А как же ваши тела убирают? Ведь вы велики?» Тогда леший сказал: «Запрягай хоть пятнадцать лошадей, и никогда нас не вывезти! А привяжи курицу и петуха на мочалко, пугни их, и они утащат; а ветер дунет, ничего и не будет».

Легли они спать. Солдату не спится. Через несколько минут зажег он опять лучину, смотрит, а леший уснул; сам лежит на пече, а ноги на полатах у стены.

Солдат вынимает из кармана бумажку игол, взял молоток и давай ему заколачивать в пяты иглы. Леший стал помирать и ростягаться, так что стены затрещали.

Утром приходит хозяин. «Ну что, служивой? Каково ночевал?» — «Да, хорош твой ночлег! Смотри, какой леший лежит!»

Хозяин обрадовался, что солдат ухаял лешего; думает: «Только выбросить, и всё! Боле ходить не будет!» Солдат собрался и ушел.

Мужик выломал простеньки из окон, привел трех мерингов, привязал веревки (за лешего-то), запрет лошадей и давай понужать. Постромки рвутся, а он и с места не пошевелится.

Тогда подумал мужик: «Ведь солдат его ухаял, он может и убраться». Запрет телегу и поехал за солдатом.

Настиг в поле и говорит: «Ей, служивой, поедем ко мне: убери его! Сколько возьмешь с меня?» — «Сто рублей». Мужик посадил солдата в телегу и поехал домой.

Солдат поймал курицу и петуха и привязывает мочалком за

лешего. А мужики над ним смеются. «Три мерина не могли вывезти, а он курицу и петуха привязывают!» Когда солдат все приготовил, пугнул курицу и петуха,— они полетели и вытащили на улицу лешего. Ветер дунул, ничего и не стало.

278. ЛЕШИЙ УВЕЛ

На другой день Троицы, в Духов день соку есть ходили парнишки, а пятнадцати годов Тихон был. Др́али, др́али (сосны), ели, ели, домой запоход́или, ребята в одну сторону, а Тихон в друѓу, будто его брат привидился: «Пойдем, Т́ихонко, домой, ребята не в ту сторону пошли». Шел да шел за братом, да и потерялся, захохотал. А Тихон без ума, сам не знат, как в избушке в лесной очутился. «И вижу, жонка да ребята незнакомы, очумел я и засудил: не знай как заблудился?» Жонка ему и отвечат: «Нет, ты не заблудился, а тебя леший унес». А жонка сама унесёна. «Он когда придет, будёт чоствовать тебя едой, а ты не ешь». А Тихон и спросил: «А худо разве тебе жить-то?» — «А худо; так-то жить-то и нечего, да кто с огнем ходит не благословясь, да йскрину уронит, дак лешему вера (охота) пожар сделать, он и заставля́т раздувать. Тяжело в то время, теперь я больше не раздуваю, ребяташки (от лешего и бабы) пособляют». Налетел сам-то леший, есть заводят, да и его чоствовать, а Тихон и говорит: «Я сыт́ой. И не сел. А жена и говорит лешему: «Что сам-то не садишься?» — «Я сыт́ой, я,— говорит,— у женщин, котора молоко не благословясь выцедит, я все выпью; я напился, сыт́ой. Потом я харкану́ в кринки-то, они полны и сделаются, поедят мою харкоту». Леший улетит да прилетит, да жена говорит лешему: «Снеси, ё́ку беду принес, хлеба не ест, отнеси́, брось на старо место». Леший жену и послушал, его схватил и потащил. Парень в избе был, все помнил, а тут все забыл. Да к морю, на Ну́льницкий на́волок, его продóльничихи увидели. Сколько дней не ел, ослабел, лежит в траве, не может пошевелиться. Его взяли и вывели в Тамицу.

279. ЛЕШИЙ ВОДИЛ

Девка годов так тринадцати в Троицын день по Тамице шла по улицѣ, немножко до церкви не дошла и вдруг пропала. Нету и нету — догадались, что лешой увел. Начали молебны петь. Ей пять ден не было, каждый день поутру молебны служили. На шестой день старик один пошел огород городить вёрсты за три, девка на его позже цветочки рвет. Увидела старика и в сторону побежала. Он ее закликал: «Феня, Феня». А она прочь от его. Она пока через огороды выставала, он, проворный старик, ей и захватил. Привел к матери — ничего никому не скажет, не допытаться. Теперь жива, жонкой за мужиком одним.

280. ЛЕШИЙ ВОДИЛ ПАРНЯ

Было это на Усть-Нариндоре. Там один парень пошел на рыбалку и припозднился, значит. Солнце село, и он поехал домой на велосипеде. А люди говорили, что на этом месте нечистый водится, вот он людей и водит.

Поехал он домой, да и заблудился, хотя недалеко от дома был. Бросил велосипед, плутал, плутал. Вдруг к нему старичок подходит, седой-седой, в рваной одежде, с бородой. И говорит: «Пойдем со мной. Я тебя выведу». Потом говорит парню: «Одет ты как-то не по-христиански». Да так парень переоделся, что вся одежда задом наперед оказалась.

И вот ходят они со старичком, ходят. Парень проголодался и просит старика дать поесть. А старик тем временем вывел его на дорогу, хотя парень ее не видит, показывает на конский помет и говорит: «Бери, ешь румяные булочки». Парень и напихал полные карманы. Так всю ночь и проблудили. А как заря стала заниматься, старик говорит: «Я к тебе каждый вечер приходить буду. Как услышишь, что бык мычит, знай — это я».

И когда этот парень очнулся, то увидел, что плутал совсем рядом с селом. Его нашли, привели домой. А он ничего не гово-

рит, только плачет. А когда бык замычал, парень подбежал к матери и говорит ей: «Держите, держите меня!»

Бык еще несколько раз приходил. Только после того как парня заговорили, он перестал приходить.

281. ЛЕШЕВЫ РОДИНЫ

У лешего жонка с Руси была, обжилась, ребенка принесла, надо бабка нажить. Лешой и побежал наживать. «Жонка с Руси, дак мне и бабку наживи руску»,— говорит жонка. Бабка по бабкам ходит, он и пришел к ей. «Ба́бка, оба́зь». Ее и потащил и притащил к жонке бабить. Бабка-то и говорит: «Дак из чего мыть-то?»— «А наживу́, найду посу́ды». Полетел за ведром в тот дом, откуда бабка, и взял подойник у снох, снохи не благословясь поставили. И притащил. Бабка смотрит, подойник будто её. Она рубешок и зарубила. Она обмыла да и поставила посудину. «Обира́й куда знашь». Он и унес. Жонка и говорит: «Он тебя рассчитывать будёт, будёт тебе давать серебро, ты все говори: «перво́й, перво́й, перво́й». Как скажешь «другой», он давать боле не будет». Он и стал ее рассчитывать, она все говорит: «Перво́й, перво́й, перво́й». И девать стало некуда, и в карман наклала, и за па́зухи, он все дават. Тогда она и сказала: «другой», он и перестал давать. «Тащи меня домой теперь». Он и потащил старуху, дома и оставил. Старуха и посмотрела подойника, рубежок тут и есть. Она на снох и заругалась: «Ой вы, беспутни! всё делаете не благословясь, леший подойник сносил свою жонку обмывать».

282. В НЯНЬКАХ У ЛЕШЕГО

В Нёноксе жила старуха на веках, Савиха. Пошла она за ягодами и заблудилась. Пришел мужик: «Бабка, что плачешь?»— «А заблудилась, дитяtko, дом не знаю с которой стороны».—

«Пойдем, я выведу на дорогу». Старуха и пошла. Шла, шла: «Што этта лес-от больше стал? Ты не дальше ле меня ведешь?» Вывел на чисто место, дом стоит большой; старуха говорит: «Дэдушка, куды ты меня увел? Этта дом-то незнакомой?» — «Пойдем, бабка, отдохнем, дак я тебя домой сведу». «Завел в избу, зыбка вэснёт. «На, жинка, я тебе няньку привел». Жонка у лешего была рúсска, тоже уведёна, уташшóна. Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стоснóлась. Жонка зажалела. «Ты так не уйдешь от нас, а не ешь нашего хлеба, скажи, что не могу ись». Старуха и не стала; сутки, и другí, и трéтьи не ест. Жонка мужа и заругала: «Каку ты ёку няньку привел, не лешего не жрет и водиться не умет, отнеси ее домой». Леший взял на плечи старуху, посадил да и потащил. Притащил, ко старухину двору бросил, весь костычёнко прёрвал, едва и старик узнал старуху. Вот она и рассказывала, что у лешего жить хорошо, всего наносит, да только скучно: один дом, невесело.

283. ЛЕШИЙ-КУМ

У нас будто в Чаваньге было, давно.

Раньше ведь в деревне были мешочны зыбки: лучки загнут, мешочек вошьют, да и робенка повалят.

Сенокос пришел, робенка оставить не с кем было. Пошли и робенка с собой взяли, а сенокос-то близко был, полтора километра, прислоны называются. А теперь поля разведёны там. Привязали к лесины, сами косить стали. Заревет — так мать пососит да покачает, и опять косят.

Вот до вечера докосили, она и говорит мужику: «Я пойду за коровами (они в лесу были), а ты у меня робенка не забудь, неси», — говорит. Ну, а мужик покосил, покосил. Робенок спит. Он и позабыл его в лесе, и оставил у лесинки. Прибежала жонка с коровами. «Где робенок?» — «Ой, забыл!» Она и побежала. Так бежала, что гора перва, потом мох, потом осота (которой косили). Видит: человек сидит, зыбку качает. Так зыбку качает — во все стороны ходит. Она и забоялась пойти. И говорит: «Если

дедушко качаешь, будь мне-ка отец родной, а если бабушка качаешь, дак будь мамушка мне!» А он все качает, приговаривает: «Мать тебя оставила, отец позабыл!» А она все стоит, он не отвечает ей ничего. «А если, — говорит, — в средних годах мужичок, дак будь мне-ка брателко, а если молода женщина, будь мне молодича». А он все качает, приговаривает. «А если, — говорит, — молода девица, будь мне-ка сестрица, а молодой молодец, будь мне-ка куманек!» Он говорит: «Поди, возьми. А, куму нажил! Ха-ха-ха, куму нажил!» Она взяла робенка.

И с той поры у ей коровы никогда в лесе не спали. Как вечер заприходит, он все гонял их домой: «Кумины коровы, подьте домой!»

Коровы скачут домой, хвоста заворотят! Кто идет в сенокос, так слышит: «Кумины коровы, подьте домой!»

Это у нас в деревне будто было, в Чаваньге, там поля-то матеруши были. [...]

284. ЛЕШИЙ В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА УСЛУГУ СЛУЖИТ МУЖИКУ

Однажды вышел водяной на берег драться с лешим. Он одолел «дядюшку» и повесил его на дерево. Дядюшка висит на березе, висит, качается. А тут один крестьянин шел. Кузьмой звать его. Дядюшка как взмолился ему: «Освободи, — говорит, — голубь, из петли; что хошь сделаю для тебя». Кузьме пожалелось, вынул его из петли. Черт: «Я, — говорит, — не дам тебе денег топерича; потому, куда тебе их? Сыт, обут, работаешь хорошо. Я лучше за тебя в солдаты пойду». А тогда еще охотники были; за другого можно было служить. Ну, Кузьма говорит: «Ладно, да только ты обманешь меня, пожалуй». — «Нет, пошто обманывать? Ты мне удружил, и я тебе тоже удружу». Хлопнули по рукам, зипунами поменялись. Кузьма домой пошел.

Вот, слышно, царь набор собирает, на войну хочет идти. Дядюшка за Кузьму в ратники пошел, а ему наказывает: «Сходи, — говорит, — ты, Кузьма, в деревню ко мне, проведай родников моих; тоже у меня там отец, мать осталась. Ты им поклон

скажи да скажи еще, что я на царской службе теперь, через двенадцать лет домой буду». Кузьма пошел.

Только он прямо-то в деревню не пошел, а зашел перво в кабак. Деньги у него были, он и запировал там. Пьет день, другой, шесть дён прошло. «Нет,— говорит,— теперь будет; нужно идти к свату в гости». Пошел в чертову деревню. А черт ему допрежь все рассказал, как идти. «Ты поди,— говорит,— все на выход, все на выход. Дойдешь до перекрестка, влево сверни и ступай тут задом наперед. Увидишь деревню, девять домов, каменно строенье. Ну, и спроси там, где мой отец; так и спроси: «Где, мол, тут найти Ивана Ваныча?» Тебе сейчас укажут; ты и ступай в тот дом. Там увидишь и мать, и отца».

Пошел Кузьма в лес; шел, шел, видит — перекресток. Налево взял, повернулся и задом пошел. Тут деревню увидал, девять домов — все каменно строенье. Спросил: «Где,— говорит,— тут Иван Ваныч живет?» Ну, ему, вестимо, указали: «Вот,— говорит,— где он живет». Кузьма в дом взошел, видит, Иван Ваныч сидит за столом, впереди. А образов нет никаких, одни шишки еловые торчат.

«Вот,— говорит,— так и так; сын ваш черт лесной, за меня охотой в солдаты пошел, а я вам от него поклон принес. Все ли подобру-поздорову живете?» — «Ничего,— говорит,— здорово; садись с нами, гость будешь». Кузьма сел, обедать зачали. Пряниками его, конфетами угощают; водки тоже поднесли. Что хошь, пей и ешь. Старик и говорит Кузьме: «Больно мне здесь скучно без сына-то; гости, Кузьма, у меня». Кузьма рад, остался. Прожил шесть ден, стал было домой собираться. «Пора,— говорит, и честь знать, не все в гостях сидеть».

А тут леший и приходит... это сын-от, значит. Он уж всю службу прошел, теперь от царя отпущен, домой идет. А Кузьма и не ведает, что двенадцать лет прошло, все ему кажется, что двенадцать ден. Леший ему и говорит: «Собирайся, Кузьма, домой пойдем. Жена у тебя там загулялась, за другого замуж хочет выходить. Завтра и девишник будет». Кузьма закручинился; «Как,— говорит,— это так, жена моя за другого выходит. До чего Господь меня, грешного, довел!» Леший и говорит ему: «Ты,— говорит,— не кручинься, я тому делу помогу. Жена ни за кого не выйдет, у тебя останется. Поедем со мной». — «По-

едем»,— говорит. Черт как свиснет—сейчас их подняло и понесло ветром по воздуху, выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Ехали, ехали; вдруг Кузьма шапку обронил. «Постой,— говорит,— дядюшка, я шапку обронил, надеть поднять».—«Нет уж,— говорит,— теперь некогда подымать; шапка-то твоя далеко осталась: за пятьсот верст позадь нас. Да нишни, заедем в Казань, новую купим». Ну, и вправду, заехали, новую купили.

Только приезжают в деревню к Кузьме. Черт и посылает его в избу. «Поди,— говорит,— один, а мне нельзя: суседко, пожалуй, рассердится!» Кузьма пошел. А в избе сидит впереди жена, с женихом целуется, а девки песни поют. Только Кузьма и говорит: «Дайте,— говорит,— напиться, люди добры». Дали ему пива, в туес налили. «Нет,— говорит,— пусть молодка-сударушка, сама невеста поднесет мне». Пошла к нему невеста сама: честь требует, каже. Только подходит ближе к нему, видит, а на руке-то у него перстень обручальной. «Это,— говорит,— мой перстень». И мужа узнала сейчас; взяла его за рученьку, подвела к столу: «Вот,— говорит,— гости дорогие, муж мой, а я ему жена». Тут и стали вместе жить. А черт подарил Кузьме сто рублей денег да полведра водки.

285. НА ЛЕШЕМ В ПИТЕР

Лет пятнадцать назад два солдата деревни Анцифоровской Марьянской волости, Дмитрий Ильин и Яков Филимонов, рубили в лесу бревна на Тельмозере, накануне крещенья. Не захотели идти домой, остались в лесной избушке ночевать. Когда легли спать, Филимонов начал рассказывать Ильину о Петербурге. Ильин никогда не бывал в Петербурге. Ильин сказал: «Хоть раз бы побывать в Петербурге». Проснулись утром рано, захотели пить чай, Ильин и пошел с ведром и топором за водой на озеро. Когда он вышел на озеро, видит, бежит пара лошадей в санях и с колокольчиком. Подъезжают ближе, а в санях едет бывший становой пристав Смирнов. Смирнов сказал: «Садись, Ильин, я привезу вас». Ильин сел, поехали и скоро очу-

тились в Петербурге. Смирнов оставил Ильина на Неве и велел дожидаться, когда выйдёт крестный ход. Ильин стоял и смотрел; когда кончилось освещение воды, подъезжает опять Смирнов, спросил Ильина: «Не хочешь ли поесть!» Ильин не отказался. Тогда Смирнов подал ему французскую булку, тот не стал ее есть, а сунул в пазуху. Когда побежали к Тэльмозеру, Ильин вышел с извозчика и зашел в избушку. Товарищ и спрашивает у него: «Где был!» — «В Петербурге». Тот стал смеяться. Тогда Ильин рассказал, как расположен Петербург, а потом вынул из-за пазухи и показал французскую булку.

286. МУЖИК ПЕРЕХИТРИЛ ЧЕРТА

Увидал леший мужика да и говорит: «Поклонись мне!» — «Нет,— говорит,— ты мне поклонись сперва». Черт и говорит: «Ладно, только допрежь силами померимся, кому кланяться нужно». Ну, вот хорошо. Черт взял чурку да как бросил — она так в облако прямо и полетела да там и засела. «Ну, это,— говорит мужик,— что! Нет, ты вот посмотри, как я брошу — у меня в небе засядет». Только замахнулся он да бросил тихонько за себя. Черт глядит, куда это полетела чурка; глядел, глядел,—нет ее нигде, не видит. «Ну,— говорит,— ты, мужик, сильнее меня». Так и ушел из наших мест; больше уж и не видать его с тех пор.

ВОДЯНЫЕ И РУСАЛКИ

287. ВОДЯНОЙ ВЫДАЛ ДОЧЬ ЗАМУЖ

У водяного ильинского была дочь. За ней сватались водяной пречистенский и водяной — владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной, и старик ильинский отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу. С тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером.

Отправляя свою дочь к зятю, к пречистенскому погосту, ильинский водяной дал ей в приданое много золота и драгоценностей, и, наконец, целый остров из своих владений послал вместе с дочерью в ее новое жилище. Этот остров лежал прежде недалеко от реки Илексы и, ведомый петухом, прибыл к деревне

Большой Кул-Наволок, недалеко от которой он остановился. Вещий петух затем улетел, а остров стоит до сих пор и прозван в память того, что его привез петух, Петуньим островом.

288. ВОДЯНОЙ И ЕГО ДОЧЬ

[...] Было это гораздо давно, один сельский мужичок ходил где-то далеко на заработках, и захотелось ему у одного озера напиться нападкой, навалился он к воде, вдруг кто-то его и схватил за бороду, да и не отпускает. Он говорит: «Отпусти», а из воды слышится: «Откажись от того, чего дома не знаешь, так отпущу». — «Ладно», — говорит мужичок.

Приходит домой, а там у него родился сын; он жене и сказал: «Я сына отсулил и не знаю кому». Отец пожил немного и помер. Мать сыну не внушает, а сама все плачет; потом уж он вырос большой, выучился, а мать все плачет об нем; он спрашивает: «Об чем ты все плачешь?» Она ему и рассказала. «Ну, коли так, теперь я пойду искать того, кому вы меня отсулили». Ну, он пошел к тому же озеру; нашел у озера хижину, а в ней женщина ему и сказала: «Я обо всем хорошо знаю, а сестра моя еще лучше знает, иди к ней». До той сестры дошел, она и говорит: «Сегодня день пасмурный, а ты пока поживи, поработай у меня и дождись красного дня, тогда на озеро выйдут две уточки купаться, у одной из них пуговицы на заднице, с нее ты и сохить одежду».

В красный день он спрятался за кустик, являются две утки, стряхнули с себя перья и очутились в одних рубашках — девушками, сняли рубашки и начали купаться, он и сохитил у одной рубашку. Они выкупались, нужно одеваться, а одежи-то и нету, одна и закричала: «Ой, дева, кормилица, как я к тятеньке подъявлюсь?» — а потом: «Кто спрятал одежду, если старый старичок, то будь мне дедушко, пожилой мужичок — будь мне дядюшка, а если молодой детинка, то пусть мне суженый-ряженный будешь». — «Пусть будет так, на вот тебе одежда». — «Так пойдем, молодец, к моему батюшке». «Вот, тятя, он дал мне одежду, а я дала слово выйти за него замуж». — «Ну, так дала, так и ступай от меня прочь и исполняй его».

Молодец повел ее к своему дому, они шли, шли да и приустали, дочь водяного и говорит: «Ой, Ваня, я приустала, раскинь белый шатрик, давай поотдохнем». — «Ну, невеста, ты посиди в этом шатрике, а я пойду у мамы доложусь». Он сошел домой, а мать и говорит: «Ступай к дьячихе, сватайся, у нее три дочки, а то где ты там нашел невесту какую-то дальнюю», — просто не велит ему брать. Невеста в шатре ждет, пождет, нет ее жениха. Вдруг приходит за водой первая дьячкова дочь, размахнула ведром и говорит: «Ой! Я эдакая хорошая, эдакая пригожая, не буду воду носить», — вынула ведра из родника да хлесь о землю, приходит домой, а матка и спрашивает: «Что без воды?» — «Ведро сломалось, маменька». — «Эдакая ты неумеха». Две другие сестры тоже возгордились своей красотой и так же ловко обманули мать и не принесли воды. Сама мать-дьячиха прибежала за водой с рученькой, а невеста — дочь водяного и говорит: «Давай, бабушинька, я принесу воды: у тебя доченьки-то хорошие и пригожие — так их за хороших и оберут, а я тебе буду работать да ковры вышивать».

Она ее взяла, привела домой и посадила на печь, да и завесила занавесьем. Токо так и сваты накрыли к ее дочкам. Она сидит на печке, а у печки идетстряпня для гостей, она и просит тещечка у дьячихи, она и дала ей. Она из этого тещечка и сделала голубка да голубку; они выбежали на грядку да и кричат: «Голубь-голубчик, забыл свою голубку в белом шатре, в чистом поле — Марью Юдишну». Дьячиха живо подбежала да сковородником стукнула о грядку — они убралась по своим местам. Она еще сделала голубка да голубку; они опять выбежали да прокричали те же слова. Потом она открыла занавеску и показалась своему жениху с печи, он словно ото сна пробудился да и говорит: «Вот моя суженая, вот моя ряженая». Да потом и обвенчался с ней. А дьячихе-то было не любо, да что поделаешь.

289. ДОЧЬ ВЕРНУЛАСЬ ОТ ВОДЯНОГО

Около Сандал-озера жил несчастный старик со старухой и сыном. И не было им ни в чем удачи. Пришла пора женить сына: работницу во двор взять; ан никто из суседей не хочет отдать

девку в дом несчастного крестьянина: всякому своего детища жаль. Вот один раз и говорит старик старухе: «Пойду-ка я искать невесту для сына». — «А у кого ж ты будешь свататься?» — «Да хоть у водяника».

Пошел он из дому; а от озера вышел к нему дюжий молодец и говорит: «Ты у нас свататься задумал: невеста твоему сыну готова хорошая, приданое есть исправное, только ты не мешкаячи приезжай за ней поездом». Пошел с ним старик по берегу, и объявилась от берега дорога прямоезжая, где и век ее не было. Шли они, шли, пришли к хрустальным хоромам и вошли в пребогатую палату. Вышел к ним старшой водяник и девку с собой вывел: хорошая такая девушка, в богатом снаряде, в золотых монистах, в жемчужной поднизи и жемчужных серьгах. Ударили сваты по рукам, и отправился старик домой.

Взял с собой сына, дружку, как следует, бояр и брюдг, и поехали благословляться к попу. Поп и спрашивает: «А у кого берете девку?» — «У водяника берем». Попу, выходит, тут делать нечего. На выезде из деревни подошла к поезжанам соседка и говорит: «Возьмите-тко и меня с собой: я вам свадьбу устрою, как надо лучше». И взяли ее с собой, приехали к хрустальным палатам и стали справлять свадьбу. Вот вывели невесту под фатой, а соседка шепчет старику: «Смотри, дедушка, обманывают: это не настоящая невеста». Вывели было другую девку, соседка опять предупреждает старика, что и на этот раз водяники его обманывают. Видят они, делать им нечего, и дали настоящую невесту. Стали давать приданого: злата и серебра, парчи и всякого имения. А соседка говорит старику: «Проси-ка ты у свата саней с персидским ковром, проси рыженьких лошадок да бери синий кафтан с золотыми пуговицами, еще шапочку соболью и перстень с самоцветным яхонтом». Стал было водяник на просьбу старика отнекиваться, да видит: соседка все знает, и дал санки и прочее добро.

Воротился старик со своими на фатеру. Сноха у него вышла смирная и работающая. Месяца два спустя после свадьбы говорит она свекру: «Запряги, батюшка, рыженьких лошадушек в сани с персидским ковром, надень соболью шапочку и синий кафтан, бери перстень с самоцветным яхонтом и поезжай в Новгород. Есть там купец, сорок у него лавок и сорок домов, просись к

нему ночевать». Старик послушался снохи, оделся, снарядился и поехал в Новгород.

Разыскал он уже ночью дом богатого купца и стал проситься к нему переночевать. Долго еще не пускали, и выглянула в окошко купчиха и говорит мужу: «Что за чудо, санки-то наши у ворот стоят, и лошади-то наши; поди, отопри поскорее ворота». Пустили старика в дом, купчиха так и закричала мужу: «Кафтан на чужанине твой, и шапка твоя, и перстень на руке у него твой». Стал тогда купец старика расспрашивать: «Как к тебе мое добро попало? У меня,— говорит,— по грехам моим, назад тому пятнадцать лет, пропала дочка двухлетняя и это добро; искал я его и дочку пятнадцать лет, не мог сыскать». А старик ответил: «С дочкой пропало, с дочкой и найдешь. Есть у меня сноха: на правой щеке у ней три родимых пятнышка, три вишенки». — «Это и есть,— говорят купец и купчиха,— наша дочка». Съехали они тут к старикам и стали вместе жить да быть. И теперь еще их внуки живут в Кижях.

290. ЖЕНИТЬБА НА РУСАЛКЕ

Отправился добрый молодец вечером ловить рыбу за Онего в дальнюю губу, и задержал его до утра на островах сретный ветер. Как стало светать, видит молодец: прилетело три лебедушки, ударились оземь, обернулись красными девушками и стали купаться в губе, а на берегу у них оставлены птичьи шкурки. Молодец подкрался потихоньку и захватил одну шкурку. Две-то девушки, как выкупались, вышли на берег, одели шкурки, ударились оземь и полетели себе лебедушками. А третья девка ищет своей шкурки, не может найти. Тут к ней подошел молодец и говорит: «Что дашь за шкурку?» — «Хочешь несчетной золотой казны?» — «А не надо мне казны, отдай самую себя». — «Изволь,— говорит,— буду твоей женой». Дали они друг другу заклетье и стали мужем и женою. К вечеру ветер стих. Как надо им садиться в лодку, молодец и подай шкурку жене: «На,— говорит,— спрячь, чтобы не замокла». А жена наки-

нула шкурку на себя, обернулась лебедушкой и полетела по поднебесью. А на прощанье только закричала мужу языком человеческим: «Не умел ты меня беречь-стеречь, не видать тебе меня три года. А как исполнится три года, приходи ко озеру Ильмену, увидишь на плоту женщину-портомойницу, она тебя проведет ко мне».

Воротился молодец домой один-одинешенек; плохое ему житье, стосковался по своей по жене: крепко она ему полюбилась. Исполнилось срочное времечко, и пошел он к Новугороду, к Ильмень-озеру. Как пришел туда, солнышко было навечере, и видит он, стоит на плоту портомойница и манит его к себе: «Сведи меня,— говорит,— голубушка, к моей жене».— «Отчего не свести, пойдём». И пошли они берегом, дорожка все спускалась вниз, стало как-то холоднее. И пришли они в большое село, к богатому дому. Говорит ему вожатая: «Ты как войдешь в избу, смотри не молитвись». И встрел их в избе большак — седая голова, седая борода: «Долго,— говорит,— зятек, ждали мы тебя». И вышла затем красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году: «Смотри,— мол,— Иванушка, какой у тебя сыночек подрос».— «А пусть его растет,— говорит дед,— нам это добро надобно».— Поздоровкался молодец с женой, и стали они жить ладком. [...]

291. МАРИНА-РУСАЛКА

Лет со сто тому назад, в Симбирске, жил под горой, у Спаса, Иван Курчавый, с отцом и с матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стенам разными житиями. На одном образе написана была царица-красавица: румяная да такая полная, и едет она на лебедях; одной рукой правит, а в другой держит ключи. Иван Курчавый часто говаривал в хороводе: «Мне невесту нужно эдаку, как писана царица на лебедях». А он был красавец, писанный глазок! Голова вся была курчава, а эти волосы, как кольца золотые, вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком; одно слово, молодец! А уж бандурист был какой — заслушаешься! Плясовую заиграет,— не удержишься!

Весь, бывало, хоровод распотешит. А, бывало, девушки да молодые вдовушки сберутся весной в хоровод в белых кисейных рукавах да в стандартных или штофных сарафанах, как лазорев и маков цвет, любу посмотреть!

Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая; лицо что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, и играл; взгляд был пронзительный. Она в хоровод не ходила, а редко, в праздник, после обеда, выдет за ворота, сядет на завалинку да издали на хоровод и любуется, да все и смотрит, и смотрит на Ивана Курчавого, и теперича если заметит, что котора девушка ему приглянется, так вся и покраснеет, до ушей разгорится, а глазами так на него взмахнет — кажись, готова съесть. Такой-то у ней был взгляд: насквозь человека пронзит. Иван Курчавый, бывало, даже побледнеет. Диковинное дело, какие глаза бывают! От иного глазу захворать даже можно. [...]

Ну, вот видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчавого любила и ревновала ко всякой девке и бабе, а говорят, лютущий был Курчавый до баб, и поговаривали, что он к ней, Марине, по ночам похаживает и с ней любитя. Это отцу с матерью стало известно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невесту хорошего роду и племени, и богатых родителей, девицу красивую, степенную. Только что узнала Марина — и начала колдовать, и чего только не делала, по рассказам, так индо ушеньки вянут. Вынимала она у невесты и след, и на кладбище его хоронила, и на соль-то наговаривала с причитанием: «Боли у раба Божия Ивана сердце обо мне так жарко от печали, как соль эта будет гореть в печи», — раскалит печку добрасна да туда набтмашь и бросит горсть этой соли; а то, слышь, снимет с себя ношнү рубашку, обмакнет в пиво или вино, выжмет да помоями-то этими и напоит его. Это все не действовало. Она взяла да из восковой свечи вынула светильню, отрезала ленту коленкору и написала на коленкоре: «Гори сердце у раба Божия Ивана обо мне, как эта свеча горит перед тобою, Пресвятая Богородица!» Да эту свечку-то у Спаса запрестольной Божьей матери и поставила.

Так эдаким родом она Ивана Курчавого к себе приворожила, что стал он Марину во сне видеть и только ей грезить. Ну, родителям не хотелось ее в невестки себе взять; боялись Марины али хотели взять за него девицу. Верно, что девицу, потому ее всякий муж по свому карахтеру может переделать, а вдову не перевернешь, все равно что упряму лошадь; а у Марины знали, что у ней карахтер крутой был, и она старше была летами Ивана Курчавого и чтó, что красавица — все-таки вдова, а не девка. Поди ты, что эта Марина с Иваном Курчавым наделала! Беды!

На другой день рукобיתья приехал он домой от невесты, отпрег лошадь, поставил в конюшню и вошел к себе в избу. Отец с матерью посмотрели на своего Ивана и с диву дались: бледный, помучнел весь, а глазами так страшно ворочает, словно что потерял да ищет. Спросили его: «Что с тобой, Ванюшка?» А он как бросится с хохотом из избы в сени за дверь и давай руками-то все шарить. Уж шарил, шарил, побежал в конюшню тоже за дверь и там давай шарить. Отец с матерью перепугались: видят — дело худо, их Иван сбесился; а он с конюшни бросился на сеновал. Они там его и заперли, вскричали соседей, чтоб им помогли его связать, кабы он чего с собой и с ними не поделал. Тут пришли человек пять соседних извозчиков и ломовых, и выездных, кое-как его стащили с сеновала за руки и за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была! Несмотря, что извозчики парни дюжи — молодец к молодцу, кажись, в плечах по сажени будет, а он их так на себе и носит. Кое-как связали вожжами руки назад, повалили на спину; один стал держать за голову, другой рукой придавил ему брюхо, а трое стали ноги вязать; как он плечами-то понатужился да ахнет, — вожжи-то, как нитки, хрустнули! Не знают, чтó с ним делать.

Случился тут у Курчавых чувашенин (с хлебом к ним приехал), подошел к извозчикам да и говорит: «Надевай, ребя, на него хомут вон с моей-то потной лошади». Те рты разинули: молчат. «Надевай знай, надевай! Небось не тронет! Хозяин-отец! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомут! Смирней будет, все пройдет! Над ним гораздо баба пошутила; ишь, шайтана в него садила!» И случись тут моя матушка, царство ей небесно, из-за калитки смотрела, как Иван Курчавый

бесится (а она, слышь, мной была беременна), давай ее упрашивать, чтоб она подержала; ну, бабушка и соседки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христианскую. Обрядили Ивана Курчавого в хомут с шлеей, как лошадь; мать стала держать — не пошелохнулся даже; появилась у рта пена, отерли; стал засыпать и захрапел, а чувашенин все что-то бормотал и заклинал шайтана. Оставили Ивана в хомуте до утра, и спал он до полудня.

Проснулся как угорелый и спрашивает: «Где я?» Сняли с него хомут; вошел он в избу, перекрестился, сел за стол, попросил квасу, напился. Его стали расспрашивать, что с ним случилось; он все и рассказал. «Еду, — говорит, — от невесты; меня на Завьяловой горе и встретила Марина и говорит: «Ванюшка, домой, что ли, едешь?» — «Домой», — говорю. «Довези меня, голубчик!» — «Садись, довезу». Кое о чем с ней поговсрили на счет себя, и я ее привез к себе домой да за дверь в конюшню и спрятал, чтобы не видал никто, а потом стал Марину искать: и так и сяк — нет, не могу найти... Дальше что со мной было и не помню».

Ивану Курчавому полегчало, зато Марина заболела. Ударит ее, говорили, чертова немочь, и лежит Марина без языка, вся бледная и простоволосая, а груди на себе руками так и теребит, рубашку в лоскутки изорвет... Билась, билась да в день свадьбы Ивана Курчавого в Волгу и бросилась. Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены — и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом и снастями — не могли найти.

После пошли слухи, что Марина оборотилась русалкой да по вечерам и выходит на берег. Сядет на отрубок или на конец плотá и все моет голову да расчесывает свои косы, а сама смотрит на избу, где живет Иван Курчавый с молодой женой; потом вдруг застонет да заохает жалобно-прежалобно и бросится в воду со всего маху. Многие ее видели, даже слышали, как она горько плачет и поет заунывно, тихо — индо за сердце берет:

Ах ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбил,
Ты меня погубил!

Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-русалку поговаривать в городе. И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утопилась в Волге, стала русалкой и живет в страшном омуте, где и в бурю и в тихую погоду вода как в котле кипит, белый вал ходит. Ну, будто бы Марина-русалка с каким-то седым стариком в этом валу и появляются и лодки опрокидывают. Рыбаки поговаривали, что видели иногда Марину-русалку на песках, против Симбирска. Плывет кажется лебедь, тихо; выйдет на песок, взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу бабу и развалится на песке, как мертвая. Вечерком многих пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была; да, видно, душе не мила: начал все тосковать и повадился, в полночь, один-одинешек на бударке ездить к омуту, с кусями, да играть разны песенки. Сам то заплачет, то засвищет, то как леший захохочет, то затынет заунывную песню, да таким зычным голосом, что она по всей Волге так и разольется:

Иссушила меня, молодца,
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня, молодца,
Моя милая, сердёшная,
Моя милая, что задушевная!
Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня в Волгу-матушку глубокую,
Обойми меня рукой белою,
Прижми к груди ты близехонько,
Поцелуй меня милехонько!..

Ну, слышь, Марина-русалка вынырнет из воды, бросится в лодку к Ивану Курчавому и давай с ним миловаться да обниматься, и хохотать, да так страшно! Ездил, ездил Иван Курчавый в полночь на омут, да так и след его простыл: ни его, ни бандуры не нашли, только весла да лодка у берега. Осталась его молодая жена; стала по муже плакать да тосковать, и раз, слышь, он ночью к ней приходил и сказал: «Не тужи обо мне, женушка! Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил водяной Волнобк; угощат меня разными яствами и

питиями, и живет он во дворце изумрудном, и все просит ему играть на бандуре. Заиграю — он распляшется со всеми женами-русалками, а как перестану — остановится. Обещался наградить меня на этом свете: отпустить вместе с Мариною, моей любовницей. Никому только ты об этом ни-ни, не сказывай!»

После этого видения вдова Ивана Курчавого вдруг сделалась при смерти больна да родным и рассказала, что она своего мужа ночью видела. Как рассказала, у ней язык отнялся и тут же дух вон.

292. ПРО КИЦКУ ЖОНКУ

В стародавни времена это она тут поселивши была, проклятуца. Река Кица-то, она глыбока, тиха, леса округ ее стоят дремучи,— нечисти-то в этих местах жить и приятно. Вот, поселилась на реки Кицка жонка. Живет, водяну траву жует, рыбой семгой командует. С виду-то она ровно девка али жонка, а хвост у ей бытто рыбий. Никто ей близко-то долго не видал, а потом увидели.

Поселились на Кицкой тони два брата Заборщиковы. Не богаты были братовья, за тоню-то, быват, из последнего заплатили. Ну, переехали, тоню обживать стали. Тольки все у них неудача. Кольки разов сети выволакивали,— все в их рыба уснувши и бытто несвежа. Вот как-то вечером выволокли они харвы. И почудилось им, что под харвам рыба как-то болшуца полыхнулась. Рыба-то рыбой, а голова с волосам, ровно у девки, и руки голы. Ах ты подла! Это ты, быват, со зла нам всю рыбу портишь? Потужили братовья, стали раздумывать, что нонь делать. Хошь с тони съезжай, а другу-то тоню не выкупить, денег не станет. И порешили братовья как ни есть, а жонку Кицку переупрямить и хорошего лова добиться. Вот о полночь приходят братовья на берег, молят, вызывают: «Кажись нам, нечиста сила». А она уж тут как тут, волоса распустила, хвостом хлобыщется, глазищи свои бесстыжи так и пялит. «Чаго — грит,— вам от меня нать?» А Заборщиковы ей и говорят: «Так, мол, и так, твои все это штуки, рыба у нас все сонна ловится, другу тоню нам не выкупить, скажи толком, сделай милость, чего ты от

нас хочешь?» А жонка Кицка и говорит: «Это я с печали да с горя». — «Како, мол, у тя, у нечистой силы, горе?» — «А то горе, — жонка отвечает, — что давно я человечьего мяса не пробовала. Дайте вы мне, — говорит, — свежей человечинки, так я вас таким уловом порадую — озолотитесь обои с одного вылова». Сказала, хвостом вернула, да и была такова. А рыбаки ровно ошалевши домой пошли.

День проходит, два проходит. Тольки на третий день пропадает у Ивана Конева девка. Малюстенна така девка, еще не половозрастна. Туды, сюды — нет девки. Мать воеет, отец с братьями реку шестью ощупывают — нет девки и званья.

Полгода найти не могли. Через полгода волнам выкинуло. По сарафану тольки и признали. Лицо-то все ровно объедено. Что ж, подумали, беда стряслась, девка в реку пала, недоглядели. Похоронили девку. А Заборщиковы тым летом таку прорву наловили — сразу в силу вошли и торговлю в Кузомени открыли.

Кто ли, как ли рассказал ли кому, кто ли все это зря измыслил, тольки стали у нас с той поры люди на кицком берегу пропадать. То парня не доищутся маленького, то девки, то старухи. Люди все дивятся, плачут, а потом как-то странно слух пошел, что людей этих жонка Кицка к себе требовала, а то улова всей деревне не будет. В нечисту-то силу у нас вековечно верили. А вот тольки, как именно люди эти исчезали — никто не видал. И стали про пропавших шепотом говорить — «утонул». И ничо боле. Боялись об этом громко говорить, как бы нечиста сила не наказала.

А тольки купцы на тых тонях богатели. Туды к Заборщиковым Обросимовы переехали, за имá — Рагозины. Все тым делом семужьим кормились и богатели. Так дело и шло. Много десятков годов шло. Да вдруг и раскрылось.

Было это о ту пору, коды русской царь с французом воевал. На Кицком о тот год Иван Заборщиков сидел. И пропал у Семена Чунина мальчишко девятигодовой. Ну пропал и пропал, время было темно, осенью, река тольки что шугой тронулась — долго ли тут малышу на нашей реке пропасть?

Поискали, конечно дело, поплакали, а после записали в упокойно поминанье младенца Сергея, да тем дело и кончилось.

Только это нам казалось, что кончилось, а на самом деле только что начиналось.

Шло времечко, годом десять годов прошло. На Терской берег о ту пору нередко монахи с Соловецкого хаживали — на тонях сиживали и так просто по берегу из деревни в деревню ходили — образки продавали, да жития святых, да всяку таку всячину. Вот тут как-то пришел старец — на чудотворную икону собирал. И юноша с им, уже на возрасте, годов эдак восемнадцати, в ряску одет. Глядят на его в деревне — ровно знаком, а бытто и незнаком. А он, знай, очи тупит, слова не вымолвит. Только мать все-таки признала. Кинулась к ему. «Ты ли, — кричит, — Сергеюшко?» Но тут и он не выдержал: «Я, — grit, — матушка». Да на шею к ей и бросился.

Тут все дело и раскрылось. Мальчонка-то Иван Заборщиков с соседом Обросимовым на Кицкой тони в воду бросили. А парень-то одежкой за како-то бревно уцепился. Ночь-то была темна, парень со страху к бревну прижался, кричать не смел, его волной к морю-то и вынесло. Вынесло, на берег выкинуло. На том месте тоня Соловецка стояла. Подобрали мальчонка, а тот себя не помнит, в разуме помешался, три недели без памяти лежал.

Его монахи привезли на Соловецкой, отходили, на ноги поставили. Он ни имя свое, ни деревню никак спомнить не мог. Так безвестным у монахов и жил. А пришел в возраст — обет дал за свое чудесно спасенье в монастырь постригчись. И так его монахи к своей жизни склонили, что он ни об чем другом и не помышлял. А вот как нечаянно со старцем отправился да мать увидел — враз прочунел, все спомнил, все рассказал, как дело было.

Хотели было начальству жаловаться — да купцы, видно, всем станovým и урядникам уши позолотили. Не слышат ничо, да и баста. Хотели всем миром с убивцами своей рукой разделаться — монахи отговорили: «Господь, — говорят, — свою милость к младенцу показал, благоговейте перед чудом, а убийц ихняя совесть сама накажет. А вы не троньте: блаженни, мол, милостивии». Так народ их и не тронул. Только с тых пор люди на Кицком пропадать перестали. А Заборщиковы богатой вклад в Соловецкой тым годом отправили.

ДОМАШНИЕ ДУХИ

293. ДОМОВОЙ

[...] Это дело было давно. У одних было две дочери и сын. К ним как-то пришел парень. Василием звали, а ее Дусей. Вот Дуся и Василий поженились и отделились от ее родителей в другой дом. У них родился ребенок. Как-то сам ушел в картишки играть, а она на печке лежала, а ребенок в зыбке рядом с печкой. Вдруг в двенадцать часов получается стук — стучит и стучит, стучит и стучит... Стучит по-над полом. Она на следующий день говорит мужу:

— Ты вечер никуда не ходи.

А ей все говорят, что это домовой ей чудится, стучит: ведь муж-то кузнец... Однажды она опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый — и такой верзила! Зыбку качает с ребенком. И хохочет, и хохочет! Лицо белое-белое, а сам весь чернуший. Вот так покачат зыбку и исчезнет, а ребенок не выпадает из зыбки. Позвала она сестру Гальку. Пришло время — он опять выходит...

Бились оне, бились и перекочевали в другой дом. А в этом доме никто долго-долго не мог жить. А потом он, этот дом-то, сгорел.

294. ПОТАНЬКА

Одна баба не благословясь замешала опару. Прибежал бес Потанька да и сел. А баба и вспомнила, что не благословясь замешала опару, пришла да и перекрестила: Потаньке выско-чить-то и нельзя. Баба процедила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька все тут. Свиньи перепехивают его с места на место, а вырваться не может; да чрез трои сутки кое-как выбился и без оглядки убежал. Прибежал к товарищам; те спрашивают: «Где был, Потанька?» — «Да будь она проклятая баба! Опару,— говорит,— замесила ли, завела ли не благословясь; я пришел да и сел. Она взяла да меня и перекрестила, дак насилу вырвался чрез трои сутки: свиньи перепехивают меня с опариной, а я выбиться не могу; теперь в жизнь мою никогда не сяду к бабе в опару!»

295. КИКИМОРЫ

У нас в одной деревне было. [...] Шел один нищий по этой деревне, зашел к одной хозяйке. Она стирала, че ли. Говорит: — Некогда мне тебя угощать.

Ну, он и пошел. Пошел да и сказал:

— Попомнишь меня.

С этого дня и началось чудиться. Акулька с Дунькой разговаривают друг с другом на печке [...] и пакостят. То золы, то коровьего кала намешают в еду. Суп поставят в русскую печь, сами в поле уйдут, а Акулька с Дунькой намешают всякой дряни. Чай только скипятят да и пьют один. А масла раньше помногу сби-

вали, так его в баню поставили, они и там все обезобразили.

Так и мучились с ними. Дело к зиме стало. Ночью уйдут во двор, скот гоняют. Утром кони в мыле, пена изо рта, косы в гриве. А потом придут и разговаривают:

— Ты замерзла, Дунька?

— Да нет, а ты, Акулька?

А самих-то не видно.

Мучились, мучились с ними. Потом кто-то научил попа позвать. Поп пришел, молитву читает. Народ в избе собрался. А Акулька с Дунькой пустили с печки в попа скалкой. Поп перепугался, народ тоже. Как давай все из избы! А Акулька с Дунькой ступеньки крылечка разобрали — все кубарем!

Сколько времени, может с год, так в этом доме было. Они и в другой дом укочевывали, так Акулька с Дунькой тоже туда перешли. Давай отыскивать старичка, нашли в одной деревне. Говорят:

— Напоим, накормим, денег дадим, только давай, мол, дед, помогай, убери.

Ну и правда, напоили, накормили, денег много дали. Пошел он. Где-то из поленницы вытащил две куклы. Вот вам, говорит, Акулька с Дунькой.

Это тетка из той деревни нам рассказывала.

296. КИКИМОРА

[...] Дом был у одних тут, все девка в доме ходила. Все помогала. Она уйдут, она чугушки просты возьмет и в печку затолкат. А то и молоть помогала. Тогда же не было здесь мельниц, а жернова крутили. Вот она крутит камень, мелет. А ходила нага. И все делала. А спала раньше на полатах.

И вот хозяйка пробудилась, рукой повела и ее учухала. А у ней, у девки, коса така длинна! Вреда-то не делат им, но опасно! Она боится. И давай дом разбирать. И вот нашли куклу в матке. Куклу. Дом перетащили, после этого ничего не стало. Вот. Перетащили дом-то — и не стало ничего.

297. БАННИК

Дед Тимофей Распутин рассказывал.

Построили одни баню, и в это время заболела у них дочка. А под подушкой каждое утро мать находила кусочки сахара. Уже и покупать стали сахар песок, а все равно каждое утро мать находила сахар. А девочка все хуже и хуже себя чувствует.

В это время в их доме остановился старик проезжий. У него-то и спросил отец, почему девочка болеет. Тот посмотрел и сказал сходить в двенадцать часов на кладбище, накрыть стол белой скатертью и поставить на него две рюмки и бутылку водки. Причем рюмки должны быть не граненые, не с рисунком, а простые, светлые.

Все так и сделал отец. Стоит и ждет. Вдруг слышит: водка наливается. Он повернулся, а никого не видит. Смотрит, а рюмка уже пустая, и вдруг кто-то говорит:

— Баня у тебя не на месте.

Послушался его отец и стал разбирать баню. А девочка помаленьку стала выздоравливать. И уже когда оклад разобрал, вышла девочка на крыльцо.

Видно, правду говорил, что баннику место не понравилось.

ЧЕРТИ

298. СЫН, ПРОДАННЫЙ САТАНЕ

Был барин, жил не бедно, был у него сын к ученью больно способный. Вот и случилось этому барину захворать, простудиться на охоте. И умер он. Осталась барыня одна, стала она проживать накопленное добро, наконец дожилась до того, что не стало в доме корки хлеба, а тут, на горе-то, жалко и мальчика — больно хорошо уж он учился-то. Вот и взяло ее отчаяние, и в горе и в нужде вскричала она как-то: «Господи, кажется, и сына родного лучше бы отдала тому, кто бы мне денег достал».

Вот погода несколько время, хоть на другой день, что ли, приходит к ней какой-то человек, одет чисто и говорит: «Вы, барыня, нуждаетесь в деньгах, я могу вам достать сколько угодно, дайте только мне сына вашего, да и то не сейчас — пусть до двадцати пяти лет будет ваш, а потом мой».

Подумала, подумала барыня, да и дала ему расписку. Больно

уж взяла ее нужда-то. А осталось у нее после барина только и добра-то всего один сундук. Вот после того, как ушел человек с распиской, и надумала она пойти в сундук затем, чтобы поискать, не найдется ли там чего еще продать, чтобы не помереть с голоду. Открыла и видит — весь сундук полон золота. Вот обрадовалась барыня, перекрестилась, взяла денег и пошла — купила хлеба, самовар, чаю, сахару, и как вернулся сын из училища, то даже удивился и спрашивает — откуда это ты, матушка, все взяла. «А это я, сынок, после отца еще нашла в сундуке денег: видно, Бог послал на нашу нужду». Сын ей поверил.

Стали они жить да поживать. Сын поучился, стал дальше учиться и все учится хорошо. Стало ему подходить под двадцать лет. Стало матери его жалко, стала она задумываться, а другое время тайком от сына и плакать горькими слезами. Однако сын стал ее в том замечать и приступил к ней — скажи да скажи, о чем плачешь. Сначала она сказала ему, что тоскую по твоим батюшке. Ну, однако, он ее в том разговорил — что, дескать, тосковать, его уж не воротить. А все видит, что она тоскует; вот он у нее и выпытал, и призналась она ему, что продала его нечистому и дала в том расписку. «Ну, хорошо, матушка, спасибо, что сказала, еще есть время мне об этом подумать, как избавиться. Делать нечего, надо будет, видно, мне с тобой проститься да спросить об том у добрых людей. Так вот что, пока я буду в отсутствии, ты все-таки строй хоть на эти деньги громадной хорошей каменный дом, хоть недаром деньги пролежат. А теперь прощай!»

И пошел он сначала к священнику исповедаться и причаститься и сказал ему на духу про свое дело. Подумал об этом священник, ничего не мог ему сказать. Послал к преосвященному. Пришел туда, подумал преосвященный и говорит: «Ну слушай, я сам тебе в этом деле не могу помочь, а ступай ты — в таком-то месте в дремучем лесу живет-спасается старец, — придишь и проси у него помощи». И рассказал ему тропинку, по которой туда попасть к старцу.

Долго ли, коротко ли, дошел он до старца. Видит, стоит в дремучем лесу древесинная хижина, старая-старая, и вся мохом обросла. Он к ней, толкнулся в двери — заперто. И слышит голос: «Кто тут?» — «А вот я к тебе, праведный старче». — «Ну

скажи Исусову молитву, тогда и войди». Парень сказал и вошел. «Ну зачем ты ко мне, вот уж тридцать лет живу я здесь, никто еще ко мне не захаживал?» Тот рассказал ему про свое дело. Подумал старец. «Ну,— говорит,— есть здесь вот в таком-то месте у сатаны кум, и надоело уж ему у нечистого в кумовьях быть, рад бы избавиться, а не знает как. Ступай к нему и скажи ему, что если выманит у сатаны расписку, то и сам спасется за то». Перекрестил его старец и наказал: сатана наверно скоро узнает, если вы у него записку стянете и ко мне побежите; если немного не успеете добежать, бросьте мне эту палочку, я и отворю сразу заранее двери. И дал с собой палочку.

Пошел парень с палочкой в указанное место. Долго ли, коротко ли шел, пришел на поляну,— видит, стоит громадный каменный дом, такой, что боязно к нему и приступить, а от него хрустальный мост идет. Делать, однако, нечего, пошел; вошел в нижний этаж — нет никого, поднялся выше и нашел наконец и самого кума. Когда вошел парень, хотел перекреститься, но тот не велел: у нас не крестятся. Узнал кум, в чем дело, не успел еще ничего сказать, как уж слышно, черти по хрустальному мосту скачут, только когти брякают, железную борону везут: «Сатана,— говорят,— велел тебе в гости ехать».— «Нет, скажите куму, что я нездоров, весь разнеможился. Буде завтра, как не поправлюсь ли». Ускакали черти. И стал сатанин кум думать, как бы ему выманить у сатаны расписку. Думал-думал, ничего не мог придумать. На другой день к вечеру кое-как надумался. А парню тоже захотелось ад посмотреть. Попросился он об этом у кума, тот и говорит: «Ну ладно, изволь; вот,— говорит,— я сделаю тебя, парень, папиросницей и возьму с собой в ад, а ты помни, как сатана будет папиросы брать, так уж не дыши». Вот вечером опять прискакали черти: «Сатана тебя в гости зовет».— «Ох, больно уж я нездоров, ну да ладно, сегодня, уж поеду». Взял с собой папиросницу, сел на борону, и поскакали черти прямо в ад, а ад-то был от кумова дома за триста верст.

Встречает его у входа сам сатана. «Ну что, кум, как живешь-можешь, прошло ли у тебя нездоровье?» — «Да плохо что-то все, кум, можется».— «А я без тебя уже третье ведро вина допиваю. Ну входи, входи! Эй, вы,— чертям говорит,— водки сюда дать».

Притащили черти водки, поставили чарки на стол, каждая по полуштофу. Кум попросил себе поменьше — дескать, по болезни такую мне не смочь выпить. Вот сатана пил-пил, курил-курил и опьянел. И видит, что кум что-то все задумывается. «Ну что же ты, кум, у меня не весел?» — «Да вот пришел ко мне вчера парень, просит он меня у тебя попросить, не отсрочишь ли ты ему на пять лет по расписке, по которой продала его вам мать, барыня, столько-то лет тому назад». — «Да какая такая расписка, я что-то не помню. Эй, вы, черти!» И сатана затрубил в трубу. Сбежались черти — видимо-невидимо. «Ищите барыню расписку!» Убежали все по своим местам, искали-искали — нет, не находится. Опять он послал их искать — опять убежали, не нашли ничего. «Ну делать нечего, больше некому в этом деле знать, как моему писарю. Приведите-ка его». А у него был писарь кривой такой, одноглазой, и, зная, чуял он, что за него возьмутся, все позади других прятался. Вот привели его. Велел сатана ему подать расписку. Тот говорит: «Нет у меня». Велел он его хлестать железными прутьями.

«Нет и нет!» — «А нуте-ка, тащите его на кумову кровать!» Как только сказал это сатана, так и испугался одноглазой писарь и отдал расписку. «Ну, на тебе, кум, расписку, дай парню в ней расписаться, это еще даже лучше, чем барыня-то за него расписала. Да, что тебе ровно не по себе, ха-ха-ха!» — «Да вот что, кум, что это у тебя за кровать такая, что и твой одноглазый испугался? Покажи, пожалуйста». — «Ха-ха-ха, ну-ну, посмотри!» Вот пошли они в другую комнату и только отворили ее — от нее такой жар пыхнул, что жарче нельзя и представить. «Вот тут, — говорит, — и кровать, ха-ха-ха!»

Вот затрясались поджилки-то у сатанина кума, попрощался он с сатаной и поскорей к себе домой. Сел на борону, живо черти поскакали, только когти брякают. На полдороге вспомнил, что со страху папиросницу-то на столе забыл. Делать нечего, отпрягся один черт, побежал в ад за папиросницей, притащил куму, поскакали дальше. Приехали домой. Черти назад в ад поскакали, а сатанин кум немедля обратил папиросницу опять в парня. Взяли они палочку, данную ему старцем, и побежали как можно скорее к нему в дремучий лес. Тем временем черти увидели, что они бегут к старцу, и прямо бегут к сатане, а он еще

все пьет вино. Как сказали ему, сейчас же сел он на борону и поехал сломя голову догонять кума. Покудова ехали по хрустальному мосту до кумова дома, хоть и усталые черти, а все еще не больно тяжело было везти, а ну как стали по земле-то боронить, то досталось бедным чертям, да потише и поехали. Тем временем добежали кум с парнем до старца, кинули палочку, старец сейчас же отворил им дверь. Едва успели вскочить, а и сатана уж тут, чуть-чуть не схватил кума, однако тот вырвался. Сейчас же старец взял у кума расписку, сжег ее и пепелок развеял по своей избушке. Затем перекрестил их обоих, надел на них по крестик и говорит: «Ну теперь не бойтесь, не стронет вас нечистой дух, ступайте себе с Богом».

299. КУМОВА КРОВАТЬ

Жили-были мужик да баба, у них был сын. И так обедняли они, хоть по миру иди. Мужик думал-думал, что делать, как хлеба добывать? — и надумался: стал учиться колдовству, учился-учился и таки выучился с чертями водиться. Вот пришло ему время женить сына. «Дай,— говорит он,— пойду да сосватаю у своих приятелей-чертей». Пошел и сосватал за сына опившуюся девку, что возит у чертей воду с прочими опойцами. Дело сделали, по рукам ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха в богатые каменные хоромы свадьбу играть и разослали позыватых звать гостей на пир, на веселье. Со всех сторон наехало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, есть, веселиться. Сват с самим сатаной впереди сидит. Вот начали молодые дары дарить. Сатана много на отдарье положил казны и говорит свату: «Ну, сватушка! Подарил я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, один мужик продал нам своего сына и расписку на том дал; коли хочешь, кум, я тебе с сыном подарю эту расписку» Кум бил ему челом, а сатана созвал всех чертей и спрашивает: у кого расписка? Указали на одного черта, а тот знай себе запирается, не хочет отдавать расписки. Сатана приказал его раздеть и бить за утайку железными прутьями. Как ни били, как ни колотили его — не могли ничего сде-

лать, стоит на своем, да и только. Сатана и крикнул: «Тащите-ка его на кумову кровать!» Черт так напугался, что сейчас же достал расписку и отдал сатане, а сатана куму. Вот сват и спрашивает сатану: «Какая это у вас кумова кровать, что даже черт напугался?» — «Да так, кум, простая!» — «Как, кум, простая? Нет, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сделана для нас, чертей, и для наших сродников, сватов, кумоньев; она вся огненная, на колесах и кругом вертится». Сват убоился, вскочил с места и давай Бог ноги. А сатана вслед ему говорит: «Куда, кум, торопишься? Посиди, побеседуй с нами. Да ведь не уйдешь от нас; пожалуй, и притащат милого!»

300. О ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Это было. Да вот один человек жил со своей женой. Жена была набожна и была благоразумна. Там мужичок жил богато и потом по пьянству все деньги пропил. Плохо ему зажилось.

Однажды он пришел в кабак. Весь день просидит, денег нет, а выпить охота. Так пошел, запечалился: денег нет, продать нечего. «Кто бы,—говорит,— денег дал, дак жену бы продал бы». Потом идет дорогой и встречает человека. «Что,—говорит,— думал?» — «А думал,—говорит,—надыть сказать по правде, кто денег дал бы, так я свою жену бы продал». — «Дам,—говорит,— только приведи жену на такое-то число. Поутру вставай на зоре, веди жену». По указанну им в такое-то место. Он сказал: «Где ты деньги возьмешь?» — «Я тебе,—говорит,— выкопаю клад, что денег страшно много»,—говорит.

Вот живут. Жена и такого дела не знает, что он так ее продал. Потом срок истек. Потом надоть вести жену на указанное место. «Пойдем,—говорит,— жена, в одном месте есть у нас за полянками клад большой. А без тебя,—говорит,— не дается. И мы,—говорит,— получим его, много денег получим, ты сама видишь, так как нам живется плохо. Тогда будем жить хорошо». Потом жена пошла. Хорошо, идет муж, и жена за им. Такой жены кроткой жалко стало. Ну, что ж делать?

При пути была церковь, храм Божий. Вот она мужу объяснила: «Супруг, — говорит, — я схожу в церковь помолиться, а ты обожди минуточку». Он говорит: «Иди». Она зашла в храм и усердно поклонилась Пресвятой Богородицы. Молилася и плакала, да в слезах она и заснула. Потом сжалилася Пресвятая Богородица над женщиной, обофор на себя накинула и пошла.

Потом муж стоит, дожидается жены и дождался — думает, что жена. И пошли, где указано место, а духа злобы еще нет. Вдруг подынулась страшная буря: начало лес ломить. И вот прилетает дух. «Привел, — говорит, — жену».

Он в испуге молчал. Потом быстро подскочил, думает, что жена его, и она осенила его благодатей. Он отскочил от нее на много стадей. «Ах ты, — говорит, — подлец! Ты не жену свою привел, а ты привел мати Иисуса Назаряя». Итак, это дело узнав, дух и так быстро подскочил к мужику с яростью. И потом Пресвятая Богородица мужика защитила и так, что свой обофор подняла, и так что дух злобы подскочил несколько стадий, и земля разверзлась и сделалась ущелина, подземелье. В эту яму он ввернулся и пропал. Потом скрылась Пресвятая Богородица в тот момент.

Потом мужик понял, что защитила жену Пресвятая Богородица. Тогда мужик усердно замолился о своем прегрешении. Да пошел мимо церкви, жена выходит из церкви, так что он в испуге ничего жене не сказал. И пошли они домой, и стали жить и усердно трудиться, и повели благочестивую жисть. Распутную жисть мужик бросил. Итак, жизнь пошла. Тем и кончилось. Это было и таким опытом Бог и наставил.

301. ПРО ДЕВОК И ПРО ЧЕРТА

У одного старика вечером семь девок сидело. И надумали оны погадать. Дело о святках было. Ну, хорошо. Пошли на реку, рукава-то и обмочили; тако гаданье есть: намочит девка рукав али чулок да в мокром, не помолясь, спать повалится. А суженой во сне присниться должен — придет сушить мокрое-

то. Намочили, идут с реки, вошли в избу, молча за стол сели — говорить-то после этого до утра нельзя, не то все гаданье пропадет. Сели за стол, а старик-то догадливой был, взял семь крынок глиняных, да им всем головы-то и покрыл: своей дочери и всем подругам. Вдруг дверь нараспашку — входит нечиста сила, черт вбегает. Хват с одной девки, хват с другой, с третьей — у всех с голов крынки-ти и посрывал. Да и как увидел, что не головы рвет, а крынки — и говорит: «Хитрой ты, старик, меня перехитрил. Кабы ты не покрыл им головы — я бы всем им головы пооборвал». Стукнул дверью и ушел. С тех пор убоялись девки и гадать перестали.

302. ЧЕРТ

Пошла[...] одна девка ворожить на святках. Поставила зеркало, колечко опустила в стакан с водой и сидит. А ее парень знал, что она собирается ворожить, и в эту избу пришел ране ее, залез на печку, лежит. И вот девка пришла, сидит. Вдруг западня подниматся, из нее появятся черт (а она не видит) и спрашивает ее:

— Девка, что на свете три косы?

Она испугалась, молчит, не шевелится. А парень не растерялся, с печки говорит:

— У речки коса, у девки коса да литовка — коса.

Тот снова спрашивает:

— А что на свете три дуги?

Парень опять же:

— В печке дуга, в упряжи дуга и радуга — дуга.

— А что на свете три матери?

— Мать-родительница, мать — сыра земля да мать Пресвята Богородица.

Только сказал: «Мать Пресвята Богородица»-то — сразу черт исчез, западня захлопнулась. Девка ни жива ни мертва.

А если бы не парень, то он, черт-то, девку задавил бы. Она же испугалась. Не может ниче сказать.

303. КУШАК

Девушка придумала кудесить против Крещенья и положила себе кусочек на уголок, а другой кусочек на другой уголок, богосуженого чобтовала. Не благословясь в сени сходила, двери не благословясь перезаперла, чтобы лешему зайти лязя. И села на уголок, стала и говорить: «Богосуженой мой, поди ужинать со мной». Села и глаза закрыла. Сени застукали, сапоги стучают, слышит — идет; в избу идет, зашел в избу, кркнул и пришел серёдка избы; видит: пиджак, кафтан норвежского сукна, кушак поперечной шелковой. Он кушак отвязал сейчас от себя, да в переднем углу на спицу и повесил, и шапку снял на спицу и весит. Как шапку-то клал на спицу, девица и перекрестилась, глаза отворила, а уж нигде никого и нет, а кушак-от остался на спице, вёснёт. Девица высмотрела его всего, в сундук и убрала. А у мужика и кушак потерялся, она и помалчивает; кабы ей любой был, дак она бы сказала подружкам. Через сколько времени мужик посватался, ей и не хотелось, а родители отдали, тогда она мужу кушак-от и показала.

304. СУЖЕНЫЙ

[...] До заутрени надо ворожить на святках.

Одна так и сделала. Родители ушли к заутрене, она села за стол и сказала:

— Суженый-ряженный мой, садись со мной.

Приходит, значит, человек к ей, вроде хотел присести. Военный. Снял саблю, полбжил на лавочку. И только хотел к ей присесть, она сразу заревела:

— Чур, со мной! Чур, со мной!

Он соскочил и убежал. А саблю-то оставил. Ей бы надо было ее выбросить наотмачь, а она ее взяла и в ящик положила.

Вот теперь этот жених отслужил службу и как раз приехал через год и у родителей стал свататься. Но там многие сватались. Теперь и она сказала:

— Но, мать, я вот этого и выберу. Он, — говорит, — и прибегал. Пойду за его.

Ее, значит, просватали. Вот они год живут, другой живут. Теперь и святки подошли. Так же вот приходят, значит, спрашивают:

— Как вы ране ворожили? (Как вот вы пришли.)

Она и говорит:

— Я вот эдак ворожила. Села, он ко мне только хотел прикоснуться, саблю полóжил на лавку, хотел присесть, я заревела: «Чур, со мной! Чур, со мной!» Он убежал, а сабля-то,— говорит,— у меня осталась.

А этот, хозяин-то ее, да говорит:

— Вы, ребята, не слушайте ее. Она вам наскажет!

— Да ты что «наскажет»! Да она у меня и сейчас в ящике, сабля-то, лежит.

— Ну-ка, покажи-ка.

Она все со дна выгребла, вытащила ему:

— Вот,— гыт.

Он поглядел.

— Паря, действительно, моя сабля-то, бывшая... Я,— гыт,— когда-то терял саблю...

Потом, значит, немножко погодя:

— А, дак ты за меня неспроста вышла замуж?

Раз! — ей отсек голову.

305. БОЧКА С ЗОЛОТОМ

Жил богатый мужик. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него под окном. Богач подошел к окну и окликнул. Никто не ответил. Богач лег спать, но опять застучало. Богач опять окликнул; опять никого нет. Тогда богач подумал, что его хотят ограбить, снял со стены ружье и зарядил пулей. Когда опять под окном застучало, богач открыл окно и выстрелил, а под окном как захохочет кто-то! Богач обмер и стал было запира-ть окно, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач было схватил нож, чтобы руку отрезать, да и увидел под окном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспой, и с рыжими воло-сами. «Ступай за мной»,— сказал черт. Богач, делать нечего,

вышел; черт схватил его за левую руку, и они пошли; пришли к реке, черт и говорит: «Ты накопил бочку с золотом, отдай-ко мне ее. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь, в воду брошу». Богач туда, сюда, делать нечего, согласился, и черт нырнул в воду.

На другую ночь черт постучался под окном, богач вынес бочку с золотом, черт взвалил бочку на плечо и понес. Принесли бочку на берег реки, черт спустился в реку, вытащил оттуда железные цепи, обмотал бочку и спустил и ее в воду. Потом опять вынырнул, подал мужику горсть золота и сказал: «Это тебе за верность мне; да смотри не болтай»... А богач пришел домой и запил с горя. Долго он никому ничего не говорил, но однажды взял да проболтался по пьяному делу одному приятелю. Вот однажды пошел он с этим приятелем, а навстречу ему мужик, будто знакомый, и зовет в гости. Мужички согласились и пошли. Шли долго, вдруг приятель зевнул и перекрестился, и видит, что он бредет по колена в воде, а бывший богач еще глубже и наконец скрылся под водой. На другой день бывшего богача нашли на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкой на шее. Богача тут же на берегу и похоронили.

И вот рассказывают, что в полночь на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта в том, что после угощения черт обманул его и отпустил домой с пустой бочкой, а золото переложил в другую. Многие пытались достать бочку с золотом из воды, но безуспешно. Один рыбак было вытащил бочку, но черт увидел и утащил рыбака вместе с лодкой. Часто черта видают на этом месте реки: сидит на камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень с сажень величиной.

306. ЧЕРТОВЫ КОРОВЫ

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посредине островок; на этот островок летом из воды выходят четыре коровы. Крестьяне делали попытки завладеть ими, но только что хотят подойти, как послышится свист, а коровы бросятся в воду.

Однажды какой-то крестьянин проходил мимо озера, устал, лег на траву и заснул. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было; послышался свист, и коровы бросились в воду; но мужик все-таки успел двух коров перехватить и пригнал их домой.

Коровы эти долго жили у мужика. (Приплод от них будто бы и сейчас живет в Мегре.) Две коровы давали мужику по два ведра в день молока, и мужик разбогател. Потом мужик вздумал этих коров зарезать и когда зарезал, мясо и шкуры коров кто-то украл. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже нескольких вороватых мужиков в деревне. Но однажды осенью ночью кто-то постучался к мужику. Мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соломенной шляпе и коротком камзоле старинного покроя. Это, оказывается, был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается из-за коровьих кож с соседями: кожи взял он, черт. Мужик помирился с соседями и прекратил тяжбу.

307. ЧЕРТ В ОБЛИЧЬЕ СОЛДАТА

У одной женщины муж солдат был. Она все о нем думала.[...]

Раньше-то на полу спали. Постелила она, легла и думает: «Господи, помилуй, хоть бы приехал». Слышит, муж говорит: — Я ведь приехал, я ведь не убитый.

А она-то похоронку получила да не верила все. Двери отворила,— заходит. Начала гоношиться.

— Не надо,— говорит,— я к родителям пойду зайду.

— Да что ты ночью-то пойдешь? — говорит она-то.

Легли рядом. А тут сынок чихнул, она и говорит: «Ты что, Христос с тобой». Дверь тут ветром отворило, и муж улетел. А она с ума сошла.

Утром побежала к родителям. Они говорят: мол, приходи к нам жить, а то удавит тебя. А он-то — муж будто, ну, прямо не отличишь: на лицо такой же, форма, все как есть. Натерпелась она да осталась с родителями. Они вылечили ее.

308. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Жил-был кузнец, у него был сын лет шести, мальчик бойкой и разумной. Раз пошел старик в церковь, стал перед образом страшного суда и видит: нарисован черт, да такой страшной-черной, с рогами и с хвостом. «Ишь какой, — подумал он, — дай-ка я себе намалюю такого в кузнице». Вот и нанял маляра, и велел ему нарисовать на дверях кузницы черта точь-в-точь такого, какого видел в церкви. Нарисовал маляр. С той поры старик, как войдет в кузницу, всегда взглянет на черта и скажет: «Здорово, земляк!» А после разведет в горне огонь и примется за работу. Жил эдак кузнец в ладу с чертом лет с десяток; потом заболел и помер. Стал сын его за хозяина, принялся за кузнечное дело; только не захотел он почитать черта, как почитал его старик. Придет ли поутру в кузницу — с ним никогда не поздоровается, а вместо ласкового слова возьмет самой что ни есть большой молот и обогреет этим молотом черта прямо в лоб раза три, да потом и за работу. А как настанет у Бога праздник — сходит он в церковь, поставит святым по свечке; а к черту придет и плюнет в глаза. Прошли целые три года, а он все угощает нечистого каждое утро то молотом, то плевками. Терпел, терпел черт, да и вышел из терпения; немоготу стало. «Полно, — думает, — принимать мне от него такое наругательство! Дай ухитрюсь да что-нибудь над ним сделаю».

Вот обернулся черт парнем и приходит в кузницу. «Здравствуй, дядя!» — «Здорово». — «А что, дядя, возьми меня к себе в ученье? Буду тебе хоть уголья таскать да меха раздувать». Кузнец тому и рад: «Отчего не взять! Вдвоем все спорей...» Пошел черт в науку; пожил месяц и узнал кузнечное дело лучше самого хозяина: чего хозяин не сможет, то он сделает. Любо-дорого посмотреть! Кузнец уж так его полюбил, уж так им доволен, что и сказать нельзя. В другой раз сам пойдет в кузницу — надеется на работника: он управит. Раз как-то не было хозяина дома, а в кузнице оставался один работник. Видит он — едет мимо старая барыня, высунул голову из дверей и давай кричать: «Эй, господа! Вы пожалуйста сюда; здесь новая работа открывается, старые в молодых переделываются». Барыня сейчас из коляски да в кузницу. «Чем ты похваляешься? Да вправду ли? Да сумеешь

ли?» — спрашивает парня. «Не учиться нам стать! — отвечает нечистой. — Коли б не умел, так и не вызывался бы». — «А что стоит?» — спрашивает барыня. «Да всего пятьсот рублей». — «Ну, вот тебе деньги, сделай из меня молодую». Нечистой взяла деньги, посылает кучера на деревню: «Ступай, — говорит, — при- тащи сюда два ушата молока». А самое барыню схватил клещами за ноги, бросил в горн и сжег всю дочиста, только одни косточки и остались. Как принесли два ушата с молоком, он вылил их в кадушку, собрал все косточки и побросал в молоко. Глядь — минуты через три выходит из молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Села она в коляску и поехала домой; входит к барину, а тот уставил на нее глаза и не узнает своей жены. «Что глаза-то выпучил? — говорит барыня. — Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтоб у меня муж был старой! Сейчас же поезжай в кузницу, пускай и тебя перекуют в молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего делать, поехал барин.

А тем временем кузнец воротился домой и пошел в кузницу; смотрит — нету работника; искал-искал его, еспрашивал-спрашивал — нет как нет, и след простыл. Принялся один за работу, только молотом постукивает. Приезжает барин и прямо в кузницу: «Сделай, — говорит, — из меня молодого». — «В уме ли ты, барин? Как сделать из тебя молодого?» — «Ну, там как знаешь!» — «Я ничего не знаю». — «Врешь, мошенник! Коли переделали мою старуху, переделывайте и меня; а то мне житья от нее не будет...» — «Да я твоей барыни и в глаза-то не видал». — «Все равно, твой работник видел. Если он сумел дело повершить, так ты, старой мастер, и подавну должен уметь. Ну, живей поворачивайся, не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани». Принужден был кузнец переделывать барина. Расспросил потихоньку у кучера, как и что сделал работник его с барыней, и думает: «Куда не шло! Стану то же делать; попаду на лад — хорошо, не попаду — все равно пропадать!» Тотчас раздел барина донага, схватил его клещами за ноги, сунул в горн и давай подувать мехами: сжег всего в пепел. После того вынул кости, покидал в молоко и ждет — скоро ли выскочит оттуда молодой барин. Ждет час и другой — нет ничего; посмотрел в кадушку — одни косточки плавают, и те обгорелые... А барыня

шлет послов в кузницу: скоро ли будет готов барин? Отвечает бедный кузнец, что барин приказал долго жить; поминайте как звали! Как узнала барыня, что кузнец только сжег ее мужа, а молодым не сделал, сильно разгневалась, созвала своих верных слуг и велела тащить кузнеца на виселицу. Сказано — сделано. Побежали слуги в кузницу, схватили его, связали и потащили на виселицу. Вдруг нагоняет их тот самой малой, что у кузнеца жил в работниках, и спрашивает: «Куда ведут тебя, хозяин?» — «Хотят повесить», — отвечал кузнец и рассказал все, что с ним случилось. «Ну, дядя, — молвил нечистый, — поклянись, что никогда не будешь бить меня своим молотом, а станешь ко мне такую же честь держать, какую твой отец держал, — и барин сейчас будет и жив и молод». Кузнец забожился, заклился, что никогда не подымет на черта молота, а будет отдавать ему всякую почесть. Тут работник побежал в кузницу и наскоро воротился оттуда вместе с барином: «Стой, — кричит слугам, — не вешайте! Вот ваш барин!» Они сейчас развязали веревки и отпустили кузнеца на все на четыре стороны; с тех пор перестал кузнец плевать на черта и бить его молотом, работник его скрылся и больше на глаза не показывался, а барин с барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живут, коли не умерли.

309. ЧЕРТ СОБЛАЗНИЛ ПУСТЫННИКА

Жил пустынный в таком месте, куда никто и не заходил, спасся целых тридцать лет, до того дошло, что ничего не стал есть — одним святым духом сыт. Стало это черту не по мысли, надумал он его соблазнить. Прикинулся стариком нищим, пришел и стал проситься ночевать. Тот пустил. Вот черт пожался: «У тебя, — говорит, — пустынный, что-то холодно, разведи хоть огонька». Развели. Потом вытащил мясо из сумы: «Хоть, — говорит, — сварить да поесть, а то проголодался больно». Вот налил он в котел воды, поставил на огонь кипятить, да и притворился, что от усталости заснул. Пустынный видит, что он спит, жаль ему стало будить, он и опустил сам мясо в котел и стал варить,

потом видит — нужно посолить, потом надо попробовать. И разманился он тем до того, что надумал отрезать кусочек говядинки и съесть. Вот, наконец, просыпается и черт, говорит: «А, да ты уж сварил! Ну хорошо, давай теперь щипать хлебать». Тот ему говорит, что нет, я скоромного уж вот тридцать лет не ел; но черт его упротил, и он соблазнился.

После щей стал его нечистый спрашивать: «Что это, как ты здесь живешь? Как только вытерпел столько лет? Пойдем — я иду в город, так хоть проводи меня и на людей посмотришь!» Уговорил он пустынного.

Пошли они в город. Пришли туда. Черт стал его угощать кренделями, чаем, водкой, и разгорелось сердце у пустынного, понравилось ему мирское житье. А тут как раз пришло дело, — черт и представился, что у него все деньги вышли. Что делать? И надумали они украсть у кого-нибудь денег. Черт говорит: «Я знаю, у одного купца можно в амбар попасть, где у него деньги лежат». Вот пошли туда и как только деньги украли, черт-то ушел, да и оставил пустынного в амбаре. Увидали это дело, схватили его и посадили в тюрьму. Видит пустынный, дело его плохо, и вспомнил он тут про Господа и про свою прежнюю жизнь: «Господи, — говорит, — до чего я дошел! Да хоть бы деньги-то мне попали». И только сказал он эти слова, а нечистой уж тут, испугался, как бы дело-то его не пропало. «Что ты, — говорит, — что ты! Ничего не бойся, я тебя выручу!» И сует ему в руки бумагу: «Вот, — говорит, — своеручная записка от купца-то, что он деньги-то тебе сам подарил, ты и покажи ее судьям на суде-то». Тут пустынный возвеселился духом и так и сделал, показал расписку, и судьи его оправдали, потому верно — рука была купцова в той записи.

Вышел он на волю. Черт ему навстречу. «Ну пойдем, — говорит, — теперь деньги делить». — «Пойдем». Пришли; черт и кладет деньги на три кучки. «Ну, — говорит, — выбирай себе любую». Пустынный выбрал. «Ну, эта-то, — говорит, — кучка кому же?» — «А эта тому, кто у меня кусок говядины из котла украл!» — «А это я!» — «А, ну коли ты, так и бери!» И как взял пустынный деньги, тут же и умер. И дьявола схватили его душу и утащили в ад.

310. ПУСТЫННИК И ДЬЯВОЛ

Был пустынный, молился тридцать лет Богу: мимо его часто пробегали бесы. Один из них хромым отставал далеко от своих товарищей. Пустынный остановил хромого и спросил: «Куды вы, бесы, бегаете?» Хромым сказал: «Мы бегаем к царю на обед». — «Когда побежишь назад, принеси мне солонку от царя; тогда я поверю, что вы там обедаете». Он принес солоницу. Пустынный сказал: «Когда побежишь опять к царю обедать, забеги ко мне взять назад солоницу». Между тем на солонке написал: «Ты, царь, не благословясь кушаешь; с тобой бесы едят!» Государь велел, чтобы на стол становили все благословясь. После того бесенки прибежали на обед и не могут подойти к благословенному столу, жжет их, и убежали назад. Начали спрашивать хромого: «Ты оставался с пустынным; верно, говорил с ним, что мы на обед ходим?» Он сказал: «Я только одну солоницу приносил ему от царя». Начали бесы хромого за то драть, для чего сказывал пустынный. Вот хромым в отмщение построил против кельи пустынного кузницу и стал стариков переделывать в горне на молодых. Пустынный увидел это, захотел и сам переделаться: «Да-ка,— говорит,— и я переделаюсь!» Пришел в кузницу к бесенку, говорит: «Нельзя ли и меня переделать на молодого?» — «Изволь»,— отвечает хромым и бросил пустынного в горно; там его варил-варил и выдернул молодцом; поставил его перед зеркало: «Поглядись-ка теперь — каков ты?» Пустынный сам себе налюбоваться не может. Потом понравилось ему жениться. Хромым предоставил ему невесту. Оба они глядят — не наглядятся друг на друга, любят — не налюбуются. Вот надобно ехать к венцу; бесенок и говорит пустынный: «Смотри, когда венцы станут накладывать, ты не крестись!» Пустынный думает: как же не креститься, когда венцы накладывают? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидел, что над ним нагнута осина, а на ней петля. Если б не перекрестился, так бы тут и повис на дереве; но Бог отвел его от конечной погибели.

**ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ
И БАСНИ**

СОТВОРЕНИЕ МИРА БАСНИ О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ

311. ТВОРЕНИЕ МИРА

Как Бог творил мир, была сначала везде все вода; вот Бог и послал доставить земли со дна морского птицу. Два раза она опускалась на дно, брала землю в лапу, да не могла удержать, куда поднималась вверх, — водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало; в третий раз взяла землю в рот и вынесла вверх. Вот Бог и велит ей выхаркнуть землю: «Да смотри, ничего не утайвай»; она выхаркнула и стала везде ровная земля. Только немножко она во рту утаила. И почала у ней та земля во рту расти, растет и растет. Она и взмолилась Богу: «Господи, ведь я землю-то утаила, не всю выхаркнула». — «Ну, не ладно это ты сделала, делать нечего, выхаркивай остальную». Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, дак не было бы и гор.

312. О МИРОТВОРЕНИИ

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоф на землю и спросил: «Кто zde e?» И откликнулся сатана и рек: «Я zde e». И спросил Саваоф сатану: «Есть ли где земля, не видал ли?» — «Есть на дне моря», — отвечал сатана. «Сходи же на дно моря и достань земли».

Обернулся сатана гоголем, нырнул на дно морское и в рот земли напихал. Но поколь отголь воздымался, водой размыло землю, и он вынул ни с чем.

Саваоф послал его другожды. Но и на другой раз то же случилось. Стыдно стало сатане, а Саваоф его укоряет и говорит: «Немощен, брат, ты. Иди в третий раз, да вот на дне морском увидишь икону — деву с младенцем, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли».

Нырнул сатана в третий раз: сделал так, как велел ему Саваоф, и принес земли. Взял Саваоф эту землю и рассеял в восточную сторону, и стала чудная, прекрасная земля. И спросил Саваоф сатану: «Вся ли тут земля?» — «Вся», — сказал сатана, а сам держит частицу за щекой. А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать.

Видит сатана, что не обмануть ему Саваофа: взял да рассеял ту землю в северную сторону, и стала тут земля холодная, каменная и нехлебородная.

И задумал Саваоф создать себе полки воинов, дал сатане молот в руки и велел бить в каменную гору правой рукой, а сам пошел на восток рай насаждать. Богов товарищ начал молотом в камень бить, из камня воины светлы начали выскакивать да на восток Богу кланяться; бил до того, что рука устала, попробовал бить левой рукой. Лишь только ударил, выскочил черный черт да и поклонился молотобойцу. Смекнул сатана, в чем дело, да и давай левой рукой колотить; до того бил, что чуть-чуть со светлыми полками не сравнялся.

Той порой Саваоф дело своего сделал и пришел к сатане. Пришел и видит: дело плохо. Что делать? Взял, скорей замянил. Перестали выскакивать силы нечистые, а стал выскакивать только огонь, как и теперь бывает при ударе железом о камень.

Возгорчился Саваоф и задумал разделаться с товарищем. Но

тот не то и говорит: стал хвастаться силы богачеством. Пошло на раздор: Саваоф построил небо, а сатана другое — выше того; Саваоф построил еще небо, а сатана выше того. Сделали они по семи небес, а сатана все выше забирается. Зааминил скорей Саваоф и велел Михаилу-архангелу столкнуть сатану на землю со всеми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошел архангел Михаил, а тот и на версту не допустил его к себе. Саваоф послал его другожды, но сатана отогнал еще дальше. Стал посылать его Саваоф третий раз, но он отвечал: «Боюсь Господа опалить».

Тогда Саваоф сказал Михаилу-архангелу: «Опустишься ты на землю к Черному морю, увидишь на берегу икону, деву с младенцем; благословись у младеня и ступай на сатану». Сделал архангел по слову Господню, столкнул сатану с неба, спроверг небеса и всю силу его, и валилось сатанинской силы, аки мелкого дождя, шесть недель. Много пало ее на землю, а больше того осталось на воздушех.

313. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДЬЯВОЛА И БОЛОТ

Шел Спас по синему морю, видит, море начинает пениться, начинают бить необыкновенно сильные волны, появился громаднейший водяной столб. Спас подходит к этому столбу посмотреть и видит в середине этого столба живого великана, поворачивающегося, но не могущего встать. Спас взял этого великана и вбросил на берег. Явился такой красавец, что красоте его изумился сам Спас. Спас взял этого красавца и поставил его начальником над всеми ангелами. Этот красавец и начал внушать ангелам неповиновение к Богу. «За что,— говорит,— будем повиноваться Богу? Что такое чудное сделал Бог, сотворив человека? Мы и сами сделаем такого же человека, еще лучшего». Некоторые из ангелов и соблазнились словами этого великана и помыслили в себе: «В самом деле, за что мы будем повиноваться Богу? Пойдем и сделаем такого же человека».

Отправились и давай мутить небольшие озера и реки; труди-

лись до такой степени, что от работы лица их сделались черны как уголь. Долго они мучили реки и озера, появились разного рода насекомые, пресмыкающиеся и ползающие, но человека сделать не могли. Тогда пришел к ним Спас и посмотрел на них с гневом. Лица этих непокорных сделались ужасно страшными; на головах выросли рога; вместо языков у них явились огненные жала. Другие ангелы взглянули на них, испугались и отступились от них, а они и остались. Так как они помучили воды, превратили их в болота, то им и назначено жить в них.

С тех пор и до настоящего времени черные живут в болотах, местах, устроенных ими. Впоследствии времени этим черным стали давать различные имена: черт, дьявол, сатана, бес и так далее. Различные имена даны черным оттого, что во время земной жизни Спасителя они различными способами старались искусить Господа.

314. О ПЧЕЛАХ

Создал Бог шмелей, а черт пчел. Видит Бог, что мало у него толка и дохода: рой весь у него разлетится куда ни попало, да и меду нет. Зашел он к черту посмотреть, что у него делается. Тот накормил его медом. Понравился Богу мед, и ему завидно стало. «Будем,— говорит он черту,— меняться». Черт, разумеется, не согласился. «Ну, так ладно,— говорит Бог,— вижу, что с тобою ничего не поделаешь, так уступи мне хоть одну пчелу!»

Подумал, подумал черт да и согласился. Бог взял от него пчелу, дунул на нее, и стала она маткой. Запела матка, зазвенела и стала подыматься вверх: пчелы все поднялись за ней да и улетели. Вот черт и остался ни с чем, а у Бога — и мед и воск.

315. ШЕРШНЕВАЯ ОСА

Пчел первоначально Бог сотворил одних полезных на благо человеку. Черту это завидно стало, и стал он неотступно просить Бога предоставить ему в пользование хоть несколько таких пчел. Разгневанный этой дерзостью черта, Бог схватил целую треть пчел и бросил их ему прямо в лицо. От сильного удара пчелы вдруг стали крупнее и разлетелись в разные стороны, а от прикосновения к чертову лицу — черными и получили способность больно кусаться. И теперь еще шершневая оса прежде, чем укусить человека, старается ударить его в лицо.

316. О ХЛЕБНОМ КОЛОСЕ

Давным-давно, в времена назапамятные, когда людей еще было мало на свете, все хлебные растения, как-то: рожь, ячмень, пшеница и другие, родились такими колосистыми, что колос был в длину всего стебля, от макушки до земли, и такими полновесными, что несколько таких колосьев только что в подъем для одной руки человеческой. Много и теперь ленивых жниц, а тогда все женщины были лентяйки, живши в довольстве, как сыр в масле, притом их было не много, а всего родилось в изобилии. Вышли раз в то время женщины жать такую колосистую и полновесную рожь и стали роптать на Бога, что он родит рожь с такими колосьями, которые и тяжелы и простираются в длину всего стебля, как бы только для того, чтобы они мучились, когда и в руку-то забирать такие усатистые и увесистые колосья неудобно и тяжело, а носить снопы и возить в гумны совсем не под силу.

Бог, услышавши такой ропот, решил стрясти все колосья и оставить одни стебли. Но в то время, когда он приступил к этому делу, в поле находилась собака. Смекнувши, что если очистится весь колос, то хлеба вовсе не будет, она завывала жалобно, прося Бога оставить хотя бы небольшую часть колоса на их собачью долю. И Бог внял собачьему вою и, сжалившись,

очистил не весь колос, а оставил его на верху стебля на столько, на сколько он родится и теперь. И так люди теперь питаются не своей долей хлеба, а собачьей.

317. ХЛЕБ СОБАК И КОШЕК

[...] Прежде, в далекие старые годы, на каждом стебле ржи выросло по два колоса. Хлеба у человека тогда было столько, что он не знал, куда его девать: валялся он и под ногами, и топтали его все, как люди, так и животные.

Раз приходит к мужику Бог в виде убогого нищего и просит милостыни. Мужик велел ребятишкам собрать валявшиеся на полу корки хлеба и положить их нищему в суму. Ребятишки наклали в суму и целые стебли и отдельные колоски. Нищий вышел из хаты с видимой досадой; ему обидно было, что мужик так брезгует даром Божиим и дает нищим только тот хлеб, который валяется на полу. А нищий этот был сам Бог, и поэтому он сделал так, что в короткий промежуток времени рожь совершенно выродилась и сделалась до такой степени тощей и скудной, что человек вынужден был отказать в корме не только домашним животным, но и себе.

Собака и кошка, наголодавшись более других, пошли к Богу просить себе пропитания. Бог вынул из нищенской сумы стеблек, с одним только колоском наверху, и велел им разводить себе с него рожь. Стала у них рожь расти с одним только колоском. Человек, заметив у собаки и кошки эту рожь, отнял и ее на свою нужду, а им предоставил самую малую часть.

Хотя по древности лет люди позабыли, что настоящие хозяева ржи, стало быть и печеного хлеба, собственно собаки и кошки, но следы полноправности на этот дар Божий до сих пор обнаруживаются при еде хлеба человека, собак и кошек: первый, когда ест, подбирает даже крошечки, последние же оставляют эти крошки без всякого внимания.

318. О ПРОИСХОЖДЕНИИ АИСТА

Аист — это человек, обратившийся в птицу по следующему случаю. Однажды Бог собрал всех гадов и лягушек в кожаный мех, отдал их человеку и велел утопить их в реке, строго-настрого запретив ему развязывать мешок. Человек пришел к реке и, подстрекаемый сильным любопытством, посмотрел, что именно принес топить. Но не успел он развязать мешок, как оттуда выпрыгнуло множество гадов и лягушек и разбежались по болоту. Тогда Бог сказал человеку: «Собирай же, пока не соберешь всех!» А чтобы ему было удобнее собирать, превратил его в птицу.

319. ОТКУДА МЕДВЕДИ ПОШЛИ

Жил-был злой помещик, у него была жена тоже злая. Они всячески у крестьян денег добивались, казнили их. Крестьяне боялись их пуще огня, бегали, как увидят их. А им все мало было. Вот помещик и говорит жене: «Жена, а жена! А как бы нам сделать, чтобы мужики нас еще больше боялись и денег больше давали?» А жена и говорит ему: «Давай сделаемся зверьми, каких люди еще не видывали». Вот и сделались медведями. Хорошо. Живут в лесу. Вот и пошел туда один мужик за ягодами, да и увидал их. Испужался очень, бросил коробицу, бежит в деревню: «Так и так, — говорит, — православные, видел в лесу каких-то зверей; ходят на задних запахах, малину сосут». Мужики испужались. Уговорились идти в лес, всей деревней посмотреть, каки таки звери есть. Пошли и видят, медведи залезли на дерево, а там бортъ была; к меду, значит, они подбирались. Как увидели тут их крестьяне, так и назвали их медведями: мед, значит, ведают.

320. ПРО РАКОВ

Одна была девочка, двенадцати лет. Ходила она в пруд купаться, со своими подружкам. Подружки вышли, оделись, — у ее одежды нет. «Ну, идите, как-нибудь разыщу одежду».

Выходит змей из воды: «Вот ваша одежда; пойдите ле за меня взамуж?» — «Как я пойду? Ведь мне нельзя идти!» — «Ну, скажи слово, что пойду!» Она сказала, что «пойду». Одедася, приходит домой.

Назад тому проходит четыре года. За одного господина про-сватали. Про это дело змей услышал. Пошел до ее, украл эту девочку. Жених приезжает — объясняют ему. Потужили этому горю. Никто не мог пособить.

Прожила она в пруду три года, прижила себе мальчика и девочку. Выпросилася на гости на родину — от змея. Отпустил он ее. Приходит близь дому своего; увидала мать в окно, встре-тила хорошо ее. «Где, дочка, проживаешь?» — «Там и там про-живаю я». — «Как приходишь, разговаривашь с ним?» — «Я приду: змей, змей, отвори мне двери! То вода раздваи-вается, оказывается коридор; лестница крутая».

Мати сжалилася, взяла шашку, дошла до пруда; голос подво-дила, как и дочка разговаривала: «Змей, отвори мне двери», — говорит. Отворил змей двери. Она шашкой все головы снесла. Вода кровьей змутилася. Приходит назад. «Ну, я тепере от этой напасти тебя освободила! Не пойдешь тепере туда».

Дочь услышала разговор, заплакала, не стала завтраку дожидать — взяла мальчика и девочку, и потом она заревела: змей не жив. Кричит: «Сынок, будь ты несчастной навек тепере. Уда-ряйся о землю и делайся водяным раком. Отныне довеку пол-зай! А ты, дочка, ударяйся о землю, сделайся плишкой — лети, навек порхай. А я ударюся о землю — сделаюсь кукушкой, полечу на весь век куковать. Мы все будем в поминке. Тебя, сынок, будут дворяне поминать, а меня крестьяна».

321. ВРАЖДА ВОЛКА, СОБАКИ, КОШКИ И МЫШИ

Во времена стародавние волк, собака, кошка и мышь жили меж собою дружно, не враждовали, а друг за друга стояли и ни в чем недостатка не терпели. Раз волку как-то пришлось некоторое время поголодать. Приходит он к Богу и просит пропитания. Бог выдал ему грамоты на свободное испрашивание себе милостыни по деревням и селам. С этой грамотой волк и отправился на нищенский промысел. По дороге ему пришлось перейти по кладке через какую-то речонку и по неосторожности упал в воду, и так смочил свою грамоту, что ее невозможно было вскрыть без предварительной высушки. Добежав до ближайшей деревни, волк вбежал в первую избу и попросил там хозяйскую собаку оказать ему дружескую услугу и высушить его промокшую грамоту, а сам, тоже мокрый, отправился сушиться в овин. По уходе волка собака тотчас бережно, насколько было возможно, разостлала эту грамоту на грядке, а за недосугом присматривать за сушкой поручила лежавшему тут коту, с просьбою передать эту бумагу волку, когда он за ней придет.

Между тем кошка заснула, и высохшая вскоре грамота упала с грядки на землю и попала в зубы пробежавшей мыши. Та, ничего не зная, что это за бумага, изгрызла ее почти всю и оставшиеся от нее клочки затащила в свою норку.

Когда волк вернулся в избу и узнал о случившемся, то стал бранить своих товарищей. А так как никто из них признать себя виновным не хотел, то они все между собою перессорились окончательно. Волк был в отчаянии, потому что больше одной грамоты ему не могло быть выдано. Взвыл он, бедный, благим матом и с ожесточением набросился на собаку, которой только после продолжительной борьбы удалось вырваться из его лап. Тогда собака, в свою очередь, в исступлении бросилась на кошку и не выпустила ее из своих лап, пока не искусала ее донельзя. Тут кошка опрокинулась на мышь, главную виновницу несчастья волка.

С тех пор и ведется взаимная вражда и ненависть между волком, кошкой и собакой.

322. ОТЧЕГО МЕДВЕДЬ СТАЛ ЧЕЛОВЕКА БОЯТЬСЯ

Дело было так. В старину медведь человека не боялся, ходил с ним вместе. Вот однажды, когда братья Изосим и Савватей строили Соловецкой монастырь, рассердились они на медведя. Была у них соловая лошадь, и возили они на ней камень. Один брат в лесу наваливал их, другой на место, где строили церкву, сваливал. А лошадь у них была умная и ходила одна. Только стал один брат замечать, что лошадь приходит вся в пене, сильно запыхавшись, и стал попрекать другого брата: что, дескать, много ты кладешь на воз камней. А тот спорит, что нет — ведь я немного. Спорили, спорили и решили посмотреть, что это с лошадью у них делается. И увидели они, что это оттого, что за ней медведь гоняется каждый раз, как она повезет воз. Вот и стали братья просить Николу-угодника, чтобы он поучил медведя.

Согласился Никола, пришел в лес, взял обрубок дерева и стал в него клин колотить. Медведь, — как человека еще не боялся, — прибежал на стук и говорит: «Что ты, брат, тут делаешь?» — «А видишь, брат, хочу обрубок расколоть, помоги-ка мне, суй тут лапы-то в щель, да и давай раздирать». Медведь поверил ему, сунул лапы, а Никола клин-то и выколотил, да и давай его бить. Бьет да приговаривает: «Бойся человеческого взгляду, бойся человеческого стуку!» Побил да и отпустил. И стал с того время медведь человека бояться. (Ученый медведь боится взгляду человека.)

323. КАК ЛОШАДЬ ПРОСТИЛА ОБИДУ

Дядя с племянником часто ездили по своим делам вместе. Дядя, как постарше, всегда, как пойдет племянник лошади овса давать — и скажет ему: «Дай заодно овса-то и моей лошади!» Тот возьмет, да и вывалит овес-от своей, а дядиной даст самую малость, а если дядя сам даст, так и то он тайком от него выгребет своей. Изморил он лошадь вовсе, силы у ней не стало. Вот один раз стал он у ней корм-то из-под рыла выгребать, она взяла

и сфыркнула на него. И стал он с того времени не наедаться: напала на него несъсть — ест, ест, а все голоден. Мучился он, мучился и придумал повиниться дяде-то: «Вот,— говорит,— дядя, я все не наедаюсь». — «А что,— говорит,— с тобой сделалось?» — «А оттого, что у твоей лошади овес выгробал — она на меня сфыркнула». Дядя и говорит ему: «Ну, брат, коли так, дело это не мое, проси прощенья у лошади». Он и ушел в конюшню и встал на колени. Она и бегаёт круг него, так копытом зашибить и ладит, однако не трогает. Бегала, бегала — все успокоиться не может. Весь навоз взрыла — ну все-таки в конце концов сфыркнула опять на него — простила его, значит. И стал он опять по-старому.

324. КАЗАК И ЧЕРЕПАХА

По Божескому ли устройству, или от чего другого — [...] есть-когда человек больно прибьет черепаху, а до смерти не убьет, то ись не раздробит ей череп в мелкие кусочки и не разбрыляет их по земле, то черепаха выйдет ночью из воды, отыщет того человека, где бы он ни спал, вскочит на него, потопчет и... и как это удастся ей, бестии, сделать — так и шабаш: человек больше уже не встанет, тут же умрет! [...]

В одно время стояли казаки на пикете за Яиком, кажется, на Вязовом Мару. Раз один из пикетных казаков ходил к озеру посмотреть морду — не попала ли рыба, — но нашел в морде черепаху. Казак вытряхнул черепаху из морды на берег и давай валять ее палкой; убить не убил, а порядком, должно быть, отхлестал; та насилиу в озеро уплелась. Ладно. Казак опять поставил морду, вернулся на пикет и сказал товарищам, что замест рыбы попалась черепаха.

- Что ж ты с нею сделал? — спросил кто-то казака.
- Отдубасил палкой! — говорит казак.
- До смерти, что ли, убил? — спрашивают казака.
- Нет! — говорит казак.
- Где ж она? — спрашивают.
- В воду уползла, — говорит казак.
- Плохо же ты сделал! — говорят казаку.

— А что? — спрашивает тот.

Человек он, выходит, был неопытный, несведущий, заметил рассказчик.

— А вот что, — говорят казаку — нынче же ночью смотри, она пожалует к тебе: берегись!

Казак струсил, когда растолковали ему, какие пакости водятся за черепахой. Однако делать нечего. Потолковали меж себя казаки и присоветовали тому казаку, что бил черепаху, залезть на вышку и просидеть там всю ночь. Иные из казаков шутники, рады были этакому случаю, что проявился меж ними такой виновник, один-де за всех просидит на вышке. Ладно.

День прошел по обыкновению; настал вечер. Казаки поужинали и легли кто где, а виновник забрался на вышку. Казаки еще не уснули, как смотрят, ползет от озера черепаха и прямо к казачьему стану; вот тебе и на! Казаки молчат, ни гугу; ждут, что будет от черепахи. Вползла та в казачий стан и пошла по казакам: подползет то к тому казаку, то к другому, — обнюхает то того, то другого, и прочь, и прочь! Значит, не тот! Напоследок подползла к вышке, таращила-таращила голову на вышку и давай карабкаться по лестнице, но не может влезть, — нельзя. Наши лестницы известно какие: две гладкие жерди, да поперек реденько колышки, — человеку-то трудно взлезть, а где уж черепахе. Долго она около лестницы маялась, не одолела, остановилась и давай пускать, давай... но эта штука не удалась: вышка высока.

Казаки смотрят на проделки черепахи и посмеиваются, а тот, что на вышке, сидит ни жив ни мертв, кричит товарищам, чтоб те убили черепаху, а товарищи ни с места, только посмеиваются, говорят виновнику, чтобы слез с вышки и сам убил, а тот и ноги боится спустить.

Всю ночь черепаха просидела под вышкой у лестницы, караулила, значит, казака — не слезет ли; напоследок перед светом уползла к озеру. Кто-то из казаков встал и хотел пришить ее, но другие остановили. «Погоди, — говорят, — завтра она опять приползет. Посмотрим, что-то от нее еще будет. Успеем, — говорят, — и тогда убить». Ладно. Так и положили на том, чтобы завтра покончить. В самом деле, заметил рассказчик, и казакам всем была в диковину этакая оказия. Правда, слышать слышали,

что за черепахой водятся такие художества, но воочию видели все-таки в первый раз.

На другой день казаки уговорились сделать иначе: на вышку посадить кого-нибудь другого, а виновника оставить на стану меж себя и закатать в несколько кошом (войлоки), чтобы черепаха не добралась до него. Сначала виновник не соглашался на эту штуку, однако товарищи уговорили: «Шута ли она тебе делает,— говорили казаки виновнику.— Завернем, закутаем тебя в пять-шесть кошом. Пушкой тогда не проймешь тебя, а где уж черепахе добраться». Тот сдуру-то и согласился. Ладно. Нарочно с вечера стали поглядывать к озеру. Черепаха показалась. Казаки тоё ж минуту положили виновника на кошму и закатали его в нее, с головой и с ногами,— а там в другую, в третью; кажись, кошом в шесть завертели и оставили на земле, а сами разлеглись около него. Ладно.

Черепаха сначала подползла к вышке, потаращила-потаращила голову вверх и отворотила; поползла на стан. Казаки опять ни гугу. Оползла черепаха вокруг всех казаков, никого не трогает; напоследок подползла к виновнику, а тот, скутанный в кошмы, лежит пласт пластом, бревно бревном, не ворошится. Подползла черепаха к виновнику и вкарабкалась на него, потоптала-потоптала его... и драло назад к озеру, да так потуманила, откуда прыть взялась. Тут уже казаки вскочили, схватили, кто что, и давай тузить черепаху,— знамо, раздробили ее в мелкие кусочки и разбрыляли по земле.

После того подошли казаки к виновнику, вывернули его из кошом, а он, бедняжка, мертвый!..

325. ВОЛК

Дело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогой, идут широкой; попадается навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Поди,— сказал ему Христос,— съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу; увидел ее, подходит и говорит: «Кобыла! Господь велел тебя съесть». Она отвечает: «Ну нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид, только

далеко забыть». — «Ну покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран! Я тебя съем, Господь приказал». — «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горой да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбежусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!» Волк стал под горой и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног, да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана.

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи, и баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» — «Пооди, — сказал Христос, — съешь портного». Побежал волк; попадается ему навстречу портной. «Портной! Я тебя съем, Господь приказал». — «Погоди, дай хоть с родными проститься». — «Нет, и с родными не дам проститься». — «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку и давай серого утюжить. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай Бог ноги. Бежит что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! — говорят. — Что ты, серой, без хвоста?» — «Портной оторвал». — «Где портной?» — «Вон идет по дороге». — «Давай нагонять его», — и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит. Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузой, ложись под исподь, а мы на тебя да друг на дружку уставимся, авось достанем!» Кургузой лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уж последний взлезает. Видит портной беду неминуемую: вот-вот достанут! И закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому!» Кургузой как выскокит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь, да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошел домой.

О РЕКАХ, ГОРАХ И ОЗЕРАХ

326. ВОЛГА И КАМА

Кама с Волгой спорила: не хотела в нее течь. Сначала хотела ее воду отбить; до половины реки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорилась она с коршуном: «Ты, коршун, крикни, когда я на той стороне буду, чтобы я слышала; а я под Волгу подроюсь и выйду в другом месте». — «Ладно». Вот Кама и начала рыться под Волгу. Рылась, рылась, а тем временем коршуна беркут заприметил и погнался за ним. Тот испугался и закричал, как раз над серединой Волги. Кама думала, что уж она на том берегу, выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала.

327. ВАЗУЗА И ВОЛГА

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

328. О ДОНЕ ИВАНОВИЧЕ И ШАТЕ ИВАНОВИЧЕ

Были два сына у озера Ивана: старшего звали Доном, а младшего Шатом. Подросли сынки у батюшки, и просятя они странствовать по белу свету, посмотреть матушку Русь православную, поучиться уму-разуму. Дон Иванович был храбер и разумен, и пустился он на гору, да на полдень. А Шат-то Иванович был батюшкин сынок, нежёнка; не захотел он с братцем своим итить в дальний путь, а пошел он по гладкой лоштинке,— по зеленой муравке. Вот Дон Иванович катился, катился да и подошел к синему морю, и задумал он, молодец, обойти весь белый свет. Вот стал он кликать к себе черного ворона, чтоб вел он его через синее море. Сам пошел подо дно моря, да и приказал он ворону: «Лишь перелетишь широкое море, каркни мне изо всей мочушки». Летит ворон и только взлетел посеред моря,— злой коршун напал на него и принялся его бить и щипать. Что делать? Поневоле каркнул черный ворон. Вынырнул Дон Иванович и думает: «Знать, пришло чистое поле»,— ан глядь: он

посеред моря; поздно было уж ворочаться, и принялся Дон Иванович рвать на себе волосы, и теперь все рвется и плачет посеред моря и не дает прохода басурманским кораблям.

329. ПРЯНИЧНАЯ ГОРА

За Волгой, недалеко от границы Симбирской и Самарской губернии, возле слободы Часовни тянутся небольшие горы и в одном месте перерываются овражком. В старые годы, сказывают, на этом месте Пряничная гора была. Шел один великан и захотел ее скусить; взял в рот (а у него зуб-то со щербинкой был), откусил, а щербинкой-то борозду и провел; так она и по сие время осталась.

330. О РЕКЕ УЖИЦЕ

[...] Село, находившееся около этой речки, окружала огромная змея Вужица, которая каждый день съедала по одному человеку из этого села, и никто не мог освободить его от этого чудовища. Наконец приехал сюда донской казак, по имени Гришка, и отрубил ему голову. Вдруг голова эта погналась за ним. Он вскочил на лошадь и начал убегать от нее, но она его преследовала до самой Двины. Гришка бросился в Двину, надеясь переплыть ее, и здесь же утонул, а с ним вместе и голова чудовища. А то место, где стояло село, тотчас же провалилось. [...] В день Ивана Купалы, если приложиться к земле, то слышен под землею звон колоколов и пение в церкви.

331. НАСЫПИ ШВЕДОВ

На юго-восточной стороне города Волковыска находятся батарейные насыпи, имеющие вид больших гор. [...] Эти насыпи сделаны шведами во время войны с русскими. Нужную для этого землю шведы носили собственными шапками, причем сделали такой зарок, что эти горы можно будет разрушить только тогда, когда снесут землю солдатскими шапками в прежние места.

332. ДЕВА – ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЧУДИ

На городище Дивьей горы жила дева, управлявшая чудским народом и отличавшаяся умом и миролюбием. В хорошие дни она выходила на вершину горы и сучила шелк. Когда же веретено опрастывалось, то она бросала его на Бобыльский камень, лежащий на противоположном берегу Колвы, прямо против Дивьей горы.

333. О ДИВЬИХ ЛЮДЯХ

Дивьи люди живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры. В заводе Каслях, по Луньевской железнодорожной ветке, они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. Дивьи люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослудском, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью. Такие люди слышат звон и идут на площадь к церкви. Приходит старик из дивьих людей и рассказывает о событиях и

предсказывает, что будет. Если приходит на площадь недостойный человек, он ничего не видит и не слышит. Мужики в тех местах знают все, что скрывается большевиками.

334. ОБ ОЗЕРЕ ПЬЯВИЧ

Там, где в настоящее время озеро, когда-то находилась деревня. В эту деревню однажды пришли два нищих, народ полагает: сам Иисус Христос с одним апостолом. Зашли они в одну избу, где баба пекла блины. Нищие попросили блинов. Баба им не дала и выгнала их из дому. Нищие пошли в другую избу, где жила очень бедная женщина с грудным ребенком, и попросили ту женщину покормить их. У женщины ничего не оказалось; но желая чем-нибудь накормить нищих, она влила в чашку холодной воды, насыпала несколько муки и, всколтив и посолив, предложила нищим есть, хотя было не сварено, говоря, что такой похлебкой она сама питается. Нищие отказались есть, но, видя радушие хозяйки, предложили ей немедленно уйти из деревни, потому что с деревней сейчас произойдет несчастье. Но, уходя, женщина обязана была не оглядываться. Взяв ребенка на руки, она ушла из деревни. Вдруг услышала за собою какие-то крики — и оглянулась. [...] Вся деревня провалилась в землю, и на месте ее образовалось озеро, женщина же обратилась в камень, который стоит на берегу озера и по настоящее время. [...] Камень имел раньше фигуру женщины с ребенком на руках и у женщины были заметны на шее бусы.

335. ОЛЬХОВСКОЕ ОЗЕРО

В пяти верстах от деревни Пацевичи находится Ольховское озеро. Очень давно на этом месте была деревня. Однажды, в виде нищего, пришел в деревню сам Бог и стал просить ноч-

лега. Но никто из незаконных жителей не жалился над нищим и не пустил его в свой дом. Выйдя за деревню, нищий проклял всех ее жителей, за исключением одного спавшего старика. Как только этот последний проснулся и вышел за околицу, земля с домами стала оседать; в то же время от сильного дождя осевшее место начало наполняться водой. Когда праведный старик оглянулся на деревню, то увидел озеро, на середине которого, как раз в том месте, где приходился его дом, плавал стол с раскрытой на нем книгой, которую читал он перед сном и закрыть не успел. Спустя сто лет затопленная деревня опять увидела свет Божий, и вот каким образом: пастух увидел крест на берегу озера и хотел поднять его, но крест оказался на цепи. Пастух потянул цепь — и на поверхность озера всплыла деревня, радостные жители которой подняли веселый крик. Пастух так испугался, что выпустил цепь из рук, и на его глазах деревня снова ушла в воду еще на сто лет.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НА СЕЛЕННЫХ МЕСТ

336. О ДОБРЫНИНОМ ОСТРОВЕ

В четырех верстах от села Рубецкого, к юго-западу от него, находится остров под названием Добрыня. А между деревней Сидоровой и селом Токаревым находится местность, так называемая Володина гора. Здесь жили чудо-богатыри и разбойники Добрыня и Володя, которые на досуге перебрасывались между собой топорами, несмотря на то что их разделяло пятнадцать верст расстояния. У Добрыни была шайка разбойников, которая грабила купеческие суда, идущие вниз по Оке. Поэтому купцы, благополучно миновавшие Добрыню, приставали у села Молеево и служили там благодарственные молебны. Отчего оно и получило свое название Молебново, а теперь называется Молеево.

337. ЖИТЕЛИ СЕЛА КОЙДОКУРЬЯ

Село Койдокурья Архангельского уезда [...] получило свое название от первого поселившегося в тамошней местности чудица по прозванию Койда, или Койка [...] Поколение Койды было мужественно, великоросло и чрезвычайно сильно. Члены его поколения могли разговаривать между собою на шестиверстном расстоянии или иметь переключку.

Один из тех чудицов был столь силен, что однажды, когда он вышел поутру из ворот и затем чихнул, то своим чохом до того испугал барана, что тот бросился в огород и убился до смерти.

По истечении некоторого времени местность Койдокурская сделалась известна другим, и сюда с разных сторон стали стекаться чуждцы, новгородцы и поморяне и начали расселяться деревнями, и затем каждая деревня получила свое название от первого поселившегося жителя или по другим причинам.

338. ПОЧЕМУ НАШИ СЕЛА ТАК НАЗЫВАЮТСЯ

Есть Цыганская гора между Гавриловским селом Федотьевским. Здесь-то когда-то давным-давно жил один богатый крестьянин. Было у него четверо сыновей: Гаврила, Михаил, Федот, Петр. А уж сыновья-то были у него настоящие богатыри: силушки хоть отбавляй, и на лицо удались — румянец на щеках, улыбка на устах так и играла завсегда.

Жили они дружно в отцовском доме, работали, а вечером все собирались за одним столом. Отец на них налюбоваться не мог. Мать померла давно. Подросли ребята. Пришло время, помер отец. Тесно стало им в отцовском доме, и решили они искать лучшей доли в родном краю. Стали думать, какой путь выбрать. Один из них и предложил бросать топор с Цыганской горы: куда упадет он, там и остановиться.

Первым бросил топор Гаврила. Пошел искать его, нашел и остановился на этом месте. Здесь он построил дом, основал село и назвал его Гавриловским. Настал черед бросить топор

Михаилу. Бросил он топор в другую сторону, пошел искать его и нашел, тоже начал строиться, и выросло здесь село. Стало оно называться Михайловским. Бросает топор Федот и ту землю называет Федотьево. Нашел себе место и Петр — село Петровичи. И стали они жить в своих селах. Каждое село друг от дружки в семи верстах находится.

Есть село Бабенки (раньше Бабенский погост). Лет восемьдесят-сто тому назад по реке Оке спускались барки с дорогими товарами. Течение Оки около Тонкачева очень быстрое, проезжающим грозила неминуемая гибель. Поэтому рабочие спускались в лодках и подъезжали к каменным глыбам — бабам, стоявшим около берега; прикрутя канаты к глыбам, они проводили лодки через это место и назвали его Бабенки. От Бабенок до Телебукина берега крутые, обрывистые, покрытые лесом и оврагами, которые являлись надежным убежищем для разбойников. Они нападали на купцов, грабили их и убивали. Много слез было пролито около этих мест, где теперь сельцо Селизово (раньше Слёзово). Продвигаясь дальше, несчастные снова подвергались нападению около того места, где река образует изгиб — Кривец (название села), это место было особенно страшным. Усталые, истомленные проезжающие добирались до того места, которое носит название Истомина, но отдыхать там не приходилось, так как около Телебукина дело доходило до топов-телебуков. Последняя засада была за Телебукиным, недалеко от Молеева, где много оврагов, покрытых лесами (место это носит название Мечники). Если кому удавалось выбраться за Мечники, это считалось чудом, которому молились, служили молебны за свое избавление. Это место, село, получило название Молебного (теперь Молеева). Таково местное преданье.

Близ села Ермолово расположены села Дмитриево, Побединка, село Городецкое. Раньше на месте этих сел были непроходимые болота и леса. Здесь-то и поселился со своей семьей казак Городец. Жили они на пригорке: сзади был густой лес, а впереди расстилалось широкое озеро. На Рязанские земли напали татары, надо было бежать казаку, не хотел он оставаться у татар. Тогда Городец переплыл озеро и на том берегу остановился. Старший его сын занялся строительством. На этом месте выросло большое село, которое потом и назвали Городецким.

Два меньших сына его ушли еще дальше, на север, и там расселись на большом расстоянии друг от друга.

Названия сёл Побединка и Дмитриево связаны с именем Дмитрия Донского. Там, где сейчас Побединка расположена, будто бы Дмитрий Донской одержал победу в битве с татарами. С этого места он двинулся дальше на юг. В одном месте у него произошла сеча с татарами. Много их пересекли, потом на этом месте стали селиться люди, образовалось село, которое и называли Секирино. По дороге Дмитрий Донской потерял чулок, его долго искали и нашли, а место это в честь найденного чулка назвали Чулково. В битве Дмитрий Донской был ранен и пролежал шесть дней в монастыре, который был построен на горе. Затем там начали селиться. Эта деревня стала называться Дмитриево. Таково преданье.

339. О ПРОНСКЕ

[...] Основателем Пронского удельного княжества был боярин Проня. Кто он и откуда прибыл — история неизвестна. Предание говорит, что он был рыбаком и приезжал на речку Проню с товарищами ловить рыбу, нашел, что здесь всего много, но что многое нужно обработать. А для этого он решил здесь остаться навсегда и завести оседлую жизнь. С этой целью он стал приглашать к себе людей с разных сторон, желающих трудиться и от своего труда пользоваться богатством природы. По русской поговорке «Человек ищет, где лучше, а рыба, где глубже». Нашлись такие люди, которые примкнули к Проне и завели здесь оседлую жизнь и сильную колонию, и из пустыни образовался оседлый поселок с его колонистами.

340. ОСНОВАНИЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Шли Зосима и Савватий на Белое море. Шли с Толвуи на Загубье, далее — к Шитикам. Их мужик перевозил к Повенцу — Благочинный фамилия ему.

Поморы других старцев выгоняли, а толвуйский Зосима Савватия подговорил — да они и сходили в Новгород. Дали им войско и охрану, они и поселились. Потом каменный монастырь выстроили.

[...] Там, где рыбопункт, стояла раньше часовня Зосимы и Савватия на мыску [...]. С этого мыска лодка их отчалила к Повенцу.

341. ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ КОНДА

Деревня Конда стоит на Конном наволоке, в лесу, вдали от всех деревень.

[...] В давние времена этой деревни не было, а была деревня Някино, которая стояла на песчаном берегу в пяти верстах от Клименицкого монастыря. Някинцы были язычники и никак не хотели принимать православную веру. Настоятелю монастыря не нравилось такое близкое соседство с язычниками и хотелось прихватить к монастырю земли някинцев. Чтоб найти причину выселить някинцев с родных земель, он поставил в вину някинским бабам то, что они якобы смущают и соблазняют монахов своими песнями, плясками и шутками и насмеваются над православной верой. Он написал царю Борису Годунову жалобы такого содержания: «...на землях, близлежащих к обители, живут некие някинцы, инаковерующие. Някинские бабы зело красивые и вводят святую братию во искушение. А посему прошу выселить някинцев на Конный наволок, а их земли отдать обители...»

Жалоба была удовлетворена — и някинцев выселили на Конный наволок. Деревня стала называться Кондой. Их насильно окрестили в православную веру.

Но за конденами сохранилась на века дурная слава о их непутевых бабах, прогулявших Някино. И так и звали их большепотыми: бабы, мол, горло драли, соблазняя святых песнями...

342. КАК ПИСЕЦ ПАНИН ДАВАЛ ИМЕНА
ЗАОНЕЖСКИМ ДЕРЕВНЯМ

Против Казыревского селения есть остров, длиною в две версты и шириною в сто пятьдесят сажен, коим издавна владели крестьяне Мальковы. В старину, говорят, много было здесь гадов всякого рода. Но вот появился писец Панин на этом острове; увидав из лодки землянику, он вышел на берег и стал было брать ее, но тотчас же был змей против его руки.

— Вон, проклятый, с сего острова,— закричал Панин, и с тех пор будто бы не стало здесь ни одного гада. [...]

По слову мирскому избран был писец Панин налагать имена и прозвища на эти села в Заонежье. На Кижском подголовке был он во время лета.

Приехал в Сенную Губу; увидел человека, мужчину, с женою — сено кучат: «Быть этой волости,— сказал он,— Сенная Губа».

Поехал он к Спасу Белому; подъезжает к деревушке, хотя собрать народ в суём (в сход), вдруг видит — человек в кузнице куёт косы: «А не надо, ребята,— говорит он,— беспокоить народу, собирать в один дом, пушай названье деревне — Кузнецы».

Переехал дале, полверсты места — другая деревушка, дворов семь. Как назвать? Вышел на берег писец Панин; видит — ребята балуют, берестяна коробка на воду пихнута: «Пусть же,— сказал он,— эта деревушка по названью — Корба».

Отъехал полверсты вперед, увидел — куёк (гагара) в губы: «Пушай же эти дома называются — Куй-Губа (Гагарья Губа)».

Вперед деревня; идет человек берегом: «Середкою-путем идет человек,— заметил Панин,— пушай же эта деревня — Середка».

Вперед он тронулся; смотрит, идет женщина близ берега: «Как тебя зовут, голубушка?» — спросил Панин. «Таней». — «Пушай же эта деревня,— сказал он,— Потановщина».

Пихнулся дале, полверсты места, до Святого наволока; остановился тут писец Панин: «Что же называют Святым этот наволок, ребята?» — спросил он. «Во времена древности шел святой в этот наволок,— отвечают ему эти люди,— а на другой стороне, за сто сажен от Спасителя, жил человек темный; вдруг святой приходит на берег, и этот темный человек явился на другом берегу.

«Смоль,— речет ему святой,— перевези меня».— «Ну, святой, я тебя перевезу: твой сан выше меня»,— ответил этот темный человек... И с тех пор один наволоок — Свят-наволоок, а другой — Смоллов-наволоок».

Вперед пихнулись оны три-четыре версты от Свят-наволока, вдруг на ельях сидят воробьи: «А что, ребята,— сказал Панин,— в эту деревню нам идти нечего; пущай этой деревне названье — Воробьи».

Вперед сто сажен от Воробьев, три двора деревушка: смотрит Панин, идет человек полем, и глаза смутивши в нем; призывает он его поблизости к лодке: «Двинься сюда, сей человек,— сказал он,— пущай ваша деревня будет Магары».

Вперед тронулись от этих Магаров в наволоки; вышел на берег, видит, под ногою у него заглебала земля: «Пущай же эти два дома — Глебовы».

Дале тронулся пятьдесят сажен; один дом стоит: «Как его назвать, ребята?» — спросил он. Вдруг видит, ошевени стоят у ворот: «А пущай,— сказал он,— этот дом — Ошевень».

Вперед двинулся с версту; деревня семь дворов; смотрит Панин, идет человек, заскавши волосы: «А нечего этта на берег выходить; пусть будет,— говорит,— Гивес-наволоок».

Вперед пихнувши полторы версты около наволока, приехал под деревню, три двора: «Ну что, ребята, как назвать?» Дектябрь клюет дрова под окном: «Пущай же это — Дектярево».

Вперед пятьдесят сажен до деревни; видит Панин, человек гонит лошадь с воли, ажно курево идет: «Пущай же,— говорит,— это Курилово».

Оборотя назад, отправились оны в путь; стоит деревня на хорошем месте, на мягкой сельге: «А пущай она — Восельга»,— сказал Панин.

Вперед до деревни верста; сходили туды: «Пущай эта деревня — Войнаволоок»; стоит она об Онего, и губа протянувши от запада в Онего — воеет тут от Онега.

Оборотя назад от Войнаволока, пихнулись к Спасителю, вперед от Спасителя деревня пять дворов; приезжают против этой деревни; видит Панин, что выросли дудки на берегу: «А что, ребята,— говорит,— пусть это — Дудкин-наволоок».

Вперед тронулись две версты до деревни, а деревня та была

большая, когда литва была; выходит Панин на берег, увидел у крестьянина ольху, лежащую под окошком: «Пущай же,— говорит,— этой деревне название — Ольхино».

Вперед тронулись полторы версты; кряж такой огромный и три жителя на кряжу: «Как, ребята, назвать эту деревню?» — спросил Панин. Вдруг смотрит, выходит из ней человек в одеянии солдатском. «Пущай же,— сказал он,— это Солдатово».

Дале чрез губу ворота, стоит деревушка пять домов; увидел Панин на берегу лежащую шляпу: «Пущай же,— сказал он,— эта деревня — Шляпино».

Вперед от этой деревушки две версты, стоит деревня три двора; видит Панин, человек выходит на улицу, весь белый, сединой изукрашен: «Не нужно,— сказал,— собираться нам вместе; пущай это селение — Морозово».

Двинулись еще сто сажен; идет человек по деревне: «Как тебя зовут?» — спросил Панин. «Софрон», — отвечал этот. «Пущай же эта деревня — Насоновщина», — сказал Панин.

Вперед сто сажен до Петра и Павла, до часовни; улица гладкая: «А назвать ю Посад».

Оборотя к востоку полтора сажен, не доходя до деревни, попадает кость; взял Панин в руки эту кость: «Ребята,— сказал он,— ведь это китовы уста; пущай же эта деревня — Китово».

Оборотя назад версты полторы, вдруг мужик переяривает на лошадке землю: «Пущай же,— говорит Панин,— это селение — Рогово».

Вперед деревня, за версту места; видит Панин, идет мужчина и вслед за ним женщина: «Пущай же,— сказал он,— это — Еглово».

Потом назад, до деревни, версты полторы; наискось губы ельник огромный стоит: «А пущай эта деревня — Подъельник», — сказал Панин.

Вперед за версту места, деревня четыре дома: «А не надо,— говорит Панин,— выбираться нам, ребята, на берег; вот на берегу лежит зуб; пущай же она — Зубово».

Вперед три четверти версты деревня; идет человек берегом этой деревней: «Остановись, человек!» — крикнул писец Панин, но тот не слышит и вперед идет: «Когда так,— сказал Панин,— пущай же это — Пустой Берег».

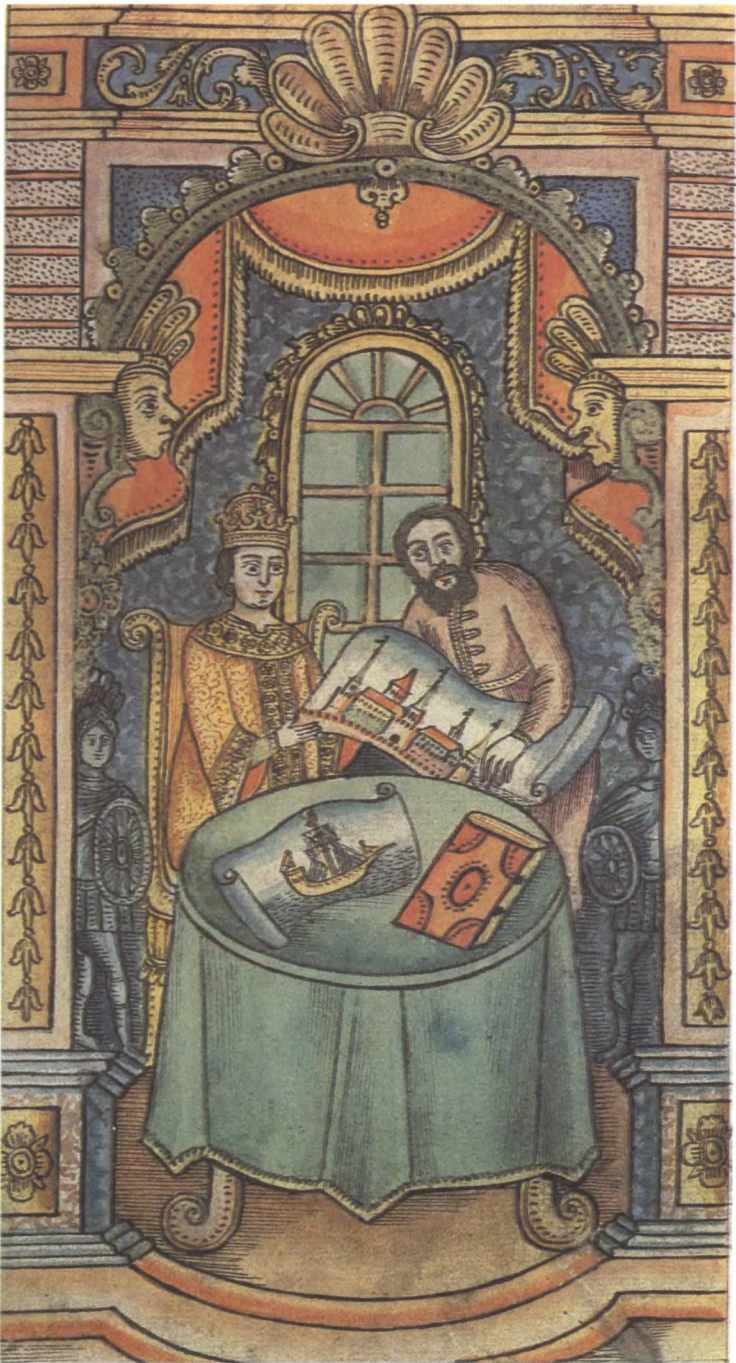

43. Святой Евстафий.
Гравюра пунктиром.
Первая половина XIX в.

44. Ермак Тимофеевич,
покоритель Сибири.
Раскрашенная литография. 1883 г.

45. Никита Зотов обучает Петра I
разным наукам.
Миниатюра первой половины XVIII в

46. Бой на Чертовом мосту 14 сентября 1799 г.
Гравюра по оригиналу А. Коцебу. Ксилография

47. Суворов отдыхает на солоне. Гравюра Буддеуса. 1800 г.

ГРАФЪ
МАТВѢИ ИВАНОВИЧЪ ПЛАТОВЪ

48. Граф М. И. Платов.
Раскрашенная гравюра. Начало XIX в.

49. М. И. Кутузов перед портретом А. В. Суворова.
Ксилография Л. Серякова. 1877 г.

Песня солдатская про ОЧАКОВЪ
 наваломъ небухните ветри булыга
 Неспешн ты зима спорозая
 небурайте агарн вы холодные
 не зацните вы очановъ
 неспасите вы враговъ нашихъ
 сыны храбрые рогатисине
 призрають все ваши люботети

внухъ сердца горать любовию
 ипретухрещени сооци латиря
 утихъ тудъ тититъ усгидисъ
 попрехрабраву иачалнику
 назареть было вутурити навошеде былъ
 праснона солнышка
 гудъ воззвиритъ мене... тшазъ
 онъ вы гои си - салхануши
 наль пришла цора очановъ велье

насъ пришила
 со Очаковъ
 разлетамъ башн
 цогарнатаргоде
 спителити гудъ
 онъ шбъ го си в
 онъ прекрарон пр
 зини втне жакн
 слово вилотан
 ты похилъ чео ст

проидеиъ протопити подыиъ
 лшдъ успели таиъ храбрые воини
 речъ отпачити героическую
 застергали таиъ штыни, русице
 застрелеа и дрзубъ артилерий, поилась въ
 ионъ проуъ истреишиа, повалыиъ поишъ
 ешииъ городоваиъ, гдѣ рениъ была таиъ
 ореиъ павалииъ. Тѣхъ кучицъ стокъ таиъ шдъ
 идартъ следитиъ. Сражириъ уиалъ передидиъ
 липныиъ приключити сеюиъ голоуеъ.

поцарицѣ съясилъ городомъ, уиоляа мичиъ
 варамъ. Тѣиъ въсприиули побѣдителн
 онъ ииъ голъ есиъ невсрнниъ царъ
 поспотрииъ таиъ здѣсь напашей сиоуиъ
 шдъ азгалииъ наироеъ истреишиа
 поворисъ нашииъ монархини
 ииъиъ царъ додасиъ енаиъ
 уиъ лжиъ таиъ затли ласъ
 ириуиъ разиъ есиъ приирииули
 истреишиа тѣиъ погнвелью.

50. Взятие Очакова.
 Раскрашенная гравюра. Начало XIX в.

51. Глумники на пиру.
Миниатюра XVIII в.

52. Наказание грешников.
Миниатюра XVIII в.

53. А. Н. Бенуа.
Эскиз занавеса
к опере И. Ф. Стравин-
ского
«Петрушка».
1911 г.

54. Черт,
державший душу человека.
Рисунок на последних лис-
тах рукописи XVI в.

55. Изображение русалок
на книжной миниатюре
XVIII в.

РАЗГВОРЪ ПЗЮ

Непьющий говоритъ братецъ мой желаю тебе много летъ прошу напросъ предложение дасть мне ошведъ для чего ты такъ было лишь возлюбилъ съ игоиного азъ пиваете себа озраещешъ съжи какъа вьнхъ съма что она такъ едетса тебе лига аьнхъ нѣ нашелъ никакой състи кромѣ того что шного достать напиши шного бьанга иенна ичести личиоты пьющей говоритъ напрасно ты иена ехъ помъсбъдешъ ты шъ вьны причини истраешъ бѣ но бьанги съма иместе ежамъ кто оманъ разлосъ шного человека иместе бьелостъ предастъ бьере чия ибьелостъ солногини прилеламъ и совоьпла стъ инемало дбжестко достовелашъ непьющяи говоритъ а дьмаю напридеръ исеини иместе ть кожкѣ манеръ коды ителса поднеса рышо ибо еи стѣ ло ина а признасъ что нетъ пиващия жуки еродитъ тьсо нарбе Пию бою. хдое шкое мое дьчше рьсудение пиващяи человекъ умнои съмьете не дьрозъ хмаъ въконпании принимете ты непьющяи кто теба рьшете нато поиньете то иговоратъ ю ты събьата аьпанида всьгда шьата толковы денги :

ЩАГШ СНЕПЬЮЩИМЪ

Былъ екарлани априатию дакио есоераны около ма икна ходата ипорьдкелаютъ ани поднесъ те ма ло острабланоъ то иговоратъ то человекъ ошведъ нон прамон нашъ братъ кьржкои добро братъ даи инаъ ражкища едѣмъ оше бьсанщя те перъ лжно иноприсестъ покда утсеа киво есть непьющяи говоритъ хороша пьаница чьстъ бьмьст ть инои тькои чьсти икьмете упьаница гьлзе : бьмьютъ подеть аюкомы разьнты едѣждъ носѣхъ гоьма бога асаъ маъ выходитъ искошка нонъ дотехъ поръ бьсанщя что уже ичемеъ тоумъ : лища начнетъ дрозашъ игорко тьжить что бы съсеба рьложитъ скинбеша спьчь кохта : нѣ продастъ ихамалаю ценъ шдаетъ пноущяи : говоритъ ктш бина неиспичаетъмотъ есгда пьаница оьждаетъ штбеданиа самъ ево отъ кьшнть амена послъшнть когда ты пьешъ : то надьрно закьшнть аты неподумьшъ инопроситъ а ислиъ предьседомъ хорошо рьжкѣ хватмакъ еьлаъ прьсновъ икры закьснахъ выпьюсъ даи : нашштелю отъ дохнть шьелюсъ 1-1-1-1-

57. Разговор пьющего с непьющим.
Раскрашенная гравюра. Середина XIX в.

58—61. С. Т. Коненков.
«Алексей Макарович» (домовой).
Козел (водяной).
Лесовик (леший)
Лесная кикимора.

Вперед деревня семь дворов; стоит человек на берегу: «Откуда ты, братец?» — спросил Панин. «Из Ояти», — отвечал тот. «Пуцдай же, — продолжает Панин, — эта деревня — Оятовщина».

Вперед через версту деревушка; видит Панин, у крестьянина рыба на стены сохнет, язи: «Пуцдай же, — говорит, — деревушка эта — Язнево».

Вперед верста, стоит деревня семнадцать дворов. Приказал Панин собрать суём. Собрались крестьяне, смотрит Панин на сход крестьянской, и вот идет один молодец, убравши хорошо, в шапке с козырем: «Пуцдай эта деревня, — сказал Панин, — Козыревцы».

Вперед три четверти версты; смотрят, идет человек необыкновенный, плечами широк, а задом узок: «Пуцдай, — говорит Панин, — название этой деревне — Клиновы».

Вперед тронувши немножко, попадает на берегу колодка: «Пуцдай же, — говорит Панин, — это — Мальково».

Дале двинулись сто сажен; деревня десять дворов, новораселенная; в это время сгрубела погода, и думал Панин, как назвать эту деревню; вдруг раскинуло на небе, солнышком накрыло, и Панин сказал: «Пуцдай же это — Жаренково».

Вперед пихнулись четверть версты около наволоков, приезжают к берегу и видят, ходят малые телята в стороне: «Пуцдай же, — говорит Панин, — это — Телятинково».

Вперед тронулись полторы версты, встречают двух человек, оба тонки, убравши хорошо, головы кверху: «Пуцдай же, — продолжает он, — эта деревня — Сычи».

Дале Панин поехал до Толви. В поезде будучи путем-дорогою, он назвал первую деревню от Сычев — Сиговым затем, что тут сиги ловили.

Вперед три версты, до Здвижения часовни. Панин назвал это селение Березки, потому Березки, что кругом берез стоит.

Вперед три версты, деревня поперек губы, двадцать дворов; вышел Панин на берег и встретил прохожего: «Как зовут тебя, почтенный?» — спросил Панин. «Ихтор», — отвечал тот. «Пуцдай же ваша деревня — Вигово», — рек Панин.

Вперед три версты к северу, ко храму ко Алексею, человеку Божью, деревня, которую Панин назвал Тарасы, потому что человека, вышедшего к нему навстречу, звали Тарасом.

Вперед ход еще до иной деревни; подъезжая, увидел Панин жеребца в поле: «Пушай же,— сказал,— эта деревня — Жеребцовская».

Далее десять верст к западу, к Николаю-угоднику,— волость, где живут ловцы; приходит Панин в эту деревню и видит: у одного крестьянина много рыбы нажарено: «Не для чего, ребята,— говорит он,— собирать и беспокоить народ, пушай же эта волость — Вегорукса (жареная рыба)».

Вперед три версты, деревушка семь дворов, долгая, сама узкая: «Пушай же это — Устрека».

Вперед три версты, грунт земли низкой, в середине деревни ламба, и потому Панин назвал эту деревню Ламбой.

Затем полторы версты пролив; идет человек из кожевни, как будто опухши: «Нечего, ребята, выходить на берег,— сказал Панин,— пушай это — Чечулино (сердитый, затем что опухшие сердиты)».

Вперед десять верст, видят, на поле козы: «А нечего эта людей собирать, ребята, видно, что где — Козмозеро».

Отсюда ездил Панин к Палеострову, к Варвары... В проезд он увидел на берегу кузов и самую деревню назвал — Кузарандой.

До Толвуи ехал берегом; подъезжая, видит, толкаются люди на улице: «Пушай же,— сказал он,— это будет Толвуя».

Затем он ночью прибыл в деревню за семи верст; слышит, в коноплянике кричит птичка-выткальница («выдь, спящий народ, из деревни»): «Пушай же,— сказал он,— это селение — Вырозеро (затем, что из него выдут вон)».

В Толвуе писец Панин пожил несколько времени и потом возвратился в Новгород.

343. ЦЕРКОВЬ НА ОСТРОВЕ

Ильинскую церковь хотели прежде построить на другом месте и привезли для этой цели лес на место, предназначенное для постройки церкви. Невидимая сила снесла его на остров. Лес снова привезли на место, предназначенное для постройки,

но невидимая сила вернула лес снова на тот остров, где он был найден после первого раза. И так несколько раз. После этого жители решили, что сам Бог назначает место, угодное для постройки храма. И церковь во имя святого Ильи была воздвигнута на том острове, где она стоит до сих пор.

344. ПОСТРОЕНИЕ ГОРНО-ШЕЛТОЗЕРСКОЙ ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ

[...] Сия церковь Ильинская деревянная устроена по желанию общества бывшего тогда Горней выставки Шелтозерско-Бережного погоста. Общество сие поощрено было крестьянином деревни Калинина Острова Саввою Калининым по случаю раздора его с попом Ожегою, прадедом бывшего священника, ныне расстриги Федора Андреева.

Поп Ожега в святую Пасху на литургии в ектениях произносил:

— Кроме Саввы Калинина, миром Господу помолимся.

Чрез то Калина выругал в церкви попа Ожегу и сказал:

— Более не будем у вас в церкви.

Потом, пришедши в дом, весною отправился для каменотесных работ на жернова в Новгород, где у архиерея выхлопотал на постройку церкви в Горней выставке грамоту, с коей и прибыл в дом, и, объяви об ей, начали обществом рубить и возить леса. Желание общее состояло устроить церковь на берегу озера Шелтозера, на горе, где зимняя дорога пролегает, а некоторые пожелали в том месте, где ныне существует. И при споре помолились Господу Богу и угоднику его святому пророку Илии и на жеребце из деревни Тихоништы Кургановых навалили первое дерево и с озера оно отпустили на произвол Божий: где остановится, тут и угодно будет святому пророку Ильи.

По сему жеребец, мимо прошед описанную гору, прошел в деревню Тихоништу, не доходя оной, в поле с дороги в сторону вышел, пришедши к той самой березе знаменитой, на коей была икона святого пророка Илии, тут остановился и заржал. Общество, помолившись Богу, на том самом месте заложило церковь оную.

Во время постройки шелтозерско-бережной поп Ожега узнал и, пришедши на место постройки со своим причтом, с кольями ринулся на строителей, которые, по поощрению Саввы Калинина, противились и прибили его так, что вынесли на рогожке по дороге к Бережному Шелтозеру и бросили за две версты, опустивши сельгу по крестовой Залесской к мельницам дороге, где и по сие время поставлен был крест; с этого места вынесли его домашние в свой дом, где выздоровел.

345. ИСТОРИЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ ДЕВЯТИНЫ

Видите, тут очень многие знают об этом деле: Собацьи Пролазы были. И вот, когда Мариинскую систему возводили здесь (здесь ведь работа — непосильный труд была), многие уходили. Ушел один, фамилия ему Дементий Лисицын, ушел со стройки за то, что подрядчик его набил по щекам. А кроме этого (набил), у него и дочку, просто, надо сказать, изнасиловал, испортил.

Он ушел. И к нему стали приходять люди. Землянки их, если вы хотите посмотреть, вот если бы Волго-Балт, новый канал, не прошел, можно было бы еще увидеть. У них был свой священник, своя свита. Землянки были в Собачьих Пролазах. Вот поэтому (так) названо: туда не пройти, очень трудно пройти. И они никогда простого мужика не грабили, они только купцов грабили...

[...] Ну и потом, в период Отечественной войны, их было человек около трехсот. Появилось во время Бородинского сражения, появилось на правой, как называли, плечи, что ли, во время сражения.

Кутузов спрашивает у Барклая-де-Толли:

— Кто это такие?

А мужики все на лыжах пришли туда, и оне одетые по своему.

Ну, и они дрались. Дрались... А потом после этого у Лисицына пожил Кутузов и спрашивает:

— Кто вы такие?

А Лисицын рассказал всю правду.

Тогда после этого случая был указ царя о том, что их именовать белыми солдатами и послать их сюда.

Вот поэтому здесь, начиная с Великой Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года, когда вернулись они, ни один ведь житель, крестьянин, не платил подати. Они построились здесь и стали сами по себе жить деревней уже.

Вот, например, такая есть деревня Девятины. Когда вернулись (их девять человек вернулось), оне построили себе дома. И вот от этих девяти человек и названа эта Девятина...

346. ВИДЕНИЕ

Задумали наши казаки перенести свой город с Кирсанова Яра к речке Чагану. [...] Место, вишь, на Кирсановом Яру было неудобно: зимой снегом заносило, а летом от песку житья не было. Задумали они это дело, снарядили небольшую партию посыльщиков, да и послали спросить совета у старейших, что жили на море, на Камынь-острове [...].

Наши праотцы, как орлы поднебесные, перепархивали с места на место, когда и куда хотели, и жили там, где лучше и вольготнее. Хоша непостоянно, временно, а надерживались-таки казаки около устьев Яика, по островам морским, да по буграм черневым. Так было, значит, и в ту пору, когда наши задумали переносить город. Вот к ним-то, к этим, значит, камынинским старикам-лыцарям, кирсановские казаки и поехали за советом. Тогда, сударь мой, не как нынче, тогда все делали собча, всем войском.

Побыли наши казаки сколько-то времени на Камынь-острове у старейших, усуетовались с ними насчет этого дела, то есть насчет переноса города, и поплыли назад к устьям Яика. Лишь только въехали они в Золотинский проран, навстречу им попался старец, плывет в маленькой лодочке один-одинехонек, гребет на одно весельце. Старец такой древний, важный, благолепный, в белом клобуке с крестом на лбу.

Съехались казаки и старец; поздоровались. Казаки говорят: «Отче святой! Задумали мы перенести город с места на другое.

Начинать ли нам это дело? Дай совет». Старец спросил их, куда они хотят перенести город. Казаки указали на Чаган-реку. Тогда старец говорит им: «Не был я на том месте, я знаю, что оно хорошо, к поселению удобно, лугами всякими, угожьями богато. Только ведайте, чада, на том месте городу вашему придется испытать разные коловратности: будут у вас там труси, мятежи, кровопролитные брани и всякие сумятицы и неурядицы. Станут вас там нудить насчет креста и бороды, станут заводить у вас солдатские очереди, богопротивные легионы и разные бесполезные для вас штаты, а в единое время появится между вами такой набеглый царь... Вот из-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако со временем все затихнет, и вы узрите покой...» Казаки говорят: «Ничего, святой отче, к трусям, мятежам и кровопролитным браням нам не привыкать-стать: на том и живем. Нам и прежде говаривали: «На крови-де Яик зачался, на крови-де и кончится». Да мы на это мало смотрим. А на очереди да на легионы и плевать-то не хотим: все перемелется, мука будет. Ты только благослови нас, отче!» — «Бог вас благословит!» — сказал старец, осенил казаков крестом, да и поплыл путем-дорогой.

И казаки поплыли своим путем-дорогой. Много ли, мало ли отплыли они от того места, где с старцем-то повстречались, остановились, да и говорят промеж себя: «Что же, братцы, мы не просили старца-то, кто он такой? Вернемтесь!» — Сказали это, да и вернулись назад. А старец плыл уже в море. Однако они скоро его догнали и спрашивают: «Прости нас, отче, давя мы не спросили тебя, кто ты такой? Поведай нам». — «Алексей-митрополит!» — говорит старец.

Лишь только он выговорил, как в то же секунду поднялось от воды густое облако и скрыло и лодку, и святителя. От таких слов казаки пришли в ужас неописанный. Не пришли они еще в себя от страха и ужаса, не отудобили, как облако проредело, рассеялось, и ни лодки, ни святителя не видеть стало, одно гладкое, как стекло, море. Значит, видение было.

Такое-то, сударь мой, чудо повстречалось с нашими казаками. Не откладывая дела вдаль, казаки в то же лето поднялись с Кирсанова Яра и перебрались к реке Чагану. Поделали плоты, посадили на них жен, детей, нагрузили имуществом и всяким

скарбом, что можно было взять, отслужили Господу Богу молебен, пропели канун Алексею-митрополиту и пустились вниз по Яику; а лошадей и всю животину погнали берегом. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановом Городище тьма-тьмущая углей; чай, и ты видел.

Из строения казаки взяли только одну церковь черного леса. Бережненко разобрали ее по бревешкам да по дощечкам и сплавили на плоту. Церковь была во имя Казанской Божией Матери. Поставивши на новом месте церковь, казаки по приговору всего общества и по благословию духовных чинов сделали в ней память чудного видения придел во имя святого Алексея-митрополита. Этот придел и поднесь существует. Церковь эта стояла на берегу Яика, что теперь Старица, между нынешним Архангельским собором и Петропавловскою церковью, и прозывалась Кирсановскою. В Шилихин пожар она сгорела. Казаки опять выстроили на том месте деревянную церковь и в отлику от других церквей все-таки называли ее Кирсановскою. В год Волконского и новая сгорела. Тогда уже выстроили каменную, на другом, на теперешнем месте. Но эта, каменная-то церковь, просто называется Казанскою, а память о Кирсановской в народе забылась.

347. ЦЕРКОВЬ ДЕРЕВНИ ГОРОДОК

(Самая деревня скрывается в небольшом лесу и стоит на значительном возвышении. [...] Упомянутая возвышенность имеет с трех сторон довольно крутой подъем, вершина же представляет ровную, правильную площадь.)

[...] В незапамятные времена на этой площади стояла церковь, которая за грехи ли молящихся или по другим предначертаниям Промысла ушла в землю со всеми молящимися, в то самое время, когда священник читал Евангелие. Было время, что церковь начала выступать из земли: на наружную сторону показался шпиг. Какой-то мальчик, пастушок, наступил на этот шпиг и уколел себе ногу, что и послужило поводом к открытию места исчезнувшей церкви, потому что современные тому про-

исшествию старожилы, за давностью чуда, не могли даже точно указывать это место. Набожное усердие подвинуло местных селян к раскопке горы и освобождению святого храма из подземного заключения; но лишь только откопали главу, церковь мгновенно вновь ушла еще глубже и унесла на своей главе усердных раскопщиков, и разрытая земля приняла прежний вид.

Ушедшая в землю церковь непременно должна [...] выйти со временем на поверхность и занять свое прежнее место, которое, ввиду этого обстоятельства, не зарастает густым и большим лесом, несмотря на то что кругом густые лиственные леса и кустарники дают этому месту свои семена, отовсюду переносимые то ветром, то птицами. Кусты орешника, кое-где растущего на месте ушедшей в землю церкви, выросли из тех орехов, которые находились в карманах некоторых молящихся. В свою очередь и одиноко стоящие здесь березы некогда были посажены в церковной ограде и с тех пор, как церковь ушла, они больше не растут. В иную пору в горе слышится колокольный звон, вопли молящихся, церковное пение и чтение, и многое другое, что обнаруживает постепенно ослабевающую, однако, жизнь ушедших в землю молельщиков. В былые времена все это слышалось чаще и явственнее, теперь же слабее и реже. Во всяком случае, подземное богослужение идет не одновременно с богослужением соседней и других церквей, а всегда то раньше, то позже, и только в светлую седмицу оно идет одновременно с наземными церковными службами.

348. КОЛОКОЛ ЦЕРКВИ ГОРОДЦА

Вместе с другим таким же колоколом он приплыл к берегу местной реки и зазвонил. Но так как священник и прихожане медлили крестным ходом, то оба колокола стали опускаться в воду, и когда прибыл крестный ход к берегу, один колокол скрылся в воде, а другой виден был лишь наполовину. Немедленно закинули сети и вытащили этот последний колокол, но при всех усилиях, не могли вытащить другого колокола, который, как нужно думать, скоро отплыл дальше.

**ХРИСТИАНСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ**

ПРАВЕДНИКИ И СВЯТЫЕ

349. ЦАРЕВИЧ ЕВСТАФИЙ

В некотором государстве жил-был царь. У него был молодой сын царевич Евстафий; не любил он ни пиров, ни плясок, ни гульбищ, а любил ходить по улицам да водиться с нищими, людьми простыми и убогими, и дарил их деньгами. Крепко рассердился на него царь, повелел вести к виселице и предать лютой смерти. Привели царевича и хотят уже вешать. Вот царевич пал перед отцом на колени и стал просить сроку хоть на три часа. Царевич Евстафий пошел тем временем к слесарям и заказал сделать вскорости три сундука: один золотой, другой серебряной, а третий — просто расколоть кряж надвое, выдолбить корытом и прицепить замок. Сделали слесаря три сундука и принесли к виселице. Царь с боярами смотрят, что такое будет; а царевич открыл сундуки и показывает: в золотом насыпано полно золота, в серебряном насыпано полно серебра, а в деревянном наложена всякая мерзость. Показал и опять затворил

сундуки, и запер их накрепко. Царь еще пуще разгневался и спрашивает у царевича Евстафия: «Что это за насмешку ты делаешь?» — «Государь-батюшка! — говорит царевич. — Ты здесь с боярами, вели оценить сундуки-то, чего они стоят?» Вот бояре серебряной сундук оценили дорого, золотой того дороже, а деревянной и смотреть не хотят. Евстафий-царевич говорит: «Отомкните-ка теперь сундуки и посмотрите, что в них!» Вот отомкнули золотой сундук, а там змеи, лягушки и всякая срамота; посмотрели серебряной — и здесь тоже; открыли деревянной, а в нем растут деревья с плодами и лиственным, испускают от себе духи сладкие, а посреди стоит церковь с оградой. Изумился царь и не велел казнить царевича Евстафия.

350. ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ

Жил на свете судья, судил всегда по правде и совести, взяток никогда не брал. Пришло время ему передать место другому судье. Стал он разбирать последнее дело, рассудил его по совести, дали ему за труд ничего; воротился он домой. Отец встречает его бранью: «На-ко сколько лет служил, а с чем домой идешь, другие сколько наживают с такого места, а у тебя и детей кормить нечем». И прогнал его из дому: «Коли ты не умел ничего нажать, так ступай куда знаешь». Вышел праведный судья, ничего ему не прекословил, только и попросил у него милостыни. Рассердился на него отец и бросил в него камнем. Поднял судья камень и перекрестил. И сделалась вдруг вместо камня просвирка.

Вот взял он просвирку, подумал было съесть, да нет, пойду, говорит, еще успею съесть. И встречается ему старенький старичок, а был то сам Господь. «Ну что, — говорит, — ты несешь?» — «Просвирку». — «Дай мне съесть твоей просвирки!» — «Нет, — говорит судья, — еще попойду, тогда и съем». Встретился с Николой, не съел: «Ты, — говорит, — взяточник, свечку тебе поставят, так и помогаешь». Со смертью встретился, съел: «Ты всем равна — и богатому и бедному».

Смерть ему и говорит: «Ступай, вот в таком-то месте есть бочонок золота, возьми его, строй себе дом: вверху в дому себе выстрой и укрась хорошенько комнату. Когда дом выстроишь, то на такое-то число созови себе родню и судей и сделай Микольщину, и я приду в тот день к тебе в гости».

Возвратился праведный судья к себе домой. Стал просить у отца земли — отец не дал — выпросил уж у соседей. Достал деньги из указанного места, стал строить дом. К назначенному дню выстроил его как следует, сделал себе вверху комнату. Созвал родню и соседей на Микольщину. Собрался уж весь народ, а он все пира не начинает: все поджидает смерти. Наконец пришла и смерть и говорит ему: «Пойди, покажи, как ты вверху устроил». Пошли, как взошли до половины лестницы, поднялся вдруг в доме плач и причитанья. «А что это у меня там в доме-то за плач? Не вернуться ли нам?» — «А это ты умер, — говорит ему смерть, — а вернуться уж тебе не следует. Пошел ты теперь уж в царство небесное». Бог-то за его правду дал ему незаметную без болезни смерть.

351. НИКОЛА-УГОДНИК И КУПЕЧЕСКОЙ СЫН

В некоем царстве жил-был богатой мужик; жадность и скупость совсем одолели его: если кому и давал он займы деньги, то всегда под заклад и за большие проценты. В том же царстве жил-был бедной мужичок; кроме жены да семерых детей ничего у него не было. Долго перебивался он кое-как и добывал себе и ребятишкам дневное пропитание, а там пришло такое время — хоть зубы на полку клади: три дня без еды сидел. Как быть? Чем семью прокормить? Думал он, думал и решился пойти к богатому мужику и попросить денег. «Ах ты, дурачина! — закричал на него богатой. — Ну, с какими глазами пришел ты занимать деньги? Ну, можно ль тебе поверить? Что с тебя после взять!..» — «Будь милостив, выручи из беды; не дай помереть голодной смертью, по век не забуду... Заработаю, с лихвою отдам». — «Отдам!.. знаю, как вы отдаете». — «Право слово, отдам; вот тебе

Никола порукою!» — отвечал бедной и показал на образ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчитал ему двадцать рублей: «Смотри же, — говорит, — непременно в срок заплати».

Бедняк взял деньги, пошел на базар, накупил хлеба и стал кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по-старому нет ни копейки. «Что делать? — думает он. — Пойду, попрошу отсрочки». Приходит к богатому и ну кланяться ему в землю: «Обожди, родимой, дай еще вздохнуть хоть малое время». — «Чего ждатель-то? Пришел срок, и подавай денежки; небось умел брать!» — «Рад бы, отец родной, хоть сейчас заплатить, да верь совести, нечем!» — «Видно, с тобой, мошенником, хорошо не сделаешься! — сказал богатой мужик, — а надо будет за поруку приниматься». Пришел домой, стал перед образом Николы-угодника и говорит: «Что ж ты не отдашь за бедного денег? Ведь ты за него поручился». Икона ничего не отвечает. «Что же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тех пор, пока не заплатишь все до единой копейки». Снял образ со стены, положил на повозку и выехал со двора; лошадь пустил вперед, а сам идет за повозкою сзади и все по образу кнутом стегает да приговаривает: «Отдай мои деньги! отдай мои деньги!» Только он едет мимо гостиного двора; увидел его купеческой сын и стал спрашивать: «Что ты, безбожный, делаешь?» — «А то, что давал я займы одному мужику двадцать рублей, и этот образ был по нем порукою; пришел срок отдавать деньги — у мужика нет ни полушки; вот и принялся я за поруку!» — «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мне образ». — «Изволь, брат! мне еще лучше без хлопот!»

Взял купеческой сын образ, поставил в лавке и засветил перед ним лампадку. Наутро явился к нему седой старик и стал наниматься заместо прикащика; купеческой сын подумал-подумал и взял его в лавку. С той самой поры пошла у него такая торговля, что никак товаров не напасется: покупщики так и валят в лавку со всех сторон. Разбогател купеческой сын; построил два корабля, нагрузил их разными товарами и поехал с стариком в другое государство торг вести. А в том государстве на ту пору беда приключилась: злая ведьма испортила царевну — днем она лежит словно мертвая, а по ночам встает и людей поедает! Что тут делать? Положили ее в гроб, набили

сверху крышку и вынесли в церковь. Царь повелел кликать клич по всему государству: не найдется ли кто такой, чтоб мог отчитать царевну? А кто ее отчитает, тот будет царским зятем и получит в приданое половину царства. Кликнули клич; только никто не выискался, никто не берется за это дело хитрое. И говорит старик купеческому сыну: «Ступай к царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну». — «А как не сумею?» — «Не бойся! Бог поможет, и я научу». Отправился купеческий сын к царю, объявил о себе; царь обрадовался и велел ему отчитывать.

В тот же самый день вечером пошел старик вместе с купеческим сыном в церковь, поставил около гроба налой и очертил круг; после того дал купеческому сыну книгу и приказывает: «Становись в этот круг, и что бы ни было, что бы тебе ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказал и ушел; остался в церкви один купеческой сын, стал в кругу перед налоем и принялся читать. Ровно в полночь сорвалась с гроба крышка; царевна встает и бросается прямо на купеческого сына; вот уже близко... но сколько ни силится — никак не может переступить проведенной черты. Бешено рвется она вперед, напускает разные страхи и грозит бедою; но купеческой сын не ужасается, стоит в кругу и все читает. Стало светать, запели петухи — и в ту ж самую минуту грохнулась царевна наземь и сделалась совсем мертвою. Поутру рано посылает царь узнать: все ли благополучно? Приходят посланные; видят, что купеческой сын жив, и не могут надивиться, как он уцелел. Подняли они царевну, положили опять в гроб, заколотили крышку, воротились к царю и рассказали обо всем. На другую ночь было то же; а на третью купеческой сын отчитал царевну: вышла из нее вся нечисть; тут только переступила она черту и подошла к купеческому сыну, взяла его за руку, поцеловала в уста и сказала: «Будь ты моим мужем, а я твоею женою». На том они и поладили, стали рядом перед местными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Как донесли об этом посланные царю, он сейчас же приказал обвенчать купеческого сына на царевне и дал ему в приданое половину своего государства.

352. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Жил-был в селе богатой мужик. Приходит к нему бедной мужик из того же села, просит муки на квашню. «А что дашь в заклад?» — «Да ничего у меня нет, есть только икона Миколая Чудотворца». — «Ну, неси ее! Не отдашь долгу в срок, дак расколю да в печку брошу непременно!»

А тут сидел парень из того же села, слушал все это. Приходит домой и говорит матери: «Мать, непременно надо выкупить Миколая Чудотворца! Тому мужику не на что будет выкупить. Пойду, буду дрова рубить да продавать, че-ко заработаю!» Приходит через десять ден (срок-от был этот) к богачу, приносит выкуп. «Выкупил такой-то мужик Николая Чудотворца, что в заклад принес?» — «Нет, не выкупил». — «Я выкуплю». — «Давай деньги!» Принес парень икону домой, поставил на божничку.

Потом думает, как денежки нажить? А была когда Нижегородска ярманка. «Поеду товар возить! Лошадь-то хоть плохонька, а все-таки повезет сколько-нибудь!» Поехал. Немножко попоехал, старичок идет путем-дорожкой: «Молодец, посади меня!» — «Повезти-то бы повез, да лошадь больно плохая: не повезет, пожалуй». — «Ну, сколько повезет! Не повезет, дак пешком пойдем». Посадил; сели, поехали. Лошадь и бежит и бежит — чем дальше, тем лучше. «Надо покормить лошадь: устала!» Заехали на квартиру ночевать. Надавали корму; она корму не поела, а сыта стала. «Поедем,— говорит,— вперед!» И так ехали, ехали и до Нижегородской ярманки доехали.

Остановились там где-то, на постоялой двор ли, чё ли. Услыхал, что жёребей кидают: кому идти ночевать. Царевна-дочь с ума сошла; умерла, в церкви стоит; кто станет отчитывать, того она и съест, сгрызет. А он искал себе подводу. «Кто бы нанялся караулить покойницу, я бы дал сто рублей!» — «Постой, я дедушки спрошу: может быть, мне можно». Пошли.

«Дедушко! — говорит. — Вот рядят ночевать, дают сто рублей». — «Рядись! Возьми у меня палочку-тросточку, очертись кругом, молитвы читай. Она часов в одиннадцать встанет из гробу, скакать будет в круг; ты,— говорит,— не оглядывайся!»...

Петухи пропели. Она опять легла в гроб. Приходит утром сторож, стучится у двери: «Господи Иисусе Христе, сыне

Божий, помилуй нас!» А он отвечает: «Аминь!» Пришли к царю. «Не съела,— говорит,— отвечает: аминь». Выпустили.

Другому очередь пришла в церкви читать. Рядят опять на базаре, дают двести рублей. Приходит парень к дедушке: «Идти ли?» — «Иди! Теперь тебе потруднее будет: она сильнее будет скакать. Возьми мою тросточку, очертись кругом». Пошел; опять очертился; стоит, читает молитвы. Она рвалась, скакала, скакала: все хотела ворваться в круг-от к ему, только что никак не может ворваться. Опять петух пропел, она опять в гроб легла. Сторож приходит: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий»... Объявил царю, что другую ночь ночевал один человек и все живой остается.

Опять очередь, третьему купцу. Тот уж дает триста ему за ночь: «Эта самая трудная будет тебе ночь!» Дал опять тросточку: «Очертись кругом, читай! Она будет скакать, зубами скрежетать; ты стой, не оглядывайся». Он стал.

Он читает, она за им стала читать; он Богу молится, она стала молиться. Пропел петух, она осталась тут, никуда не девается. Он вышел из круга, взял ее за руку: «Ну, теперь живые стали?»

Приходит сторож: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». Они оба в один раз «аминь» кричат. Сторож их не выпустил; побежал объявить царю эдакую радость: она живая стала.

Их сейчас к себе он потребовал, парочку. Одели их с ног до головы. Наградил его: дал тройку лошадей, экипаж — всё, в подарок, полцарства отсулил ему. Обвенчали, повезли в свою сторону.

Ехавши мимо реки, он говорит: «Айдáте этта посидим!» А царевна все сидела невеселая, зачумливая. Он взял да ее поперек-то рассек, этот старичок. В ей полно было гаду набито, зверье всяко. Он все промыл; потом впрыснул святой водой, она живая стала. Стала настоящим человеком, веселая и рассудительная, и все как следует.

Не доехавши до дому верст пять ли, десять ле, старичок встал и говорит: «Ну, детушки, поезжайте! Я не буду уже с вами больше». Они только плакали, уговаривали; он не согласился: «Я с вами долго путешествовал! Теперь домой мне надо поспешить!»

Подъезжают к деревне ко своей со звоном. Мать плачет: «Ох, милой! Он, видно, в беду попал! Суд, видно, едет: последний у нас домишко отберут!» Узнала, что сын едет, обрадовалась: «Батюшко, седни у меня две радости: Николай Чудотворец нашелся!.. Как ты уехал, пришла я: не стало у меня Николая Чудотворца на божнице. Не стало и не стало! И не знай, куды делся, кто украл. Прихожу сегодня: Николай Чудотворец на месте, и словно светло у меня стало в избе-то».

Построили они дом. Стали жить-поживать. А тот богач-от задавился.

353. ИЛЬЯ-ПРОРОК И НИКОЛА

Давно было; жил-был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет да и работать станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью-пророка и думать забыл.

Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николой полем этого самого мужика; идут они да смотрят — на ниве зеленыя стоят такие славные, что душа не нарадуется. «Вот будет урожай так урожай! — говорит Никола. — Да и мужик-то, право, хороший, доброй, набожной; Бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...» — «А вот посмотрим, — отвечал Илья, — еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать да Ильин день почитать». Поспорили-поспорили и разошлись в разные стороны. Никола-угодник сейчас к мужику: «Продай, — говорит, — поскорее ильинскому батьке весь свой хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом повыбьет». Бросился мужик к попу: «Не купишь ли, батюшка, хлеба на корню? Все поле продам; такая нужда в деньгах прилучилась, что вынь да положь! Купи, отец! Задешево отдам». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужик забрал деньги и пошел домой.

Прошло ни много ни мало времени; собралась, понадвинулась грозная туча, страшным ливнем и градом разразилась над

нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала — не оставила ни единой былинки. На другой день идет мимо Илья-пророк с Николою; и говорит Илья: «Посмотри, какво разорил я мужиково поле!» — «Мужиково? Нет, брат! Разорил хорошо, только это поле ильинского попа, а не мужиково». — «Как попа?» — «Да так; мужик — с неделю будет — как продал его ильинскому батьке и деньги все сполна получил. То-то, чай, поп по деньгам плачет!» — «Постой же, — сказал Илья-пророк; — я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего». Поговорили, пошли всякой своей дорогой. Никола-угодник опять к мужику: «Ступай, — говорит, — к попу, выкупай поле — в убытке не будешь». Пошел мужик к попу, кланяется и говорит: «Вижу, батюшка, послал Господь Бог несчастье на тебя — все поле градом выбито, хоть шар покати! Так уж и быть, давай пополам грех: я беру назад свое поле, а тебе на бедность вот половина твоих денег». Поп обрадовался, и тотчас они по рукам ударили.

Меж тем — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; от старых корней пошли новые свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носятся над нивою и поят землю; чудный уродился хлеб — высокой да частой; сорной травы совсем не видать; а колос налился полной-полной, так и гнется к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много наклал копен; уж собрался возить да в скирды складывать. На ту пору идет опять мимо Илья-пророк с Николою. Весело оглянул он все поле и говорит: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вот так наградил я попа, по век свой не забудет...» — «Попа?! Нет, брат! Благодать-то велика, да ведь поле это — мужиково; поп тут ни при чем останется». — «Что ты!» — «Правое слово! Как выбило градом всю ниву, мужик пошел к ильинскому батьке и выкупил ее назад за половинную цену». — «Постой же, — сказал Илья-пророк, — я отниму у хлеба всю спорынью: сколько бы ни наклал мужик снопов, больше четверика зараз не вымолотит». — «Плохо дело!» — думает Никола-угодник; сейчас отправился к мужику: «Смотри, — говорит, — как станешь хлеб молотить, больше одного снопа зараз не клади на ток».

Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все закрома, все клетки набил рожью, а все еще остается много; по-

ставил он новые анбары и насыпал полнехоньки. Вот идет как-то Илья-пророк с Николою мимо его двора, посмотрел туда-сюда и говорит: «Ишь какие анбары вывел! Что-то насыпать в них станет?» — «Они уж полнехоньки», — отвечает Никола-угодник. «Да откуда же взял мужик столько хлеба?» — «Эва! У него всякой сноп дал по четверику зерна; как зачал молотить, он все по одному снопу клал на ток». — «Э, брат Никола! — догадался Илья-пророк. — Это все ты мужику пересказываешь». — «Ну, вот выдумал; стану я пересказывать...» — «Как там хочешь, а уж это твое дело! Ну будет же меня мужик помнить!» — «Что ты ему делаешь?» — «А что сделаю, того тебе не скажу». — «Вот когда беда так беда приходит!» — думает Никола-угодник, и опять к мужику: «Купи, — говорит, — две свечи, большую да малую, и сделай то-то и то-то».

Вот на другой день идут вместе Илья-пророк и Никола-угодник в виде странников, и попадаетя им навстречу мужик: несет две восковые свечи — одну большую рублевую, а другую копеечную. «Куда, мужичок, путь держишь?» — спрашивает его Никола-угодник. «Да вот иду свечку рублевую поставить Илье-пророку; уж такой был милостивой ко мне! Градом поле выбило, так он, батюшка, постарался, да вдвое лучше прежнего дал урожай». — «А копеечная-то свеча на что?» — «Ну, эта Николе!» — сказал мужик и пошел дальше. «Вот ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь сам видишь, какая это правда!»

На том дело и покончилось; смиловался Илья-пророк, перестал мужику бедою грозить; а мужик зажил припеваючи и стал с той поры одинаково почитать и Ильин день и Николин день.

354. ИСЦЕЛЕНИЕ

Жил-был поп; приход был у него большой и богатый, набрал он много денег и понес прятать в церковь; пришел туда, поднял половицу и спрятал. Только пономарь и подсмотри это; вынул потихоньку поповские деньги и забрал себе все до единой

копейки. Прошло с неделю; захотелось попу посмотреть на свое добро; пошел в церковь, приподнял половицу, глядь — а денег-то нету! Ударился поп в большую печаль; с горя и домой не воротился, а пустился странствовать по белу свету — куды глаза глядят.

Вот шел он, шел и повстречал Николу-угодника; в то время еще святые отцы по земле ходили и всякие болезни исцеляли. «Здравствуй, старче!» — говорит поп. «Здравствуй! Куда Бог несет?» — «Иду куды глаза глядят!» — «Пойдем вместе». — «А ты кто таков?» — «Я Божий странник». — «Ну, пойдем». Пошли вместе по одной дороге; идут день, идут и другой; все приели, что у них было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка; поп утащил ее ночью и съел. «Не взял ли ты мою просвиру?» — спрашивает поутру Никола-угодник у попа. «Нет, — говорит, — я ее и в глаза не видал!» — «Ой, взял! Признайся, брат». Поп заклился-забожился, что не брал просвиры.

«Пойдем теперь в эту сторону, — сказал Никола-угодник, — там есть барин, три года беснуется, и никто не может его вылечить; возьмемся-ка мы лечить». — «Что я за лекарь! — отвечает поп, — я этого дела не знаю». — «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что я буду говорить, то и ты говори». Вот пришли они к барину. «Что вы за люди?» — спрашивают их. «Мы знахари», — отвечает Никола-угодник. «Мы знахари», — повторяет за ним поп. «Умеете лечить?» — «Умеем», — говорит Никола-угодник. «Умеем», — повторяет поп. «Ну, лечите барина». Никола-угодник приказал истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню и привели туда больного. Говорит Никола-угодник попу: «Руби ему правую руку». — «На что рубить?» — «Не твое дело! Руби прочь». Поп отрубил барину правую руку. «Руби теперь левую ногу». Поп отрубил и левую ногу. «Клади в котел и мешай». Поп положил в котел и давай мешать. Тем временем посылает барыня своего слугу: «Поди, посмотри, что там над бариним делается?» Слуга сбегал в баню, посмотрел и докладывает, что знахари разрубили барина на части и варят в котле. Тут барыня крепко осерчала, приказала поставить виселицу и долго не мешкая повесить обоих знахарей. Поставили виселицу и повели их вешать. Испугался поп, божится, что он никогда не бывал знахарем и за леченье не брался, а виноват во всем один его

товарищ. «Кто вас разберет! Вы вместе лечили». — «Послушай, — говорит попу Никола-угодник, — последний час твой приходит, скажи перед смертью: ведь ты украл у меня просвиру?» — «Нет, — уверяет поп, — я ее не брал». — «Так-таки и не брал?» — «Ей-Богу, не брал!» — «Пусть будет по-твоему. Пойдите, — говорит слугам, — вон идет ваш барин». Слуги оглянулись и видят: точно, идет барин и совершенно здоровый. Барыня тому обрадовалась, наградила лекарей деньгами и отпустила на все на четыре стороны.

Вот они шли-шли, и очутились в другом государстве; видят — по всей стране печаль великая, и узнают, что у тамошнего царя дочь беснуется. «Пойдем царевну лечить», — говорит поп. «Нет, брат, царевны не вылечишь». — «Ничего, я стану лечить, а ты ступай за мной; что я буду говорить — то и ты говори». Пришли во дворец. «Что вы за люди?» — спрашивает стража. «Мы знахари, — говорит поп, — хотим царевну лечить». Доложили царю; царь позвал их перед себя и спрашивает: «Точно ли вы знахари?» — «Точно знахари», — отвечает поп. «Знахари», — повторяет за ним Никола-угодник. «И беретесь царевну вылечить?» — «Беремся», — отвечает поп. «Беремся», — повторяет Никола-угодник. «Ну, лечите». Заставил поп истопить баню и привести туда царевну. Как сказал он, так и сделали: привели царевну в баню. «Руби, старик, ей правую руку», — говорит поп. Никола-угодник отрубил царевне правую руку. «Руби теперь левую ногу». Отрубил и левую ногу. «Клади в котел и мешай». Положил в котел и принялся мешать. Посылает царь узнать, что случилось с царевной. Как доложили ему, что случилось с царевной, — гневен и страшен сделался царь, в ту же минуту приказал поставить виселицу и повесить обоих знахарей. Повели их на виселицу. «Смотри же, — говорит попу Никола-угодник, — теперь ты был лекарем, ты один и отвечай». — «Какой я лекарь!» — и стал сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старик всему злу затейщик, а он не причастен. «Что их разбирать! — сказал царь. — Вешайте обоих». Взялись за попа за первого; вот уж петлю готовят. «Послушай, — говорит Никола-угодник, — скажи перед смертью: ведь ты украл просвиру?» — «Нет, ей-Богу, не брал!» — «Признайся, — спрашивает, — коли признаешься, сейчас царевна встанет здоровой и тебе ничего не будет». — «Ну, право же, не брал!» Уже

надели на попа петлю и хотят подымать. «Постойте,— говорит Никола-угодник,— вон ваша царевна». Смотрят — идет она совсем здоровая, как ни в чем не бывала. Царь велел наградить знахарей из своей казны и отпустить с миром. Стали оделять их казной; поп набил себе полные карманы, а Никола-угодник взял одну горсточку.

Вот пошли они в путь-дорогу; шли-шли и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги,— говорит Никола-угодник,— посмотрим, у кого больше». Сказал и высыпал свою горсть; начал высыпать и поп свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растет да растет, все растет да растет; а попова куча ни мало не прибавляется. Видит поп, что у него меньше денег, и говорит: «Давай делиться». — «Давай!» — отвечает Никола-угодник и разделил деньги на три части: «Эта часть пусть будет моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру украл». «Да ведь просвиру-то я украл»,— говорит поп. «Эка какой ты жадной! Два раза вешать хотели — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу с тобой странствовать, возьми свое добро и ступай один, куда знаешь».

355. СВЯЩЕННИК И ДЬЯВОЛ

В Саратовской губернии у одного несчастного священника в одну темную осеннюю ночь в двенадцать часов случилось и по покоям и на кухне стук и гром, и шум. Зашли к нему нечистые духи и просят у его одну любезную дочь. Звали дочь Александрой. И перепал несчастный священник и не зная, что с дьяволами поделаться. И отказал их до второй ночи, и припал он Господу Богу и усердно со своими молитвами и, именно, к Николе-чудотворцу. Никола-чудотворец вложил ему счастливую мысль: «Если явятся к тебе дьяволы и дай им задачу, чего они справиться не могут». На вторую ночь и обращаются дьяволы и беспокоят эфтого священника: «Дай нам дочь Александру». — «Если вы к свету можете соорудить божественную церковь, тогда я вам дам дочь». Выводит их священник на улицу,

отводит им такое место, и занимаются они за работу. Дело движется к полуночи, а церковь у них сработана до потолка. Священник на этот случай перепал, что они задачу справят. Взял послал попадьё к сосёду и выпросил живого петуха, и принял петуха кабайтать (щекотать). К свету ближе петух запел. Священник обрадовался, у них храм не достроен. Так и у них и осталась задача не достряпана, а дочь Александра осталась у своих родителей, и попугали его нечистые духи. И крепко он благодарил Миколу-угодника, и тым он сбыл от дьявола.

356. ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ

Не в чуждом царстве, а в нашем государстве было, родимый, времячко — ох-ох-ох! В то время у нас много царей, много князей, и Бог весть кого слушаться; ссорились они промеж себя; дрались и кровь христианскую даром проливали. А тут набежал злой татарин, заполонил всю землю Мещерскую, выстроил себе город Касимов, и начал он брать вьюниц и красных девиц себе в прислугу, обращал их в свою веру поганую, и заставлял их есть пищу нечистую маханину. Горе, да и только; слез-то, слез-то что было пролито! Все православные по лесам разбежались, подедали там себе землянки и жили с волками; храмы Божии все были разорены, негде было и Богу помолиться.

И вот жил да был в нашей Мещерской стороне добрый мужичок Антип, а жена его Марья была такая красавица, что ни пером написать, только в сказке сказать. Были Антип с Марьей люди благочестивые, часто молились Богу, и дал им Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егорием; рос он не по дням, а по часам; разум-то у Егорья был не младенческой: бывало, услышит какую молитву — и пропоет ее, да таким голосом, что ангелы на небеси радуются. Вот услышал схимник Ермоген об уме-разуме младенца Егория, выпросил его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отец с матерью, помолвились и отпустили Егорья в науку.

А был в то время в Касимове хан какой-то Брагим, и прозвал

его народ Змием-Горюнычем: так он был зол и хитер! Просто православным житья от него не было. Бывало, выедет на охоту — дикого зверя травить, никто не попадайся, сейчас заколет; а молодиц да красных девиц тащит в свой город Касимов. Встретил раз он Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчас велел ее схватить и тащить в город Касимов, а Антипа тут же предал злой смерти. Как узнал Егорий о несчастной доле родителей, горько заплакал и стал усердно Богу молиться за мать за родную — и Господь услышал его молитву. Вот как подрос Егорий, вздумал он пойти в Касимов-град, чтоб избавить мать свою от злой неволи; взял благословенье от схимника и пустился в путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шел он, только приходит в палаты Брагимовы и видит: стоят злые нехристи и нещадно бьют мать его бедную. Повалился Егорий самому хану в ноги и стал просить за мать за родную; Брагим грозный хан закипел на него гневом, велел схватить и предать различным мучениям. Егорий не устрасился и стал воссылать мольбы свои к Богу. Вот повелел хан пилить его пилами, рубить топорами; у пил зубья посшибались, у топоров лезвия выбивались. Повелел хан варить его в смоле кипучей, а святой Егорий поверх смолы плавает. Повелел хан посадить его в глубокий погреб; тридцать лет сидел там Егорий — все Богу молился; и вот поднялась буря страшная, разнесли ветры все доски дубовые, все пески желтые, и вышел святой Егорий на вольный свет. Увидал в поле — стоит оседланный конь, а возле лежит меч-кладенец, копье острое. Вскочил Егорий на коня, приуправился и поехал в лес; повстречал здесь много волков и напустил их на Брагима, хана грозного. Волки с ним не сладили, и наскочил на него сам Егорий и заколол его острым копьём, а мать свою от злой неволи освободил.

А после того выстроил святой Егорий соборную церковь, завел монастырь и сам захотел потрудиться Богу. И много пошло в тот монастырь православных, и создались вокруг него келии и посад, который и поныне слывет Егорьевским.

357. МОНАХ И НЕЧИСТЫЙ

Монах утром проспал — поторопился, не благословясь налил воды умываться, а нечистый в умывальник и прыг — затаился. Монах взял да умывальник и переградил крестом. Запросил нечистый выпустить его. «Свези меня в Иерусалим к заутрене, сниму крест». Свезил тот — к ранней обедне домой поспели. «Почему, — спрашивают монаха, — не был за заутреней?» — «В Иерусалиме был», — показывает и просвирку. Ну нечистый за это все-таки затаил злобу, обратился девкой, стал мимо келии похаживать, оставлять на окне келии то бусы, то ленту. Стали другие монахи замечать, приступили к нему — от тебя только сейчас, говорят, девка вышла. Изгнать порешили его. Заплакал он, подошел к реке, что текла близ монастыря, отвалил камень в воду, встал на него и поплыл. Видят это братья — поверили его невинности и святости, стали просить возвратиться — и обратился он назад, а нечистой больше к нему не приступался.

358. О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Давным-давно, лет семьсот тому назад, в городе Муроме жил князь Петр. И вот к его матери повадился летать змей. Этот змей каждый раз являлся в образе государя. Она долго молчала об этих встречах и стала гаснуть и худеть. Все это придворные стали замечать и приставать, и спрашивать, что с ней случилось. Она рассказала, что к ней каждую ночь является змей в образе государя и мучает ее. Тогда слуги из ее стражи посоветовали ей спросить у змея, от чего он умрет. И когда снова прилетел змей, она спросила его об этом. Змей ответил, что его нельзя убить ничем, кроме меча, а меч зарыт под иконостасом одной из часовен в городе Муроме.

Мать князя приказала отрыть меч и дала его сыну. Петр стал ждать прихода змея. Когда змей явился, то Петр замахнулся мечом, но, увидев лик государя, не решился опустить его на змея. Так было и во второй раз. В третий раз он пересилил себя

и опустил меч на змея и рассек его пополам. Из змея на лицо князя брызнула желчь, и с того времени заболел Петр страшной и невиданной болезнью. И стал Петр созывать к себе врачей, но те, как ни старались, ничего с болезнью поделывать не могли. Тогда он решил больше денег на врачей не тратить, а поехал по деревням и стал искать бабку, которая вылечила бы его от злой болезни.

Так он узнал, что в деревне Ласкове живет дочь пчеловода девка-вековка Хавронья, которая лечит от всех болезней. Князь Петр поехал в Ласково и стал просить Хавронью, чтобы она вылечила его от этой болезни. Хавронья согласилась, но за это князь должен был взять ее в жены. Такое она поставила условие. Князь согласился, а сам подумал, что, как только Хавронья вылечит его, обманет ее и уедет, не женившись. Но Хавронья разгадала его мысли и, хотя и вылечила князя от болезни, оставила на его лице рубец. Князь думал, что ловко провел девку-вековку, но, приехав домой, скоро снова заболел хуже прежнего.

Снова поехал он к Хавронье и сказал: «Если вылечишь, то приезжай в Петров день в Муром венчаться. Хавронья вылечила Петра и поехала в Петров день в Муром. А погода-то стояла хорошая и выпал снег. Поехала она на саних, а там, где она уже проехала, снег сразу же таял под полозьями. Народу собралось смотреть на это чудо великое множество. Ведь подумать только: девка-вековуха едет венчаться с князем! Такого никто и не слышивал.

Начал народ над ней смеяться и над князем, что он-де взял в жены дурочку. Рассердилась Хавронья и сказала: «Не расти больше Ласкову!» И долго с тех пор не росло село, и лишь недавно прибавилось несколько дворов.

Так Хавронья стала жить в Муроме и умерла с Петром в одно время. В память о ней сохранился куст орешника, около которого она молилась и оставила следы колен, рук и лба. На этом месте трава не росла. Потом на этом месте стояла часовня. Вот и история эта вся. Много лет прошло с тех пор, а народ помнит еще ее.

359. О СВЯТОЙ ФЕВРОНИИ

У муромского князя была на ноге рана и сильно болела; мокнет и мокнет... Он услышал, что в Ласкове дурочка хорошо лечит, поехал к ней. Полюбился он ей, она и говорит: «Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены». Он пообещал ей: хворать не хотелось. Когда она вылечила, и взяло его раздумье: «Я, мол, князь, неужто мне брать за себя замуж дурочку?» Взял и уехал к себе в Муром, а ее оставил. Опять разболелась у него нога, пришлось опять ехать в Ласково к дурочке лечиться. Она опять ему говорит: «Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены». Делать нечего, он согласился. Вот и спрашивает ее: «Когда же мне, мол, за тобой приезжать?» Она и говорит: «Приезжай за мной на Петров день, на санях». Удивился он: «Как же это так, на Петров день, в такую жару и приезжать на санях?» Пришел Петров день, и ударил мороз, да такой лютый, снег выпал, и вправду поехал он за ней на санях. Посадил ее в сани, едут, а наши ласковские смеются над ней, кричат ей вслед: «Вон нашу дурочку в санях повезли с князем венчаться». Она обернулась и говорит: «Ни бблеть вам и ни мѣнеть». Прокляла она наше Ласково, как стоит в нем шесть дворов, так не убавляется и не прибавляется. Молодые, какие родятся, помирают. Стали ей тут молиться, праздники ее почитать, молебны служить, ну, простила она нас, стало наше село прибавляться. Она и теперь, говорят, ходит сюда Богу молиться. Да знамо, мы, грешные, ее не видим, а благочестивые люди видят иногда огонек в церкви, есть у нас такие. Святая Хаврония была наша ласковская, благочестивая была, Богу все молилась, а наш народ смеялся над ней, дурочкой ее считал. А она вон какая была: сама святость получила, да и мужа прославила. И сейчас растет ореховый кустик, под которым она молилась, и две ямки: следы ее от долгого стояния на коленях остались. Да бабы далеко их расковыряли: песочек все оттуда больным берет.

360. ВАВИЛО-СКОМОРОХ

Было у отца три сына, и вздумал он Богу потрудиться. «Дети,—говорит,—на двадцать верст от села выстройте пустыню, возите туда пищу, я буду трудиться». Они выстроили ему пустыню и возят ему каждый день провиант. Он напьется, наестся, выйдет на завалинку, спит. Идет к нему Миколай-угодник. «Мир твоему кормному борову лежать!» Старик отвечает: «Я пустынный, я Богу молюсь». — «Нет, ты в труд не попадешь: напьешься, наешься да спать ляжешь. Ступай, в таком-то городе есть Вавило-скоморох; если его труд перенесешь, будешь в царствии небесном». — «Каким он трудом трудится, дедушка?» — «Не знаю,—говорит,—только что слышно про него: колокол далеко звонит».

Пошел он в этот город, разыскал Вавило-скомороха; подошел под окошко. У него две жонки, родные сестры. «Здесь Вавило-скоморох?» — «Здесь». Взошел в избу. «Где,—говорит,—он?» — «На игрищах игра́т». — «На каких?» — «Да у губернатора был он, там скачет да пляшет». — «Скоро ли он придет?» — «Придет, как первы кочета споят, либо привезут».

Первы кочета́ спели, Вавило пришел и спрашивает жонков своих, родных сестер: «Чей это старичок?» — «Тружельник от Бога». — «Ты где был?» — «В лесу. Мне дети пустыню выстроили; пришел ко мне старичок, рассказал, как ты трудишься, сюда послал». — «Эх,—говорит Вавило-скоморох,—какой мой труд? Я только скачу да пляшу». — «Я,—говорит,—хочу тебя попросить,—говорит старик,—какую ты пищу ешь?» — «Моя пища: сухая крома́ да пустая вода. Вот жонки, родные сестры, меня поят, кормят и на ложе кладут». — «Я,—говорит,—хочу, Вавило-скоморох, твой труд перенести». — «Не доведется этого тебе: тяжёл. Ты старик жирный, а я тощóй».

Вот утром за Вавилой приезжает рано человек. «Дома Вавило?» — «Дома». — «Пожалуйте на именины к такому-то». — «Ступай с Богом! Приду пешком, только умоюсь, Богу помолюсь». Вот сели они с ним, позавтракали; жонки дали кусок хлеба и ему, и прихожателю. «Ну,—говорит,—друг, пойдем на меніны!» — «Пойдем. Скажи, Вавило, какой твой труд?» — «Мой труд только мои сапоги надеть». Надел старик его сапоги, а у

него там верхковые гвозди. Старик остался у Вавилы в доме и полный сапоги крови. Вот Вавило и послал за ним лошадь; повалили кормного борова, привезли на менины. Где посадили на стул, тут и сидел старик до первых кочетов. Вавило-скоморох убираться до двора. «Пойдем, брат тружельник, в мою хату ночевать» (а Вавило-скоморох только скачет да пляшет, а ничего не ест). Старик проголодался, а с места сойти не может. Пошел он с ним в хату; дошли до полпути, старик не может идти. Вавило попросил человека довести старика до двора.

Приехали они в дом к Вавиле-скомороху. «Ну что,— говорит,— дедушка, мой труд хорош?» — «Хорош». — «А твой как?» — «Мой,— говорит,— плохой; у меня полный сапоги крови. Да еще попытаю я тебя, переночую ночь; какой твой еще труд,— говорит,— есть». Сели за стол, поужинали: сухую крому дали да теплой воды. «Ну, жонки, разуйте нас обех!» Они разули. Вавило-скоморох говорит своим жонкам: «Я спать хочу, положите меня на ложу; за мной еще приедут». Ложа была у Вавилы-скомороха в сенях, на вольном воздухе. Взяли жонки его за руки, за ноги, раскачали и бросили в кровать. Старик — за столом и глядит. «И мне надо этакий труд нести, а пятки-то больно». Вот они взяли, положили Вавилу, волосяной одежей покрыли. Старик и говорит: «Положьте, жонки, и меня так!» Вот они его взяли за руки, за ноги и бросили, и впиались в него верхковые гвозди. Лежал он ночь, и налилó крови много множество, а Вавило лежит, ничего.

За Вавилой приехали дó свету. Он говорит сестрам: «Сымите постояльца с моей ложи! Он лежал вроде камня ночь-то». Жонки взяли его и привели в избу. «Что, дедушка, пойдешь со мной?» — «Нету»,— говорит. «Что так?» — «Ну, Вавило-скоморох, велик твой труд! Тебе Господь велел снести и неси, а я не снесу; из меня вышло крови столько, что чую — не дойти десять верст до двора, к детям». Старик ушел и говорит: «Прощай!» — «Прощай! Коли хочешь, иди со мной».

Вавило был у солдата в гостях; приходит к нему святой ангел и говорит: «Вавило-скоморох,— говорит,— за твоей душой пришли». — «Кто?» — «Святы ангелы». — «Я не знаю, каки святы ангелы? Я скачу все и пляшу. Каки ангелы?» — «Ступай,— говорит,— твои жонки сотворили тебе гроб, и как придешь, дома и

помрешь». Пришел он домой, гроб впереди лежит. Сестры испугались, плачут. «Вавило-скоморох, ложись,— говорят,— в гроб!» Голубь к нему прилетел с святым ангелом. «Ты,— говорит,— голубь?» — «Голубь». — «Какой,— говорит,— ты голубь?» — «Твой святой ангел. Тебя Бог наградил, Вавило-скоморох; ты будешь, Вавило-скоморох, голубиный Бог!» Тут он и покончился.

361. ВИДЕНИЕ

Шел прохожий и выпросился ночевать к одному дворнику. Накормили его ужином, и улегся он спать на лавочку. У этого дворника было три сына, все женатые. Вот после ужина разошлись они с женами спать в особые клетки, а старик-хозяин взобрался на печку. Прохожий проснулся ночью и увидел на столе разной гад. Не стерпел такой срамоты, вышел из избы вон и зашел в ту клеть, где спал большой хозяйской сын; здесь увидел, что дубинка бьется от полу до самого потолка. Ужаснулся и перешел в другую клеть, спал середний сын; посмотрел, а меж им и женою лежит змий и дышит на них. «Дай еще испытаю третьего сына»,— подумал прохожий и пошел в иную клеть; тут увидел кунку: перескакивает с мужа на жену, с жены на мужа. Дал им покой и отправился в поле; лег под зарод сена, и слышалось ему—будто какой человек в сене стонет и говорит: «Тошно животу моему! Ах, тошно животу моему!» Прохожий испугался и лег было под суслон ржаной; и тут слышал голос, кричит: «Постой, возьми меня с собой!» Не поспалось прохожему, воротился к старику-хозяину в избу, и зачал его старик спрашивать: «Где был, прохожий?» Он пересказал старику все виденное да слышанное: «На столе,— говорит,— нашел я разной гад,— оттого, что после ужина невестки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется в клетки дубинка,— это оттого, что хочется ему большаком быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а ум-разум его. Промеж среднего сына и жены его видел змия,— это потому, что друг на друга вражду имеют. У меньшого сына видел кунку,— значит, у него с женой благодать Божия, живут в добром согласии. В сене слышал стон,— это потому: коли кто польстит на

чужое сено, скосит да сметет в одно место с своим, тады чужое то давит свое, а свое стонет, да и животу тяжело. А что колосье кричало: постой, возьми меня с собой! — это которое с полосы не собрано, оно-де говорит: пропаду, соберите меня!» А после сказал прохожий старику: «Наблюдай, хозяин, за своей семьею: большому сыну дай большинство и во всем ему помогай; среднего сына с женою разговаривай, чтобы жили совестнее; чужого сена не коси, а колосье с полос собирай дочиста». Распростился с стариком и пошел в путь-дорогу.

362. ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

[...] Два старичка пришли к купцу, у него детей не было, а жена была в положении. Старички были оборванные, а богатые не любят таких. Попросились они ночевать, их покормили у порога мало-мало, и просидели они весь день.

Потом приехал купец богатый из города. Они его приняли: напекли, настряпали: богатый богатого хорошо угощает. Стариков уложили в анбаре, а купца на кровати, простыни белые растелили, одеяла...

Жена стала рожать ночью. Привезли бабушку или медика. Родила она. Купец, который в гости-то приехал, стоит на крыльце и курит. И слышит, старики в анбаре разговаривают: нарекли имя мальчику и сказали, что проживет он двадцать лет, женится, а во время свадьбы утонуть ему в колодце. Купец зашел в избу, а хозяевам ничего не сказал, решил проверить, правда ли это. Уехал он назавтра днем.

Стали крестить и крестным отцом взяли купца. Прожили двадцать лет. Пригласили купца на свадьбу. Он молчит, не говорит, что дальше будет. Поехали венчаться, домой приехали, за столы сели. Купец вышел, замкнул колодец. Пришло время парню к колодцу идти, свадьба сидит. Вышел он, а колодец закрыт, и он на колодце умер.

И купец потом признал этих стариков за святых, потому что Господь имя нарекает, и всегда нарекается, сколько лет человеку прожить.

ГРЕХ И ИСКУПЛЕНИЕ БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ

363. ГРЕХ И ПОКАЯНИЕ

Жила-была старуха, у ней был один сын и одна дочь. Жили они в превеликой бедности. Вот раз как-то пошел сын в чистое поле посмотреть на озимые всходы; вышел и осмотрелся кругом: стоит недалеча высокая гора, а на той горе на самом верху клубится густой дым. «Что за диво такое! — думает он. — Уж давно стоит эта гора, никогда не видал на ней и малого дыма, а тепе рича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору». Вот полез на гору, а она была крутая-крутая! Насилу взобрался на самый верх. Смотрит — а там стоит большой котел, полон золота. «Это Господь клад послал на нашу бедность!» — подумал парень, подошел к котлу, нагнулся и только хотел горсть набрать, как послышался голос: «Не смей брать этих денег, а то худо будет!» Оглянулся он назад — никого не видно, и думает: верно, мне почудилось! Опять нагнулся и только хотел набрать горсть из котла — как послышались те же самые

слова. «Что такое? — говорит он сам себе. — Никого нет, а голос слышу!» Думал-думал и решился в третий раз подойти к котлу. Опять нагнулся за золотом и опять раздался голос: «Тебе сказано — не смей трогать! А коли хочешь получить это золото, так ступай домой и сделай наперед грех с родной матерью, сестрой и кумой. Тогда и приходи: все золото — твое будет!»

Воротился парень домой и крепко призадумался. Мать и спрашивает: «Что с тобой? Ишь ты какой невеселой!» Пристала к нему, и так и сяк подговаривается; сын не выдержал и признался про все, что с ним было. Старуха, как услышала, что он нашел большой клад, с того самого часа и зачала в мыслях держать, как бы ухитриться смутить сына да на грех навести. И в первой таки праздник позвала к себе куму, перемолвила с ней и с дочерью, и придумали они вместе напоить малого пьяным. Принесли вина и ну его потчевать; вот он выпил рюмку, выпил и другую, и третью, и напился до того, что совсем позабылся и сотворил грех со всеми тремя: с матерью, сестрой и кумой. Пьяному море по колена, а как проспался да вспомнил, какой грех-то сотворил, — так просто на свет не смотрел бы! «Ну, что же, сынок, — говорит ему старуха, — о чем тебе печалиться? Ступай-ка на гору да таскай деньги в избу». Собрался парень, взошел на гору, смотрит, золото стоит в котле нетронутым, так и блестит! «Куды мне девать это золото? Я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть». И послышался голос: «Ну, что еще думаешь? Теперича не бойся, бери смело, все золото — твое!» Тяжело вздохнул парень, горько заплакал, не взял ни одной копейки и пошел куда глаза глядят.

Идет себе да идет дорогой, и кто ни встретится — всякого спрашивает: не знает ли, как замолить ему грехи тяжкие? И с страшного горя пустился он в разбой; всякого, кто только попадется навстречу, он допрашивает: как замолить ему перед Богом свои грехи? И если не скажет — тотчас убивает досмерти. Много загубил он душ, загубил и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душ; а никто ему не сказал, как замолить грехи тяжкие. И пошел он в темный дремучий лес, ходил-ходил и увидал избушку — такая малая, тесная, вся из дёрна складена; а в этой избушке спасался скитник. Вошел в избушку; скитник и спрашивает: «Откуда ты, доброй человек, и чего

ищешь?» Разбойник рассказал ему. Скитник подумал и говорит: «Много за тобой грехов, не могу наложить на тебя эпитимью!» — «Коли не наложишь на меня эпитимьи, так и тебе не миновать смерти; я загубил девяносто девять душ, а с тобой ровно будет сто». Убил скитника и пошел дальше. Шел-шел и добрался до такого места, где спасался другой скитник, и рассказал ему про все. «Хорошо,— говорит скитник,— я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — «Что знаешь, то и приказывай, хоть камень грызть зубами — и то стану делать!» Взял скитник горелую головешку, повел разбойника на высокую гору, вырыл там яму и закопал в ней головешку. «Видишь,— спрашивает он,— озеро?» А озеро-то было внизу горы, с полверсты эдак. «Вижу»,— говорит разбойник. «Ну, ползай же к этому озеру на коленках, носи отудова ртом воду и поливай это самое место, где зарыта горелая головешка, и до тех таки пор поливай, покуда она не пустит отростков и не вырастет от нее яблоня. Вот когда вырастет от нее яблоня, зацветет да принесет сто яблоков, а ты тряхнешь ее и все яблоки упадут с дерева наземь,— тогда знай, что Господь простил тебе все твои грехи». Сказал скитник и пошел в свою келью спасаться по-прежнему. А разбойник стал на колена, пополз к озеру и набрал в рот воды, влез на гору, полил головешку и опять пополз за водой. Долго, долго эдак он потрудился; прошло целых тридцать лет — и пробил он коленками дорогу, по которой ползал, в пояс глубины, и дала головешка отросток. Прошло еще семь лет — и выросла яблоня, расцвела и принесла сто яблоков. Тогда пришел к разбойнику скитник и увидел его худого да тощего: одни кости! «Ну, брат, тряси теперь яблоню». Тряхнул он дерево, и сразу осыпались все до единого яблоки; в ту ж минуту и сам он помер. Скитник вырыл яму и предал его земле честно.

364. ГЛУХОНЕМАЯ

Жил-был мужик; до того обеднял, что остался у него один сундук, и тот порожний. Что теперь делать? Держит он в уме; есть нечего, купить не на что! Кажись, родную бы дочь свою

продал, да кому ее надобно? Только подумал, как вдруг входит в избу Пречистая Дева и говорит: «Здравствуй, мужичок! Продай мне свою дочь». «Что за диво, — подумал мужик, — еще ни слова не говорил, а уж ей ведомо!» «Отчего не продать! — сказал он. — Купи — твоя будет». Взял мужик деньги и отдал дочь. Пресвятая Богородица привела ее в высокие хоромы и говорит: «Оставайся здесь и живи с миром. Если соскучишься — вот тебе ключ, отопри эту дверь и ступай гулять: там тебе будет весело». Девочка отворила дверь и вошла в большой-большой сад: каких только цветов и деревьев в нем не было! Целой месяц пробыла здесь девочка и все не могла насмотреться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дева другой ключ: «Будет скучно, — отопри эту дверь и полюбуйся на Божье создание». Отворила девочка другую дверь и увидела там многое множество разных птиц, точно со всего света сюда собраны. Век бы глядел на них — не нагляделся, век бы слушал их сладкое пение — не наслушался. Опять прошло много времени, и дает ей Пречистая Дева третий ключ: «Будет скучно — ступай в эту дверь, полюбуйся на Божье создание». Отворила девочка третью дверь и увидела там многое множество разных зверей: все звери ласковые да красивые; стала она играть с ними, и на их скачки, на их прыжки долго не могла налюбоваться. После отдала ей Пресвятая Богородица все ключи и говорит: «Позволю тебе везде ходить и все смотреть, только туда не ходи, где медный замок на двери висит». Вот девочка и стала про себя думать: «Что это такое — везде я хожу, на все я смотрю, а там не была, где медной замок висит? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть отворила дверь, как ударило оттуда пламя, и она едва успела убежать в сторону. «Где ты была, что видела?» — стала спрашивать Пресвятая Дева. «Я нигде не была, ничего не видела», — отвечала девочка. «Если ты не признаешься, я сделаю тебя и глухой, и немой». — «Я нигде не была, ничего не видела», — повторила девочка. Пречистая Дева сделала ее глухой и немой и отвела в густой и темный лес.

Долго ходила она по лесу, притомилась, приустила и залезла в дупло отдохнуть. На ту пору охотился тут царский сын; наехал он на дупло и увидел девочку. Засмотрелся на ее красоту и стал расспрашивать: кто она и как сюда попала. Сколько ни

спрашивал, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевич велел своим людям взять ее с собой и привез ее во дворец. Девочка выросла и крепко полюбилась царевичу; захотел он на ней жениться, сказал отцу и матери; они и говорят ему: «Любезной сын! Мы с тебя воли не снимаем; а совет наш такой: что за охота брать за себя немую? Женись-ка лучше на царице али королевне». Но царевич так неотступно упрашивал, что делать нечего — и отец и мать согласились, и дали ему свое родительское на веки нерушимое благословение. У царя не пиво варить, не вино курить; веселым пирком да за свадебку, отпраздновали и стали жить в радости. Ровно через год родила молодая сына; но в ту же ночь, как скоро заснули все крепким сном, пришла Пречистая Дева, разбудила жену царевича и сказала: «Я разрешаю твой язык, признайся только, что видела ты в горнице, где висел медной замок?» — «Я ничего не видала». Тогда Пречистая Дева сделала ее опять глухой и немой, взяла ее ребенка и унесла с собой. Наутро спрашивает царевич о сыне; мамки и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь с царицей стали ему говорить, что жена его — злая ведьма; сама изгубила свое милое дитище и что следует казнить ее. Царевич начал слезно упрашивать своих родителей, и они сжалились на его слезы и простили невестку. Через год родила она другого сына; ночью явилась Пречистая Дева, и унесла с собой и другого ребенка. Еще через год родился у царевича третий сын, и с ним случилось то же самое. Тогда царь сильно разгневался и приказал казнить царевичеву жену жестокой казнью. Повели ее казнить; уже все готово: и топор, и плаха! В то самое время явилась Пресвятая Богородица с тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «Признайся, что видела ты в горнице, где висит медный замок?» Тут только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дева простила грешницу, разрешила ей язык и отдала детей. После того царевич стал со своей женой жить, да поживать, да добра наживать, а как умер его отец — он сделался царем и правил народом долго и милостиво.

365. ПУСТЫННИК

Было-жило три мужика. Один мужик был богатой; только жил он, жил на белом свете, лет двести прожил, все не умирает; и старуха его была жива, и дети, и внуки, и правнуки все были живы — никто не умирает; да что? из скотины даже ни одна не тратилась! А другой мужик слыл несчастным, ни в чем не было ему удачи, потому что за всякое дело принимался без молитвы; ну, и бродил себе то туда, то сюда, без толку. А третий-то мужик был горькой-горькой пьяница; все дочиста с себя пропил и стал таскаться по миру.

Вот одна сошлись они вместе и отправились все трое к одному пустыннику. Старик захотелось выведать, скоро ли Смерть за ним придет, а несчастному да пьянице — долго ли им горе мыкать? Пришли и рассказали все, что с ними случилось. Пустынник вывел их в лес, на то место, где сходились три дорожки, и велел древнему старику идти по одной тропинке, несчастному по другой, пьянице по третьей: там, дискать, всяк свое увидит. Вот пошел старик по своей тропинке, шел-шел, шел-шел и увидал хоромы, да такие славные, а в хоромашках два попа; только подступился к попам, они ему и гуторят: «Ступай, старичок, домой! Как вернешься — так и умрешь». Бесчастный увидал на своей тропинке избу, вошел в нее, а в избе стоит стол, на столе краюшка хлеба. Проголодался несчастный, обрадовался краюшке, уж и руку протянул, да позабыл лоб-то перекрестить — и краюшка тотчас исчезла! А пьяница шел-шел по своей дорожке и дошел до колодца, заглянул туда, а в нем гады, лягва и всякая срамота! Воротился несчастный с пьяницей к пустыннику и рассказали ему, что видели. «Ну, — сказал пустынник несчастному, — тебе николи и ни в чем не будет удачи, пока не станешь ты за дело приниматься, благословясь и с молитвою; а тебе, — молвил пьянице, — уготована на том свете мука вечная — за то, что упиваешься ты вином, не ведая ни постов, ни праздников!» А старик-то древний пошел домой и только в избу, а Смерть уж пришла за душою. Он и зачал просить: «Позволь еще пожить на белом свете, я бы роздал свое богатство нищим; дай сроку хоть на три года!» — «Нет тебе сроку ни на три недели, ни на три часа, ни на три минуты! — говорит Смерть. — Чего прежде

думал — не раздавал?» Так и умер старик. Долго жил на земле, долго ждал Господь, а только как Смерть пришла — вспомнил о нищих.

366. ИЛЬЯ-ПРОРОК И СТРЕЛЕЦ

Жил-был стрелец и пошел раз на озеро, а Илья-пророк навел на озеро громовую тучу, гремит. Укрылся стрелец от грозы в кусты и видит, что человекья голова из воды то покажется, то спрячется; как только мóлонья сверкнет — она и пóд воду. Гром ударит в это место, а убить не убьет (в воде-то). «Что это, — думает, — за человек? Дай-ка я выстрелю». Выпалил, и всплыл на воду мертвец. Стрелец испугался, что человека убил, и дрáла. Отбежал много ли, мало ли, навстречу старик, сам Илья, идет. «Ты на озере, — спрашивает, — был?» — «Был». — «Ты человека убил?» — «Нет». — «Нет, скажи, ты убил?» — «Нет». Не сознаётся, знаешь. «Да ты, — говорит Илья, — не бойся. Это ты черта убил, мне помог: я в него метился, метился, не мог дохитриться громовой стрелой убить. На-ка вот, возьми мое ружье, а свое мне дай. Из него, как завидишь, так и бей!» Взял стрелец ружье и стал из него бить чего только ни завидит. Барина зависть и взяла: «Продай да продай ружье!» — «Нет, ни за какие деньги!» — «Ну, давай на спор, если меня убьешь (а барин колдун был) — тогда твое, а не убьешь — мое». Вот и сел барин на колокольню, где колокола висят. «Стреляй!» Тот выпалил, плечо барину расшиб. «Ну, — говорит, — ты не убил меня! Давай ружье!» Тот не дает. «Я, — говорит, — в тебя попал». — «Ну, — говорит барин, — теперь в крест выстрели, сшибешь ли?» А над крестом два голубя так и выются. Вот стрелец приложился, бацнул и крест расшиб весь и голубей обоих убил. Тут Илья его за эти дела слепым сделал, а барин после того ружье у стрельца себе взял и сам стал из него бить.

367. ПРО ОХОТНИКА

Один стрелец ходил с ружьем и много настреливал, а другой мужик из того же села ходит, ходит, а приносит самую малость. Вот он встретил первого стрельца и спрашивает: «Что это ты всегда с дичью, а я нет? Научи меня!» — «Изволь,— говорит,— штука простая: когда причащаться будешь, так не глотай его, а принеси домой за щечкой». Тот пошел к причастью и принес. «Ну, теперь что?» — «А вот,— говорит,— что!» Взял бурав, просверлил дыру, положил в нее кусочек причастья и сказал: «Возьми ружье и выстрели в это место!» Стрелец взял ружье, приложился; только что хотел выпалить и видит: стоит перед ним сама мать Пресвятая Богородица и говорит: «Сын мой, что ты делаешь? Неужели же ты в меня стрелять будешь?» У того и руки и ноги затряслись, и ружье из рук выпало. Пошел он после того в монастырь грех свой замаливать.

368. СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И МУЖИК

Жил-был бедный мужик. Работал, на дороге щебень бил. Что выработает, то и пропьет: всех сколь есть напоит вином, потому что был доброй души. Одинова идет он в кабак — стоит старичок у кабака. Он говорит ему: «Пойдем, дедушка, выпьем!» — «Нет,— говорит,— иди один пей». Ну, однако ж, он не отступился, увел. И напоил его, угостил. А был то Николай-чудотворец.

Вышли из кабака, а Николай-чудотворец пошел к Иусу Христу: «Вот,— говорит,— я видел на дороге старичка — трудится он, трудится, а все,— говорит,— в кабаке пропивает, а видно, он доброй души-то — всех угощает, никому не жалеет. Нельзя ли ему богатства дать?» — «Я,— говорит Иус Христос,— не могу этого сделать, поди к самому Господу, да смотри — верно ли надеешься на него, доброй ли он души-то еще?»

Пришел Николай-угодник к самому Господу. Рассказал и ему все, что видел, и просил ему богатства, дескать,— простой

он души и того стоит. Господь ему сказал: «Богатства больно скоро можно дать, да все ли будет он доброй души, надеешься ли на него? Будешь ли отвечать за него?» — «Да, уж буду!» — «Ну, хорошо, только смотри!»

После того пошел мужик на работу, стал бить щебень, расколол один камень и видит, что в нем все золото. Забрал золото домой. С того разбогател, стал торговать. Стали к нему ходить нищие, да уже он зазнался, не стал их наделять. Стали нищие о том молиться Богу: «Ой, Господи, гли-ко какой богач, а милостину не подает». Донесли их молитвы Богу. Позвал он Николая-чудотворца: «Вот,— говорит,— я слышал, что он нищих не почитает». — «Погоди-ко, я сам, Господи, схожу, мо-быть, еще и врут». Сделался нищим и пошел к мужику. Слуги доложили ему, что пришел нищий. «Есть,— говорит,— ихнего брата, шлятся!» Он пришел на другой день — уже сказал слугам: «Мне,— говорит,— нужно его самого повидать». Слуги ему доложили: «Больно нужно,— говорит,— еще стану к каждому ходить!» Еще велел идти прогнать. В третий раз пришел Николай-угодник, еще стал просить слуг: «Хоть,— говорит,— два слова ему сказать». Тот все-таки вышел. Стал у него Николай-угодник просить милостыни. Теперь ему уж сам лично сказал: «Убирайся!»

Тут воротился он к Господу: «Прости,— говорит,— Господи, верно, что забыл он тебя, перестал нищих наделять. Нельзя ли богатство-то у него отнять». Просил он, просил Господа, выпросил, обещался ему Господь. «Только,— говорит,— ты молись за его грехи три года, умаливай».

И верно, поплыли как-то корабли богача со всяким товаром, и наступила буря, и все корабли разбила, а товары утонули. И обеднял богач и стал снова щебень бить, да уж золото-то ему больше не попадало.

369. В БОГАТСТВЕ ПРАВДЫ НЕТ

В богатстве правды нет. Жил-был плотник один; добрый был человек, все раздавал нищим. Пойдет, что выработает, и отдаст им: «Нате, дескать, мне не нужно». Вот ладно. Святые отцы и просят у Господа: «Дай,— говорят,— Господи, плотнику богатство». Не знали; вишь, они, что будет, а Бог ведь все это знает, от него не сукроешься. Ладно. Сидит плотник на бревне; тук да тук — ан хватить деньги и посыпались из бревна-то. Он сейчас подобрал их, богатым сделался... В Москву сейчас, товаров разных накупил, торговать стал; ну, и вестимо, дом себе такой смахал, что, пожалуй, и у нас в Орлове не отыщешь.

Только и приходят к нему святые отцы. А у него у ворот-то стоят, чтобы нищих никого не пропускать. Святые отцы прошли все-таки: еще бы, Божья сила тоже. Вот, ладно. Они тут к хрестьянину одному, что богачу прислужал: «Пустите,— говорят,— нас переночевать; так и так, люди странные, издалека зашли». — «Нет,— говорит,— наш господин не любит нищих, взашей вас прогонит. А, вот, коли хотите, ложитесь здесь, в хлеве, со свиньями». Встали как святые отцы наутрѣ да и взмолились Господу: «Господи,— говорят,— отними у него богатство». Ну, и отнял Бог, послушал их. Он опять в плотники пошел, милостив опять стал к нищѣй братии и так и прожил весь век.

370. ПРО КУПЦА, КОТОРЫЙ НИЩИХ НЕ ПРИНИМАЛ

Жил-был купец и хоть нищим подавал, а ночевать к себе не пускал. Рядом с его домом жила бедная старушка; прозвали ее «грехом» за то, должно быть, что очень она греха боялась. И всегда нищие находили у ней приют на ночь. Вот однажды пришли к нему просить милостыню два старика нищенских, а на ночь ушли они к старухе и, уходя, зовут его к себе в гости. Вот и надумал он к ним съездить. А жена его говорит: «Что это ты к таким лишѣшникам в гости поедешь?» — «А ну, все равно, хоть проедусь».

И поехал по той дороге, которую указали ему старцы. Приехал, видит — хорошая изба — что это? Неужели они в таком доме живут? А они уж вышли, встречают его. Накормили, напоили, упросили остаться ночевать. Отвели его в особую комнату и заперли. И вот ночью видится ему, что ползет на него всякой гад — змеи, ужи, лягухи, с руки скинет, смотрит — на ногу уж сидит, с ноги скинет, а на то место уж десяток по руке ползет. И промаялся всю ночь. Утром рассказал им, они его давай угощать да угощать и дотянули до вечера и упросили-таки опять ночевать. Делать нечего, остался, авось не будет больше худо сниться. Нет, на другую ночь ровно еще хуже. На третий день опять его угощают, он уж — нет, мне надо домой. Они его не отпускают и уж силой удержали. И увидел он в третью ночь так хорошо, что и описать нельзя. Утром рассказал старцам и говорит: «Не пожалел бы всего своего имения, кабы мне на том свете такая жизнь». Они ему и говорят: «То, что видел ты в первую и вторую ночь, то будет на том свете тебе и твоей жене, а что в третью, то той старушке, что нищих к себе принимает, не гнушается».

371. ХРИСТОВ БРАТЕЦ

Один старик, умирая, завещал своему сыну, чтобы он не забывал нищих. Вот на Светлый день собрался он в церковь и взял с собой красных яиц христосоваться с нищей братией, хоть и крепко забранилась на него мать, — а была она злая, к бедным немилостивая. В церкви недостало ему одного яйца: оставался еще один срамной нищий, и позвал его парень на дом к себе разговеться. Как увидела мать нищего, больно осерчала: «Лучше, — говорит, — со псом разговеться, нежели с таким срамным стариком!» — и не стала разговляться. Вот сын со стариком разговелись и пошли отдохнуть. И видит сын: на старике одежонка плохиньякая, а крест как жар горит. «Давай, — говорит старец, — крестами меняться; будь ты мне брат крестовый!» — «Нет, брат! — отвечает парень. — Коли я захочу — так куплю себе эдакой крест, а тебе негде взять». Однако старик уговорил парня

поменяться и позвал его к себе в гости во вторник на Святой. «А дорога,— говорит,— вон ступай по той дорожке; скажи только: благослови, Господи! — так и дойдешь до меня».

Вот в самый вторник вышел парень на тропинку, сказал: «Благослови, Господи!» — и пустился в путь-дорогу. Прошел немного и слышит детские голоса: «Христов братец, скажи об нас Христу, долго ли нам мучиться?» Прошел еще немного и видит: девицы из колодца в колодезь воду переливают. «Христов братец,— говорят они ему,— скажи об нас Христу, долго ли нам мучиться?» Идет он дальше и видит тын, а под тем тыном видны старики; всех илом занесло! И говорят они: «Христов братец, скажи об нас Христу, долго ли нам мучиться?» Идет все дальше и дальше и вот усмотрел того самого старца, с которым вместе он разговлялся. Старец у него спрашивает: «Не видал ли чего по дороге?» Парень рассказал ему все, как было. «Ну, узнал ли ты меня?» — говорит старец. И только тут узнал мужик, что это был сам Господь Иисус Христос.

«За что ж, Господи, младенцы мучатся?» — «Их мать во чреве прокляла, им в рай и пройти нельзя!» — «А девицы?» — «Они молоком торговали, в молоко воду мешали; теперь весь век будут они переливать воду!» — «А старики?» — «Как жили они на белом свете, так говорили: только бы на этом свете хорошо пожить, а на том все равно, хоть тын нами подпирай!» Вот они весь век и будут стоять под тыном. Потом повел Христос мужика по раю и сказал, что тут и ему место уготовано (мужику и выйти оттудова не хотелось!). А после повел его к аду, и сидит в аду мать мужика. Он и стал просить Христа: «Помилуй ее, Господи!» Повелел ему Христос свить наперед веревку из кострики. Мужик свил веревку из кострики: видно, уж Господь так дал! Приносит ко Христу. «Ну,— говорит он,— ты вил эту веревку тридцать лет, довольно потрудились за свою мать, вытащи ее из ада». Сын кинул веревку к матери, а та сидит в смоле кипучей. Веревка не горит: так Бог дал! Сын совсем было вытащил свою мать, уж за голову ее схватил, да она как кринет на него: «Ах ты, борзой кобель, совсем было удавил!» — веревка оборвалась, и полетела грешница опять в смолу кипучую. «Не хотела она,— сказал Христос,— и тут воздержать своего сердца: пусть же сидит в аду веки вечные!»

372. О ДВЕНАДЦАТИ БРАТЬЯХ

У одного мужика было двенадцать сынов. Один и говорит: «Коли дома-то такая нужда, так пойдемте хоть в каменщики». Один-то брат был женатый, а другие холостые. Прослышали они, что в Киеве поряжают строить церковь, и пошли туда. Порядились и стали класть. Только что днем складут, то ночью в землю уйдет. Так долгое время работали, сделали своды, а потом и окончили церковь и просят расчёту. Подвели их к золотой гробнице и спрашивают: «Что вам за работу дать: злата, серебра или царствия небесного?» Одиннадцать-то братьев попросили царствия небесного, а один брат потребовал злата и серебра.

Пришел домой с деньгам, а дети и не берут его и говорят: «Пока мы малы были, так где шлялся, а как выросли, так и пришел». Отправился он в ту церковь и упал перед иконой царицы небесной и стал просить: «Возьми ты злато и серебро и дай мне царство небесное». — «Пооди, проси у братьев, пустят ли они». Братья пустили; для этого одиннадцатый брат повернулся на бочок, ну он и лег, только левая-то нога убралась; против его головушки водица покапала, а царица-то небесная спустилась да травинкой и заткнула, и надо всей гробницей вырос цвет красивый-прекрасивый.

373. СИЛА МОЛИТВЫ

Купец все останавливался у одного и того же мужика, не боялся класть и считать при нем деньги и шкатулку с ними без опаски с собой возил. Вот мужик однажды соблазнился и надумал с сыновьями его убить. А купец на то время проснулся и стал их молить, чтобы дали ему время перед Богом в грехах раскаяться. Ну, те дали — он стал на колени перед иконами, начал молиться — вдруг стук в окно: «Эй, товарищ, собирайся поскорей». Убийцы задрожали — у купца никакого товарища не было. Стали просить купца остаться, дескать, мы это в шутку. Но купец не остался, забрал шкатулку и вышел из дома, глядит — а никого нет. Поблагодарил Бога и убрался подобиру-поздорову.

О БОЖЬЕМ СУДЕ

374. АНГЕЛ

Родила баба двойню. И посылает Бог ангела вынуть из нее душу. Ангел прилетел к бабе; жалко ему стало двух малых младенцев, не вынул он души из бабы и полетел назад к Богу. «Что, вынул душу?» — спрашивает его Господь. «Нет, Господи!» — «Что ж так?» Ангел сказал: «У той бабы, Господи, есть два малых младенца; чем же они станут питаться?» Бог взял жезло, ударил им в камень и разбил его надвое. «Полезай туда!» — сказал Бог ангелу; ангел полез в трещину. «Что видишь там?» — спросил Господь. «Вижу двух червячков». — «Кто питает этих червячков, тот пропитал бы и двух малых младенцев!» И отнял Бог у ангела крылья и пустил его на землю на три года.

Нанялся ангел в батраки у попа. Живет у него год и другой; раз послал его поп куда-то за делом. Идет батрак мимо церкви, остановился и давай бросать в нее камни, а сам норовит как

бы прямо в крест попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть не прибили! Пошел батрак дальше, шел-шел, увидел кабака и давай на него Богу молиться. «Что за болван такой,— говорят прохожие,— на церковь камня швыряет, а на кабака молится! Мало бьют эдаких дураков!..» А батрак помолился и пошел дальше. Шел-шел, увидел нищего, и ну его ругать попрошайкой. Услыхали то люди прохожие и пошли к попу с жалобой: так и так, говорят, ходит твой батрак по улицам — только дурит, над святынею насмехается, над убогими ругается. Стал поп его допрашивать: «Зачем-де ты на церковь камня бросал, на кабака Богу молился?» Говорит ему батрак: «Не на церковь бросал я камня, не на кабака Богу молился! Шел я мимо церкви и увидел, что нечистая сила за грехи наши так и кружится над храмом Божиим, так и лепится на крест; вот я и стал шибать в нее камнями. А мимо кабака идучи, увидел я много народу, пьют, гуляют, о смертном часе не думают; и помолился тут я Богу, чтоб не допускал православных до пьянства и смертной погибели». — «А за что облаял убогого?» — «Какой то убогой! Много есть у него денег, а все ходит по миру да собирает милостину; только у прямых нищих хлеб отнимает. За то и назвал его попрошайкою».

Отжил батрак три года. Поп дает ему деньги, а он говорит: «Нет, мне деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошел поп провожать его. Вот шли они, шли, долго шли. И дал Господь снова ангелу крылья; поднялся он от земли и улетел на небо. Тут только узнал поп, кто служил у него целых три года.

375. СУДЬБА ДОБРОЙ ДЕВИЦЫ

Идет по земле сам Господь Бог с сыном своим Иисусом Христом, одетые в рубища, и попадают им навстречу два пьяных и похабных парня. Господь Бог и спрашивает у этих парней, как бы им пройти в такую-то деревню, а парни их выругали и сказали: «Убирайтесь вы, оборванцы, еще всякому

нищему отвечай да показывай дорогу». Так они и пошли дальше. Потом попадаетея навстречу Господу Богу красивая девица: «Скажи, как попасть в такую-то вот деревню?» Девица и говорит: «Идите, вот тут дорога». И рассказала им, какой дорогой идти и где та изба, в которой они хотели остановиться, и пожелала им доброго пути и пошла своей дорогой.

Вот истинный-то Христос и спрашивает у Господа-то Бога: «Чем же ты наградишь эту девицу за ее доброту и красоту и какая ее судьба ожидает?» Отвечает Господь Бог: «Один из этих пьяных парней матерщинников будет ее мужем и ей придется претерпеть от него много зла, но за ее терпение и через два года после ее замужества пресеку ему век». — «А потом что ее ожидает?» — «А потом судьба ее будет лучше, она выйдет замуж за богатого и степенного купца и заживет с ним в добре и довольстве».

376. БЕДНАЯ ВДОВА

Давно было, странствовал по земле Христос с двенадцатью апостолами. Шли они раз как бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христос и апостолы. Вот пришли они в одну деревню и попросились на ночлег к богатому мужику. Богатый мужик их не пустил: «Вон там живет вдова, она нищих пускает; ступайте к ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бедная, пребеднеющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлебца да с горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та без молока — не отелась к тому сроку. «У меня, батюшки,— говорит вдова,— избенка малая, и лечь-то вам негде!» — «Ничего, как-нибудь упокоимся». Приняла вдова странников и не знает, чем напитать их. «Чем же мне покормить вас, родимых,— говорит вдова,— всего-навсего есть у меня одна махонькая краюшечка хлебца да с горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нетуть: все жду — вот отелится... Не взыщите на хлебе, на соли!» — «И, бабушка,— сказал Спаситель,— не кручинься, все будем сыты.

Давай что есть, мы и хлебушка поедим; все, бабушка, от Бога...» Вот сели они за стол, стали ужинать, одной краюшечкой хлеба все наплатились, еще ломтей эва сколько осталось! «Вот, бабушка, ты говорила, что нечем будет накормить,— сказал Спаситель,— гляди-ка, мы все сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, от Бога...» Переночевали Христос и апостолы у бедной вдовы. Наутро говорит вдова своей невестке: «Подь, поскреби мучицы в закроме; авось наберешь с горсточку на блины покормить странников». Невестка сходила и несет муки таки порядочную махотку. Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а теперча и на блины хватило, да еще невестка говорит: «Там в закроме и на другой раз осталось». Напекла вдова блинков и потчует Спасителя и апостолов: «Кушайте, родимые, чем Бог послал...» — «Спасибо, бабушка, спасибо».

Поели они, попрощались с бедной вдовой и пошли себе в путь. Идут эдак по дороге, а в стороне от них сидит на пригорке серый волк; поклонился он Христу и стал просить себе еды: «Господи,— завыл,— я есть хочу! Господи, я есть хочу!» — «Пойди,— сказал ему Спаситель,— к бедной вдове, съешь у нее корову с теленком». Апостолы усомнились и сказали: «Господи, за что же велел ты зарезать у бедной вдовы корову? Она так ласково приняла и накормила нас; она так радовалась, ожидая от своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитание на всю семью». — «Так тому быть должно!» — отвечал Спаситель, и пошли они дальше. Волк побежал и зарезал у бедной вдовы корову; как узнала о том старушка, она со смирением промолвила: «Бог дал, Бог и взял; его святая воля!»

Вот идут Христос и апостолы, а навстречу им катится по дороге бочка с деньгами. Спаситель и говорит: «Катись, бочка, к богатому мужику во двор!» Апостолы опять усомнились: «Господи! Лучше бы велел ты этой бочке катиться во двор к бедной вдове; у богатого и так всего много!» — «Так тому быть должно!» — отвечал им Спаситель, и пошли они дальше. А бочка с деньгами прикатилась прямо к богатому мужику во двор; мужик взял, припрятал эти деньги, а сам все недоволен: «Хоть бы еще столько же послал Господь!» — думает про себя. Христос и апостолы идут себе да идут. Вот в полдень стала большая жара, и захотелось апостолам испить. «Иисусе! Мы пить

хочем»,— говорят они Спасителю. «Ступайте,— сказал Спаситель,— вот по этой дорожке, найдете колодезь и напейтесь».

Апостолы пошли; шли-шли и видят колодезь. Заглянули в него: там-то срамotá, там-то сквернота— жабы, змеи, лягва... Там-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назад к Спасителю. «Что ж, испили водицы?»— спросил их Христос. «Нет, Господи!»— «Отчего?»— «Да ты, Господи, указал нам такой колодезь, что и посмотреть-то в него страшно». Ничего не отвечал им Христос, и пошли они вперед своей дорогой. Шли-шли; апостолы опять говорят Спасителю: «Иисусе! Мы пить хотим». Послал их Спаситель в другую сторону: «Вон видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли к другому колодезю: там-то хорошо, там-то прекрасно: растут деревья чудесные, поют птицы райские, так бы и не ушел отсюда! Напились апостолы,—а вода такая чистая, студеная да сладкая!— и воротились назад. «Что так долго не приходили?»— спрашивает их Спаситель. «Мы только напились,— отвечают апостолы,— да побыли там всего три минуточки».— «Не три минуточки, а целых три года,— сказал Господь.— Каково в первом колодце, таково худо будет на том свете богатому мужику, а каково у другого колодца, таково хорошо будет на том свете бедной вдове!»

377. ХРИСТОС И АПОСТОЛЫ

Господь по земле ходил с апостолами. Пришел к богачу, ночевать просился. «Куды,— говорит,— вас такая артель, беспокоится». Он за то золотые ворота ему дал: «На, богатый, на сем свете». Пошел к вдовице, та пустила ночевать: «Подите, добрые люди, ночуйте». У ней был мальчик. У вдовицы ночевали. «Мы, хозяйшка, не знаем дороги, когда идти». Она мальчика послала. «Поди,— говорит,— проводи добрых людей, когда надоть». За реку идти-то надоть. Господь послал ангела смертоносного, спихнул его с перехода— утонул парнёк. Апостолы жалеют:

«Господи, вот богач не пустил, так тому золотые ворота дал, а вдовица пустила, за то сына взял за ночлег». — «Нет, — говорит, — дружи мои, апостолы, не жалеете сына. Богач не пустил, так пусть богатеет на сем свете, а там будет мучиться. А вдовица пустила, будет царствовать, и сын будет царствовать, а как бы большой вырос, согрешил, так не будет царствовать, для того и спихнул, а тепере будет с матерью царствовать».

Пошли за милостыней. Пришли в дом, пришли. Обедают — ничего не дали. Господь Бог за то не дал им хлеба-соли. В другой дом пришли: смеются, разговаривают. Тем хлеб-соль дал, и апостолы хлеб-соль дают. Вышли, на улицах и спрашивают Господа: «Господи, что же мы пришли в избу — оне хлеб едят, ничего не говорят, а им хлеб-соль не дал». — «А вот они друг на дружку осердились, потому и хлеба-соли не дал. А те за простые сердца радеют, друг дружку любят, хохочут, тем и хлеб-соль дал».

Идут опять путем-дорогой. Женщина рубахи моет на праздник. Господь говорит: «Будь она проклята! Эку душу распустила! На праздник моет рубахи». Дальше идут. Девушка младенца давит. Той Бог помощь дал: «Бог помощь, — говорит, — давить-то». Отошли, апостолы и спрашивают: «Ведь это грех-от большой: младенца давит, а тут ведь рубахи давит, это меньший грех». — «Нет, дружи мои, она ведь какую душу распустила — грехом не считает: на праздник грех-от работать. А девушка, та будет до смерти каяться, докули жива, все у ней на уме будет».

378. ОТЧЕГО ОСИНА ДРОЖИТ

[...] Как продал Иуда Христа, жиды Христа на кресте распяли, Иуду страх взял. Задумал злодей удавиться. «Ни одно дерево не смей, — говорит Господи, — ни одно не смей принимать на себя Иуду-хриstopравдавца!» Сказал Господи, кто слова Господня не послушает? Всякому дереву, стало, нельзя принимать на себя Иуду-хриstopродавца... Кинулся Иуда к березе, что

росла у самого просветлого рая... кинулся к той березе, сделал моток, взлез на самую верхушку, взлез, да и повесился! Только и береза умна была: нагнула верхушку до самой земли да и скинула с себя Иуду; только скинула береза Иуду не в пресветлый рай, а на нашу грешную землю. Оттого у березы и ветья такие гибкие: как хочешь гни, хоть узлом вяжи — все не сломится. Побежал Иуда-хриstopродавец, побежал к горькой осиночке, к самой молоденькой осиночке. «Молодая осиночка разумом глупешенька», — думает Иуда. А Бог-то на что? Вот про это и забыл злодей! Прибежал Иуда к той осиночке и повесился на горьконькой! Как вздрогнет осиночка! Как быть горьконькой? Божьего слова не послушала... А разумом-то глупешенька и не соберется с своей памятью, что ей делать. Только Господи и говорит: «Не бойся ты, горькая осина! Не с злого умыслу ты это сделала; не по злу, а по своему глупому разуму; тебе за это греха не будет; скинь с себя Иуду-хриstopродавца!» Осина и скинула с себя Иуду-хриstopродавца. С того-то слова Божия осина и по теперь дрожит — вот отчего... «Прими, дуб, на себя Иуду-хриstopродавца!» — сказал Господи. Дуб и принял на себя Иуду-хриstopродавца, и греха тут дубу нет: принял на себя дуб Иуду по слову Божию. Оттого-то у дуба ветьи такие крепкие, да и весь дуб такой крепкий да твердый; крепче дуба на свете дерева нет... одно только и есть крепче: это купарисово дерево. [...] Из купарисова древа крест для Христа делали, на купарисовом древе иконы святые пишут, оттого купарисово дерево и крепче всех, крепче всех, крепче самого дуба...

379. ОБИЖЕННЫЙ СОЛДАТ И ДОБРЫЙ ДУХ

У одной вдовы был единственный сын, а у мужика старосты было три сына. Пришел рекрутский набор; неохота старосте отдать своего сына в солдаты: «Дай-ко я постараюсь отдать в солдаты у соседки вдовы сына вместо своего». Взяли у вдовы сына в солдаты, она сильно плакала и горевала, да что поделаешь, где же ей с мироедом тягаться. Прослужил вдовин сын

законный срок и пошел на свою родину. Идет, и попадаетея ему по пути некий странник собой кроткого вида и спрашивает: «Куда ты, солдатик, идешь?» — «А иду из службы, на родину». И начал рассказывать, какое у него накипело на сердце зло против старостиной семьи. «Пойдем вместе, служивенький,— говорит странник,— только зайдем в церковь, которая нам будет на дороге, и ты там увидишь большое чудо».

Отправились, дошли до святой церкви и видят, что дверь открыта. «Войдем,— говорит странник,— и встанем по левую сторону, и смотри, что там делается». Взошли, и видит солдат, что в церкви совершается таинство крещения; первого мальчика священник при крещении облачает в шинель; солдат и спрашивает: «Это что такое?» А странник отвечает: «Когда этот мальчик вырастет, то ему придется быть в солдатах». Крестит священник второго ребенка, девочку, и кладет ее ничью. «А это что означает?» — говорит солдат. «Эту девочку на тридцатой неделе мать заспит» (т. е. задавит своим телом во сне). Священник крестит третьего ребенка, девочку, и кладет ее на спину. «Это к чему делается?» — спросил солдат. «Эта девочка на пятом году потонет». Удивился всему этому солдатик, и вышли они из церкви. Странник и говорит: «Оставь зло и помни о добре, не тебе судить уже обсуженных на небе, я дух добра и для этого и хожу по земле, прощай»,— и быстро удалился. Солдат остался растерянным.

Приходит в свою деревню, а там не все ладно. Староста и его сыновья все померли, осталась только вдова сына старосты, которому следовало идти в солдаты, с тремя детьми. Виденное в церкви все сбылось: девочку на тридцатой неделе мать заспала, вторая девочка пяти лет утонула, мальчик же на его глазах вырос и поступил в солдаты.

380. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦЕ

Када-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! Много вас тас-

кается, всех не накормишь!» Так-таки ничего и не дал. На ту пору случись — мужичок привёз на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий всё свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будет ваша милость!» — «Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так самая малость. «Вот дурак! сколько отдал,— думает мельник,— да я еще за помол возьму: что ж ему-то останется?» Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука всё сыпется да сыпется! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намолось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпется да сыпется. Мужик не знал, куды и собирать-то!

381. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА

Раз как-то принял на себя Христос вид старичка-нищего и шел через деревню с двумя апостолами. Время было позднее, к ночи; стал он проситься у богатого мужика: «Пусти, мужичок, нас переночевать». А мужик-ат богатый говорит: «Много вас, попрошаек, здесь таскается! Что слоняетесь-та по чужим дворам? Только, чай, и умеете, а небось не работáете...» И отказал наотрез. «Мы и то идем на работу,— говорят странники,— да вот застала нас в дороге ночь темная. Пусти, пожалуйста! Мы ночуем хоть под лавкою». — «Ну так и быть! Ступайте в избу». Впустили страпников; ничем-то их не покормили, ничем-то их не напоили (сам хозяин-та поужинал вместе со своими домашними, а им ничего не дал), да и ночевать им довелось под лавкою.

Поутру рано стали хозяйские сыновья собираться хлеб молотить. Вот Спаситель и говорит: «Пустите, мы вам поможем за ночлег, помолотим за вас». — «Ладно,— сказал мужик,— и давно

бы так! Лучше, чем попусту без дела слоняться-та!» Вот и пошли молотить. Приходят, Христос и гутарит хозяйским сыновьям: «Ну, вы разметывайте адонье, а мы приготовим ток». И стал он с апостолами готовить ток по-своему: не кладут они по одному снопу в ряд, а снопов по пяти, по шести, один на другой, и наклали, почитай, целое пол-адонье. «Да вы такие-сякие, совсем дела не знаете! — заругались на них хозяева, — зачем наложили такие вороха?» — «Так кладут в нашей стороне; работа, знашь, оттого спорее идет», — сказал Спаситель и зажег подкладенные на току снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать, весь хлеб погубили. Ан погорела одна солома, зерно осталось целое и заблестало в большущих кучах крупное, чистое да такое золотистое!

Воротившись в избу, сыновья-та и говорят отцу: так и так, батюшка, смолотили, дйскать, пол-адонья. Куда! И не верит! Рассказали ему все как было; он еще пуще дивится: «Быть не может! От огня зерно пропадает!» Пошел сам поглядеть — зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое — на диво! Вот покормили странников, и остались они еще на одну ночь у мужика.

Наутро Спаситель с апостолами собирается в путь-дорогу, а мужик им гутарит: «Пособите нам еще денёк-та!» — «Нет, хозяин, не проси; неколи, надыть идти на работу». А старший хозяйский сын потихоньку и говорит отцу: «Не трожь их, бачка; не замай идут. Мы тепереча и сами знаем, как надыть молотить». Странники попрощались и ушли. Вот мужик-то с детьми своими пошел на гумно; взяли наклали снопов, да и зажгли; думают: сгорит солома, а зерно останется. Ан вышло не так: весь хлеб поняло огнем, да от снопов бросилось полома на разны постройки; начался пожар, да такой страшный, что все догола и погорело!

382. ПИВО И ХЛЕБ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатой крестьянин; много у него было и денег и хлеба. И он давал по всей деревне бедным мужичкам займы: деньги давал из процентов, а коли даст хлеба, то весь сполна возврати на лето, да сверх того за каждый четверик два дня ему проработай на поле. Вот раз случилось: подходит храмовой праздник, и стали мужички варить к празднику пиво; только в этой самой деревне был один мужик да такой бедный, что скудней его во всем околотке не было. Сидит он вечером, накануне праздника, в своей избенке с женой и думает: «Что делать? Люди добрые станут гулять, веселиться; а у нас в доме нет ни куска хлеба! Пошел бы к богачу попросить в долг, да ведь не поверит; да и что с меня, горемычного, взять после?» Подумал-подумал, приподнялся с лавки, стал перед образом и вздохнул тяжелехонько. «Господи! — говорит, — прости меня, грешного; и масла-то купить не на что, чтоб лампадку перед иконою затеплить к празднику!» Вот немного погодя приходит к нему в избушку старец; «Здравствуй, хозяин!» — «Здорово, старичок!» — «Нельзя ли у тебя переночевать?» — «Для чего нельзя! Ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нет ни куска в доме, и покормить тебя нечем». — «Ничего, хозяин! У меня есть с собой три кусочка хлеба, а ты дай ковшик водицы: вот я хлебцем-то закушу, а водицей прихлебну — тем сыт и буду». Сел старик на лавку и говорит: «Что, хозяин, так приуныл? О чем запечалился?» — «Эх, старина! — отвечает хозяин. — Как не тужить мне? Вот дал Бог — дождались мы праздника, люди добрые станут радоваться и веселиться, а у нас с женою хоть шаром покати, — кругом пусто!» — «Ну, что ж? — говорит старик. — Пойди к богатому мужику да попроси у него в долг что надо». — «Нет, не пойду; все равно не даст!» — «Ступай, — пристаёт старик, — иди смело и проси у него четверик солоду; мы с тобой пива наварим». — «Э, старичок! Теперича поздно; когда тут пива варить? Вить праздник-то завтра». — «Уж я тебе сказываю: ступай к богатому мужику и проси четверик солоду; он тебе сразу даст! Небось, не откажет! А завтра к обеду такое пиво у нас будет, какого во всей деревне никогда не бывало!» Нечего делать, собрался бедняк,

взял мешок под мышку и пошел к богатому. Приходит к нему в избу, кланяется, величает по имени и отчеству и просит взаем четверик солоду: хочу-де к празднику пива сварить. «Что ж ты прежде-та думал! — говорит ему богатой. — Когда теперича варить? Вить до праздника всего-навсего одна ночь осталась». — «Ничего, родимой! — отвечает бедной. — Коли милость твоя будет, мы как-нибудь сварим себе с женою, будем вдвоем пить да величать праздник». Богатой набрал ему четверик солоду и насыпал в мешок; бедной поднял мешок на плечи и понес домой. Воротился и рассказал, как и что было. «Ну хозяин, — молвил старик, — будет и у тебя праздник. А что, есть ли на твоём дворе колодезь?» — «Есть», — говорит мужик. «Ну, вот мы в твоём колодезе и наварим пива; бери мешок да ступай за мною». Вышли они на двор и прямо к колодезю. «Высыпай-ка сюда!» — говорит старик. «Как можно такое добро в колодезь сыпать! — отвечает хозяин, — только один четверик и есть, да и тот задаром должен пропасть! Хорошего ничего мы не сделаем, только воду смутим». — «Слушай меня, все хорошо будет!» Что делать, вывалил хозяин в колодезь весь свой солод. «Ну, — сказал старец, — была вода в колодезе, сделайся за ночь пивом!.. Теперь, хозяин, пойдем в избу да ляжем спать, утро мудренее вечера; а завтра к обеду поспеет такое пиво, что с одного стакана пьян будешь».

Вот дождались утра; подходит время к обеду, старик и говорит: «Ну, хозяин, теперича доставай ты побольше ушатов, станови кругом колодезя и наливай пивом полнехоньки, да и зови всех, кого ни завидишь, пить пиво похмельное». Бросился мужик по соседям. «На что тебе ушаты понадобились?» — спрашивают его. «Оченно, — говорит, — нужно; не во что пива сливать». Вздивовались соседи: «Что такое значит! Не с ума ли он спятил? Куска хлеба нет в доме, а еще о пиве хлопочет!» Вот хорошо, набрал мужик ушатов двадцать, поставил кругом колодезя и стал наливать — и такое сделалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Налил все ушаты полным-полнехоньки, а в колодезе словно ничего не убыло. И стал он кричать, гостей на двор зазывать: «Эй, православные! Пожалуйте ко мне пить пиво похмельное; вот пиво так пиво!» Смотрит народ: «Что за диво такое? Вишь, налил из колодезя воды, а зовет на пиво; дай-ка зайдем, посмотрим, на каку это хитрость

он поднялся?» Вот повалили мужики к ушатам, стали черпать ковшиком, пиво пробовать; оченно показалось им это пиво: «Отродясь-де такого не пивали!» И нашло народу полон двор. А хозяин не жалеет, знай себе черпает из колодезя да всех сплошь и угощает. Услыхал про то богатый мужик, пришел к бедному на двор, попробовал пива и зачал просить бедного: «Научи-де меня, какой хитростью сотворил ты эдакое пиво?» — «Да тут нет никакой хитрости,— отвечал бедной,— дело самое простое. Как принес я от тебя четверик солоду, так прямо и высыпал его в колодезь: была-де вода, сделайся за ночь пивом!» «Ну, хорошо же! — думает богатой. — Только ворочусь домой, так и сделаю». Вот приходит он домой и приказывает своим работникам таскать из анбара самой что ни есть лучший солод и сыпать в колодезь. Как взялись работники таскать из анбара и вперли в колодезь кулей десять солоду. «Ну,— думает богатой,— пиво-то у меня будет получше, чем у бедного!» Вот на другое утро вышел богатой на двор и поскорей к колодезю, почерпнул и смотрит; как была вода — так и есть вода! только мутнее стала. «Что такое! Должно быть, мало солоду положили: надо прибавить»,— думает богатой и велел своим работникам еще кулей пять ввалить в колодезь. Высыпали они в другой раз; не тут-то было, ничего не помогает! весь солод задаром пропал. Да как прошел праздник, и у бедного осталась в колодезе только суцья вода; пива все равно как не бывало.

Опять приходит старец к бедному мужику и спрашивает: «Послушай, хозяин! Сеял ли ты хлеб-ат нынешним годом?» — «Нет, дедушка, ни зерна не сеял!» — «Ну ступай же опять к богатому мужику и проси у него по четверику всякого хлеба; мы с тобой поедем на поле да и посеем». — «Как теперича сеять?» — отвечает бедной,— ведь на дворе зима трескучая!» — «Не твоя забота! Делай, что приказываю... Наварил тебе пива, насею и хлеба!» Собрался бедной, пошел опять к богатому и выпросил у него в долг по четверику всякого зерна. Воротился и говорит старику: «Все готово, дедушка!» Вот вышли они на поле, разыскали по приметам мужикову полосу и давай разбрасывать зерно по белому снегу. Все разбросали. «Теперича,— сказал старик бедному,— ступай домой и дожидай лета: будешь и ты с хлебом!» Только пришел бедной мужик в свою деревню, как про-

ведали про него все крестьяне, что он середь зимы хлеб сеял; смеются на него — да и только: «Эка он, сердечной, хватился когда сеять! Осенью небось не догадался!» Ну, хорошо; дождался весны, сделалась теплынь, снега растаяли, и пошли зеленые всходы. «Да-ка,— вздумал бедной,— пойду посмотрю, что на моей земле делается». Приходит на свою полосу, смотрит, а там такие всходы, что душа не нарадуется! На чужих десятинах и вполовину не так хороши. «Слава тебе, Господи! — говорит мужик,— тепериче и я поправлюсь». Вот пришло время жатвы; начали добрые люди убирать с поля хлеб. Собрался и бедной, хлопочет с своей женой и никак не сможет управиться; принужден созывать к себе на жнитво рабочий народ и отдавать свой хлеб из половины. Дивуются все мужики бедному: земли он не пахал, сеял середь зимы, а хлеб у него вырос такой славной. Управился бедной мужик и зажил себе без нужды; коли что надо по хозяйству — поедет он в город, продаст хлеба четверть, другую и купить что знает; а долг свой богатому мужику сполна заплатил. Вот богатой и думает: «Да-ка и я зимой посею; авось и на моей полосе уродится такой же славной хлеб». Дождался того самого дня, в который сеял бедной мужик прошлым годом, навалил в сани несколько четвертей разного хлеба, выехал в поле и давай сеять по снегу. Засеял все поле; только поднялась к ночи погода, подули сильные ветры и свеяли с его земли он все зерно на чужие полосы. Вот и весна-красна; пошел богатой на поле и видит: пусто и голо на его земле, ни одного всхода не видать, а возле, на чужих полосах, где ни пахано, ни сеяно, поднялись такие зеленыя, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи, много издержал я на семена — все нет толку; а вот у моих должников ни пахано, ни сеяно — а хлеб сам собой растет. Должно быть, я — великой грешник!»

383. ГОРДЫЙ БОГАЧ

Не ведаю где, жил-был себе пан, такой богатой, что карбованцы мерял коробами, золото четвериками, а в медных деньгах и счету не знал. Сколько у него было крестьян, земли, лесов,

покосов — нечего и говорить! Все равно не пересчитаешь. Ох-ох! Да какая ж беда с ним случилась! Из богача сделался он беднее нас, грешных; а за что? За то, что Бога позабыл и работал одной нечистой силе. Бывало, добрые люди заутреню слушают в церкви Божией, а у него музыка гудит да вприсядку отжаривают. В церковь он никогда не ходил и не видел, зачем туда люди ходят. Да раз как-то вздумалось ему посмотреть, что такое там делается, и вот на праздник Господень пошел пан вместе с панею к обедне. Все православные Богу молятся, а они стоят себе, поглядывают по сторонам да хохочут. Стал дьякон читать: «Богатые обнищают и взалкают...» — как бежит к нему пан, вырвал из рук книгу и хватъ дьякона по лысине: «Как смеешь ты, дурень, такие слова при мне сказывать? Разве я могу обнищать и взалкать? Ах ты, кутенник! погоди ж, я тебе покажу, как надо мной смеяться! Если хоть раз еще осмелишься выговорить такие речи, то я так попотчую тебя на конюшне, что до новых веников не забудешь! Подай чернильницу». Дьякон ни жив ни мертв со всех ног пустился доставать чернильницу и перо; а поп в алтаре спрятался и тресется бедненькой, словно в лихорадке. Принес дьякон чернильницу и перо. «Смотри, неуч! — говорит пан, — что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни после!» Вдруг поднялась буря, молния поминутно блещет, гром все сильнее и сильнее, а потом как ударит — Господи, твоя воля! — все, кто только был в церкви, так и повалились на пол. Только пан с панею стоят да хохочут. Прибежал староста: «Беда, — говорит, — господский дом горит!» Принялись тушить; да нет, с Богом нельзя спорить. Все пачисто сгорело, будто и не было панского двора. Ну, это богачу как плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежних. Только с того самого времени, как станет дьякон читать в церкви и только дойдет до того места, где написано, что богатые обнищают и взалкают, — всякой раз, откуда что возьмется, загремит да и загремит на небе.

Вот захотелось пану ехать на охоту. Собралось народу — человек с двести будет, да и собак столько же. Сели на коней, затрубили в рога и поскакали в лес; травили там и зайцев, и лисиц, и волков, и медведей, как вдруг бежит олень, да такой красивой, что не нагляделся б на него! Пан ударил вслед

за оленем: птицею летит на коне, а зверь еще быстрее.

Вот близко, вот нагоняет, не тут-то было! Уже и полдень прошел, уже и солнышко низко, вот и темнеть стало — а он все гонится за красным зверем. Настала черная ночь, в лесу хоть глаз выколи — ничего не видно! Тогда только остановил пан своего коня. Что делать? Он затрубил в рог, не откликнутся ли его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только бор шумит. Затрубил в другой и в третий раз, никто не отзывается; один далекий лес повторяет: тру-тру-тру! Едет пан дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржут и собаки лают; а все не видать жилья, только небо и земля, да сосны кудрявые шумят верхушками. Уже и конь пристал, чуть-чуть ноги двигает, а сам он едва на коне сидит. Вдруг блеснул огонек. Пан снова заиграл в трубу, чтобы вышли к нему навстречу, коли есть тут люди. Чего хотел, то и сделалось. Выскочили из-за деревьев человек двенадцать и встретили его, только не по-пански: один так хватил его по затылку, что пан как сноп повалился на землю. Очнулся — совсем голый, как мать породила! Хотел было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрелся: вокруг огня сидят разбойники и с ними атаман в красном кафтане. «Что ж вы, сволочь, барина не прикроете!» — закричал он на своих молодцов. Тотчас с десяток хлопцов бросилось к пану и давай потчевать его батогами. «Полно! — снова заревел атаман. — Отведите его в Волчью долину и привяжите там к дереву; нам он больше не нужен, а волкам пригодится: лакомый будет кусок на завтрак!» Подхватили пана за ноги, приволокли в Волчью долину и плотно прикрутили веревкой к сосне. Стоит пан сутки, стоит и другие — нет мочи терпеть: внутри огнем палит, во рту пересохло, вот-вот душа с телом расстанется. А он и не думает покаяться; на уме одно держит: как ворочусь домой, сейчас же соберу крестьян и пойду душить этих проклятых лесовиков!

Недалеко от Вольчей долины, на полянке паслось стадо. Жарко стало в полдень; вот пастухи и погнали сюда своих овец и коров, чтобы усесться самим под сосною и плесть в холодку лапти. Как же они удивились! Стоит у сосны голый человек, по рукам и по ногам связанный. «Ах, Грицько, — говорит один пастух, — посмотри-ка: человек привязан в чем мать родила, и весь то избитой, весь в крови! Пойдем, отвяжем его; может, еще

жив! — «Что ж? Отвяжем», — говорит другой. С этим словом они подошли к сосне и распутали веревки. Пан-то молчал, а как сняли с него веревки, сейчас закричал: «Эй, ты, молодец! снимика свою сермягу да подай сюда. Хоть твой наряд и плох, а все лучше, чем голым быть. Да проводи меня в барской дом. Знайте, негодяи, с кем вы дело имеете: я ваш барин!..» — «Ха-ха-ха! Похож, нечего сказать, похож на барина: кафтан на тебе такой славной, весь расписанной! Нет, человек, Бог тебя знает, кто ты такой; я тебе скажу, что пан наш в высоких хоромах в золотой одежде». — «Ах ты, хамское отродье! Смеешь ли ты грубить своему господину?.. Вот я вас! Дайте дó дому добратся». Расходился пан и ну тащить с пастуха свитку. «Так вот оно что! — сказал пастух, — тебя с привязи спустили, а ты и кусаться лезешь! Вот же тебе, бродяга! Вот тебе, разбойник!» — и начали отжаривать пана пугою. Пан от него, а пастух за ним: шлеп, шлеп да шлеп, шлеп да шлеп. Как припустит пан в сторону, откуда ноги взялись. Долго бежал он, пока из сил не выбился: выбился из сил и растянулся на дороге. На его счастье, идут старцы. Сжалился один старец, дал ему свою свитку; пан оделся и пошел вместе с ними, питаясь милостиной. Дорогой он рассказал обо всем, что ему приключилось; говорил, как отплатит своим обидчикам и как наградит старцев — за то, что его прикрыли и с собой взяли. Старцы уже новые торбы стали готовить, чтобы было куда положить панские гроши. Вот пришли в село и прямо в барские хоромы лезут. «Куда вы!» — закричали на них слуги. «Прочь! — сказал пан. — Разве не видите, хамы, что ваш господин идет?» — «Какой господин? Был у нас пан, да пропал!» — «Врете, скоты! Я — ваш пан!» — «Ну, брат, погоди маленько!» Пан полез было драться, да куда! схватили его за руки и повели к пани. Как услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ее мужем, разгневалась и приказала высечь его плетьюми и зарыть живого в землю. Что ни делал пан, как ни отбивался, а схоронили его заживо. В церкви опять стали читать вымаранные слова: «богатые обнищают и взалкают», и при чтении дьякона уже не было слышно громовых ударов.

384. СМЕРТЬ ПРАВЕДНОГО И ГРЕШНОГО

Один старец просил у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают праведники. Вот явился к нему ангел и говорит: «Ступай в такое-то село и увидишь, как умирают праведники». Пошел старец; приходит в село и просится в один дом ночевать. Хозяева ему отвечают: «Мы бы рады пустить тебя, старичок, да родитель у нас болен, при смерти лежит». Больной услышал эти речи и приказал детям впустить странника. Старец вошел в избу и расположился на ночлег. А больной созвал своих сыновей и снох, сделал им родительское наставление, дал свое последнее на веки нерушимое благословение и простился со всеми. И в ту же ночь пришла к нему Смерть с ангелами: вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запели «Иже херувимы» и понесли в рай. Никто того не мог видеть; видел только один старец. Дождался он похорон праведника, отслужил панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть святую кончину.

После того просил старец у Бога, чтоб допустил его увидеть, как умирают грешники; и был ему глас свыше: «Иди в такое-то село и увидишь, как умирают грешники». Старец пошел в то самое село и выпросился переночевать у трех братьев. Вот хозяева воротились с молотбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь; и невидимо им пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову. «Ой, голова болит!.. Ой, смерть моя...» — закричал он и тут же помер. Старец дождался похорон грешника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобил его видеть смерть праведного и грешного.

КОММЕНТАРИИ

Приводимые в книге тексты отбирались по двум параметрам: достаточная надежность источника и достаточная характерность для представленных нами групп фольклорных произведений. Составитель воздержался от использования некоторых сборников, привлекавшихся в недавних антологиях, но не вызывающих у него доверия. Тексты брались по первоисточникам, а не по перепечаткам. Исключение составили несколько публикаций в «Онежских губернских ведомостях», использованные по переизданию в академическом сборнике (что обозначено дополнительной ссылкой в скобках). Привлекались записи, осуществленные только на русском языке, и почти все — в пределах России (несколько текстов были записаны на территории Белоруссии и Латвии).

Источники сильно различаются по способам передачи формы — от фонетических записей диалектологов до пересказов некоторых произведений публикаторами. Затрудняющие читательское восприятие фиксации диалектизмов при передаче текстов сняты, но без того, чтобы исчез колорит народного языка той или иной местности, без унифика-

ции и без подгонки простонародной или несколько архаичной речи под современный литературный язык. Малопонятные современному читателю древнерусские тексты X—XIII веков даются по точным переводам на современный язык с дополнительными отсылками к древнерусским оригиналам.

При передаче источников опущены, как правило без оговорок, встречающиеся иногда в самом их тексте примечания и пояснения публикаторов (при необходимости это вынесено нами в комментарий). Знак [...] обозначает, что выпущена часть текста, где исполнитель отвлекся в сторону от передачи фольклорного произведения. Названия произведений приводятся согласно источнику или даются составителем этой книги, если в источнике текст не озаглавлен. В тех редких случаях, когда составителем дано иное название (обычно — для устранения повторов), в комментарии в скобках указано заглавие по источнику.

Комментарий к каждому тексту дает также сокращенное обозначение источника с отсылкой к страницам; указывается исполнитель, время и место записи — если это сообщено в источнике. Дополнительные пояснения даются лишь в самых необходимых случаях, имея в виду достаточно образованного читателя.

Распределение материала по рубрикам иногда условно, поскольку содержание некоторых произведений позволяет относить их не только в тот раздел, где они помещены. Хронология исходных фактов при размещении исторических преданий и легенд не всегда точно выдержана. Эти произведения даются по циклам и тематическим группам, причем вначале обычно помещены тексты, обобщающие ряд фактов или представлений, а затем — посвященные им в отдельности.

Из книг, вышедших за последние четверть века, материалу этого сборника в наибольшей мере посвящены: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986; Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Л., 1987; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Источники текстов

Аристов, 1878—Аристов Н. Я. Русские народные предания об исторических лицах и событиях // Труды Третьего археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1.

Аристов, 1880—Аристов Н. Я. Предания об исторических лицах и событиях // Исторический вестник. 1880. Т. 3.

Афанасьев—Народные русские легенды. Т. 1: Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым/Под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914.

Афанасьев, т. 1, т. 2—Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х т. Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1; 1985, Т. 2.

Балашов—Сказки Терского берега Белого моря/Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Бараг—Бараг Л. Г. Предания о Пугачевском восстании в записях 1966—1971 гг. // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. Вып. 1.

Барсов, 1872—Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. № 5.

Барсов, 1879—Барсов Е. В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1879. № 9.

Барсов, 1886—Барсов Е. В. Народные предания о миротворении // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1886. Кн. 4. Отд. 4.

Баснин—Баснин П. П. Раскольничьи легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. № 5.

Бирюков—Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор/Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Богатырев—Богатырев П. Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губернии // Живая старина, 1916. Вып. 4. Прилож. № 6.

Голиков—Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. 2-е изд. М., 1798.

Господарев—Сказки Филиппа Павловича Господарева/Запись текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

Дашков—Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. Спб., 1842.

Добротворский—Добротворский Н. Народное предание об освобождении крестьян от монастырской неволи // Русский архив. 1887. № 5.

Едемский—Едемский М. Б. Из кокшенигских преданий // Живая старина. 1908. Вып. 1—2.

Елисеев—Елисеев А. В. Народные предания о Суворове // Древняя и Новая Россия. 1879. № 8.

Еремин и Лихачев — Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков/Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957.

Ефименко — Заволоцкая чуда/Сост. П. С. Ефименко. Архангельск, 1869. Ч. 1.

Железнов — Уральцы: Очерки быта уральских казаков//Полн. собр. соч. И. И. Железнова. 3-е изд. Спб., 1910. Т. 3.

Зайковский — Зайковский Б. В. Бугор Стеньки Разина//Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908. Вып. 24. Отд. 1.

Зайцев — Народное творчество Южного Урала/Зап. И. С. Зайцев. Челябинск. 1948. Вып. 1.

Зачиняев — Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний//Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Спб., 1906. Т. 11. Кн. 1.

Зеленин, 1914 — Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914. (Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 41).

Зеленин, 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915. (Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 42).

Зиновьев — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири/Сост. В. П. Зиновьева; коммент., научн. апп. В. П. Зиновьева, Г. Н. Зиновьевой, Н. Л. Новиковой. Новосибирск, 1987.

Колпакова — Колпакова Н. П. Поморские «бывальщины»//Звезда Севера. Архангельск. 1935. № 7.

Коротин — Коротин Е. Фольклор янцких казаков. Алма-Ата, 1981.

Костомаров — Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Спб., 1863. Т. 2.

Кривошеков — Кривошеков Н. Я. Словарь географо-исторический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Криничная — Северные предания. (Беломорско-Обонежский район)/Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.

Кругляшова, 1967 — Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим)/Сост., авт. ст. и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967

Кругляшова, 1978 — Кругляшова В. П., Климова О. А., Демина Л., Кошечева Т. Записи преданий и легенд на горнозаводском Урале//Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978.

Крюкова — Крюкова М. С. О богатырях старопрежних и нынешних/В записях Э. Г. Бородинной-Морозовой и А. А. Морозова. Архангельск, 1946.

Мадуев — Мадуев А. С. Вновь записанные легенды о Стеньке Разине, носящие на себе следы ходячих мотивов некоторых европей-

ских сказаний // Труды Второго областного тверского археологического съезда 1903 года, 10–20 августа. Тверь, 1906.

Майнов, 1872 — Майнов В. Предание о Сидоркином кургане // Русская старина. 1872. № 6.

Майнов, 1877 — Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу // 2-е изд. Спб., 1877.

Макаренко — Макаренко А. А. Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. 2.

Макаров — Русские предания. Одна книжка, изданная М. Н. Макаровым. М., 1838.

Мальшев — Мальшев В. И. Повесть о Сухане. М.; Л., 1956.

Мамакин — Великорусские народные легенды, сообщ. Ив. Мамакиным // Живая старина. 1890. Вып. 2.

Мисюрев — Сибирские сказы, предания, легенды: Сборник А. Мисюрева. Новосибирск, 1959.

Михайлов — Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России. Спб., 1868.

Морохин — Нижегородские предания и легенды / Сост. В. Н. Морохин. Горький, 1971.

Новиков — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961.

О Кутузове — Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем, достопамятных его речей и приказов. Спб., 1814. Ч. 1–2.

О Румянцеве — Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского с присовокуплением краткого описания некоторых деяний сего великого мужа и переписки его с разными особами. Спб., 1811.

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.

Ончуков, 1908 — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.): Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1908. (Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33).

Ончуков, 1927 — Ончуков Н. Е. Из уральского фольклора // Сказочная комиссия в 1927 г. (Обзор работ). Л., 1928.

Парилов — Парилов И. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.

Ржига — Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Летопись занятий Археологической комиссии за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3 т. 2-е изд. Под ред. Е. А. Грузинского. М., 1910. Т. 3.

Садовников, 1872 — Садовников Д. Н. Русская земля: Жегули и Усолье на Волге. (Наброски путем-дорогой)//Беседа. 1872. Кн. 11. Отд. 2.

Садовников, 1876, № 2 — Садовников Д. Народные рассказы про старину//Русская старина. 1876. № 2.

Садовников, 1876, № 9 — Садовников Д. Расправа с пугачевцами//Русская старина. 1876. № 9.

Садовников, 1884 — Сказки и предания Самарского края/Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. Спб., 1884.

Сергеев — Сергеев А. Н. Предания о некоторых русских городах и местностях//Север, 1894. № 7; № 8.

Сидельников, Крупянская — Волжский фольклор/Сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. С предисл. и под ред. Ю. М. Соколова. М., 1937.

Смирнов, 1917, вып. 1, 2 — Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества/Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1; Вып. 2. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии; Т. XLIV, 1, 2).

Смирнов, 1923 — Смирнов В. Потонувшие колокола//Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29. (Третий этнографический сборник). Кострома, 1923.

Соколова — Соколова В. К. Рязанские варианты сказки о Петре и Февронии//Ученые записки Рязанского гос. педагогического института. Рязань, 1970. Т. 61. (Вопросы литературы и методики ее преподавания).

Соколова, Гришин — Устное народное творчество Рязанской области//Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. К. Соколовой и В. П. Гришина. Ученые записки Рязанского гос. педагогического института. М., 1965. Т. 38.

Сутырин — Сутырин Н. По родной земле. (Предания и легенды глухих уездов)//Русская старина. 1916. Апр.

Потанин — Потанин Г. Поездка в Олонец//Русское слово. 1861. Июль (смесь).

Толычева — Толычева Т. Т. Предания о Демидовых и о Демидовских заводах//Русский архив. 1878. Кн. 2.

Тумилевич, 1961 — Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Р/на/Дону, 1961.

Тумилевич, 1972 — Тумилевич Т. И. Донские предания о Ермаке//Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13.

Фридрих — Русский фольклор в Латвии: Сказки/Сост. И. Д. Фридрих. Рига, 1980.

Харузин — Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии//Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова/Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.

Чистов — Чистов К. В. Материалы к изучению былины и предания о Рахкое из Рагнозера//Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1959. Вып. 20.

Чистяков — Чистяков М. Б. Народное предание о Брюсе//Русская старина, 1871. № 8.

Шейн — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Спб., 1893. Т. 2.

Ширский — Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края//Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29. (Третий этнографический сборник). Кострома, 1923.

Шахматов — Шахматов А. А. Повесть временных лет: Вводная часть/Текст. Примеч. Пг., 1916. Т. 1.

Якушкин — Якушкин П. И. Путевые письма//Якушкин П. И. Сочинения/Сост., вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. М., 1986.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

КИЕВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ РУСЬ

Народные исторические предания и легенды, относящиеся к VIII—XII векам, почти не дошли до нас в устной передаче. Но их записывали русские летописцы, по крайней мере, с конца X века. Большинство этих рассказов были переработаны при составлении и дальнейших переделках летописей. Но некоторые сохранились в форме, близкой, очевидно, к тому, что слышали от своих современников составители летописей. Такие тексты и приведены в нашем сборнике, точнее — переводы их на современный русский язык. Часть дошла только в тексте Повести временных лет начала XII века, но некоторые — по использованному в ней летописному своду конца XI века. Последнее всякий раз оговаривается с отсылками к знаменитому исследованию академика А. А. Шахматова, где выделены тексты этого свода в составе Повести. Пользуясь ссылками на эту книгу, даваемыми всюду, можно при желании прочесть все тексты, взятые из летописей в древнерусском подлиннике, какими их прочитал крупнейший знаток русских летописей в средневековых рукописях. Три предания даны по записям XIX века.

1. Основание Киева. — *Еремин и Лихачев*, с. 6. Предание, включенное в Начальный свод 1093 года (*Шахматов*, с. 8—9). Боричев подъем

(«увоз» — ныне Андреевский спуск) соединял центральную часть Киева, расположенную на Старокиевской горе, с Подолом — прибрежной частью (см.: Рыбаков Б. А. Боричев увоз в «Слове о полку Игореве» // Русская речь. 1987. № 2. С. 98—104).

2. Дань мечами.— *Еремин и Лихачев*, с. 9. Предание, включенное в Начальный свод 1093 года (*Шахматов*, с. 16—17). Хазары обитали в степях между Волгой и Доном. Они исповедовали иудейскую религию и одно время подчиняли себе обширную территорию. Хазарский каганат был разгромлен князем Святославом в X веке.

3. Призвание Рюрика.— *Еремин и Лихачев*, с. 10. Предание, включенное в Начальный свод 1093 г. (*Шахматов*, с. 19—20). Нами опущены те фрагменты летописного текста, которые, согласно исследованиям А. А. Шахматова, представляют собой вставки, сделанные составителем Повести временных лет в текст Начального свода, лежавшего в основе ее.

4. Юрик-новосел.— *Барсов*, 1879, с. 400—401; зап. от В. П. Щеголенка в Олонецкой губ. Юрик-новосел — Рюрик, о котором повествует предание, записанное на тысячу лет раньше. Могила Рюрика была сравнительно недавно обнаружена археологами в Ладого.

5. Поход Олега на Царьград.— *Еремин и Лихачев*, с. 15—16. Предание, включенное в Начальный свод 1093 г. (*Шахматов*, с. 29—33). Суд — залив Золотой Рог, его перегораживали в случае опасности цепью, натянутой между двумя башнями.

6. Смерть Олега.— *Еремин и Лихачев*, с. 19—20. Предание, внесенное в Повесть временных лет (*Шахматов*, с. 41—42). Далее отсылки к ней не даются.

7. Поход Игоря на Царьград.— *Еремин и Лихачев*, с. 23 (ср. *Шахматов*, с. 50—51), предшествовавший поход Игоря на Царьград окончился неудачей; русский флот тогда сильно пострадал от «греческого огня» — особого горючего состава, не гаснущего на воде. Корсунцы — жители города Корсунь в Крыму (ныне Херсонес).

8. Ольга.— *Якушкин*, с. 113—114; зап. от А. Ф. Полякова в Пскове. Услышанное на тысячу лет позже более подробных преданий о княгине Ольге, далее приводимых по летописи, это предание передает в народной интерпретации некоторые данные, более точно в деталях изложенные летописцами.

9. Смерть Игоря и месть Ольги.— *Еремин и Лихачев*, с. 27—29. Предания, вошедшие в Начальный свод (*Шахматов*, с. 61—66). Перед началом последнего абзаца опущены полторы фразы, являющиеся, по-видимому, привнесением летописца. Топография древнего Киева была, очевидно, хорошо известна включившему эти предания в летописный свод книжнику конца XI века.

10. Взятие Искоростеня— *Еремин и Лихачев*, с. 29—30. Согласно

А. А. Шахматову, это предание попало в летопись (в Повесть временных лет) позже, чем основное повествование о мести Ольги, помещенное выше (см.: *Шахматов*, с. 66–88). Город Искоростень находился вблизи современного Овруча. Повествования о взятии вражеского города таким способом встречаются и в фольклоре других народов.

11. **Ольга объезжает земли.**— *Еремин и Лихачев*, с. 31. Предание, вошедшее в Начальный свод (*Шахматов*, с. 69).

12. **Поход Святослава на хозар.**— *Еремин и Лихачев*, с. 33. Предания, попавшие в Начальный свод (*Шахматов*, с. 75–76). Пардус — гепард. Дрессированных гепардов использовали в то время для охоты. Главное их свойство — быстрота, которой они превосходят всех других животных. Белая Вежа — Саркел, столица хазарского каганата. Подчиненные тогда хозарами, ясы (осетины) и касоги (черкесы) занимали в то время не только предгорья Кавказа, но и прилегающие степи.

13. **Оборона Киева.**— *Еремин и Лихачев*, с. 33–34. Предание, вошедшее в Начальный свод (*Шахматов*, с. 76–78). *Печенеги* — тюркский народ, кочевники, занимавшие в то время причерноморские степи. *Переяславец* — тогда крупный город в Северной Болгарии, теперь Преслав недалеко от Тульчи. Святослав, прибыв с войском в Болгарию, устроил свою столицу в Переяславце.

14. **Поход Святослава на греков.**— *Еремин и Лихачев*, с. 36–37. Первая часть предания находилась еще в Начальном своде, вторая («И послал послов...») — включена в Повесть временных лет (*Шахматов*, с. 82–86). Это так называемая вторая Балканская война Святослава Игоревича. Именно из этого предания известна знаменитая речь Святослава перед дружиной, отображенная в близком тексте и византийским историком Львом Диаконом (Л е в Д и а к о н. История/Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 79).

15. **Смерть Святослава.**— *Еремин и Лихачев*, с. 38. Предание (кроме первой полужафры, включенной при составлении Повести временных лет) было еще в Начальном своде (*Шахматов*, с. 87–88).

16. **Женитьба Владимира на Рогнеде.**— *Еремин и Лихачев*, с. 39. Предание включено в Начальный свод (*Шахматов*, с. 90–91). Более подробная версия этого предания попала позже в Лаврентьевскую летопись и отобразилась в известной былине о жепитьбе Владимира. Мать Владимира Святославича была ключницей у Ольги, то есть служанкой. По обоснованному мнению ряда исследователей, Малуша (так называет летопись мать Владимира) — это взятая Ольгой в рабство дочь древлянского князя Мала. Ярополк стал великим князем Киевским после смерти Святослава как его старший сын.

17. **Поход Владимира на родимичей.**— *Еремин и Лихачев*, с. 43. Предание было включено в Начальный свод (*Шахматов*, с. 102).

18. **Поход Владимира на болгар.**— *Еремин и Лихачев*, с. 43. Преда-

ние было уже в составе Начального свода (*Шахматов*, с. 102). Очевидно, это поход на волжских болгар, сильное государство которых, существовавшее на Средней Волге, прежде подчинялось хозарам. Здесь был в то время центр работорговли, куда и попадали русские пленники, захваченные степняками. Возможно, что об этом походе иносказательно идет речь в первой части известной былины о Добрыне и Змее, где, победив змея, Добрыня заключил мир.

19. **Подвиг юноши-кожемяки.**— *Еремин и Лихачев*, с. 63—64 (ср.: *Шахматов*, с. 155—157).

20. **Свержение Перуна в Новгороде.**— *Якушкин*, с. 92; зап. от старого рыбака близ Перынского монастыря под Новгородом через тысячу лет после события, отображенного преданием. Другая версия этого предания, записанная, очевидно, в XVII в., попала, в литературно обработанном виде, в состав одного из Хронографов того времени. См.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 17. В других летописях упоминается, что идол Перуна, свергнутый в воду, проплывая в Новгороде мимо Волховского моста, бросил на него палку, положив этим начало дракам на мосту.

21. **Милостыня и пиры Владимира.**— *Еремин и Лихачев*, с. 65. Предание вошло в Начальный свод (*Шахматов*, с. 159—160). Эпические пиры Владимира, на которых решались и государственные дела, широко отобразились в былинах.

22. **Владимир строит церковь по обещанию.**— *Еремин и Лихачев*, с. 64. Предание вошло в состав Начального свода (*Шахматов*, с. 158—159).

23. **Оборона Белгорода.**— *Еремин и Лихачев*, с. 65—66 (ср.: *Шахматов*, с. 161—163).

24. **Поединок Мстислава с Редедей.**— *Еремин и Лихачев*, с. 75—76. Предание включено в состав Начального свода (*Шахматов*, с. 186—187). *Тмуторокань*—город на Керченском полуострове, столица русского княжества, которым владел Мстислав.

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СВЕРЖЕНИЕ ВРАЖЕСКОГО ИГА

Полтора столетия тяжкого лихолетья и еще сто лет вынужденной зависимости после Куликовской победы небогато были запечатлены в русском фольклоре—кроме одного события—Куликовской битвы 1380 г. Она отобразилась не только в сохранных народной памятью вплоть до XIX века обширных повествованиях. Гораздо подробнее и точнее были, конечно, устные рассказы, отображенные в средневековых рукописях. Но, как правило, там они были подвергнуты значитель-

ной литературной обработке. Реконструкции устных источников этих исторических сочинений существуют, но далеко не во всем окончательно и бесспорны. Нами приведено только то, что записали в прошлом столетии собиратели фольклора — кроме одного средневекового текста, близко, очевидно, передавшего народное героическое сказание.

25. **Батей.**— *Аристов, 1880, с. 7—8.*

26. **Батева дорога.**— *Зачиняев, с. 151—152; зап. в Землянском уезде Воронежской губ.*

27. **Чалая могила.**— *Соколова, Гришин, с. 103—104; зап. в Рязанской губ. в 1900 г.*

28. **Евпатий Коловрат.**— *Еремин и Лихачев, с. 270—271.* В Повесть о разорении Рязани Батыем включено героическое сказание о подвиге Евпатия Коловрата. По жанру текст аналогичен помещенному ниже «Про Мамаю безбожного» и некоторым другим. Высказывалось предположение, что основу этого текста составила не дошедшая до нас песня об Евпатии Коловрате.

29. **Откуда гречиха.**— *Якушкин, с. 295—298; зап. в Уколове Курской губ.*

30. **Казак Ермачок.**— *Макаров, с. 71—72.* Это предание, в более ранней его версии, составило историческую основу былины о юном богатыре Ермаке и Калине-царе. Но в былине Ермаку придано отчество «Тимофеевич» вследствие смешения с одноименным историческим лицом XVI в. *Бегич* — командир татарского войска, разбитого на р. Воже.

31. **Про Мамаю безбожного.**— *Афанасьев, т. 2, с. 377—383; зап. в Шенкурском уезде Архангельской губ. Дон-мать — икона Донской Богоматери.*

Куликовской битве предшествовало русское посольство к Мамаю, возглавлявшееся Захарием Тютчевым. Сказание отображает многие факты Куликовской битвы, нередко — в трансформированном виде. К Куликову полю, кроме русского войска и татарского, направлялись союзные татарам войска литовского великого князя Ягайло и ведшего двусмысленную политику рязанского князя Олега, в сражении участия не принявшие. Боярин Иван Родионович Квашнин и белозерские князья командовали частью русских полков. Двумя поединками — Пересвета и Осляби — с татарскими воинами началось сражение. Дмитрий Иванович, поменявшись одеждой с одним из своих приближенных, который остался у княжеского знамени, сам бился в первых рядах. Изнемогши в бою, он удалился с поля и потерял сознание. Татары одолевали русских, исход боя решил русский «засадный» полк из отборных воинов, спрятанный в дубраве и ударивший во фланг татарам. После битвы с трудом нашли лежавшего без сознания великого князя.

Под влиянием этого героического сказания произошла переработка некоторых древних былин в былины о разгроме татарского нашествия.

32. Про Суханьшу Замантьева.— *Мальшев*, с. 153—154; зап. от старика-нищего на Алтае, на Сузунском заводе около 1860 г. Исполнитель утверждал, что повествует именно о Куликовской битве. Мотив ранения Сухана (это имя и частично — содержание текста заимствованы из более древней былины), найденного затем князем Владимиром — переосмысление близких мотивов сказания «Про Мамаю безбожного», где Владимир находит Дмитрия Донского, пострадавшего в бою. По заключению В. Я. Проппа (*Русский фольклор*. Т. 2. М.; Л., 1957. С. 349), этот текст — не былина, а «устная повесть».

33. Три Ивана.— *Железнов*, с. 2—5; зап. от И. Н. Чакрыгина на р. Урал. По словам исполнителя события, о которых повествует предание, были «прежде явления Алексея-митрополита», но «вскоре после того, как на Яике были Добрыня Никитич с Васильем Казберычем», то есть судя по обратной хронологической соотнесенности упомянутых событий реальной истории и истории «эпической» — в XIV—XV вв. Текст представляет собой дальнейшую фольклоризацию фактов, отображенных сказанием «Про Мамаю безбожного».

34. Места битв с татарами.— *Соколова, Гришин*, с. 102—103; зап. в Рязанской губ. в 1900 г. Речь идет о событиях после Куликовской победы над Мамаем.

ИВАН ГРОЗНЫЙ, ЕРМАК, КУДЕЯР

К наиболее популярным в фольклоре современникам царя Ивана Грозного, помимо знаменитого казачьего атамана Ермака Тимофеевича, принадлежит «разбойник Кудеяр Тишенков», известный уже Н. М. Карамзину и названный так в русском документе 1574 г. самим Иваном Грозным. По косвенным упоминаниям народной молвы (которые нами здесь не приводятся) можно предполагать, что этот человек был не просто «разбойник», а претендент на царский трон, выдававший себя за старшего брата русского царя. Первая жена великого князя Василия Ивановича была заточена в монастырь, где у нее якобы вскоре родился сын, который вскоре же умер. Раскопки могилы (в 30-е годы XX в.) обнаружили, что похоронена была кукла в одежде мальчика. Существует предположение, что ребенка скрыли, опасаясь убийц, подсылаемых от второй жены отца, и вырастили тайно, переправив к крымскому хану, откуда с таким татарским именем — Кудеяр — претендент явился на Русь. Не добившись успеха, он занялся разбоем.

35. **Воцарение Ивана Грозного.**— *Садовников*, 1876, с. 470; зап. от П. С. Полуэктова в Симбирске.

36. **Наказание Волги.**— *Аристов*, 1878, с. 339; зап. от Ивана Климова (Шуваля), 100 л., в с. Стеньшино Липецкого уезда Тамбовской губ. Несколько походов Ивана Грозного к Казани завершились в первой половине его царствования окончательным покорением этого ханства, постоянно разорявшего своими набегами русские земли.

37. **Девичьи горы.**— *Морохин*, с. 127—128; зап. от А. М. Сорокиной, 53 л., в 1966 г. в с. Девичьи горы Большеболдинского р-на Горьковской обл.

38. **Ермак под Казанью.**— *Тумилевич*, 1972, с. 227; зап. от М. А. Богаевской, 72 л., в 1968 г. в станице Константиновской Ростовской обл. Казаки участвовали во взятии Казани, но о присутствии там Ермака в письменных источниках сведений нет.

39. **Ермак и ермаковцы.**— *Якушкин*, с. 315—316; зап. от отставного казака в Астраханской губ.

40. **Станица Раздорская.**— *Тумилевич*, 1972, с. 226; зап. от К. Д. Саранцева, 73 л., в 1957 г. в станице Пятиизбянской Ростовской обл. Предание отображает популярность Ермака на Дону.

41. **О Ермаке.**— *Кругляшова*, 1967, с. 52—53; зап. от Е. Г. Катаева, 78 л., в 1960 г. в пос. Висим на Урале.

42. **Ермак.**— *Железнов*, с. 267—269; зап. от А. Д. Барсукова на р. Урал.

43. **Марфа посадница.**— *Барсов*, 1879, с. 405; зап. от И. Е. Федосова, в северо-западных уездах. Легенда относится еще ко временам Ивана III, подчинившего Новгород в последней четверти XV в., сославшего Марфу Борецкую и казнившего ряд новгородских бояр. Но предсказание Зосимы Соловецкого можно соотносить в большей мере с репрессиями Ивана Грозного сто лет спустя.

44. **Казнь колокола.**— *Барсов*, 1879, с. 407; зап. в северо-западных уездах.

45. **Иван Грозный в Новгороде.**— *Якушкин*, с. 94—95; зап. от перевозчика через р. Волхов в Новгороде. Жесточайшие репрессии Ивана Грозного в Новгороде и Новгородской земле, приведшие к их запустению, действительно основывались, возможно, на ложном доносе, упомянутом в предании.

46. **Иван Грозный в Пскове и Печорах.**— *Якушкин*, с. 114—116; зап. от А. Ф. Полякова в Пскове. Приезд Ивана Грозного в Псков после страшных его деяний в Новгороде почти не оправдал опасений псковичей.

47. **Сороки-ведьмы.**— *Аристов*, 1878, с. 339—340; зап. от Ивана Климова (Шуваля), 100 л., в с. Стеньшино Липецкого уезда Тамбовской губ.

48. **Расправа с боярами.**— *Аристов*, 1878, с. 338—339; зап. от Ивана

Климова (Шуваля), 100 л., в с. Стеньшино Липецкого уезда Тамбовской губ. Предание отображает положительную оценку Ивана Грозного в той части крестьянства, которая усматривала в его жестокостях главным образом намерение наказать бояр-притеснителей.

49. **Вор спас царя.**— *Аристов, 1880*, с. 15–16 («О Грозном»). Весьма устойчивое предание; более распространенная версия его была записана еще в XVI столетии приезжавшим на Русь англичанином Коллинзом.

50. **Иван Грозный в Вологде.**— *Криничная*, с. 119; зап. от П. И. Крохина, в 1957 г. в Ладмозере. Предание отображает реальное намерение Ивана Грозного.

51. **О Худояре.**— *Садовников, 1884*, с. 325–326; сообщ. М. И. Извошников. Смутное указание на родство с Иваном Грозным можно истолковывать в свете сказанного в преамбуле комментариев этого раздела (как и пограничное местоположение резиденции Кудеяра).

52. **Клады Кудеяра и разбойников.**— *Зачиняев*, с. 151; зап. от О. Зачиняевой в Задонском уезде Воронежской губ.

53. **Федька Рытик и Кудеяр.**— *Якушкин*, с. 183; зап. в г. Орле.

54. **Кудеяр на Десне.**— *Якушкин*, с. 183–184; зап. в г. Орле.

БОРИС ГОДУНОВ И ЛЖЕДМИТРИЙ;
ПОЛЬСКИЕ И ШВЕДСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ;
ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ НА ПРЕСТОЛЕ И РАСКОЛ

Хронологический отрезок русской истории между правлением Ивана Грозного и Разинским восстанием настолько был насыщен противоречивыми событиями, что народная историческая память, почти не охватывая крупных явлений, фиксировала по преимуществу впечатляющие частности, интерпретируя их в духе традиционных фольклорных мотивов. Нами предания этого рода, довольно однотипные в разных местах России, представлены, главным образом, материалом северных регионов страны. Здесь особенно бесчинствовали польские и шведские отряды, здесь запомнилась высланная сюда Годуновым в пору его борьбы за власть мать будущего первого царя из династии Романовых. Начавшийся в конце этого периода раскол русской церкви представлен некоторым числом устных преданий, связанных с деятельностью патриарха Никона.

55. **Борис Годунов.**— *Барсов, 1879*, с. 409–410; зап. в северо-западных уездах («Воцарение Бориса Годунова»).

56. **Марфа Романова и заонежане.**— *Криничная*, с. 120–121; зап. от М. Ф. Коваленко, в 1969 г. в Петрозаводске.

57. **Царица Марфа Ивановна.**— *Барсов, 1879*, с. 411; зап. в северо-западных уездах.

58. **Обельщина.**— *Криничная*, с. 121—122 (ОГВ. 1888. № 12. С. 113—114); зап. от П. Максимова, обельного крестьянина в дер. Тарутино Олонецкой губ.

59. **Марфа Романова и Ключаревский род.**— *Криничная*, с. 122—123; зап. от Н. Х. Гладкова, в 1971 г. в д. Чёлмужи Медвежьегорского р-на КАССР.

60. **Про панов.**— *Ончуков, 1908*, с. 500—501; зап. в Койкинцах, Надвоинцах и др. селениях.

61. **Панское озеро.**— *Ончуков, 1908*, с. 502; зап. в с. Мегра Лодейнопольского уезда Олонецкой губ.

62. **Паны-утопленники.**— *Ончуков, 1908*, с. 502—503; зап. в с. Мегра Лодейнопольского уезда Олонецкой губ.

63. **Гибель панов.**— *Едемский*, с. 79; зап. от М. Третьякова в дер. Коротенской в Спасской вол. Архангельской губ. Примечания собирателя: Николо-Никольское городище, где церковь имени двух святых — Николая-Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой). Под «стариком» разумеется св. Николай-Чудотворец.

64. **Свадебный камень.**— *Криничная*, с. 82; зап. от М. Ф. Коваленко, в 1969 г. в Петрозаводске.

65. **Нападение панов на Кижы.**— *Криничная*, с. 81—82 (ОГВ. 1857 № 22. С. 123); зап. в Олонецкой губ.

66. **Клад пана Койки.**— *Криничная*, с. 62 (ОГВ. 1904. № 142. С. 3); зап. в Олонецкой губ.

67. **Шведский камень.**— *Криничная*, с. 92 (ОГВ. 1863. № 41. С. 157); зап. в Олонецкой губ.

68. **Разорение Кокшеньги.**— *Едемский*, с. 77; зап. от М. Д. Третьякова в дер. Коротенской Спасской вол. Архангельской губ. Собиратель пояснял, что вероятность появления поляков и литовцев со стороны Архангельска подтверждается известием Двинской летописи, согласно которому они, появившись на Двине, оттуда поднимались на Вагу, притоком которой является Кокшеньга.

69. **Боярин Салтыков в Карелии.**— *Криничная*, с. 138—139 (ОГВ. 1873. № 86. С. 978—979); зап. в дер. Таржеполь Олонецкой губ. Многие из бояр Салтыковых после смуты частью были казнены, частью сосланы.

70. **Царь Михаил Федорович и Алексей Михайлович.**— *Барсов, 1879*, с. 411—412; зап. в северо-западных уездах. Легенда старообрядцев, отвергших церковную реформу Никона, поддержанную царем Алексеем Михайловичем.

71. **Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.**— *Барсов, 1879*, с. 411—412; зап. в северо-западных губерниях («Никон»). Церковная

реформа Никона включала рекомендацию креститься, соединив три пальца, а не два. Последнего способа продолжали придерживаться старообрядцы. Главный же смысл отвергнутой ими реформы состоял в исправлении богослужебных книг, которое и имеется здесь в виду.

СТЕПАН РАЗИН И РАЗИНЦЫ

Цикл преданий и легенд о Степане Разине (вместе с посвященным ему песенным циклом) — одно из самых ярких и самобытных явлений русского фольклора. Образ Разина — противоречивый, но вместе с тем не лишенный известной цельности — результат наслоения на историческую основу комплекса народных представлений, связанных с жизнью казачьей вольницы на Волге, Дону и Яике в течение ряда столетий до и после восстания Степана Разина: начиная от времени, предшествовавшего эпохе смуты, и кончая крестьянской войной под руководством Пугачева, отзвуки которой довольно ясно слышатся и в разинском цикле. Мистические мотивы, идущие от старообрядчества, пронизывают многие легенды о Разине, придавая им особый колорит и своеобразие. Народные рассказы о Разине — уникальный памятник древнерусской устно-повествовательной традиции уже на пороге Нового времени.

72. Разин был из донских казаков.— *Макаренко*, с. 40; зап. от В. И. Сизых в Сибири, в д. Кежемская Заимка. *Стреляют как «прядь» делают.*— Одно из значений слова «прядь» — скрученная нить; имитация стрельбы связана с имитацией лодки разинцами при помощи ниток (о чем говорится в начале легенды).

73. Урак и Стенька.— *Зайковский*, с. 47; зап. от лоцмана на Волге, крестьянина из дер. Даниловки.

74. О Степане Разине.— *Коротин*, с. 168—169; зап. у уральских (яицких) казаков; собиратель пояснил, что отрицательное их отношение к Разину — причина нераспространенности у них разинского фольклора.

75. Разин и воевода.— *Якушкин*, с. 319—321; зап. от казака в Астраханской губ. Расправа с астраханским воеводой произошла не на пути Разина из Персии на Дон, а значительно позже; воевода был сброшен с крепостного раската.

76. Разин и султанская дочь.— *Якушкин*, с. 326; зап. от казака в Астраханской губ.

77. Разин наслал змея.— *Мадиев*, с. 424; зап. в Петровском уезде Саратовской губернии.

78. Разин под Симбирском.— *Аристов*, 1880, с. 18; зап. П. Н. Охо-

тина в Симбирске. Под Симбирском начались неудачи Разина, приведшие к поражению восстания.

79. Богородица защитила.— *Аристов, 1880*, с. 17 («О Разине») — из Истории Российской иерархии Амвросия.

80. Маринка-безбожница и Стенька Разин.— *Мамакин*, с. 139. Зап. в Лукояновском уезде Нижегородской губ.

81. Разин — колдун.— *Костомаров*, с. 377—379; историк здесь передает один из рассказов «старых людей». Митрополит был погублен не самим Разиным, а его есаулами, оставленными в занятой Астрахани.

82. Стенька Разин и государь.— *Сидельников, Крупянская*, с. 67—69; зап. от И. С. Стрельникова, 82 лет, в с. Бахилово, в Самарской Луке Куйбышевской области в 1935 г. Мотив встречи Разина с царем принадлежит к числу полностью вымышленных.

83. Зимовье Стеньки Разина.— *Сидельников, Крупянская*, с. 70; зап. от И. Н. Барбина, 68 лет, в с. Жигули, в Самарской Луке Куйбышевской области в 1935 г.

84. Пошлина атаману.— *Сидельников, Крупянская*, с. 69; зап. от В. Д. Ерузаева, 96 лет, в с. Мордово, в Самарской Луке Куйбышевской области в 1935 г.

85. Шляпа на воде.— *Сидельников, Крупянская*, с. 65—66; зап. от В. Д. Ерузаева, 96 лет, в с. Мордово, в Самарской Луке Куйбышевской области в 1935 г. Образ человека под шляпой у рассказчика ассоциировался с образом Степана Разина.

86. Разин — еретик.— *Якушкин*, с. 318—319; зап. от казака в Астраханской губ.

87. Разин мучается.— *Садовников, 1872*, с. 48—50; зап. в Самарской губ. *Петров крест* — название растения.

88. Клад Разина за колокол.— *Смирнов*, с. 3; зап. от Соколова, в 1922 г. в Глушковской волости Костромской губ.

89. Про Стеньку Разина и его сыновей.— *Садовников, 1884*, с. 328—346; зап. в с. Новикове Ставропольского уезда Самарской губ. «Про Стеньку Разина» — легендарно-сказочное жизнеописание Разина, где он предстает как разбойник и колдун.

90. Харко.— *Железнов*, с. 38—43; зап. от Н. И. Чакрыгина на р. Урал.

ПЕТР I ВОЮЕТ СО ШВЕДСКИМ КОРОЛЕМ

Северная война отобразилась в народных преданиях как одно из главных деяний Петра I, хотя образ его в устной поэзии по разносторонности своей не имеет равных, а популярностью превосходит, пожалуй, всех персонажей русской истории, вместе взятых. В некоторых из помещенных нами преданий центральным персонажем является не

Петр I, но содержание их так или иначе соотносится с основными событиями Северной войны.

91. **О войне Петра Великого со шведами.**— *Барсов, 1872, с. 308; зап. от И. А. Касьянова.*

92. **Совет пушечного мастера царю Петру.**— *Голиков, с. 99—101.* Иная версия части предыдущего предания, возникшая в иной социальной среде.

93. **Пушки из колоколов.**— *Сергеев, стб. 421.*

94. **Про уральское железо.**— *Зайцев, с. 126—127; зап. от Д. Е. Скобочкина, 92 л., в с. Сикияз-Томак Саткинского р-на Челябинской обл. в 1932 г.*

95. **Конь Петра Великого.**— *Криничная, с. 145—147 (ОГВ. 1899. № 39. С. 3); зап. в Олонецкой губ. на р. Свирь.*

96. **О встрече Петра Первого со шведами на Ладожском озере.**— *Барсов, 1872, с. 306—307* («Рассказ о встрече Петра I со шведским королем на Ладожском озере»). Героическое сказание, выдающееся своим стилем (см. вступительную статью). Русские суда, протащенные из Белого моря по суше до Онежского озера, оттуда по Свири проведенные в Ладогу, внезапно для шведов появились под Нотебургом.

97. **Царь Петр и Суворов.**— *Якушкин, с. 207—208; зап. в с. Лаврове Орловской губ.* Рассказчик пояснял, что речь идет о битве «под Плотавой» с Литвой, войском которой предводительствовал Мазепа, а у Петра I—Суворов. Совмещение трех хронологических пластов в народной памяти: польско-литовская интервенция начала XVII в., война Петра I с Карлом XII, которому помогал изменник Мазепа, и походы Суворова в последней трети XVIII в.

98. **Рыжечка.**— *Железнов, с. 9—15, 20—34; зап. от Н. И. Чакрыгина на р. Урал. Плотава—Полтава. Давид победил Галифа*—имеется в виду библейский рассказ о поединке юного Давида с великаном Голиафом. *Крест и борода*—разрешение носить бороду, в отличие от солдат, которые должны были брить бороды. *С князем Бекичем в Хиву*—имеется в виду неудачный поход князя Бековича-Черкасского в 1717 г.

ПЕТР I—ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

Наибольшее число народных преданий о Петре I посвящено его государственной и административной деятельности. Оценка ее в фольклоре не однозначна: достаточно сопоставить предания олонецких крестьян и северных мореходов со старообрядческой легендой о подменном царе или отображениями восстания К. А. Булавина, которое действительно было подавлено с большой жестокостью, хотя и без диких крайностей, описываемых преданием.

99. Как Петр Великий ездил в Соловки на богомолье.— *Барсов, 1872, с. 296—299; зап. от В. П. Щеголенка. Имеется в виду Бутенант — реальный владелец железоделательных заводов.*

100. Как Петр Великий задумал устроить Марининскую систему.— *Барсов, 1872, с. 300—301 («Рассказ о том, как Петр Великий хлопотал об устройстве Марининской системы»).*

101. Как Ладожский канал копали.— *Барсов, 1872, с. 309; зап. от И. А. Касьянова.*

102. Петр Первый в Повенце.— *Сергеев, стб. 422—423.*

103. Основание Петрозаводска.— *Сергеев, стб. 371—372.*

104. Петр Первый и Преображенская церковь в Кижях.— *Криничная, с. 129 (ОГВ. 1892. № 93. С. 954); зап. в Олонецкой губ.*

105. Фаддей Блаженный дает совет Петру Первому.— *Криничная, с. 136 (ОГВ. 1894. № 100. С. 10); зап. в Олонецкой губ. («Фаддей Блаженный о Петровских заводах»).* Юродивый, о котором идет речь в этом и следующем преданиях, действительно встречался с Петром.

106. Петр Первый и Фаддей Блаженный в Петропавловской церкви.— *Криничная, с. 136 (ОГВ. 1894. № 100. С. 10); зап. в Олонецкой губ.*

107. Основание Лодейного Поля.— *Сергеев, стб. 373—374.*

108. Петр Первый в Святозере.— *Криничная, с. 153 (ОГВ. 1877. № 73. С. 842—843); зап. в Олонецкой губ.*

109. Царь Петр и сержант Иван.— *Голиков, с. 296—298.*

110. Олонецкий воевода.— *Потанин, с. 13—15.*

111. Сидоркин курган.— *Майнов, 1872, с. 963—965; зап. от ямщика В. Яковлева из г. Усмани.*

112. Смерть Булавина.— *Тумилевич, 1961, с. 144—147; зап. от С. Ф. Шашкина, в 1941 г. на хуторе Ново-Некрасовском. Согласно другим сведениям, К. А. Булавин застрелился. После убийства казаками полковника Ю. В. Долгорукого на Дон был послан его брат майор В. В. Долгорукий. Именно он приказывал совершать жестокости по отношению к восставшим. Сам Петр I на Дону не был. Руководил восставшим Булавин, а не Некрасов; последний затем увел остатки восставших за пределы России.*

113. Петр Первый и раскольники.— *Майнов, 1877, с. 239—240; зап. на р. Выг в Олонецкой губ.*

114. О царе Петре истинном и царе Петре ложном.— *Баснин, с. 517—534; зап. от старообрядца Хромцова в Тарбагатае. Лефортов, Алексашка — сподвижники Петра I Лефорт и Меншиков. Тягломами награждали.— Тяглом назывался участок земли, а также вносимые в него повинности, оброки; тягло могло быть уменьшено или увеличено. С мирскими не мирщитесь — т. е. не имейте дела с теми, кто не придерживается истинной веры.*

ЦАРЬ – РАБОТНИК

Особой симпатией в народной памяти пользуется образ Петра-мас-терового, не чуравшегося никакого труда, умеющего ценить знание ремесла, награждающего людей по их реальным заслугам и показывающего пример в работе.

115. О Демидове и демидовских заводах.— *Толычева*, с. 119–120.

116. Петр Первый и Демидов.— *Кругляшова*, 1967, с. 56; зап. от Е. Г. Катаева, 78 л., в пос. Висим в 1960 г. Другая версия того же предания, записанная на сто лет позже.

117. О Петре Первом.— *Садовников*, 1884, с. 371–372; зап. от Абрама Новопольцева.

118. Петр Великий и кузнец.— *Господарев*, с. 503–504; зап. от Ф. П. Господарева.

119. Лисья Голова.— *Криничная*, с. 143–144 (ОГВ. 1872. № 37 С. 409); зап. в Олонецкой губ.

120. От Соловков — к Нюхче.— *Криничная*, с. 159; зап. от А. А. Кармановой, в 1969 г., в пос. Нюхча Сегежского р-на КАССР. Под руководством сержанта Щепотева было затем около пяти тысяч местных крестьян.

121. Осударева дорога.— *Криничная*, с. 159–160; зап. от А. И. Навагиной, в 1969 г., в д. Шижня Сегежского р-на КАССР. Строительство дороги от Белого моря до Онежского озера длиной 160 верст было проведено за десять дней при личном участии Петра.

122. Устройство переправы под Пулозером.— *Майнов*, с. 235 («Осударева дорога. Переправа под Пулозером»).

123. Петр Первый и мастер Лайкач.— *Криничная*, с. 162–163; зап. от К. А. Федорова, в 1956 г., в д. Пулозеро Сегежского р-на КАССР.

124. Петр Первый в кузнице.— *Барсов*, 1872, с. 305; зап. от В. П. Щеголенка.

125. Петр Первый на лесопильном заводе.— *Михайлов*, с. 13; зап. от старожила Архангельска в 60-х гг. XIX в.

ЦАРЬ ПЕТР В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Ни один из государственных деятелей России не запомнился в такой степени как царь Петр своим общением с простыми людьми в повседневном народном быту.

126. Царь Петр — крестный отец.— *Барсов*, 1872, с. 302–303.

127. Петр Первый и вытегоры.— *Барсов*, 1872, с. 303–304.

128. **Старше всех.**— *Криничная*, с. 161; зап. от К. Я. Игнетьева, в 1969 г. в г. Беломорске.

129. **Петр Первый и неразумное дитя.**— *Криничная*, с. 161—162; зап. от А. А. Кармановой, в 1969 г. в пос. Нюхча Сеgezского р-на КАССР.

130. **Петр Первый — кум.**— *Майнов, 1877*, с. 39—40; зап. в Вытегорском уезде Олонецкой губ.

131. **Подарок Петра Первого.**— *Криничная*, с. 139—140 (ОГВ. 1871. № 74. С. 858); зап. от марциальноводского священника И. Лаврова, слышавшего предание от крестьян дер. Кончезера в Олонецкой губ.

132. **Дедновцы.**— *Новиков*, с. 307.

ПОСЛЕПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА

Выврванная из многовековых традиций петровскими преобразованиями, жизнь русского народа в последующие полстолетия сравнительно небогата судьбоносными для него событиями. Борьба придворных партий, военные успехи русской армии, нарастание социальных противоречий в деревне и на окраинах — недостаточно смягченное отнятием монастырских земель — все это, как и курьезные частности, отобразилось в преданиях и легендах о том времени, принадлежавших разным социальным слоям нашего народа.

133. **Брюс.**— *Мамакин*, с. 40; зап. в Лукояновском уезде Нижегородской губ.

134. **О Брюсе-арихметчике.**— *Чистяков*, с. 169—170; зап. близ дер. Тешевич в Жиздринском уезде Калужской губ. Генерал-фельдмаршал граф Яков Брюс, сподвижник Петра I, умер на десять лет позже него. Помимо военной и административной деятельности Я. Брюс был ученым, в молодости занимался математикой и естественными науками, переписывался с Лейбницем; последние десять лет жизни провел в своей деревне, предаваясь научным занятиям, и прослыл колдуном.

135. **Меншиков в ссылке.**— *Мисюров*, с. 119—120; зап. от В. З. Марченко, в 1949 г. («Меншиков и ссыльные люди»). Государственная деятельность А. Д. Меншикова — главного сподвижника Петра I — продолжалась в течение всего правления Екатерины I, но закончил он свои дни в ссылке в Сибири, лишенный всех чинов и наград.

136. **Сострадание Румянцева к неприятелям.**— *О Румянцеве*, с. 32. Фельдмаршал, граф П. А. Румянцеv-Задунайский — один из крупнейших русских полководцев XVIII в., был весьма популярным деятелем того времени.

137. **Урок, данный Румянцевым некоторому офицеру.**— *О Румянцеве*, с. 50.

138. Замысловатая шутка графа Румянцева.— *О Румянцеве*, с. 67.

139. Внук Никиты Демидова.— *Толычева*, с. 122—124; примечание собирателя: «Не знаю, явилось ли в газетах это оригинальное объявление, и, к сожалению, не помню имени честного человека, которого не подкупило демидовское богатство».

140. Мать Катерина отпустила на волю.— *Добротворский*, с. 158—159; зап. в с. Новая Слобода, в Путивльском уезде Курской губ. в 1885 г. Предание отобразило указ Екатерины II 1764 г. о секуляризации монастырских населенных крестьянами имений.

141. Богородица освободила.— *Добротворский*, с. 160—161; зап. в слободе Подмонастырской Крюковской вол. Грайворонского уезда Курской губ. В легенде отобразилось освобождение крестьян Введенского женского монастыря, происшедшее за много лет до указа 1764 г., по которому монастырь этот был упразднен, а церковь его обращена в приходскую.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ ПУГАЧЕВА

Предания о восстании Пугачева, записанные спустя 100—200 лет, передают события в целом гораздо вернее, чем фольклор о Разинском восстании, дольше бытовавший до своей записи. Картины обоюдных жестокостей — и самих восставших, и их противников — иллюстрация к известным словам Пушкина о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном» (исследованном именно Пушкиным). Освобождение крепостных крестьян без малого через сто лет после Пугачева правительством Александра II, убитого затем народовольцами, — дополнительное подтверждение правоты Пушкина, весьма критически относившегося, как известно, к крепостному праву и сочувствовавшего декабристам.

142. О Пугачеве.— *Коротин*, с. 199; зап. у уральских (яицких) казаков, продолжавших верить, что под именем Пугачева скрывался Петр III. На Яике, переименованном затем в Урал, начались действия Пугачева.

143. Пугачев на Яике.— *Коротин*, с. 199—201; зап. у уральских (яицких) казаков («Предание о Пугачеве»).

144. Женильба Пугачева.— *Коротин*, с. 201; зап. у уральских (яицких) казаков; село Свистун (пос. Круглоозерный) — в 17 км от Уральска.

145. Хорошая помещица и крестьяне.— *Садовников*, с. 377. В этих местах побывал не сам Пугачев, а предводители его отрядов.

146. Пугачев в Авзяне.— *Бараг*, с. 133—134; зап. от Я. А. Голодягина, 74 л., в 1971 г., в пос. Верхний Авзян Белорецкого р-на БАССР. Согласно наблюдениям собирателя и публикатора предание соединило

в себе непосредственно фольклорные источники с историческими сведениями, опосредованными литературой.

147. Пугачев на уральских заводах.— *Кругляшова, 1978*, с. 112; зап. от Н. П. Менщикова, 85 л., в д. Александровка в 1960—1961 гг.

148. Пугачев и Салават Юлаев.— *Кругляшова, 1978*, с. 119; зап. от Т. Т. Суровцева, 55 л., в д. Романовка в 1960—1961 гг.

149. Пугачевцы в Туванах.— *Аристов, 1880*, с. 18—19; зап. уроженцем села Туван в 1860 г. («О Пугачеве»). В основе предания — действительные события, как сообщает Н. Я. Аристов.

150. Пугачевцы в селе Курмачкасы.— *Аристов, 1880*, с. 22; сообщено в 1860 г.

151. Пугачев в Ядрине.— *Сутырин, с. 77—80*; по словам собирателя, это предание изложено им в литературной обработке. Упоминание о Казани здесь явно ошибочно: попытка взять ее предшествовала переправе на правый берег Волги и движению к Суре.

152. Пугачев в Алатыре.— *Аристов, 1880*, с. 20—21; зап. в 1860 г. Как сообщает Н. Я. Аристов, в Алатыре в то время не было наместника Бердо; Пугачевым был убит премьер-майор Грабов с женой.

153. Пугачевцы под Пензой и Саратовом.— *Аристов, 1880*, с. 23; сообщено из Саратовской губ.

154. Пугач и Салтычиха.— *Мамакин, с. 139—140*; зап. в Лукояновском уезде Нижегородской губ. Д. Н. Салтыкова закончила свои дни в тюрьме, заключенная туда пожизненно за истязания и убийства крепостных крестьян (но каннибализм к числу ее преступлений не принадлежал). В заключении она пробыла около 40 лет, суд состоялся за пять лет до начала Пугачевского восстания.

155. Горькая смерть.— *Садовников, 1876*, с. 172—173; зап. в Симбирской губ. на Волге.

156. Пугачевское золото на дне озера Инышко.— *Бараг, с. 140—141*; зап. от Т. Л. Крестникова, 77 л., в 1970 г. в пос. Ленинский Челябинской обл.

СУВОРОВ

Популярность личности Суворова в народной среде отобразилась в песнях значительно сильнее, чем в преданиях. Большинство их записано сравнительно поздно, причем многие опубликованы, по-видимому, в пересказах публикатора, а не в той именно форме, в какой они могли быть им услышаны. Однако среди текстов, которыми мы располагаем, есть и немало записей, непосредственно отображающих оценку Суворова его солдатами и отношение к его личности в широкой народной среде.

157. **Рождение Суворова.**— *Елисеев*, с. 337. А. В. Суворов родился в Москве, отец его был вначале ординарцем Петра I.

158. **Суворов и солдаты.**— *Бирюков*, с. 9—10; зап. от А. С. Свинцова, 73 л., в Челябинске в 1947 г. Взятие Измаила в 1790 г., по словам самого Суворова, было делом, на которое можно решиться только раз в жизни. Крепость, незадолго до того заново укрепленная французскими инженерами, действительно считалась совершенно неприступной.

159. **Суворов на войне с французами.**— *Фридрих*, с. 239—242; зап. в Даугавпилсе в 1927 г. В этом предании и в последующих речь идет о знаменитых Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова в 1799 г., когда полководцу было 70 лет.

160. **Суворов слушал небесную обедню.**— *Елисеев*, с. 337—338. Мотив небесной обедни см. выше в одном из преданий, связывающих имя Суворова с Петром I.

161. **Дедушка Суворов в Альпах.**— *Елисеев*, с. 338. Имеется в виду, очевидно, перевал Сен-Готард.

162. **Дедушка Суворов у Чертова моста.**— *Елисеев*, с. 338. Переход через Чертов мост следовал за преодолением перевала Сен-Готард.

163. **Покушение на Суворова.**— *Елисеев*, с. 340. А. В. Суворов умер в России, после завершения Швейцарского похода.

164. **Посещение Петрозаводска Суворовым.**— *Дашков*, с. 175—177.

165. **Суворов и мезенский солдат.**— *Крюкова*, с. 140—142; зап. от М. С. Крюковой в с. Нижняя Зимняя Золотица Архангельской обл. в феврале 1943 г. По словам собирателей-публикаторов, текст приведен ими с сокращениями.

КУТУЗОВ. НАПОЛЕОН. АНГЛИЧАНЕ

Прозаический фольклор об исторических событиях и деятелях первой половины XIX в. сравнительно небогат. О М. И. Кутузове бытовали предания, восходившие к рассказам его современников и сослуживцев, главным образом — офицеров русской армии. Записи этих преданий отобразили язык и фразеологию военно-служилой среды и иногда несут на себе налет снисходительно-покровительственного отношения к солдатам. Зато простонародные рассказы о Наполеоне и его генералах, о появлении английской эскадры на севере России совершенно лишены таких особенностей.

166. **Награда храброму воину.**— *О Кутузове*, ч. 2, с. 89—90. Речь идет о войне с Турцией еще в последней четверти XVIII в.

167. **Кутузов — истинный почитатель Суворова.**— *О Кутузове*, ч. 1, с. 82.

168. **Кутузов и солдаты.**— *О Кутузове*, ч. 1, с. 73—74. («Отличное расположение Михаила Ларионовича Кутузова к гренадеру Сергею Семёнову»).

169. **Орел в стане русских.**— *О Кутузове*, ч. 2, с. 15—16. Речь идет о прибытии Кутузова во время Отечественной войны 1812 г.

170. **Хладнокровие и неустрашимость князя Кутузова при Бородинском сражении.**— *О Кутузове*, ч. 2, с. 24.

171. **О Наполеоне.**— *Зеленин*, 1914, с. 430—434; зап. в 1848 г. в Верхотурском уезде Пермской губ. Легендарно-сказочное повествование о наполеоновских генералах-грабителях и их плачевной судьбе — народное осмысление мародерства и последующего поражения «Великой армии» в России.

172. **Про англичан.**— *Колпакова*, с. 53; зап. от Н. С. Богдановой, 63 л., в д. Кузомень Мурманской обл. в 1933 г. Речь идет о событиях Крымской войны 1853—1856 гг.: английские фрегаты заходили тогда в Белое море, обстреливали Колу, Соловецкий монастырь и некоторые другие пункты побережья, неудачно пытались напасть на Архангельск.

173. **Про утонувший колокол.**— *Колпакова*, с. 53—54; зап. от М. А. Кяльминой, 65 л., в Кандалакше в 1933 г.

НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

Характерное явление русской народной прозы — предания о так называемых «благородных разбойниках». Принадлежа к разряду «местных преданий», эти повествования посвящены деяниям отважных людей, преследуемых и осуждаемых местными властями, но прославившихся в народной памяти тем, что отнимали только несправедливо нажитое добро у богатых и отдавали его бедным. Особенно развиты были такие предания в горнозаводской среде, но бытовали повсеместно.

174. **Про Василия Рощина.**— *Морохин*, с. 166—167; зап. от З. А. Прокофьевой, 54 л., в 1949 г. в г. Выксе Горьковской обл.

175. **Ребятам помог, а сам погиб.**— *Мисюрев*, с. 13; зап. от А. К. Петрова в 1937 г. в с. Локоть на р. Алее.

176. **Поминай добром.**— *Мисюрев*, с. 15; зап. от С. А. Колмогорова, 79 л., в с. Локте.

177. **Свинец заговаривал.**— *Мисюрев*, с. 14; зап. от Г. И. Пятакова, 67 л., в с. Локоть.

178. **Отбивал караваны.**— *Мисюрев*, с. 36—37; зап. от М. Ф. Кожевникова, 87 л., в 1936 г. в Гурьевске.

179. **Медная пуговка.**— *Мисюрев*, с. 37; зап. от М. А. Дедюгина, 75 л., в Старом Кузнецке.

180. **Сорока и старички.**— *Мисюрев*, с. 38—39; зап. от Е. О. Кормина, 85 л., в 1939 г. в с. Краснознаменном Крапивинского р-на.

181. **Старушка и пристав.**— *Мисюрев*, с. 53; зап. от Е. П. Огорелкова, 66 л., в 1938 г. в с. Егорьевском. *При обязательном труде*— т. е. до отмены крепостного права, когда приписанные к заводам и рудникам рабочие подчинялись администрации, как крестьяне помещикам.

182. **В самые первые времена.**— *Мисюрев*, с. 55; зап. И. И. Вершинина в 1937 г. в Салаире.

183. **Лобовская шайка.**— *Кругляшова*, 1967, с. 78; зап. от А. И. Сергеева, 72 л., в 1963 г. в пос. Висим.

184. **Сходчивый мужик князь Воронцов.**— *Мисюрев*, с. 90—91; зап. от М. А. Костромина, 72 л., в 1939 г. на прииске Надеждинка. В предании отобразились смутные припоминания о восстании декабристов, о Константине— брате Николая I.

185. **Из сиротства.**— *Мисюрев*, с. 111; зап. от П. С. Шевелева, 74 л., в 1947 г. в с. Богашево близ Томска.

186. **У губернатора.**— *Мисюрев*, с. 111—112; зап. от С. С. Иванова, 56 л., в 1947 г. в Томске.

187. **Лиханов раздавал деньги.**— *Мисюрев*, с. 112—113; зап. от П. С. Шевелева в 1947 г. в с. Богашево («На лошаденку, на коровенку»).

188. **Как ловили Лиханова.**— *Мисюрев*, с. 113; зап. от М. Г. Курочкина в 1947 г. в Томске («Беднота не выдавала»).

189. **Лиханов и старуха.**— *Мисюрев*, с. 113—114; зап. от М. Г. Курочкина в 1947 г. в Томске.

190. **Фома— воевода.**— *Криничная*, с. 106—107; зап. от Н. А. Ремезова, в 1940 г. в д. Алексеево Авдеевского сельсовета Пудожского р-на КАССР.

191. **Серебряков.**— *Садовников*, 1884, с. 358—359; зап. в Симбирске.

СИЛАЧИ

Предания о силачах не имеют социальной окраски, они хранят память о людях, запомнившихся часто вне зависимости от патриотической или иной направленности деяний, в которых проявили свою исключительную физическую силу. Но иногда патриотический подтекст в таких преданиях присутствует. Таковы, например, рассказы о Рагне или Рахте, посрамившем иноземного борца в Москве.

192. **Курганы-богатыри.**— *Париллов*, с. 111; зап. от А. В. Панова, 54 л., в г. Колпашево Томской обл. в 1942 г.

193. **Братья-богатыри.**— *Криничная*, с. 64 (ОГВ. 1900. № 32. С. 3); зап. от деда Степана, 90 л., на р. Яг в Олонецкой губ.

194. **Про Никитушку Ломова.**— *Садовников*, 1884, с. 381—382; зап. в Симбирске.

195. **Бой казачки с богатырем.**— *Садовников, 1884*, с. 379—380; зап. в Симбирске.

196. **Про Рагну.**— *Криничная*, с. 70—71; зап. от М. И. Ярышева, в 1940 г. в с. Римское Песчаного сельсовета Пудожского р-на КАССР.

197. **Рах Рагнозерский.**— *Чистов*, с. 139—141; зап. от П. Я. Леонтьева, 64 л., д. Гумарнаволоок Пудожского р-на Карельской АССР в 1957 г. Более развернутый вариант предыдущего предания.

198. **Силач Иван Дуров.**— *Криничная*, с. 64—65; зап. от В. Ф. Агеева, в 1971 г. в Анхимово Прионежского р-на КАССР.

199. **Иван Донской.**— *Криничная*, с. 74—75; зап. от Ф. Т. Миронова, в 1940 г. в д. Гора Каршевского сельсовета Пудожского р-на КАССР.

200. **Меньшиковы.**— *Криничная*, с. 75—76; зап. от Ф. Т. Миронова, в 1940 г. в д. Гора Каршевского сельсовета Пудожского р-на КАССР.

РАЗБОЙНИКИ

Предания о разбойниках, не принадлежащих к категории народных заступников, то есть обыкновенных злодеях, особенно распространены в тех местностях, где не было достаточных причин для деятельности «благородных разбойников», где менее остры были социальные противоречия, но столь же много, как и повсюду, соблазнов к «легкой» жизни и легкому обогащению. Довольно обычный финал таких рассказов — наказание и посрамление злодеев — оказался не лишен занимательности в последнем из приводимых повествований — о солдате, спасшем от разбойников Петра I.

201. **Машека.**— *Шейн*, с. 452—453; зап. в Могилевской губ.

202. **Злодей Зельнин.**— *Якушкин*, с. 186—187; зап. в г. Орле.

203. **Ахмет.**— *Садовников, 1884*, с. 348—350; зап. в с. Новиковка Ставропольского уезда Самарской губ.

204. **На постоялом дворе.**— *Садовников, 1884*, с. 321.

205. **Чудь и литва в Валдиеве.**— *Криничная*, с. 51—52 (ОГВ. 1892. № 46. С. 487), зап. в Олонецкой губ.

206. **Разбойники с Хедострова.**— *Криничная*, с. 102—103 (ОГВ. 1863. № 45. С. 173—174); зап. в Олонецкой губ.

207. **Разбойничья пещера.**— *Криничная*, с. 103—104; зап. от А. Ф. Прохорова, в 1971 г., в с. Анненский Мост Медвежьегорского р-на КАССР.

208. **Наумко и разбойники.**— *Криничная*, с. 107—108 (ОГВ. 1892. № 47. С. 498); зап. в Олонецкой губ.

209. **Разбойные деревни.**— *Криничная*, с. 110—111; зап. от Н. И. Белухина в д. Агафоновская Поздышевского сельсовета Пудожского р-на КАССР.

210. Петр Великий и солдат.— *Садовников, 1884*, с. 372—377; зап. от Абрама Новопольцева. Известный сказочник приурочил к деятельности Петра Великого традиционный сюжет о посрамлении разбойников солдатом.

СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

Сверхъестественная природа кладов — одно из весьма устойчивых народных поверий, лежащее в основе почти всех легенд и преданий о кладах и кладоискателях. Клады связаны с чудесными животными и предметами, с мертвецами и колдовством. Оставленные часто разбойниками, клады «даются» только тем людям, которые выполняют неукоснительно необходимый ритуал и скрываются от нарушителей его. Нередко клад достается именно тому, кто, по народным представлениям, достоин награды за свои добрые поступки.

211. Ворон указал клад.— *Железнов*, с. 252—253; зап. от А. Д. Барсукова на р. Урал.

212. Рыбий клеск.— *Ончуков, 1908*, с. 499; зап. в Пудожском уезде Олонецкой губ.

213. Клад в гробике.— *Зиновьев*, с. 288; зап. от И. С. Рязанцевой, 74 л., в с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. в 1966 г.

214. Клад на внучку.— *Зиновьев*, с. 290; зап. от И. С. Рязанцевой, 74 л., в с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл. в 1966 г.

215. Клад в бане.— *Фридрих*, с. 252—253; зап. в пос. Гавры Абренского уезда Латвии в 1931 г.

216. Собака обратилась в золото.— *Садовников, 1884*, с. 363; зап. М. И. Извощиковым.

217. Деньги в гробу.— *Садовников, 1884*, с. 363; зап. М. И. Извощиковым.

218. О кладе, зарытом шведами.— *Шейн*, с. 426; зап. в с. Торокани Кобринского уезда Гродненской губ.

219. Зарытые деньги.— *Едемский*, с. 214—215; зап. в д. Харитонихе в Спасской волости Архангельской губ.

220. Клад руками мертвеца.— *Садовников, 1884*, с. 361; зап. от А. В. Чегодаева в Симбирске.

221. Драгоценный батожок.— *Майнов, 1877*, с. 160—161 («Золотой старец и губошлепы»).

222. Ночь на Ивана Купалу.— *Худяков*, с. 185—186; зап. в Зарайске Рязанской губ. в начале 1860-х гг.

223. Клад не дался.— *Садовников, 1884*, с. 364; зап. М. И. Извожников.
224. Клад давался.— *Садовников, 1884*, с. 362; зап. в Симбирске.
225. Угли вместо золота.— *Зиновьев, с. 289*; зап. от Е. В. Обуховой, 70 л., в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. в 1979 г.
226. Не сумел взять клад.— *Садовников, 1884*, с. 359–360; зап. от Н. Г. Потанина в Симбирске.
227. Делили клад.— *Железнов, с. 250–251*; зап. от А. Д. Барсукова на р. Урал.
228. Как братья клад искали.— *Ончуков, 1908*, с. 197–198; описан действительный случай, бывший в Пинежском уезде Архангельской губ. в 30-х гг. XIX в.

ПРОКЛЯТЫЕ

Легенды о проклятых людях основываются на вере в магическую силу слова, особенно — проклятья родительского. Вопреки воле проклявшей в сердцах свое дитя матери оно превращается в иное существо, жизнь его как бы раздваивается. Проклятье тяготеет не только над тем, кто проклят, но и над тем, кто проклял. Прощение проклятого, снятие проклятья необходимо, чтобы обрести спокойную смерть.

229. Проклятбй.— *Железнов, с. 288–296*; зап. от старика казака на р. Урал.
230. Проклятая.— *Зиновьев, с. 121*; зап. от И. Е. Корякиной, 80 л., в с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл. в 1974 г.
231. О некрещеной девице.— *Балашов, с. 73–74*; зап. от А. А. Мошниковой, 68 л., в пос. Лесной Мурманской обл. в 1964 г.
232. Возвращенный сын.— *Рыбников, с. 188–189*; зап. в первой половине 1860-х гг. в Заонежье.
233. Проклятие.— *Ширский, с. 10*; зап. в Ветлужском крае.
234. Мать простила проклятого сына.— *Рыбников, с. 199–200*; зап. от Леонтия Богданова, 70 с лишним лет, в первой половине 1860-х гг. в д. Середка Кижской волости Олонецкой губ. Грумант — Шпицберген, со слов бывших там промышленников рассказывал Л. Богданов.
235. Убийца родителей.— *Богатырев, с. 073–074*; зап. от И. А. Коптяева, 75 л., в 1916 г. в д. Забереговской Шенкурского уезда Архангельской губ.

ПОБЫВАВШИЕ НА ТОМ СВЕТЕ

К рассказам о судьбе невинно проклятых отчасти близки легенды о путешествиях в загробный мир. Пребывание в раю или в аду, особенно попытки вызволить из ада своих близких — попытки, не всегда остающиеся безуспешными, свидетельствуют о вере не только в силу проклятья, но и в значимость добрых дел, об убежденности в неизбежном загробном воздаянии каждому по делам его.

236. **Обмиравшая.**— *Железнов*, с. 358—371; зап. от старика казака на р. Урал.

237. **Как купцов сын у Господа в гостях был.**— *Садовников*, 1884, с. 283—287; зап. от Абрама Новопольцева.

238. **Горькой пьяница.**— *Афанасьев*, с. 167—169. Из собрания В. И. Даля.

239. **Сын выручил отца у сатаны.**— *Ширский*, с. 13—15; зап. в Ветлужском крае («Горький пьяница»).

240. **Как мужик с Николой путешествовал и что они видели.**— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 332—334; зап. в 1905 г. в Череповецком уезде Новгородской губ.

241. **Разбойничья голова.**— *Садовников*, 1884, с. 301—302; зап. от Абрама Новопольцева.

242. **Злая женщина и добрый дух.**— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 319—321; зап. от А. Гладышевой в 1900 г. в д. Большой двор Череповецкого уезда Новгородской губ.

243. **Муж побывал у чертей.**— *Рыбников*, с. 187—188; зап. в первой половине 1860-х гг. в Заонежье.

244. **Как царь Соломон из ада вышел.**— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 408; зап. от Т. Торопова в д. Торопова Орловского уезда Вятской губ.

245. **Как церковь ушла.**— *Садовников*, 1884, с. 378—379; зап. от П. С. Полужктова в Симбирске.

ОБОРОТНИ И ЗАГОВОРЕННЫЕ

К весьма давним тотемистическим представлениям восходят образы оборотней. С теми же, но трансформировавшимися верованиями связаны и рассказы о заговоренных людях. За тысячу лет христианства на Руси влияние его отразилось и на самих народных заговорах и на некоторых произведениях из числа напечатанных в этом разделе.

246. **Оборотень.**— *Железнов*, с. 283—287; зап. от А. Д. Барсукова на р. Урал.

247. **Медведь.**— *Смирнов*, 1917, вып. 2, с. 845—846; зап. в 1890-е гг. в г. Сургут Тобольской губ.

248. **В работниках у лесного.**— *Ончуков, 1908*, с. 495–496; зап. в Чердынском уезде Пермской губ.

249. **Заговоренный.**— *Железнов*, с. 345–346; зап. от старика казака на р. Урал.

250. **Нечистая сила против Божеской стоять не может.**— *Железнов*, с. 344; зап. от старика казака на р. Урал.

251. **Чудесный случай.**— *Ончуков, 1908*, с. 592–593; зап. от В. М. Сынчикова, 60 л., в д. Пянтина Архангельской губ.

КОЛДУНЫ И ВЕДЬМЫ

Колдуны, колдуньи, ведьмы существовали, как известно, в сельских местностях до самого недавнего времени. Не касаясь вопроса, насколько соотносятся с реальностью представления о их сверхъестественных возможностях, необходимо напомнить, что эти люди — наследники сословия языческих жрецов, а «полулегальное» существование колдунов и ведьм на протяжении многих веков поддерживалось остатками языческой религии в народном сознании.

252. **Шилихин пожар.**— *Железнов*, с. 57–62; зап. от П. Н. Чакрыгина на р. Урал. Пожар произошел в 1807 г.

253. **Шутовка.**— *Железнов*, с. 304–310; зап. от старика-казака на р. Урал.

254. **Еретик.**— *Едемский*, с. 214; зап. в д. Харитониha Спасской вол. Архангельской губ.

255. **Солдат и его жена ведьма.**— *Зеленин*, с. 67–68; зап. от Г. В. Верхорубова, 38 л., в д. Ключи Котельнического уезда Вятской губ.

256. **Жена колдунья.**— *Ончуков, 1908*, с. 525–526; зап. от Г. П. Кашина в д. Нёнокса Архангельской губ.

257. **Колдун и священник.**— *Ончуков, 1908*, с. 497–498; зап. в Чердынском уезде Пермской губ.

258. **Свекровь-колдунья.**— *Зиновьев*, с. 151–152; зап. от И. М. Рачковой, 25 л., в 1977 г. в с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл.

259. **Теща-колдунья.**— *Зиновьев*, с. 150–151; зап. от М. В. Осокиной, 88 л., в 1977 г. в с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл.

260. **Колдунья и солдат.**— *Зиновьев*, с. 176; зап. от А. И. Трофимова, 71 г., в 1976 г. в с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл.

261. **Колдун присушил мужа.**— *Зиновьев*, с. 193; зап. от Е. В. Егоровой, 76 л., в 1979 г. в с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл.

262. **Забывтый на Новой Земле.**— *Ончуков, 1908*, с. 527; зап. от Г. П. Кашина в д. Нёнокса Архангельской губ.

263. **Заколдованная женщина.**— *Шейн*, с. 449–450; зап. в д. Рожковичи Пружанского уезда Гродненской губ.

264. Волшебная татарка.— *Шейн*, с. 450—451; зап. в Белостокском уезде Гродненской губ.

265. Ведьма прокляла реку.— *Шейн*, с. 429—430; зап. в Гродненской губ.

МЕРТВЕЦЫ

Продолжающие беспокоить живых умершие — это, как правило, те же колдуны, а их неполное умирание обязано остаткам весьма сложного комплекса языческих представлений. К последним восходит и довольно устойчивый мотив поедания живого мертвецом или его стремления совершить это.

266. Воржец.— *Железнов*, с. 351—352; зап. от старика-казака на р. Урал.

267. Мертвый волшебник.— *Едемский*, с. 213—214; зап. в д. Харитониха Спасской вол. Архангельской губ.

268. Покойная кумушка.— *Оичуков*, 1908, с. 570; зап. от Я. С. Бородина в д. Нижмозеро Архангельской губ.

269. Логиныч.— *Железнов*, с. 347—351; зап. от старика-казака на р. Урал. *На третьем пикете.*— Пикетом назывался небольшой сторожевой отряд, высылаемый в сторону противника на небольшое расстояние; *третьей*—относящийся к одной трети.

270. Солдат и покойник-колдун.— *Зеленин*, 1915, с. 77—81; зап. от Г. В. Верхорубова, 38 л., в д. Ключи Котельничского уезда Вятской губ.

271. Солдат и еретник.— *Зеленин*, 1915, с. 202—203; зап. от А. Х. Селезнева в с. Чахловка Котельничского уезда Вятской губ.

272. Еретник и работник.— *Зеленин*, 1915, с. 203—204; зап. от А. Х. Селезнева в с. Чахловка Котельничского уезда Вятской губ.

273. Отец и сын.— *Зеленин*, 1915, с. 204; зап. от А. Х. Селезнева в с. Чахловка Котельничского уезда Вятской губ.

274. Жених-мертвец.— *Зиновьев*, с. 273—274; зап. от Л. П. Мосоловой, 14 л., в 1969 г. в с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл.

275. Муж-мертвец.— *Зиновьев*, с. 275; зап. от Е. А. Вологжиной, 80 л., в 1978 г. в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.

276. О шведах.— *Шейн*, с. 446; зап. в д. Тереховичи Волковыского уезда Гродненской губ.

ЛЕШИЕ

Леший относится к международно распространенным образам «пизшей» мифологии. У русских он сочетает в себе разнородные по происхождению черты, но является обычно в человеческом облике. При этом встретивший его человек не всегда догадывается, с кем имеет дело.

277. Леший.— *Зеленин, 1915, с. 51–53; зап. от Г. В. Верхорубова, 38 л., в д. Ключи Котельничского уезда Вятской губ.*

278. Леший увел.— *Ончуков, 1908, с. 578–579; зап. от П. С. Ворониной в д. Тамица Архангельской губ.*

279. Леший водил.— *Ончуков, 1908, с. 576–577; зап. от П. С. Ворониной в д. Тамица Архангельской губ.*

280. Леший водил парня.— *Зиновьев, с. 19–20; зап. от В. Пуртовой, 30 л., в 1974 г. в с. Нижняя Куэнга Сretenского р-на Читинской обл.*

281. Лешевы родины.— *Ончуков, 1908, с. 576; зап. от П. С. Ворониной в д. Тамица Архангельской губ.*

282. В няньках у лешего.— *Ончуков, 1908, с. 504–505; зап. от П. М. Кашина в д. Нёнокса Архангельской губ.*

283. Леший — кум.— *Балашов, с. 71–72; зап. от А. А. Мошниковой, 68 л., в 1964 г. в пос. Лесной Мурманской обл.*

284. Леший в благодарность за услугу служит мужику.— *Смирнов, 1917, вып. 1, с. 409–411; зап. в 1882 г. в с. Слудское Орловского уезда Вятской губ.*

285. На лешем в Питер.— *Ончуков, 1908, с. 591–592; зап. от С. Я. Коротких в д. Пянтина Архангельской губ.*

286. Мужик перехитрил черта.— *Смирнов, 1917, вып. 1, с. 377–378; зап. от А. Торопова в 1882 г. в д. Торопова Орловского уезда Вятской губ.*

ВОДЯНЫЕ И РУСАЛКИ

Повествования об этих существах восходят к древнейшим культам воды — к поклонению духам рек и озер, которые приобрели со временем столь «привычные» очертания водяных и русалок. Поверья, связанные с их образами, были популярны еще в большей степени, чем вера в леших. Достаточно вспомнить столь распространенную некогда былинку о Садко или менее известные ныне, но пользовавшиеся большим доверием, многочисленные народные заговоры. В Сибири, например, до недавнего времени считалось, что исполнение былинки о Садко в тихую погоду вызовет бурю, и напротив — утишать морское волнение следует опять-таки пением этой былинки.

287. Водяной выдал дочь замуж.— *Харузин*, с. 321—322; собиратель так поясняет веру в существование двух водяных в одном озере: здесь могло поселиться некогда два племени, у каждого был свой водяной. На берегах Водлозера два церковных прихода: пречистенский и ильинский — по двум расположенным здесь церквям.

288. Водяной и его дочь.— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 330—332; зап. от А. Юдиной в 1900 г. в д. Бузакова Череповецкого уезда Новгородской губ.

289. Дочь вернулась от водяного.— *Рыбников*, с. 194—196; зап. в первой половине 1860-х гг. в Кижской волости Олонецкой губ.

290. Женитьба на русалке.— *Рыбников*, с. 196—197; зап. в первой половине 1860-х гг. в Кижской волости Олонецкой губ. *Онега* — Онежское озеро.

291. Марина — русалка.— *Садовников*, 1884, с. 383—388; зап. от Е. Г. Извощиковой в Симбирске.

292. Про Кицку жонку.— *Колпакова*, с. 57—59; зап. от Н. С. Богдановой, 63 л., в 1933 г. в д. Кузомень Мурманской обл. *Кица* — приток р. Варзуги, впадающей в Белое море, в центре которого находятся Соловецкие острова.

ДОМАШНИЕ ДУХИ

Кроме всем известного домового, в народных представлениях жило немало существ, обобщенно называемых «домашними духами» (точнее было бы сказать — духами крестьянского хозяйства). Ниже представлены только рассказы о «наиболее популярных».

293. Домовой.— *Зиновьев*, с. 61—62; зап. от М. Д. Филипповой, 54 л., в 1969 г. в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл.

294. Потанька.— *Афанасьев*, с. 134—135; зап. крестьянином Александром Зыряновым в г. Долматове Шадринского округа Пермской губ.

295. Кикиморы.— *Зиновьев*, с. 91—92; зап. от Е. К. Кудрявцевой, 60 л., в 1977 г. в с. Ломы Сретенского р-на Читинской обл.

296. Кикимора.— *Зиновьев*, с. 94; зап. от М. А. Томских, 87 л., в 1969 г. в с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл.

297. Банник.— *Зиновьев*, с. 83; зап. от Н. В. Дойниковой, 23 л., в 1978 г. в с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл.

ЧЕРТИ

Представления о чертях как слугах дьявола, связанные с адскими муками грешников, далеко не покрывают собой чрезвычайно многозначность этих образов. Она объясняется тем, что с торжеством

христианских идей языческие божества не переставали существовать в народном сознании. Они переходили в разряд слуг сатаны, а свойства этих мифологических персонажей во многом оказались унаследованы чертами народных верований и отобразивших эти верования рассказов.

298. **Сын, проданный сатане.**— *Ширский*, с. 11—13; зап. в Ветлужском крае («Кумова кровать»).

299. **Кумова кровать.**— *Афанасьев*, с. 158—159; зап. в Саратовской губ. Из собрания В. И. Даля.

300. **О Пресвятой Богородице.**— *Богатырев*, с. 076; зап. от И. А. Коптяева, 75 л., в д. Заберезовская Шенкурского уезда Архангельской губ.

301. **Про девок и про черта.**— *Колпакова*, с. 54; зап. от Д. Е. Подымниковой, 64 л., в 1933 г. в д. Умба Мурманской обл.

302. **Черт.**— *Зиновьев*, с. 101; зап. от А. И. Носковой, 73 л., в 1974 г. в с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл.

303. **Кушак.**— *Ончуков*, 1908, с. 579; зап. от П. С. Воронихиной в д. Тамица Архангельской губ.

304. **Суженый.**— *Зиновьев*, с. 102—103; зап. от И. С. Рязанцевой, 74 л., в 1966 г. в с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл.

305. **Бочка с золотом.**— *Ончуков*, 1908, с. 498—499; зап. в с. Мегры Лодейнопольского уезда Олонецкой губ.

306. **Чертвы коровы.**— *Ончуков*, 1908, с. 499—500; зап. в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ.

307. **Черт в обличе солдата.**— *Зиновьев*, с. 117; зап. от С. Р. Манаконовой, 78 л., в 1978 г. в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.

308. **Кузнец и черт.**— *Афанасьев*, с. 186—189. Из собрания В. И. Даля.

309. **Черт соблазнил пустытника.**— *Ширский*, с. 11; зап. в Ветлужском крае («Пустытник и черт»).

310. **Пустытник и дьявол.**— *Афанасьев*, с. 140—141. Из собрания В. И. Даля.

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И БАСНИ

СОТВОРЕНИЕ МИРА. БАСНИ О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ

Библейские повествования о миротворении своеобразно уживались в народном восприятии с наследием дохристианских и апокрифических источников. Одна из наиболее заметных черт такого симбиоза—

дуалистичные в своей основе рассказы об участии дьявола в сотворении мира.

311. Творение мира.— *Ширский*, с. 6; зап. в Ветлужском крае.

312. О миротворении.— *Барсов*, 1886, с. 1—2. Собиратель называет этот текст одним из севернорусских народных рассказов — в отличие от текстов апокрифических рукописей, сходного содержания.

313. О происхождении дьявола и болот.— *Шейн*, с. 340—341; зап. в Борисовском уезде Минской губ.

314. О пчелах.— *Шейн*, с. 353—354; зап. в Невельском уезде Витебской губ.

315. Шершневая оса.— *Шейн*, с. 354; зап. в Пружанском уезде Гродненской губ.

316. О хлебном колосе.— *Шейн*, с. 357—358; зап. в Смоленском уезде Смоленской губ.

317. Хлеб собак и кошек.— *Шейн*, с. 359—360; зап. в Пружанском уезде Гродненской губ.

318. О происхождении аиста.— *Шейн*, с. 350; зап. в Минском уезде Минской губ.

319. Откуда медведи пошли.— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 378; зап. в г. Орлове Вятской губ.

320. Про раков.— *Зеленин*, 1915, с. 333—334; зап. от П. И. Власова, 34 л., в д. Семенки Еятского уезда Вятской губ.

321. Вражда волка, собаки, кошки и мыши.— *Шейн*, с. 348—349; зап. в Гродненской губ.

322. Отчего медведь стал человека бояться.— *Ширский*, с. 7; зап. в Ветлужском крае.

323. Как лошадь простила обиду.— *Ширский*, с. 8; зап. в Ветлужском крае.

324. Казак и черепаха.— *Железнов*, с. 387—390; зап. от старика казака на р. Урал.

325. Волк.— *Афанасьев*, с. 194—195. Из собрания В. И. Даля. Слово «вид» здесь в значении — паспорт, удостоверение.

О РЕКАХ, ГОРАХ И ОЗЕРАХ

Рассказы, основанные на древнейших легендарных представлениях о первоначальниках и природных объектах, сочетаются нередко с более поздними легендами о провалившихся городах, церквях и т. п. Сюда же можно отнести давно воспринимаемые исполнителями без особого доверия басни о реках — как будто бы живых существах. Объединение их в одном разделе объясняется близостью породивших эти рассказы идей, характерных для традиционного крестьянского сознания.

- 326. Волга и Кама.**— *Садовников, 1884*, с. 383; зап. в Симбирске.
- 327. Вазуза и Волга.**— *Афанасьев, т. 1*, с. 112; зап. в Тверской губ. *Вазуза*—небольшой приток Волги вблизи ее верховьев. *Хвальгинское море*—Каспийское.
- 328. О Доне Ивановиче и Шате Ивановиче.**— *Смирнов, 1917, вып. 2*, с. 604—605; зап. в 1850 г. в с. Бороздино Веневского уезда Тульской губ.
- 329. Пряничная гора.**— *Садовников, 1884*, с. 383; зап. в Симбирске.
- 330. О реке Ужице.**— *Шейн*, с. 431—432; зап. в Дриссенском уезде Витебской губ.
- 331. Насыпи шведов.**— *Шейн*, с. 446; зап. в д. Тереховичи Волковыского уезда Гродненской губ.
- 332. Дева — правительница чуди.**— *Кривошеков*, с. 215; зап. в Чердынском уезде Пермской губ.
- 333. О дивных людях.**— *Ончуков, 1927*, с. 28—29; зап. от К. Ф. Коняева, в 1927 г. в Свердловске.
- 334. Об озере Пьявич.**— *Шейн*, с. 434—435; зап. в с. Деревной Слоимского уезда Гродненской губ. В основе легенды — мотив одного из библейских рассказов.
- 335. Ольховское озеро.**— *Шейн*, с. 436—437; зап. в д. Пацевичи Волковыского уезда Гродненской губ.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

Помещенный в этом отделе материал иногда относят к разряду исторических легенд и преданий. Относят не без основания, хотя историчности в таких произведениях, как правило, мало. Преобладает как бы наивная «историзация», идущая часто от попытки осмыслить происхождение того или иного названия.

- 336. О Добрынином острове.**— *Соколова, Гришин*, с. 104; зап. в 1923 г. в Рязанской губ.
- 337. Жители села Койдокурья.**— *Ефименко*, с. 18—19.
- 338. Почему наши села так называются.**— *Соколова, Гришин*, с. 104—106; зап. в 1923 г. в Рязанской губ.
- 339. О Пронске.**— *Соколова, Гришин*, с. 104; зап. в 1925 г. в Рязанской губ.
- 340. Основание Соловецкого монастыря.**— *Криничная*, с. 25; зап. от М. К. Мышева в 1967 г. в Кижях Медвежьегорского р-на КАССР.
- 341. История деревни Конда.**— *Криничная*, с. 25—26; зап. от М. Ф. Кованенко в 1969 г. в Петрозаводске.
- 342. Как писец Панин давал имена заонежским деревням.**— *Криничная*, с. 26—30 (ОГВ. 1868. № 48. С. 672—673); зап. в Олонецкой губ.

343. Церковь на острове.— *Харузин*, с. 318—319.

344. Построение Горно-Шелтозерской Ильинской церкви.— *Криничная*, с. 32—33 (ОГВ. 1908. № 45. С. 1—2); зап. в середине XIX в. в Горном Шелтозере Олонецкой губ.

345. История основателей деревни Девятины.— *Криничная*, с. 35; зап. от Е. Г. Твердова в 1971 г. в Вытегре Вологодской обл.

346. Видение.— *Железнов*, с. 51, 53—55; зап. от П. Н. Чакрыгина на р. Урал.

347. Церковь деревни Городок.— *Шейн*, с. 422—423; зап. в Витебском уезде Витебской губ.

348. Колокол церкви Городца.— *Шейн*, с. 325; зап. в м. Городец Кобринского уезда Гродненской губ.

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ПРАВЕДНИКИ И СВЯТЫЕ

Преобладающие в таких легендах традиционные для ортодоксального христианства идеи доминируют, однако, не повсюду. Представления, унаследованные еще от язычества, побуждают иногда приписывать даже некоторым популярным святым самые элементарные человеческие слабости, наивно проявляемые. Борьба праведников с дьявольским искушением оканчивается победой праведника в произведениях, которые представлены здесь. Но так бывает не всегда, что видно по текстам одного из предыдущих разделов.

349. Царевич Евстафий.— *Афанасьев*, с. 147—148; зап. в Саратовской губ. Из собрания В. И. Даля.

350. Праведный судья.— *Ширский*, с. 15—16; зап. в Ветлужском крае. Примечание публикатора В. И. Смирнова: «Здесь пропуск или умолчание: [...] он должен съесть с тем, кто взятку не берет».

351. Никола-угодник и купеческий сын.— *Афанасьев*, с. 86—89. Из собрания В. И. Даля.

352. Николай Чудотворец.— *Зеленин*, 1915, с. 403—406; зап. от Е. В. Ложкиной в с. Соснова Сарапульского уезда Вятской губ.

353. Илья-пророк и Никола.— *Афанасьев*, с. 79—82; зап. со слов крестьянина Ярославской губ. С принятием христианства на Илью-пророка оказались перенесены атрибуты языческого божества Перуна, которому приписывалась разрушительная сила молнии и грома, плодородная сила дождя.

354. Исцеление.— *Афанасьев*, с. 51—54. Из собрания В. И. Даля.

355. **Священник и дьявол.**— *Ончуков, 1908*, с. 432—433; зап. от М. Петрова в д. Морская Масельга Олонецкой губ.

356. **Егорий Храбрый.**— *Афанасьев, с. 76—77*. Из собрания В. И. Даля.

357. **Монах и нечистый.**— *Ширский, с. 10—11*; зап. в Ветлужском крае. В русской рукописной средневековой традиции эта легенда соотнесена со святым Иоанном, новгородским архиепископом XII в.

358. **О Петре и Февронии Муромских.**— *Соколова, с. 252—254*; зап. от А. Орловой, 78 л., в с. Ласково Рязанской обл. *Петр и Феврония*— святыне русской православной церкви; существует их церковное житие, имеющее форму повести, основанной на народной легенде. Этот вариант ее ближе к рукописной повести, чем последующий.

359. **О святой Февронии.**— *Ржига, с. 145—146*; зап. летом 1921 г. в д. Ласково Рязанской губ.

360. **Вавило-скоморох.**— *Садовников, 1884*, с. 289—291; зап. от В. Авдеева в с. Никоновка Ставропольского уезда Самарской губ.

361. **Видение.**— *Афанасьев, с. 130—131*; зап. в Архангельской губ. Из собрания В. И. Даля.

362. **Предсказатели.**— *Зиновьев, с. 303—304*; зап. от Е. Г. Мясниковой, 68 л., в 1977 г. в с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл.

ГРЕХ И ИСКУПЛЕНИЕ. БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ

Евангельские представления о соотношении этих категорий прочно вошли в народное сознание. Так можно было бы сказать на основе почти всех произведений, помещенных здесь. Но они отобразили, как известно, лишь то, к практическому утверждению чего стремились проповедники христианства. Борьба добра со злом, всегда имеющая переменный успех, никогда не теряла своей злободневности.

363. **Грех и покаяние.**— *Афанасьев, с. 159—162*. Из собрания В. И. Даля.

364. **Глухонемая.**— *Афанасьев, с. 184—186*. Из собрания В. И. Даля.

365. **Пустынный.**— *Афанасьев, с. 144—145*; зап. в Бобровском уезде Воронежской губ.

366. **Илья-пророк и стрелец.**— *Садовников, 1884*, с. 292; зап. в Симбирске.

367. **Про охотника.**— *Садовников, 1884*, с. 380—391; зап. в Симбирске.

368. **Святой Николай и мужик.**— *Ширский, с. 8—9*; зап. в Ветлужском крае.

369. **В богатстве правды нет.**— *Смирнов, 1917, вып. 1, с. 377*; зап. в 1882 г. в д. Торопова Орловского уезда Вятской губ.

370. Про купца, который нищих не принимал.— *Ширский*, с. 9; зап. в Ветлужском крае.

371. Христов братец.— *Афанасьев*, с. 60—62. Доставлена от П. В. Киреевского.

372. О двенадцати братьях.— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 323; зап. от А. Юдиной в 1900 г. в д. Бузакова Череповецкого уезда Новгородской губ.

373. Сила молитвы.— *Ширский*, с. 10; зап. в Ветлужском крае.

О БОЖЬЕМ СУДЕ

Легенды, относящиеся к этому разделу, можно подразделить в основном на две категории. Во-первых, это прямое утверждение справедливости и непререкаемости идущего от Бога воздаяния людям по их делам. Во-вторых — утверждение непознаваемости мотивов, по которым Божественный промысел управляет деяниями людей: то, что кажется порой удивительно несправедливым, на самом деле всегда имеет свое высшее оправдание, недоступное пониманию людскому

374. Ангел.— *Афанасьев*, с. 156—158; зап. А. Н. Афанасьевым в Бобровском уезде Воронежской губ.

375. Судьба доброй девицы.— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 322; зап. от Е. Полуеровой в 1900 г. в д. Трофонкова Череповецкого уезда Новгородской губ.

376. Бедная вдова.— *Афанасьев*, с. 33—36; зап. в Бобровском уезде Воронежской губ. Легенда использует мотив евангельской притчи.

377. Христос и апостолы.— *Богатырев*, с. 074—075; зап. от И. А. Коптяева, 75 л., в 1916 г. в д. Заберезовская Шенкурского уезда Архангельской обл.

378. Отчего осина дрожит.— *Якушкин*, с. 294—295; зап. в Уколове Курской губ.

379. Обиженный солдат и добрый дух.— *Смирнов*, 1917, вып. 1, с. 321—322; зап. от Е. Тяпиной в д. Костина Череповецкого уезда Новгородской губ.

380. Чудо на мельнице.— *Афанасьев*, с. 32—33; зап. в Бобровском уезде Воронежской губ.

381. Чудесная молотба.— *Афанасьев*, с. 29—30; зап. в Бобровском уезде Воронежской губ.

382. Пиво и хлеб.— *Афанасьев*, с. 56—60. Из собрания В. И. Даля.

383. Гордый богач.— *Афанасьев*, с. 151—155. Фольклорное переложение древнерусской повести о гордом царе Аггее.

384. Смерть праведного и грешного.— *Афанасьев*, с. 155—156; зап. в Саратовской губ. Из собрания В. И. Даля.

СЛОВАРЬ

А д ó н ь е — снопы, сложенные в кучу, скирд

а н ш п у г — жердь, кол

а р х и л а — старина

а с к ё р — солдат

Б а г р е н ь е — способ ловли крупной рыбы

б а с и с т а я м а т е р и я — красивая

б а с к о — хорошо

б а х и л ы — обувь, сапоги

б а ч к о — священник

б ё р г а л — горнозаводской рабочий

б е с с ч а с т н ы й — несчастный, горемычный

б о л ь ш а к — старший, главный в доме, хозяин

б р ю д г а — провожатая жениха

б у д а р к а — лодка-однодеревка

б у д е — если

В а р а к и — бугры, холмы

в а ч к и — рукавицы из сукна

в д р у г у ю с т о р о н у — в противном случае, иначе

в ё р е с — можжевельник

в ё р ш н и к — всадник

в е т л ó в ы й л е с — ивовый

в ё ч е р е в к а — вечерка, собрание сельской молодежи

в з а д ь — наоборот

в о г у л ы — прежнее название народности манси

в о д о в и к — небольшое озерное палубное судно

в о р ж ё ц — колдун, знахарь

в о р о х ó б и т ь с я — шевелиться; шуметь

в т ы м ё ж — в то время

в Ы к о п а т ь г л а з а — выколоть

в ь ю н и ц а — молодая женщина

Г а д — змея

г а л ь ё т — галиот, небольшое военное или грузовое судно

г о р а з д о — сильно, очень, довольно

г о р л а с т а я ш а п к а — горлатная, сделанная из меха с горла, шеи зверя

г о т я н — шнурок для нательного креста

гра́мотка — письмо
 гребстí — думать
 гри́вна — слиток серебра определенного веса, денежная единица
 гри́дница — парадный зал в княжеском дворце
 гру́ба — печь
 груба́ — оскорбление
 гуля́рный — праздничный

Дивове́жа — чудо, диво
 допре́ж — прежде, раньше
 до ро́дной — большой
 досю́льный — прежний
 досю́льщина — старина

Еретíк, еретн́ик — колдун
 ерофе́евич — настойка

Жлу́дный — жадный

Заамíнить — окончить, прекратить (от слова «аминь»):
 запа́днйя — подъемная дверь в подполье
 зарба́ — большая куча сена, стог
 зато́мошítься — засуетиться
 зе́пь — карман
 зы́бка я о́рда — болото

Избо́чина — отчество
 и́ндрик — зверь — фантастический былинный персонаж: **лосий** зверь устрашающей наружности
 испридра́ть — разорвать

Калíка перебо́жая — нищий, калека, убогий; паломник
 ка́рбас — лодка для морского плавания
 кармази́нный — яркого алого цвета
 кат — палач
 кинб́вия — монастырь
 киса́ — мешок
 клеск — рыба чешуя
 кло́ч — поляна
 кова́ды — когда
 коко́ша — кукушка
 коловра́тный аршин — аршин в длину и в ширину
 ко́мель — корень, нижняя часть ствола дерсва
 конáться — просить, умолять
 копа́нь — колодец
 копри́на — шелк

кормилец — дядька при юном князе, нередко сохранявший влияние и при возмужании своего питомца
корчага — большой глиняный сосуд для хранения вина и других припасов
косырь — большой нож
кребовый лес — кряжистый
крйца — свежая глыба вываренного из чугуна железа
крóшки — верхняя часть спины, закорки
кругама играть — народная игра «кргу́гом»
кудэсить — гадать
ку́нка — куница

Лал — драгоценный камень красного цвета
ла́мба — небольшое лесное озеро
ла́поть — см. лопоть
ла́тка — глиняная сковорода с высокими краями
лбйще — утес на берегу
ле́мбой — черт
ло́поть — старая, поношенная одежда
лу́да — каменистый берег; отмель
льзя — можно
ля́гва — лягушка
ляда́щая — худая, бедная
лямошник — бурлак
ля́хи — поляки

Ма́ло — недолго спустя, немного времени после
мамóшка — любовница; публичная женщина
ма́тка — потолочная балка
махóтка — глиняный горшок
ма́шкерство — ряженье
меду́ша — кладовая для хранения меда
мерéжа — конусообразная сеть для рыбы
меха́нина — конина
морóка — облака, тучи

На́волок — мыс, полуостров
назóла — тоска, печаль
найма́ть — наловить
на́клепка — верхний продольный брус в телеге
намахну́ться — напасть
намы́шка — ляпка через плечо у сарафана
на округ поставить — окружить со всех сторон
напа́дкой пить — прямо из реки, озера, припав ртом к воде
на́полы — наполовину
нарочй — специально, намеренно
ну́нько — теперь

Обáполом — не прямо, кругом

обéльная гра́мота — документ, дающий освобождение от податей и повинностей

обéльщина — освобождение от податей и повинностей

оберу́ч — двумя руками

обофо́р — омофор, часть священного облачения в виде широкой ленты, возлагаемой на плечи

обто́к — окружение

окла́д — нижние венцы бревенчатого дома

оногда́сь — тогда

опéшить — подрубить лед

опру́жить — перевернуть, опрокинуть

опятна́ть — определить

брда — болото, поросшее мхом

осило́к — силач, богатырь

отвори́ть на пята́ — широко, настежь

отли́ка — отличие в службе

бтро́ки — младшая дружина князя

оттома́ны — воины Оттоманской (турецкой) империи

отчикле́чить — оторвать

Паволо́бка — дорогая шелковая ткань

па́дара — непогода

пе́ред — передний угол, почетное место в избе

перща́тки — перчатки

печа́тная саже́нь — точная мера длины, с печатью (клеймом), удостоверяющей ее точность

печы́ще — небольшая деревня

пла́нцыр — верхний продольный брус на борту судна

пли́шка — трясогузка

плóха — просека в лесу

побáять — поговорить

побира́ха — нищий

побы́т — случай

пого́да — непогода

пб́жня — сенокосный луг

позобра́ться — прийти, собраться

поима́ть — взять

по́лая но́чь — полночь

полéйца — богатырь, богатырша

пбло́к — полк

по́насе́рдкам — в отместку, нарочно

пошишева́ть — поразбойничать

пра́виться — направляться, совершать путь

призды́нуть — приподнять

прослу́га — оплошность, нерадивость в службе

простóй — пустой, свободный
 простя́к — простое вино
 пуга́ — кнут
 пыха́ть — излучать жар, тепло
 пяте́рить — казнить, отрубая конечности и голову

Расши́ва — большое судно, обычно плоскодонное
 ре́дьчина — редька
 реши́ть — кончить, убить
 ро́стани — место скрещения дорог
 ры́ть — бросать
 рю́сь — рыболовецкая снасть
 ряда́нт — редут, военное укрепление

Санча́кбей — военачальник
 свейский — шведский
 свѣтка — верхняя долгополая одежда
 сеноста́в — время сенокоса
 скале́пки — отрубки, щепки
 скоп — общее собрание
 сле́га — длинное бревно
 согла́снички — единомышленники, сотоварищи
 со́бра — лес на болоте
 со́йма — небольшое речное и озерное судно
 сок — древесная смола
 спи́ца — деревянный гвоздь в стене для вешания
 спора́ндать — управиться, устроить
 сре́тний — встречный
 ста́рцы — нищие, странники
 сте́гно — бедро
 стень — тень
 сто́лшни — встречные волны
 строк — работа по найму на определенный срок
 стрóшной — работник, нанятый на определенный срок
 су́водь — омут, быстрина в реке
 суслóн — несколько снопов хлеба, сложенные в кучу

Тавли́нка — табакерка
 те́рем — остроконечная башня над частью дворца
 трухе́нцы — туркмены

У́жна — ужин
 ука́лить — сослать, засудить за что-либо

ура́зина корзовáтая—суковатая дубина
у́робить—испугаться
у́стю жи—устье реки

Фатéровать—состоять на квартире

Хару́нка—знамя, хоругвь
хвиль—метель, непогода

Чажелкó—верхняя рабочая одежда, зипун
чебода́н—чемодан
человековáтая—взрослая
чёрень—щепки
чили́сник—лицевая сторона печи над устьем (топкой)
чихвйрь—пустословие, самонадеянность
чуть—слышно

Шабарчйть—шуршать
шáньга—ватрушка
шатёр—шея церковного купола
шинáма играть—беседный танец или игра под песни
шурйч—сын шурина

Щебётко, щебётно—нарядно, щеголегато
щёлъя—скала, крутой берег
щерь—тайга

Этта—здесь

Ям—почтовая станция, селенше, где меняли почтовых лошадей

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Неразрывность литературы и искусства Древней Руси, связь их с господствовавшим христианским мировоззрением побудили в свое время Ф. И. Булаева высказать дорожную для него мысль: «чем ближе к средневековью, тем сплошнее друг в друга входят элементы литературные и художественные, и как писец, а иногда и автор был вместе и иллюстратором своей рукописи, так и историк литературы очень часто в миниатюрах, которыми украшена рукопись, дочитывает до конца мысль Писания, не вполне выраженную в строках...» Единство словесно-поэтического воплощения, таким образом, рассматривается здесь известным ученым-филологом и искусствоведом в ряду основных принципов и традиций русской художественной культуры.

Интерес к древней книжной иллюстрации вполне оправдан. С одной стороны, он вызван желанием более детального изучения приемов изобразительного искусства, с другой—попыткой оценить восприятие читателем литературного произведения, понять движение литературы к реальному воспроизведению действительности.

Одной из первых иллюстрированных книг на Руси стала славянская (Хлудовская) Псалтирь. К древнейшим же лицевым сборникам относятся житийные и историографические рукописи, среди которых почетное место занимает известная Радзивилловская летопись—лицевой список некогда принадлежавшей князю Радзивиллу книги. Появление в составе древних источников изображений святых, князей, государей, античных философов, ветхозаветных и новозаветных персонажей воспринималось читателем как своего рода дополнение к тем словесным портретам, которые были даны в тексте. В более позднее время строгость и лаконизм образных изображений в историографических сюжетах уступили место более свободной трактовке сцен, изображению многочисленных «реалий», иконография подлинника иконописного сменилась лубочными зарисовками. Сюжеты канонические смешались с сюжетами апокрифическими.

Исторические предания, легенды и сказания Древней Руси, помещенные в сборнике, сопровождаются миниатюрами русских летописей. Включение в иллюстративный ряд подобных изображений дает читателю возможность реально представить себе, как воспринимались попавшие в летопись предания и легенды средневековыми иллюстраторами. Здесь проявились не только типологические соответствия словесного и изобразительного творчества, но и вполне конкретные сюжетные совпадения: изображая, например, корабли князя Олега, передвигающиеся по суше под парусами, или подвиг русского юноши, позволивший освободить Киев от осады, или щедрые угощения киевлян князем Владимиром Святославичем,—живописец имел в виду именно те предания об этих фактах, какие напечатаны в нашем сборнике. Соответствие между текстом

и изображением почти столь же однозначно и в некоторых легендах о святых— например, в легенде о Петре и Февронии. Такие легенды нередко составляли основу церковных житий, а рукописные списки житий святых иллюстрировались миниатюрами. Снабжались живописными изображениями и другие книжные тексты легендарного происхождения. Поэтому среди древнерусских миниатюр нашлись любопытные отображения сюжетов, не только циркулировавших в изустной передаче, но и закрепленных в рукописной традиции.

Издательство благодарит сотрудников рукописных отделов Библиотеки Академии наук СССР и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а также Государственного Исторического музея за возможность репродуцирования редких книжных миниатюр и народного лубка, помещенных в сборнике.

Фотосъемка произведена художником-фотографом Владимиром Тимофеевичем Мониным.

* * *

Приятые сокращения:

БАН— Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

ГБЛ—Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ГИМ—Государственный Исторический музей, Москва

* * *

1. Шестоднев. Мстера. А. И. Цепков. 1903 г. Дерево, левкас, темпера. ГИМ.
2. А. Н. Афанасьев (1826—1871)—русский историк, литературовед, фольклорист. Фото 50-х гг. XIX в.

3. «Народные русские легенды» А. Н. Афанасьева. Титульный лист второго издания. Казань, 1914.

4. И. И. Железнов (1824—1863)—русский писатель, собиратель казачьего фольклора. Фото начала 1860-х гг. (?)

5. П. И. Якушкин (1822—1872)—русский писатель, собиратель фольклора, этнограф. Фото начала 1860-х гг.

6. Н. Е. Ончуков (1872—1942)—собиратель и исследователь русского фольклора. Фото 1913 г.

7. Э. В. Померанцева (1899—1980)—собирательница и исследовательница русского фольклора. Фото 1970-х гг.

8. Дань мечами. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«И рекоша козаре: плати нам дань. Здумши же поляне и вдаша от дыма меч».

9. Призвание Рюрика. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету; да поидете княжити и владет нами. И избрашеса трие братия съ роды своими».

10. Поход Олега на Царьград: корабли Олега на колесах под парусами. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«И повеле Ольг воем своим колеса изделати и востзвляти на колеса корабля. И бывшу покосну ветру въспя парусы с поля и идше к граду».

11. Мечь Ольги. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«И нача ся мыти и закроша о них двери, и повеле зажечь я от дверей, и ту изгореша вси».

12. Оборона Искоростеня: древляне приносят птиц. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«Ольга же рече им: се уже ся есте покорили мне и моему дитяти, а идете в град, а я завтра отступлю от града и пойду во свой град. Древляне же ради бывше, внидоша в град и поведаша людем, и обрадовашася людие во граде. Ольга же раздала всем по голуби комуждо, а другим по воробье...»

13. Крещение Ольги. Смерть Олега. Миниатюра Хронографа русской редакции. XVII в. ГБЛ.

«Усекну змий в ногу Олега князя, вышед ис конского лба».

14. Оборона Киева. Подвиг отрока при обороне Киева. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

15. Святослав принимает дары оружием. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«Созва царь бояры. Реша послании, яко приидохом к нему и вдахом дары, и не возре на ня, и повеле сохранить. И рече един искусим: еще посли ему оружие. Они же послушаша его и посла меч и ино оружие.

И принесоша ему. Он же, приим, нача хвалити и любити, и целовати царя».

16. Подвиг юноши-кожемяки. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

17. Милостыня Владимира: развозят пищу убогим и немощным. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

18. Равноапостольный князь Владимир. Миниатюра Пискаревского летописца. XVI в. ГБЛ.

19. Возведение Владимиром церкви Святого Преображения. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«И тогда обеща поставити церковь в Васильеве Святаго Преображения, бо бо в той день Преображение Господне, егда бысть сеча».

20. Оборона Белгорода: кисель из колодца. Миниатюра Радзивилловской летописи. Список XVIII в. БАН.

«И приведоша я къ кладязю, идеже цепь (?), и почерьпоша ведръмь, и лияша въ латкы».

21. Святая Троица. Раскрашенная гравюра. 30–40-е гг. XIX в. ГИМ.

22. Христос и апостолы. Миниатюра XVII в. ГБЛ.

23. Прение живота со смертию. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.

24. Искушение старца пустытника бесом. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.

«Ходящу преподобному Макарию по пустыни, срете старца, бременем тяжким обременена и вместо одеяния по всему телу его сосуди висях. Он же, яко разбойник, хотя устрашити святаго. Святыи же обращаься, рече ему: заклинаю нашим Иисус Христом, да скажиши ми, что есть сосуди...»

25. Сотворение мира. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.

«И рече Бог, да будут светила на тверди небесней освещати землю и разлучати между днем и ночью. И бысть вечер, и было утро. День четвертый».

26. Преподобный Сергий Радонежский благословляет инока Пересвета. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«Тогда убо преподобного игумена Сергия Радонежского изящный его послушник инок Пересвет нача глаголати великому князю и всем князем. Ничто жо сем смущаетесь, велии Бог наш и велия крепость его. Аз хошу Божиею помощию и Пречистыя его Матери и всех святых его, и преподобнаго игумена Сергия молитвами с ним свидетися...».

27. Посольство Захария Тютчева отправляется к Мамаю. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«Князь великий же Дмитрий Ивановичь, послушав отца своего Киприана, митрополита Всея Русии по совету его посла избраннаго на сицевая дела-именем Захарию Тютчева, дав ему два толмача, умеючи татарский язык, и злата и сребра много отпустить с ним к царю Мамаю».

28. Сбор войск в Москве. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«И снисдоша мнози от всех стран на Москву к великому князю...»

29. Поединок в начале Куликовской битвы. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«И тако, по повелению преподобного игумена Сергия, возложи на себя святую схиму и ангельский образ, и знаменася святым крестом, и окропися священою водою, и простися у духовнаго отца, таж у великаго князя и у всех князей, и у всего христианскаго воинства, и у брата своего Ослябя, и восплака князь великий и все князи, и все воинство великим плачем...»

30. Воины находят раненого князя Дмитрия Ивановича. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«Два же некая от простых воя, уклонишася на десную страну к дубраве, единому имя Федор Зернов, а другому имя Феодор Холопов, бяху же сии от простых суще. И наехаша великаго князя, бита вельми, едва точию дышуща под новосеченым древом, под ветми лежаше, аки мерт, и спадше с коней своих и поклонишася ему».

31. Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич объезжают поле боя после победы. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«И поиде з братом своим и с остаточными князи и воеводами, яко мало их суще оставася, и виде мертвых, лежаще, аки копны, и смесишася христиане с татары, кровь христианская слиася с татарскою кровию, и бе видети страшно и ужасно зело».

32. Погребение павших на Куликовом поле. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. БАН.

«Тогда князь великий и Дмитрий Иванович рече: изочтите, братие, колико осталось всех нас и изочтоша, и глаголя Михайло Александрович, московский боярин: господине княже, осталось всех нас 40, а было всех вьцше четырех сот тысячъ, и конныя, и пешия рати. Глаголя князь великий: воля Господня да будет, якоже угодно бысть Господеви, тако и бысть...»

33. Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. Миниатюра 1649-г. ГБЛ.

34. Основание Соловецкого монастыря Зосимой и Савватием. Миниатюры Лицевого жития преподобных. XVI в. ГБЛ.
35. Преподобные Петр и Феврония Муромские. Миниатюра Лицевого жития преподобных. Конец XIX в. ГБЛ.
36. Изображение молодого царя Иоанна IV Грозного на лицевой стороне монеты. Серебряная копейка. 1554—1555 гг. ГИМ.
37. Изображение старого царя Иоанна IV Грозного на лицевой стороне монеты. Серебряная копейка. 1580-е гг. ГИМ.
38. Царь и великий князь Иван Васильевич с сыновьями перед иконой Казанской Божией Матери. Миниатюра XVI в. ГБЛ.
39. Царь Иван Васильевич Грозный и преподобный Гурий Казанский. Миниатюра XVI в. ГБЛ.
40. Московский юродивый Иоанн по прозвищу «Большой Колпак». Миниатюра XVII в. ГБЛ.
41. Московский юродивый Василий Блаженный. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.
42. Святейший патриарх Никон. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.
43. Святой Евстафий. Гравюра пунктиром. Первая половина XIX в. ГИМ.
44. Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. Раскрашенная литография. 1883 г. ГИМ.
45. Никита Зотов обучает Петра I разным наукам. Миниатюра первой половины XVIII в. ГИМ.
46. Бой на Чертовом мосту 14 сентября 1799 г. Гравюра по оригиналу А. Коцебу. Ксилография. ГИМ.
47. Суворов отдыхает на соломе. 1800 г. Гравюра офортом. Из кн.: Ан т и г Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова Рымникского. Спб., 1800. Ч.3.
48. Граф М. И. Платов. Раскрашенная гравюра. Середина XIX в.
49. М. И. Кутузов перед портретом А. В. Суворова. Ксилография Л. Серякова 1877 г. С миниатюры работы неизвестного художника, выполненной в 1812 г.
50. Взятие Очакова. Раскрашенная гравюра. Начало XIX в. ГИМ.
51. Глумники на пиру. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.
- «А егда... кто начнет крохи метать на друг своих или что не подобно Богу глаголати на трапезе, или начнет брашно хулить—якоже дым отгонит пчелы, так злоя трапеза отгонит ангелы Божия».
52. Наказание грешников. Миниатюра XVIII в. ГБЛ.
- «...И рече сатана: охочь был часто в баню ходить мытись? Поймите его и поведите его в баню мою, да измыется».
53. А. Н. Бенуа. Эскиз занавеса к опере И. Ф. Стравинского «Петрушка». 1911 г. Частная коллекция семьи Бенуа.
54. Черт, держащий душу человека. Рисунок в рукописи XVI в. ГБЛ.
55. Изображение русалок на книжной миниатюре XVIII в. ГБЛ.
56. Притча о богаче и бедном Лазаре. Раскрашенная миниатюра. 1879 г. ГИМ.

57. Разговор пьющего с непьющим. Раскрашенная гравюра. 30–40-е гг. XIX в. ГИМ.

58. С. Т. Коненков. «Алексей Макарович» (домовой). Фрагмент стула. 1936. Дерево. Мемориальный музей-мастерская С. Т. Коненкова. Москва.

59. С. Т. Коненков. Козел (водяной). Фрагмент кресла. 1950 г. Дерево. Мемориальный музей-мастерская С. Т. Коненкова. Москва.

60. С. Т. Коненков. Лесовик (леший). 1909 г. Дерево. Мемориальный музей-мастерская С. Т. Коненкова. Москва.

61. С.Т. Коненков. Лесная кикимора. 1939 г. Дерево. Мемориальный музей-мастерская С. Т. Коненкова. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русская народная проза. С. Азбелев 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

КИЕВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ РУСЬ

1. Основание Киева	31	550
2. Дань мечами	32	551
3. Призвание Рюрика	32	»
4. Юрик-новосел	32	»
5. Поход Олега на Царьград	34	»
6. Смерть Олега	34	»
7. Поход Игоря на Царьград	35	»
8. Ольга	36	»
9. Смерть Игоря и месть Ольги	37	»
10. Взятие Искростеня	39	»
11. Ольга объезжает земли	41	552
12. Поход Святослава на хозар	41	»
13. Оборона Киева	41	»
14. Поход Святослава на греков	43	»
15. Смерть Святослава	45	»
16. Женидьба Владимира на Рогнеде	45	»
17. Поход Владимира на радимичей	46	»
18. Поход Владимира на болгар	46	»
19. Подвиг юноши-кожемяки	46	553
20. Свержение Перуна в Новгороде	48	»
21. Милостыня и пиры Владимира	48	»
22. Владимир строит церковь по обещанию	49	»
23. Оборона Белгорода	49	»
24. Поединок Мстислава с Редедей	51	»

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СВЕРЖЕНИЕ ВРАЖЕСКОГО ИГА

25. Батей	52	554
26. Батева дорога	53	»
27. Чалая могила	53	»
28. Евпатий Коловрат	54	»
29. Откуда гречиха	55	»
30. Казак Ермачок	57	»
31. Про Мамай безбожного	58	»
32. Про Суханьшу Замантьева	65	555
33. Три Ивана	67	»
34. Места битв с татарами	69	»

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая—комментариев.

ИВАН ГРОЗНЫЙ, ЕРМАК, КУДЕЯР

35. Воцарение Ивана Грозного	71	556
36. Наказание Волги	72	»
37. Девичьи Горы	73	»
38. Ермак под Казанью	73	»
39. Ермак и ермаковцы	74	»
40. Станица Раздорская	75	»
41. О Ермаке	76	»
42. Ермак	77	»
43. Марфа посадница	79	»
44. Казнь колокола	80	»
45. Иван Грозный в Новгороде	81	»
46. Иван Грозный в Пскове и Печорах	82	»
47. Сороки-ведьмы	84	»
48. Расправа с боярами	85	»
49. Вор спас царя	85	»
50. Иван Грозный в Вологде	87	557
51. О Худояре	88	»
52. Клады Кудеяра и разбойников	88	»
53. Федька Рытик и Кудеяр	89	»
54. Кудеяр на Десе	89	»

БОРИС ГОДУНОВ И ЛЖЕДМИТРИЙ;
ПОЛЬСКИЕ И ШВЕДСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ;
ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ НА ПРЕСТОЛЕ И РАСКОЛ

55. Борис Годунов	91	557
56. Марфа Романова и заонежане	93	»
57. Царица Марфа Ивановна	94	558
58. Обельщина	95	»
59. Марфа Романова и Ключаревский род	96	»
60. Про панов	98	»
61. Панское озеро	99	»
62. Паны-утопленники	99	»
63. Гибель панов	100	»
64. Свадебный камень	100	»
65. Нападение панов на Кижы	101	»
66. Клад пана Койки	102	»
67. Шведский камень	103	»
68. Разорение Кокшеньги	103	»
69. Боярин Салтыков в Карелии	104	»
70. Царь Михаил Федорович и Алексей Михайлович	105	»
71. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович	106	»

СТЕПАН РАЗИН И РАЗИНЦЫ

72. Разин был из донских казаков	107	559
73. Урак и Стенька	108	»
74. О Степане Разине	109	»
75. Разин и воевода	109	»
76. Разин и султанская дочь	111	»
77. Разин наслал змея	112	»
78. Разин под Симбирском	113	»
79. Богородица защитила	113	560
80. Марина-безбожница и Стенька Разин	114	»
81. Разин — колдун	115	»
82. Стенька Разин и государь	116	»
83. Зимовье Стеньки Разина	119	»
84. Пошлина атаману	120	»
85. Шляпа на воде	121	»
86. Разин — еретик	121	»
87. Разин мучается	122	»
88. Клад Разина за колокол	124	»
89. Про Стеньку Разина и его сыновей	125	»
90. Харко	143	»

ПЕТР I ВОЮЕТ СО ШВЕДСКИМ КОРОЛЕМ

91. О войне Петра Великого со шведами	147	561
92. Совет пушечного мастера царю Петру	148	»
93. Пушки из колоколов	149	»
94. Про уральское железо	150	»
95. Конь Петра Великого	151	»
96. О встрече Петра Первого со шведами на Ладожском озере	153	»
97. Царь Петр и Суворов	155	»
98. Рыжечка	155	»

ПЕТР I — ПРАВИТЕЛЬ РОССИИ

99. Как Петр Великий ездил в Соловки на богомолье	168	562
100. Как Петр Великий задумал устроить Марининскую систему	170	»
101. Как Ладожский канал копали	171	»
102. Петр Первый в Повенце	172	»
103. Основание Петрозаводска	173	»
104. Петр Первый и Преображенская церковь в Кижях	174	»
105. Фаддей Блаженный дает совет Петру Первому	174	»
106. Петр Первый и Фаддей Блаженный в Петропавловской церкви	175	»
107. Основание Лодейного Поля	175	»

108. Петр Первый в Святозере	176	»
109. Царь Петр и сержант Иван	177	»
110. Олонецкий воевода	178	»
111. Сидоркин курган	180	»
112. Смерть Булавина	183	»
113. Петр Первый и раскольники	185	»
114. О царе Петре истинном и царе Петре лжном	186	»

ЦАРЬ — РАБОТНИК

115. О Демидове и демидовских заводах	206	563
116. Петр Первый и Демидов	207	»
117. О Петре Первом	208	»
118. Петр Великий и кузнец	209	»
119. Лисья Голова	210	»
120. От Соловков — к Нюхче	211	»
121. Осударева дорога	211	»
122. Устройство переправы под Пулозером.	212	»
123. Петр Первый и мастер Лайкач	213	»
124. Петр Первый в кузнице	214	»
125. Петр Первый на лесопильном заводе	214	»

ЦАРЬ ПЕТР В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ.

126. Петр Первый — крестный отец	215	563
127. Петр Первый и вытегоры	216	»
128. Старше всех	217	564
129. Петр Первый и неразумное дитя	217	»
130. Петр Первый — кум	218	»
131. Подарок Петра Первого	218	»
132. Дедновцы	220	»

ПОСЛЕПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА

133. Брюс	221	»
134. О Брюсе-арихметчике	222	»
135. Меншиков в ссылке	223	»
136. Сострадание Румянцева к неприятелям	224	»
137. Урок, данный Румянцевым некоторому офицеру	224	»
138. Замысловатая шутка графа Румянцева	225	»
139. Внук Никияты Демидова	225	»
140. Мать Катерина отпустила на волю	227	»
141. Богородица освободила	228	»

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ ПУГАЧЕВА

142. О Пугачеве	229	565
143. Пугачев на Яике	230	»
144. Женильба Пугачева	231	»
145. Добрая помещица и крестьяне	231	»
146. Пугачев в Авзяне	232	»
147. Пугачев на уральских заводах	233	566
148. Пугачев и Салават Юлаев	234	»
149. Пугачевцы в Туванах	234	»
150. Пугачевцы в селе Курмачкасы	236	»
151. Пугачев в Ядрине	237	»
152. Пугачев в Алатыре	239	»
153. Пугачевцы под Пензой и Саратовом	240	»
154. Пугач и Салтычиха	241	»
155. Горькая смерть	243	»
156. Пугачевское золото на дне озера Инышко	243	»

СУВОРОВ

157. Рождение Суворова	244	567
158. Суворов и солдаты	245	»
159. Суворов на войне с французами	247	»
160. Суворов слушал небесную обедню	249	»
161. Дедушка Суворов в Альпах	250	»
162. Дедушка Суворов у Чертова моста	250	»
163. Покушение на Суворова	250	»
164. Посещение Петрозаводска Суворовым	251	»
165. Суворов и мезенский солдат	252	»

КУТУЗОВ. НАПОЛЕОН. АНГЛИЧАНЕ

166. Награда храброму воину	254	»
167. Кутузов—истинный почитатель Суворова	255	»
168. Кутузов и солдаты	255	568
169. Орел в стане русских	256	»
170. Хладнокровие и неустршимость князя Кутузова при Бородинском сражении	256	»
171. О Наполеоне	257	»
172. Про англичан	261	»
173. Про утонувший колокол	261	»

НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

174. Про Василия Рощина	263	»
175. Ребятам помог, а сам погиб	264	»
176. Поминай добром	265	»
177. Свинец заговаривал	266	»

178. Отбивал караваны	266	568
179. Медная пуговка	267	568
180. Сорока и старички	267	569
181. Старушка и пристав	268	»
182. В самые первые времена	269	»
183. Лобовская шайка	269	»
184. Сходчивый мужик князь Воронцов	270	»
185. Из сиротства	271	»
186. У губернатора	271	»
187. Лиханов раздавал деньги	272	»
188. Как ловили Лиханова	272	»
189. Лиханов и старуха	273	»
190. Фома-воевода	274	»
191. Серебряков	275	»

СИЛАЧИ

192. Курганы-богатыри	277	»
193. Братья-богатыри	278	»
194. Про Никитушку Ломова	279	»
195. Бой казачки с богатырем	280	570
196. Про Рагну	281	»
197. Рах Рагнозерский	283	»
198. Силач Иван Дуров	286	»
199. Иван Донской	287	»
200. Меньшиковы	288	»

РАЗБОЙНИКИ

201. Машека	290	»
202. Злодей Зельнин	292	»
203. Ахмет	293	»
204. На постоялом дворе	295	»
205. Чудь и Литва в Валдисе	295	»
206. Разбойники с Хедострова	297	»
207. Разбойничья пещера	298	»
208. Наумко и разбойники	299	»
209. Разбойные деревни	300	»
210. Петр Великий и солдат	302	571

СУЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

211. Ворон указал клад	309	»
212. Рыбий клеск	310	»
213. Клад в гробике	311	»

214. Клад на внучку	312	571
215. Клад в бане	313	»
216. Собака обратилась в золото	314	»
217. Деньги в гробу	314	»
218. О кладе, зарытом шведами	315	»
219. Зарытые деньги	315	»
220. Клад руками мертвеца	316	»
221. Драгоценный батожок	316	»
222. Ночь на Ивана Купалу	317	»
223. Клад не дался	318	572
224. Клад давался	320.	»
225. Угли вместо золота	320.	»
226. Не сумел взять клад	321	»
227. Делили клад	322	»
228. Как братья клад искали	323	»

ПРОКЛЯТЫЕ

229. Проклятой	326	»
230. Проклятая	333	»
231. О некрещеной девице	334	»
232. Возвращенный сын	336	»
233. Проклятие	337	»
234. Мать простила проклятого сына	337	»
235. Убийца родителей	339	»

ПОБЫВАВШИЕ НА ТОМ СВЕТЕ

236. Обмиравшая	341	573
237. Как купцов сын у Господа в гостях был	352	»
238. Горькой пьяница	355	»
239. Сын выручил отца у сатаны	357	»
240. Как мужик с Николой путешествовали и что они видели	359	»
241. Разбойничья голова	362	»
242. Злая женщина и добрый дух	363	»
243. Муж побывал у чертей	364	»
244. Как царь Соломон из ада вышел	365	»
245. Как церковь ушла	365	»

ОБОРОТНИ И ЗАГОВОРЕННЫЕ

246. Оборотень	366	573
247. Медведь	370	»
248. В работниках у лесного	370	574
249. Заговоренный	371	»
250. Нечистая сила против божеской стоять не может	373	»
251. Чудесный случай	373	»

КОЛДУНЫ И ВЕДЬМЫ

252. Шилихин пожар	375	574
253. Шутовка	379	»
254. Еретик	383	»
255. Солдат и его жена ведьма	384	»
256. Жена колдунья	385	»
257. Колдун и священник	387	»
258. Свекровь-колдунья	387	»
259. Теща-колдунья	388	»
260. Колдунья и солдат	388	»
261. Колдун присушил мужа	389	»
262. Забытый на Новой Земле	390	»
263. Заколдованная женщина	390	»
264. Волшебная татарка	391	575
265. Ведьма прокляла реку	391	»

МЕРТВЕЦЫ

266. Воржец	392	»
267. Мертвый волшебник	393	»
268. Покойная кумушка	394	»
269. Логинич	395	»
270. Солдат и покойник-колдун	398	»
271. Солдат и еретник	402	»
272. Еретник и работник	403	»
273. Отец и сын	403	»
274. Жених-мертвец	404	»
275. Муж-мертвец	405	»
276. О шведах	406	»

ЛЕШИЕ

277. Леший	407	576
278. Леший увел	409	»
279. Леший водил	410	»
280. Леший водил парня	410	»
281. Лешевы родины	411	»
282. В няньках у лешего	411	»
283. Леший-кум	412	»
284. Леший в благодарность за услугу служит мужику	413	»
285. На лешем в Питер	415	»
286. Мужик перехитрил черта	416	»

ВОДЯНЫЕ И РУСАЛКИ

287. Водяной выдал дочь замуж	417	577
288. Водяной и его дочь	418	»
289. Дочь вернулась от водяного	419	»
290. Женидьба на русалке	421	»
291. Марина-русалка	422	»
292. Про Кицку жонку	427	»

ДОМАШНИЕ ДУХИ

293. Домовой	430	»
294. Потанька	431	»
295. Кикиморы	431	»
296. Кикимора	432	»
297. Банник	433	»

ЧЕРТИ

298. Сын, проданный сатане	434	578
299. Кумова кровать	438	»
300. О Пресвятой Богородице	439	»
301. Про девок и про черта	440	»
302. Черт	441	»
303. Кушак	442	»
304. Суженый	442	»
305. Бочка с золотом	443	»
306. Чертовы коровы	444	»
307. Черт в обличье солдата	445	»
308. Кузнец и черт	446	»
309. Черт соблазнил пустытника	448	»
310. Пустытник и дьявол	450	»

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И БАСНИ

СОТВОРЕНИЕ МИРА. БАСНИ О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ

311. Творение мира	453	579
312. О миротворении	454	»
313. О происхождении дьявола и болот	455	»
314. О пчелах	456	»
315. Шершневая оса	457	»
316. О хлебном колосе	457	»
317. Хлеб собак и кошек	458	»
318. О происхождении аиста	459	»
319. Откуда медведи пошли	459	»
320. Про раков	460	»

321. Вражда волка, собаки, кошки и мыши	461	579
322. Отчего медведь стал человека бояться	462	»
323. Как лошадь простила обиду	462	»
324. Казак и черепаха	463	»
325. Волк	465	»

О РЕКАХ, ГОРАХ И ОЗЕРАХ

326. Волга и Кама	467	580
327. Вазуза и Волга	468	»
328. О Доне Ивановиче и Шате Ивановиче	468	»
329. Пряничная гора	469	»
330. О реке Ужице	469	»
331. Насыпи шведов	470	»
332. Дева-правительница чуди	470	»
333. О дивьих людях	470	»
334. Об озере Пьявич	471	»
335. Ольховское озеро	471	»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

336. О Добрынином острове	473	»
337. Жители села Койдокурья	474	»
338. Почему наши села так называются	474	»
339. О Пронске	476	»
340. Основание Соловецкого монастыря	476	»
341. История деревни Конда	477	»
342. Как писец Панин давал имена заонежским деревням	478	»
343. Церковь на острове	482	»
344. Построение Горно-Шелтозерской Ильинской церкви	483	581
345. История основателей деревни Девятины	484	»
346. Видение	485	»
347. Церковь деревни Городок	487	»
348. Колокол церкви Городца	488	»

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ПРАВЕДНИКИ И СВЯТЫЕ

349. Царевич Евстафий	491	»
350. Праведный судья	492	»
351. Никола-угодник и купеческой сын	493	»
352. Николай Чудотворец	496	»
353. Илья-пророк и Никола	498	»
354. Исцеление	500	»
355. Священник и дьявол	503	582
356. Егорий Храбрый	504	»

357. Монах и нечистый	506	»
358. О Петре и Февронии Муромских	506	»
359. О святой Февронии	508	»
360. Вавило-скоморох	509	»
361. Видение	511	»
362. Предсказатели	512	»

ГРЕХ И ИСКУПЛЕНИЕ. БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ

363. Грех и покаяние	513	»
364. Глухонемая ..	515	»
365. Пустынник	518	»
366. Илья-пророк и стрелец ..	519	»
367. Про охотника	520	»
368. Святой Николай и мужик	520	»
369. В богатстве правды нет	522	»
370. Про купца, который нищих не принимал ..	522	583
371. Христов братец	523	»
372. О двенадцати братьях	525	»
373. Сила молитвы ..	525	»

О БОЖЬЕМ СУДЕ

374. Ангел ..	526	»
375. Судьба доброй девицы	527	»
376. Бедная вдова ..	528	»
377. Христос и апостолы	530	»
378. Отчего осина дрожит	531	»
379. Обиженный солдат и добрый дух	532	»
380. Чудо на мельнице	533	»
381. Чудесная молотьба	534	»
382. Пиво и хлеб	536	»
383. Гордый богач	539	»
384. Смерть праведного и грешного	543	»
Комментарии	544	»
Словарь	584	»
Пояснения к иллюстрациям	590	»

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Т о м 12

Составитель
Сергей Николаевич Азбелев

**НАРОДНАЯ
ПРОЗА**

Редактор
Е. Г. КОЖЕДУБ

Художественный редактор
Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ

Технический редактор
В. А. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Корректоры
Т. А. ЛЕБЕДЕВА
Л. В. ДОРОФЕЕВА
Л. М. ЛОГУНОВА

ИБ № 5754

Сдано в наб. 10.04.91. Подп. в печ. 26.02.92. Формат 60х90/16. Бум. типогр. № 1. На вкл. офс. Гарнитура баскервиль. Печать высокая. (вкл.-офсет). Усл. печ. л. 41,0 (в т. ч. вкл. 3,0). Усл. кр.-отт. 50,5. Уч.-изд. л. 35,53 (в т. ч. вкл. 2,6). Тираж 200 000 экз. Заказ № 6475. С 29. Изд. инд. ЛХ 282.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия»
Министерства печати и информации Российской Федерации.

103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Сузевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

